



Труды Эстляндскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, томъ IX.

Кн. I.

1893 годъ.

Временникъ Эстляндской губерніи.

подъ редакціею

Ал. Харузина,

Секретаря Комитета.

Ревель, 1894 г.

Типографія наследниковъ Линдфорса.

Дозволено цензурою — Ревель, 27-го Января 1894 г.

О г л а в л е н і е.

	Страницы.
Ал. Харузинъ. — Бѣглый взглядъ на дѣятельность Эстляндскаго Губернскаго Статистическаго Комитета за 30 лѣтъ его существованія (съ 1863 по 1893 г.). (Вмѣсто введенія)	I—XII.
Къ вопросу о народномъ продовольствіи въ Эстляндской губерніи (въ трехъ главахъ)	1—54
А. Рачинскій. — I. Историческій очеркъ законодательства по народному продовольствію въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и сравненіе его съ продовольственнымъ Уставомъ 1887 года	1—14
Содержаніе. — Устройство магазиновъ (6). Состояніе и пополненіе хлѣбныхъ магазиновъ (7). Выдача ссудъ (8). Возвратъ ссудъ (10). Устройство хлѣбозапасныхъ магазиновъ (11). Продовольственные капиталы (13).	
А. Армсень. — II. Эстляндская Коммисія Народнаго Продовольствія, ея дѣятельность и бывшіе въ Эстляндской губерніи неурожаи	15—22
Ал. Харузинъ. — III. Фактическое положеніе вопроса о народномъ продовольствіи въ Эстляндской губ. Содержаніе. Населеніе губерніи и продовольственныя ея средства (23). Левенскій участокъ (25). Везенбергскій участокъ (27). Рапельскій участокъ (28). Вейсенштейнскій участокъ (29). Ревельскій участокъ (30). Галсальскій участокъ (31). Леальскій участокъ (32). Дагенскій участокъ (32). Таблица распредѣленія продовольственныхъ средствъ въ Эст. губ. по расчету на дѣйствительно къ волости приписанную (обоюго пола по даннымъ 1892 г.) душу (35). Таблица распредѣленія продовольственныхъ средствъ въ Эст. губ. по расчету	23—54

на мужскую душу ревизіи 1857 года (45).
Вѣдомость о продовольственномъ капиталѣ и
продовольственныхъ запасахъ въ Эст. губ. за
періодъ отъ 1860—61 по 1-ое Января 1893
года (54).

Ю. Труманъ. — Русскіе элементы въ Эстляндіи въ
XIII—XV вѣкѣ. (Къ X Археологическому Съѣзду
въ г. Ригѣ) 55—85

Нин. Харузинъ. — Обзоръ доисторической археологій
въ Эстляндской, а также Лифляндской и Кур-
ляндской губерніяхъ по трудамъ мѣстныхъ из-
слѣдователей (къ X Археологическому Съѣзду
въ г. Ригѣ) 86—236

Содержаніе. — Общія замѣчанія (86).

I. — Монеты, находимыя въ Прибалтій-
скихъ губ.: 1) древне-греческія, 2) русскія,
3) арабскія, византійскія, англосаксонскія,
нѣмецкія, русскія и пр. Торговые пути, шед-
шіе черезъ балтійскій край (90).

II. — 1) Каменный вѣкъ: стоянки камен-
наго вѣка (99), могилы (104), случайныя на-
ходки (105). Взгляды Гревинга, Ворзаэ и
Аспелина на мѣстныя древности каменнаго
вѣка (107). 2) Бронзовый вѣкъ (117). 3)
Городища (119). 4) Свайныя постройки
(131). 5) Пещеры (133). 6) Жертвенныя
мѣста: каменные кучи и круги изъ кам-
ней (135).

III. — Устройство могилъ. Класси-
фикація Крузе и Гревинга (142). Теорія „кора-
бельныхъ“ могилъ (147). Общественныя мо-
гильники съ трупосожженіемъ безъ погребаль-
ныхъ урнъ (152). Общественныя могилы съ
погребальными урнами (154). Велла-лайве (155).
Единичныя могилы съ трупосожженіемъ (156).
Единичныя могилы съ погребеніемъ (158).
Общественныя могилы съ погребеніемъ (160).

IV. — Могильный инвентарь. Составъ
бронзы (162). Вопросъ о существованіи въ
доисторическую эпоху мѣстнаго бронзоваго
производства въ краѣ (164). Дѣленіе „желѣз-

наго“ вѣка на древній и новый (167). Предметы, характерные для древняго желѣзнаго вѣка (171). Инвентарь могилъ новаго желѣзнаго вѣка: бусы (177), шейныя гривны и металлическіе пояса (178), браслеты ручные и ножныя (178), фибулы (179), булавки и привѣски (180), кольца, бронзовыя спирали и бляхи (181), височныя кольца (182), крестовидныя украшенія (182), оружіе (183), вѣсы (186). Происхожденіе предметовъ (186).

V. — Классификація могилъ по національностямъ. Отсутствіе краниометрическаго матеріала (189). Теорія Крузе, Бэра, Гревинга и гр. Сиверса (191). Мнѣніе Гревинга о пребываніи въ краѣ готовъ (196). Взгляды на этотъ вопросъ Монтелиуса, Ундсета, Ворзаэ и Аспелина (201). Основанія „готской“ теоріи (205). Мнѣніе о поселеніи въ краѣ норманновъ (209). Новѣйшіе взгляды на вопросъ о національности могильниковъ (212). Эстонскія могилы (214). Вопросъ о національностяхъ, оставившихъ могильники въ южной части балтійскаго края (ливы, латыши и др.) (217). Вопросъ о торговлѣ балтійскихъ славянъ съ мѣстнымъ краемъ и о ихъ поселеніяхъ въ немъ (233). Торговля съ русскими областями (223).

- Проф. П. Висковатовъ.** — Пюхтицкое древнее кладбище Эстляндской губерніи. (Къ X Археологическому Съѣзду въ г. Ригѣ) (съ двумя рисунками могилъ) 237—244
- Ал. Харузинъ.** — Замѣтка о черепкахъ Пюхтицкаго могильника. Дополненіе къ статьѣ Проф. П. Висковатова 245—260
- К. С. Ш—й.** — Секта прикокудовъ въ волости Анія Ревельскаго уѣзда 261—264
- А. Солодовниковъ.** — Личныя и имущественныя отношенія супруговъ у эстонцевъ 265—273
- Н. Астровъ.** — Отношеніе родителей и дѣтей у эстонцевъ. 274—286
- Ал. Харузинъ.** — Къ антропологиіи населенія Эстляндской губ. по цифровымъ даннымъ о новобран-

цахъ 1892 года, измѣреніямъ на Ревельской Антропометрической Станціи и цифрамъ О. Грубе. 287—346

Содержаніе. Общія замѣчанія (287).

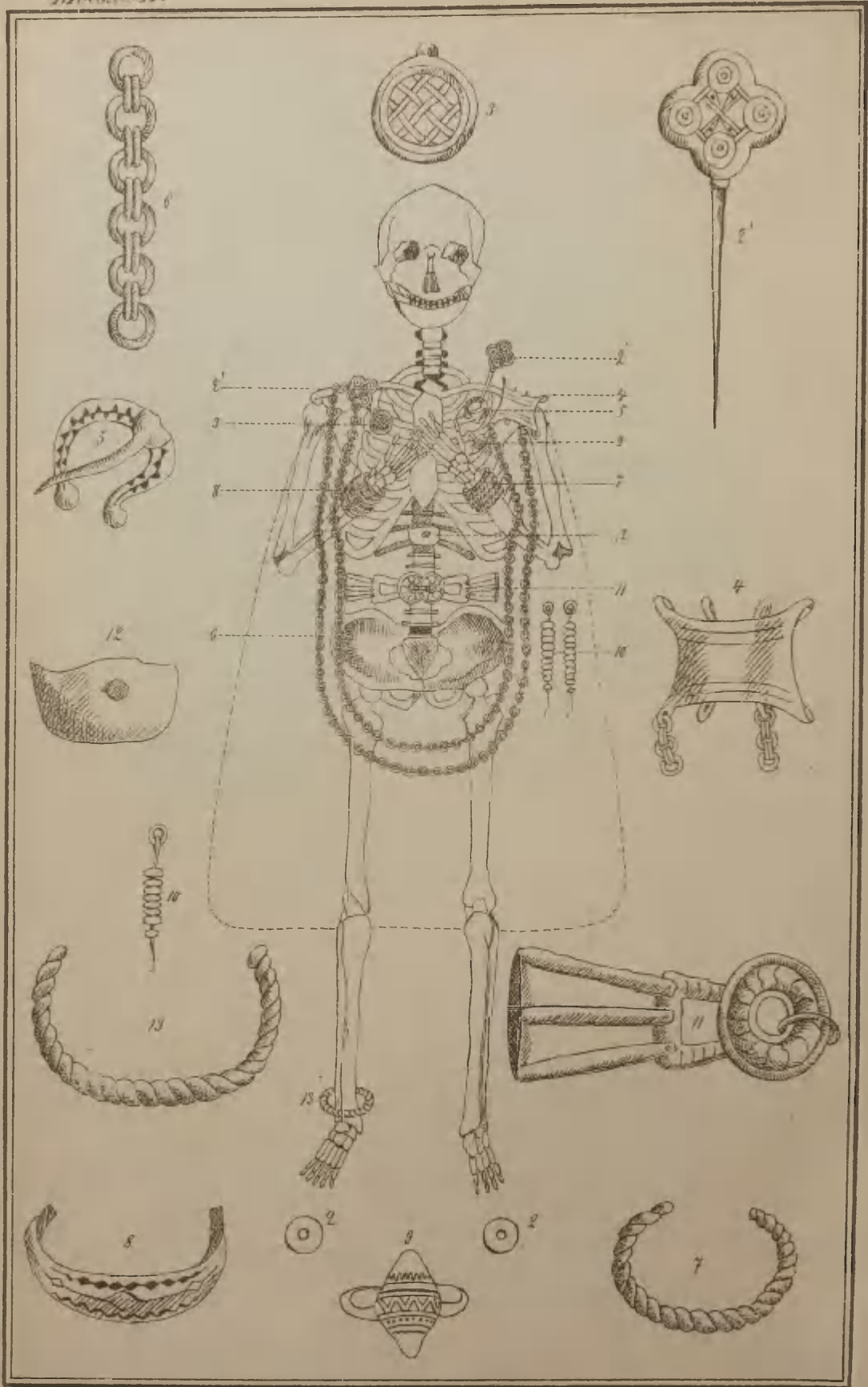
I. Ростъ. Эстонцы-новобранцы (289), новобранцы-островитяне (292), новобранцы-русскіе (293), новобранцы-нѣмцы (295), сравненіе новобранцевъ четырехъ группъ (298), эстонцы разныхъ возрастовъ (299), общій взглядъ на ростъ эстонцевъ (302), средний ростъ новобранцевъ Эстляндской губерніи (303).

II. Объемъ груди. Общія замѣчанія (307), эстонцы-новобранцы (309), эстонцы разныхъ возрастовъ (316), среднія цифры (322), новобранцы-островитяне (324), новобранцы-русскіе (325), новобранцы-нѣмцы (328), общій взглядъ на развитіе груди у населенія Эстляндской губерніи (330).

III. Длина ногъ. Общія замѣчанія (332), новобранцы-эстонцы (334), среднія цифры для эстонцевъ (339), новобранцы-островитяне (340), русскіе новобранцы (341), новобранцы-нѣмцы (342), общій взглядъ на длину ногъ у новобранцевъ (344).

Приложенія.

- 1) Ал. Харузинъ. — Къ статистикѣ волостныхъ должностныхъ лицъ Эстляндской губерніи за 1893 годъ 347—360
- 2) М. Муравьевъ. — Къ вопросу о развитіи общественнаго устройства города Ревеля. I. Владычество датчанъ и ордена (1219 - 1561) . . . 361—369
- 3) Ал. Харузинъ. -- Состояніе посѣвовъ, ходъ урожая и результаты урожая хлѣбовъ и картофеля по умолоту сравнительно съ высѣяннымъ зерномъ въ Эстляндской губерніи за 1893 годъ . . . 371—404
- 4) Списокъ изданій, поступившихъ въ Эстляндскій Губернскій Статистическій Комитетъ въ 1893 г. 405—411



II Вискобамоль. Пехмурское гробное кольцо в Томской губернии.
 №6 в направлении великому северному полюсу и в южную половину великого

Вмѣсто введенія.

Бѣглый взглядъ на дѣятельность Эстляндскаго Губернскаго Статистическаго Комитета за 30 лѣтъ его существованія (съ 1863 по 1893 г.).

За тридцать лѣтъ своего существованія Эстляндскій Губернскій Статистическій Комитетъ имѣлъ всего 35 засѣданій, при чемъ послѣднiе три года Комитетъ, дѣятельность котораго значительно ослабла, не собирался совсѣмъ. Дѣятельность Комитета открылась съ перваго его засѣданія, состоявшагося 10 мая 1863 года*); въ этомъ собраніи была выработана программа работъ по статистикѣ вообще, были намѣчены тѣ задачи, преслѣдованіе которыхъ лежало-бы на обязанностяхъ Комитета и, наконецъ, былъ поднятъ вопросъ объ осуществленіи народной переписи въ Эстляндской губерніи.

Тридцатилѣтняя жизнь Эстляндскаго Комитета прошла подъ руководствомъ пяти губернаторовъ-предсѣдателей: фонъ-Ульриха (1863—1868 г.), Галкина-Враскаго (1868—1870 г.), князя Шаховскаго-Глѣбова-Стрѣшнева (1870—1876 г.), Поливанова (1876—1885 г.) и нынѣшняго губернатора князя С. В. Шаховскаго и при содѣйствіи трехъ секретарей. Дѣятельность первыхъ двухъ секретарей была весьма кратковременна, а именно: первый графъ Мантейфель (стар. секретарь дворян-

*) Послѣдующіе засѣданія были: 26 іюня 1863 г., 15 января 1864 г., 30 января и 7 сентября 1865 г., 4 февраля и 4 ноября 1866 г., 10 февраля и 9 сентября 1867 г., 15 января и 10 сентября 1868 г., 6 марта 1869 г., 5 марта 10 сентября 1870 г., 9 марта и 10 сентября 1871 г., 10 марта и 11 сентября 1872 г., 12 марта 1873 г., 16 марта 1874 г., 10 марта 1875 г., 12 марта 1875 г., 12 марта 1876 г., 10 марта и 28 іюня 1877 г., 15 марта 1878 г., 2 марта 1879 г., 11 марта 1880 г., 13 марта 1881 г., 12 марта 1882 г., 10 марта 1883 г., 10 марта 1884 г., 9 марта 1885 г., 2 мая 1886 г., 11 марта 1887 г. и 25 іюня 1890 г.

ства) скончался уже въ 1864 году, а второй, баронъ Майдель, оставался въ своей должности только до 1865 г., въ какомъ году на должность секретаря былъ назначенъ и утвержденъ губернаторомъ старшій учитель Ревельской, бывшей Губернской, нынѣ Николаевской гимназiи П. Юрданъ*), который оставался въ этой должности до 1 июля 1893 года. Такимъ образомъ, почти вся жизнь Статистическаго Комитета протекла непосредственно подъ его постояннымъ содѣйствiемъ.

Почетными членами Эстляндскаго Статистическаго Комитета числились слѣдующiя лица: съ 1863 года — графъ Лютке, вице-президентъ Им. Русск. Геогр. Общ., фонъ-Бэръ, членъ Им. Академiи Наукъ, графъ Кейзерлингъ, попечитель бывшаго Дерптскаго, нынѣ Рижскаго учебнаго округа; съ 1864 года — баронъ Врангель (Руйль), членъ Государственнаго Совѣта; съ 1872 года — фонъ-Ульрихъ, бывший Эстляндскiй губернаторъ и баронъ Паленъ; кромѣ того нынѣ состоятъ почетными членами: камергеръ баронъ Паленъ, ландратъ баронъ Врангель (Руйль) и баронъ Майдель (Пастферъ), бывший Эстляндскiй предводитель дворянства. Въ звании действительныхъ членовъ Комитета состояли слѣдующiя лица: съ 1863 г. — баронъ Будбергъ (Штрандгофъ), баронъ Унгернъ-Штерибергъ (Анiя), фонъ-Барановъ (Пеннингби), баронъ Иксюль-Гильденбундъ (Мецикусъ), фонъ-Гарне (Кауленъ), фонъ-Руктенель (Колло), баронъ Унгернъ-Штерибергъ (Венденъ), фонъ-Людеръ (Палиферъ), профессора Юрьевскаго университета фонъ-Бульмерингъ и фонъ-Грассъ, баронъ Врангель (командиръ Ревельскаго порта), баронъ Зальца (1-й комендантъ Ревели), ландратъ фонъ-Фокъ, ландратъ баронъ Унгернъ-Штерибергъ (Нойстферъ), ландратъ Самсонъ-фонъ-Гиммельстьернъ, ландратъ баронъ Толь, ландратъ баронъ Штакельбергъ (Эстляндскiй губернскаго прокуроръ), Аерманъ (начальникъ Ревельской почты), пасторъ Гиргенсонъ, баронъ Иксюль (предсѣдатель Эстляндскаго сельско-хозяйственнаго общества), баронъ Гейбншъ (бывшiй секретарь Курляндскаго

*) Избранъ действительнымъ членомъ Комитета въ засѣданiи отъ 26 iюня 1863 года.

Статистическаго Комитета), баронъ Унгернъ - Штернбергъ (Гаркъ), фонъ-Пець (бывшій секретарь нынѣ упраздненной Эстляндской комисіи по крестьянскимъ дѣламъ), Dr. med. Вейсъ; съ 1864 г.: Шмидтъ (губернскій ревизоръ) и Крѣсманъ (директоръ нынѣ закрытаго вышгородскаго дворянскаго училища въ Ревелѣ); съ 1865 года: контръ-адмиралъ Крузенштернъ, баронъ Штакельбергъ (и. д. губернскаго прокурора), бургомистръ Бетге и фонъ-Риземанъ; съ 1866 года: Dr. Шнелъ (въ Вейсенштейнѣ); съ 1867 года: уѣздный депутатъ дворянства фонъ-Розенталь (Геркюль), баронъ Деллингсгаузенъ (Хульляль), баронъ Иксюль (Геймаръ), и съ 1882 года: Беккеръ (начальникъ Ревельской почты). Кромѣ того нынѣ дѣйствительными членами Комитета состоятъ: съ 1863 г. фонъ-Бэръ (Кихлеферъ), фонъ-Барановъ (Пеннингби), фонъ-Цуръ-Мюленъ (Вагастъ), фонъ-Цуръ-Мюленъ (Пирсаль), В. Н. Лавровъ, профессоръ Кильскаго университета фонъ-Ширренъ, ландратъ фонъ-Гринвальдъ (Койкъ), членъ Академіи Наукъ Шмидтъ, фонъ-Миддендорфъ, графъ Унгернъ-Штернбергъ (Гроссенгофъ), Dr. med. Дегіо, бывшій секретарь Комитета Йорданъ и бывшій директоръ Губернской, нынѣ Николаевской гимназій Бертинъ; съ 1866 г. бывшій учитель бывшей Губернской, нынѣ Николаевской гимназій Лайсъ; съ 1867 г. Dr. Е. Клуге, Клодъ и бывшій редакторъ газеты „Revalsche Zeitung“ Пецольдъ; съ 1871 г. бывшій учитель нынѣ закрытаго вышгородскаго училища Бинеманъ, бывшій учитель б. Губернской, нынѣ Николаевской гимназій городской архивариусъ фонъ-Ганзенъ и бывшій Ревельскій полиціимейстеръ фонъ-Вольфъ; съ 1876 г. Mag. Грейфенгагенъ; съ 1879 г. профессоръ Кенигсбергскаго университета Штида и съ 1882 г. баронъ Толь (секретарь дворянства).

Переходи за сямъ къ дѣятельности Статистическаго Комитета, познаться съ которой мы можемъ на основаніи протоколовъ его засѣданій и издаваемыхъ трудовъ, мы, естественно, остановимся на трудахъ неофициальныхъ и исполненныхъ Комитетомъ по его собственной инициативѣ. Выше уже было упомянуто, что въ первомъ засѣданіи Комитета,

въ день его открытія былъ возбужденъ чрезвычайно важный вопросъ о народной переписи. Поднятіе этого первѣйшей важности вопроса составляетъ крупную заслугу Эстляндскаго Комитета. Мы встрѣчаемъ уже въ началѣ 60-хъ годовъ вопросъ о необходимости переписи назрѣвшимъ до такой степени, что она всѣми членами Комитета считается положительно необходимой. Но между тѣмъ, какъ теоретически Комитетъ пришелъ къ глубокому убѣжденію о необходимости произвести перепись въ Эстляндіи, практическое осуществленіе ея, благодаря цѣлому ряду обстоятельствъ и условій, было отодвинуто на весьма продолжительное время. При попыткахъ осуществленія переписи на дѣлѣ у Комитета, на сколько можно судить по его протоколамъ, возникалъ, какъ и слѣдовало ожидать, цѣлый рядъ практическихъ вопросовъ и дѣло это отодвигалось изъ года въ годъ. Мы видимъ семь засѣданій, начиная съ перваго и до засѣданія отъ 4 ноября 1866 года включительно, т. е. слишкомъ три съ половиною года посвященными обсужденію вопроса о переписи безъ того, чтобы вопросъ этотъ значительно двинулся впередъ. Для Эстляндскаго Комитета, еще юнаго учрежденія, столь важный вопросъ, какъ перепись, какъ оно и вполнѣ понятно, былъ слишкомъ новъ и труденъ, чтобы Комитетъ могъ приступить къ нему безъ невольнаго трепета. Мы видимъ нѣкоторое колебаніе, даже нерѣшимость Комитета въ обсужденіи этого вопроса: такъ на примѣръ Комитетъ въ своемъ засѣданіи отъ 30 января 1865 г. постановляетъ выждать окончанія предположенной переписи въ Лифляндіи, дабы съ одной стороны, воспользоваться оказавшимися практическими результатами, съ другой же стороны, избѣгнуть обнаруживавшихся промаховъ; затѣмъ Комитетъ въ своемъ засѣданіи отъ 7 сентября 1865 г. постановляетъ произвести перепись въ одинъ день съ Лифляндскою, дабы результаты обѣихъ связать въ общіе выводы; наконецъ въ засѣданіи отъ 4 февраля 1866 г. постановлено произвести „пробную перепись“ и оказавшееся на практикѣ примѣнить къ переписи во всей губерніи. Пробную перепись Комитетъ рѣшилъ осуществить въ имѣніи Сагадъ, но уже

въ слѣдующемъ засѣданіи (отъ 4 ноября 1866 г.) имъ было признано, что выборъ этого имѣнія, лежащаго далеко отъ города, не является цѣлесообразнымъ. вмѣсто Сагады намѣчены были два имѣнія: дворянское Лактъ и городское Юганнисгофъ; одновременно съ этимъ была избрана особая коммисія для производства переписи въ названныхъ имѣніяхъ. Эта пробная перепись, состоявшаяся 6 декабря 1866 г., какъ вытекаетъ изъ доклада коммисіи въ засѣданіи Комитета отъ 10 февраля, удалась вполне, вслѣдствіе чего въ томъ же засѣданіи былъ поднятъ вопросъ объ общей для всей губерніи переписи.

Такимъ образомъ, какъ можно было полагать, всѣ подготовительныя работы по переписи были окончены, всѣ возникавшіе недоразумѣнія и вопросы выяснены, программа выработана и оставалось, повидимому, только приступить къ дѣлу. И дѣйствительно, Комитетъ въ слѣдующемъ своемъ засѣданіи (отъ 9 сентября 1867 года), признавъ всѣ предварительные вопросы о переписи исчерпанными, назначилъ уже день, въ который она должна была осуществиться; этотъ день былъ 21 марта 1868 года. Но уже въ ближайшемъ засѣданіи, почти наканунѣ назначеннаго дня, именно 15 января 1868 г. нѣкоторыми изъ членовъ было высказано сомнѣніе относительно возможности осуществленія переписи, въ виду обнаруживающагося въ губерніи голода. Это сомнѣніе, высказанное нѣкоторыми членами, было раздѣлено и остальными и вопросъ о переписи до поры отодвинутъ на неопредѣленное будущее.

Между тѣмъ вопросъ о переписи, поднятый первоначально Комитетомъ, возбудилъ очевидный и живой интересъ въ обществѣ. Этотъ интересъ выразился въ томъ, что въ нѣкоторыхъ городахъ губерніи произвелись переписи по инициативѣ частныхъ лицъ. Пальма первенства въ этомъ отношеніи принадлежитъ городу Балтійскому-Порту: первая полная перепись состоялась въ этомъ городѣ подъ руководствомъ и прямымъ наблюденіемъ нѣкоего Ренца. Вслѣдъ за Балтійскимъ Портомъ откликнулся г. Везенбергъ, въ которомъ состоялась

перепись по инициативѣ самихъ жителей города. Насколько не были удачными эти двѣ переписи, онѣ не могли двинуть впередъ вопроса объ осуществленіи общей по губерніи переписи и Комитетъ, приходя постепенно къ убѣжденію о невозможности во время голода производить перепись, призналъ необходимость ее отложить официально*). Но если практически вопросъ о переписи за 6 лѣтъ существованія Статистическаго Комитета не двинулся впередъ нисколько, то этого сказать нельзя про теоретическую разработку его, такъ напримѣръ въ засѣданіи отъ 10 сентября 1868 года секретарь П. Иорданъ представилъ вниманію Комитета карточный методъ переписей. Доложивъ въ общихъ чертахъ исторію развитія этого метода, въ 60-хъ годахъ еще новаго, исторію его возникновенія въ Италіи и распространенія въ другихъ странахъ, секретарь предложилъ Комитету принять систему карточекъ и въ своихъ статистическихъ работахъ вообще и въ частности при производствѣ переписи. Сознавая всѣ тѣ преимущества, которыя имѣетъ эта система передъ всѣми остальными, Комитетъ пришелъ къ убѣжденію, что наиболее цѣлесообразнымъ было бы прибѣгнуть къ этому методу при ближайшей переписи. Съ 1869 года вопросъ о переписи не подымался и не обсуждался Комитетомъ до 1871 года; въ этомъ году въ Комитетѣ снова появляется теченіе въ пользу переписи, снова сознается ее неотложная необходимость и въ засѣданіи отъ 10 сентября 1871 г. постановляется снова произвести пробную перепись. На этотъ разъ пробная перепись ставится гораздо шире, чѣмъ предыдущая; такъ постановляется произвести ее заразъ въ четырехъ приходахъ: Кузаль, Ст. Симонисъ, Ст. Петри и Пюхалеиѣ. Въ день, назначенный для осуществленія пробной переписи — 16 ноября — по рѣшенію Комитета должна быть произведена перепись и городовъ Ревеля, Галсали и Вейсенштейна. Эта послѣдняя при полномъ содѣйствіи горожанъ удалась вполне, между тѣмъ какъ перепись въ четырехъ упомянутыхъ приходахъ была лишь отчасти удачна: на практикѣ выяснилось, что сельское населеніе, вопреки

*) Въ засѣданіи отъ 6 марта 1869 года.

убѣжденію членовъ Комитета, оказалось на недостаточномъ уровнѣ развитія, вслѣдствіе чего мѣстами совершенно отказывалось подвергнуться переписи.

Эта отчасти неудавшаяся попытка какъ бы охладила тотъ интересъ къ переписи, который замѣчался въ Комитетѣ съ перваго дня его существованія. Вслѣдствіе сего вопросъ о переписи въ Комитетѣ совсѣмъ не подымался въ теченіи слишкомъ 5 лѣтъ, а именно до 1877 года. Въ засѣданіи отъ 28 іюня этого года было доложено Комитету циркулярное предложеніе министра Внутреннихъ Дѣлъ о составленіи списковъ населенныхъ мѣстъ, какъ матеріала къ подготовительной работѣ по всеобщей переписи. Хотя Комитету и удалось собрать нужныя свѣдѣнія къ „спискамъ населенныхъ мѣстъ“ но изданіе этихъ „списковъ“ не осуществилось. Вопросъ о переписи, такимъ образомъ видимо, снова замеръ вплоть до 1880 года, въ каковомъ году, въ засѣданіи отъ 11 марта, Комитетъ по надлежащемъ обсужденіи вопроса пришелъ къ убѣжденію о необходимости осуществить ее въ самомъ неотдаленномъ будущемъ, при этомъ Комитетъ склонился произвести перепись не позже 1881 года. По исполненіи надлежащихъ подготовительныхъ работъ, перепись въ Эстляндской губерніи дѣйствительно осуществилась, а именно 29 декабря 1881 года.

И такъ, послѣ почти 20ти-лѣтнихъ стараній и стремленій, перепись надлежало осуществиться въ сравнительно недавнее время. Народная перепись 1881 года составляетъ главную и весьма крупную заслугу Эстляндскаго статистическаго Комитета. Изъ вышеприведеннаго краткаго очерка исторіи развитія этого вопроса ясно, какъ много трудовъ было потрачено Комитетомъ на разработку вопроса о переписи, какъ много разнородныхъ препятствій встрѣчалъ онъ на пути своемъ въ данномъ случаѣ, какъ не легко было дойти до осуществленія завѣтной мечты. Теперь, когда главное препятствіе — отсутствіе основной переписи — было обойдено, всѣ дальнѣйшіе труды Комитета могли опираться на результаты ея, какъ на извѣстный базисъ, всѣ выводы на основаніи новыхъ стати-

стическихъ матеріаловъ получали опредѣленные формы, должное освѣщеніе.

На ряду съ вопросомъ о народной переписи, постоянную заботу Комитета составляло стремленіе урегулировать метеорологическія наблюденія, имѣющія помимо своего научнаго интереса, еще интересъ чисто практической для сельскаго хозяйства. Уже въ третьемъ засѣданіи Комитета (отъ 15 января 1864 г.) имъ было постановлено озаботиться устройствомъ метеорологическихъ станцій въ Эстляндской губерніи. Для начала было избрано два мѣста: городъ Гапсаль, какъ мѣсто приморское, и городъ Вейсенштейнъ, лежащій внутри губерніи и обладающій континентальнымъ климатомъ. Всѣ необходимые инструменты были своевременно выписаны изъ Юрьева, провѣрены, подлежащими лицами въ Ревелѣ и двѣ новыя метеорологическія станція могли въ скоромъ времени начать свои наблюденія.

Вслѣдъ за Гапсалемъ и Вейсенштейномъ были Комитетомъ устроены еще двѣ станціи: въ Балтійскомъ-Портѣ и городѣ Нарвѣ. Первая изъ нихъ однако скоро (уже въ 1866 г.) пріостановила свою дѣятельность, а станція города Вейсенштейна была переведена въ пасторатъ Иоганнисъ. Въ 1867 году Комитетъ, озабочиваясь учрежденіемъ сѣти метеорологическихъ станцій въ Эстляндской губерніи, предположилъ открыть новую станцію въ пасторатѣ Гаггерсъ; осуществилось это предположеніе однако не ранѣе 1869 года.

Мы указали на главные заботы и труды Эстляндскаго Статистическаго Комитета, проходящіе красною нитью черезъ всю дѣятельность этого учрежденія. Согласно этому направленію выразились и печатные труды Комитета. За время своего существованія Комитетъ издалъ всего восемь томовъ, изъ которыхъ семь принадлежатъ перу бывшаго секретаря П. Иордана и одинъ томъ Клуге, напечатавшему въ 1867 году первый томъ трудовъ Комитета, включающій „біостатистику г. Ревелѣ за 1834—62 годъ“. Но это, въ свое время не лишнее интереса сочиненіе, внослѣдствіи въ значительной степени утратило свое значеніе, благодаря изданіямъ

позднѣйшимъ. Изъ нихъ по времени на первомъ планѣ стоятъ два тома „къ статистикѣ Эстляндской губерніи“ (1867 и 1871 г.) и томъ „статистическихъ матеріаловъ“, затѣмъ слѣдуютъ три тома „результатовъ переписи въ Эстляндской губерніи“; первый изъ нихъ посвященъ переписи г. Ревеля въ 1871 году, слѣдующій — переписи населенія Эстляндской губерніи въ 1881 году (5 выпусковъ) и наконецъ въ послѣднемъ томѣ помѣщенъ текстъ къ предыдущему тому вмѣстѣ съ освященіемъ результатовъ переписи. Послѣдній томъ трудовъ Комитета, изданный сравнительно недавно (въ 1889 г.) на русскомъ языкѣ*) заключаетъ весьма интересныя свѣдѣнія по географіи и статистикѣ Эстляндской губерніи.

Кромѣ этихъ восьми томовъ, изданныхъ Комитетомъ самостоятельно, появлялись въ разное время статьи разнаго, но преимущественно статистическаго содержанія, которыя представляютъ также труды Комитета или, собственно говоря, его секретаря П. Иордана. Эти статьи, насколько намъ удалось ихъ встрѣтить въ печати, слѣдующія (всѣ, за исключеніемъ послѣдней статьи, напечатаны на нѣмецкомъ языкѣ):

- 1) Статистика преподаванія.
- 2) Ревизорская карта губернскаго ревизора Шмидта въ 2-хъверстномъ масштабѣ.
- 3) Къ статистикѣ Эстляндской губерніи.
- 4) О жилыхъ зданіяхъ въ губерніи за 1863 г.
- 5) Статистика преступленій за 1863—67 г.
- 6) Положеніе сельско-хозяйственнаго дѣла за 1867 годъ.
- 7) Статистика населенія въ голодный 1868 годъ.
- 8) Статистика населенія за 1868 годъ.
- 9) Результаты переписи г. Везенберга за 1869 г.
- 10) Нѣкоторые данныя переписи въ Ревелѣ 16 ноября 1871 г.
- 11) Объ укрѣпленіяхъ, крѣпостяхъ и языческихъ могилахъ 1874.

*) Первый томъ, изданный по русски; одновременно съ нимъ, впрочемъ, изданъ былъ секретаремъ П. Иорданомъ и нѣмецкій его переводъ.

- 12) Къ вопросу о рыболовствѣ и судостроеніи мѣстнаго населенія, 1874.
- 13) Результаты перенеси въ Везенбергъ и Балтійскомъ Портѣ 6 дек. 1874.
- 14) О наименованіяхъ мѣсть, горъ и рѣкъ для Европеуса 1867.
- 15) Къ сельско-хозяйственной статистикѣ за 1873 годъ.
- 16) Сравненія данныхъ о пространствѣ Эстляндіи 1876.
- 17) Списокъ имѣній въ Эстляндіи 1877.
- 18) Результаты перенеси лошадей 1876.
- 19) Статистика населенныхъ мѣсть Эстляндской губерніи (Balt. Wochenschrift 1879, № 1, 2 и 3).
- 20) О бракахъ въ Эстляндіи за 1854—1877 (Balt. Wochenschrift, 1880, № 18, 19 и 20).
- 21) Среднія справочныя цѣны съѣстныхъ припасовъ въ Ревель за 1872—80 г.
- 22) Справочныя цѣны на товары за 1872 до 1880 г. г.
- 23) Сельско-хозяйственная статистика за 1880 г.
- 24) О слѣпыхъ въ Эстляндіи за 1881.
- 25) О нѣкоторыхъ результатахъ перенеси въ Эстляндіи за 1881 г.
- 26) Нѣсколько словъ о результатахъ урожая въ Эстляндской губерніи за 1881—1885.

Всѣ эти статьи появлялись въ печати разно: нѣкоторыя помѣщались въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ напр. въ „Balt. Wochenschrift“, другія издавались отдѣльными оттисками на листахъ и, наконецъ, остальные и, это едва-ли не большинство, помѣщались въ Эстляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ.

Изъ этого ясно, что Эстляндскій Статистическій Комитетъ не имѣлъ своего періодическаго изданія, въ которое включались бы результаты трудовъ Комитета и это есть громадный недостатокъ, громадный пробѣлъ въ дѣятельности Комитета. Тѣ довольно многочисленныя и только что поименованныя статьи, — отдѣльные оттиски, которыхъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ не имѣются даже въ библиотекѣ

самого Комитета разсѣяны по періодическимъ изданіямъ, полный комплектъ которыхъ можно найти лишь съ большимъ трудомъ, — какъ для науки, такъ и для общества могутъ считаться почти совершенно потерянными. Такимъ образомъ, Эстляндскій Комитетъ въ теченіи своего 30-лѣтняго существованія не исполнилъ одной изъ существеннѣйшей своей задачи — служить на пользу распространенія статистическихъ свѣдѣній и, слѣдовательно, знанія края среди русскаго общества, которое естественно, при территоріальной обширности нашего отечества, совершенно лишено возможности для ознакомленія съ Эстляндской губерніею обращаться не прямо въ Статистическій Комитетъ, а разыскивать свѣдѣнія въ разныхъ журналахъ и газетахъ. Впрочемъ, осуществленію той же задачи далеко не способствовалъ и обычай, принятый Комитетомъ печатать свои изданія исключительно на нѣмецкомъ языкѣ. Вообще Эстляндскій Статистическій Комитетъ можно упрекнуть въ недостатокъ живаго интереса ко внутреннимъ губерніямъ Россіи. Даже переписи и напечатанные результаты ея не были Комитетомъ поставлены въ какую-либо связь со статистикою внутреннихъ губерній. Напротивъ того изданные Комитетомъ тома „результаты переписи въ Эстляндіи“ составляютъ лишь часть большаго изданія „результатовъ переписи въ Балтійскомъ краѣ“. Предпринятое повсемѣстно въ Имперіи изданіе „списковъ населенныхъ мѣстъ“, достаточнаго интереса въ Эстляндскомъ Статистическомъ Комитетѣ не возбудило и изданіе этихъ „списковъ“ не осуществилось. Такое стремленіе Эстляндскаго Комитета къ обособленію является тѣмъ болѣе необъяснимымъ, что именно въ 60-хъ годахъ, т. е. во время возникновенія Эстляндскаго Комитета, пробуждается во внутреннихъ губерніяхъ весьма замѣтный всеобщій научный интересъ, выработавшійся въ скоромъ времени, благодаря многочисленнымъ ученымъ обществамъ, въ весьма видную дѣятельность по всемъ отраслямъ науки.

Если Эстляндскій Комитетъ во время своего многолѣтняго существованія и сблизался нѣсколько разъ съ учеными обществами губерній внутренней Россіи, то такія сблизенія были временными и носили характеръ случайный, къ тому-же ин-

ціатива походила отъ русскихъ ученыхъ обществъ, а не отъ Эстляндскаго Статистическаго Комитета. Попытки къ сближенію съ Эстляндскимъ Комитетомъ дѣлались, впрочемъ, почти исключительно изъ Москвы и въ частности Императорскимъ обществомъ любителей естествознанія, антропологій и этнографіи. Такъ напр. это общество при устройствѣ этнографической выставки въ 1868 году обратилось въ Эстляндскій Комитетъ съ просьбою о доставленіи предметовъ быта мѣстнаго населенія, съ подобными же приглашеніями о поддержкѣ обратилось названное общество въ 1871 году по случаю устройства въ Москвѣ политехнической выставки (въ 1872 г.) и въ 1879 г. по случаю антропологической выставки въ Москвѣ-же.

Основать и поддержать весьма желательную и необходимую связь съ обществомъ внутреннихъ губерній, въ частности съ ихъ Статистическими Комитетами и научными обществами, могъ-бы обмѣнъ изданій, и именно изданій періодическихъ. Между тѣмъ Эстляндскій Статистическій Комитетъ не только таковыхъ никогда не имѣлъ, но даже тѣ изданія, которыя существовали, носили характеръ такъ сказать случайный. Вотъ почему въ засѣданіи Комитета отъ 2го мая 1886 г. (первое засѣданіе происходившее на русскомъ языкѣ) былъ поднятъ вопросъ объ изданіи „памятныхъ книжекъ“, могущихъ служить хранилищемъ постоянныхъ трудовъ Комитета. По обсужденіи за симъ того же вопроса въ слѣдующемъ засѣданіи отъ 11 марта 1887 г., Комитетъ остановился на мысли, придать своему періодическому изданію — „Временнику“ — болѣе широкую программу, чѣмъ предполагалось ранѣе. Не смотря на это рѣшеніи Комитета изданію „Временника“ не удалось однако осуществиться ранѣе сего 1893 года.

А. л. Харузинъ.

Къ вопросу о народномъ продовольствіи въ Эстляндской губерніи.

I. Историческій очеркъ законодательства по народному продовольствію въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и сравненіе его съ продовольственнымъ Уставомъ 1887 года.

Первымъ законодательнымъ актомъ по народному продовольствію въ Прибалтійскихъ губерніяхъ былъ Именной Указъ Императрицы Екатерины II, данный Рижскому и Ревельскому генералъ-губернатору 27 Іюня 1785 года, коимъ предписывалось устроить, по примѣру Петербургской и другихъ губерній, хлѣбо-запасныя магазины въ уѣздахъ Рижской и Ревельской губерній. Съ этою цѣлью отпущено было изъ казны 40,000 рублей (П. С. З. 1785 г. № 16,220).

Слѣдующимъ затѣмъ закопомъ по означенному вопросу былъ Высочайше утвержденный въ 1799 г. докладъ Сената, изданный въ царствованіе Императора Павла I и относившійся до всей Имперіи, безъ изъятія для Прибалтійскихъ губерній. Этимъ закономъ предписывалось гражданскимъ губернаторамъ, при содѣйствіи губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, озаботиться постройкой хлѣбозапасныхъ магазиновъ, точно вымѣренныхъ и прочныхъ, причемъ опредѣлено было, чтобы на каждыя 50 душъ крестьянъ полагалось не менѣе одного магазина. Въ этихъ магазинахъ долженъ былъ храниться хлѣбъ въ такомъ количествѣ, чтобы на каждую ревизскую душу приходилось не менѣе 3 четвертей озимаго и 3 четвертей яроваго хлѣба. Ближайшій надзоръ и самая постройка магазиновъ во владѣльческихъ имѣніяхъ возлагались на помѣщиковъ, высшій же контроль надъ выдачами хлѣба по мірскимъ приговорамъ былъ предоставленъ губернаторамъ.

Повидимому, этотъ законодательный актъ примѣнялся въ Прибалтійскихъ губерніяхъ не въ полномъ объемѣ, такъ какъ потребовалось въ 1806 г. изданіе спеціальнаго указа Рижскому военному губернатору (И. С. З. 1806 г. № 22,237), коимъ предписано было непосредственный надзоръ за хлѣбозапасными магазинами въ Курляндской губерніи, возложенный дотоѣ на Гауптманскіе суды, передать помѣщикамъ согласно требованію закона 1799 г.

Установленные по предписанію этого закона сельскіе хлѣбозапасные магазины въ Лифляндской губерніи были пополнены въ 1807 году, по распоряженію начальства, „резерватнымъ“ хлѣбомъ, собраннымъ помѣщиками на случай неурожая еще съ 1765 г., при чемъ помѣщики освобождались впредь отъ содержанія означеннаго резерватнаго хлѣба, а на крестьянскіе суды возложено „неослабное попеченіе о безнедоимочномъ сборѣ хлѣба“.

Въ 1808 г. изданъ указъ главнокомандующему III областію Земскаго войска сенатору Беклешову (И. С. З. 1808 г. № 22,932) о продовольствіи жителей Лифляндской губерніи, коимъ, съ одной стороны, предписывалось принимать мѣры противъ скупщиковъ хлѣба въ городѣ Ригѣ, искусственно повышавшихъ цѣны на него, а съ другой — предоставлялось главнокомандующему, ввиду небрежнаго отношенія помѣщиковъ къ возложеннымъ на нихъ обязанностямъ по народному продовольствію, печатывать винокуренные заводы и запрещать винокуреніе тѣмъ изъ нихъ, которые не заботятся о прокормленіи своихъ крестьянъ.

Тяготясь и тою незначительною долей заботъ о продовольствіи населенія, которую возлагали на нихъ законы, Лифляндскіе дворяне обратились съ ходатайствомъ къ правительству о сложеніи съ нихъ всякихъ обязанностей по этому предмету. Вслѣдствіе такого ходатайства уже въ 1809 г. (2 Октября) послѣдовала Именной Указъ Сенату (И. С. З. 1809 г. № 23889), удовлетворявшій въ нѣкоторой степени просьбу помѣщиковъ. Этимъ указомъ предписывалось крестьянскимъ судамъ имѣть непосредственное наблюденіе за постройкой новыхъ магазиновъ и исправнымъ содержаніемъ уже существующихъ, за правильной и своевременной ссыпкой хлѣба и за надлежащимъ его употребленіемъ на нужды крестьянскаго населенія. На помѣщиковъ же возложено лишь высшій надзоръ: крестьянскіе суды обязаны имъ доставлять о состояніи хлѣбныхъ запасовъ отчеты, въ правильности коихъ помѣщики убѣждаются личнымъ осмотромъ магазиновъ.

Таковы въ краткихъ чертахъ были законодательные акты, регулировавшіе дѣло народнаго продовольствія въ Прибалтійскихъ

губерніяхъ вплоть до изданія Положенія о крестьянахъ Эстляндской губерніи 1816 г., которое §§ 251—270 объединило и дополнило относящіяся до этого дѣла законодательства предыдущаго періода. Согласно указаннымъ параграфамъ непосредственный надзоръ п храненіе хлѣба возложенъ на сельскаго старосту и 2-хъ смотрителей, надъ этими должностными лицами поставлена волостная и земская полиція, высшій надзоръ порученъ Губернскому Правленію, губернатору же предоставлено разрѣшеніе на выдачу ссудъ изъ магазиновъ. Пополняться магазины должны были ежегодными взносами въ размѣрѣ полчетверика ржи и полугарица яровыхъ хлѣбовъ. При возвращеніи ссуды взыскивался и присыпъ въ 6 штофовъ съ бочки*).

На слѣдующій годъ послѣ изданія положенія о крестьянахъ Эстляндской губерніи, въ Курляндской губерніи также введено было новое положеніе о крестьянахъ (П. С. З. 1817 г. № 27024). Отличіе этого положенія отъ перваго въ отдѣлахъ касавшихся народнаго продовольствія заключалось въ томъ во первыхъ, что непосредственный надзоръ за хлѣбозапасными магазинами въ Курляндской губерніи былъ возложенъ на предсѣдателей волостныхъ судовъ и во вторыхъ, что высшей инстанціей по важнѣйшимъ вопросамъ былъ губернаторъ, Губернское же Правленіе не участвовало въ дѣлѣ надзора и управленія хлѣбо-запасными магазинами.

Отличительныя черты Лифляндскаго положенія о крестьянахъ 1819 г. заключаются въ слѣдующемъ: нормальное количество хлѣбнаго запаса опредѣлялось числомъ жителей — по 3 лофа ржи и по 2 лофа ячменя на человѣка, при чемъ въ данномъ случаѣ, повидимому, населеніе исчислялось не по ревизскимъ душамъ, а по наличнымъ. Непосредственный надзоръ за магазинами возложенъ на мірскіе суды и на 2 мірскихъ старостъ; вотчинная полиція обязана была контролировать дѣятельность волостныхъ должностныхъ лицъ, а высшей инстанціей являлись Приходскіе суды.

Въ 1834 г. было издано общенѣмецкое „Положеніе для пособія въ продовольствіи“ (П. С. З. 1834 г. № 7253), дополнившее указъ Сенату 14 Апрѣля 1822 г. (П. С. З. 1822 г. № 29000). Но оба эти закона не имѣли распространенія на Прибалтійскія

*) Обязательное количество хлѣбнаго запаса, опредѣленное закономъ 1799 г. въ 3 четверти озимаго и 3 четверти яроваго хлѣба на душу, Именнымъ Указомъ Лифляндскому, Эстляндскому, Курляндскому и Псковскому генералъ-губернатору отъ 29 Октября 1828 г. сокращено до 1½ четв. озимаго и ½ четв. яроваго хлѣба на каждую ревизскую душу, при чемъ разрѣшено прекратить дальнѣйшій сборъ зерна въ тѣ магазины, гдѣ такое количество уже собрано.

губерній, которыя такимъ образомъ въ дѣлѣ продовольственнаго законодательства были окончательно обособлены отъ остальныхъ губерній. Дальнѣйшимъ шагомъ въ дѣлѣ самостоятельнаго развитія мѣстнаго продовольственнаго законодательства Прибалтійскихъ губерній были положенія о крестьянахъ 1849 г. и 1856 г. — первое для Лифляндской губерніи, второе для Эстляндской; Курляндская же губернія съ 1817 г. вплоть до 1866 г. не получила новаго объединяющаго закона.

Въ положеніяхъ 1849 г. (ст. 479—572) и 1856 г. (ст. 524—589) прежде всего точно и подробно устанавливается способъ и время пополненія магазиновъ, при чемъ нормальное количество зерна опредѣляется по числу ревизскихъ душъ: въ Эстляндской губерніи, согласно указу 1828 г., по 1½ четв. озимаго и по ½ четв. яроваго; въ Лифляндской же по 1 четверти озимаго и по ⅔ четв. яроваго хлѣба на душу. Затѣмъ точно опредѣляются обязанности должностныхъ лицъ, завѣдующихъ хлѣбозапасными магазинами, причѣмъ ближайшій надзоръ возложенъ въ Лифляндской губерніи на волостные суды, а въ Эстляндской — на волостныхъ старшинъ. Органомъ непосредственно контролирующимъ дѣятельность волостныхъ старшинъ и волостныхъ судовъ является вотчинная полиція. Слѣдующую инстанцію, наблюдающую за правильнымъ и законѣрнымъ употребленіемъ хлѣбныхъ запасовъ волости, составляютъ гагенрихтеры и Приходскіе суды въ Эстляндской и Приходскіе суды въ Лифляндской губерніи. Важнѣйшія же дѣла, какъ-то: открытіе новыхъ магазиновъ, опредѣленіе размѣра ссудъ, выдача таковыхъ изъ второй половины запаса, отсрочка при возвратѣ выданныхъ ссудъ и проч., — восходятъ на усмотрѣніе губернатора, которому принадлежитъ и высшій надзоръ за всѣми хлѣбозапасными магазинами.

Всѣ вышеуказанныя узаконенія касались исключительно сельскихъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ, но, на ряду съ ними, съ 1785 г. существовали въ вѣдѣніи Приказа Общественнаго Призрѣнія хлѣбозапасные магазины, построенные по уѣзднымъ городамъ Эстляндской губерніи; относительно капиталовъ, принадлежавшихъ послѣднимъ, состоялось въ 1860 году особое распоряженіе (Высочайше утвержденное 29 Марта 1860 г. Положеніе Комитета Министровъ (П. С. З. 1860 г. № 35,619), коимъ предписано было обращать ½ процентовъ получаемыхъ съ продовольственныхъ капиталовъ въ распоряженіе Приказа ввиду недостаточности въ средствахъ, оказавшейся въ названномъ учрежденіи. Вслѣдъ за тѣмъ, уже въ 1865 году, хлѣбозапасные магазины, учрежденные въ уѣздныхъ городахъ Эстляндской гу-

берній въ 1875 году, были упразднены, при чемъ капиталы ихъ были частью переданы Приказу Общественнаго Призрѣнія, частью городамъ. Такимъ образомъ съ этихъ поръ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ существовали лишь сельскіе хлѣбозапасные магазины.

Изъ изложеннаго краткаго обзора узаконеній по продовольственному дѣлу, дѣйствовавшихъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ до 1865 г. включительно, нельзя не усмотрѣть, съ одной стороны, стремленія этихъ губерній постепенно обособиться отъ общеперскаго законодательства, а съ другой — отсутствія единства законоположеній по народному продовольствію для Эстляндской, Курляндской и Лифляндской губерній.

Объединяющее начало въ дѣлѣ продовольственнаго законодательства внесли Высочайше утвержденныя 11 Іюня 1866 г. правила о благосостояніи въ волостяхъ Прибалтійскихъ губерній представляющія изъ себя значительно сокращенную сводку законодательствъ по продовольственному дѣлу всѣхъ этихъ трехъ губерній. Существенныя измѣненія, внесенныя этими правилами въ продовольственное законодательство, касаются: 1) нормальнаго количества хлѣбныхъ запасовъ, опредѣленнаго въ 1 четверть озимаго и $\frac{1}{2}$ четв. яроваго хлѣба на ревизскую душу и на каждаго вновь приписаннаго къ волости члена; 2) органовъ управленія хлѣбозапасными магазинами.

Этими, нынѣ дѣйствующими, законоположеніями наблюденіе за управленіемъ общественными магазинами, возложенное на бывшіе Приходскіе суды, со времени упраздненія ихъ, передано Коммисарамъ по крестьянскимъ дѣламъ (Прим. 2 къ ст. 32 Высочайше утвержд. 19 Февраля 1866 г. Пол. о вол. общ. упр. въ Приб. губ. и ст. 8 Времен. Прав. объ измѣн. сост. и пред. вѣдом. крест. присут. мѣсть Приб. губерніи. 9 Іюля 1889 г.), вѣдающимъ нынѣ всѣ дѣла, касающіяся управленія магазинами, за исключеніемъ продажи части хлѣбнаго запаса, разрѣшеніе каковой предоставлено губернатору, обязанному также наблюдать за исполненіемъ всѣхъ вообще правилъ, относящихся до народнаго продовольствія (ст. 3 Уст. объ обезп. нар. прод. изд. 1889 г.). Отъ Полицейскихъ Управленій губернаторъ получаетъ свѣдѣнія о посѣвѣ и урожаѣ, о цѣнахъ на хлѣбъ и др. на основаніи ст. ст. 7, 92—96 и 141 Уст. объ обезп. нар. продов. изд. 1889 г., ст. ст. 1408—1410 Общ. Губ. Учр. изд. 1876 г., а отъ Коммисаровъ по крестьянскимъ дѣламъ — вѣдомости о состояніи общественныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и продовольственныхъ капиталовъ (Прим. къ ст. 15 Инстр., утвержденной ген.-губернаторомъ 26 Ноября 1869 года).

Такимъ образомъ въ настоящее время въ Эстляндской губернии, кромѣ Гл. V—VII Разд. I ст. ст. 138—142 Гл. I Раздѣла II Общаго Устава Народнаго Продовольствія, дѣйствуютъ ниже слѣдующія мѣстные узаконенія: 1) Высочайше утвержденныя 11-го Юня 1866 г. Правила объ общественномъ благосостояніи въ волостяхъ Прибалтійскихъ губерній, заключающія въ себѣ особый отдѣлъ „о запасномъ хлѣбномъ магазинѣ“. 2) Утвержденная 26 Ноября 1869 г. инструкція Прибалтійскаго генераль-губернатора объ управленіи запасными хлѣбными магазинами и кассами въ волостяхъ Прибалтійскихъ губерній. Правилами 1866 г. и генераль-губернаторскою инструкціею замѣняются для Прибалтійскихъ губерній гл. I—IV Разд. I Устава народнаго продовольствія.

Для сравненія мѣстныхъ узаконеній съ общими представляется наиболее удобнымъ распредѣлить дѣйствующія законоположенія и правила по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) устройство хлѣбозапасныхъ магазиновъ, 2) составленіе хлѣбныхъ запасовъ и пополненіе ихъ, 3) выдача ссудъ изъ магазиновъ, 4) возвратъ ссудъ, 5) управленіе магазинами и 6) продовольственные капиталы.

I. Устройство магазиновъ. *Общественная единица, на которую полагается хлѣбный запасъ.* По мѣстному закону (§ 1 Правилъ) на каждое волостное общество полагается не менѣе одного хлѣбозапаснаго магазина, при соединеніи же нѣсколькихъ волостныхъ обществъ въ одно соединяются и запасы хлѣба въ общій магазинъ. Въ послѣднемъ случаѣ однако Правила (§ 4) разрѣшаютъ сохранить прежніе магазины, устанавливая лишь право собственности соединеннаго общества на хлѣбные запасы, во всѣхъ этихъ магазинахъ заключающіеся.

Въ общемъ продовольственномъ Уставѣ не волость, а сельское общество является низшей общественною единицею, на которую полагается хлѣбозапасный магазинъ. Разрѣшенное закономъ соединеніе хлѣбныхъ запасовъ въ общій волостной магазинъ не обязательно для отдѣльныхъ сельскихъ обществъ, не желающихъ быть присоединенными въ общему волостному магазину (ст. 25 и ст. 26 Уст.).

Внѣшнее устройство магазиновъ. § 1 мѣстныхъ Правилъ предписываетъ строить магазины изъ неудобостгораемыхъ матеріаловъ и на безопасномъ отъ пожара мѣстѣ. По общему же Уставу требуется только безопасное мѣсто, причемъ дозволяется строить магазины деревянные, плетневые, крыть ихъ тесомъ и соломой, даже болѣе того — дозволяется въ особыхъ случаяхъ хранить хлѣбъ въ ямахъ и скирдахъ.

Внутреннее устройство магазиновъ. Правилами требуется только, чтобы магазины были устроены въ размѣрѣ достаточномъ для храненія узаконеннаго количества хлѣбнаго запаса, между тѣмъ какъ Уставомъ предписывается снабжать ихъ отдѣльными мѣрными закромами для озимаго и яроваго хлѣба (ст. 27 и 28 Уст.).

2. 0 составленіи и пополненіи хлѣбныхъ запасовъ.

Нормальное количество хлѣбныхъ запасовъ. Нормальное количество хлѣбныхъ запасовъ и въ мѣстномъ Положеніи и въ общемъ Уставѣ опредѣлено одинаково: по 1-й четверти озимаго и по $\frac{1}{2}$ четверти яроваго хлѣба на каждую ревизскую душу (ст. 10 Уст. § 2 Прав.).

Способъ и срокъ обмена стараго хлѣба на свѣжій. Относительно способа сохраненія хлѣбнаго запаса, т. е. перемѣны стараго хлѣба на новый, мѣстное законодательство расходится съ общимъ Уставомъ. Согласно инструкціи генералъ-губернатора (§ 8) время размѣна хлѣбныхъ запасовъ опредѣляется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ волостнымъ правленіемъ при участіи схода выборныхъ и съ утвержденія начальственнаго учрежденія. Въ исключительныхъ случаяхъ инструкція допускаетъ отпускъ стараго хлѣба безъ немедленнаго представленія взаменъ — свѣжаго, но при условіи, чтобы членъ волостнаго общества, получающій старый хлѣбъ, представлялъ надлежащее обезпеченіе въ своемременномъ возмѣщеніи его. Такимъ образомъ этотъ обменъ уже носитъ характеръ ссуды, отличаясь отъ нея тѣмъ, что присыпа въ данномъ случаѣ не требуется. Общій продовольственный Уставъ въ ст. 33 точно опредѣляетъ срокъ такихъ перемѣнъ стараго хлѣба на свѣжій: 1 годъ для сыромолотнаго хлѣба, и 2 для овиннаго. О разсрочкѣ при поставкѣ свѣжаго хлѣба вмѣсто стараго въ Уставѣ не упоминается, изъ чего можно заключить, что такая разсрочка не допущена.

Пополненіе запаса, не достигшаго нормы. Относительно пополненія хлѣбныхъ запасовъ, не достигшихъ законной нормы, ежегодные взносы членовъ волостнаго общества опредѣлены одинаково и по Уставу и по Правиламъ 1866 г. въ $\frac{1}{2}$ четверика озимаго хлѣба и въ 2 гарнца яроваго (ст. 11 Уст. и § 3 Прав.), но по Уставу взносы эти падаютъ только на ревизскія души, а по Правиламъ 1866 г. и на лицъ, приписанныхъ къ волостному обществу (§ 1 и прим. Вол. полож.).

Срокъ взносов на пополненіе магазиновъ. Уставъ предписываетъ только ежегодное производство вышеупомянутыхъ взносов (ст. 11), между тѣмъ, какъ § 2 инструкціи генералъ-губернатора

обязывает вносить таковые непосредственно послѣ жатвы съ тѣмъ, чтобы ссыпка была окончена къ 1-му Ноября*).

Замѣна одного сорта хлѣба другимъ. Какъ Уставъ, такъ и инструкція генералъ-губернатора 1869 г. допускаютъ при засыпкѣ хлѣбозапаснаго магазина замѣну одного сорта хлѣба другимъ. Инструкція (§ 6) разрѣшаетъ въ случаѣ неурожая яровыхъ или озимыхъ хлѣбовъ производить засыпку одного изъ этихъ двухъ сортовъ вмѣсто другого по слѣдующей пропорціи: вмѣсто $\frac{1}{3}$ четверти ржи $\frac{1}{2}$ четверти ячменя или $\frac{2}{3}$ четверти овса. Магазинное же управленіе обязано произвести въ слѣдующую затѣмъ осень установленный обмѣнъ соотвѣтствующихъ сортовъ хлѣба. Уставъ (ст. 12) допускаетъ замѣну ржи и пшеницы кукурузой и другими хлѣбами, но при этомъ замѣна не допускается болѣе чѣмъ для $\frac{1}{2}$ всего запаса и то не иначе, какъ съ утвержденія министра Внутреннихъ Дѣлъ по представленію губернатора.

Замѣна хлѣбныхъ взносовъ денежными. Замѣна ежегодныхъ взносовъ зерноваго хлѣба деньгами допускается Уставомъ (ст. 20) лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда весь хлѣбный запасъ замѣненъ денежнымъ продовольственнымъ капиталомъ, при чемъ эти денежные платежи должны соотвѣтствовать высшей годовой цѣнѣ узаконеннаго хлѣбнаго взноса, мѣстное же законодательство (инстр. ген.-губ. § 9) разрѣшаетъ членамъ волости, для которыхъ почему либо закупка и доставка хлѣба затруднительна, а равно и тѣмъ, которые не живутъ въ волости, производить взамѣнъ хлѣбныхъ взносовъ соотвѣтственные денежные платежи по справочной цѣнѣ съ причисленіемъ сюда расходовъ на провозъ; однако эти платежи не присоединяются къ продовольственному капиталу, а на нихъ долженъ немедленно закупаться слѣдующій съ плательщиковъ хлѣбъ для пополненія магазиннаго запаса.

3. Выдача ссудъ. *Учрежденія, разрѣшающія выдачу ссудъ и ихъ компетенція.* Вопросъ о томъ, кто разрѣшаетъ выдачу ссудъ изъ хлѣбозапаснаго магазина рѣшается различно мѣстнымъ и общимъ законодательствомъ. Первое возлагаетъ эту обязанность на сходы выборныхъ (§ 7 Правилъ), второе на уѣздныя Земскія Управы. При этомъ какъ Уставъ, такъ и Правила указываютъ на предѣлы компетенціи обонхъ означенныхъ учреждений: п. г. § 7 Правилъ запрещаетъ сходу раздавать болѣе $\frac{1}{4}$ всего наличнаго запаса собственною властью; въ случаѣ необходимости пре-

*) Ввиду существующаго въ Прибалтійскихъ губерніяхъ порядка соединенія волостей § 4 Правилъ опредѣляется, что члены тѣхъ волостей, кои до соединенія имѣли полный закономъ установленный хлѣбный запасъ, освобождаются отъ дальнѣйшихъ взносовъ на пополненіе общаго магазина.

высить означенную норму, сходъ выборныхъ долженъ обратиться о томъ съ ходатайствомъ къ начальственному учрежденію. По Уставу же (ст. 75) уѣздныя Земскія Управы могутъ разрѣшать ссуды лишь съ такимъ расчетомъ, чтобы въ магазинѣ осталось не менѣе $\frac{1}{2}$ закономъ установленнаго запаса. Въ случаяхъ, вызывающихъ необходимость превышенія этой нормы, уѣздныя Управы должны обращаться за разрѣшеніемъ въ губернскую Управу.

Способъ разрѣшенія ссудъ. Что касается до формальностей, коими обставлена выдача ссудъ, то по Уставу ихъ требуется гораздо болѣе, чѣмъ по мѣстному законодательству. По мѣстнымъ законамъ сходъ выборныхъ, найдя ходатайство о выдачѣ ссуды заслуживающимъ уваженія, составляютъ постановленіе, въ которомъ обозначается кому и какое количество хлѣба разрѣшается выдать; въ случаѣ же отказа составляется особый протоколъ съ подробнымъ обозначеніемъ причинъ отказа; недовольнымъ предоставляется приносить жалобы начальственному учрежденію (п. 6. § 7 Прав. и § 10 инстр. ген.-губ.). По общему же Уставу при выдачѣ ссудъ изъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ должны быть составляемы приговоры сельскихъ сходовъ, засвидѣтельствованные въ волостныхъ правленіяхъ; приговоры эти представляются въ уѣздныя Земскія Управы, которыя командируютъ для мѣстнаго дознанія одного изъ своихъ членовъ или уполномоченнаго на то Земскимъ Собраніемъ гласнаго, составляющаго на мѣстѣ со старостами и понятыми актъ о числѣ и состояніи нуждающихся, и на основаніи этого акта уѣздная Управа разрѣшаетъ выдачу ссуды или представляетъ о томъ губернской Управѣ, когда размѣръ ссуды превышаетъ ея компетенцію.

Уловія выдачи ссудъ. а) Качество выдаваемого хлѣба: инструкция генераль-губернатора (§ 13) предписываетъ выдавать рашше тотъ хлѣбъ, который легче можетъ испортиться, чему соотвѣтствующей статьи въ Уставѣ не содержится; б) взиманіе процентовъ съ выданной ссуды: пунктъ а § 7 Правилъ опредѣляетъ, что при возвратѣ ссудъ должны быть уплачены и проценты, размѣръ коихъ устанавливается сходомъ выборныхъ, но не выше 6%, между тѣмъ какъ въ Уставѣ о процентахъ съ хлѣбныхъ ссудъ нигдѣ не упоминается, а изъ ст. 73 Уст., упоминающей о безпроцентной выдачѣ денежныхъ ссудъ, можно заключить, что по Уставу % и съ выданнаго хлѣба не допускаются; в) Обезпеченіе: наконецъ мѣстное законодательство требуетъ отъ лицъ, ходатайствующихъ о выдачѣ имъ ссуды, представленія обезпеченія въ возвратѣ ея — вещественнаго или личнаго, не различая впрочемъ членовъ общества, владѣющихъ

недвижимой собственностью и не имѣющихъ таковой (§ 10 инстр.). Уставъ ничего не знаетъ о такихъ обезпеченіяхъ, ограничиваясь одной круговой порукой всего общества (ст. 72 Уст.). Указанная особенность мѣстнаго законодательства объясняется двумя причинами: во первыхъ тѣмъ, что крестьянское населеніе Прибалтійскихъ губерній преимущественно безземельное и не представляетъ въ исправности возврата хлѣбныхъ ссудъ достаточныхъ гарантій волостному обществу, отвѣчающему здѣсь, какъ и во внутреннихъ губерніяхъ, за своего несостоятельнаго члена круговой порукой и во вторыхъ, что вслѣдствіе той же безземельности отдѣльные члены волости, будучи менѣе прикрѣплены къ данной мѣстности, тѣмъ легче могутъ переселяться въ другую волость и такимъ образомъ нарушить уравнительность круговой отвѣтственности.

Употребленіе ссудъ. Уставъ (ст. 67) строго запрещаетъ продажу или передачу ссуженнаго хлѣба отъ одного лица другому подъ угрозой взысканія ссуды въ двойномъ количествѣ противъ незаконно полученнаго. Мѣстные же узаконенія такого постановленія не содержатъ.

Займствованіе хлѣба однимъ обществомъ у другаго. Займствованіе хлѣбныхъ запасовъ одного общества у другаго, служа какъ бы обоюдной ссудой для цѣлыхъ волостей, разрѣшается уставомъ (ст. 67) лишь въ исключительныхъ случаяхъ и то съ Высочайшаго на то соизволенія по представленію министра Внутреннихъ Дѣлъ черезъ Комитетъ министровъ, мѣжду тѣмъ на основаніи § 11 инструкціи генераль-губернатора для такихъ займствованій требуется лишь утвержденіе мѣстнаго начальства.

4. Возвратъ ссудъ. *Общая начала.* При возвратѣ ссудъ принципъ, выставленный обоими законодательствами, одинаковъ: непосредственное взысканіе ссуды съ лица, ее получившаго, и лишь, въ случаѣ полной его несостоятельности, отвѣтственность всего общества круговой порукой (ст. 72 Уст., § 6 Прав. 1866 г. и §§ 5 и 2 инструкціи ген.-губ. 1869 г.). Въ подробностяхъ же мѣстное и общее законодательства между собою различествуютъ.

Срокъ и способъ возврата ссудъ. Опредѣленіе срока возврата ссудъ по Уставу ограничивается лишь тѣмъ, что выданная ссуда взыскивается съ получившаго ее изъ перваго послѣ выдачи урожая, а при полной несостоятельности его возмѣщается всеѣмъ сельскимъ обществомъ (ст. 72 и 79 Уст.). Мѣстное же законодательство подробнѣе говоритъ объ этомъ предметѣ: немедленно послѣ жатвы должны быть возвращены выданныя ссуды; если это не будетъ исполнено, то волостное правленіе, согласно донесенію о томъ смотрителей, назначаетъ 2 срока, по 14 дней каждый, для

взысканія недоимокъ, послѣ чего оно уже приступаетъ ко взысканію экзекуціоннымъ порядкомъ; въ случаѣ несостоятельности недоимщиковъ отвѣчаетъ круговой порукой все общество, но притомъ только по недоимкамъ, накопившимся за время не болѣе двухъ лѣтъ; отвѣтственность за болѣе продолжительный срокъ задолженности падаетъ на волостныхъ должностныхъ лицъ. Возвратъ недоимокъ, распределенныхъ на отдѣльныхъ членовъ волостнаго общества, долженъ быть оконченъ къ 1 Ноября (§ 6 Правиль, §§ 2 и 5 инстр. генер.-губерн.).

Разсрочка при возвратѣ ссудъ. Общій продовольственный Уставъ допускаетъ разсрочку ссуды на годъ или въ крайнемъ случаѣ на 2 года (ст. 79 Уст.). Инструкція же разрѣшаетъ лишь годичную разсрочку и то при представленіи недоимщикомъ достаточнаго обезпеченія (§ 5 прим. инстр.). По обоимъ законодательствамъ разсрочку разрѣшаетъ начальственное учрежденіе.

5. Управление хлѣбозапасными магазинами. *Органы Управления.* Непосредственный надзоръ и завѣдываніе хлѣбозапасными магазинами возложены и общимъ и мѣстнымъ законодательствами на волостныхъ должностныхъ лицъ: въ общемъ Уставѣ на волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ и магазинныхъ смотрителей*) (ст. ст. 36 и 37), а въ мѣстномъ законодательствѣ на волостныхъ старшинъ и магазинныхъ смотрителей (Вол. Пол. 1866 г. § 20 д., Правила § 8).

Распределение обязанностей. Обязанности магазинныхъ смотрителей одинаково опредѣляются обоими законоположеніями, но мѣстное болѣе подробно перечисляетъ таковыя и устанавливаетъ границы компетенціи означенныхъ лицъ. Смотрители согласно § 8 Правиль исполняютъ приказанія старшинъ, отвѣчая лишь за наличность магазиннаго комплекта и за доброкачественность запаса. Отвѣтственность за самое распоряженіе запасомъ лежитъ на старшинѣ и его помощникахъ. У старшины, одного изъ его помощниковъ и смотрителя хранятся ключи отъ 3-хъ замковъ, которыми запирается магазинъ (§ 1 инстр. ген.-губ. 1869 г.).

Счетоводство. Счетоводство, возложенное на магазинныхъ смотрителей, опредѣлено въ Уставѣ приложеніемъ къ ст. 135 (1—24), а въ мѣстномъ законодательствѣ § 18 инстр. ген.-губ. 1869 г. Согласно Инструкціи должны вестись: 1) магазинная книга, въ коей приходныя и расходныя статьи записываются въ общихъ итогахъ, съ указаніемъ на частные счета; 2) книга специальныхъ счетовъ каждаго отдѣльнаго члена общества; 3) раскладочный листъ, въ коемъ обозначается, сколько по рас-

*) Смотрители, согласно Уставу, не обязательны.

кладѣ приходится въ теченіи года платежей на каждого члена волости; 4) бирка, на которой отмѣчается счетъ хлѣба, полученнаго въ ссуду каждымъ членомъ общества. Уставъ предписываетъ вести лишь магазинную книгу, книгу же специальныхъ счетовъ замѣняютъ особыя таблицы, выдаваемые каждому члену общества на 3 года, въ которыхъ записывается сколько отъ него по расчету слѣдуетъ хлѣба и сколько имъ уже внесено въ счетъ причитающагося съ него долга. Срокомъ заключенія магазинныхъ книгъ общимъ Уставомъ опредѣленъ конецъ года, мѣстными же законами 1 Августа, являющееся и началомъ отчетнаго года.

Отчетность. Но заключеніи книгъ, согласно мѣстнымъ правиламъ, магазинные смотрители и волостные старшины представляютъ отчетъ о состояніи хлѣбныхъ запасовъ сходу выборныхъ, послѣ чего волостное правленіе представляетъ начальственному учрежденію къ 1 Декабря подробную вѣдомость по установленной закономъ формѣ (§ 75 Инстр.), такую же вѣдомость представляютъ магазинные смотрители своему непосредственному начальству къ 1 Марта, согласно общему Уставу, который однако не возлагаетъ на нихъ отчетности передъ сельскимъ обществомъ.

Контроль. Контроль хлѣбозапасныхъ магазиновъ возложенъ по мѣстному законодательству на Коммисаровъ по крестьянскимъ дѣламъ, а по Уставу на Уѣздныя Земскія Управы. Основаніемъ для такого контроля служатъ, во первыхъ, ежегодныя вѣдомости, доставляемыя магазиннымъ управленіемъ, а, во вторыхъ, ревизіи самыхъ магазиновъ. § 8 Правиль предписываетъ производить такія ревизіи ежегодно, Уставъ же, не назначая опредѣленнаго срока, указываетъ лишь на возможно частое ихъ производство (Прил. къ ст. 135 § 23). Ревизія, согласно обобщеннымъ законодательствамъ заключается, во первыхъ, въ сліченіи и провѣркѣ магазинныхъ книгъ и срочныхъ вѣдомостей, доставляемыхъ магазиннымъ начальствомъ (Прил. къ ст. 135 § 23 и § 76 Инстр.). При этомъ во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ не ведется особой книги счетовъ отдѣльныхъ членовъ общества, должны быть вытребованы таблицы, замѣняющія эту книгу, для частной повѣрки отдѣльныхъ счетовъ. Вторымъ средствомъ контроля служитъ осмотръ хлѣбныхъ запасовъ (ст. 40 Уст. § 17 Инстр.). Оправдательными документами для магазинныхъ смотрителей при ревизіи хлѣбныхъ запасовъ служатъ предписанія о выдачѣ ссудъ во внутреннихъ губерніяхъ Уѣздныхъ Управъ, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ волостныхъ правленій. Наконецъ ст. 41 Уст. говоритъ объ осмотрѣ магазиновъ губернаторомъ, или командируемымъ

имъ чиновникомъ, на что въ мѣстныхъ законахъ нѣтъ указанія.

6. О продовольственныхъ капиталахъ. *Составъ капиталовъ.* Продовольственный капиталъ, по мѣстному законодательству, составляется изъ 2-ихъ источниковъ: 1) отъ продажи, согласно постановленію схода выборныхъ, части хлѣбнаго запаса, превышающей установленную закономъ норму и 2) отъ продажи части, но не болѣе половины, хлѣбнаго запаса, согласно постановленію схода выборныхъ, съ разрѣшенія губернатора. Такимъ образомъ, полная замѣна хлѣбнаго запаса денежнымъ капиталомъ мѣстнымъ законодательствомъ не допускается. Напротивъ того, Уставъ (ст. 20) разрѣшаетъ такую замѣну по представленію о томъ ходатайствъ сельскихъ обществъ и съ утвержденія губернскихъ земскихъ Управъ; точно также по ст. 159 Уст. въ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, допускается полная замѣна хлѣбныхъ запасовъ денежными капиталами съ разрѣшенія Комисіи народнаго продовольствія и Присутствія по крестьянскимъ дѣламъ.

Назначеніе капитала. Мѣстный законъ, хотя и называетъ продовольственный капиталъ особымъ (§ 2 Прав., прим.), но нигдѣ не указываетъ на то, что онъ имѣетъ специальное и единственное назначеніе удовлетворять только продовольственныя нужды населенія. Уставъ же (ст. 42) прямо запрещаетъ употребленіе названныхъ капиталовъ на что-либо другое, кромѣ нуждъ продовольствія и обмѣпешя.

Денежныя ссуды. Какъ общій Уставъ, такъ и мѣстное законодательство допускаютъ денежныя ссуды, но между тѣмъ какъ первый не дѣлаетъ никакого различія между ссудами хлѣбомъ и деньгами (ст. 72), второе разрѣшаетъ такую выдачу лишь въ случаяхъ крайней необходимости, при полномъ истощеніи хлѣбныхъ запасовъ и то лишь по ходатайству схода выборныхъ и съ разрѣшенія высшаго начальства. Въ такомъ случаѣ закупается необходимое количество хлѣба для выдачи ссудъ, возвратъ же ихъ производится не зерномъ, а деньгами, причемъ о процентѣ законъ не упоминаетъ (§ 7 инстр. ген.-губ. 1869 г.).

Замѣна капитала хлѣбомъ. Статья 21-ая Устава допускаетъ, съ разрѣшенія губернатора, полную замѣну продовольственнаго капитала хлѣбомъ, чего мѣстное законодательство не знаетъ.

Храненіе продовольственныхъ капиталовъ. Согласно мѣстнымъ законамъ, продовольственные, какъ и прочіе, волостные капиталы хранятся въ волостной кассѣ, помѣщенной или въ кладовой съ желѣзною дверью за двумя замками, или въ несгораемомъ шкафу.

Два ключа отъ этихъ помѣщеній хранятся: одинъ у старшины, другой у одного изъ его помощниковъ (§ 19 Инстр. 1869 г.). По Уставу, общественные продовольственные капиталы помѣщаются или въ Государственномъ банкѣ, или въ % бумагахъ и, оставаясь въ распоряженіи обществъ, находятся въ вѣдѣніи Уѣздныхъ Земскихъ Управъ.

А. Рачинскій.

II. Эстляндская Коммисія Народнаго Продовольствія, ея дѣятельность и бывшіе въ Эстляндской губерніи неурожаи.

Послѣ неурожаевъ 1867 и 1868 г. г., губернаторомъ, согласно постановленію особой Коммисіи, образованной въ 1868 году для изысканія средствъ къ обезпеченію населенія губерніи въ продовольствіи, представленъ былъ на благоусмотрѣніе генераль-губернатора вопросъ объ учрежденіи въ Эстляндской губерніи на общемъ основаніи постоянной Коммисіи народнаго продовольствія. Послѣдствіемъ сего было образованіе Коммисіи народнаго продовольствія въ Эстляндіи, но не путемъ особаго законодательнаго акта, а административнымъ распоряженіемъ министра Внутреннихъ Дѣлъ, выраженнымъ въ предложеніи Прибалтійскому генераль-губернатору отъ 7 мая 1869 г. за № 4081. Руководствуясь этимъ распоряженіемъ, Эстляндскій губернаторъ созвалъ въ первый разъ Коммисію народнаго продовольствія въ Мартѣ 1871 г., для обсужденія мѣръ къ своевременному возврату ссудъ, выданныхъ по случаю неурожаевъ 1867 и 1868 г. г. изъ суммъ, назначенныхъ по распоряженію правительства. По тому же поводу Коммисія собиралась и въ слѣдующіе четыре года; при этомъ ею разсматриваемы были также нѣкоторыя дѣла о взысканіи выданныхъ изъ общественныхъ магазиновъ ссудъ, о сложеніи со счетовъ, по безнадѣжности къ поступленію, магазинныхъ долговъ прежнихъ лѣтъ и о продажѣ магазиннаго хлѣба. Въ октябрѣ 1871 г., маѣ 1872 г. и январѣ 1882 г. Коммисіею обсуждались вопросы объ упраздненіи въ Эстляндской губерніи общественныхъ магазиновъ и замѣнѣ хлѣбныхъ запасовъ денежными капиталами а также объ образованіи въ Эстляндской губерніи продовольственнаго капитала. Для сужденія о степени урожая, въ сравненіи съ потребностями населенія, Коммисія созывается была въ 1874, 1875, 1876, 1882 и 1886 годахъ. Кромѣ того въ августѣ 1891 г., вслѣдствіе предложенія министра Внутреннихъ Дѣлъ о заимоо-

образомъ отпускѣ изъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ Эстляндской губерніи хлѣба для нуждающагося населенія пострадавшихъ отъ неурожая губерній, Комиссія созвана была для обсужденія этого дѣла.

Нынѣ при дѣлахъ Комисіи производится переписка объ установленныхъ справочныхъ цѣнахъ на предметы продовольствія, о продажѣ хлѣба изъ общественныхъ магазиновъ, о сложеніи счетовъ магазинныхъ долговъ и о другихъ касающихся общественныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и продовольственныхъ капиталовъ дѣлахъ, а также ведутся счеты по ссудамъ, выданнымъ изъ общаго продовольственнаго капитала и составляются отчетныя вѣдомости, какъ по этимъ ссудамъ, такъ и о состояніи означенныхъ магазиновъ и продовольственныхъ капиталовъ.

Вслѣдствіе скуднаго, по Эстляндской губерніи, урожая 1867 г., а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (въ особенности въ Ревельскомъ и Гапсальскомъ уѣздахъ) совершеннаго неурожая, наступившаго послѣ неудовлетворительныхъ урожаяевъ предшествовавшихъ 3-хъ лѣтъ, осенью 1867 г. Эстляндскій губернаторъ поручилъ приходскимъ судьямъ озаботиться, чтобы выдача хлѣба изъ общественныхъ магазиновъ производилась съ крайнею осмотрительностью, а также привести въ извѣстность количество хлѣбныхъ запасовъ въ означенныхъ магазинахъ и объ оказавшемся донести*), съ представлениемъ свѣдѣній о томъ, какое приблизительно количество хлѣба могло бы быть продаваемо, за покрытіемъ собственныхъ потребностей изъ магазиновъ менѣе нуждавшихся крестьянскихъ обществъ нуждавшимся обществамъ. По полученіи отъ приходскихъ судей означенныхъ свѣдѣній и по опредѣленіи затѣмъ недостатка въ хлѣбѣ для прокормленія народонаселенія губерніи до слѣдующей жатвы**) губернаторъ въ Январѣ 1868 г. обратился къ генералъ-губернатору съ представленіемъ объ ассигнованіи правительствомъ 60,000 руб. для оказанія помощи наиболѣе нуждавшемуся населенію, а равно объ освобожденіи крестьянъ, по случаю необыкновеннаго неурожая 1867 г., отъ платежа подушной подати за 1 половину 1868 г. Вслѣдствіе ходатайства генералъ-губернатора по сему дѣлу, въ началѣ марта 1868 г. ассигновано было въ распоряженіе Эстляндскаго губернатора 60,000 руб. изъ Государственнаго Казначейства для раздачи мѣстнымъ жителямъ на три года, безъ процентовъ, примѣняясь къ правиламъ о по-

*) При числѣ 127,143 рев. душъ въ магазинахъ состояло на лицо: 121,927 ч. озим. и. 71,607 ч. яроваго хлѣба, а въ волостныхъ кассахъ имѣлось 256,840 р.

**) Около 5000 четвертей.

рядкѣ завѣдыванія общимъ продовольственнымъ капиталомъ*), и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшенъ былъ отпускъ изъ сельскихъ магазиновъ Лифляндской губерніи оказавшагося излишнимъ, за удовлетвореніемъ мѣстныхъ потребностей, хлѣба для продовольствія жителей Эстляндской губерніи съ тѣмъ, чтобы за взятый хлѣбъ была произведена уплата крестьянскимъ обществамъ, по существовавшимъ цѣнамъ, изъ ассигнованной суммы, а въ концѣ апрѣля того же года воспослѣдовало разрѣшеніе на отсрочку податей за 1-ую половину 1868 г., слѣдовавшихъ съ тѣхъ крестьянъ, которые дѣйствительно въ томъ нуждались, до 1870 г. съ тѣмъ, чтобы они послѣ того уплатили этотъ долгъ втеченіи трехъ лѣтъ по равной части ежегодно.

Между тѣмъ, въ февралѣ 1868 г., губернаторъ обратился и въ комиссію доставленія пособій жителямъ Россіи, пострадавшимъ отъ неурожая, съ просьбою о назначеніи для Эстляндской губерніи, какъ пострадавшей отъ неурожая, нѣкотораго пособия, вслѣдствіе чего, въ началѣ апрѣля 1868 г., получено было чрезъ генераль-губернатора 25,000 р. для доставленія пособій пострадавшимъ отъ неурожая въ Эстляндской губерніи. Кромѣ того образовавшимся, съ разрѣшенія губернатора, въ январѣ 1868 г. въ г. Ревелѣ комитетомъ для облегченія нуждъ народонаселенія по случаю неурожая (съ 30-ью вспомогательными комитетами въ отдѣльныхъ пострадавшихъ отъ неурожая приходсахъ), изъ поступившихъ частныхъ пожертвованій было отпущено пособие нуждавшимся хлѣбомъ, рабочимъ матеріаломъ и пищею, а также наличными деньгами на покупку сѣмянъ и на производство работъ, всего на сумму около 29,000 р., а для населенія сѣверной части острова Даго владѣльцемъ оной заготовлено было до 3000 четвертей хлѣба. Министромъ Финансовъ, вслѣдствіе ходатайства губернатора, разрѣшенъ былъ безошлинный пропускъ зерна для обсемененія, какъ яровыхъ, такъ и озимыхъ полей.

Изложенными мѣрами продовольствіе населенія губерніи показалось обеспеченнымъ до времени жатвы 1868 г. Но повторившимся въ этомъ году чрезвычайнымъ неурожаемъ вызваны были новыя мѣропріятія для предотвращенія послѣдствій этого бѣдствія. Немедленно, по полученіи свѣдѣній объ этомъ вторичномъ неурожаѣ, губернаторъ, по случаю отсутствія генераль-губернатора, вошелъ съ представленіемъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ о

*) Деньги эти были отпущены, подъ круговую поруку всѣхъ членовъ подлежащихъ обществъ, 137 обществамъ, для раздачи наиболѣе нуждавшимся членамъ оныхъ.

назначені 40,000 р. для раздачі крестьянамъ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей въ ссуду на покупку ржаныхъ сѣмянъ. По собраніи затѣмъ чрезъ приходскихъ судей свѣдѣній о состояніи общественныхъ продовольственныхъ средствъ въ губерніи*) и по опредѣленіи особою комисією (состоявшей, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ вице-губернатора, предводителя дворянства, предсѣдателя Казенной Палаты и одного изъ дворянскихъ депутатовъ Ревельскаго уѣзда) количества хлѣба, необходимаго для обезпеченія продовольствія мѣстнаго населенія до слѣдующей жатвы**), губернаторъ въ началѣ сентября 1868 г. обратился къ генералъ-губернатору съ просьбою о содѣйствіи къ скорѣйшему назначенію уномянутаго пособія. Вслѣдствіе этого ходатайства были ассигнованы въ распоряженіе губернатора, для пособія жителямъ Эстляндской губерніи въ продовольствіи и на обмѣненіе полей, заимообразно на 3 года безъ процентовъ, примѣняясь къ правиламъ о порядкѣ завѣдыванія общимъ продовольственнымъ капиталомъ: въ началѣ октября 1868 г. 40,000 р. изъ государственнаго казначейства и въ декабрѣ того же года 110,000 рублей изъ общаго продовольственнаго капитала.

Для собиранія возможно точныхъ свѣдѣній о пуждахъ мѣстнаго населенія, опредѣленія размѣра пособій нуждавшимся обществамъ и наблюденія за правильнымъ распредѣленіемъ этихъ пособій, въ началѣ ноября 1868 г. образованы были, по распоряженію губернскаго начальства, временныя участковыя продовольственныя комисіи, состоявшія подъ предсѣдательствомъ одного изъ мѣстныхъ помѣщиковъ (большею частью дворянскихъ депутатовъ), изъ приходскихъ судей, подлежащихъ полицейскихъ участковъ (гакенрихтерскихъ дистриктовъ), и согласно постановленіямъ этихъ комисій ссуды на означенныя суммы были выданы, за круговою порукою всѣхъ членовъ подлежащихъ обществъ, 143 обществамъ хлѣбомъ, привезеннымъ по распоряженіямъ губернскаго начальства въ Ревелѣ и Галсалѣ. На тѣхъ же основаніяхъ были отпущены и ассигнованные въ распоряженіе губернатора для оказанія пособія нуждавшимся жителямъ Эстляндской губерніи въ февралѣ 1869 г. 10,000 руб., по приказанію Государя Наслѣдника изъ поступившихъ въ пользу пострадавшихъ отъ

*) При приблизительномъ числѣ 247000 паличн. душъ, въ магазинахъ состояло на лицо 13762 четв. озимаго и 4917 четв. яров. хлѣба, а въ вол. кассахъ имѣлось 292625 руб.

**) До 57000 четв. озимаго и до 23000 четв. яроваго хлѣба, причемъ владельцемъ имѣній 2-хъ приходовъ на о. Даго уже заказано было для подвоза на островъ изъ С.-Петербурга 3500 четв. зерна.

неурожая пожертвованій и въ мартѣ 1869 г. также 10,000 руб., по распоряженію министра Внутреннихъ Дѣлъ, изъ особой суммы, переданной ему отъ Имени Государя Императора для вспоможенія пострадавшимъ отъ послѣдствій неурожая. Образовавшійся въ январѣ 1868 года въ г. Ревелѣ частный комитетъ (съ 41 вспомогательными комитетами въ пострадавшихъ отъ неурожая приходахъ) продолжалъ свои дѣйствія до осени 1869 г., и имъ, съ сентября 1868 г., было отпущено въ пособіе нуждавшимся хлѣбомъ, рабочимъ матеріаломъ и пищей, а также наличными деньгами, всего около 65,000 р. Дворянствомъ осенью 1868 г. было выдано 50,000 руб. въ ссуды помѣщикамъ подѣ работы для неимѣвшихъ заработковъ крестьянъ.

Вышеозначенныя средства, отпущенныя изъ разныхъ источниковъ, оказались достаточными до наступленія жатвы и постигнута населеніе тяжелыя послѣдствія неурожаевъ 1867 и 1868 гг., послѣ весьма удовлетворительнаго урожая 1869 г., въ главнѣйшихъ требованіяхъ жизни почти изгладились къ концу года. Цѣны на хлѣбъ понизились до обыкновеннаго размѣра, недостатокъ въ работахъ прекратился, при чемъ начавшаяся между тѣмъ постройка Балтійской желѣзной дороги еще дала случай къ снисканію значительныхъ заработковъ, и къ 1870 г. въ общественныхъ магазинахъ состояло на лицо 103,790 четв. озимаго и 59,566 четв. яроваго хлѣба.

Въ 1870 г., въ виду возмѣщенія денегъ, выданныхъ изъ вышеозначенныхъ ассигнованныхъ въ 1869 г. изъ особыхъ источниковъ, по 10,000 руб. каждый разъ, всего 20,000 руб., и въ желаніи сохранить этотъ капиталъ на вѣчныя времена, въ качествѣ особаго продовольственнаго фонда, губернаторъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи на образованіе сказаннаго фонда и, по докладѣ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ о томъ Государю Императору, Его Величеству благоугодно было Высочайше разрѣшить привести въ исполненіе предположеніе губернатора съ тѣмъ, чтобы капиталъ назывался „продовольственнымъ фондомъ, пожертвованнымъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая“. Въ 1888 г. этотъ фондъ, возросшій съ 1877 г. до 30,700 руб., согласно Высочайшему повелѣнію, былъ переданъ Леввенскому Отдѣленію Православнаго Прибалтійскаго Братства неприкосновеннымъ капиталомъ Имени Его Императорск. Величества.

По ссудамъ, выданнымъ по случаю бывшихъ въ 1867 и 1868 гг. неурожаевъ изъ Государственнаго Казначейства и общаго продовольственнаго капитала всего на 210000 руб. къ настоящему 1893 г. состояло въ недоимкѣ еще 8842 руб. 6 коп.,

а вслѣдствіе ходатайства губернскаго начальства, числившіеся въ недоимкѣ по означеннымъ ссудамъ на крестьянахъ острова Вормса 6994 руб. 10 коп., согласно опредѣленію Правительствующаго Сената, въ 1892 г. были сложены со счетовъ, какъ безнадежны къ поступленію. Въ представленіи о сложении упомянутой недоимки, губернскимъ начальствомъ указано было на нижестѣдующія обстоятельства, препятствовавшія взысканію этой недоимки. Ссуды были предоставлены не всему поголовно населенію и не въ равной части на каждую семью, а лишь наиболѣе нуждавшимся семействамъ, отъ 40 до 50 руб. за круговую порукою общества, а крестьяне, получившіе ссуду, большею частью уже не находятся въ живыхъ и дворы ихъ частью перешли къ наслѣдникамъ, частью же въ чужія руки. Лежавшая на томъ или другомъ крестьянскомъ дворѣ недоимка переходила, вмѣстѣ съ правомъ на участокъ и дворъ, къ слѣдующему арендатору, почему взысканіе недоимокъ съ поздиѣйшаго арендатора представлялось несправедливымъ. При этомъ, населеніе острова Вормса чрезвычайно истощено средствами и матеріальное положеніе его вообще крайне печально.

Хотя бѣдственныя послѣдствія неурожаевъ 1867 и 1868 гг. и были устранены, но неурожай эти доказали, что дѣло народнаго продовольствія поставлено въ Эстляндской губерніи неудовлетворительно и населеніе ея недостаточно обезпечено собственными средствами, на что и было обращено вниманіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 28 августа 1868 г. Прибалтійскій генералъ-губернаторъ препроводилъ Эстляндскому губернатору копію съ отношенія Министерства отъ 7 августа 1868 г. за № 7841, въ которомъ оно указываетъ, что Прибалтійскія губерніи, не пользуясь правомъ получать ссуды изъ общенперскаго продовольственнаго капитала и не имѣя собственныхъ губернскихъ продовольственныхъ капиталовъ, въ случаѣ голода, принуждены обращаться за помощью въ Государственное Казначейство; въ виду такого положенія Министерство предлагало выработать предположенія для устраненія подобныхъ случаевъ.

Послѣ долгой переписки, бывший Эстляндскій губернаторъ Поливановъ въ 1874 г. донесъ, что образованіе отдѣльнаго продовольственнаго капитала посредствомъ сборовъ по 3 коп. съ ревизской души въ годъ, какъ это установлено для другихъ губерній, въ Эстляндской губерніи излишне, такъ какъ мѣстные продовольственные средства на столько велики (по 13 руб. 50 коп. на душу), что опасаться недостатка ихъ въ обыкновенный неурожайный годъ не представляется основаній.

Почти одновременно съ этимъ дѣломъ, по иниціативѣ Комисіи народнаго продовольствія (отношеніе отъ 8 декабря 1873 года за № 818 въ комисію крестьянскихъ дѣлъ), возникло ходатайство о разрѣшеніи обратитъ хлѣбные волостные запасы въ деньги.

Представленіе объ этомъ, по заслушаніи всего дѣла комисіей крестьянскихъ дѣлъ (отъ 17 января 1874 г. № 10), было сдѣлано Прибалтійскому генералъ-губернатору и вошло въ выработанныя имъ предположенія о совершенномъ уничтоженіи хлѣбозапасныхъ магазиновъ, причемъ проектировались слѣдующія правила:

1. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ накопившемся въ крестьянскихъ запасныхъ магазинахъ хлѣбѣ не предвидится вовсе надобности или не въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ запасы эти состоятъ на лицо, предоставляется комисіи крестьянскихъ дѣлъ разрѣшать, по постановленію схода выборныхъ, продажу всего хранящагося въ сельскихъ общественныхъ магазинахъ хлѣба, или части онаго, съ обращеніемъ вырученныхъ денегъ въ общественный продовольственный капиталъ.

2. Пока образовавшійся отъ продажи запасовъ общественный продовольственный капиталъ не достигнетъ размѣра, соответствующаго опредѣляемой комисіей крестьянскихъ дѣлъ высшей, по возможности, стоимости проданнаго изъ нормальнаго запаса количества хлѣба, проценты съ продовольственнаго капитала причисляются къ самому капиталу, а затѣмъ могутъ быть употребляемы на призрѣніе бѣдныхъ и другія общественныя надобности или отчисляемы въ пользу волостной кассы.

3. Въ случаѣ оказавшейся нужды въ хлѣбѣ, таковой пріобрѣтается на счетъ продовольственнаго капитала и раздается нуждающимся въ ссуды, которыя должны быть возвращены деньгами.

4. Приведеніе этихъ правилъ въ дѣйствіе предоставляется комисіямъ крестьянскихъ дѣлъ подъ руководствомъ генералъ-губернатора.

Не оспаривая по существу этого проекта, Министерство усмотрѣвъ, что предположенія эти составлены исключительно одними комисіями крестьянскихъ дѣлъ, безъ участія комисіи народнаго продовольствія, потребовало (17 октября 1877 г. № 9582) заключенія продовольственной комисіи, которая, по обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, высказалась отрицательно по вопросу объ образованіи въ Эстляндской губерніи особаго продовольственнаго капитала посредствомъ обложенія населенія

особымъ подушнымъ сборомъ и поддержала высказанное ею еще въ 1871 г. предположеніе о замѣнѣ хлѣбозапасныхъ магазиновъ денежными капиталами. Заключение это было представлено 21 февраля 1882 г. за № 8, въ хозяйственный департаментъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

А. Арсенъ.

III. Фактическое положеніе вопроса о народномъ продовольствіи въ Эстляндской губерніи.

Количество душъ крестьянскаго сословія, приписанныхъ къ волостямъ равняется (по даннымъ 1892 года) 310,572 обоого пола. Это населеніе распредѣляется по уѣздамъ въ слѣдующемъ порядкѣ

1. Ревельскій	93,671	душъ	обоого	пола
2. Везенбергскій	89,750	"	"	"
3. Гапсальскій	79,817	"	"	"
4. Вейсенштейнскій	47,334	"	"	"

По отдѣльнымъ комиссарскимъ участкамъ распределеніе населенія слѣдующее :

1. Везенбергскій	55,610	душъ	обоого	пола
2. Ревельскій	50,639	"	"	"
3. Вейсенштейнскій	47,334	"	"	"
4. Рапельскій	43,032	"	"	"
5. Левенскій	34,140	"	"	"
6. Гапсальскій	29,055	"	"	"
7. Леальскій	28,729	"	"	"
8. Дагенскій	22,033	"	"	"

Во всей губерніи числится 132 волости, которыя имѣютъ 491 хлѣбозапасный магазинъ. Наличныя продовольственныя средства заключаются въ слѣдующемъ : а) 28,376 чтв. 55 гар. озимаго хлѣба, б) 51,849 чтв. 39 гар. яроваго хлѣба и в) 887,211 руб. 25 коп. продовольственнаго капитала. Принимая во вниманіе, что по средней справочной цѣнѣ, выведенной изъ среднихъ ежемѣсячныхъ справочныхъ цѣнъ за послѣдніе три года (1890, 1891 и 1892 г. г.) озимый хлѣбъ равняется 10 руб. за четверть, а яровой — 5 руб. 50 коп. за четверть и переводя наличный запасъ зерна на деньги, увидимъ, что продовольственныя средства губерніи простираются до 1,456,140 руб. 75 коп. Кромѣ имѣющихся на лицо продовольственныхъ средствъ во всей губерніи числится въ недоимкѣ за разными лицами и обществами а) 6549 чтв. 59 гар. озимаго хлѣба ; б) 3978 чтв. 41 гар. яроваго хлѣба

и в) 21,344 руб. 94 коп. деньгами. Переводя числящееся въ недоимкѣ зерно по вышеуказаннымъ справочнымъ цѣнамъ на деньги, получимъ, что недоимка равняется — 108,718 руб. 94 коп. Слѣдовательно все продовольственное имущество губерніи, включая въ него и недоимки, выразится въ суммѣ 1,564,859 руб. 69 коп.

Недоимка, выражающаяся для всей губерніи весьма почтенной цифрой (108,718 руб. 94 коп.) по распредѣленію ея на личную душу, приписанную къ волости, не только теряется, но является даже сравнительно незначительной, а именно на душу по недоимкамъ приходится: 1,3 гарнца озимаго хлѣба, 0,8 гарнца яроваго хлѣба и 6,8 коп. деньгами.

Распредѣлая наличныя продовольственныя средства на дѣйствительно приписанную къ волости душу получается слѣдующее; озимаго хлѣба на душу приходится 5,8 гарнца и яроваго — 10,6 гарнца. По закономъ (§ 2 Высочайше утвержденныхъ 11. іюня 1866 г. Правилъ объ общественномъ благосостояніи въ волостяхъ Прибалтійскихъ губерній) установленной нормѣ на каждую ревизскую душу мужскаго пола должно приходиться по 1 чтв. озимаго хлѣба и по $\frac{1}{2}$ чтв. яроваго хлѣба, примѣняя эту норму (положенную на мужскую ревизскую душу), могущую служить обезпеченіемъ въ первое время бѣдствія, вызваннаго неурожаемъ, къ нынѣ дѣйствительно въ волости значущейся душѣ, оказывается, что на каждую душу недостаетъ озимаго хлѣба въ размѣрѣ 58,2 гарнца и яроваго хлѣба въ размѣрѣ 21,4 гарнца. Переводя по вышеупомянутой справочной цѣнѣ зерно на деньги окажется, что каждая дѣйствительно въ волости числящаяся душа обезпечена 4 руб. 69 коп., между тѣмъ какъ по закономъ установленной нормѣ (на мужскую ревизскую душу — 1 чтв. озимаго хлѣба и $\frac{1}{2}$ чтв. яроваго хлѣба) на душу должно было бы приходиться по 12 руб. 75 коп., изъ чего слѣдуетъ, что на каждую душу не достаетъ по 8 руб. 06 коп. или всего на губернію 2,503,210 руб. 32 коп., т. е. почти вдвое больше того, что имѣется нынѣ въ губерніи на лицо.

Разсматривая наличныя продовольственныя средства съ точки зрѣнія закономъ предусмотрѣннаго обезпеченія мужской ревизской души, получается слѣдующее. Количество мужскихъ ревизскихъ душъ по X ревизіи 1857 года равняется 128,823; продовольственныя средства на эту душу распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 14,0 гарнца озимаго хлѣба и 25,7 гарнца яроваго хлѣба, т. е. озимаго хлѣба недостаетъ сравнительно съ закономъ установленной нормой въ размѣрѣ 50,0 гарнцевъ на душу и яроваго въ размѣрѣ 6,3 гарнца на душу. Что касается продовольственнаго капитала, то на мужскую ревизскую душу приходится по 6 руб. 88 коп.

Переводя имѣющееся зерно по вышеуказаннымъ справочнымъ цѣнамъ на деньги, окажется, что каждая мужская ревизская душа обеспечена 11 руб. 22 коп., или на 1 руб. 53 коп. меньше чѣмъ установлено закономъ (1 чтв. озимаго хлѣба и $\frac{1}{2}$ чтв. яроваго хлѣба = 12 руб. 75 коп.).

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ: 1) что имѣющіяся въ губерніи продовольственные средства по распредѣленію на ревизскую мужскую душу не удовлетворяютъ требованіямъ поставленнымъ закономъ, что на каждую ревизскую мужскую душу въ губерніи недостаетъ 1 руб. 53 коп., или (считая на ту-же душу) всего на губернію 197,099 руб. 49 коп.; 2) что каждая дѣйствительно въ волости числящаяся душа обеспечена лишь 5,8 гарнц. озимаго хлѣба, 10,6 гарнц. яроваго хлѣба и 2 руб. 85 коп. деньгами или (переводя зерно на деньги) 4 руб. 69 коп., всего т. е. (считая нормальное обезпеченіе въ 12 руб. 75 коп.) на каждую душу недостаетъ сравнительно съ нормою 8 руб. 06 коп. или на всю губернію 2,503,210 руб. 32 коп.

Переходя къ отдѣльнымъ уѣздамъ слѣдуетъ, что сравнительно наиболѣе обезпеченнымъ можетъ считаться Везенбергскій уѣздъ, въ которомъ на каждую душу приходится по 5 руб. 50 коп. Ревельскіе и Вейсенштейнскіе уѣзды съ точки зрѣнія обезпеченія населенія занимаютъ приблизительно одинаковое положеніе; въ первомъ на душу приходится по 4 руб. 61 коп., а во второмъ по 4 руб. 69 коп. Наименѣе сравнительно обезпечено населеніе Гапсальскаго уѣзда, въ которомъ лишь 4 руб. приходится на каждую наличную душу.

Что касается отдѣльныхъ комиссарскихъ участковъ, то они по степени обезпеченія народонаселенія идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Іевенскій	на каждую наличную душу по 6 р. 06 к.
2. Везенбергскій	„ „ „ „ „ 4 „ 95 „
3. Рапельскій	„ „ „ „ „ 4 „ 76 „
4. Вейсенштейнскій	„ „ „ „ „ 4 „ 69 „
5. Ревельскій	„ „ „ „ „ 4 „ 48 „
6. Гапсальскій	„ „ „ „ „ 4 „ 29 „
7. Леальскій	„ „ „ „ „ 4 „ 05 „
8. Дагенскій	„ „ „ „ „ 2 „ 83 „

1. Іевенскій участокъ. Іевенскій участокъ заключаетъ 34,140 душъ обоого пола, причисленныхъ къ волостямъ и 15,055 душъ мужскаго пола по ревизіи 1857 года; имѣетъ 19 волостей, изъ которыхъ наименьшая (Мустаеги) числится въ 106 душъ обоого пола, а наибольшая (Изенгофъ) — 4219 душъ обоого пола. Хлѣбозапасныхъ магазиновъ въ этомъ участкѣ 63; они содер-

жать 6064 четв. 28 гар. озимаго хлѣба и 7770 четв. 8 гар. яроваго хлѣба. Кромѣ того въ недоимкѣ числится 1979 четв. 32 гар. озимаго хлѣба, 513 четв. 28 гар. яроваго хлѣба и 12,217 руб. 95 коп. деньгами. Эта недоимка должна считаться сравнительно съ другими участками громадною, такъ какъ на каждую приписанную къ волостямъ душу обоого пола по недоимкамъ приходится по 3,7 гарн. озимаго хлѣба, по 0,9 гарн. яроваго хлѣба и по 35 коп. деньгами. Что касается собственно запаснаго продовольственнаго зерна, то на каждую наличную душу приходится по 11,3 гарн. озимаго хлѣба и по 14,5 гарнца яроваго. Такое количество зерна, приходящееся на душу, должно считаться, по сравненію съ другими участками, очень большимъ; но количеству озимаго хлѣба, приходящагося на душу, Левенскій участокъ занимаетъ первое мѣсто, а по количеству яроваго онъ превосходится лишь Везенбергскимъ (16,4 гар. на душу и Вейсенштейнскимъ (15,2 гар. на душу). Тѣмъ не менѣе Левенскій участокъ по обезпеченію народонаселенія продовольствіемъ далеко отстаетъ отъ желательной (на душу 1 четв. озимаго хлѣба и $\frac{1}{2}$ четв. яроваго хлѣба) нормы, а именно до этой нормы не достаетъ озимаго хлѣба 52,7 гарн. и яроваго хлѣба 17,5 гарн. Кромѣ указаннаго количества зерна Левенскій участокъ имѣетъ весьма значительный капиталъ, а именно въ 103,832 руб. 17 коп. Распредѣляя эти деньги на количество наличныхъ душъ, оказывается, что на каждую душу приходится по 3 р. 04 коп. Этотъ капиталъ вмѣстѣ съ значительнымъ запасомъ зерна и обуславливаетъ наибольшее обезпеченіе населенія Левенскаго участка, выражающееся (переводя все зерно на деньги) въ суммѣ 206,207 руб. 17 коп. или по 6 р. 06 коп. на каждую наличную душу. Остановиваясь въ частности на ревизскихъ душахъ мужскаго пола, каковыхъ въ Левенскомъ участкѣ считается 15,055, оказывается, что названный участокъ единственный (вмѣстѣ съ Везенбергскимъ), имѣющій избытокъ по народному продовольствію сравнительно съ закономъ установленною нормою, а именно на каждую ревизскую мужскую душу (переводя зерно на деньги) приходится 13 руб. 76 коп. или на 1 руб. 01 коп. больше чѣмъ установлено закономъ (12 руб. 75 коп.). Что касается отдѣльныхъ волостей Левенскаго участка, то таковыя представляютъ значительное разнообразіе, отмѣтить слѣдуетъ наиболѣе богатую волость Вайвара и наиболѣе бѣдную Эрасъ: какъ та, такъ и другая волость продовольственнаго капитала совсѣмъ не имѣютъ, но между тѣмъ какъ въ волости Вайвара (при переводѣ зерна на деньги) на каждую наличную душу приходится 12 руб. 18 коп. т. е. лишь на 57 коп. меньше установленной нормы,

въ волости Эрасъ на каждую душу приходится лишь по 2 руб. 88 коп., то есть на 9 руб. 87 коп. меньше нормы. Что касается распредѣленія продовольственныхъ средствъ на мужскую ревизскую душу, то изъ 19 волостей 9 имѣютъ избытокъ продовольственныхъ средствъ въ сравненіи съ закономъ установленною нормою (отъ + 1 р. 06 коп. до + 9 р. 12 коп.), 10 же волостей обнаруживаютъ недостатокъ, колеблющійся отъ — 2 коп. до — 5 р. 16 коп.

2. Везенбергскій участокъ. Везенбергскій участокъ имѣетъ 55,610 душъ обоого пола и 20,315 душъ мужскаго пола по ревизіи 1857 года. Содержитъ 17 волостей, изъ которыхъ наиболѣе населенная (Вагъ) имѣетъ 4420 душъ обоого пола, а наименѣе населенная (Фональ) 2163 души обоого пола. Этотъ участокъ имѣетъ 93 хлѣбозапасныхъ магазина, содержащихъ 5441 чтв. 19 гар. озимаго хлѣба и 14,280 чтв. 31 гар. яроваго хлѣба. По распредѣленію на наличную душу приходится перваго 6,2 гар., т. е. на 57,8 гар. меньше установленной нормы, а втораго (яроваго хлѣба) 16,4 гар., т. е. на 15,6 гар. меньше нормы. Кромѣ указанного зерна Везенбергскій участокъ имѣетъ 142,734 руб. 60 к. продовольственного капитала, что составляетъ 2 р. 56 коп. на каждую наличную душу. Переводя все зерно на деньги, оказывается, что Везенбергскій участокъ обладаетъ капиталомъ въ 275,684 руб. 60 коп. или по 4 руб. 95 коп. на наличную душу, т. е. на 7 руб. 80 коп. меньше нормы. Недонмка по Везенбергскому участку сравнительно весьма незначительна, а именно: на каждую наличную душу приходится по 0,2 гар. озимаго хлѣба, по 0,2 гар. яроваго и по 0,03 коп. деньгами; по малому количеству недопмокъ Везенбергскому участку принадлежитъ первое мѣсто въ губерніи.

Обращаясь къ распредѣленію наличныхъ продовольственныхъ средствъ на мужскую ревизскую душу, оказывается, что Везенбергскій участокъ наравнѣ съ Левенскимъ не только удовлетворяетъ нормѣ, установленной закономъ, но въ общей сложности (зерно и капиталъ) даетъ даже небольшой избытокъ, равняющійся 82 коп. на каждую ревизскую мужскую душу.

Переходя къ отдѣльнымъ волостямъ, нельзя не отмѣтить, во первыхъ того, что три волости — Зомергузенъ, Фіоль и Саксимойзъ — совсѣмъ не имѣютъ недопмокъ; недоимка же денежная въ размѣрѣ 20 руб. 42 коп. числится только за волостью Рагаферъ; во вторыхъ, что при распредѣленіи продовольственныхъ средствъ на наличную душу оказываются всѣ волости приблизительно въ одинаковой степени обезнеченными: колебаніе идетъ

отъ 3 руб. 55 коп. до 5 руб. 87 коп. При распредѣленіи продовольственныхъ средствъ на мужскую ревизскую душу 9 волостей даютъ избытокъ въ сравненіи съ закономъ установленною нормою, причемъ избытокъ колеблется отъ + 35 коп. до + 3 руб. 79 к. на душу и 8 волостей оказываютъ недостатокъ продовольствія отъ — 2 коп. до — 2 руб. 62 коп. на душу.

3. Рапельскій участокъ. Рапельскій участокъ числится въ 43,032 души обоого пола наличныя и 18,499 душъ мужскаго пола по ревизіи 1857 года. Этотъ участокъ состоитъ изъ 15 волостей, изъ которыхъ наиболѣе населенная волость (Рапель) имѣетъ 5675 душъ обоого пола, а наименьшая (Лайць) 867 душъ обоого пола. Весь Рапельскій участокъ имѣетъ 69 хлѣбозапасныхъ магазиновъ, въ которыхъ содержится 3959 чтв. 16 гар. озимаго хлѣба и 7552 чтв. 48 гар. яроваго хлѣба; на каждую наличную душу приходится по 5,8 гар. озимаго хлѣба и по 11,2 гар. яроваго хлѣба, т. е. перваго на 58,2 гар., а втораго на 20,8 гар. меньше нормы. Кромѣ указаннаго запаса зерна этотъ участокъ имѣетъ 123,981 руб. 33 коп. продовольственнаго капитала (по 2 руб. 88 коп. на наличную душу), такъ что сумма обезпеченія всего населенія выражается капиталомъ въ 205,107 руб. 23 коп., т. е. по 4 руб. 76 коп. на наличную душу или на 7 руб. 99 коп. меньше нормы. При распредѣленіи продовольственныхъ средствъ на мужскую ревизскую душу, оказывается, что такая душа обезпечена 13,7 гар. озимаго хлѣба (на 50,3 гар. меньше нормы), 26,1 гар. яроваго хлѣба (на 5,9 гар. меньше нормы) и 6 руб. 74 коп. капитала или всего 11 руб. 8 коп., т. е. на 1 руб. 67 коп. меньше, чѣмъ на ревизскую душу приходилось-бы по закономъ установленной нормѣ. Что касается недоимокъ, то Рапельскій участокъ занимаетъ въ этомъ отношеніи одно изъ послѣднихъ въ губерніи мѣстъ, а именно: на каждую наличную душу недоимокъ приходится по 0,6 гар. озимаго хлѣба, по 0,4 гар. яроваго хлѣба и по 4 коп. деньгами. Что касается отдѣльных волостей Рапельскаго участка, то они почти всѣ приблизительно одинаково обезпечены; лишь въ одной волости (Кирна-Кохать) на наличную душу приходится 8 руб. 63 коп., тогда какъ во всѣхъ остальныхъ на наличную душу приходится отъ 3 руб. 49 коп. до 5 руб. 95 коп. Далѣе слѣдуетъ отмѣтить, что только одна волость (Николаевская) совсѣмъ не имѣетъ недоимокъ, что волость Кирна-Кохать имѣетъ въ недоимкѣ всего лишь 1 чтв. озимаго хлѣба и что денежная недоимка числится изъ 15 волостей только въ 5. Но распредѣленію продовольственныхъ средствъ на мужскую ревизскую душу оказывается, что только одна волость обнару-

живаешь избытокъ продовольствія сравнительно съ закономъ установленной нормой, а именно въ Александровской на каждую ревизскую душу мужскаго пола приходится 13 руб. 13 коп., т. е. на 43 коп. больше, чѣмъ то полагается по закономъ установленной нормѣ; остальные волости обнаруживаютъ недостатокъ отъ — 20 коп. до — 4 рублей.

4. Вейсенштейнскій участокъ. Вейсенштейнскій участокъ, совпадающій съ уѣздомъ того же наименованія, считаетъ 47,334 души обоого пола наличныхъ и 22,158 душъ мужскаго пола по ревизіи 1857 года. Въ этомъ участкѣ 22 волости, изъ которыхъ наибольшая (Вейнъервенъ) считаетъ 5171 душу обоого пола, а наименьшая (Вагастъ) 699 душъ обоого пола. Всѣ волости вмѣстѣ имѣютъ 85 хлѣбозапасныхъ магазиновъ съ запасомъ зерна въ 5121 чтв. 32 гар. озимаго хлѣба и 11,319 чтв. 56 гар. яроваго хлѣба. Этотъ запасъ зерна распредѣляется такъ, что на каждую наличную душу обоого пола приходится 6,9 гар. озимаго хлѣба и 15,2 гар. яроваго хлѣба, т. е. меньше нормы на 57,1 гар. перваго и на 16,8 гар. втораго. Кромѣ этого наличнаго продовольствія въ зернѣ Вейсенштейнскій участокъ имѣетъ 108,605 рублей продовольственнаго капитала, т. е. по 2 руб. 29 коп. на каждую наличную душу. Переводя зерно на деньги, оказывается, что на каждую наличную душу приходится по 4 руб. 69 к., т. е. на 8 руб. 06 коп. меньше нормы или весь участокъ обезпеченъ капиталомъ въ 222,069 руб. 50 коп. Распредѣляя весь этотъ капиталъ на мужскія души ревизіи 1857 года, окажется, что на каждую такую душу приходится 10 руб. 02 коп., т. е. на 2 руб. 73 коп. меньше закономъ установленной нормы. Что касается недоимокъ, то таковыя не могутъ считаться въ этомъ участкѣ большими въ сравненіи съ недоимками другихъ участковъ, а именно на каждую наличную душу обоого пола приходится по недоимкамъ по 0,4 гар. озимаго хлѣба, по 0,5 гар. яроваго хлѣба и по 1,9 коп. деньгами. Изъ 22 волостей лишь двѣ совсѣмъ не имѣютъ недоимокъ: Вейнъервенъ и Орисаръ; недоимка собственно деньгами приходится лишь на 4 волости, въ остальныхъ недоимка числится зерномъ. Относительно обезпеченности народонаселенія отдѣльныя волости представляютъ значительное разнообразіе: минимумъ обезпеченія продовольствіемъ имѣетъ волость Мексгофъ, въ которой на каждую наличную душу приходится только 2 руб. 80 коп., а максимумъ волость Сереферъ, въ которой на каждую наличную душу приходится по 8 руб. 61 коп. Произведя расчетъ продовольственныхъ средствъ на мужскую ревизскую душу, оказывается, что лишь двѣ волости (Капо и

Койкъ) имѣютъ продовольствія больше, чѣмъ то установлено закономъ, а именно: въ волости Капо на каждую ревизскую мужскую душу приходится по 17 руб. 22 коп., а въ волости Койкъ по 12 руб. 95 коп., т. е. на 4 руб. 47 коп. въ первой и на 20 коп. во второй больше сравнительно съ закономъ установленной нормой, остальные волости обнаруживаютъ недостатокъ, колеблющійся между — 7 коп. и — 7 руб. 03 коп. на мужскую ревизскую душу.

5. Ревельскій участокъ. Въ Ревельскомъ участкѣ числится 50,639 душъ обоого пола и 19,742 души мужскаго пола по ревизіи 1857 года. Въ этомъ участкѣ всего 17 волостей, изъ которыхъ три приходятся на острова, а именно Наргенъ, Роге (большой и малый) и Врангельсгольмъ; они же изъ всѣхъ волостей и наименѣ населены: 357, 328 и 335 душъ обоого пола (наличныхъ), наиболѣе же населенная волость въ участкѣ (Гаркъ) имѣетъ 5651 душу обоого пола. Въ Ревельскомъ участкѣ всего 60 магазиновъ съ запасомъ хлѣба (въ зернѣ) въ 2837 чтв. 48 гар. озимаго хлѣба и 3661 чтв. 32 гар. яроваго. На каждую наличную душу такимъ образомъ приходится по 3,5 гар. озимаго хлѣба и по 4,6 гар. яроваго, т. е. на 60,5 гар. перваго и на 27,4 гар. втораго меньше нормы. Кромѣ этого запаса зерна Ревельскій участокъ имѣетъ 178,501 руб. 77 коп. продовольственнаго капитала, каковаго приходится на каждую наличную душу обоого пола по 3 руб. 52 к. Переводя зерно на деньги, оказывается, что весь участокъ обладаетъ капиталомъ въ 227,007 руб. 27 коп., т. е. на каждую наличную душу приходится по 4 руб. 48 коп. или на 8 руб. 27 коп. меньше нормы. Переводя весь капиталъ на ревизскую душу мужскаго пола, окажется, что каждая такая душа имѣетъ по 11 руб. 49 коп. или на 1 руб. 26 коп. меньше закономъ установленной нормы. Что касается недоимокъ, то Ревельскій участокъ занимаетъ среднее среди остальныхъ участковъ положеніе, а именно по недоимкамъ на каждую наличную душу приходится 1,2 гар. озимаго хлѣба, 1 гар. яроваго хлѣба и 4,7 коп. деньгами. Остановиваясь на отдѣльныхъ волостяхъ, слѣдуетъ отмѣтить во первыхъ, что островъ Наргенъ не имѣетъ ни магазина, ни запаснаго зерна, ни продовольственнаго капитала, во вторыхъ, что островъ Врангельсгольмъ имѣетъ только продовольственный капиталъ (въ размѣрѣ 3600 рублей); въ третьихъ, что въ противоположность названнымъ островамъ, острова большой и малый Роге (волость Роге) имѣютъ два магазина и что на каждую наличную душу приходится по 13 руб. 51 коп. или на 76 коп. больше нормы. Всѣ остальные волости обезпечены мень-

шими сравнительно капиталами и представляют значительное разнообразіе, такъ что въ наименѣе обезпеченной волости (Гаркѣ) на наличную душу приходится по 2 руб. 35 коп., а въ наиболѣе обезпеченной (Врангельсгольмѣ) по 10 руб. 75 коп. Эта послѣдняя волость т. е. островъ Врангельсгольмѣ имѣетъ такое обезпеченіе своего населенія, благодаря сравнительно большому продовольственному капиталу. Остановиваясь на распредѣленіи продовольственныхъ средствъ на ревизскую мужскую душу слѣдуетъ отмѣтить, что изъ 17 волостей 6 имѣютъ на душу большее обезпеченіе, чѣмъ то устанавливается законною нормою, а именно этотъ избытокъ колеблется отъ + 68 коп. до + 13 руб. 47 коп. на каждую душу. Остальныя волости напротивъ того обнаруживаютъ недостатокъ сравнительно съ закономъ установленною нормою, колебавшійся отъ — 90 коп. до — 4 руб. 69 коп. на ревизскую душу.

6. Галсальскій участокъ. Галсальскій участокъ имѣетъ 29,055 наличныхъ душъ обоого пола и 12,914 души мужскаго пола по ревизіи 1857 года. Этотъ участокъ имѣетъ 22 волости, изъ которыхъ наиболѣе населенная (Оро) считаетъ 2703 души обоого пола, а наименѣе населенная (Кянда) 173 души. Во всеѣмъ участкѣ 74 магазина съ запасомъ зерна въ 2679 чтв. 48 гар. озимаго хлѣба и 3308 чтв. 48 гар. яроваго хлѣба. На каждую наличную душу приходится по 5,9 гар. озимаго хлѣба и по 7,2 гар. яроваго хлѣба, то есть на 58,1 гар. перваго и на 24,8 гар. втораго меньше нормы. Кромѣ того Галсальскій участокъ имѣетъ 85,125 руб. 77 коп. продовольственнаго капитала, т. е. 2 руб. 92 коп. на каждую наличную душу обоого пола. Переводя зерно на деньги, оказывается, что весь участокъ обладаетъ капиталомъ въ 140,109 руб. 77 коп., т. е. на каждую наличную душу приходится по 4 р. 29 коп. или на 8 руб. 46 коп. меньше нормы. Распредѣляя весь имѣющійся и только что упомянутый капиталъ на ревизскую мужскую душу, оказывается, что каждая душа обезпечена 9 руб. 60 коп., т. е. на 3 руб. 15 коп. меньше, чѣмъ то установлено закономъ. Что касается педоимокъ, то таковыхъ деньгами въ Галсальскомъ участкѣ совсѣмъ нѣтъ, озимаго же хлѣба недоимками приходится на наличную душу по 2,7 гар., а яроваго по 1,7 гар. Переходя къ отдѣльнымъ волостямъ, слѣдуетъ отмѣтить, что они представляютъ по обезпеченію продовольствіемъ народонаселенія весьма значительное разнообразіе: всего менѣе обезпечена волость Рикгольцъ, въ которой на наличную душу приходится только по 1 руб. 34 коп., а наиболѣе обезпечена волость Пирсаль, въ которой на наличную душу приходится по 8 руб. 71 коп. Что касается

ревизскихъ мужскихъ душъ, то распредѣляя продовольственныя средства на эту единицу, оказывается, что только три волости изъ 22 обезпечены болѣе, чѣмъ то устанавливается закономъ нормой, остальные обнаруживаютъ недостатокъ, колеблющійся отъ — 24 коп. до — 9 руб. 31 коп. на ревизскую душу.

7. Леальскій участокъ. Въ Леальскомъ участкѣ считается 28,729 наличныхъ душъ обоого пола и 12,866 мужскихъ душъ по ревизіи 1857 года. Весь участокъ имѣетъ только 14 волостей, при томъ въ большинствѣ случаевъ мало населенныхъ: наиболѣе многолюдная волость (Фикель) имѣетъ 1747 душъ обоого пола, а наименѣе — (Казаргенъ) 235 душъ обоого пола. Магазиновъ въ Леальскомъ участкѣ 33 съ запасомъ зерна въ 1159 чтв. 56 гар. озимаго хлѣба и 3343 чтв. 8. гар. яроваго хлѣба. На каждую наличную душу такимъ образомъ приходится только по 2,5 гар. озимаго хлѣба и по 7,4 гар. яроваго, т. е. на 61,5 гар. перваго и на 24,6 гар. втораго меньше нормы. Продовольственный капиталъ, которымъ располагаетъ участокъ, лишь немного больше капитала Гапсальскаго участка и состоитъ изъ 86,514 руб. 43 коп., на каждую наличную душу такимъ образомъ приходится по 3 руб. 1 коп. Переводя зерно на деньги, получается, что Леальскій участокъ располагаетъ капиталомъ въ 116.490 руб. 93 коп., такимъ образомъ каждая наличная душа обезпечена 4 руб. 5 коп. или на 8 руб. 70 коп. меньше желательной нормы. На каждую ревизскую душу мужскаго пола приходится по 9 руб. 5 коп. или на 3 руб. 70 коп. меньше закономъ установленной нормы. Недомки въ Леальскомъ участкѣ довольно значительны и на каждую наличную душу недоимками приходится по 1,9 гар. озимаго хлѣба и по 1,7 гар. яроваго и по 11 коп. деньгами. Что касается отдѣльныхъ волостей, то наименѣе изъ нихъ обезпеченная (Леаль) имѣетъ по 2 руб. 77 коп. на каждую наличную душу, а наиболѣе обезпеченная (Вадемойзъ) по 6 руб. 29 коп. Ни при распредѣленіи продовольственныхъ средствъ на мужскую ревизскую душу, ни тѣмъ менѣе при распредѣленіи на наличную душу обоого пола ни одна волость Леальскаго участка не обнаруживаетъ обезпеченія, достигающаго закономъ установленной нормы.

8. Дагенскій участокъ. Дагенскій участокъ состоитъ, исключая маленькіе острова, изъ двухъ острововъ: Даго и Вормсъ; первый изъ нихъ имѣетъ 20,083 наличныя души обоого пола и 6327 мужскихъ душъ по ревизіи 1857 года, а второй 1950 наличныхъ и 947 мужскихъ ревизскихъ душъ. Островъ Вормсъ составляетъ отдѣльную волость, а островъ Даго содержитъ 5 волостей, изъ которыхъ одна (Кертель), волость безземельная, фа-

бричная, имѣющая 1808 душъ обоого пола (446 мужскихъ ревизскихъ душъ), а остальные четыре отъ 4024 душъ обоого пола (Кыргесаръ) до 5208 (Кейнисъ). Дагенскій участокъ, какъ сказано уже выше, наименѣе обезпеченный изъ всѣхъ участковъ Эстляндской губернии; это обусловливается отчасти тѣмъ, что островъ Вормсъ не имѣетъ ни магазина, ни зерна, ни продовольственнаго капитала; островъ же Даго находится сравнительно въ лучшихъ условіяхъ. Во всѣмъ Дагенскомъ участкѣ числятся всего 14 магазиновъ съ запасомъ зерна въ 1113 чтв. озимаго хлѣба и 613 чтв. яроваго хлѣба; на каждую наличную душу приходится по 3,2 гар. озимаго хлѣба и по 1,7 гар. яроваго хлѣба (безъ о. Вормсъ: по 3,5 гар. озимаго хлѣба и по 1,9 гар. яроваго хлѣба) т. е. на 60,8 гар. перваго и 30,3 гар. втораго меньше нормы (безъ о. Вормсъ: на 60,5 гар. перваго и на 30,1 гар. втораго меньше). Весь продовольственный капиталъ Дагенскаго участка равняется 57.916 руб. 28 коп., т. е. на наличную душу приходится 2 руб. 62 коп. (безъ о. Вормсъ: по 2 руб. 88 коп.). Переводя зерно на деньги, оказывается, что весь этотъ участокъ обладаетъ капиталомъ въ 72,417 руб. 78 коп., т. е. на наличную душу приходится по 2 руб. 83 коп. (безъ Вормсъ: по 3 руб. 11 коп.) или на 9 руб. 92 коп. меньше нормы (безъ Вормсъ: на 9 руб. 64 коп.). Распредѣляя этотъ капиталъ на мужскую ревизскую душу, приходится на таковую по 8 руб. 57 коп. (безъ о. Вормсъ: по 9 руб. 86 коп.), т. е. на 4 руб. 18 коп. (безъ о. Вормсъ: на 2 руб. 89 коп.) меньше закономъ установленной нормы. Недомка Дагенскаго участка составляетъ по величинѣ сравнительно съ другими участками. среднюю: на наличную душу приходится по 1,3 гар. озимаго хлѣба, по 0,5 гар. яроваго хлѣба и по 2 коп. деньгами (безъ о. Вормсъ: 1,4 гар. озимаго, 0,6 гар. яроваго и 3 коп. деньгами). Что касается отдѣльныхъ волостей, то, какъ сказано выше, островъ Вормсъ не имѣетъ ни зерна, ни продовольственнаго капитала; далѣе слѣдуетъ отмѣтить, что волость Кертель имѣетъ только продовольственный капиталъ и не имѣетъ зерна. Говоря вообще, (исключая островъ Вормсъ) всѣ волости Дагенскаго участка обезпечены приблизительно одинаково плохо: наиболѣе обезпеченная волость (Кейнисъ) имѣетъ по 4 руб. 40 коп. на наличную душу, а наименѣе обезпеченная (Эмасть) по 2 руб. 61 коп. По распредѣленію продовольственныхъ средствъ на ревизскую мужскую душу, оказывается, что одна волость, а именно Кертель, обезпечена свыше закономъ установленной нормы (на + 3 руб. 16 коп. на ревизскую душу мужскаго пола): на каждую ревизскую душу приходится по 15 руб. 91 коп. Всѣ

же остальные обнаруживают недостаток въ сравненіи съ закономъ установленной нормой отъ — 36 коп. до — 3 руб. 75 коп. на ревизскую мужскую душу.

Дополненіе: см. приложенныя таблицы.

А. л. Харузинъ.

Т а б л и ц а

распредѣленія продовольственныхъ средствъ въ
Эстляндской губерніи по расчету на дѣйстви-
тельно къ волости приписанную душу (обоого
пола) по даннымъ 1892 года.

У ѣ з д ѣ . Комисарскій участокъ.	Наименованіе волостей.	Количество душъ своего пола по даннымъ 1892 года.	Количество хлѣбо-запасныхъ магациновъ.	Наличныя продовольственныя средства.						Н е		
				Озимый хлѣбъ.		Яровой хлѣбъ.		Продоволь- ственный саиитатъ.		Озимый хлѣбъ.		
				Четв.	Гари.	Четв.	Гари.	Руб.	Гоп.	Четв.	Гари.	
Р е в е л ь с к і й .	Гаркъ	5651	2	69	48	60	—	12200	26	4	—	
	Курналь	2543	5	202	48	362	16	11501	02	65	16	
	Кегель	2812	4	72	8	95	48	15501	91	1	48	
	Неве	1855	2	116	8	100	56	7008	—	68	48	
	Анія	2693	4	104	24	173	40	8230	—	61	56	
	Егелехтъ	3667	6	326	32	458	24	12574	61	33	40	
	Пенингбп	3571	4	366	8	466	24	8275	15	24	—	
	Юганисгофъ	3939	7	208	32	383	24	12518	06	291	56	
	Негатъ	4860	4	138	56	257	—	15674	37	123	40	
	Фридрихгофъ	3843	7	102	32	195	—	15028	42	21	—	
	о. Наргенъ	357	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	о. Роге	328	2	90	8	58	—	3212	43	—	—	
	Падисъ	4945	7	155	48	204	—	28188	19	17	40	
	Кенда	2990	2	242	8	275	16	7152	85	41	40	
	Колькъ	4520	2	409	24	282	8	13473	37	146	24	
	Кида	1730	2	232	48	289	32	4363	13	83	—	
	о. Врангельсгольмъ	335	—	—	—	—	—	3600	—	—	—	
	Итого въ Ревельскомъ участкѣ		50639	60	2837	48	3661	32	178501	77	984	24
	Р а п е л ь с к і й .	Рапель	5675	9	380	32	746	32	15987	52	234	32
Ервакантъ		1906	1	73	16	215	32	4742	43	22	16	
Кехтель		2312	3	284	—	431	—	5752	32	28	—	
Рапкюль		2255	3	122	—	309	—	6301	08	24	—	
Ерденъ		4380	9	471	—	663	—	10999	71	28	—	
Куймець		1246	1	175	—	247	—	2598	50	4	—	
Кай		3156	3	379	—	719	—	6612	38	14	—	
Владимірская		3151	5	374	—	754	48	7293	37	8	32	
Александровская		3558	6	292	32	873	48	10583	09	10	—	
Николаевская		3957	6	362	32	740	16	11810	35	—	—	
Лайцъ		867	1	106	—	113	—	3466	98	2	48	
Ризенбергъ		2164	4	266	—	489	16	5357	69	29	16	
Шварценъ		2055	5	235	—	380	—	6843	47	26	—	
Кирна-Кохатъ	2019	8	178	32	462	48	13319	07	1	—		
Бойль	4331	5	260	—	408	—	12313	27	19	—		
Итого въ Рапельскомъ участкѣ		43032	69	3959	16	7552	48	123981	23	451	16	
Итого въ Ревельскомъ уѣздѣ		93671	129	6797	—	11214	16	302483	—	1435	40	

Примѣчаніе 1. По закону (§ 2 Высочайше утв. 11 іюня 1866 г. Правилъ объ общественномъ благосостояніи въ волостяхъ Прибалтійскихъ губерніяхъ) на ревизскую мужскую душу полагается 1 четверть озимаго хлѣба и $\frac{1}{2}$ четверти яроваго.

Д о и м к и.				Изъ наличныхъ средствъ на каждую душу приходится.				Распределение недоимокъ по душамъ.				Отклонение отъ закономъ установленной нормы (расчетъ на душу).		По переводу всѣхъ продовольственныхъ средствъ на деньги, на душу приходится.		Отклонение отъ закономъ установленной нормы (расчетъ на душу).				
Яровой хлѣбъ.		Продовольственный капиталъ.		Озимый хлѣбъ въ гарницахъ.		Яровой хлѣбъ въ гарницахъ.		Продовольственный капиталъ.		Озимый хлѣбъ въ гарницахъ.		Яровой хлѣбъ въ гарницахъ.		Продовольственный капиталъ.		Озимый хлѣбъ въ гарницахъ.		Яровой хлѣбъ въ гарницахъ.		
Четв.	Гарц.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	
3	32	—	—	0,7	0,6	2	15	0,04	0,03	—	—	—	63,3	—	31,4	2	35	—	10	40
108	48	505	42	5,0	7,9	4	52	1,6	2,7	—	19,8	—	59,0	—	24,1	6	10	—	6	65
—	—	—	—	1,6	2,0	5	51	0,03	—	—	—	—	62,4	—	30,0	5	95	—	6	80
22	24	10	12	5,0	3,5	3	77	2,3	0,7	—	0,5	—	59,0	—	23,5	4	70	—	8	05
75	56	—	—	2,4	4,1	3	05	1,4	1,8	—	—	—	61,6	—	27,9	3	78	—	8	97
26	8	1377	31	5,7	8,0	3	45	0,5	0,4	—	37	—	58,3	—	24,0	5	—	—	7	75
22	24	450	—	6,5	8,3	2	31	0,4	0,4	—	12	—	57,5	—	23,7	4	06	—	8	69
254	56	—	—	3,3	6,2	3	17	4,7	4,1	—	—	—	60,7	—	25,8	4	24	—	8	51
148	16	18	50	1,8	3,3	3	22	1,4	1,9	—	0,3	—	62,2	—	28,7	3	80	—	8	95
21	16	—	—	1,7	3,2	3	86	0,3	0,3	—	—	—	62,3	—	28,8	4	45	—	8	30
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	17,5	11,6	9	80	—	—	—	—	—	46,5	—	20,4	13	51	+	—	76
10	—	—	—	1,7	2,6	5	70	0,2	0,1	—	—	—	62,3	—	29,4	6	44	—	6	31
13	32	—	—	5,0	5,3	2	75	0,8	0,2	—	—	—	59,0	—	26,7	3	75	—	9	00
75	56	30	—	5,8	3,9	2	98	2,0	1,0	—	0,6	—	58,2	—	28,1	4	22	—	8	53
21	40	—	—	8,6	10,7	2	53	3,1	0,8	—	—	—	55,4	—	21,3	4	78	—	7	97
—	—	—	—	—	—	10	74	—	—	—	—	—	—	—	—	10	74	—	2	01
804	24	2391	35	3,5	4,6	3	52	1,2	1,0	—	4,7	—	60,5	—	27,4	4	48	—	8	27
103	32	—	—	4,2	8,4	2	81	2,6	1,1	—	—	—	59,8	—	23,6	4	21	—	8	54
36	16	—	—	2,4	7,2	2	48	0,7	1,2	—	—	—	61,6	—	24,8	3	49	—	9	26
40	—	13	91	7,8	11,9	2	48	0,7	1,1	—	0,6	—	56,2	—	20,1	4	74	—	8	01
23	—	1300	—	3,4	8,7	2	79	0,6	0,6	—	57	—	60,6	—	23,3	4	09	—	8	66
16	48	—	—	6,8	9,6	2	51	0,4	0,2	—	—	—	57,2	—	22,4	4	41	—	8	34
14	—	—	—	8,9	12,7	2	08	0,2	0,7	—	—	—	55,1	—	19,3	4	58	—	8	17
18	—	132	81	7,6	14,5	2	09	0,2	0,3	—	4	—	56,4	—	17,5	4	54	—	8	21
5	—	—	—	7,5	15,3	2	31	0,1	0,1	—	—	—	56,5	—	16,7	4	81	—	7	94
—	32	—	—	5,2	15,7	2	97	0,1	0,01	—	—	—	58,8	—	16,3	5	14	—	7	61
—	—	—	—	5,8	11,8	2	98	—	—	—	—	—	58,2	—	20,2	4	92	—	7	83
—	48	138	54	7,8	8,3	3	99	0,2	0,02	—	15	—	56,2	—	23,7	5	93	—	6	82
11	32	—	—	10,6	14,4	2	47	0,8	0,3	—	—	—	53,4	—	17,6	4	94	—	7	81
14	—	—	—	7,3	14,7	3	33	0,8	0,4	—	—	—	56,7	—	17,3	5	48	—	7	27
—	—	—	—	5,6	14,6	6	59	0,03	—	—	—	—	58,4	—	17,4	8	63	—	4	12
12	—	400	—	3,8	6,1	2	84	0,2	0,1	—	9	—	60,2	—	25,9	3	96	—	8	79
295	16	1985	26	5,8	11,2	2	88	0,6	0,4	—	4	—	58,2	—	20,8	4	76	—	7	99
1099	40	4376	61	4,5	7,6	3	22	0,9	0,7	—	4,6	—	59,5	—	24,4	4	61	—	8	14

Примѣчаніе 2. Озимый и яровой хлѣбъ переведены на деньги по цѣнамъ: озимый хлѣбъ 10 руб. за четверть и яровой 5 руб. 50 коп. за четверть; цѣны опредѣлены на основаніи ежемѣсячныхъ справочныхъ цѣнъ 1890, 1891 и 1892 года.

У ѣ з д ѣ,	Комисарскій участокъ.	Наименованіе волостей.	Количество дунг обою пола по даннымъ 1892 года.	Количество хлѣбо-запасныхъ магазиноу.	Наличныя продовольственныя средства.						Н е	
					Озимый хлѣбъ.		Яровой хлѣбъ.		Продовольственный капиталъ.		Озимый хлѣбъ.	
					Четв.	Гари.	Четв.	Гари.	Руб.	Коп.	Четв.	Гари.
Везенбергскій.	Авандусъ	4069	6	432	32	1795	—	7367	97	25	32	
	Боркгольмъ	2178	3	113	8	702	54	7401	76 ^{1/2}	3	60	
	Вакъ	4420	10	400	32	1697	54	12625	94 ^{1/2}	6	39	
	Везенбергъ	3500	5	340	30	639	26	9968	56	9	28	
	Врангельсгофъ	3638	6	201	40	523	8	10100	62	1	48	
	Зомергузенъ	3270	5	391	—	587	—	9265	53	—	—	
	Катентакъ	3254	7	354	40	764	16	11087	50	7	48	
	Куркюль	3679	8	454	54	1257	27	10240	80	31	48	
	Пальмъ	2830	2	113	24	271	16	8087	36	1	48	
	Пастферъ	4332	6	464	12	1624	5	8368	65	31	16	
	Рагаферъ	2959	6	482	39	744	42	10093	—	12	29	
	Саль	3351	8	381	16	1251	24	8439	23	10	40	
	Ундель	4128	5	476	51	574	63	8558	92	10	8	
	Фюль	2542	5	102	40	242	40	7820	37	—	—	
	Фональ	2163	5	244	8	283	8	3690	50	6	16	
Саксимойзъ	2455	4	126	—	663	48	4395	—	—	—		
Руйль	2842	2	361	41	657	48	5222	88	44	31		
Итого въ Везенбергскомъ уч.			55610	93	5441	19	14280	31	142734	60	203	43
Иеввенскій.	Кунда-Мала	1491	2	131	32	183	32	6587	—	—	—	
	Педесъ	1586	4	212	40	435	—	6025	—	894	24	
	Эрасъ	2584	2	384	—	656	—	—	—	43	—	
	Изенгофъ	4219	3	701	—	1093	—	11450	—	80	—	
	Иеве	1274	4	470	—	667	—	5615	93	—	—	
	Надасъ	3020	5	204	—	509	—	8950	—	6	—	
	Тюрпсаль	2081	5	243	56	540	56	6726	50	31	16	
	Чудлейгъ	1139	6	219	—	474	—	7898	12	—	—	
	Ментакъ	3211	4	243	16	576	49	15062	04	1	52	
	Паукъ	1202	4	221	16	580	8	6114	55	—	—	
	Изакъ	2920	5	407	—	451	—	5384	54	18	—	
	Верхнесельская	882	2	126	—	124	—	1742	—	3	—	
	Сьренецкая	1138	1	101	12	45	36	8400	04	31	60	
	Кохтель	903	1	111	32	165	—	3800	—	—	—	
	Тудоллигъ	1443	2	227	—	298	—	5158	—	15	—	
	Петровская	2908	3	596	56	397	45	1365	69	22	56	
	Вайвара	1125	5	111	—	456	14	—	—	807	32	
Мустаегн	106	1	49	—	39	—	240	—	—	—		
Юла	908	4	304	24	78	24	3312	76	24	48		
Итого въ Иеввенскомъ участкѣ			34140	63	6064	28	7770	8	103832	17	1979	32
Итого въ Везенбергскомъ уѣздѣ			89750	156	11505	47	22050	39	246566	77	2183	11

Д о м к и.				Изъ налч-ныхъ средствъ на каждую душу приходится.				Распределение недоимокъ по душамъ.				Отклоненіе отъ закономъ установленной нормы (расчетъ на душу).		По переводу всѣхъ провозвѣстныхъ селеній на деньги, на душу приходится.		Отклоненіе отъ закономъ установленной нормы (расчетъ на душу).			
Яровой хлѣбъ.		Продовольственный капиталъ.		Озимый хлѣбъ въ гарцахъ.		Яровой хлѣбъ въ гарцахъ.		Продовольственный капиталъ.		Озимый хлѣбъ въ гарцахъ.		Яровой хлѣбъ въ гарцахъ.		Продовольственный капиталъ.		Озимый хлѣбъ въ гарцахъ.		Яровой хлѣбъ въ гарцахъ.	
Чети.	Гарш.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Озимый хлѣбъ въ гарцахъ.	Яровой хлѣбъ въ гарцахъ.	Руб.	Коп.	Озимый хлѣбъ въ гарцахъ.	Яровой хлѣбъ въ гарцахъ.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
8	32	—	—	6,8	28,2	1 81	0,4	0,1	—	—	—	57,2	— 3,8	5	29	— 7	46		
23	33	—	—	3,2	20,6	3 48	0,2	0,7	—	—	—	60,8	— 11,4	5	64	— 7	11		
8	50	—	—	5,8	24,3	2 64	0,09	0,1	—	—	—	58,2	— 7,7	5	87	— 6	88		
6	24	—	—	6,0	11,7	2 84	0,1	0,1	—	—	—	58,0	— 20,3	4	82	— 7	93		
6	48	—	—	3,5	9,9	2 99	0,03	0,1	—	—	—	60,5	— 22,1	4	12	— 8	63		
—	—	—	—	7,6	11,8	2 82	—	—	—	—	—	56,4	— 20,2	4	75	— 8	—		
3	8	—	—	7,0	15,0	3 40	0,1	0,06	—	—	—	57,0	— 17,0	5	48	— 7	27		
37	18	—	—	7,9	21,8	2 78	0,5	0,6	—	—	—	56,1	— 10,2	5	87	— 6	88		
—	48	—	—	2,5	6,1	2 85	0,04	0,01	—	—	—	61,5	— 25,9	3	92	— 8	83		
32	34	—	—	6,8	23,9	1 92	0,4	0,4	—	—	—	57,2	— 8,1	5	06	— 7	69		
14	4	20	42	10,1	16,1	3 41	0,2	0,3	—	0,6	—	53,9	— 15,9	5	74	— 7	01		
13	16	—	—	7,2	23,8	2 51	0,2	0,2	—	—	—	56,8	— 8,2	5	73	— 7	02		
5	34	—	—	7,4	8,9	2 02	0,1	0,08	—	—	—	56,6	— 23,1	3	99	— 8	76		
—	—	—	—	2,5	6,1	3 07	—	—	—	—	—	61,5	— 25,9	4	—	— 8	75		
2	56	—	—	7,2	8,3	1 70	0,1	0,08	—	—	—	56,8	— 23,7	3	55	— 9	20		
—	—	—	—	3,2	16,8	1 79	—	—	—	—	—	60,8	— 15,2	3	77	— 8	98		
17	34	—	—	8,1	14,8	1 83	1,0	0,4	—	—	—	55,9	— 17,2	4	38	— 8	37		
180	45	20	42	6,2	16,4	2 56	0,2	0,2	—	0,03	—	57,8	— 15,6	4	95	— 7	80		
—	—	—	—	5,6	7,8	4 41	—	—	—	—	—	58,4	— 24,2	5	97	— 6	78		
118	32	60	25	8,6	17,6	3 79	3,6	4,7	3	79	—	55,4	— 14,4	6	64	— 6	11		
7	—	—	—	9,5	16,2	—	1,0	0,1	—	—	—	54,5	— 15,8	2	88	— 9	87		
137	—	—	—	10,6	16,5	2 71	1,2	2,0	—	—	—	53,4	— 15,5	5	80	— 6	95		
—	—	—	—	24,3	33,5	4 40	—	—	—	—	—	39,7	+ 1,5	10	97	— 1	78		
7	—	—	—	4,3	10,7	2 96	0,1	0,1	—	—	—	59,7	— 21,3	4	56	— 8	19		
11	48	—	—	7,5	16,6	3 23	0,9	0,3	—	—	—	56,5	— 15,4	5	82	— 6	93		
—	—	—	—	12,3	26,6	6 93	—	—	—	—	—	51,7	— 5,4	11	05	— 1	70		
43	8	—	—	4,8	11,4	4 69	0,03	0,8	—	—	—	59,2	— 20,6	6	45	— 6	30		
—	—	—	—	11,6	30,8	5 08	—	—	—	—	—	52,4	— 1,2	10	41	— 2	34		
—	—	—	—	8,9	9,8	1 84	0,3	—	—	—	—	55,1	— 22,2	4	08	— 8	67		
—	—	—	—	9,1	9,0	1 97	0,2	—	—	—	—	54,9	— 23,0	4	17	— 8	58		
23	36	—	—	5,6	2,5	7 38	1,8	1,3	—	—	—	58,4	— 29,5	8	48	— 4	27		
—	—	—	—	7,9	11,6	4 20	—	—	—	—	—	56,1	— 20,4	6	44	— 6	31		
5	—	—	—	10,0	13,2	3 57	0,6	0,2	—	—	—	54,0	— 18,8	6	28	— 6	47		
10	40	—	—	13,1	8,7	— 46	0,5	0,3	—	—	—	50,9	— 23,3	3	27	— 9	48		
144	40	61	92	63,2	25,9	—	45,9	8,2	5	50	—	0,8	— 6,1	12	18	—	57		
—	—	—	—	29,5	23,5	2 26	—	—	—	—	—	34,5	— 8,5	7	96	— 4	79		
5	8	—	—	21,4	6,1	3 65	1,7	0,3	—	—	—	42,6	— 25,9	7	45	— 5	29		
513	20	122	17	95	11,3	14,5	3 04	3,7	0,9	—	35,8	— 52,7	— 17,5	6	06	— 6	69		
694	1	122	38	37	8,2	15,7	2 78	1,5	0,4	—	13,6	— 55,8	— 16,3	5	50	— 7	25		

У ѣ з д ъ.	Комисарскій участокъ.	Наименованіе волостей.	Количество душъ обоего пола по даннымъ 1892 года.	Количество хлѣбо-запасныхъ магазиновъ.	Наличныя продовольственные средства.						Н е		
					Озимый хлѣбъ.		Яровой хлѣбъ.		Продовольственный капиталъ.		Озимый хлѣбъ.		
					Четв.	Гарн.	Четв.	Гарн.	Руб.	Коп.	Четв.	Гарн.	
В ей с ен ш т е й н с к і й.	В ей с ен ш т е й н с к і й.	Аленкюль	2288	5	167	—	308	—	3562	—	—	30	—
		Альпъ	1543	1	70	—	209	—	5167	—	—	33	—
		Ампель	3603	6	256	—	551	—	6846	—	—	2	—
		Вагастъ	699	1	58	8	78	—	1623	—	—	8	—
		Вейнъервенъ	5171	10	559	—	1606	—	9420	—	—	—	—
		Вехмутъ	3312	7	368	—	1427	—	4337	—	—	—	—
		Вяцъ	1262	2	192	—	319	—	2533	—	—	6	—
		Капо	1615	4	213	—	525	—	6557	—	—	—	8
		Койкъ	2730	6	561	—	697	—	7362	—	—	25	—
		Кирна	1224	2	120	—	173	—	2927	—	—	5	—
		Коло	1892	3	76	32	100	48	4238	—	—	42	40
		Левенвольде	1164	1	75	—	227	—	2342	—	—	2	—
		Лехтъ	2962	3	136	—	361	—	8700	—	—	55	—
		Мексгофъ	1589	2	197	—	166	—	1571	—	—	86	—
		Немкюль	2716	5	75	—	652	—	7481	—	—	4	32
		Ноистферъ	1794	2	259	—	598	—	2541	—	—	31	—
		Орисаръ	2764	7	649	—	1052	—	7955	—	—	—	—
Саркферъ	1113	3	237	—	227	—	3278	—	—	—	2		
Сереферъ	1334	4	319	—	412	—	6039	—	—	12	—		
Юргенсбергъ	3183	4	245	—	819	—	6901	—	—	13	32		
Сейделъ	1961	5	127	—	348	—	5757	—	—	1	—		
Удева	1415	2	161	56	464	8	1468	—	—	7	8		
Итого въ Вейсенштейнск. уѣздѣ п уч.			47334	85	5121	32	11319	56	108605	—	—	365	56
Г а п с а л ь с к і й.	Г а п с а л ь с к і й.	Ширсаль	1796	3	200	32	168	8	4323	02	—	4	16
		Калью	688	2	122	24	221	48	2120	38	—	14	40
		Коловере	1302	3	173	24	221	8	3918	63	—	74	24
		Вайкна	1498	3	130	40	69	24	5702	20	—	3	16
		Тегисъ	1420	2	119	56	171	8	4744	95	—	2	—
		Сойницъ	615	2	20	—	14	56	3665	65	—	51	—
		Сипъ	626	2	147	—	167	48	2298	51	—	25	56
		Луистъ	1556	4	146	48	158	32	5666	37	—	9	16
		Кянда	173	1	16	48	30	56	556	33	—	1	16
		Видрукъ	860	3	75	48	121	56	1220	18	—	91	56
		Палиферъ	450	1	44	40	96	24	2828	—	—	—	—
		Тайбель	1743	5	93	24	243	8	6797	90	—	15	56
		Оро	2703	8	119	40	188	—	7606	60	—	127	56
		Рикгольцъ	1210	1	34	8	27	16	1138	50	—	125	—
		Сутлепъ	1046	3	152	—	145	8	1483	55	—	95	16
		Папленъ	1827	4	64	40	124	32	1811	79 ^{1/2}	—	180	—
		Венденъ	1015	2	46	16	126	32	4574	80	—	48	—
		Спналепъ	2341	6	262	32	290	24	6616	11	—	207	56
		Асокюль	2340	5	194	48	235	48	6069	45	—	156	56
С-тъ Мартенсъ	1933	8	333	16	302	8	5664	28	—	4	48		
Руде	801	3	49	24	47	16	3603	20	—	—	—		
Ляхтра	1112	3	132	16	137	—	2715	37	—	2	48		
Итого въ Гапсальскомъ участкѣ			29055	74	2679	48	3308	48	83125	77 ^{1/2}	1242	—	

Д о п м к и.				Изъ наличныхъ средствъ на каждую душу приходится.				Распределение недопмкъ по душамъ.				Отклонение отъ законной установленной нормы (расчетъ на душу).		По переводу всѣхъ пропорцiенныхъ средствъ на деньги на душу приходится.		Отклонение отъ законной установленной нормы (расчетъ на душу).			
Яровой хлѣбъ.		Продокольный капиталъ.		Озимый хлѣбъ въ гарцахъ.		Яровой хлѣбъ въ гарцахъ.		Продокольный капиталъ.		Озимый хлѣбъ въ гарцахъ.		Яровой хлѣбъ въ гарцахъ.		Продокольный капиталъ.		Озимый хлѣбъ въ гарцахъ.		Яровой хлѣбъ въ гарцахъ.	
Четв.	Гарц.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
58	—	90	—	4,6	8,6	1 56	0,8	1,6	—	0,4	—	59,4	— 23,4	3	02	—	9	73	
54	—	—	—	2,9	8,6	3 35	1,3	2,2	—	—	—	61,1	— 23,4	4	54	—	8	21	
2	—	—	—	4,5	9,7	1 90	0,3	0,3	—	—	—	59,5	— 22,3	3	47	—	9	28	
3	—	—	—	5,3	7,1	2 32	0,7	0,2	—	—	—	58,7	— 24,9	3	76	—	8	99	
—	—	—	—	6,9	19,8	1 82	—	—	—	—	—	57,1	— 12,2	4	61	—	8	14	
1	—	—	—	7,1	27,5	1 30	—	0,01	—	—	—	56,9	— 4,5	4	79	—	7	96	
—	—	—	—	9,7	16,1	2	—	0,2	—	—	—	54,3	— 15,9	4	12	—	8	63	
1	32	—	—	8,4	20,8	4 06	0,004	0,05	—	—	—	55,6	— 11,2	7	16	—	5	59	
21	—	475	—	13,1	16,3	2 69	0,6	0,4	—	17,3	—	50,9	— 15,7	6	15	—	6	60	
5	—	—	—	6,2	9,4	2 39	0,2	0,2	—	—	—	57,8	— 22,6	4	14	—	8	61	
37	—	—	—	2,5	3,4	2 33	1,4	1,2	—	—	—	61,5	— 28,6	2	93	—	9	82	
6	—	—	—	4,1	12,4	2 01	0,1	0,3	—	—	—	59,9	— 19,6	3	72	—	9	03	
58	—	—	—	2,9	7,8	2 94	1,1	1,2	—	—	—	61,1	— 24,2	4	06	—	8	69	
54	—	—	—	7,9	6,6	— 98	3,4	2,1	—	—	—	56,1	— 25,4	2	80	—	9	95	
9	—	33	—	1,7	15,3	2 75	0,1	0,2	—	1,2	—	62,3	— 16,7	4	35	—	8	40	
42	—	—	—	9,2	21,3	1 41	1,1	1,4	—	—	—	54,8	— 10,7	4	69	—	8	06	
—	—	—	—	15,0	28,7	2 82	—	—	—	—	—	49,0	— 3,3	7	31	—	5	44	
2	—	—	—	13,5	13,0	2 94	0,1	0,1	—	—	—	50,5	— 19,0	6	19	—	6	56	
17	—	—	—	15,2	19,7	4 52	0,5	0,8	—	—	—	48,8	— 12,3	8	61	—	4	14	
—	—	—	—	4,9	16,4	2 16	0,2	—	—	—	—	59,1	— 15,6	4	38	—	8	37	
12	8	304	—	4,1	11,3	2 99	0,03	0,3	—	15,5	—	59,9	— 20,7	4	45	—	8	30	
5	32	—	—	7,3	20,9	1 03	0,3	0,2	—	—	—	56,7	— 11,1	3	97	—	8	78	
388	8	902	—	6,9	15,2	2 29	0,4	0,5	—	1,9	—	57,1	— 16,8	4	69	—	8	06	
10	8	—	—	7,1	5,9	2 41	0,1	0,3	—	—	—	56,9	— 26,1	8	71	—	4	04	
6	8	—	—	11,3	20,6	3 08	0,4	0,5	—	—	—	52,7	— 11,4	6	62	—	6	13	
44	16	—	—	8,5	18,6	3 01	3,5	2,1	—	—	—	55,5	— 13,4	5	27	—	7	48	
—	48	—	—	5,5	2,9	3 81	0,1	0,03	—	—	—	58,5	— 29,1	4	97	—	7	78	
6	8	—	—	5,4	7,7	3 34	0,09	0,2	—	—	—	58,6	— 24,3	4	84	—	7	91	
94	32	—	—	2,1	1,5	5 96	5,3	9,8	—	—	—	61,9	— 30,5	6	41	—	6	34	
4	56	—	—	15,1	17,1	3 67	2,6	0,5	—	—	—	48,9	— 14,9	7	49	—	5	26	
9	24	—	—	6,1	6,5	3 64	3,8	3,9	—	—	—	57,9	— 25,5	5	13	—	7	62	
1	32	—	—	6,2	11,4	3 21	0,4	0,5	—	—	—	57,8	— 20,6	5	09	—	7	66	
74	56	—	—	5,6	9,1	1 41	6,8	5,5	—	—	—	58,4	— 22,9	3	06	—	9	69	
—	—	—	—	6,3	13,6	6 28	—	—	—	—	—	57,7	— 18,4	8	43	—	4	32	
12	—	—	—	3,4	8,9	3 90	0,5	0,4	—	—	—	60,6	— 23,1	5	20	—	7	55	
64	56	—	—	2,8	4,4	2 81	3,1	1,5	—	—	—	61,2	— 27,6	4	65	—	8	10	
68	56	—	—	1,7	1,4	— 94	6,5	3,6	—	—	—	62,3	— 30,6	1	34	—	11	41	
85	8	—	—	9,3	8,8	1 41	5,7	5,1	—	—	—	54,7	— 23,2	3	63	—	9	12	
74	40	—	—	2,2	4,3	— 98	6,3	2,6	—	—	—	61,8	— 27,7	1	77	—	10	98	
20	8	—	—	2,9	7,9	4 51	3,0	1,2	—	—	—	61,1	— 24,1	5	64	—	7	11	
118	—	—	—	7,1	7,9	2 82	5,6	3,2	—	—	—	56,9	— 24,1	3	77	—	8	98	
78	8	—	—	5,3	6,4	2 59	4,2	2,1	—	—	—	58,7	— 25,6	3	97	—	8	78	
—	32	—	—	11,3	6,9	2 92	1,5	0,01	—	—	—	52,7	— 25,1	5	51	—	7	24	
—	—	—	—	3,9	3,7	4 49	—	—	—	—	—	60,1	— 28,3	5	43	—	7	32	
18	56	—	—	7,6	7,8	2 44	0,1	1,1	—	—	—	56,4	— 24,2	4	21	—	8	54	
793	40	—	—	5,9	7,2	2 92	2,7	1,7	—	—	—	58,1	— 24,8	4	29	—	8	46	

У ѣ з д ѣ , Компсарскій уездъ.	Наименованіе волостей.	Количество дунъ, обмѣта поля по даннымъ 1892 года.	Количество хлѣбо-запасныхъ магазиновъ.	Наличныя продовольственные средства.						Н е	
				Озимый хлѣбъ.		Яровой хлѣбъ.		Продоль- ственный капиталь.		Озимый хлѣбъ.	
				Четв.	Гари.	Четв.	Гари.	Руб.	Коп.	Четв.	Гари.
Л е а л ь с к і й .	Леаль	2953	3	67	—	175	16	6583	72	136	8
	Масау	3040	4	76	56	129	8	9200	—	166	56
	Вельць	1686	2	34	32	148	24	4916	10	21	24
	Сауленъ	2243	2	180	48	149	24	5577	61	174	32
	Ваденормъ	1452	2	26	32	75	8	3609	23	59	56
	Валамоизъ	1115	2	67	32	146	56	4350	64	—	—
	Казаргенъ	517	1	20	32	49	16	1469	36	—	—
	Клостергофъ	905	2	86	32	186	24	2328	40	—	—
	Фигель	3538	1	128	8	577	24	10442	6	129	32
	Фелькъ	3215	4	172	40	474	16	7686	49	116	48
	Геймаръ	3132	3	75	8	445	8	9880	99	26	32
	Мерьяма	1527	2	89	—	321	56	5598	18	—	—
	Вадемоизъ	896	2	64	40	163	—	4106	03	19	48
Патцаль	2510	3	70	16	301	48	10765	62	19	—	
Итого въ Леальскомъ участкѣ		28729	33	1159	56	3343	8	86514	43	870	16
Г а п с а л ь с к і й .	Кейинсь	5208	5	511	—	387	—	15699	78	134	—
	Кыргесаръ	4024	4	198	—	68	—	14200	33	116	—
	Кертель	1808	—	—	—	—	—	7101	26	—	—
	Суремойзъ	4663	4	175	—	119	—	11972	06	5	—
	Эмасть	4380	1	229	—	39	—	8942	85	198	—
	Вормъ остр.	1950	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого въ Дагенскомъ участкѣ		22033	14	1113	—	613	—	57916	28	453	—
Итого въ Гапсальскомъ уѣздѣ		79817	121	4952	40	7264	56	229556	48	2565	16
Итого въ Эстляндской губерніи		310572	491	28376	55	51849	39	887211	25	6549	59

Д о и м к и.				Изъ наличныхъ средствъ на каждую душу приходится.			Распределение недомокъ по душамъ.			Отклонение отъ закономъ установленной нормы (расчетъ на душу).		По переоду всѣхъ продовольственныхъ средствъ на душу приходится.		Отклонение отъ закономъ установленной нормы (расчетъ на душу).		
Яровой хлѣбъ.		Продовольственный капиталъ.		Озимый хлѣбъ въ гарцахъ.	Яровой хлѣбъ въ гарцахъ.	Продовольственный капиталъ.	Озимый хлѣбъ въ гарцахъ.	Яровой хлѣбъ въ гарцахъ.	Продовольственный капиталъ.	Озимый хлѣбъ въ гарцахъ.	Яровой хлѣбъ въ гарцахъ.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	
Челв.	Гари.	Руб.	Коп.													Руб.
88	32	—	—	1,5	3,8	2 23	2,9	1,8	—	—	— 62,5	— 28,2	2	77	— 9	98
47	56	409	80	1,6	2,7	3 02	3,5	1,0	—	13	— 62,4	— 29,3	3	51	— 9	24
35	32	—	—	1,3	5,6	2 91	0,8	1,3	—	—	— 62,7	— 26,4	3	60	— 9	15
135	8	858	99	5,1	4,2	2 48	4,9	3,8	—	38	— 58,9	— 27,8	3	65	— 9	10
39	—	760	20	1,1	3,3	2 48	2,6	1,7	—	52	— 62,9	— 28,7	2	95	— 9	80
—	—	—	—	3,8	8,4	3 90	—	—	—	—	— 60,2	— 23,6	5	21	— 7	54
—	—	—	—	2,5	6,1	2 84	—	—	—	—	— 61,5	— 25,9	3	75	— 9	—
—	—	—	—	6,1	13,1	2 57	—	—	—	—	— 57,9	— 18,9	4	66	— 8	09
151	—	—	—	2,3	10,4	2 95	2,3	2,7	—	—	— 61,7	— 21,6	4	18	— 8	67
193	56	575	51	3,4	9,4	2 39	2,3	3,8	—	17	— 60,6	— 22,6	3	73	— 9	02
73	40	—	—	1,5	9,1	3 15	0,5	1,5	—	—	— 62,5	— 22,9	4	17	— 8	58
—	—	—	—	3,6	13,4	3 66	—	—	—	—	— 60,4	— 18,6	5	07	— 7	68
31	32	—	—	4,6	11,6	4 58	1,4	2,2	—	—	— 59,4	— 20,4	6	29	— 6	44
19	16	578	46	1,8	7,6	4 29	0,5	0,5	—	23	— 62,2	— 24,4	5	23	— 7	55
815	16	3182	96	2,5	7,4	3 01	1,9	1,7	—	11	— 61,5	— 24,6	4	05	— 8	70
65	—	—	—	6,2	4,7	3 01	1,6	0,6	—	—	— 57,8	— 27,3	4	40	— 8	35
9	—	600	—	3,1	1,1	3 52	1,8	0,1	—	14	— 60,9	— 30,9	4	11	— 8	64
—	—	—	—	—	—	3 92	—	—	—	—	—	—	3	92	— 8	83
17	—	50	—	2,4	1,6	2 56	0,07	0,2	—	01	— 61,6	— 30,4	3	08	— 9	67
97	—	—	—	3,3	0,5	2 04	2,9	1,4	—	—	— 60,7	— 31,5	2	61	— 10	14
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
188	—	650	—	3,2	1,7	2 62	1,3	0,5	—	02	— 60,8	— 30,3	2	83	— 9	92
1796	56	3832	96	3,8	6,1	2 83	2,0	1,4	—	4,8	— 60,2	— 25,9	4	—	— 8	75
3978	41	21349	94	5,8	10,6	2 85	1,3	0,8	—	6,8	— 58,2	— 21,4	4	69	— 8	06

Т а б л и ц а

распредѣленія продовольственныхъ средствъ въ
Эстляндской губерніи по расчету на мужскую
душу ревизіи 1857 года.

У ѣ з д ѣ , Коммисарскій участокъ,	Наименованіе волостей.	Количество душъ по ревизіи 1857 года.	Количество хлѣбо-зависныхъ магацинъ.	Наличныя продовольственныя			
				Озимый хлѣбъ.		Яровой хлѣбъ.	
				Четв.	Гари.	Четв.	Гари.
Р е в е л ь с к і й.	Гаркѣ	1639	2	69	48	60	—
	Курналь	1343	5	202	48	362	16
	Кегель	1658	4	72	8	95	48
	Неве	921	2	116	8	100	56
	Анія	1018	4	104	24	173	40
	Егелехтѣ	1366	6	326	32	458	24
	Пенингби	1408	4	366	8	466	24
	Юганисгофѣ	1600	7	208	32	383	24
	Негатѣ	1306	4	138	56	257	—
	Фридрихгофѣ	1699	7	102	32	195	—
	о. Наргенѣ	165	—	—	—	—	—
	о. Роге	169	2	90	8	58	—
	Падисѣ	2020	7	155	48	204	—
	Кенда	1034	2	242	8	275	16
	Колькѣ	1607	2	409	24	282	8
	Кида	624	2	232	48	289	32
о. Врангельсгольмѣ	165	—	—	—	—	—	
Итого въ Ревельскомъ участкѣ		19742	60	2837	48	3661	32
Р а п е л ь с к і й.	Рапель	2252	9	380	32	746	32
	Ервакантѣ	712	1	73	16	215	32
	Кехтель	958	3	284	—	431	—
	Райкюль	987	3	122	—	309	—
	Ердень	1697	9	471	—	663	—
	Купице	523	1	175	—	247	—
	Кай	1180	3	379	—	719	—
	Владимирская	1505	5	374	—	754	48
	Александровская	1390	6	292	32	873	48
	Николаевская	1536	6	362	—	740	16
	Лайцѣ	427	1	106	—	113	—
	Рпзенбергѣ	1007	4	266	—	489	16
	Шварценѣ	899	5	235	—	380	—
Кирна-Кохатѣ	1454	8	178	32	462	48	
Койль	1972	5	260	—	408	—	
Итого въ Рапельскомъ участкѣ		18499	69	3959	16	7552	48
Итого въ Ревельскомъ уѣздѣ		38241	129	6797	—	11214	16

Примѣчаніе 1. По закону (§ 2 Высочайше утв. 11 іюня 1866 г. Правилъ объ общественномъ благосостояніи въ волостяхъ Прибалтійскихъ губернійхъ) на ревизскую мужскую душу полагается 1 четверть озимаго хлѣба и $\frac{1}{2}$ четверти яроваго.

средства.		На каждую ревизскую душу приходится.				Отклонение от законной установленной нормы (расчетъ на душу).		По переводу всѣхъ продовольственныхъ средствъ на деньги, на душу приходится.		Отклонение отъ законной установленной нормы (расчетъ на душу).			
		Продовольственный капиталъ.		Озимый хлѣбъ въ гарцахъ.	Яровой хлѣбъ въ гарцахъ.	Продовольственный капиталъ.						Озимый хлѣбъ въ гарцахъ.	Яровой хлѣбъ въ гарцахъ.
		Руб.	Коп.			Руб.	Коп.						
12200	26	2,7	2,3	7	50	— 61,3	— 29,7	8	06	— 4	69		
11501	02	9,6	17,2	8	56	— 54,4	— 14,8	11	55	— 1	20		
15501	91	2,7	3,6	9	35	— 61,3	— 28,4	10	10	— 2	65		
7008	—	8,1	7,0	7	60	— 55,9	— 25,0	9	46	— 3	29		
8230	—	6,5	10,9	8	08	— 57,5	— 21,1	10	03	— 2	72		
12574	61	15,2	21,4	9	20	— 48,8	— 10,6	13	43	+ 0	68		
8275	15	16,6	21,1	5	87	— 47,4	— 10,9	10	29	— 2	46		
12518	06	8,3	15,3	7	82	— 55,7	— 16,7	10	44	— 2	31		
15674	37	6,8	12,7	12	—	— 57,2	— 19,3	14	14	+ 1	39		
15028	42	3,8	6,8	8	84	— 60,2	— 25,2	10	07	— 2	68		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
3212	43	34,0	22,0	19	—	— 30,0	— 10,0	26	22	+ 13	47		
28188	19	4,9	6,4	14	05	— 59,1	— 25,6	15	77	+ 3	02		
7152	85	14,9	17,0	6	82	— 49,1	— 15,0	10	72	— 2	03		
13473	37	16,3	11,6	8	38	— 47,7	— 20,4	11	89	— 0	96		
4363	13	23,8	29,5	7	02	— 40,2	— 2,5	13	26	+ 0	51		
3600	—	—	—	21	81	—	—	21	81	+ 9	16		
178501	77	9,2	11,8	9	04	— 54,8	— 20,2	11	49	— 1	26		
15987	52	13,4	21,2	7	09	— 50,6	— 10,8	10	61	— 2	14		
4742	43	6,5	19,3	6	66	— 57,5	— 12,7	9	34	— 3	41		
5752	32	18,9	28,7	6	01	— 45,1	— 3,3	11	44	— 1	31		
6301	08	7,9	20,0	6	38	— 56,1	— 12,0	9	34	— 3	41		
10999	71	17,7	25,0	6	48	— 46,3	— 7,0	11	41	— 1	34		
2598	50	21,3	30,2	4	96	— 42,7	— 1,8	10	91	— 1	84		
6612	38	20,5	38,9	5	60	— 43,5	+ 6,9	12	16	— 0	59		
7293	37	15,9	32,1	4	84	— 48,1	+ 0,1	10	08	— 2	67		
10583	09	13,4	40,2	7	61	— 50,6	+ 8,2	13	13	+ 0	43		
11810	35	14,4	30,8	7	68	— 49,6	— 1,2	12	68	— 0	07		
3466	98	15,8	16,9	8	11	— 48,2	— 15,1	12	05	— 0	70		
5357	69	16,9	31,1	5	32	— 47,1	— 0,9	10	63	— 2	12		
6843	47	16,7	27,1	7	61	— 47,3	— 4,9	12	55	— 0	20		
13319	07	7,8	20,3	9	15	— 56,2	— 11,7	12	13	— 0	62		
12313	27	8,4	13,2	6	24	— 55,6	— 18,8	8	70	— 4	05		
123981	23	13,7	26,1	6	72	— 50,3	— 5,9	11	08	— 1	67		
302483	—	11,3	18,7	7	90	— 52,7	— 13,3	11	30	— 1	45		

Примѣчаніе 2. Озимый и яровой хлѣбъ переведены на деньги по цѣнамъ: озимый хлѣбъ 10 руб. за четверть и яровой 5 руб. 50 коп. за четверть; цѣны определены на основаніи ежемѣсячныхъ справочныхъ цѣнъ 1890, 1891 и 1892 года.

У ѣ з д ѣ	Комисарскій участокъ.	Наименованіе волостей.	Количество мужскихъ душъ по ревизіи 1857 года.	Количество хлѣбо-запасныхъ магазиновъ.	Наличныя продовольственныя			
					Озимый хлѣбъ.		Яровой хлѣбъ.	
					Четв.	Гари.	Четв.	Гари.
Везенбергскій.	Авандусъ	1343	6	432	32	1795	—	
	Боркгольмъ	1053	3	113	8	702	54	
	Вакъ	1810	10	400	32	1697	54	
	Везенбергъ	1216	5	340	30	639	26	
	Врангельсгофъ	1439	6	201	40	523	8	
	Зомергузенъ	1247	5	391	—	587	—	
	Катентакъ	1676	7	354	40	764	16	
	Куркюль	1311	8	454	54	1257	27	
	Пальмъ	1057	2	113	24	271	16	
	Пастферъ	1295	6	464	12	1624	5	
	Рагаферъ	1066	6	482	39	744	42	
	Саль	1221	8	381	16	1251	24	
	Ундель	1250	5	476	51	574	63	
	Фюль	966	5	102	40	242	40	
	Фональ	758	5	244	8	283	8	
Саксимойзъ	728	4	126	—	663	48		
Руйль	879	2	361	41	657	48		
Итого въ Везенбергскомъ уч.		20315	93	5441	19	14280	31	
Иеввепскій.	Кунда-Мала	935	2	131	32	183	32	
	Педесъ	1107	4	212	40	435	—	
	Эрасъ	981	2	384	—	656	—	
	Нзенгофъ	1481	3	701	—	1093	—	
	Иеве	828	4	470	—	667	—	
	Падасъ	1109	5	204	—	509	—	
	Тюрпсаль	978	5	243	56	540	56	
	Чудлейгъ	988	6	219	—	474	—	
	Ментакъ	948	4	243	16	576	49	
	Илукъ	805	4	221	16	580	8	
	Изакъ	864	5	407	—	451	—	
	Верхнесельская	400	2	126	—	124	—	
	Сыренецкая	439	1	101	12	45	36	
	Кохтель	288	1	111	32	165	—	
	Тудолинъ	457	2	227	—	298	—	
	Петровская	928	3	596	56	397	45	
Вайвара	827	5	1111	—	456	14		
Мустаеги	100	1	49	—	39	—		
Юла	592	4	304	24	78	24		
Итого въ Иевенскомъ участкѣ		15055	63	6064	28	7770	8	
Итого въ Везенбергскомъ уѣздѣ		35370	156	11505	47	22050	39	

средства.		На каждую ревизскую душу приходится.				Отклонение от закономъ установленной нормы (расчетъ на душу).		По переводу въсѣхъ продовольственныхъ средствъ на деньги, на душу приходится.		Отклонение отъ закономъ установленной нормы (расчетъ на душу).	
		Руб.	Коп.	Озимый хлѣбъ въ гарницахъ.	Яровой хлѣбъ въ гарницахъ.						
7367	97	20,6	84,0	5	63	- 43,4	+ 52,0	16	04	+ 3	29
7401	76 ^{1/2}	7,0	42,7	7	02	- 57,0	+ 10,7	11	76	- 0	99
12625	94 ^{1/2}	14,1	60,0	7	—	- 49,9	+ 28,0	14	33	+ 1	58
9968	56	17,8	33,6	8	11	- 46,2	+ 1,6	13	88	+ 1	13
10100	62	8,9	23,3	7	02	- 55,1	- 8,5	10	22	- 2	33
9265	53	20,0	30,1	7	43	- 44,0	- 1,9	12	35	- 0	40
11087	50	13,5	29,0	6	61	- 50,5	- 3,0	11	24	- 1	51
10240	80	22,2	61,3	7	81	- 41,8	+ 29,3	16	54	+ 3	79
8087	36	6,8	16,4	7	65	- 57,2	- 15,6	10	13	- 2	62
8368	65	22,9	81,0	6	46	- 41,1	+ 49,0	16	86	+ 4	11
10093	—	26,1	44,7	9	46	- 37,9	+ 12,7	15	95	+ 3	20
8439	23	19,9	65,5	6	91	- 44,1	+ 33,5	15	75	+ 3	—
8558	92	24,4	29,3	7	84	- 39,6	- 2,7	13	10	+ 0	35
7820	37	6,8	15,9	8	10	- 57,2	- 16,1	10	52	- 2	23
3690	50	20,6	24,0	4	87	- 43,4	- 8,0	10	14	- 2	61
4395	—	11,0	58,2	6	01	- 53,0	+ 26,0	12	73	- 0	02
5222	88	9,9	47,8	5	95	- 54,1	+ 15,8	14	15	+ 1	40
142734	60	17,1	44,9	7	02	- 46,9	+ 12,9	13	57	+ 0	82
6587	—	9,0	12,5	7	03	- 55,0	- 19,5	9	52	- 3	23
6025	—	12,2	25,1	5	44	- 51,8	- 6,9	9	53	- 3	22
—	—	25,0	42,8	—	—	- 39,0	+ 10,8	7	59	- 5	16
11450	—	30,2	47,9	7	73	- 33,8	+ 15,9	16	52	+ 3	77
5615	93	36,3	51,5	6	78	- 27,7	+ 19,5	16	89	+ 4	14
8950	—	11,7	29,3	8	07	- 52,3	- 2,7	12	43	- 0	32
6726	50	15,9	35,3	6	87	- 48,1	+ 3,3	12	40	- 0	35
7898	12	14,1	30,6	7	99	- 49,9	- 1,4	12	73	- 0	02
15062	04	16,4	38,9	15	88	- 47,6	+ 6,9	21	87	+ 9	12
6114	55	17,5	46,1	7	59	- 46,5	+ 14,1	15	54	+ 3	21
5384	54	30,1	33,2	6	23	- 33,9	+ 1,2	13	81	+ 1	06
1742	—	20,1	19,8	4	35	- 43,9	- 12,2	9	21	- 3	54
8400	04	14,7	6,6	19	13	- 49,3	- 25,4	21	77	+ 9	02
3800	—	24,8	36,6	13	19	- 39,2	+ 4,6	20	19	+ 7	44
5158	—	31,8	41,7	11	28	- 32,2	+ 9,7	19	84	+ 7	09
1365	69	41,1	27,4	1	47	- 22,9	- 4,4	10	24	- 2	51
—	—	85,9	35,3	—	—	+ 21,9	+ 3,3	16	41	+ 3	66
240	—	31,3	24,9	2	40	- 32,7	- 7,1	8	44	- 4	31
3312	76	32,9	8,4	5	59	- 31,1	- 23,6	11	45	- 1	30
103832	17	25,8	33,0	6	89	- 38,2	+ 1,0	13	76	+ 1	01
246566	77	20,8	39,8	6	97	- 43,2	+ 7,8	13	96	+ 1	21

Уѣздъ. Комисарскій участокъ.		Наименованіе волостей.	Количество мужскихъ душъ по ревизіи 1857 года.	Количество хлѣбо-запасныхъ магациновъ.	Наличныя продовольственныя			
					Оршый хлѣбъ.		Яровой хлѣбъ.	
					Четь.	Гарн.	Четь.	Гарн.
Вейсенштейнскій. Вейсенштейнскій.	Аленкюль	928	5	167	—	308	—	
	Альпъ	736	1	70	—	209	—	
	Ампель	1262	6	256	—	551	—	
	Вагастъ	224	1	58	8	78	—	
	Вейнъервенъ	2487	10	559	—	1606	—	
	Вехмутъ	1233	7	368	—	1427	—	
	Вяцъ	494	2	192	—	319	—	
	Капо	672	4	213	—	525	—	
	Койкъ	1297	6	561	—	697	—	
	Кирна	468	2	120	—	173	—	
	Коло	969	3	76	32	100	48	
	Левенвольде	461	1	75	—	227	—	
	Лехтсъ	1642	3	136	—	361	—	
	Мекстофъ	630	2	197	—	166	—	
	Немкюль	1435	5	75	—	652	—	
	Нойтферъ	699	2	259	—	598	—	
	Орисаръ	1595	7	649	—	1052	—	
	Саркферъ	698	3	237	—	227	—	
	Сереферъ	1163	4	319	—	412	—	
	Юргенсбергъ	1534	4	245	—	819	—	
Уейде	988	5	127	—	348	—		
Уеда	543	2	161	56	464	8		
Итого въ Вейсенштейнск. уѣздѣ и уч.			22158	85	5121	32	11319	56
Гапсальскій. Гапсальскій.	Пирсаль	692	3	200	32	168	8	
	Калью	364	2	122	24	221	48	
	Коловере	620	3	173	24	221	8	
	Вайкна	732	3	130	40	69	24	
	Тегисъ	583	2	119	56	171	8	
	Сойницъ	364	2	20	—	14	56	
	Сипъ	317	2	147	—	167	48	
	Луйстъ	666	4	146	48	158	32	
	Кянда	75	1	16	48	30	56	
	Видрукъ	405	3	75	48	121	56	
	Палиферъ	208	1	44	40	96	24	
	Тайбель	795	5	93	24	243	8	
	Оро	1055	8	119	40	188	—	
	Рикгольцъ	473	1	34	8	27	16	
	Сутлепъ	493	3	152	—	145	8	
	Паллепъ	605	4	64	40	124	32	
	Венденъ	631	2	46	16	126	32	
	Синалепъ	1057	6	262	32	290	24	
	Асокюль	972	5	194	48	235	48	
	С-тъ Мартенсъ	866	8	333	16	302	8	
Руде	407	3	49	24	47	16		
Ляхтра	534	3	132	16	137	—		
Итого въ Гапсальскомъ участкѣ			12914	74	2679	48	3308	48

средства.		На каждую ревизскую душу приходится.				Отклонение отъ закономъ установленной нормы (расчетъ на душу).		По переводу всѣхъ продовольственныхъ средствъ на деньги, на душу приходится.		Отклонение отъ закономъ установленной нормы (расчетъ на душу).			
		Продольственный капиталъ.		Озимый хлѣбъ въ гарницахъ.	Яровой хлѣбъ въ гарницахъ.	Продольственный капиталъ.		Озимый хлѣбъ въ гарницахъ.	Яровой хлѣбъ въ гарницахъ.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
						Руб.	Коп.						
3562	—	11,5	21,2	3	62	— 52,5	— 10,8	7	47	— 5	28		
5167	—	6,0	18,1	1	02	— 56,0	— 13,9	9	53	— 3	22		
6846	—	12,9	27,9	5	38	— 51,1	— 4,1	9	85	— 2	90		
1623	—	16,6	22,2	7	24	— 47,4	— 19,8	11	75	— 1	—		
9420	—	14,3	45,3	3	78	— 49,7	+ 13,3	9	58	— 3	17		
4337	—	19,1	74,0	3	51	— 44,9	+ 42,0	12	86	+ 0	11		
2533	—	24,6	40,1	5	12	— 39,4	+ 8,1	10	54	— 2	21		
6557	—	20,2	50,0	9	75	— 43,8	+ 18,0	17	22	+ 4	47		
7362	—	27,7	34,3	5	67	— 36,3	+ 2,3	12	95	+ 0	20		
2927	—	16,4	24,0	6	25	— 47,6	— 8,0	10	85	— 1	90		
4238	—	5,0	6,6	4	37	— 59,0	— 25,4	5	72	— 7	03		
2342	—	10,4	31,5	5	08	— 53,6	— 0,5	9	41	— 3	34		
8700	—	5,3	20,1	5	29	— 58,7	— 11,9	7	33	— 5	42		
1571	—	20,0	16,8	2	49	— 44,0	— 15,2	7	06	— 5	69		
7481	—	3,4	39,1	5	21	— 60,6	+ 7,1	8	23	— 4	52		
2541	—	23,7	54,7	3	63	— 40,3	+ 22,7	12	04	— 0	71		
7955	—	26,0	42,2	4	98	— 38,0	+ 10,2	12	68	— 0	07		
3278	—	21,7	20,8	4	69	— 42,3	— 11,2	9	88	— 2	87		
6039	—	17,5	22,6	5	19	— 46,5	— 9,4	9	88	— 2	87		
6901	—	10,2	34,1	4	49	— 53,8	+ 2,1	9	03	— 3	72		
5757	—	8,9	22,5	5	82	— 55,1	— 9,5	9	05	— 3	70		
1468	—	19,0	54,7	2	70	— 45,0	+ 22,7	10	36	— 2	39		
108605	—	14,7	32,6	4	90	— 49,3	+ 0,6	10	02	— 2	73		
4323	02	18,5	15,5	6	25	— 45,5	— 16,5	22	61	+ 9	86		
2120	38	21,5	38,9	5	82	— 42,5	+ 6,9	12	51	— 0	24		
3918	63	17,8	22,8	6	32	— 46,2	— 9,2	11	07	— 1	68		
5702	20	11,4	6,1	7	79	— 52,6	— 25,9	10	18	— 2	57		
4744	95	13,3	18,9	8	14	— 50,7	— 13,1	11	79	— 0	66		
3665	65	3,5	2,6	10	07	— 60,5	— 29,4	10	83	— 1	92		
2298	51	29,6	33,8	7	25	— 34,4	+ 1,8	14	77	+ 2	02		
5666	37	14,1	15,2	8	51	— 49,9	— 16,8	12	01	— 0	74		
556	33	14,3	26,3	7	41	— 49,7	— 5,7	11	75	— 1	—		
1220	18	11,9	19,2	3	01	— 52,1	— 12,8	6	51	— 6	24		
2828	—	13,7	29,6	13	59	— 50,3	— 2,4	18	24	+ 5	49		
6797	90	7,5	19,6	8	55	— 56,5	— 12,4	11	40	— 1	35		
7606	60	7,2	11,4	7	22	— 56,8	— 20,6	9	31	— 3	44		
1138	50	4,6	3,7	2	41	— 59,4	— 28,3	3	44	— 9	31		
1483	55	19,7	18,8	3	01	— 44,3	— 13,2	7	71	— 5	04		
1811	79 ^{1/2}	6,8	13,1	2	99	— 57,2	— 18,9	5	36	— 7	39		
4574	80	4,6	12,8	7	25	— 59,4	— 19,2	9	07	— 3	68		
6616	11	15,8	17,5	6	25	— 48,2	— 14,5	8	35	— 4	40		
6069	45	12,7	15,5	6	24	— 51,3	— 16,5	9	57	— 3	18		
5664	28	24,6	22,3	6	54	— 39,4	— 9,7	12	30	— 0	45		
3603	20	7,7	7,4	8	85	— 56,3	— 24,6	10	66	— 2	09		
2715	37	15,8	16,4	5	08	— 48,2	— 15,6	8	75	— 4	—		
83125	77 ^{1/2}	13,2	16,4	6	59	— 50,8	— 15,6	9	60	— 3	15		

У ѣ з д ѣ,	Комисарскій участокъ.	Наименованіе волостей.	Количество мужскихъ душъ по ревизіи 1857 года.	Количество хлѣбо-запасныхъ машинъ.	Наличныя продовольственныя			
					Озимый хлѣбъ.		Яровой хлѣбъ.	
					Четв.	Гари.	Четв.	Гари.
Эстляндская губернія.	Леальскій.	Леаль	1398	3	67	—	175	16
		Масау	1417	4	76	56	129	8
		Вельцъ	775	2	34	32	148	24
		Саулепъ	1081	2	180	48	149	24
		Паденормъ	604	2	26	32	75	8
		Ванамойзъ	516	2	67	32	146	56
		Казаргенъ	235	1	20	32	49	16
		Клостергофъ	429	2	86	32	186	24
		Фикель	1747	1	128	8	577	24
		Фельксъ	1310	4	172	40	474	16
		Геймаръ	1047	3	75	8	445	8
		Мерьяма	720	2	89	—	321	56
		Вадемойзъ	472	2	64	40	163	—
		Патцаль	1115	3	70	16	301	48
Итого въ Леальскомъ участкѣ			12866	33	1159	56	3343	8
Гапсальскій.	Дагенскій.	Кейнисъ	1869	5	511	—	387	—
		Кыргесаръ	1336	4	198	—	68	—
		Кертель	446	—	—	—	—	—
		Суремойзъ	1597	4	175	—	119	—
		Эмасть	1079	1	229	—	39	—
		Вормсъ остр.	947	—	—	—	—	—
Итого въ Дагенскомъ участкѣ			7274	14	1113	—	613	—
Итого въ Гапсальскомъ уѣздѣ			33054	121	4952	40	7264	56
Итого въ Эстляндской губерніи			128823	491	28376	55	51849	39

средства.		На каждую ревизскую душу приходится.				Отклонение от закономъ установленной нормы (расчетъ на душу).		По переводу всѣхъ продовольственныхъ средствъ на деньги, на душу приходится.		Отклонение от закономъ установленной нормы (расчетъ на душу).			
		Продовольственный капиталъ.		Озимый хлѣбъ въ гарницахъ.	Яровой хлѣбъ въ гарницахъ.	Продовольственный капиталъ.		Озимый хлѣбъ въ гарницахъ.	Яровой хлѣбъ въ гарницахъ.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
						Руб.	Коп.						
6583	72	3,1	8,1	4	71	— 60,9	— 23,9	5	87	— 6	88		
9200	—	3,4	5,7	6	49	— 60,6	— 26,3	7	53	— 5	22		
4916	10	2,8	12,2	6	34	— 61,2	— 19,8	7	83	— 4	92		
5577	61	10,6	8,8	5	15	— 53,4	— 23,2	7	58	— 5	17		
3609	23	2,7	7,9	5	97	— 61,3	— 24,1	7	08	— 5	67		
4350	64	8,3	18,1	8	43	— 55,7	— 13,9	11	27	— 1	48		
1469	36	5,4	13,3	6	25	— 58,8	— 18,7	8	25	— 4	50		
2328	40	12,6	27,7	5	42	— 51,4	— 4,3	9	81	— 2	94		
10442	6	4,7	21,1	5	97	— 59,3	— 10,9	8	48	— 4	27		
7686	49	8,4	23,1	5	86	— 55,6	— 8,9	9	17	— 3	58		
9880	99	4,5	27,2	9	43	— 59,5	— 4,8	12	49	— 0	26		
5598	18	7,9	28,5	7	77	— 56,1	— 3,5	11	46	— 1	29		
4106	03	8,5	22,1	8	69	— 55,5	— 9,9	11	99	— 0	76		
10765	62	4,0	17,2	9	65	— 60,0	— 14,8	11	77	— 0	98		
86514	43	5,7	16,6	6	72	— 58,3	— 15,4	9	05	— 3	70		
15699	78	12,5	12,5	8	29	— 51,5	— 19,5	12	27	— 0	48		
14200	33	10,8	3,3	10	69	— 53,2	— 28,7	12	39	— 0	36		
7101	26	—	—	15	91	—	—	15	91	+ 3	16		
11972	06	7,1	4,7	7	49	— 56,9	— 27,3	9	—	— 3	75		
8942	85	13,5	2,3	8	29	— 50,5	— 29,7	11	53	— 1	22		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
57916	28	9,7	5,3	7	96	— 54,3	— 26,7	8	57	— 4	18		
229556	48	9,4	14,8	6	94	— 54,6	— 17,2	9	65	— 3	10		
887211	25	14,0	25,7	6	88	— 50,0	— 6,3	11	22	— 1	53		

ВѢДОМОСТЬ

о продовольственномъ капиталѣ и продовольственныхъ запасахъ въ Эстляндской губернии за періодъ отъ 1860/61 по 1 января 1893 года.

Г о д а.	Продовольственный капиталъ въ рубляхъ.	Озимые хлѣба въ четвертяхъ.	Яровые хлѣба въ четвертяхъ.
1860—1861	79356	167125	58662
1861—1862	89804	162081	57580
1862—1863	100664	167592	59116
1863—1864	106565	167958	59178
1864—1865	113361	168433	59272
1865—1866	121356	186938	62793
1866—1867	136000	183658	68971
1867—1868	270403	127179	71360
1868—1869	С в ѣ д ѣ н і й н е и м ѣ е т с я.		
1869—1870	С в ѣ д ѣ н і й н ѣтъ.	82199	50203
1870—1871	360456	101115	62641
1871—1872	391000	127035	72336
1872—1873	312267	105121	62082
1873—1874	336859	124021	79053
1874—1875	С в ѣ д ѣ н і й н е и м ѣ е т с я.		
1875—1876	275000	88822	73551
1876—1877	290000	81422	73265
1877—1878	350000	72995	68848
1878—1879	360000	72684	68597
1879—1880	536522	65024	66434
1880—1881	585339	55730	60624
1881—1882	616517	51193	59884
1882—1883	641014	50170	58407
1883—1884	660594	49442	58064
1884—1885	673880	47831	55705
1885—1886	699520	45209	54353
1886—1887	700000	45000	55000
1887—1888	736505	41233	53353
1888—1889	733438	43630	52850
1889—1890	791011	43895	45059
1890—1891	806947	43646	53380
1891—1892	819528	42802	53352
Къ 1 января 1893	887211	28376	51849

Ал. Харузинъ.

Русскіе элементы въ Эстляндіи въ XIII—XV вв.*)

Свѣтъ, пролитый на Эстляндію въ XIII в. фактомъ завоеванія ея датчанами и орденомъ меченосцевъ, доселѣ заслоняетъ отъ взоровъ изслѣдователей культурную жизнь въ ней до этого времени. Обыкновенно думаютъ, что впервые западные завоеватели посѣяли среди обитателей этой дикой варварской страны сѣмена культуры. Однако, по мѣрѣ того какъ надаютъ несовершенныя организациі завоевателей на этой пропитанной кровію почвѣ, для кругозора изслѣдователя начинаютъ открываться явленія, доселѣ ускользавшія отъ его вниманія. Разказы объ открытіи Ливоніи нѣмецкими купцами отошли уже въ область легендъ. Несомнѣнно, что край этотъ еще задолго до XIII в. входилъ въ сферу исторической жизни сѣверныхъ народовъ и, безспорно, тѣснѣе былъ связанъ съ народами востока, чѣмъ запада. Поселеніе и утвержденіе славянъ у оз. Ильменя послужило началомъ новой эры въ жизни Балтійской чуди. Культурное столкновеніе этихъ двухъ различныхъ племенъ должно было, естественно, произвести переворотъ въ жизни обоихъ. Должныя были возникнуть новыя формы жизни на мѣсто старыхъ.

Слѣды русскихъ въ Эстляндіи должны быть почти столь же древны, какъ и поселеніе славянъ у оз. Ильменя. У науки не мало средствъ открыть эти слѣды. Но слѣдуетъ ихъ искать. Доселѣ ихъ не искали, да можетъ быть и не желали искать. Все вниманіе мѣстныхъ ученыхъ было посвящено судьбою нѣмецкихъ новообразованій на Балтійской почвѣ. Въ настоящей статьѣ я попытаюсь отыскать слѣды русскихъ въ Эстляндіи, на почвѣ, покрытой чуждыми вѣковыми наслоеніями.

Еще, задолго до XIII в. исторія знаетъ о столкновеніяхъ Эстляндской чуди съ норманнами. Скандинавскія саги, повѣствующія о подвигахъ викинговъ у восточнаго побережья Балтики, ни разу не упоминаютъ о подчиненности Эстляндской чуди

*) Къ X Археологическому съѣзду въ г. Ригѣ.

Норвегіи или Швеціи. Столкновенія чуди и норманновъ, происходившія по преимуществу у западнаго побережья Эстляндіи ограничивались обыкновенно грабежемъ. Между тѣмъ тѣ же саги повѣствуютъ о сборѣ великимъ княземъ Владиміромъ дани въ Эстляндіи въ IX в. и о посѣщеніи Эстляндскою чудью новгородскаго рынка. Заслуживаетъ особаго вниманія то обстоятельство, что скандинавскія саги, подробно воспѣвая грабительскіе походы норманновъ и шведовъ, ни разу не упоминаютъ о сооруженіи чудскаго*) героя и богатыря Калевайна въ сѣверо-западномъ углу Эстляндіи, о городѣ „Кольвани“**). Между тѣмъ у Новгородскихъ славянъ имя гор. Кольвань было изстари въ общемъ употребленіи. Спрашивается, кто и когда разрушилъ его? Когда датчане высадились въ 1219 г. въ Эстоніи, они нашли на мѣстѣ Кольвани „каменной деревни“, какъ называли этотъ городъ сосѣдніе эсты, лишь руины на пяти холмахъ, гдѣ „нѣкогда“, по замѣчанію лѣтописца, былъ городъ. Жизнь слѣдовательно уже давно отодвинулась внутрь страны. Если бы Кольвань существовала еще послѣ X в., имя ея никакъ не могло бы ускользнуть у западныхъ лѣтописцевъ, такъ какъ повѣствованія ихъ объ Эстляндіи съ этого времени дѣлаются подробнѣе и чаще. Не въ правѣ ли мы усмотрѣть въ этомъ намекѣ на тождественную судьбу „Кольвани“ съ чудскимъ городомъ на мѣстѣ нынѣшняго Новгорода? Не былъ ли колонизаціонный потокъ славянъ виновникомъ разрушенія Кольвани еще до X в.? Такова же по всей вѣроятности, и судьба чудскаго Ругодива, „острова защиты“ (по лопарски). Какъ бы то ни было, но начиная съ X в. мы имѣемъ историческія извѣстія о сношеніяхъ Новгородскихъ славянъ съ Эстляндіею. Отправляясь въ Скандинавію, славянскія дружины иногда избирали себѣ сухой путь черезъ Эстонію. Это, впрочемъ, явленія случайныя. А болѣе или менѣе постоянныя сношенія обуславливались мотивами торговыми, промышленными, политическими и грабительскими. Нужно имѣть здѣсь въ виду, что въ XII в. русская торговля играла на Балтійскомъ морѣ первую роль***). Собственно нѣтъ основаній признавать въ самой

*) Называю „чудскимъ“ потому, что форма „Kalewainen, Kalawaine, Kalewain“, легшая въ основаніе имени города, древнѣе, чѣмъ вѣтъ чудэсты, у коихъ въ XIII в. форма эта могла быть столь же сокращена, какъ нынѣ у Финновъ „Kalewa“.

**) Если не считать намекомъ на него извѣстіе объ опустошеніи викингами въ первой четверти X в. области Revalia. Antiquités Russes, T I p. 242.

***) Въ граматѣ, данной импер. Фридрихомъ I гор. Любеку въ 1188 г. русскіе помѣщаются въ числѣ первыхъ народовъ (Rutheni, Gothi, Normanni et ceterae gentes orientales) свободныхъ отъ помянутыхъ и ганзы. Грамата эта была

странѣ обмѣнѣ продуктовъ въ большихъ размѣрахъ. Но за то справедливо можно полагать широкое развитіе мелочной торговли черезъ пѣшихъ или конныхъ торговцевъ, кои носили имя *harjakas* (*harja wenelane* — щетинникъ, коробейникъ), *Somrak*, *Sombrak*, *Somberlane* (по названію погоста и волости въ Водской пят. Самро). Первые занимались по преимуществу мѣнковой торговлей, мѣнная матерія и металлическія издѣлія на щетину и воскъ. Промышленныя предпріятія привлекали въ Эстляндію предпримчивыхъ русскихъ кожемякъ, коноваловъ (эст. *kunowal*), рыболововъ, гончаровъ и каменщиковъ. Въ этихъ ремеслахъ русскіе превосходили туземцевъ. Они проживали или странствовали среди туземцевъ подрядъ нѣсколько мѣсяцевъ, смотря по времени года и свойству ремесла. Затѣмъ походы русскихъ князей въ Эстляндію сопровождались, по условіямъ того времени, уводомъ туземцевъ въ плѣнъ и наоборотъ благодаря походамъ туземцевъ въ Новгородскія области среди нихъ поселялись русскіе плѣнные. Со своей стороны русскіе князя, въ случаѣ побѣды, оставляли среди туземцевъ сборщиковъ податей т. н. „данниковъ“*). Наконецъ взаимныя набѣги эстовъ и русскихъ, которыя происходили гораздо чаще, чѣмъ, такъ сказать, официальные походы, о которыхъ повѣствуютъ лѣтописи, можетъ быть не въ меньшей степени послужили знакомству другъ съ другомъ и смѣшенію обѣихъ народностей. Подобныя самовольныя набѣги совершались обыкновенно въ зимнее время по окончаніи всѣхъ работъ. Цѣлью ихъ была добыча**).

Для взаимнаго сближенія и мирныхъ сношеній эстовъ съ русскими были благопріятныя условія. Во первыхъ, эсты (материковые) занимались земледѣіемъ и по своей натурѣ не были склонны къ бродяжническому образу жизни. Во вторыхъ, будучи по природѣ флегматическаго темперамента, они имѣли языческую религію, отличавшуюся при отсутствіи жреческой

подтверждена между 1220—1221 г. въ выраженіяхъ: *nec Ruthenus, nec Normannus, nec Svecus, nec Oningus, nec Guto, nec Livo, sic necque omnes gentes orientales.* *Lub. Urk. V. 9 8, b. p. 3011.*

*) Несомнѣнный слѣдъ такого порядка вещей въ древности я усматриваю, во первыхъ, въ названіи эстами податной единицы тождественно съ русскими: *Suits* — дымъ, что юридически соответствуетъ нынѣшнему крестьянскому двору. Это понятіе никакъ не могло быть заимствовано у датчанъ или пѣмцевъ, которые, возлагая на туземцевъ повинности, считали платежной единицей извѣстное количество земли. Во вторыхъ, въ самомъ названіи повинности: *tats* (= дача) — руга, натур. повинность; *obruk* = оброкъ.

**) Бѣглецы изъ Московскаго государства также попадаютъ въ Эстляндію, но это уже въ позднѣйшее время послѣ закрѣпощенія крестьянъ.

касты, поэтическимъ и гуманнымъ міровоззрѣніемъ. И въ третьихъ у нихъ не было централизаціи власти въ однихъ рукахъ, напротивъ функціи жрецовъ, судей и вождей исправляли старшіе и достойнѣйшіе въ родѣ или области.

Отъ этихъ общихъ соображеній я перехожу къ самому предмету.

Завоеваніемъ датчанами и нѣмцами Эстляндіи дѣйствительно было пролито много свѣту на самую страну, насколько она оказалась платежеспособною. Благодаря именно этому обстоятельству, намъ извѣстны нѣкоторыя мѣстные названія, которыя для нашей цѣли весьма важны. Но относительно самыхъ жителей страны и личныхъ именъ мы находимся въ худшихъ условіяхъ. Завоеватели края совсѣмъ не интересовались народностью покоренныхъ. Всѣ покоренныя племена и люди, обитавшіе у Балтійскаго побережья, на юридическомъ языкѣ обыкновенно назывались „нѣмцами“. Мѣстные лѣтописцы и хроникеры нѣсколько болѣе умѣли и хотѣли дѣлать различія между національностью народовъ края. А народности, обитавшія на востокъ за предѣлами завоеваннаго края оставались и для нихъ нераспознанными. Обыкновенно различныя чудскія племена, входившія въ сосѣднія русскія княжества, именуется ими запросто русскими, такъ что въ этомъ отношеніи признакъ подчиненности русскимъ служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ глазахъ и доказательствомъ ихъ принадлежности къ русской національности. Извѣстный хроникеръ Генрихъ Латышскій, описывая походы въ Эстонію, въ коихъ часто участвовалъ самъ, а также набѣги туземцевъ и нѣмцевъ въ Новгородскіе предѣлы и имѣвшій о послѣднихъ свѣдѣнія отъ очевидцевъ и участниковъ, называетъ обыкновенно забранныхъ тамъ плѣнныхъ русскими, хотя на самомъ дѣлѣ въ числѣ ихъ большая часть должна была безспорно состоять напр. изъ води и ижоръ. Вообще въ мѣстныхъ письменныхъ памятникахъ, представляющихъ преимущественно юридическія сдѣлки господъ, лишь изрѣдка встрѣчаются указанія на лицъ, какъ русскихъ по происхожденію. Однако не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что русскіе по тѣмъ или другимъ причинамъ селились въ Эстляндію, разумѣется, въ столь маломъ количествѣ, что вскорѣ сливались съ туземцами-эстами. Правдоподобно, что значительная часть поселившихся здѣсь русскихъ состояла изъ военно-плѣнныхъ, другая часть состояла изъ торговыхъ людей, занимавшихся въ странѣ разносной торговлей, и лишь незначительная часть состояла изъ колоній рыбаковъ. Спрашивается, какія же данныя существуютъ для распознанія въ Эстляндіи слѣдовъ русскихъ носеленій?

Преимущественными указателями слѣдовъ русскихъ поселеній въ Эстляндіи русскія имена, личныя и мѣстныя, а также мѣстныя эстонскія преданія. Прежде чѣмъ приступить къ группировкѣ такихъ свѣдѣній, мы должны предпослать еще нѣсколько общихъ замѣчаній. Не слѣдуетъ забывать, что русское имя мѣстное или личное еще далеко не есть вѣрный критерій русской народности носителя этого имени; носитель его можетъ быть и крещенный вожанинъ, корель, ижоръ или эстъ, а не Новгородскій славянинъ, равно славянское христіанское имя селянина въ Эстляндіи не можетъ служить также непремѣннымъ доказательствомъ православнаго исповѣданія его носителя, такъ какъ поселившись среди язычниковъ и полукатоликовъ туземцевъ выселенецъ русскій черезъ нѣсколько вѣковъ могъ утратить и свое исповѣданіе, какъ это показываетъ въ новѣйшее время примѣръ Исакскихъ полувѣрцевъ. Съ другой стороны національное имя русскихъ у эстовъ „Wene, Wend, Wenelane, Wendlane“, у финновъ Venäjä, Venät, Veneläinen, встрѣчаясь въ качествѣ мѣстныхъ названій, подвергается возраженіямъ при толкованіи его, какъ національнаго имени русскихъ. Надѣясь ниже доказать безспорность нѣкоторыхъ подобныхъ мѣстныхъ названій, какъ происходящихъ отъ имени русскихъ, я не могу не допустить справедливаго возраженія противъ происхожденія нѣкоторыхъ изъ нихъ не отъ имени Новгородскихъ славянъ, а отъ славянскаго племени венетовъ или вендовъ, обитавшихъ на южномъ побережьѣ Балтійскаго моря. Это возраженіе не только основывается на лингвистическомъ тождествѣ чудскаго названія Новгородскихъ и Балтійскихъ славянъ, отъ которыхъ оно собственно и заимствовано и прилагается финнами, эстами и куро-ливами и къ русскимъ славянамъ, но и на исторически доказанныхъ сношеніяхъ венетовъ съ западною чудью. Достаточно только здѣсь припомнить, что при завоеваніи эстонскаго города Линданиза на мѣстѣ нынѣшняго Ревеля датскимъ королемъ Вольдемаромъ въ 1209 г. участвовалъ съ своей дружиной венетовъ Рюгенскій князь Вецлавъ, не будь котораго здѣсь, датчане были бы разбиты. Въ виду такого серьезнаго возраженія, остается только принять, что нѣкоторыя славянскія личныя и мѣстныя имена, встрѣчающіяся въ Эстляндіи могутъ быть собственно венетскаго происхожденія*).

*) Въ новѣйшее время Др. Биленштейнъ (см. Die Grenzen d. Lettischen Volksstammes. St. Petersburg, 1892. p. 334—348) высказываетъ курьезное мнѣніе о латышскомъ происхожденіи жившихъ въ XIII в. около устья Виндавы венетовъ или вендовъ, но какъ не подкрѣпленное сколько нибудь основательными научными доводами, его мнѣніе не заслуживаетъ никакого вниманія. Исторія не знаетъ другаго народа съ именемъ венетовъ или вендовъ, кромѣ славянъ.

Первое по времени упоминание о русскихъ близъ Ревеля или въ самомъ Ревелѣ встрѣчается въ 1234 году въ буллѣ папы Григорія IX, въ коей между прочимъ описываются тѣ безчинства, которыя совершены рыцарями при насильственномъ отнятіи отъ вассаловъ церкви трехъ частей Ревельскаго замка (именно большаго) въ 1232—1233 г.*), гдѣ въ 1229 г. близъ канала на сѣверъ отъ маленькаго замка датскіе монахи основали доминиканскій монастырь, построивъ церковь и другія монастырскія зданія**), кои могли, по мнѣнію Ганзена, занимать почти все пространство бывшей соборной школы***). Въ упомянутой буллѣ говорится, что „рыцари измѣнически въ ущербъ церкви заняли три части Ревельскаго замка и убили болѣе чѣмъ сто вассаловъ Римской церкви, въ осьми частяхъ вторглись въ приходъ, возливая кровь, какъ на кладбищѣ, такъ и въ церкви на алтарѣ . . . , сваливая трупы въ кучу, поставили одного изъ убитыхъ, который оставался болѣе вѣрнымъ церкви, какъ бы замѣняющаго папу, на кучѣ убитыхъ и отнюдь не допускали похоронить ихъ для вящаго осрамленія церкви, пока съ теченіемъ времени новообращенные и другіе приходили смотрѣть на такого рода зрѣлище, чтобы казаться предъ новообращенными, русскими и язычниками сильнѣе римской церкви“ †). Въ числѣ жителей Ревеля въ то время въ томъ-же документѣ упоминаются горожане и множество купцовъ ††). Разъ римская церковь и орденъ придають русскимъ столь же важное значеніе, какъ и новообращеннымъ эстамъ, посѣщавшимъ ужасное зрѣлище, то нужно думать, что русскихъ, пріѣзжихъ или осѣдлыхъ, было въ Эстляндіи не мало.

Приступая къ изслѣдованію о поселеніяхъ русскихъ, я долженъ прежде всего оговориться, что и въ устахъ туземцевъ-эстовъ между природными русскими и полуобрусѣвшею чудью не дѣлалось строгаго различія, напр. полуобрусѣвшіе вожане, ижоры и корелы, походя по одеждѣ и отчасти по языку на природныхъ русскихъ, могли также называться русскими. Поэтому находеніе нами слѣдовъ напр. води въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверной Эстоніи, въ связи съ другими доказательствами, даетъ

*) Хронологія этого событія опредѣляется на основаніи акта отъ 1232 г. (Liv. II. B. p. 117), слѣдствіемъ коего была вторичная выдача орденомъ земель легату Балдуину, каковой выдачѣ послѣдовалъ вторичный захватъ ихъ орденомъ.

**) Scrip. rer. Dan. V, p. 500.

***) Hansen, Die Kirchen u. Klöster Revels, p. 64.

†) Изъ акта отъ 1236 г. (II. B. p. 145) мы узнаемъ, что это происходило in bello apud castrum Revalie. По этому здѣсь подѣ церковь вѣроятно же разумѣть именно церковь вышеупомянутаго доминиканскаго монастыря.

††) Hildebrand, Livonica, p. 21.

намъ право смотрѣть на нее какъ на носительницу русской культуры, языка и вѣрованій. Въ документѣ, относящемся къ первой половинѣ XIII в., въ датской писцовой книгѣ, т. н. *Liber census Daniæ*, упоминается въ Тегелехтскомъ приходѣ (первый отъ Ревеля по направленію къ востоку) въ Рапельскомъ килекундѣ (округѣ) дер. *Wangbaelae* при 8 гак. рядомъ съ дер. *Kostaevergae* съ 6 гак. земли. Значатся онѣ принадлежащими одному владѣльцу. Нынѣ послѣднее названіе прилагается лишь къ имѣнію, а дер. *Wangbaelae* называется *Waindjala*, *Wene Waindjala* (т. е. Русская Вайньяла), *Wene küla* (т. е. Русская дер.). Въ эти же мѣстности близъ дер. *Wäoküla* (по *L. c. D. Waetbo* — при 13 гак.) мѣстные старожилы указываютъ остатки бывшей иѣкогда Русской дер. (*Wene küla*), а отъ нея къ востоку на разстояніи двухъ верстъ протекаетъ мимо крестьянской усадьбы Лоо ручей, обыкновенно лѣтомъ высыхающій, носящій имя *Wadi oja*, т. е. Вадьскій ручей; прежде онъ падалъ въ оз. Маарду. На основаніи убѣдительныхъ доказательствъ ученаго Шегрена*) назв. *Wangbaelae* или вѣрнѣе *Waindjala*, *Wainjala*, *Wainala*, должно генетически соотвѣтствовать назв. *Wadinala*, т. е. Вадьская дер. Что касается названія д. *Kostiwere* или *Kostewere*, то параллели ему существуютъ и въ Водьской пятинѣ**).

Область *Repel*, *Revalia* (нынѣ дер. *Räbala*, *Rebala*), давшая впоследствии названіе Ревельскому замку и городу, принадлежала къ замку Линданисѣ (*castrum Revelensium****). Овладевши замкомъ, датскій король вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣлъ и принадлежащій къ нему земли †). Слѣд. такъ могло быть и до прихода датчанъ при захватѣ его шведами или русскими. Этимъ кромѣ добровольнаго переселенія или илѣненія можно объяснить и существованіе поселенія шведовъ у берега моря къ сѣверу отъ Вайн-

*) *Sjögren's Gesammelte Schriften*. I, p. 560—561.

**) Въ настоящее время въ дер. Костиферѣ четыре двора (Гаврила, Кузма, Юсси и Антипа) носятъ чисто-русскія названія, но это отъ позднѣйшихъ русскихъ переселенцевъ. Упоминаемые здѣсь въ 1268 г. (см. *Toll, Brieflade* p. 272) три двора *Peter*, *Muldy* и *Meles*, за исключеніемъ, пожалуй, перваго, нерусскаго происхожденія. Впрочемъ дворовъ здѣсь должно было быть болѣе, такъ какъ по *L. c. Dan.* здѣсь было 6 гакеповъ.

***) Когда въ 1219 году датчане подступили къ нему и сѣли въ немъ, онъ былъ оставленъ давно своимъ владѣльцемъ, ибо Генрихъ Матышскій замѣчаетъ о немъ, что онъ *fuera castrum quondam Revelensium*. Разрушая старый замокъ, датчане немедленно начали строить новый. *Heinr Chron. XXIII, 2.*

†) См. *Livonica*, p. 21. *rex Daniæ* дѣйствительно можно заключить, что область *Revalia* непосредственно перешла къ датскому королю. Ср. также у Эстовъ названіе Верхняго оз. *Ulemiste*, т. е. Верхнихъ (владѣтелей замка).

дялы, именно въ дер. *Rusaе**), нынѣ у эстовъ дер. *Rootsi kalawere* т. е. Шведскій Калаверъ въ отличіи отъ полумызка *Maakalawere* (т. е. Туземный Калаверъ). По *L. c. Daniae* въ *Rusaе* было 8 гак., а въ *Kallaevaerö* (т. е. рыбій край) 15 гак. Такимъ образомъ еще до завоеванія датчанами Лиданисы мы находимъ въ ея области населенія води (эст. *Wadilased, Watjalased*) и шведовъ. Любопытный вопросъ, когда они возникли здѣсь, врядъ ли будетъ когда-либо рѣшенъ, а остается навсегда темной для исторіи. Относительно води я держусь того мнѣнія, что она появилась здѣсь не во время самостоятельнаго существованія за Наровой, а уже во время владычества надъ ней Великаго Новгорода. Иначе никакъ не объяснить того обстоятельства, почему эсты склонны называть ихъ русскими, какъ это мы видѣли выше. Можно поэтому думать, что сюда явились они уже знакомые до нѣкоторой степени съ русскимъ языкомъ и обрядами православной вѣры.

Заслуживаетъ особеннаго вниманія, что въ Ревельской области находится древнѣйшая церковь Эстляндіи, сооруженіе которой должно относиться къ времени до завоеванія датчанами этой области въ 1219 г. Это мнѣніе основывается на данныхъ исторіи, преданій и языка.

Въ датской писцовой книгѣ т. н. *Liber census Daniae* противъ дер. *Saga* при 12 гак., принадлежащей нѣкому *Hildelempae***), значится: *ubi fuit ecclesia et cimiterium adhuc est*. Приписка этой деревни сдѣлана по всей вѣроятности одновременно съ припиской предшествующей ей дер., принадлежащей богадѣльнѣ прокаженныхъ, именно *Patik*, такъ какъ дер. *Saga* должна по мѣсто-

*) Въ актѣ отъ 1249 г. точнѣе опредѣляется содержаніе акта 1240 г. (*Brieflade*, pp. 5, 7), гдѣ говорится о дер. *Ruts* (*Rootsi*), что она нѣкогда принадлежала *Rubert von Sluck*'у, какъ и значится въ *L. c. D.*, слѣд. данное мѣсто *L. c. D.* составлено до 1240 г.

**) Владѣлецъ дер. *Saga* въ XIII в., искаженно называемый въ *L. c. Dan.* *Hildelemp*, по всей вѣроятности былъ туземнаго происхожденія. Тоже имя въ актахъ называется *Uldelemp* (*Undelemp*), которому датскій король (? Вальдемаръ II завоеватель Эстоніи) далъ въ ленъ участокъ (*alodium*) въ дер. *Pugete* (*Pogete, Pugiote* = нынѣ *Pujatu* къ юго-востоку отъ *Saga*) и домъ въ Ревельскомъ замкѣ. Онъ же по *L. c. D.* значится имѣющимъ участіе въ дер. *Pugiote* подъ искаженнымъ именемъ *Villölemp* (*Livl. U.-B.* p. 439, а отъ 1274 г. и 453, а отъ 1277 г.). Наше предположеніе о туземномъ происхожденіи имени *Uldelemp* (по моему болѣе правильное чтеніе) подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что приводимыя въ томъ же *L. c. D.* созвучныя ему названія деревень эстонскихъ, каковы: д. *Hiltae* въ Гальялскомъ прих., д. *Aehildelemp* въ Копскомъ прих., не встрѣчаются въ настоящее время въ такой формѣ, за исключеніемъ развѣ дер. *Uldelep* (= ? нынѣ *Ullelep*) въ Кегельскомъ прих. Въ такомъ случаѣ *Uldelemp* долженъ былъ быть уже христіаниномъ.

положенію принадлежать къ Ревельской области. Весьма важенъ вопросъ, къ какому же времени относится эта часть *Lib. census Daniæ* и именно эта приписка. О существованіи въ Ревелѣ внѣ городскихъ стѣнъ богадѣльни упоминается впервые въ 1237 г.*). А время составленія *Lib. cens. D.* всѣми изслѣдователями относится ко второй четверти 13 в., по всей вѣроятности между 1238 — 1242 гг., именно послѣ заключенія между ордепомъ и датчанами Стенбійскаго договора 1238 г., по которому вся Эстляндія перешла окончательно датскому королю**). Строить до этого времени настоящія церкви въ странѣ не было возможности. Церкви, которыя были сооружаемы католическими миссіонерами во время ихъ проповѣди, были нѣчто вродѣ палатокъ и служили лишь временнымъ мѣстомъ для богослуженія. Начиная съ 1219 до 1238 года, время было столь безпокойное, какъ вслѣдствіе возстаній туземцевъ, такъ и по причинѣ борьбы ордена съ духовенствомъ и Римской Куріей, и въ частности по причинѣ борьбы ордена съ датскимъ королемъ изъ-за обладанія Эстоніей. Въ этой борьбѣ орденъ по свидѣтельствамъ актовъ не брезгалъ союзомъ съ врагами христіанства — эстами, отвращая ихъ отъ „служенія Богу и вѣрѣ“. Сами купцы и вассалы ордена и церкви предпочитали жить въ то время въ укрѣпленныхъ замкахъ, не говоря уже о братьяхъ ордена. Да и за стѣнами замковъ они не могли чувствовать себя въ безопасности; такъ напр. датскіе монахи, соорудившіе монастырь въ больномъ Ревельскомъ замкѣ въ 1229 г. вскорѣ почти всѣ удалились на родину „вслѣдствіе варварства и жестокости эстовъ“ и возвратились только въ 1246 г. Вообще о постройкѣ настоящей церкви въ Эстляндіи до этого времени не можетъ быть и рѣчи. О существованіи ихъ не говоритъ и исторія. Упомянутія о постоянныхъ сельскихъ священникахъ начинаются лишь съ конца XIII в.***). Упомянутая писцовая книга до очевидности показываетъ, что во время составленія ея въ Гарріи (со включеніемъ Реваліи) и Вироніи только были намѣчены приходы и выбраны нѣкоторыя мѣста для церквей. Лишь единственный разъ составитель ея упоминаетъ о бывшей въ Сагѣ церкви, при коей сохранилось только кладбище. Сагаская церковь должна была существовать задолго до составленія *Lib. c. D.*, когда мѣсто для приходской церкви въ Реваліи было намѣчено въ Тегелехтѣ, потому что до этого времени сохранилось кладбище съ могилами, а не просто мѣсто подъ него. Нужно

*) *Livl. U.-B.* n. 148.

***) См. мое сочиненіе „Введ. христ. въ Лифляндію“, стр. XXII—XXIII.

****) См. мое соч., стр. 366—386.

при этомъ припомнить то упорство, съ которымъ эсты нѣсколько вѣковъ послѣ ихъ покоренія продолжали хоронить покойниковъ на собственныхъ языческихъ кладбищахъ*). Вышужденные хоронить ихъ на церковныхъ кладбищахъ, они во время возстаній выкапывали оттуда тѣла и хоронили ихъ по языческому обряду посредствомъ сожженія, какъ напр. они поступили въ 1223 году.

Второе доказательство древности Сагаской церкви основывается на преданіяхъ окрестнаго населенія. Окрестное населеніе относится къ нынѣшнимъ руинамъ церкви съ кладбищемъ вокругъ нея съ непонятнымъ глубочайшимъ благоговѣніемъ. Когда я въ 1888 г. осматривалъ ее, то изъ опасенія оскорбить набожное чувство присутствовавшихъ мѣстныхъ жителей, должепъ былъ обнажить голову. Мѣсто это привлекаетъ къ себѣ въ праздничные и воскресные дни не только жителей сосѣдней деревни того-же названія въ версту отъ него, но и крестьянъ изъ отдаленныхъ деревень. Здѣсь проводятъ они время въ разсказахъ о быломъ и настоящемъ. Понятно поэтому, отчего сохранились въ подробностяхъ сказанія о прошломъ этой церкви. Всѣ съ полною увѣренностію, не терпящею возраженій, утверждаютъ, что здѣсь существовала церковь уже до постройки датчанами Ревеля въ 1219 г. Объ обстоятельствахъ ея постройки, не лишенныхъ въ общемъ правдоподобія, разсказываютъ, что построена она купцомъ Николаемъ, который находился на морѣ къ сѣверу отъ нея въ опасности и далъ обѣтъ въ случаѣ спасенія соорудить на Сагаской возвышенности на мѣстѣ видѣвшагося съ моря дуба церковь, что онъ и исполнилъ**). Подобныя же обстоятельства

*) Еще въ 1696 г. Шведское правительство вмѣнило арендаторамъ въ обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы крестьяне не хоронили покойниковъ на запрещенныхъ мѣстахъ, а на настоящихъ кладбищахъ. Brieflade II, n. 1002.

***) См. Paucker, Ehstlands Geistlichkeit. Reval, 1849, p. 120. Сага о постройкѣ ея датскимъ купцомъ Николаемъ Туве въ началѣ 15 в. въ честь Николая Чудотворца, въ день коего совершилось его спасеніе, лишена основанія какъ относительно времени, такъ и личности купца. А равно и сомнительно точное указаніе числа лѣтъ (50), насколько церковь старше гор. Ревеля. Однако достоверно то, что церковь или часовня, какъ она должна называться по малости своего размѣра, была неоднократно разрушаема и вновь сооружаема. Въ 1888 г. отъ часовни сохранились только стѣны и потолокъ готическаго стиля. Колокольня, по разсказу старожиловъ, упала и два колокола перевезены въ Кузальскую кирху, гдѣ они существуютъ и доселѣ. На лѣвой сторонѣ предъ алтаремъ находятся полуразбитыя изваянія людей изъ дуба, который будто росъ на мѣстѣ часовни, именно при входѣ въ нее на правой сторонѣ близъ дверей. По преданію, это изваянія купца Николая (Nigulas), строителя часовни, и его жены; у него и жены были прежде на колѣнахъ по одному ребенку, изваянія копъ были сдѣланы изъ того же дерева. Изваяніе третьяго старшаго ребенка стояла

послужили основаніемъ постройки будто-бы церкви у мыса Домеспеса въ Курляндіи до завоеванія Ливоніи нѣмцами. Однако въ данномъ случаѣ мнѣ представляется болѣе вѣроятнымъ чисто туземное происхожденіе часовни. Дѣло въ томъ, что на кладбищѣ, расположенномъ кругомъ часовни, по рассказамъ старожиловъ, было три креста, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ, одинъ противъ входа въ часовню (исчезъ давно), другіе два по обѣимъ сторонамъ ея ближе ко концу кладбища. По преданію эти три креста принадлежали тремъ родамъ (*selts* — союзъ, дружина), которые обитали въ Сагѣ*). Что одинъ крестъ ставился на родовой т. сказать могилѣ, это видно особенно ясно на Исаковомъ кладбищѣ, гдѣ на нѣкоторыхъ крестахъ перечисляется множество поколѣній. По словамъ нынѣшнихъ жителей, Сагаскіе кресты представлялись какъ-бы общою собственностію и переставлялись со старыхъ могилъ на новыя. Еще одно обстоятельство говорить о туземномъ происхожденіи Сагаской часовни, по крайней мѣрѣ въ ея нынѣшнемъ видѣ, а именно, въ пей на правой сторонѣ предъ алтаремъ есть склепъ съ надгробной плитой, на коей обыкновеннымъ готическимъ выпуклымъ шрифтомъ 17 в. написано: „Pallase Andres Sahlt (т. е. Паласе Андрей изъ Саги). Prosa Hans 1651“. Имена эти крестьянскія туземныя и встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ въ качествѣ мѣстныхъ и личныхъ названій**).

отдѣльно рядомъ съ изваяніемъ отца. Въ передней стѣнѣ часовни снаружи по лѣвой сторонѣ видно рядомъ на разстояніи полуфута три круглыя углубленія, въ коихъ еще на памяти нынѣ живущихъ видѣлись три черепа (два поменьше, третій побольше) — это будто три головы отца и двухъ сыновей, которые во время постройки часовни не разъ разрушали ночью сооруженное днемъ, пока мастера не поймали ихъ и не замуровали ихъ головы. (Замурованныя въ стѣнахъ кирокъ черепа встрѣчаются въ краѣ нерѣдко). Не указываетъ ли это на борьбу язычества съ христіанствомъ? На правой сторонѣ дверей снаружи близъ фундамента находится въ стѣнѣ т. н. „ушная яма“, въ которую лица страдавшія ушными болѣзнями опускали деньги. Надъ этой ямой въ стѣнѣ четырехугольное углубленіе, значеніе котораго неизвѣстно. Внутри часовни противъ ушной ямы въ прежнее время находился ящикъ съ землей, служившей пастору для совершенія обряда погребенія.

*) Нынѣ въ дер. Сагѣ 14 дворовъ, изъ коихъ девять носятъ христіанскія имена, пять-языческія, именно *Kasti* (встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ Эстляндіи, а также въ Новгородскихъ пятинахъ), *Lira* или *Lürpa* (ср. соотвѣт. названія въ Новгород. пятинахъ), *Kärsa* (въ фин. и эст. значить хоботъ, рыло), *Nuhja* (по фински и эст. дубина) и *Nõu* или *Neuwo* (совѣтъ). По L. e. D. рядомъ съ д. *Saha* упом. дер. *Kärsa* при 2 гак. — это вѣроятно то же, что нынѣшній кр. дворъ въ Сагѣ.

**) Ср. напр. дворъ *Prassi Hans* въ Новой дер. близъ Русской дер

тели настоящей часовни въ 17 в. изъ мѣстныхъ крестьянъ. Слѣдовательно Сагаская часовня находится въ исключительномъ положеніи и въ отношеніи къ ней народныхъ преданій и чувствъ.

Затѣмъ третье доказательство составляетъ сохранившійся на кладбищѣ у сѣвернаго праваго угла церкви каменный крестъ колесообразной формы съ надписью. Крестъ представляетъ собою дискъ съ ножкой и съ четырьмя отверстиями въ серединѣ, образующими форму креста. Такой типъ древнѣйшихъ крестьевъ наблюдается не только въ Эстляндіи, но и въ Новгородской и С. Петербургской губ. (со Славянскими надписями), гдѣ онъ появился раньше со введеніемъ Христіанства*). Оттуда онъ могъ перейти въ Эстляндію. Суть здѣсь въ самой надписи и въ письменахъ. Въ настоящее время можно еще довольно хорошо разобрать на крестѣ слова: *jukemei osmo*. Первое слово въ данной формѣ не встрѣчается нынѣ въ чудскихъ нарѣчіяхъ. Если звукъ *e* замѣнить звукомъ *a*, то это слово дѣйствительно имѣется въ чудскихъ нарѣчіяхъ. Какъ объяснить здѣсь замѣну второго звука первымъ, трудно сказать. Слово *johkam*, Gen.-ma, встрѣчается нынѣ въ качествѣ названій дворовъ у эстовъ**), а въ разговорной рѣчи лишь въ соединеніи съ *tuule j.* — вѣтренникъ, вертопрахъ; *p.-tsi j.* — развратникъ. Первыя-жа значенія его трудно опредѣлить: ср. лон. *jukkam* — попойка; пьяный: *jukkamus*, зыр. *jukmõs* — польнья, питье; лат. *juka*, *jukum*, *jukums* — бурда, пойло; суматоха, распря (= латыш. *johka*, ф. *jukka* эст. *joga*, *jogamus****). Окончаніе *ai* (*oi*), представляя сокращеніе болѣе древн. *ainen* (*oinen*), встрѣчается въ нѣкоторыхъ именахъ въ Водьской пятинѣ (15 в.) и въ языкѣ Онежскихъ Карелъ (Вепсовъ и Ливиговъ). Второе слово *osmo* можно отождествить съ фин. *osma* — росомаха, обжора, (*ahma*, эст. *ahm*); хижина (эст. *osm*); мифол. имя (въ финскихъ мифическихъ пѣсняхъ)†). Итакъ въ разбираемой надписи

въ Пальемской волости; собст. имя *Prooz* употреб. у Дагенцевъ; нариц. *proozj* — повѣса, олухъ (отъ *prassima*, *prossima* — праздновать, бражничать, буйствовать)

*) Онъ найденъ и въ Карелии, но лишь въ болѣе грубой формѣ (*Finska Förmminnes fören. Tidskrift. Helsingissä 1893, p. 185* и примѣч. p. 56).

**) Въ одной надписи на крестѣ на кладбищѣ бывш. Монастыря Св. Бригиткѣ (осн. въ 1411 г., близъ Ревеля приводится подобное же имя *iõchkam*.

***) Если же надъ первой буквой черточка вывѣтрилась, то слѣдуетъ читать *tukemei* = эст. *tuhkma* (*tuhkur*) — пепельнаго цвѣта, хорекъ (= фин. *tuhkuri*); фин. *tuhkamo*, *tuhkimo* — замаха, чумичка, бездѣльникъ, сидящій все дома за печкой.

†) Ср. тоже у запад. берега Эстоніи о. *Odinsholm* = эст. *Osmasaar*, и во влад. Рижскаго еп. въ 1239 г. о. *Osmasar* (*Osmesare*) на Двинѣ (*Livland. U.-B. NN. 197. 198*).

мы встрѣчаемъ два имени, не употребляемыя нынѣ у эстовъ въ данной формѣ. Къ тому же послѣднее имя встрѣчается нерѣдко въ мѣстахъ древнихъ обиталищъ Чуди, напр. с. Осмино (Шелон. пят.), дер. Осмоевъ (Дерев. пят.), вол. р. Освѣй, оз. Освея, д. Асмаки и др. (Витеб. губ.).

Самыя письма, коими начертаны данныя слова, не имѣютъ себѣ подобныхъ въ древнихъ эстонскихъ надписяхъ. Начертаны они такъ: IVKΘOΘI/ΘSOΘ. Въ этихъ начертаніяхъ своеобразны знаки для звуковъ е, м, о. Подобные имъ знаки встрѣчаются въ XIII в. въ датскихъ и нѣмецкихъ надписяхъ на печатяхъ. Въ мѣстныхъ могильныхъ надписяхъ также можно найти знаки, хотя лишь отчасти напоминающіе вышеприведенный знакъ для е, именно, на крестѣ (XV в.) на кладбищѣ въ Бригитѣ и у мызы Лагны (Везенб. у.) Близкое сходство Сагаскихъ съ датскими и нѣмецкими письменами XIII в. даетъ право относить ихъ къ XIII в. и считать западнаго происхожденія.

Если такимъ образомъ древняя Сагаская капелла*), по всей вѣроятности существовала еще до покоренія датчанами Эстляндіи, то возникаетъ вопросъ, какого-же исповѣденія были люди, построившіе и отправлявшіе въ ней богослуженіе? Имѣя въ виду нѣсколько выше-приведенныхъ аналогій изъ данной мѣстности съ мѣстами на Руси, населеніе которыхъ исповѣдовало христіанство въ формѣ православія, и притомъ задолго до распространенія католичества на Западѣ, а также и фактъ умолчанія о существованіи Сагаской церкви въ письменныхъ памятникахъ католическихъ странъ**), я полагаю считать болѣе всего правдоподобнымъ, что древняя Сагаская церковь представляла не что иное какъ часовню, подобную часовнямъ при чудскихъ деревняхъ въ Новгородскихъ пятинахъ въ XII—XIII вв. и что часовня эта была построена и содержима мѣстными туземцами, находившимися въ близкихъ сношеніяхъ съ подвластными Новгороду областями***).

*) Недалеко отъ нея именно шаговъ 50 къ сѣверу находится холмъ подъ назв. Kabeli mägi, Kabeli mäe kangru, т. е. Гора капеллы, каменная гора горы капеллы. А на разстояніи ок. версты отъ часовни расположены два небольшие холма съ правильными рядами камней, носящіе имя kiriku kangru, т. е. развалины церкви; отсюда слѣдуетъ думать, что мѣсто часовни неоднократно мѣнялось. Вѣроятно однако, что нынѣшняя капелла находится именно на мѣстѣ первой капеллы, такъ какъ строители или патроны ея были туземцы-эсты.

**) Между тѣмъ о постройкѣ католикомъ-купцомъ церкви въ Курляндіи повѣствуетъ Адамъ Бременскій со словъ самаго датскаго короля. См. мое соч. Введ. хр. въ Лифл. стр. 146.

***) Другой крестъ, находящійся теперь къ югу отъ каплицы на полдюйма въ ширину и толщину меньше вышеописаннаго и лучше обдѣланъ: на

При всемъ томъ однако остается сомнѣніе въ возможности существованія въ Эстляндіи христіанской общины до XIII в. Есть косвенный аргументъ, способный поколебать сомнѣніе, это — данныя изъ произведенныхъ въ послѣдніе годы финскимъ ученымъ г. Швиндтомъ раскопокъ въ Карелии у сѣверо-западнаго побережья Ладожскаго озера, именно въ прих. Кексгольмъ (русс. Корѣла, Корельскъ*). Свидѣтельства письменныхъ памятниковъ о началѣ здѣсь христіанства, въ частности православія, не заходятъ далѣе XIII в. Между тѣмъ результаты раскопокъ даютъ возможность сдѣлать заключеніе, что часть здѣшняго населенія была знакома съ православіемъ уже въ послѣдній періодъ каменнаго вѣка (въ XI—XIII в.), къ каковому времени относятся найденныя здѣсь древности. Въ числѣ предметовъ, свидѣтельствующихъ о распространеніи въ Карелии христіанства и въ частности православія ранѣе указанія письменныхъ свидѣтельствъ, имѣются кресты (грудные), иконы и пряжки. Бронзовые и мѣдные четырехугольные грудные кресты были найдены въ могилахъ въ Кексгольмѣ, Говинсари, Ланилахти, Суотніеми и Сепайсѣ; подъ ними оказывались обыкновенно остатки (шерстяной) матеріи и въ ушкахъ нѣкоторыхъ остатки веревки. Въ Кексгольмѣ найдены двѣ круглыя серебряныя грудныя пряжки: на одной лиць женщины съ руками воздѣтыми кверху, начиная отъ локтей (на правой рукѣ четыре пальца), на другой по краямъ латинскими буквами начертано: AVE MARIA G. Эта надпись, по заявленію г. Швиндта, была обычна на Западѣ въ XIII в. Въ Сакколѣ найдена на древнихъ могилахъ бронзовая четырехугольная икона (фин. *oprosa* = образъ) съ изображеніемъ епископа съ книгой въ рукахъ; по верхнимъ угламъ славянскими буквами палисано; NIRO I?? II (? Николай). Въ Рейзелѣ въ дер. Рамасари найденъ на полѣ грубой работы мѣдный складень (фин. *siipi-oprosa* — крылатый образъ) безъ другоа крыла; на средней части изображенъ епископъ и у его плечъ два маленькихъ святыхъ на облакахъ; на сохранившемся крылѣ изображены три пары святыхъ одна на другой. Въ Килполѣ лѣтомъ 1885 г. найденъ изъ ручья мѣдный образъ, видимо изображающій трехъ страшиковъ въ видѣ ангеловъ, явившихся Аврааму у дуба Мамрійскаго; у всѣхъ трехъ жезлы, двое

задней и передней сторонѣ близъ краевъ проведены двѣ параллельныя высѣченныя линіи на разстояніи дюйма и по обомъ бокамъ въ срединѣ имѣются круглыя выпуклыя выступы. То обстоятельство, что этотъ крестъ тоньше на полъ-дюйма, даетъ право думать, что древнія письмена съ него стерты и замѣнь ихъ высѣчены новыя, относящіяся къ 1620 г.

*) Suomen Muinaismuisto-yhd. Aikakauskinja XIII. Helsingissa 1893.

сидятъ, одинъ стоитъ у стола, на коемъ поставлены три сосуда. Надпись надъ головою средняго изображенія состоитъ изъ пяти видимо латинскихъ буквъ. Въ Рейзелѣ изъ поля священника (между дворомъ и дорогой) найденъ бронзовой грудной продолговатый крестъ длиною $2\frac{1}{2}$ дюйма; онъ состоитъ изъ двухъ половинъ связанныхъ крючками; между ними полое хранилище мощей; на обѣихъ сторонахъ неодинаковый образъ распятія. Форма креста округленная. Въ Килполѣ въ дер. Галалахти въ 1885 г. найденъ въ ручьѣ приблизительно такой же величины бронзовой грудной съ остроконечными углами крестъ безъ образа распятія и верхней части. На лицевой сторонѣ его отчетливо можно различить славянскую надпись: на перекресткѣ съ одной стороны сверху сл (= ? славы), подъ нимъ ХС (= Христосъ), съ другой сторонѣ ХС (= Христосъ), на нижней оконечности НИК (= ника*). Въ Рейзелѣ въ дер. Говинсари найденъ сердцеобразный бронзовый грудной крестъ очень малаго размѣра; на немъ по всему краю находится надпись, повидимому, славянскаго происхожденія. „Русскіе кресты“ были находимы еще въ дер. Тенголѣ близъ Ладожскаго оз.**). Изъ вышесказаннаго видно, что въ Карелии въ многихъ мѣстахъ мужчины хоронились въ древности съ грудными крестами, причемъ разъ рядомъ съ крестомъ попадается пряжка съ эмалевыми письменами Ave Mariagt. Въ женскихъ пряжкахъ, говоритъ Швиндтъ, образъ креста обыкновенно служилъ украшеніемъ и на одной Кексгольмской пряжкѣ имѣется ликъ святаго. Швиндтъ полагаетъ, что какъ упомянутые кресты, такъ и пряжки представляютъ чужестранный товаръ, что подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что на одной женской пряжкѣ изъ Тукаласкихъ могилъ имѣются скандинавскія руническія письмена, но это обстоятельство, по его мнѣнію, недостаточно объясняетъ фактъ ношенія почти всеми мужчинами похороненными въ Кексгольмскомъ могильникѣ крестовъ на груди, если въ тоже время недопустить, что крестъ былъ символомъ, имѣвшимъ какое-либо значеніе въ глазахъ усопшаго или оставшихся въ живыхъ. Швиндтъ во всякомъ случаѣ думаетъ, что

*) Подобный же по формѣ и величинѣ крестъ былъ приобретенъ мною въ 1888 г. въ Пюхтицкомъ краѣ (Эстл. губ.) въ дер. Катермѣ, гдѣ онъ былъ найденъ на полѣ. На лицевой сторонѣ его по срединѣ образъ распятія; надъ руками ІС . . . ХС (т. е. Іисусъ Христосъ); на срединѣ оконечностяхъ по парѣ святыхъ, видимо, съ надписями надъ головами; надъ головою образа распятія крылатая голова, подъ которою по обѣимъ сторонамъ надпись съ тѣлами *хр . . . мѣу* (Господь Нашъ). Подобные кресты, находимые не въ могилахъ конечно) позднѣйшаго происхожденія.

***) См. тамъ же, стр. 25. 28. 39. 44. 48. 92. 95. 99—105. 107.

большая часть похоронены въ Гексгольмскомъ могильникѣ крещены, что однако не мѣшало имъ быть по обычаямъ и понятіямъ полными язычниками, какъ показываютъ раскопки.*)

Основываясь на нашихъ свѣдѣніяхъ о Карелии и Эстляндіи до XIII, мы вправѣ думать, что возможное въ Карелии было возможно и въ Эстляндіи.

Далѣе, въ ближайшихъ мѣстностяхъ мы находимъ слѣдующія названія напоминающія о русскихъ: въ имѣніи Сагѣ бобьльскія избы Уйтровичи, съ чудской основой и русскимъ суффиксомъ; въ имѣніи Руммо бобьльскіе дворы Треноска, Саска**); въ им. Маартъ крест. дворы: Нигула, Еско, Пуска; въ им. Кедеръ кр. дворы Ванька, Ивани. Болѣе обстоятельнаго разслѣдованія заслуживаетъ большая дер. Kaberla въ им. Руммо. По Гиб. с. Дан. она называется Gabriel съ 14 гаек. По акту отъ 1287 г.***) она называется Kabriel; по означенному акту датскій король жалуетъ изъ нея четыре гаекена монастырю Св. Михайла въ гор. Ревель. Какого происхожденія это названіе? Къ сѣверу отъ нея на полуостр. расположена дер. Kaberniemi, т. е. Каберскій мысъ, названіе, по всей вѣроятности, финскаго происхожденія†). Если къ kaber прибавить финскій мѣстный суффиксъ la, то названіе kaberla слѣдовало бы признать чуждаго происхожденія. Я отдаю предпочтеніе болѣе древней формѣ этого названія въ XIII в. Параллели ему я нахожу въ прозвищахъ и фамиліяхъ эстовъ по всему сѣверному побережью Эстляндіи, а именно: Kawril, Kabrila, Kawrila (Kaurila), т. е. русс. Гаврилъ. Въ нынѣшней дер. Каберль (= Гаврилъ) два двора называются Tallnkse (Talluksna) и Kutikse. Имъ вполне соотвѣтствуютъ названія: оз. и прих. Доложское (Гдов. у.), оз. Долошице или Долосце и дер. Долоска (Дерев. пят.), д. Куть, Кутино (Водск. пят.), д. Кутыгино, Кутишино, Кутышово (Дерев. пят.). Поразительно, что у этой деревни сохранилась своя древняя народная пѣснь, которая начинается такъ:

Ma olen kallis kaugeelt,
Pisike olen Peipesesta:

*) Тамъ-же, стр. 190. Въ Эстляндіи доселѣ было сдѣлано весьма мало раскопокъ съ археологическою цѣлю, но нѣтъ сомнѣнія, что результаты ихъ могутъ оказаться здѣсь гораздо богаче, чѣмъ въ бѣдной полукочевой Карелии того времени.

***) Тутъ-же упоминаются бобьльскіе дворы: Вадивала (т. е. Водской волости) и Ладога — имена, указывающія на связь съ Новгородскими предѣлами.

***) Brieflade, n. 20.

†) Нынѣ въ ней чудскія названія дворовъ, напр. Migani, Hindu, Pürgi.

Издадека я драгой,
Изъ-за Пейпуса я малой.

Въ близъ лежащемъ къ этой деревнѣ лѣсу одно урочище носить названіе *Kabeli wali*, т. е. поле часовни. Въ ея же предѣлахъ другое уроч. называется *Risti põllu kangrud*, т. е. курганы крестоваго поля. Въ имѣній же Румму въ глухой дер. Эхасалу, въ сосновой рошѣ, еще недавно сохранилась часовня, то есть собственно небольшая модель ея съ берестовой крышей, подъ ней крестики съ красными лентами. Въ ней возжигали салныя свѣчи на маленькихъ скамечкахъ изъ лучины, причемъ молящійся присутствовалъ, пока свѣча не сгорѣла. Больные въ случаѣ выздоровленія давали обѣтъ пожертвовать на часовню ленточку (*plenk*). Рассказываютъ, что Кузальскій пасторъ вывелъ этотъ обычай лишь лѣтъ 30 тому назадъ*). Мѣстный хроникеръ 16 в. пасторъ Руссовъ и путешественникъ 17 в. Олеарій представляютъ обычай эстовъ приносить жертву свѣчами и лоскутами явленіемъ общимъ, наблюдавшимся во всей странѣ. По Руссову полагались на алтарѣ не только свѣчи восковыя, но и фигуры лошадей, быковъ, телятъ и овецъ, сдѣланныя изъ воска, что уже есть прямой пережитокъ язычества; фигуры, очевидно, замѣняли живыхъ существъ. Но обычай жертвовать свѣчи, выжидая, пока онѣ сгорятъ, и полагать лоскуты на признаваемые священными предметы, напр. камни и кресты, былъ нѣкогда въ общемъ употребленіи у обрусѣвшей нѣсколько вѣковъ тому назадъ чуди въ С.-Петербургской и Псковской губ. Какъ объяснить это сходство въ проявленіи религіознаго чувства въ формѣ чуждой католичеству? Не представляетъ ли этотъ обычай въ Эстляндіи пережитокъ того времени, когда еще не было здѣсь католичества? Или же м. б. онъ отчасти объясняется заимствованіемъ въ позднѣйшее время?

Подвигаясь далѣе къ востоку, мы находимъ въ Кузальскомъ прих. въ дер. Ури (въ XIII в. искаж. *Veri*) дворъ *Wenetoa* (т. е. русская изба), который прежде былъ въ самой деревнѣ, нынѣ внѣ ея. Отсюда къ югу отъ Мэннико корчмы расположено городищѣ *Wopska linn*; такъ иногда называется въ устахъ полуобрусѣвшей чуди въ Псковской губ. городъ Псковъ (отъ употребленія названія на вопросъ: куда?**) Въ дер. Пирсоалликъ нынѣ дв. (2) *Paali*

*) Жители данной мѣстности не чужды и чудскимъ національнымъ преданіямъ: въ предѣлахъ д. Каберлы находится т. п. „Песчанная яма Калева“, глубиною саженой 45, широкою и длиною $\frac{1}{2}$ версты, по формѣ круглая какъ чапа. Здѣсь будто было озеро, которое выпилъ сѣрый быкъ. Быкъ этотъ хотѣлъ выпить и Руммоское оз., но ему встрѣился Калевичъ и отрубилъ голову.

***) Впрочемъ чудское названіе дер *Wõõbs-* или *Websküla* носить

(въ род. пад. отъ Павелъ?), *Tanska*, т. е. датскій (эстон. основа *taan* — датчанинъ и русскій суффиксъ).

Обращаясь къ югу Ревельскаго у., мы находимъ въ прих, Юргенскомъ дв. Иваски (въ пасторатѣ), Яска (въ им. Каутель), Еско (въ им. Иоганнисгофъ), Ветка, Исаки, Максима, Васка, Пентуска, Сакаря, Вендевяля (т. е. русское поле въ им. Гроссъ-Саусъ). Кромѣ того въ им. Гроссъ-Саусъ нынѣ одна большая деревня, кажется расположенная на мѣстѣ упом. въ *L. c. D.* дер. *Ratho*, носитъ названіе русской дер. „*Weneküla*“*). Къ какому времени слѣдуетъ приурочить поселеніе здѣсь русскихъ, объ этомъ нѣтъ никакихъ указаній въ изданныхъ доселѣ актахъ. Думаю, что древними поселенцами врядъ ли могутъ быть здѣшніе русскіе, такъ какъ упоминаемая въ *L. c. Dan.* дер. *Ratho* въ ряду перечисляемыхъ деревень, должна стоять на мѣстѣ нынѣшней дер. *Weneküla*, слѣд. послѣднее названіе позднѣйшаго происхожденія. Изъ письменныхъ памятниковъ, относящихся сюда, можно почерпать немногія сомнительныя извѣстія. Такъ въ 1472 г. въ томъ же им. упоминается *Schiffers Land* (земля корабельщика), тутъ-же земля *Horgeno* или *Natienoja* (нынѣ *Harjowa***), земля *Budeler* (лавочникъ), свободные поселенцы по имени *Jakob Tolk*, *Jakob Duker*, *Peter Haverlant* (прозвища не эстонскія); за смертію отъ чумы жителей на землѣ корабельщика были куплены и поселены на ней семь крестьянъ эстовъ изъ другихъ мѣстъ. Въ 1503 г. здѣсь упоминается мельница *Wirssow* (въ 1546 г. *Virits****).

Въ Кошкнмъ прих. по *L. c. Danie* упоминается большая дер. *Atanascae* при 17 гак., нынѣ д. *Athansi*, недалеко отъ им. Гармъ. Въ 15 в. она упоминается въ формѣ *Adanatse*, *Ade-nots* (12 дв.)†). Происходитъ это названіе, по всей вѣроятности, отъ русскаго христіанскаго имени Аонасій. Въ 1592 году одна дер. въ им. Меексъ прямо называется русскою (*Wenkül*), но какая,

въ Царское с. и Ораніенбаум. у. названіе *Wopsi*, *Wopsa*, *Wopscha*, *Wepza* = русс. Вопша, Вѣпша. Возможно производить и отсюда.

*) Имѣютъ ли генетическую связь съ именемъ русскихъ два кр. двора въ им. Аровальъ подъ назв. Русквере, я затрудняюсь сказать. Упоминается впервые въ 1472 г. подъ названіемъ сѣнокоса *Ruskver* (*Brieflade*, p. 299).

**) Названіе это встрѣчается не разъ, напр. около Эмбаха участокъ *Hargen* рядомъ съ мельницей *Haselowe* или *Haselow*; въ 1246 г. на Эзелѣ участокъ *Harssen* (*Brieflade*, nn. 1072, 1275). Не тождественны ли эти названія съ эстонскимъ прозвищемъ русскихъ коробейниковъ или торгашей *harjus*, -kse или *harjawenelane*?

***) Тамъ-же nn. 332, 620, 622.

†) Тамъ-же, nn. 243, 266.

трудно рѣшить*). Нынѣ въ им. Меекѣ одна Корчма называется **Wosel** (т. е. Василій); въ им. Старо-Гармѣ кр. дворъ Ванька; въ Нисскомъ прх. близъ им. Русаль поселеніе рыбаковъ **Wene hoone** т. е. русская изба. Въ Иерденскомъ и Раннельскомъ прих. много слѣдовъ русскихъ поселеній. Нужно припомнить, что, по лѣтописному извѣстію, на Гарріенскихъ эстовъ ходилъ войною самъ великій князь Изяславъ Ярославичъ въ половинѣ XI в. и взялъ ихъ городище (осѣкъ) Кеденпе (или Кедемпе)**) въ юго-восточной части Раннельскаго прихода. Низменная мѣстность у самой подошвы его съ сѣвера носятъ еще доселѣ названіе **Were wainu**, т. е. кровавое поле. Побѣдитель Изяславъ, конечно, оставилъ здѣсь, по обыкновенію, сборщиковъ податей. Въ данной мѣстности особенно часто встрѣчаются русскія названія. Такъ въ 1474 г. въ Иерденскомъ прих. упоминается мельница **Ruddenow** (въ 1513 г. **Vaddenow**) съ 2 усадьбами; въ 1494 г. дворъ **Sliassowe** (въ 1474 и 1513 мельница и дер. **Sellige**); въ 1524 г. мельница **Pilow*****). Въ 1441 г. въ Раннельскомъ прих. упоминается дер. **Porstukow** при 3 гак.; въ 1516 г. сѣнокосъ **Tarasouw** съ 2 усадьбами **Tarasouw**; въ 1540 г. дер. **Sellensow** съ 2 дв. при 2 гак. и 1/2 гак. въ **Jegensow**†). Изъ существующихъ здѣсь нынѣ названій я могу указать: недалеко отъ городища Кеденпе на сѣверъ два двора Еско и Вади (т. е. Водь); въ окрестностяхъ его же къ востоку 2 кр. двора **Wenedepölwe** (т. е. русское поколѣніе); кр. дворы Еско и Ескомя (т. е. Еско гора); корчма **Wenema** (т. е. русская гора). По всей вѣроятности всѣ эти поселенія относятся къ глубокой древности, такъ какъ въ названіи Венедепылве сохранилась форма род. над. **wenede** (вм. нын. **wene**), употреблявшаяся въ актахъ обыкновенно еще въ XIII в. Особенно замѣчательно, что недалеко отъ упомянутыхъ поселковъ на югъ и сѣверъ три большія деревни эстонскаго происхожденія, упоми-

*) Тамъ-же, II, п. 117. Въ актѣ собственно стоитъ **Fensküll**, но такъ какъ упом. въ томъ же актѣ **Fiscbell = Wiskala**, **Fllenbegk = Wiloballik**, начинаются въ эстонской рѣчи съ **W**, то и здѣсь должно быть **Wenküll** (**Weneküla**).

) Ник. лѣт. т. I, стр. 144 и Воскр. лѣт. I, стр. 110. Русскіе лѣтописцы искажали его названіе въ **Декипивъ, **Кедипивъ**, перевода „солнечная или солнца рука“. На самомъ же дѣлѣ буквальный переводъ его съ эст. значить „руки головка“. Оно дѣйствительно въ соединеніи съ развѣтвляющимися горными кряжами по направленію къ востоку образуетъ нѣкоторое сходство съ оконечностію руки. По эст. оно нынѣ сокращено въ **Kääwa**. См. описаніе въ „сборникѣ свѣд. по геогр. и стат. Эстл. губ. Ревель 1889“, стр. 91. Мое прежнее толкованіе этого похода (въ Введ. хр. въ Лифл. стр. 166) не правильно.

***) **Brieflade**, nn. 305, 468, 779, 908.

†) Тамъ-же, nn. 175, 830, 1159.

наемья уже въ *L. c. D.*, именно *Paluküla, Waopere* (др. *Wahum-pere*) и *Salotaguse* именуются „русскими“, а также и жители ихъ. Дѣйствительно, здѣшніе жители говорятъ на особомъ нарѣчій, которое еще неизслѣдовано, но говоръ сильно напоминаетъ русскую рѣчь. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ русскими переселенцами позднѣйшаго времени, которые еще не успѣли утратить родной языкъ, но, можетъ быть, съ переселенцами явившимися сюда до покоренія Эстоніи датчанами.

Въ остальной части Гарріи, а равно и въ Викѣ Гапсальск. у. и въ Гервіи Вейсеншт. у., мы можемъ указать мало слѣдовъ русскихъ. Въ актахъ можно найти только слѣд., да и то сомнительныя названія: въ Нисскомъ прих. въ 1472 г. дер. *Japow* въ им. *Цаякъ**); въ Гаггерскомъ прих. въ 1457 г. мельница *Petfilie* (?,**). Въ Гапсальскомъ у. въ Гольденбекскомъ прих. въ 1497 г. упоминаются крестьяне *Павель, Михель, Медовъ***)*; тутъ же въ 1398 г. мельница и дер. *Сикенкошка* (по другому *Сикенъ Коскъ*)†). Въ югозападномъ углу Эстляндіи въ Киреферскомъ прих. въ им. *Левенбергъ* или *Клостергофъ* на восточномъ берегу Мацальскаго залива упоминается въ 1368 г. пунктъ *Russen-Grave*, т. е. русская канава ††). Въ настоящее время встрѣчаются здѣсь лишь слѣд. мѣстныя названія: крестьян. дв. *Венеспла* (т. е. русскій мостъ) въ Гольденбек. прх. въ им. *Кохатъ*; кр. дворъ *Венематси* (т. е. русскій Матсъ) въ Фикельскомъ прих. въ им. *Нурмсъ*.

Одно изъ самыхъ древнихъ указаній о существованіи русскаго поселенія въ Эстляндіи, именно въ Гапсальскомъ у., мы имѣемъ отъ 1229 года. Въ этомъ году Эзельскій еп. пожаловалъ Динаминдскому монастырю въ Викѣ дер. *Wendeculle* вмѣстѣ съ другой *Kerwele* (въ актѣ искажена въ *Quevele*). Эти деревни были найдены его синдикомъ и двумя монахами самыми лучшими во всемъ Викѣ †††). Первая деревня упоминается еще въ 1523 г. въ формѣ *Wenkull* въ смежности съ мз. *Kerve*; тогда каноникъ Эзельской церкви имѣлъ ее въ качествѣ пребенды и было уста-

*) Тамъ-же, п. 297.

**) Тамъ-же, п. 233, ср. въ предѣлахъ Костиферскихъ имя нѣкоего „*Vet-fille*“ (п. 435 отъ 1493 г.) и въ Лайскомъ прих. въ Лифляндіи мельницу *Vat-silli* (п. 1336 отъ 1549 г.) Не представляютъ ли эти имена искажен. Перфилий или Василий?

***) Тамъ-же, п. 548. Имя *Навелъ* встрѣчается часто въ восточной части *Везенберг. у.*, напр. въ 1543 г. въ дер. *Вокенъ* кр. *Рере, Pawell* сынъ (р. 1274) ср. также упом. въ 1499 г. въ им. *Тодвѣ* въ Гаггерскомъ прих. *Korpe Pawel*.

†) Тамъ-же, п. 74, 940.

††) *Livl. U. B. Reg.* п. 1238, b.

†††) *Livl. U. B.* п. 101, a.

повлено, что живущіе въ ней крестьяне пользуются по старинѣ правомъ рыбной ловли въ рѣкѣ и должны платить десятину (рыбы?) въ им. Kerve за ту часть рѣки, которая лежитъ въ предѣлахъ этого имѣнія (dass die Bauern der Präbende Wenküll nach dem alten Ihre Fischerei in dem Strome behalten und den Zehnten im Hofe Kerve nach dem Strome in des Hofes Lande gelegen geben sollen)*). Деревня эта, нынѣ называется Wöntküla, расположена въ Пенальск. прх. въ им. Тайбелѣ при большой дорогѣ, ведущей изъ Гансаля въ Ревель. Состоитъ она изъ 20 кр. дворовъ. Замѣчательно, что въ 1642 году въ границахъ им. Кервель упоминается участокъ земли подъ названіемъ Melckowi (т. е. Мелкова**). Это имя встрѣчается въ формѣ прозв. Мелкуевъ, Смѣлковъ въ Новгородскихъ пятинахъ и т. обр. даетъ намъ возможность установить связь дер. Вендекюль съ означенными областями, указываетъ путь, откуда совершилось переселеніе и кто были ея основателями. Если они принадлежали къ чудскому племени Води (прозв. Мелкуевъ упом. въ Водьской пятинѣ), то во всякомъ случаѣ сохранившееся здѣсь имя участка Мелковъ свидѣтельствуетъ, что въ XIII в. часть Води уже значительно обрусѣла. Что деревня эта дѣйствительно должна быть переводима „русская дер.“, это я полагаю достаточно доказаннымъ на основаніи нижеслѣдующихъ сопоставленій. У ливонскаго хроникера Генриха латышскаго подъ 1211 г. упоминается въ Ливоніи въ пров. Тореидѣ дер. Wendeculla, мимо которой къ замку Каупо и Ронѣ шла большая дорога***). Затѣмъ дер. эта на долгое время исчезаетъ изъ исторіи. Лишь въ 14 в. мы знаемъ о существованіи близъ Ропы дер. Creysdorp, по всей вѣроятности, Krewsdorp, т. е. русская деревня (лат. Kreews русскій)†). Затѣмъ въ Трейденскомъ прх. въ 1388 г.††) упоминается дер.

*) Brieflade, n. 156. Рыбная ловля была одинъ изъ промысловъ изстари привлекавшихъ русскихъ въ край. Въ этомъ они далеко превосходили по умѣнію туземцевъ. Во избѣжаніе истощенія рыбы рановременнымъ и усиленнымъ ловомъ, шведское правительство запретило въ 1696 г. аренданторамъ казенныхъ имѣній отдавать рыбная ловли на откупъ чужимъ, особливо предлагающимъ себя въ странѣ „русскимъ рыбакамъ“ (Russische Fischer). Тамъ-же, II, n. 1002.

***) Brief. II, 534. Ср. въ актѣ отъ 1570 г. (п. 27) тоже жихарь (Einfüssling) Melloküll (т. е. дер. Мелло). Тоже чудское имя упоминается въ 1592 г. (п. 117) рядомъ съ д. Копкюль въ Копскомъ прх. въ усадьбѣ Alirag какъ свободный крестьянинъ Melck.

***) Heindr. Chron., XV, 3.

†) Lifl. U.-B. n. 962 отъ 1356 г.

††) Тамъ-же, n. Reg. 1480.

Wenedeculla seu Watendorff (т. е. русская или водьская деревня), когда она переходитъ черезъ продажу рижскому пробсту и кашитулу). Наконецъ въ той же мѣстности на границѣ между Роденнойсомъ и Зегевольдомъ упом. въ 1404 г. рѣка „**Ruschenbeke**“, нынѣ у латышей **Kreewurpe**, т. е. русская рѣка*). По всей вѣроятности, одна изъ упомянутыхъ деревень тождественна съ дер. **Waynselle** или **Waintzel**** (изъ основы **Wadin** и ливскаго суффикса — **selle** на вопросъ: куда?), въ каковомъ названіи дѣйствительно кроется слѣдъ населенія здѣсь Води.

Необходимо остановиться на названіи русскихъ у Западной Чуди, такъ какъ названіе это созвучно съ чудскими словами, которыя, повидимому, не имѣютъ никакой связи съ нимъ. Русскіе и Россія нынѣ называются у эстовъ: **Wend** (Gen. **Wennä**), **Wendlāne**, **Wennāline**, **Wene**, **Wenclane**; (**Wind**, **Windlane**, **Wine**, **Winelane**), Финновъ: **Venāt**, **Venājā**, **Venāā**, **Vennā**, **Venālāinen** (суффиксъ — **lane**, **lainen**, означаетъ народность). Созвучная имъ слова: 1. эст. **wene**, фин. **vene**, **venhe**, куро-лив. **Veni** — ладья; фин. **venheelāinen**, **venelāinen**, — ладейщикъ; 2. эст. **wend** (Gen. **wenna**), **wennuska** (русс. суффиксъ), **wennikene**, — братъ, братушка, фиг. русскій (ср. ф. **venakka** — русскій; **venakko** — русская)***), 3. ф. **venno**, (**vento**) — товарищъ, знакомый; чистый, настоящій (= эст. **wõnnu**). Какъ видно изъ приведенныхъ словъ, названія ладейщика и русскаго у западной Чуди легко отождествить, какъ и поступаютъ иногда. Но филогически (Др. Веске) и исторически (проф. Томсенъ) доказано, что западная Чудь заимствовала свое названіе русскихъ черезъ Готовъ отъ Вендовъ или Венетовъ. слѣдоват. это названіе не можетъ имѣть генетической связи со вышеприведенными чудскими словами. Этотъ фактъ, однако, только облегчаетъ изслѣдователю трудъ различенія основъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ названій, но не даетъ въ его руки вѣрнаго средства для избѣжанія заблужденія. Съ другой стороны толкованіе названій съ вышеприведенными основами облегчается знаніемъ того, какъ переводили и понимали ихъ въ древности. Мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ перевода. Въ Кеми-Лапландіи названіе оз. **Weneh-**

*) Тамъ-же, п. Reg. 1971 (B. VI).

**) Livl. U.-B. п. 968 отъ 1359 г. и Brieflade, п. 289 отъ 1471 г.

***) Эст. **Wend** — братъ врядъ-ли имѣетъ генетическую связь съ **Wend** — русскій, такъ какъ и въ перм. и вотяц. языкахъ имѣется для означенія брата слово того-же корня: перм. **Воп** — братъ; вотяц. **Вуп** — младшій братъ, племянникъ или младшій двоюродный братъ со стороны отца. Я однако не рѣшаюсь сказать того-же относительно фин. **vento**, **venno** — товарищъ, знакомый; чистый, настоящій, искренній (= эст. **wõnnu**, напр. эст. **wõnnu wõeras** = ф. **vento** или **vennon vieras** — совсѣмъ чужой, чисто чужой).

järvi переводится на Подробной картѣ Росс. Имп. (1801—1804 г.) правильно Суднозеро, рѣка *Wenejoki* — Рѣчка судна. Тамъ же одно оз. носитъ названіе *Venetjärvi* (= Русское озеро). Въ Царскосельск. у. р. *Wenjoki* переводится русскимъ населеніемъ „Славянка“. Деревня *Wānāā kirkko* (Шлюссельб. у.), населенная Чудью.-Саваками, въ устахъ русскаго населенія называется „Русская церковь“. Дер. *Wena*, населенная Саваками (Ямбург. у.), при впаденіи р. Рассоны въ море при устьѣ Наровы, называется у Русскихъ „Венкуль, у Эстовъ „*Wene küla*“ = нѣм. *Russchesdorf* (въ 1380 г.)*) Дер. *Wena-kontsa* (Ямбург. у.), населенная Пжорой, у Русскихъ называется „Воцкій или Вотской Конецъ“ (слѣд бубвально перевести: Русской Конецъ) Деревня *Waiküla* (Ораніенб. у.), населенная Пжорой, у русскихъ именуется „Чухново или Чудиновъ (слѣд. собственно Водцково = *Wadinküla*)**). Наконецъ въ Писцовой книгѣ Дерев. пят. отъ 1495 г. три раза упоминается въ погостахъ Боженскомъ, Холынскомъ, Наволочскомъ и Сеглинскомъ „Русская рѣка“ (? притокъ Мсты недалеко отъ впаденія послѣдней въ оз. Имень), представляющая безъ сомнѣнія переводъ древне-чудскаго названія, которое могло быть въ родѣ *Wendejogi*. Названія эти приведены въ повѣйшей формѣ, но древняя ихъ форма должна была имѣть характеристичную букву „d“, которая и служила единственнымъ фонетическимъ основаніемъ для толкованія подобныхъ мѣстнымъ названій. Далѣе, эти примѣры показываютъ, что народъ толкуетъ мѣстныя названія не всегда по смыслу самаго слова, а по народности обитателей этой мѣстности, таковы напр. назв. деревни *Wenakontsa*, — названіе очевидно данное полуобрусѣвшею Чудью, но русское названіе ея свидѣтельствуешь, что въ ней жила Водь. Другое названіе *Waiküla*, нынѣ обитаемая Пжорой, но первоначально основанная и населенная Водью, будучи называема русскими Чухново или Чудиновъ, доказываетъ, что русскіе не дѣлали тонкаго различія между разными чудскими племенами. Далѣе, зная, 1., что какъ въ Курляндіи р. Виндава (*Windau, Winda, Wenda, Wenta, Vende*), такъ и въ Лифляндіи городище Венденъ (*Wenden, Winden, Wenda* (= эст. *Wõnnu, Wenno*, въ насмѣшку отъ его малыхъ размѣровъ *Kõsj* (= русс. Кесъ) — малый, карапузикъ) получили названіе отъ имени обитавшихъ тамъ еще въ XIII в., по свидѣтельству ливонскаго хроникера Генриха Латышскаго, Вендовъ или Венетовъ, 2., что вышеупомянутая дер. Гапс. у. *Vendeculle* нынѣ называется *Wõntküla*, и 3., что въ эстонскомъ Юрьевскомъ

*) L. U-B. n. 1161.

**) Köppen, Erklär. Text zu d. ethnog. Karte.

нарѣчій Wene и Wine употребляется безразлично для русскаго, мы должны признать звуки „ѣ“ и „и“ за фонетическія діалектическія особенности (напр. эст. wēeras = weeras, weimā = wōmā и др.), кои вызываютъ за собою и въ суффиксахъ соответствующія фонетическія измѣненія. По этому, на основаніи этихъ данныхъ, мы должны также признать и славянское происхожденіе названія им. Wenden = эст. Wōnnu (см. Wōntu, Wōnt въ Галсальскомъ у. Однакожь одними діалектическими особенностями врядь ли объясняется форма этого названія, разь основа его тождественное съ названіемъ русскихъ у западной Чуди. Нужно имѣть въ виду, что названіе это встрѣчается не только въ Балтикѣ (кромѣ указанныхъ еще въ Юрьевск. у., въ углу образуемомъ Эмбагомъ и Пейпусомъ, именно им. и прих. Wenden (Wendau) = эст. Wōnnu), но и въ Ириск. у., Вологод. губ., именно село Wenden (Wendenga). Считая неподлежащимъ сомнѣнію Венетское происхожденіе этихъ названій*), я однако думаю, что весьма важный вопросъ о времени и направленіи ихъ происхожденія останется навсегда тайной доисторической этнографіи. Вообще нужно замѣтить, что побережныя названія Эстляндіи имѣютъ не мало параллелей въ отдаленныхъ странахъ. Наряду съ названіемъ „Вендегъ“ можно бы привести нѣсколько вполне фонетически тождественныхъ названій изъ западной Эстляндіи и Руссіи въ предѣлахъ древнихъ обиталищъ восточной Чуди. Одно изъ такихъ названій, именно Rotele (Retele, Rotala, Ridal = Retalj, Retelj въ Усть-Сысол. у. Волог. губ.) упоминается не только въ мѣстныхъ памятникахъ XIII в., но и въ Скандинавскихъ сагахъ древнѣйшаго періода. Слѣд. приблизительно столь-же древни должны быть и другіе культивированные центры здѣшней мѣстности, напр. Вендегъ**). Что касается пути, по которому прошкали въ Эстляндію поселенцы Вендена, то онъ могъ быть или восточный, или южный, илѣе сказать, отъ Новгородскихъ или южныхъ славянъ — венетовъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ ряду обитателей восточнаго побережья Балтики уже у Плинія, Тацита и Птолемея (во 2 в. по Р. Х.) упоминаются между чудскими племенами и венды или венеты, отъ коихъ и Рижскій заливъ назывался Венедскимъ. Казалось бы правдоподобнѣе думать, что поселенцы мѣстностей подъ названіемъ Вендегъ

*) Фактъ позднѣйшаго (XV—XVI вв.) упоминанія ихъ въ исторіи не можетъ, думаю, противорѣчить ихъ глубокой древности.

***) Странно, какъ одинъ обширный сѣнокосъ въ этомъ имѣніи вокругъ оз. Wōnnu, нынѣ называемый Rohentak (т. е. Затравье), въ актѣ отъ 1529 г. (Brieflade, п. 992), предается вполне въ русской формѣ „Rodenka“.

южно-славянскаго происхожденія, и въ такомъ случаѣ, время ихъ проишкновенія въ край Чуди древнѣе поселенія среди Чуди Новгородскихъ славянъ.

Въ срединѣ Эстляндіи въ Гервіи (Вейсеншт. у.) слѣдовъ русскихъ еще менѣе; здѣсь наши свѣдѣнія ограничиваются лишь нѣсколькими русскими именами, да и то послѣ 15 в., притомъ именами, носители коихъ могутъ быть чуждаго происхожденія. Такъ напр. подъ 1612 г. извѣстно, что двѣ эстонскія деревни въ сосѣдствѣ съ д. Рейневеромъ были отданы въ аренду двумъ татаринамъ; жена одного по смерти мужа ушла въ Россію*). Въ имѣніи Нурмѣ упоминаются въ 1645—1647 гг. Ешель, русскій, и Иваскъ, русскій**). О первомъ сообщается, что онъ насильственно завладѣлъ въ Нурмѣ сѣнокосомъ, вторгшись съ 12 парнями, а о второмъ, что онъ, какъ старожилъ, явился главнымъ свидѣтелемъ въ спорѣ о границѣ между им. Нурмѣ и Валгама***). Нынѣ не далеко на сѣверъ отъ церкви Св. Матвѣя находится небольшая деревня (2 дв.) Wenewere, т. е. русскій край. Въ Маріи-Магдалиненск. прх. въ им. Раммѣ одна бобыльская дер. пазывается wene saunad, т. е. русскія бани. Въ Ампельск. прх. участокъ лѣснаго сторожа назыв. Юси; въ им. Мудпѣ кр. дв. Трошка. Въ Анненскомъ прх. участокъ лѣснаго сторожа именуется Wenemägi, т. е. русская гора. Все это названія, время происхожденія коихъ въ данной мѣстности остается неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ древность ихъ врядъ ли превышаетъ два—три столѣтія.

Намъ остается разсмотрѣть еще восточную часть Эстляндіи Виронію (Везенб. у.). Какъ область самая близкая къ Новгородскимъ славянамъ, Виронія естественно должна отличаться богатствомъ слѣдовъ русскихъ. Начну съ юга. Въ 1491 г. упоминается въ Симоновскомъ прх. между имѣніемъ Ласинормъ и горою Эмомяги рѣчка Veneaуа, т. е. русскій ручей; тогда здѣсь между владѣльцами смѣжныхъ земель происходилъ споръ относительно находившагося у ея берега холма (Holm), которымъ для чего-то пользовались †). Рѣчка эта вѣроятно есть небольшой притокъ начинающейся здѣсь Педьи, притока Омовжи. Отсюда къ во-

*) Brief. II, p. 293.

**) Иногда и носитель чисто мѣстнаго имени можетъ быть по происхожденію русскимъ, какъ это напр. извѣстно объ одномъ Wene Hindrik, т. е. русскій Гиндрикъ (Генрихъ), который бѣжалъ со своимъ имуществомъ изъ им. Кедръ въ им. Анія (Nachr. d. Geschlechts Stael v. Holstein. 2 Th. p. 115 отъ 1674 г.).

***) Тамъ-же, II, pp. 523, 578.

†) Тамъ-же, п. 377.

стоку на Лифляндской границѣ находится нынѣ дер. и мз. *Wenewere*, о коихъ упоминается лишь въ 17 в., да и то владѣльческія права на нихъ являлись темными*). Въ 1447 г. только разъ упоминается здѣсь же дер. *Kubbylyts* (*Kubbelets*), граничащая съ дер. Керро, но какая изъ существующихъ деревень названа этимъ, видимо, русскимъ именемъ, трудно сказать, вслѣдствіе пропуска въ актѣ наименованій пограничныхъ урочищ**). Извѣстны имена нѣсколькихъ крестьянъ въ упомянутыхъ выше деревняхъ въ XV—XVI вв., но всѣ они эстонскія. Тѣмъ не менѣе на приведенныя названія не должно смотрѣть, какъ на новыя. Здѣсь пролегалъ древнѣйшій зимній путь, по которому Новгородскіе князья обыкновенно вторгались въ Эстонию, перешедши черезъ Чудское озеро. Поэтому названія рч. *Wenedeoja*, какъ свидѣтельствуемъ и древняя форма его, а равно и назв. дер. *Wenewere* (древ. *Wenedewere*) должны быть столь же древни, какъ и походы Новгородцевъ въ Виронію. Въ Мало-Маріинскомъ прх. им. Энгдесъ упоминается въ XVI в. сомнительное названіе мельницы *Jeremynk* (*Gerrenyck*, *Geranick****); тамъ-же въ 1540 г. упом. единственный разъ рядомъ съ дер. *Põdrang* при большой дорогѣ дер. *Hergenow* съ 25 гаек. земли†). Очевидно, это второе названіе какой-то деревни.

Въ сѣверо-западномъ углу Вироніи, въ имѣніи Пальмсъ, на сѣверо-западъ отъ Раковора ††), находился въ древности русскій населенный пунктъ дер. *Venedeverre* (или по нынѣшнему выговору *Wenewere*, т. е. русскій край †††). Впервые она упоминается въ дарственномъ актѣ датскаго короля на имя цистерціанскаго женскаго монастыря въ имя Св. Михаила въ гор. Ре-

*) Тамъ-же, II, nn. 474, 940.

**) Тамъ-же, n. 190. Ср. дер. *Kobbelys* (нынѣ *Kobila*, *Kobilause*), упоминаемую въ 1495 г. за гор. Юрьовотъ въ Кавелехтск. прих. (n. 475).

***) Тамъ-же, nn. 1154, 1237, 1377.

†) Тамъ-же, n. 1158.

††) Русское названіе гор. Везенберга „Раковоръ“ врядъ ли происходитъ отъ эстон. *Rakwere* (въ XIII в. *Raskeverae*), а скорѣе имѣетъ въ своемъ основаніи болѣе древнее названіе *Rakovuori* (лоп. и фин. *rakko*, *rako*, эст. *rak* — пузырь; ф. лоп. *vuori* — гора, слѣд. Раковоръ = Пузырь-Гора). Нынѣшнее финское названіе *Rakoveri* и эст. *Rakwere* имѣютъ во второй половинѣ другое слово, именно ф. *wieri* (эст. *weer*, ген. *were* — край, сторона). Обстоятельство это опять такъ и указываетъ на глубокую древность сношеній славянъ Новгородскихъ съ насельниками Эстоніи.

†††) *Lif. U.-B.* n. 518. Слово ф. *wieri*, ген. *rteen*, эст. *weer*, *-re* — край въ названіяхъ деревень не слѣдуетъ понимать въ широкомъ смыслѣ цѣлой мѣстности, а въ смыслѣ склона, берега, обрыва, въ каковомъ значеніи оно и употребляется въ названіяхъ многочисленныхъ деревень въ Новгородскихъ пятинахъ (Веретье, Веретей и др.).

велѣ въ 1286 г. Такъ какъ въ этомъ актѣ владѣнія монастыря лишь подтверждаются за нимъ, то нужно думать, что деревня эта была пожалована монастырю, въ числѣ другихъ, еще при самомъ основаніи монастыря въ 1249 г. Эта деревня упоминается въ актахъ всего три раза (въ 1286, 1345 и 1348 гг.), а потомъ она исчезаетъ*). Судя потому, что въ актахъ она каждый разъ при перечисленіи деревень помѣщается между дер. **Mudike** (нынѣ **Muik**) и **Usiculle** (нынѣ **Uusküla**, род. п. **Udeküla** въ древ. **Udenküla** — Новая деревня), слѣдуетъ признать ея мѣстоположеніе недалеко отъ нихъ. По преданію въ старину дворы дер. **Tammik** (= Дубнякъ, нынѣ уже не существуетъ) близъ дер. **Муйкъ** были переведены къ „Веневерскому бору“ и названы дер. **Uusküla**. Окрестные жители прозывали ихъ „русскими“ людьми изъ „Русской деревни“. Преданіе это заходитъ въ такую глубокую старину, что трудно ему вѣрить, но нѣтъ достаточныхъ основаній считать его невѣроподобнымъ. За правдивость его говоритъ согласіе его съ данными географіи и исторіи. Здѣсь народная память, видимо, простирается до XII в. Нѣкоторое недоумѣніе возбуждаетъ только вопросъ, назывались ли упомянутые переселенцы „русскими“ до образованія ими Новой дер. или же они получили это названіе отъ новаго мѣстожительства близъ Веневерскаго бора. Последнее вѣроятнѣе, но въ такомъ случаѣ боръ этотъ получилъ названіе отъ селившихся у него русскихъ въ дер. Веневеръ. Нынѣ здѣсь находится отдѣльный крестьян. дворъ **Wenetoa**, т. е. русская изба. Какъ бы то ни было, но трудно придумать болѣе удовлетворительныя основанія факта прозванія ихъ русскими, кромѣ ихъ національности. По другому мѣстному преданію, русскіе торговцы ходили здѣсь обыкновенно группами отъ 2—5 члѣовѣкъ, имѣя въ рукахъ длинныя палки съ кольцомъ на верхнемъ концѣ и на головѣ четырехугольныя шляпы. Заслуживаетъ вниманія, что по историческимъ извѣстіямъ русскіе купцы не разъ были ограбляемы именно у побережья финскаго залива въ средней части Эстоніи. Напр. въ 1424 г. раковорцы захватили на морѣ на разстояніи 8 миль отъ Ревеля Новгородскихъ купцовъ, убили ихъ, сняли даже одежду и повезли въ Ревель, а товаръ былъ раздѣленъ и отправленъ внутрь страны. На жалобу Новгородцевъ по этому поводу Эстляндскія власти отвѣтили, что Везенбергъ де не ихъ городъ и страна принадлежитъ де магистру, а магистръ отвѣтилъ, что грабители скрылись въ Ревелѣ и это до него не касается**).

*) Тамъ-же, nn. 832 а, 887 а.

**) *Livl. U.-B.* VII, n. 317.

Въ 1444 г. одна изъ русскихъ ладей ограблена была пиратами на берегу у Колька*).

На востокъ отъ им. Пальмса въ предѣлахъ им. Сагадъ упоминается въ 1543 г. дер. Vasselver, относившійся тогда къ им. Узкюль. По акту 1689 г. она именуется просто Wassel и къ ней приписывается побережье Лоха**). По сопоставленіи дер. Васелверъ съ другими мѣстными названіями, я пришелъ къ убѣжденію, что такъ называлась какая либо прибрежная деревня (Loobi, Wesso?). Въ д. Лоби одинъ крестьян. дворъ дѣйствительно носить русское имя „Reedowi“ (т. е. Бѣдовый). Не происходитъ ли названіе находящейся здѣсь у моря дер. Werki отъ русскаго имени Аверкій? Нынѣ въ им. Сагадъ имѣется кр. дворъ Еско, каковое имя носить и ручей протекающій мимо его въ море. Находящаяся на мысѣ Вайнопе часовня построена, по преданію, людьми, которые спаслись на морѣ отъ смерти. Древняя часовня была будто на самомъ мысѣ. Здѣсь же въ Гальялскомъ прх. въ дер. Катентакъ одинъ кр. дворъ назыв. въ 1642 г. Jesca, а большая древняя дер. Ubias (по L. c. D. 24 гак.) называется (1644 г.) иначе Pawell***). Въ Катариненск. прх. въ 1511 г. упоминается уроч. Lessenow †). Вѣроятно въ Магольскомъ прх. упоминается въ 1527 г. Русская деревня (Dorf Russe), изъ коей происходили два крестьянина Jurke и Pere, принадлежавшіе Іоганну фонъ Ассери ††).

Дальнѣйшихъ письменныхъ свѣдѣній за разсматриваемый періодъ у насъ не имѣется относительно восточной части Вироніи. Но за то мы имѣемъ здѣсь какъ въ названіяхъ дворовъ, такъ и въ прозвищахъ множество именъ русскаго происхожденія. Прежде чѣмъ приступить къ неречисленію ихъ, укажемъ на нѣкоторыя преданія. Такъ въ Лугенгузенскомъ прх. на городищѣ въ д. Пурдисъ есть источникъ, получившій названіе отъ бывшей при немъ нѣкогда часовни „Kabeli hallikas“. Въ Іевенскомъ прх. у рѣки Пюгаіегги (= Священная р.) ближе къ морю есть

*) Тамъ-же, VIII, п. 850.

**) Briefl. I, n. 1222. II, n. 940.

***) Тамъ-же II, nn. 540, 564.

†) Тамъ-же, п. 753.

††) Nottbeck, Die alte Criminalchronik Revels, p. 72. Предположеніе это основывается на томъ соображеніи, что отцу Іоганна фонъ Ассери принадлежали между прочимъ Wardes и Padas, наход. въ этомъ приходѣ. Въ этомъ же прих. упоминается въ 1600 г. лучшій крестьянинъ изъ дер. Унуксъ по имени Pualg Pop (т. е. Попъ Деревянная нога). Имѣетъ ли прозв. „Попъ“ отношеніе къ отправленію религ. обрядовъ этимъ крестьянномъ, я не берусь утверждать. Brieflade, nn. 268, 594, 695.

возвышеніе, называемое „Wene kiriku mägi“, т. е. гора русской церкви. А чтобъ тутъ была русская церковь, никто не помнитъ. Въ Вайварскомъ прх. въ дер. Удріасъ при источникѣ Курганы были по преданію „поповскіе дома“; у дер. Самокрасть есть мѣсто древняго кладбища, при немъ яма „поповскій прудъ“ и „поповскій колодезь“ у ручья; въ колодезь опущенъ будто колоколь съ пріятнымъ звономъ, чтобы онъ не достался врагамъ. Тутъ-же указываютъ мѣсто „поповскаго сада“. Въ Магольскомъ прх. можно указать слѣдующія русскія прозвища или фамиліи. Въ им. Кунда: Essaja, Kaurla, Irme (Теремія), Kabak, Jerwa (Ерофей), Mikker, Nikker (? Никифоръ), Mikitow, Mikkoss (?), Sakkart (?), Trohwin, Klaman (? Клементій), Tihwan, Waasli. Въ им. Падасъ: Siider, Eskel, Aros (?), Ero, Essa, Tudrus (?), Tetto (? Дѣдъ), Jankowits, Iwask, Pop, Pees (бѣсъ), Awer (? Аверкин), Nowikow, Mikiwer. Въ им. Подесъ (Kalwi): Aarik (? Аркадій), Aras (тоже), Klauks (Клавшъ, Клавшъ), Korst (?), Laur (Лаврентій), Poga (? Богданъ), Proment (?), Rohkin (?), Jagant (Игнатій), Bees. Въ им. Коокъ: Antip, Ermak, Ernik, Esajas, Kusma, Ossip, Timosken, Wosel, Timohwei, Rewen. Въ Лугенгузенскомъ прх. им. Пзенгофъ (эст. Purtsse) одна дер. носитъ нынѣ русское имя Матка (= Емакас), а прежде назывались Емака küla. Въ томъ-же им. прозвища: Attas (? Аѳанасій), Plotnik, Prokkohw, Mada (? Матѳей), Tobro, Topro, Papp, Mallas (? Мелехъ), Soroka, Kourli, Prõbal (Прибыль), Eero (? Ерофей), Kriwanoi, (Kriwandi), Iwandi, Kobrila, Jurken (Юрка), Trenke (Терентій), Kriisk (Гриша), Roode (? Родіонъ). Въ Іевенскомъ прх. въ им. Тюрпсаль: Tennow (нѣсколько), Timuska, Suban, Petrowits, Potiwar, Pouli, Mill (?), Juhkow; въ им. Кукерсъ: Tehwu, Paali, Pawel, Terme (Терентій), Tennow, Kusma, Anton, Joost; въ им. Эридесъ кр. дворы: Oroni (Аронъ), Terani, Tipuska, Timuska; въ им. Іикель: Kosta, Joska, Miruni, Rasumi, Sepani (Степанъ); въ им. Тойла: Metla, Tobrina, Joosu, Kabeli, Wotja; въ им. Нейде: Kifila, Warlami, Terani*), Kriiska. Въ дер. Кохтла крестьянинъ носящій фамилію Anton прозывается въ насмышку „казакомъ“. Въ дер. Пуро прозвища: Belajew, Kabusta, Kurba, Kristow (русскій суффиксъ), Kelmetsow (отъ эст. kelm — шельма), Rommot (хромота), Tarasko, Murso (морозъ), Kosbka, Marka, Arbus, Russke, Julõ, Neitsow (рус. суффиксъ), Karpenko, Rahwal. Это имена лишь мимоходомъ, уравками, записанныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по сѣверному побережью Эстляндіи. Въ приходахъ Вайварскомъ и Исакскомъ,

*) По преданію Степанъ и Кирилъ поселились здѣсь изъ внутрен. губ. Потомки Степана всѣ Симоны, а потомки Кирила носятъ другую фамилію.

граничащихъ съ русскимъ населеніемъ, такихъ и подобныхъ именъ можно-бы привести нѣсколько изъ каждой деревни. Безъ сомнѣнія, всѣ подобныя имена не одинаковой древности; они мѣнялись и могутъ мѣняться почти столь-же быстро, какъ и самое населеніе. Однако нѣтъ оснований отвергать глубокую древность многихъ изъ нихъ въ Эстляндіи. Нѣкоторыя могутъ быть одновременно носеленію славянъ у Ильменя, слѣдовательно еще языческаго происхожденія. Большинство же ихъ, преимущественно христіанскія имена, указываютъ своимъ однообразіемъ на несомнѣнную связь ихъ съ именами жителей Водьской пятины. Слѣд. необходимо заключить, что колонизаціонное движеніе русскихъ или обрусѣвшей Чуди шло именно оттуда. Отнесеніе христіанскихъ именъ къ той или другой народности представляется дѣломъ рискованнымъ; однако нельзя здѣсь не отмѣтить того явленія, что излюбленныя христіанскія имена эстовъ, какъ въ актахъ прежнихъ вѣковъ, такъ и употребляемыя нынѣ (напр. *Andres, Haas, Hannus, Anton, Isak, Jakob, Jaan, Juri, Mart, Madis, Mats, Mikk, Mihkel, Nigol, Slimen, Siimon, Toomas, Tõnnis, (Tõnn), Tehwan, Wasil (Wosel, Wasel и др.)* отличаются отъ именъ Эстляндскихъ господъ и бюргеровъ прежняго и нынѣшняго времени, между тѣмъ какъ такой разности не замѣчается въ сосѣднихъ русскихъ областяхъ между именами въ разныхъ слояхъ населенія. Къ тому-же нѣкоторыя изъ приведенныхъ именъ по формѣ оказываются ближе къ таковымъ-же русскимъ именамъ, чѣмъ къ именамъ нѣмецкимъ.

Путешествуя въ 1888 г. съ научною цѣлію по сѣверному побережью Эстляндіи, мнѣ случалось мимоходомъ слышать на этомъ пространствѣ въ устахъ жителей русскія слова и выраженія, вошедшія во всеобщее употребленіе, притомъ такъ, что ближе къ русской этнографической границѣ присутствіе этого русскаго элемента выражалось яснѣе. Таковы: *mesti mehed* (т. е. товарищи); *mesti* — вмѣстѣ; *semlak* — землякъ, другъ, знакомый; *waask* (опредѣл. связка лыка), *plotno, winawat, ei watita* (не хватить), *kirpits, kabusta, kurgan, latt* (платокъ, коньмъ прикр. лицо невѣсты). Въ Іевенскомъ и Вайварскомъ прх. я слыхалъ уже вмѣсто *kabel* (= капелла) *tsasow* = часовня, — обстоятельство, говорящее о томъ, что здѣшнимъ Эстамъ нѣкогда могло быть отчасти знакомо богослуженіе православной церкви*).

Въ заключеніе настоящей статьи я долженъ сказать, что

*) До появленія католическихъ проповѣдниковъ въ Вироніи въ 1220 г. жители ея имѣли понятіе о христіанствѣ, ибо какъ повѣствуетъ Генрихъ Маттышской, они оправдывали припятіе крещенія отъ датскихъ священниковъ тѣмъ,

сгруппированныя въ ней даншы представляютъ лишь незначительную часть тѣхъ географическихъ слѣдовъ Русскихъ въ Эстляндіи, какіе дѣйствительно могутъ быть отысканы. Въ этомъ отношеніи Эстляндія совсѣмъ не изслѣдована. Когда будетъ собранъ списокъ населенныхъ и ненаселенныхъ мѣстъ Эстляндіи и когда археологія придетъ на помощь голымъ названіямъ, лишь тогда будетъ возможно составить болѣе вѣрную и полную картину географическаго распредѣленія въ ней русскихъ элементовъ въ глубокой древности.

что у христіанъ, какъ датчанъ, такъ и нѣмцевъ, Богъ одинъ, одна вѣра и одно крещеніе (Heinr. XXIV, 1). Гервенскія (Вейсеншт. У.) женщины язычницы также знали, что у христіанъ Богъ одинъ (тамъ-же, XXIII, 3).

Ю. Трусманъ.

Обзоръ доисторической археологіи въ Эстляндской а также Лифлянд- ской и Курляндской губерніяхъ по трудамъ мѣстныхъ изслѣдователей.)*

Доисторическая археологія Балтійскихъ губ. была по сіе время сравнительно мало доступна и знакома русскимъ ученымъ. Въ русской археологической литературѣ, въ изданіяхъ археологическихъ Обществъ и въ трудахъ Съездовъ ей отводится мало мѣста. На выставкахъ, устраиваемыхъ при Съѣздахъ, доисторическія древности этихъ губерній были мало, либо вовсе не представлены и даже въ нашихъ центральныхъ музеяхъ число предметовъ, относящихся къ доисторической эпохи этой окраины Россіи, весьма незначительно.

Между тѣмъ мѣстные изслѣдователи не мало потрудились надъ изученіемъ древности своего края. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія остатки культуры древнихъ обитателей балтійскихъ губ. начали привлекать вниманіе мѣстныхъ ученыхъ и любителей. Въ концѣ 30-хъ годовъ нашего вѣка дѣлу археологическаго изученія края былъ данъ сильный толчекъ благодаря живому интересу, возбужденному открытіемъ богатаго могильника на берегу зап. Двины около Ашерадена. На средства, полученныя отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Dr. Крузе совершаетъ свою извѣстную археологическую поѣздку, описываетъ и изучаетъ мѣстныя древности, старается дать имъ научное освѣщеніе; результатъ этой поѣздки, его книга *Necrolivonica*, открываетъ собой цѣлый рядъ археологическихъ работъ. Благодаря Юрьевскому университету, объединяющему мѣстныхъ ученыхъ, благодаря главнымъ образомъ существованію ряда ученыхъ обществъ, пріютившимся какъ въ большихъ такъ и въ малыхъ городахъ балтійскихъ губ. (въ Митавѣ, Ригѣ, Юрьевѣ, Ревелѣ, Феллшѣ, Аренсбургѣ и пр.) археологическое изученіе края дѣлаетъ

*) Къ X Археологическому Съѣзду въ г. Ригѣ.

быстрые успѣхи и почти непрерывно продолжается до настоящаго времени. Слѣдствіемъ этого появляется большое количество разбросанныхъ въ изданіяхъ мѣстныхъ ученыхъ обществъ статей и свѣдѣній, имѣющихъ цѣлью освѣтить едую старину балтійскаго края.

Къ сожалѣнію движеніе къ изученію мѣстныхъ доисторическихъ древностей, начатое подъ эгидой Министерства, постепенно все больше и больше локализовалось. Просматривая накопленный матеріалъ, неоднократно бросается въ глаза нѣкоторая узкость, нѣкоторая односторонность въ его освѣщеніи. Мѣстные изслѣдователи мало обращали вниманія на научное, археологическое движеніе, совершавшееся въ остальныхъ частяхъ Россіи, мало слѣдили за нимъ и незнакомство ихъ съ обще-русской археологіей должно было привести къ нѣкоторымъ отрицательнымъ чертамъ, которыми часто грѣшатъ мѣстные ученые изслѣдованія. Стремленіе какъ можно быстрѣе рѣшить вопросы, являющіеся при изученіи древностей края, приводило неоднократно къ поспѣшнымъ и мало обоснованнымъ выводамъ и положеніямъ. Возникавшія такимъ образомъ теоріи господствовали болѣе или менѣе продолжительный срокъ, замѣнялись новыми, которымъ, въ свою очередь, суждено было пасть отъ прикосновенія безпристрастной научной критики.

Обиліе матеріала и нѣкоторая поспѣшность въ его обработкѣ привело къ тому, что въ трудахъ по мѣстной археологіи довольно трудно разобраться. Между тѣмъ едва ли можетъ быть сомнѣніе въ интересѣ, который представляется изученіемъ мѣстныхъ доисторическихъ древностей. Едва ли можетъ быть сомнѣніе также въ томъ, что нѣкоторое равнодушіе, которое оказывали наши археологи къ древностямъ балтійской окраины, было явленіемъ лишь временнымъ, объяснявшимся грандіозностью задачъ, которыя имъ предстояло рѣшать въ дѣлѣ изученія общерусской археологіи въ другихъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества. Рѣшеніе устроить ближайшій археологическій съѣздъ въ Ригѣ служить несомнѣннымъ доказательствомъ стремленія включить въ рамку занятій обще-русской археологіей и балтійскія губерніи, какъ въ нее были постепенно включены Кавказъ, Крымъ, Малороссія, сѣверныя, сѣверо-восточныя и юго-западныя области Россіи.

Намъ казалось поэтому своевременнымъ свести во едино то, что было сдѣлано трудами мѣстныхъ ученыхъ въ дѣлѣ изученія доисторическаго періода жизни балтійскаго края, указать въ общихъ чертахъ, къ какимъ результатамъ пришли мѣстные изслѣдователи и ученые, дабы этимъ до нѣкоторой степени облегчить

трудъ будущимъ изслѣдователямъ археологiи края. Предлагаемая статья имѣеть цѣлью лицамъ мало знакомымъ съ мѣстной археологической литературой дать общее понятiе о матеріалѣ, разбросанномъ въ мѣстныхъ издаціяхъ, и о характерѣ его обработки, предпринимавшейся въ разное время мѣстными археологами.

Доисторическій періодъ балтійскихъ губерній, строго говоря, оканчивается съ приходомъ нѣмецкихъ рыцарей (конецъ XII и начало XIII в.). Съ этого времени мы имѣемъ уже историческія свѣдѣнія о бытѣ мѣстныхъ племенъ, но не слѣдуетъ забывать, что покореніе края шло постепенно, поработеніе туземцевъ совершалось медленнымъ процессомъ и что долго послѣ того какъ новые покорители края уже твердой ногой стали на балтійскомъ поморьѣ, мѣстныя племена продолжали еще жить своей прежней жизнью. Древнія хроникки недостаточно повѣствуютъ намъ о бытѣ туземцевъ: онѣ можетъ быть уяснятъ только археологическими изысканіями — вотъ почему доисторическій періодъ въ балтійскихъ губерніяхъ не слѣдуетъ обрывать съ концомъ XII вѣка. Съ момента покоренія начинается переходный періодъ, сначала являющій въ бытѣ туземныхъ племенъ много слѣдовъ прежней культуры; эти слѣды постепенно блѣднѣютъ и исчезаютъ наконецъ совершенно; по изученію этого періода можетъ еще бросить не одинъ лучъ свѣта на эпоху предшествующую, поэтому въ нашъ обзоръ доисторической археологiи мѣстнаго края мы включили и нѣкоторые могильники относящіеся къ вѣкамъ послѣдовавшимъ за покореніемъ края.

Географическое положеніе губерній Эстляндской, Лифляндской и Курляндской, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ Прибалтійскаго края, опредѣляетъ роль, которую онѣ должны играть въ дѣлѣ изученія археологiи Россіи. Балтійское море, окаймляющее этотъ край, является для него естественной границей на сѣверѣ и на западѣ; границы-же восточная и южная съ точки зрѣнія географической вполнѣ искусственны, такъ какъ нѣтъ болѣе или менѣе значительныхъ естественныхъ преградъ, отдѣляющихъ Прибалтійскій край отъ сосѣднихъ съ нею областей Россіи. Такимъ образомъ Балтійскій край представляетъ естественное продолженіе сѣверо- и отчасти юго-западной областей Россіи и ни въ чемъ отъ нихъ рѣзкихъ отличій не представляетъ; слѣдовательно съ географической точки зрѣнія археологiя этого края должна на-

ходиться въ тѣснѣйшей связи прежде всего съ археологіей сосѣднихъ областей, а черезъ посредство ихъ и съ обще-русской археологіей.

Разсматривая Прибалтійскія губерніи съ этнографической точки зрѣнія, мы замѣчаемъ однако, что онѣ представляютъ край въ извѣстной степени обособленный. Дѣйствительно, если мы оставимъ въ сторонѣ позднѣйшихъ насельниковъ, пришедшихъ въ край уже во времена историческія и оставившихъ памятники, которые должны быть отнесены къ археологій исторической, мы увидимъ, что границы прибалтійскихъ губерній приблизительно совпадаютъ съ границами древняго расселенія двухъ финскихъ племенъ: эстовъ и ливовъ, и заключаютъ въ своихъ предѣлахъ большую часть третьяго финскаго племени — куровъ. Въ настоящее время, послѣ почти полнаго слиянія куровъ и ливовъ съ другими племенами, восточная граница Эстляндской и Лифляндской губ., довольно точно выражаетъ восточный предѣлъ расселенія эстовъ*) (р. Нарова и Чудское оз.); Курляндская и южная часть Лифляндской губ. населены латышами, причемъ на долю этихъ губерній приходится весьма значительный процентъ общаго числа латышей.

Указанными двумя обстоятельствами, именно отсутствіемъ рѣзко опредѣленныхъ географическихъ границъ между губерніями Эстляндской, Лифляндской и Курляндской и сосѣдними съ ними губерніями Россіи съ одной стороны и древней почти полной, въ настоящее время относительной, племенной обособленности населенія — съ другой, намѣчаются двѣ крупныя задачи для археологій края. Археологическое изученіе прибалтійскихъ губ. должно освѣтить исторію и бытъ племенъ его населяющихъ и населявшихъ и ихъ взаимное вліяніе въ доисторическую эпоху. Это задача „мѣстной“ археологій въ узкомъ смыслѣ. Съ другой стороны археологическая наука должна указать отношенія мѣстныхъ коренныхъ племенъ къ родственнымъ и неродственнымъ имъ сосѣдямъ, отбѣсить культурное вліяніе этихъ послѣднихъ и отдѣлить изъ общей картины древняго быта жителей прибалтійскихъ губерній то, что они создали путемъ самостоятельнаго развитія отъ занесеннаго имъ извнѣ съ разныхъ сторонъ, разными путями и въ различное время ихъ болѣе культурными сосѣдями. Естественно, что обѣ археологическія задачи стоятъ въ тѣснѣйшей

*) Въ предѣлахъ Псковской и Петербургской губ., какъ извѣстно, встрѣчаются поселенія эстовъ; но кромѣ небольшой группы эстовъ въ Псковской губ. (нѣсколько тысячъ) — они переселились въ эти мѣста лишь въ очень недавнее время.

связи другъ съ другомъ и что рѣшеніе ихъ должно идти рука объ руку.

Балтійскій край чрезвычайно богатъ древностями, относящимися къ доисторической археологіи и, что особенно важно, это богатство очень разнообразно. Мѣстные археологи потрудились не мало пасть добываніемъ, систематизаціей и научнымъ освѣщеніемъ доисторическихъ древностей — но указанныя выше задачи еще далеки отъ своего рѣшенія.

I.

Монеты. Богатство древностями балтійскаго края объясняется прежде всего тѣмъ мѣстомъ, которое онъ занималъ во всѣ времена въ исторіи торговыхъ сношеній. Его значеніе было велико вслѣдствіе положенія его на торговомъ пути между востокомъ, югомъ, сѣверо- и юго-западными рынками; это должно было ставить его въ постоянныя, то мирныя, то враждебныя отношенія къ его сосѣдямъ, въ рукахъ которыхъ въ разное время находились главные пути, по которымъ слѣдовала оживленная торговля. По этому, если въ политической исторіи своихъ сосѣдей балтійская „чудь“ и не играла никогда выдающейся роли, ей нельзя отказать въ извѣстномъ значеніи въ исторіи торговыхъ сношеній. Правда, что и здѣсь, какъ и въ вопросахъ государственныхъ, она не играла первенствующей роли: „чудь“ была слишкомъ слаба, чтобы создать государственное цѣлое; она должна была спокойно смотрѣть на возникновеніе крупныхъ государственныхъ единицъ среди своихъ восточныхъ и западныхъ сосѣдей и волей-неволей мириться съ участіемъ быть данницей то одного то другого племени; не доставало у ней также силъ захватить въ свои руки торговые пути, пролежавшіе черезъ ея земли, и она не могла воспрепятствовать своимъ болѣе культурнымъ сосѣдямъ играть выдающуюся роль на важныхъ въ то время рынкахъ; она вынуждена была довольствоваться тѣмъ, что торговые караваны, слѣдовавшіе моремъ или рѣками, должны были останавливаться на пути въ ея странѣ и вести съ него торгъ. Но вслѣдствіе этого въ прибалтійскія губерніи должны были заноситься предметы и издѣлія самыхъ разныхъ странъ и, быть можетъ, основываться факторіи. Не слѣдуетъ впрочемъ думать, что торговля съ краемъ была лишь транзитная. Край, правда, былъ бѣденъ отъ природы, но онъ могъ доставлять для вывоза медъ, воскъ и мѣха. Кромѣ того, безъ сомнѣнія, были и мѣстные торговцы, о дѣятельности которыхъ мы

узнаемъ изъ хроникъ XIII в., наконецъ въ одной изъ сагъ упоминается о богатомъ купцѣ, жившемъ въ области современнаго Гапсальскаго у., который лѣтомъ съ торговыми цѣлями объѣзжалъ эстонскія ярмарки, что впрочемъ не мѣшало ему промышленя и морскимъ разбоемъ*). Однако торговцевъ изъ мѣстныхъ коренныхъ жителей было повидимому мало и торговля оставалась въ рукахъ иностранцевъ.

Во всякомъ случаѣ пути, пролегавшіе черезъ балтійскій край, имѣли существенное значеніе для торговли восточной Европы съ западной и проходящіе черезъ него караваны вѣроятно оставляли не мало цѣнныхъ предметовъ въ рукахъ мѣстныхъ жителей. Еще въ сагахъ мы находимъ указанія на неоднократные походы норманновъ въ балтійскій край; эти указанія, хотя и весьма смутныя, служатъ однако доказательствомъ, что разбойничьи набѣги въ эти края сулили добычу; населеніе края считалось богатымъ серебряными вещами, которыя оно (по крайней мѣрѣ матеріалъ) могло получать лишь при помощи торговли. Желаніемъ захватить въ свои руки торговые пути слѣдуетъ вѣроятно объяснить стремленія какъ русскихъ такъ и датчанъ укрѣпиться въ балтійскомъ краѣ; эти попытки становятся особенно сильными въ XI в. Въ первой половинѣ этого столѣтія Ярославъ, какъ извѣстно, укрѣпляется въ Юрьевѣ; далѣе въ теченіи XII в. завоеваніе края русскими и датчанами продолжается съ небольшими перерывами; вѣроятно этимъ-же стремленіемъ слѣдуетъ объяснить протнводѣйствіе со стороны датчанъ, Пскова и Новгорода — завоевательнымъ попыткамъ нѣмцевъ въ краѣ въ теченіи XIII и слѣдующихъ столѣтій.

Съ какого времени однако торговля двинулась черезъ балтійскій край? На этотъ вопросъ намъ наиболѣе точный отвѣтъ, за неимѣніемъ письменныхъ свидѣтельствъ, могутъ дать находимыя въ краѣ монеты.

Долгое время господствовало убѣжденіе, что сношенія края съ культурными странами Европы слѣдуетъ отодвинуть приблизительно къ IV-му вѣку до Р. Хр. Это убѣжденіе поддерживалось главнымъ образомъ тѣмъ, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ балтійскаго края были находимы древне-греческія монеты и что въ Петерскапель (около Кольцена) была будто-бы открыта еще гр. Мелиномъ древне-греческая могила, въ которой была найдена бронзовая статуя несомнѣнно древне-греческой работы. Въ общемъ древне-греческія монеты были найдены около Кольцена (на мор-

*) Richter. — Geschichte der Ostseeprovinzen. I. Th. I. Bd. стр. 52.

скомъ берегу, немного сѣвернѣ Риги), въ Гробинѣ, Дреймансдорфѣ, около Юрьева и на о-вѣ Эзелѣ. Впослѣдствіи однако оказалось, что матеріалъ, на которомъ Крузе*), а за нимъ другіе археологи строили теорію о непосредственныхъ торговыхъ сношеніяхъ края съ различными греческими городами не заслуживаетъ довѣрія. Прежде всего могилѣ около Петерскапяля, по точномъ ознакомленіи съ найденными въ ней предметами, должна была быть отнесена къ эпохѣ значительно позднѣйшей; греческая статуя не была найдена въ могилѣ, а куплена гр. Мелшномъ у крестьянскаго мальчика, слѣдовательно могла попасть въ край гораздо позднѣе и случайно; наконецъ монеты, найденныя около Петерскапяля (Кольценъ) изъ Фазоса, Сиракузь и Македоніи (III в. съ Р. X.) по опредѣленію Д-ра Фридендера въ Берлинѣ оказались поддѣлкой XVII или XVIII вв.**). Намъ неизвѣстно были-ли подвергнуты точному изслѣдованію и остальные древнегреческія монеты, но во всякомъ случаѣ въ настоящее время на нихъ никто не рѣшится опираться въ доказательство мнѣнія о непосредственномъ сношеніи древнихъ грековъ съ балтійскимъ краемъ; если эти монеты и неподдѣльныя, то ихъ число такъ незначительно, что нельзя допустить и мысли о какихъ нибудь болѣе или менѣе постоянныхъ, хотя бы даже и не совѣмъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ древней Греціею. Торговля янтаремъ либо вовсе не заходила въ предѣлы современныхъ Курляндской и Лифляндской губ., либо, если и затрагивала ихъ то лишь въ очень незначительномъ размѣрѣ и несомнѣнно могла производиться лишь при посредствѣ другихъ племенъ.

Только съ началомъ христіанскаго лѣточисленія балтійскій край даетъ несомнѣнныя свидѣтельства, что пролежавшіе черезъ него пути являются путями для торговыхъ сношеній между восточными и западными частями Европы. Римскія монеты находятся въ значительномъ количествѣ въ разныхъ частяхъ края. Рядъ ихъ открывается монетами Августа и затѣмъ съ небольшими перерывами доходитъ до середины V вѣка. Наибольшее число монетъ приходится на эпоху императоровъ Авреліана, Константина, Валента, Граціана и др. Ихъ особенно много было найдено въ Курляндской и Лифляндской губ.***) Наименѣе древнія римскія монеты были найдены на о-вахъ Эзелѣ и Фильзандѣ†). Крузе,

*) Necrolivonica.

**) Sitzungsab. d. g. estn. Ges. 1876. стр. 85; также Grewingk. — Ueber heidnische Gräber Russisch-Litauens.

***) Richter: Geschichte der Ostseeprovinzen I. Th., I Bd. стр. 28.

†) Grewingk. Der Aschenfriedhof bei Türsel.

опираясь на находки римскихъ монетъ въ балтійскомъ краѣ, старался доказать, что торговля янтаремъ издавна привела древнихъ римлянъ къ знакомству съ восточнымъ берегомъ Балтійскаго моря. На картѣ, приложенной къ его сочиненію *Nescrolivonica*, онъ намѣтилъ даже морскіе пути, по которымъ слѣдовали римскіе корабли, объѣзжая восточные берега Балтійскаго моря. Въ другомъ своемъ трудѣ*) онъ собралъ все свѣдѣнія, которыя могли поддержать его гипотезу. Отыскивая слѣды пребыванія римлянъ въ балтійскомъ краѣ, онъ считалъ даже возможнымъ указать на существованіе римскихъ факторій, за каковую онъ считалъ между прочимъ городище около Капсетенъ (недалеко отъ Либавы**). Нельзя однако отнести къ гипотезѣ Крузе съ довѣріемъ: онъ не приводитъ ни одного даннаго, на основаніи котораго можно было-бы утверждать, что римлянамъ восточный берегъ Балтійскаго моря былъ знакомъ больше чѣмъ на основаніи туманныхъ и полусказочныхъ указаній. Не выдерживаютъ критики и стремленія Крузе доказать, что римлянамъ были извѣстны устья Западной Двины и Невы. Въ настоящее время не можетъ быть уже сомнѣній въ томъ, что знакомство римлянъ не простиралось до восточныхъ береговъ Балтійскаго моря; свидѣтельство Страбона что „римляне никогда не плавали въ тѣ мѣстности, которыя лежатъ за Альбой, также никто не совершалъ туда путешествія сухимъ путемъ“, устраняетъ возможность предположенія о непосредственной торговли римлянъ съ балтійскимъ краемъ. Римскія монеты I и II вв. встрѣчаются, какъ извѣстно, въ бассейнахъ Днѣпра, Десны, Сулы и Оки, причемъ подчасъ въ огромномъ количествѣ. Д. Я. Самоквасовъ склоненъ объяснять этотъ фактъ передвиженіями славянскихъ племенъ изъ придунайскихъ странъ***). Естественнѣе объяснить ихъ оживленными торговыми сношеніями, причемъ римскія монеты могли попадать въ балтійскій край какъ съ запада (южное побережье Балтійскаго моря) такъ и съ востока. Миніе-же, что при существованіи мѣнновой торговли монеты не принимались мѣстными жителями, устраняется тѣмъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ торговля была исключительно мѣнновая, монеты, не играя роли денежной единицы, обыкновенно высоко цѣнились какъ украшенія, вслѣдствіе чего большинство находимыхъ монетъ, приспособлены для подвѣшиванья.

Съ половины V-го вѣка римскихъ монетъ больше не встрѣчается; наиболѣе древнія, слѣдующія за ними монеты, относятся

*) *Urgeschichte des ethnischen Volksstammes.*

**) *ib.* стр. 354.

***) *Занятія VIII арх. Съѣзда стр. 120, 121.*

уже къ VIII в. Въ находкахъ монетъ происходитъ такимъ образомъ перерывъ, причемъ причины его различно объяснялись мѣстными изслѣдователями. Этого вопроса намъ придется коснуться ниже.

Наиболѣе оживленныя торговыя сношенія, идущія черезъ территорію современныхъ Прибалтійскихъ губ., падаютъ въ эпоху отъ VIII до конца XII в. Наибольшее количество найденныхъ монетъ падаетъ именно на этотъ періодъ времени; монеты становятся разнообразными: арабскія монеты относятся къ періоду отъ 725—1011 г. по Р. X.; англосаксонскія и англодатскія — отъ 802—1040 гг.; византійскія отъ 868—1014 гг. и нѣмецкія отъ 823—1180 гг.; наконецъ была также найдена и древнерусская монета Ярослава I*). Если оставить въ сторонѣ нѣмецкія монеты, которыя доходятъ до конца XII в., т. е. почти до самаго момента занятія края нѣмцами, мы замѣтимъ, что наибольшее развитіе торговыхъ сношеній падаетъ на IX—XI вв. Впослѣдствіи мы постараемся объяснить какъ этотъ фактъ, такъ и то, что нѣмецкія монеты встрѣчаются наиболѣе часто и обнимаютъ бѣльшій сравнительно съ другими періодъ.

Всѣ эти монеты, конечно не могутъ служить доказательствомъ непосредственныхъ сношеній жителей балтійскаго края съ тѣми народами, которымъ монеты принадлежатъ; противъ принятія подобнаго мнѣнія говорило бы съ одной стороны разнообразіе ихъ, а съ другой фактъ, что онѣ падаютъ въ одинъ и тотъ-же періодъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что монеты заносились торговыми людьми изъ разныхъ мѣстъ Россіи и западной Европы, въ которыхъ происходилъ обмѣнъ товаровъ то дальняго востока и Византіи то германскаго запада съ туземными племенами. Купцы, которые завозили монеты на „чуждское“ поморье, повидимому вели обширную торговлю: такъ арабскія монеты, найденныя въ балтійскомъ краѣ, приводятъ насъ къ волжскимъ болгарамъ, въ Самаркандъ, Ташкентъ, Бухару, Багдадъ и т. д.**). Встрѣчаются однако, хотя въ очень незначительномъ числѣ, и арабскія монеты изъ Африки и Испаніи. Почти всѣ онѣ относятся къ краткому періоду отъ 772 до 803 гг.; вслѣдствіе чего получаетъ полное вѣроятіе предположеніе г. Ханзена, что эти монеты попали въ край случайно и быть можетъ занесены сюда норманными во время какого-нибудь набѣга***). Нѣмецкія монеты че-

*) Griewingk: Ueber hehlnische Gräher Russisch-Littauens, стр. 159; и Richter: Geschichte der Ostseeprovinzen, I, 1, стр. 30.

**) Hartmann: Das Vaterländische Museum zu Dorpat.

***) Kruse: Necrolivonica. Beilage D., стр. 7, статья Dr. Hansen'a.

канены въ Утрехтѣ, Кёлиѣ, Дортмундѣ, Трирѣ, Страсбургѣ, и т. д.*), что указываетъ на оживленную торговлю, проходящихъ черезъ балтійскій край купцовъ, съ внутренними частями Германіи.

Путей, по которымъ двигалась торговля проходя, черезъ балтійскій край, повидимому было нѣсколько, причемъ конечно, не всѣ имѣли одинаковое значеніе. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить зап. Двину. Этотъ путь весьма древень и по теченію Двины находятъ много монетъ, начиная съ римскихъ (около Риги, Ленневадена и пр.); другой путь, какъ кажется, можно прослѣдить отъ Чудскаго оз., вверхъ по р. Эмбаху, оттуда волокомъ либо на лпфляндскую Аа, либо къ Буртнекскому оз., и внизъ по вытекающей изъ него р. Салисъ до моря. Что этотъ путь къ морю дѣйствительно существовалъ доказываютъ находки монетъ какъ по теченію р. Эмбаха, такъ и по рр. Аа и Салису; находимыя монеты заставляютъ также думать, что этотъ путь по древности своей не уступаетъ пути по Двинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, по теченію Эмбаха, Аа и Салиса мы встрѣчаемъ монеты, начиная съ римскихъ и до XIII в. На этомъ пути находится Юрьевъ и, какъ кажется, онъ имѣлъ торговое значеніе за долго до того времени, когда имъ овладѣлъ Ярославъ I. Въ самомъ Юрьевѣ, равно какъ и въ ближайшихъ его окрестностяхъ, были находимы римскія монеты начиная съ I вѣка по Р. Х., далѣе византійскія, арабскія и западныя монеты до XI столѣтія**). На основаніи этихъ находокъ мы считаемъ возможнымъ признать, что поселеніе на мѣстѣ современнаго Юрьева крайне древнее и что оно, находясь на торговомъ пути по Эмбаху недалеко отъ Чудскаго оз., играло не маловажную роль въ исторіи торговли края. Это положеніе еще подтверждается тѣмъ мѣстомъ, которое отводится Юрьеву среди эстонскаго эпоса и легендъ. „Здѣсь, (т. е. въ Юрьевѣ) говоритъ г. Фельманъ, — одинъ изъ первыхъ собирателей эстонскихъ преданій, — было счастливое мѣстопробываніе перваго человѣка, здѣсь пѣлъ свою дивную пѣснь богъ пѣснетворчества, здѣсь варились языки***) и въ близлежащемъ ручьѣ лежитъ блестящій и поющій мечъ сына Калева. . . . И странно, добавляетъ онъ, эстонецъ около Юрьева ничего не знаетъ объ этихъ сказаніяхъ; эстонецъ-же изъ подъ Вейсенштейна и Везенберга отмѣчаетъ

*) Richter, l. c. стр. 30.

**) Hartmann: Das Vaterländische Museum; Grewingk: Erläuterungen z. Karte и др.

***) По эстонскому преданію языки были сварены богомъ и розданы разнымъ народамъ.

каждый предметъ на Эмбахѣ или около Юрьева“ *). Наше лѣтописное извѣстіе о постройкѣ Ярославомъ Юрьева слѣдуетъ, какъ кажется, понимать лишь въ томъ смыслѣ, что въ XI вѣкѣ Юрьевъ перешелъ въ русскія руки и вѣроятно въ немъ было устроено укрѣпленіе.

Небольшая р. Салисъ, вытекающая изъ Буртнесскаго оз., въ настоящее время не можетъ считаться судоходной; что по ея теченію однако шель иѣкогда торговый путь доказывается какъ находимыми монетами, такъ и извѣстіемъ Генриха Латыша, что довольно значительный флотъ эзельцевъ въ 1216 г. вошелъ въ Салисъ и поднялся по ея теченію до Буртнесскаго оз. **).

Географическое положеніе рр. Виндавы и Курляндской Аа и находки по ихъ теченію монетъ разныхъ эпохъ до XIII в. служатъ достаточными доказательствами, что торговля направлялась и по этимъ рѣкамъ.

Но торговля двигалась не только этими путями. Былъ еще одинъ, который не прорѣзывалъ балтійскій край, а огибалъ его моремъ; это — путь отъ устья Невы или Наровы вдоль финскаго залива, восточныхъ береговъ балтійскаго моря, рижскаго залива и далѣе. При древнихъ способахъ плаванія вдоль береговъ, при незначительной сравнительно величинѣ кораблей, представлялось невозможнымъ совершить весь этотъ длинный путь не заходя въ гавани за запасами, хотя-бы воды; поэтому уже а priori можно предположить существованіе нѣсколькихъ болѣе или менѣе важныхъ пунктовъ, гдѣ производились остановки, дѣлались запасы путешествующими торговцами и гдѣ проѣзжіе также вѣроятно вели торгъ съ мѣстными жителями. Основываясь на находкахъ монетъ, мы могли-бы перечислить слѣдующія главныя мѣста остановокъ: Ревель, Перновъ, Дреймансдорфъ, Хазау и Гробинъ съ Либавой. Относительно мѣстоположенія Дреймансдорфа, лежащаго между Перновомъ и Ригой, сѣвернѣе устья р. Салисъ, было замѣчено еще Крузе, что здѣсь находится единственное удобное мѣсто для остановки судовъ, такъ какъ на сѣверъ отъ Дреймансдорфа море усеяно камнями, къ югу же берегъ песчаный и представляетъ неудобства для причаливанья судовъ. Гробинъ лежитъ не у самаго моря; по мнѣнію Крузе онъ былъ отдѣленъ отъ моря дюнами лишь въ позднѣйшее время ***). Этимъ перечнемъ конечно далеко не исчерпывается число стоянокъ, тѣмъ болѣе, что мы здѣсь не принимали въ ра-

*) Eählmann: Ehnstnische Sagen. въ Verh. d. g. est. G. I, 1. стр. 40.

**) Grewingk: Die neolithischen Bewohner v. Kunda, стр. 15.

***) Kruse: Necrolivonica, стр. 22.

счетъ устьевъ тѣхъ рѣкъ. о которыхъ мы говорили уже выше. Большинство-же упомянутыхъ стоянокъ слѣдуетъ считать очень древними; такъ въ Ревелѣ, Дреймансдорфѣ, Хазау и Гробинѣ были находимы монеты начиная съ римскихъ до болѣе позднихъ; нѣкоторыя изъ этихъ мѣстностей вѣроятно служили стоянками въ теченіи столѣтій; такъ напр. въ Ревелѣ были найдены византійскія, арабскія и западныя монеты.

Помимо водяныхъ путей существовали и сухопутныя торговыя артеріи; объ этихъ послѣднихъ намъ извѣстно очень мало, находки же монетъ въ данномъ случаѣ не позволяютъ прослѣдить ихъ. Въ хроникахъ XIII в. о нихъ упоминается только вскользь: такъ Генрихъ Латышъ указываетъ на существованіе сухопутной торговой дороги между Двиной и Псковомъ; объ этой дорогѣ онъ упоминаетъ по поводу своего разсказа объ ограбленіи на ней торговаго каравана, который везъ товаровъ на сумму по крайней мѣрѣ 1000 марокъ. Также встрѣчаемъ мы недостаточно опредѣленное указаніе о большой дорогѣ, ведущей въ Вендежюль*). Есть основаніе предполагать, что на одной изъ древнихъ торговыхъ дорогъ стоитъ Нейхаузенъ, черезъ который въ настоящее время проходитъ нѣсколько торговыхъ путей. Онъ лежитъ на перепутьѣ между Верро, Юрьевомъ и Псковомъ. По эстонскимъ преданіямъ около замка Нейхаузенъ совершался оживленный торговый обмѣнъ между эстами и русскими изъ Пскова**). Хотя преданіе относитъ этотъ фактъ ко времени послѣдующему постройкѣ замка т. е. по завоеваніи края нѣмцами, тѣмъ не менѣе значительное количество находимыхъ въ окрестностяхъ монетъ XI—XII вв. заставляеть думать, что здѣсь былъ торговый центръ задолго до прихода нѣмцевъ. О другихъ торговыхъ сухопутныхъ путяхъ мы не считаемъ возможнымъ упоминать отчасти вслѣдствіе неясности ихъ направленія, отчасти оттого, что не имѣемъ достаточно точныхъ свѣдѣній, которыя позволили-бы видѣть въ нихъ пути древніе.

Изъ сказаннаго выше явствуетъ, что, начиная приблизительно съ I вѣка по Р. Х., вплоть до времени, когда для балтійскаго края кончается доисторическій періодъ, область, занимаемая губерніями Эстляндской, Лифляндской и Курляндской, является намъ прорѣзанной многочисленными торговыми путями, по которымъ движется оживленная торговля. Почти всѣ устья судоходныхъ рѣкъ служатъ воротами, черезъ которыя направляются

*) Richter: l. c., стр. 44, 52.

***) Boubrig: Notizen über alte Gräber in der Umgegend Werros въ Ver. d. g. est. G. I, 3. стр. 90.

караваны либо изъ внутреннихъ частей Россіи въ море, либо изъ „заморскихъ“ мѣстностей въ Россію; торговый обмѣнъ повидимому весьма оживленъ и продолжителенъ: онъ охватываетъ значительный періодъ въ двѣнадцать вѣковъ.

Впослѣдствіи мы увидимъ, что моментъ начала этихъ торговыхъ сношеній совпадаетъ съ началомъ появленія желѣза среди древностей балтійскаго края; съ того времени начинаютъ появляться болѣе или менѣе богатыя могилы, въ которыхъ были находимы и оружіе и изящныя украшенія. Съ того-же времени происходитъ, повидимому, сильная перемѣна въ бытѣ мѣстныхъ жителей, начинающихъ знакомиться съ предметами болѣе высокой культуры. Поэтому, чтобы уяснить себѣ значеніе этого періода, открываемаго началомъ нашего лѣточисленія, необходимо выяснитъ степень культуры жителей Прибалтійскихъ губерній въ періодъ предшествующій. Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію могилъ и другихъ доисторическихъ памятниковъ т. н. желѣзнаго вѣка, посмотримъ, каковымъ рисуютъ намъ археологическіе памятники бытъ обитателей края до начала знакомства ихъ съ желѣзомъ.

II.

Каменный вѣкъ. Остатки эпохи, когда жители современныхъ балтійскихъ губ. еще не были знакомы съ металлами, довольно многочисленны. Слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что всѣ найденные предметы принадлежатъ человѣку, жившему въ современную намъ геологическую эпоху; всѣ орудія каменнаго вѣка относятся къ т. н. неолитическому періоду; предметовъ же предшествующаго палеолитическаго періода нѣтъ вовсе. Человѣкъ пришелъ сюда, повидимому, сравнительно поздно и мысль о возможности существованія человѣка здѣсь въ геологическую эпоху, предшествующей современной, устраняется геологическими розысканіями*). Исслѣдователямъ каменнаго вѣка въ балтійскомъ краѣ пришлось отмѣтить, что климатъ той эпохи, когда жители пользовались лишь орудіями изъ кости и камня, мало отличался отъ современнаго. Если мы возьмемъ показателемъ климата флору, то мы замѣтимъ, что она не измѣнилась; найденныя въ одной изъ стоянокъ каменнаго вѣка остатки сосны (*Pinus silvestris*), дуба (*Quercus pendiculata*), осины (*Populus*

*) Congrès Internationale d'Archéologie préhistorique. XI-è session. I статья 2. Никитина.

tremula*), доказываютъ наглядно, что эти деревья, которыя и въ настоящее время растутъ въ балтійскомъ краѣ, служили и для потребностей первобытнаго насельника. Фауна, напротивъ, нѣсколько измѣнилась; кости животныхъ свидѣлствуютъ о нѣсколькихъ исчезнувшихъ видахъ; были дѣйствительно въ стоянкахъ находимы кости зайца, оленя, лося и др. еще въ настоящее время встрѣчающихся въ краѣ животныхъ; но также и кости въ настоящее время уже не встрѣчаемыхъ въ краѣ, какъ-то: сѣвернаго оленя, бобра, кабана и *Vos primigenius*. Не слѣдуетъ однако изъ этого заключать о глубокой древности эпохи, когда указанные животныя жили въ краѣ. Въ самомъ дѣлѣ *Vos primigenius* встрѣчался въ Польшѣ еще въ историческое время; бобры сравнительно недавно служили въ балтійскихъ губ. предметомъ охоты; кабаны часто встрѣчались во второй половинѣ XVIII вѣка въ различныхъ мѣстностяхъ Лифляндской губ., и въ болѣе позднюю эпоху они заходили сюда зимой изъ Польши**).

Переходя къ обзорѣню матеріала каменнаго вѣка въ балтійскомъ краѣ, считаемъ необходимымъ оговориться, что наука обязана своимъ знакомствомъ съ этимъ матеріаломъ преимущественно работамъ гр. К. Сиверса и въ особенности покойнаго проф. Юрьевскаго Университета Гревингу, который особенно много потрудился на этомъ поприщѣ, свелъ во едино имѣющіяся въ этомъ отношеніи данныя и стремился дать своимъ и бывшимъ до него изысканіямъ научное освѣщеніе.***)

Всѣ древности, относящіяся къ каменному вѣку Эстляндской Лифляндской и Курляндской губ. можно подраздѣлить на слѣдующія категоріи; 1) стоянки каменнаго вѣка, 2) могилы и 3) случайныя находки.

Стоянки каменнаго вѣка: Такихъ стоянокъ извѣстно нѣсколько: 1) у Чудскаго оз., въ сѣверной его части, недалеко отъ впаденія въ него р. Венеферъ; 2) на р. Эмбахѣ, недалеко отъ Юрьева, 3) на Феллинскомъ оз.; 4) на мѣстѣ бывшаго (въ настоящее время высохшаго) озера Кунда въ Эстляндской губ., недалеко отъ Везенберга и Кундской бухты, и 5) на восточномъ

*) Sitzungs. d. g. est. G. 1886, стр. 168.

***) Grewingk: Ueber die frühere Existenz des Rennthieres in den Ostseeprovinzen, стр. 5

***) Работы проф. Гревинга по каменному вѣку слѣдующія: 1) Das Steinzeitalter der Ostseeprovinzen (Dorpat. 1865); 2) Zur Kenntniss der in Liv- Est- und Kurland - . aufgefundenen Steinwerkzeugen (Dorpat. 1871); 3) Die neolithischen Bewohner von Kunda in Estland. (1884). Кромѣ того много рефератовъ Гревинга о каменномъ вѣкѣ помѣщены въ Sitzungsh. d. g. est. G. за разные годы.

берегу Буртнекскаго оз. (Свейнекъ), а также недалеко отъ того мѣста этого озера, изъ котораго вытекаетъ р. Сались. Лучше всего изслѣдованы стоянки въ Кундѣ и на Буртнекскомъ оз., первая — проф. Гревингомъ, вторая гр. К. Сиверсомъ*). На этихъ двухъ стоянкахъ намъ и придется преимущественно остановиться.

Въ Кундскую бухту впадаетъ ручей — повидимому остатокъ прежде бывшаго здѣсь озера; въ 2½ приблизительно верстахъ, вверхъ по его теченію, находится мельница, а за ней тянется обширный слой мергеля (приблизительно верстъ 9 длины и столько-же ширины), прорѣзываемый ручьемъ. Въ этомъ слоѣ, при добываніи мергеля, были найдены разные предметы, относящіеся къ каменному вѣку. Раскопки, произведенныя Гревингомъ и точное изученіе имъ мѣстности, не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что около бывшаго озера была дѣйствительно стоянка незнакомыхъ съ металлами людей. Найденные предметы сводятся къ слѣдующимъ типамъ: 1) наконечники гарпунъ изъ кости лося; длина ихъ 120—130 миллиметровъ, ширина 12—20 милл., 5—11 милл. толщины: часть гарпунъ была снабжена костяными крючками числомъ отъ 4 до 16.

2) Наконечники стрѣлъ также изъ кости лося. Нѣкоторые наконечники были, какъ и гарпуны, снабжены костяными крючками числомъ отъ 9 до 12; на другихъ были сдѣланы желобки въ которые вставлялись куски кремня, прикрѣпляемые дегтярной смолой. Далѣе наконечники стрѣлъ изъ кости-же снабженные желобкомъ лишь съ одной стороны, а также узкіе и длинныя изъ кости безъ желобковъ. Наконецъ кремневый наконечникъ стрѣлы.

3) „Кинжалы“ и наконечники копій изъ расщепленныхъ поперечныхъ костей лося и *bos primigenus* (39 экземпляровъ) и „кинжалъ“ изъ куска рога лося.

4) Орудія для выскребыванія, выглаживанья шкуръ животныхъ, обыкновенно сдѣланныя изъ костей лося

5) Ножи. Кусокъ кремневаго ножа (55 милл. длины, 20 милл. ширины и 5 мм. наибольшей толщины); по мнѣнію Гревинга въ цѣломъ видѣ этотъ ножъ былъ вѣроятно вдвое длиннѣе. Далѣе ножи изъ кости и роговъ лося, изъ расщепленнаго кабаньяго клыка и т. д.

Большинство находокъ было сдѣлано на разстояніи 50—90

*) Результаты изслѣдованій гр. К. Сиверса напечатаны въ Verh. d. Berliner Ges. f. Anthropologie, Ethnologie u. Urgeschichte. 1874 и 1875 гг. а также въ Sitzb. d. Dorpater Naturforscher-Gesellschaft IV. I. 1875.

саж. отъ берега озера, въ слоѣ мергеля на сравнительно незначительной глубинѣ: 2½—4 фута*).

При дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, Гревингу удалось отыскать и „кухонные остатки“ неолитическихъ обитателей Кунды, именно около находящейся вблизи горы Lammåggi (т. е. овечья гора): преобладали кости лося, сѣвернаго оленя, кабана, тюленя (*Phoca Gronlandica*), лебедя и щуки. Костей домашнихъ животныхъ не встрѣтилось**).

Находки въ Кундѣ не дали никакихъ предметовъ украшенія (кромѣ одного очень сомнительнаго), ни слѣдовъ посуды.

Гораздо богаче оказалась стоянка на берегу Буртнекскаго озера, называемаго мѣстными жителя Астіервъ. Раскопки холма извѣстнаго подъ названіемъ Rinnehügel, находящагося на берегу озера около того мѣста, откуда изъ него вытекаетъ Сались, привели къ находкѣ кухонныхъ остатковъ, давшихъ много костей животныхъ и рыбъ; было найдено также много раковинъ, въ томъ числѣ и *Unio timidus*. Кости принадлежали слѣдующимъ животнымъ: росомахамъ, куницамъ, бобрамъ, (въ очень большомъ количествѣ), зайцамъ, кабанамъ, оленямъ, тюленямъ, *bos primigenius* и др. Рыболовныхъ орудій и оружія было сравнительно мало найдено; наконечники копій и „кинжалы“ изъ кости здѣсь рѣдки и работа ихъ грубѣе чѣмъ въ Кундѣ; орудія каменные и наконечники стрѣлъ найдены въ незначительномъ количествѣ; кремневыхъ орудій не найдено вовсе. Рыбная ловля, по мнѣнію Гревинга, производилась здѣсь, въ противоположность Кундскимъ жителямъ, преимущественно при помощи удочекъ (были найдены крючки) и сѣтей. Но если въ этомъ отношеніи находки на Буртнекскомъ оз. и бѣдиѣ чемъ въ Кундѣ, — они дали за то много другихъ предметовъ, позволяющихъ глубже заглянуть въ жизнь неолитическаго человѣка балтійскаго края. Такъ прежде всего изъ паходокъ на Буртнекскомъ оз. мы знакомимся съ гончарнымъ искусствомъ древнихъ обитателей края. Посуда либо вовсе не обожженная, либо обожжена слабо; для большей крѣпости къ глинѣ примѣшивали кусочки кварца и полеваго шпата; посуда по формѣ своей преимущественно цилиндрическая (болѣе или менѣе правильная), иногда она снабжена крышкой; нерѣдко она украшена орнаментомъ, не только на наружной стѣнкѣ, но и на верхней части внутренней стороны; орнаментъ состоитъ изъ болѣе или менѣе длинныхъ рядовъ вдавленныхъ круглыхъ, прямоугольныхъ, ромбоидныхъ и треугольныхъ углубленій; иногда онъ состоитъ

*) Grewingk: Die neolithischen Bewohner v. Kunda. стр. 1—7.

**) *Sitzungsab. d. G. Est. G.* стр. 171.

изъ вдавленныхъ линій и углубленій произведенныхъ надавливаніемъ ногтя.

Далѣе были найдены иглы; для этой цѣли употреблялись птичьи кости, преимущественно кости лебедя.

Кромѣ этого находки около Буртнекскаго оз. дали нѣсколько предметовъ, вѣроятно служившихъ украшеніями.

Помимо просверленныхъ и употреблявшихся либо въ качествѣ амулетовъ, либо украшеній, зубовъ *bos primigenius* и лося, были найдены бусы изъ кости и вырѣзанныя изъ кости-же изображенія лебедя, гуся, утки, тетерева, лося и медвѣдя и другія костяныя украшенія*). Вырѣзанныя изъ кости изображенія птицъ по работѣ своей лучше и чище, чѣмъ изображенія звѣрей: они обнаруживаютъ несомнѣнно недюжинныя художественныя способности у древнихъ обитателей береговъ Буртнекскаго озера. Сравнивая эти изображенія и орнаментъ на посудѣ найденной въ Rinnehügel, съ таковыми-же принадлежащими насельникамъ Ладожскаго оз. въ каменномъ вѣкѣ, Гревингъ замѣчаетъ: „Эти предметы обнаруживаютъ ясно значительно высшія художественныя способности, чѣмъ у доисторическихъ жителей по берегу Ладожскаго оз. съ ихъ крайне грубыми изображеніями челоуѣка, тюленя и медвѣжьей головы. То-же слѣдуетъ сказать и относительно орнаментаціи глиняной посуды, которая у жителей Буртнекскаго оз. значительно разнообразнѣе, чѣмъ у обитателей Ладожскаго оз.“. Въ орнаментахъ на посудѣ онъ видитъ сходство съ таковыми-же, найденными въ Волосовѣ (Владимірской губ.**).

Въ обѣихъ стоянкахъ (около Кунды и Буртнекскаго оз.) мы имѣемъ дѣло съ населеніемъ, главнымъ занятіемъ котораго были рыболовство и охота; характерной чертой для нихъ является то, что большинство орудій изготовлялось изъ кости, тогда какъ каменныя орудія были въ употребленіи, какъ кажется сравнительно мало. Для изготовленія скребковъ, пожей, гарпунъ, наконечниковъ коній и стрѣлъ и т. д. употреблялись преимущественно кости лося и *bos primigenius*. Замѣчательна также и поразительная рѣдкость кремневыхъ орудій.

Не смотря на то, что стоянка у Буртнекскаго озера рисуется быть ея обитателей болѣе подробно, чѣмъ стоянка около Кунды, Гревингъ тѣмъ не менѣе склоненъ считать жителей послѣдней за племя, стоящее въ культурномъ отношеніи выше. Основаніе

*) Grewingk: Erläuterungen zur Karte, стр. 94 и слѣд. Предметы, найденные въ Кундѣ и около Буртнекскаго оз. хранятся въ музеѣ при Эстонскомъ ученномъ обществѣ въ Юрьевѣ.

**) Grewingk: Die neolithischen Bewohner v. Kuuda, стр. 37.

для этого положенія онъ видитъ въ фактѣ находенія у Кунды кремневыхъ орудій, которыя по его мнѣнію вѣроятно завозныя; слѣдовательно кундскіе жители имѣли повидимому уже сношенія съ своими сосѣдями, отъ которыхъ и получали кремневые орудія, тогда какъ жители Буртнекскаго оз. стояли вѣ всякихъ сношеній съ своими болѣе культурными сосѣдями*).

Неолитическіе обитатели балтійскаго края, повидимому, не были знакомы съ домашними животными; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не было найдено никакихъ доказательствъ въ пользу мнѣнія, что крупный рогатый скотъ, овцы, лошади и даже собака были имъ извѣстны. Мы, повидимому, имѣемъ здѣсь дѣло съ племенами, находившимися еще на одной изъ самыхъ низкихъ ступеней развитія.

Стоянки въ Кундѣ и около Буртнекскаго оз. не слѣдуетъ считать современными другъ-другу. Гревингъ совершенно основательно считаетъ первую древнѣе; дѣло въ томъ, что среди найденныхъ костей животныхъ въ обѣихъ стоянкахъ, кости сѣвернаго оленя встрѣчаются въ Кундѣ и не встрѣчаются на Буртнекскомъ оз.; сѣверный олень принадлежитъ повидимому къ числу наиболѣе давно исчезнувшихъ изъ предѣловъ балтійскаго края животныхъ и это обстоятельство позволяетъ, при современномъ знакомствѣ съ обѣими стоянками, отнести Кундскую къ эпохѣ болѣе древней.

Опредѣлить однако точно къ какому времени слѣдуетъ отнести Кундскую стоянку почти невозможно. Гревингъ, исходя изъ изученія съ геологической точки зрѣнія слоя, въ которомъ были находимы предметы, полагаетъ, что люди появились на берегахъ Кундскаго оз. лѣтъ 1650 тому назадъ и жили здѣсь приблизительно въ теченіи 600—750 лѣтъ. Впрочемъ, и онъ самъ не придаетъ особаго значенія этимъ цифрамъ и думаетъ, что онѣ ниже дѣйствительности. Какъ извѣстно до настоящаго времени всѣ вычисленія, основанныя на нарастаніи почвы, не были въ состояніи дать сколько нибудь точныхъ данныхъ и приведенное вычисленіе Гревинга имѣетъ лишь значеніе какъ доказательство того, что относить Кундскую стоянку къ очень глубокой древности нѣтъ основаній.

Больше значенія имѣетъ въ данномъ случаѣ фактъ находенія въ Кундѣ кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ и коній. Если дѣйствительно въ этихъ предметахъ мы должны видѣть, какъ это полагаетъ Гревингъ, издѣлія, занесенныя изъ западной части Балтійскаго моря, то важнымъ является фактъ, что

*) Verhandl. d. g. est. G. XII, стр. 58.

наконечники подобные Кундскимъ въ западныхъ областяхъ Балтійскаго моря являются характерными для тамошнихъ, наименѣ древнихъ, неолитическихъ могилъ; однако въ виду того, что каменный вѣкъ въ современныхъ балтійскихъ губ. продолжался очень долго, получаетъ вѣроятіе предположеніе того-же ученаго, что въ Кундѣ каменный вѣкъ продолжался еще въ то время, когда на западномъ берегу Балтійскаго моря господствовалъ уже поздній бронзовый вѣкъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже древній желѣзный вѣкъ, т. е. что еще около начала нашего лѣточисленія культура каменнаго вѣка господствовала среди населенія Кунды на восточномъ берегу Балтійскаго моря*).

На восточномъ берегу Буртнекскаго оз. около Свейнека была открыта гр. К. Сиверсомъ мастерская кремневыхъ орудій. Это до настоящаго времени единственная извѣстная мастерская въ балтійскихъ губ. Найденные въ большомъ числѣ, предметы представляютъ въ большинствѣ случаевъ кремневые наконечники стрѣлъ разной величины и разнообразной формы. Найденные „*n u l e i*“ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что кремневое производство было мѣстнымъ. Тѣмъ болѣе страннымъ является фактъ, что въ Rinnehügel, лежащемъ на противоположномъ берегу озера, кремневыхъ орудій не было найдено вовсе. Слѣдуетъ также отмѣтить, что наконечники стрѣлъ изъ Свейнека по изяществу работы и отчасти по формѣ отлпчаются отъ кремневаго наконечника стрѣлы найденнаго въ Кундѣ.

Могилы. Могилъ съ орудіями каменнаго вѣка въ предѣлахъ Прибалтійскихъ губерній до сихъ поръ было найдено немного. Часть ихъ обнаруживаетъ погребеніе, часть сожженіе покойника. Могилы съ погребеніемъ были найдены на о-вѣ Монѣ въ Тамсалѣ, въ Эстляндской губ. около Лихола (Lihhola) и Мецигуса (недалеко отъ Кунды); въ Лифляндской губ. около Острофа и Лайсгольма и въ Курляндской губ. около Азушненъ. Сожженіе наблюдалось въ могилѣ на о-вѣ Эзелѣ и въ Курляндской губ. около Зельбурга и Кандау. Ни одна изъ перечисленныхъ могилъ не указываетъ на тщательность погребенія; лишь въ могилѣ около Зельбурга кости были положены въ глиняный сосудъ въ небольшихъ каменныхъ цѣстахъ**).

Несмотря на нахождение въ указанныхъ могилахъ предметовъ каменнаго вѣка, намъ кажется, что не слѣдуетъ относить

*) Grewingk: Erläuterungen zur Karte, стр. 96 и Die Neolithischen Bewohner von Kunda, стр. 10, 15, 38 и 56.

**) Verhand. d. g. est. G. XIII, стр. 57 и Grewingk: Erläuterungen zur Karte, стр. 92, 96.

ихъ, по крайней мѣрѣ всѣ, къ неолитическому періоду балтійскаго края; вѣроятно большинство этихъ могилъ гораздо болѣе поздняго происхожденія. Въ пользу этого говоритъ слѣдующее: въ большинствѣ могилъ были находимы каменные топоры съ отверстіемъ по срединѣ для вставляванія рукояти; этотъ видъ топоровъ, какъ мы увидимъ ниже, господствовалъ еще въ то время, когда жители балтійскаго края успѣли уже давно познакомиться съ металлами; слѣдовательно нахожденіе въ могилахъ такихъ топоровъ, хотя-бы даже съ приложеніемъ костяной гарпуны какъ въ могилѣ на о-вѣ Мошъ*) около деревни Кюлласемма, не можетъ еще служить доказательствомъ, что данную могилу слѣдуетъ отнести къ неолитическому періоду. Кромѣ того изъ числа указанныхъ могилъ далеко не всѣ были открыты специалистами: о многихъ изъ нихъ имѣются лишь свѣдѣнія, собранныя изъ устъ крестьянъ, случайно напавшихъ при работахъ на ту или иную могилу; вслѣдствіе всего этого нѣтъ убѣдительныхъ данныхъ, что каменное орудіе было дѣйствительно найдено въ могилѣ, а не около нея. Наконецъ одна изъ перечисленныхъ могилъ совершенно неосновательно отнесена Гревингомъ къ каменному вѣку; это могила около Мецикусъ; костякъ былъ найденъ съ бронзовой цѣпью на шеѣ, причемъ на цѣпь былъ продѣтъ каменный топоръ съ отверстіемъ для рукояти въ срединѣ. Уже нахожденіе при костякѣ бронзовой цѣпи устраняетъ возможность отнести эту могилу къ каменному вѣку, а фактъ, что каменный топоръ былъ продѣтъ въ цѣпь доказываетъ, что въ то время, къ которому относится могила, каменные топоры уже не употреблялись какъ оружіе, но носились народомъ въ качествѣ украшенія или амулета, т. е. что могила относится къ эпохѣ значительно позднѣйшей. Матеріаль, который дается намъ могилами, относимыми къ каменному вѣку, слишкомъ незначителенъ, шатокъ и мало достовѣренъ, чтобы можно на основаніи его строить какія-бы то ни было заключенія о способахъ погребенія неолитическихъ жителей балтійскаго края.

Случайныя находки. Число каменныхъ орудій, найденныхъ случайно, довольно значительно. Большинство ихъ было найдено на болѣе или менѣе значительной глубинѣ, въ лѣсахъ, поляхъ, болотахъ и въ водѣ. Весьма часто каменные орудія встрѣчались вблизи имѣющихъ или имѣвшихъ значеніе мѣстъ, какъ-то: около древнихъ поселеній, городищъ, на мѣстахъ служившихъ для собраній, жертвоприношеній или въ мѣстностяхъ, гдѣ по народному преданію происходили нѣкогда битвы. Иногда они были

*) Sitzungsber. d. g. est. G. 1876 стр. 184.

находимы вмѣстѣ съ металлическими предметами; такъ при спускѣ озера Видель было найдено нѣсколько каменныхъ орудій съ двумя мѣдными котлами*). Мѣсто нахождения многихъ орудій каменнаго вѣка неизвѣстно, такъ какъ многія изъ нихъ перешли въ музеи отъ частныхъ лицъ, мало интересовавшихся обстоятельствами, сопровождавшими находку. Въ общемъ однако накопился довольно значительный матеріалъ на первый взглядъ, какъ-будто, позволяющій имѣть довольно ясное представленіе о характерѣ каменныхъ орудій, бывшихъ въ употребленіи въ краѣ. Всѣ они подводятся подъ три главныхъ категоріи: 1) топоры съ просверленными отверстіями для рукоятей; 2) топоры безъ сверлинъ для рукоятей и 3) наконечники стрѣлъ и копій. Къ 1885 г. всего было найдено**).

	Топоры съ просверленными отверстіями для рукоятей:	Топоры безъ сверлинъ для рукоятей:	Наконечники стрѣлъ и копій:
1) о-ва Эзель, Монъ и Даго	19	22	—
2) Эстляндская губ.	6	—	2
3) Лифляндск. губ. до Двины	27	9	13
4) Область Двины	185	98	1
5) Область Курляндской Аа	74	22	4
6) Область Виндавы и Курляндскій берегъ	27	8	1
	338	159	21

За послѣднее время число извѣстныхъ каменныхъ орудій конечно возрасло, но подвести точный итогъ находкамъ за послѣдніе 8 лѣтъ намъ не удалось.

Въ этой таблицѣ прежде всего бросается въ глаза ничтожное количество наконечниковъ стрѣлъ и копій сравнительно съ количествомъ топоровъ: каменные стрѣлы, повидимому, употреблялись жителями сравнительно мало; вѣроятно ихъ замѣняли костяные стрѣлы, образцы которыхъ были найдены въ стоянкѣ около Кунды.

Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить, что наиболѣе частыя находки орудій каменнаго вѣка были сдѣланы недалеко отъ береговъ моря, далѣе въ мѣстностяхъ, лежащихъ близъ Зап. Двины и находящихся на дорогѣ между Ковно, Двинскомъ, Островомъ и Псковомъ. Въ латышской-же части Лифляндской и въ средней

*) Grewingk. — Das Steinalter der Ostseeprovinzen, стр. 39, 40.

**) Sitzungsb. der G. Est. G. 1885, стр. 13. Каменные орудія, другаго назначенія найденныя случайно, такъ рѣдки и малочисленны, что мы считаемъ возможнымъ на нихъ не останавливаться.

части Курляндской губ. каменныхъ орудій почти вовсе не было найдено*).

Топоры, которые для балтійскихъ губ. являются наиболѣе характерными предметами каменнаго вѣка, слѣдуетъ раздѣлить соотвѣтственно ихъ формѣ на слѣдующія группы: 1) топоры со сверлинами для вставливанія рукояти: лодкообразные и простые; причемъ послѣдніе можно подвести къ двумъ типамъ: заостренные съ обоихъ концовъ и заостренные съ одного конца; 2) топоры безъ сверлинъ для вставливанія рукояти: простые и приспособленные къ прикрѣпленію къ рукояти. Матеріалами для производства топоровъ служили преимущественно діоритъ и діабазъ, рѣже гранитъ, гнейсъ, сіенитъ и др. горныя породы, встрѣчаемыя во всѣхъ трехъ губерніяхъ. Топоры въ большинствѣ случаевъ шлифованы либо съ одной стороны, либо съ обѣихъ. Кремневые орудія рѣдки; изъ кремня выдѣланы преимущественно ножи и главнымъ образомъ наконечники стрѣлъ и коній. Рѣдкость кремневыхъ орудій объясняется Гревингомъ**) тѣмъ, что кремень вообще сравнительно рѣдокъ въ балтійскихъ губерніяхъ и не встрѣчается залежами. Аспелинъ***) однако дѣлаетъ очень вѣроятное предположеніе: принимая во вниманіе, что большинство находокъ орудій каменнаго вѣка въ балтійскомъ краѣ относится къ числу случайныхъ — онъ полагаетъ, что лица, находившія каменныя орудія, мало обращали вниманія на мелкіе предметы, которые такимъ образомъ оказались потерянными для науки†). Какъ-бы то ни было, но кремневыхъ предметовъ въ настоящее время извѣстно еще такъ мало, такъ незначительно также число типовъ предметовъ каменнаго вѣка, найденныхъ въ другихъ странахъ, кромѣ топоровъ, что Аспелинъ считаетъ возможнымъ на основаніи этого выдѣлить балтійскій край, вмѣстѣ съ Литвой, въ особую группу балтійско-литовскую.

Изъ топоровъ особое вниманіе заслуживаютъ лодкообразные, какъ вслѣдствіе оригинальности ихъ формы такъ и вслѣдствіе присущей имъ особой тщательности, изящества въ обработкѣ. Они чаще всего сдѣланы изъ зеленокаменной горной породы; по мнѣнію Гревинга††) они характерны для береговой полосы Эст-

*) Grewingk. Das Steinalter der Ostseeprovinzen.

**) Die neolithischen Bewohner v. Kunda стр. 24.

***) Aspelin. Antiquités du Nord Finno-ougrien. стр. 7.

†) Это предположеніе тѣмъ болѣе заслуживаетъ довѣрія, что, какъ мы видѣли, существовала мастерская кремневыхъ издѣлій у Свейнека, на берегу Бурнекаского оз.

††) Die neolith. Bewohner v. Kunda стр. 40.

ляндской губ., Финляндии и для балтийскоморских островов. Действительно, в западной и южной береговых частях Финляндии их было найдено до 100 экземпляров. В Эстляндской губ. их находили нѣсколько выше устья Наровы, южнѣ Кунды около Мецикуса, далѣе недалеко отъ Балтійскаго Порта въ имѣніяхъ Лихола и Полькюль и въ другихъ частяхъ губерніи, причемъ точно мѣста находки неизвѣстны. Острова Даго, Монъ и Эзелъ дали также нѣсколько подобныхъ топоровъ. Въ Лифляндской губ. лодкообразные топоры были найдены въ Феллинскомъ у. въ приходѣ Галиствъ. Встрѣчаемые въ балтійскомъ краѣ лодкообразные топоры, имѣютъ большое сходство съ подобными-же скаандинавскими, хотя послѣдніе болѣе изящной формы и работы. Впрочемъ, аналогичные топоры были находимы также въ Витебской, Ярославской и Рязанской губ., причемъ однако, по мнѣнію Гревинга, замѣчается и различіе какъ въ формѣ такъ и въ матеріалѣ. Аспелинъ склоненъ приписывать подобнымъ топорамъ глубокую древность; относя ихъ къ эпохѣ слишкомъ за 1000 лѣтъ до начала нашей эры*). Вообще специалисты въ археологій Скандинавіи отводятъ имъ мѣсто въ послѣдній періодъ каменнаго вѣка и въ началѣ бронзоваго. Вопросъ о топорахъ со сверлинами для вставляванія рукоятей былъ, какъ извѣстно, затронутъ на международномъ конгрессѣ доисторической Археологій и Антропологій въ Стокгольмѣ и тогда еще было высказано мнѣніе, что подобные топоры могли появиться лишь послѣ знакомства съ металлами, что они не могли-бы выдержать слишкомъ сильнаго удара и что такимъ образомъ въ нихъ слѣдуетъ видѣть скорѣе знаки отличій, чѣмъ настоящее оружіе. Основываясь на этомъ мнѣніи, слѣдовало-бы считать не только лодкообразные каменные топоры, но и всѣ другіе предметы, имѣющіе просверленное отверстіе для вставляванія рукояти, не столько предметами каменнаго вѣка сколько переживаемъ каменной культуры въ послѣдующіе вѣка. Къ этому-же мнѣнію приходитъ и Гревингъ, исходя впрочемъ изъ другихъ положеній**). Онъ основывается на роли, которую игралъ и отчасти играетъ каменный топоръ въ суевѣрныхъ обычаяхъ и обрядахъ мѣстнаго населенія, на фактѣ, что каменные топоры сохранялись у многихъ народовъ, въ качествѣ переживанія, при совершеніи религиозныхъ обрядовъ и наконецъ на томъ, что въ балтійскихъ губ. просверленные топоры встрѣчались вмѣстѣ съ металлическими предметами; вслѣдствіе этого онъ считаетъ возможнымъ высказать

*) Aspelin. Antiq. du Nord E. Ongr. стр. 8.

***) Zur Kenntniss der in Liv- Est- und Kurland aufgefundenen Steinwerkzeuge стр. 38, 39 и полѣд.

предположеніе, что, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ часть каменныхъ топоровъ балтійскихъ губ. служила для религіозныхъ обрядовъ и, въ особенности, въ качествѣ орудій при жертвоприношеніяхъ въ теченіи языческаго періода.

Принимая во вниманіе почти непосредственность перехода отъ каменнаго вѣка къ знакомству съ желѣзомъ, пишетъ Гревингъ въ другомъ своемъ трудѣ*). „легко сдѣлать предположеніе, что нѣкогда служившія въ дѣйствительности оружіями и орудіями — издѣлія пзъ камня, перешли, въ качествѣ наслѣдія неолитическаго періода, отчасти прямо въ эпоху употребленія желѣза, отчасти уступили мѣсто другимъ, выработаннымъ при посредствѣ языческаго культа, каменнымъ топорамъ; ихъ можно еще находить въ могилахъ, относящихся къ эпохѣ послѣ X в. нашей эры“.

И такъ, если согласиться съ мнѣніемъ, что просверленные топоры должны быть отнесены къ періоду, въ который жители балтійскихъ губ. уже были знакомы съ металлами — матеріалъ, служацій для изученія каменнаго вѣка Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губ., въ значительной степени уменьшится. Но если даже причислить къ этому матеріалу и просверленные топоры, то все-же его окажется недостаточно для того, чтобы обосновать прочные научные выводы. По этому попытки, дѣлаемые въ этомъ направленіи нѣкоторыми учеными, не могутъ считаться окончательными. Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ нужнымъ остановиться на нихъ, такъ какъ они въ значительной степени стремились внести порядокъ въ существующій уже матеріалъ и облегчить его обзоръ и дальнѣйшее изученіе.

Гревингъ**) считаетъ возможнымъ, на основаніи имѣющагося матеріала, раздѣлить балтійскія губ. соотвѣтственно находкамъ каменнаго вѣка на пять областей. Первая, сѣверная, обнимаетъ острова Эзель, Мошъ и Даго, побережье Эстляндіи до Нарвы и тянется на югъ отъ Кунды до 58° сѣв. ш. Эта область характеризуется развитой техникой, отличающей въ ней найденныя издѣлія изъ камня и кости; въ ней-же встрѣчаются наиболѣе часто лодкообразные каменные топоры. Нѣкоторые кремневые предметы (долоты, пошп и наконечники стрѣлъ) указываютъ, въ виду ихъ происхожденія изъ западныхъ областей Балтики, на непосредственныя или посредственныя сношенія съ жителями западнаго берега Балтійскаго моря. Эта область по находкамъ своимъ представляетъ большое сходство съ финляндскимъ бере-

*) Ueber heidnische Gräber Russisch-Littauens, стр. 148.

**) Erläuterungen zur Karte, стр. 99—102.

гомъ, а также съ берегами Ладожскаго оз. Характернымъ для ея могилъ является погребеніе.

Вторая область обнимаетъ Буртнексское оз. и среднее теченіе р. Лифляндской Аа. Но культурѣ своей жители этой области стояли ниже жителей Кундскаго оз. Характернымъ является фактъ отсутствія кремня; орнаментъ на глиняной посудѣ въ общемъ схожъ съ таковымъ-же на посудѣ ладожскихъ обитателей въ каменный періодъ, хотя и развитѣ послѣдняго; сходство орнамента Гревингъ усматриваетъ и въ украшеніяхъ посуды каменнаго вѣка, найденной у Фришгафа и Куришгафа.

Третья область обнимаетъ мѣстности по теченію зап. Двины, между Фридрихштатомъ и Ливенгофомъ, и отрогомъ идетъ по теченію р. Евстѣ. Характернымъ для этой области является сожженіе покойниковъ, какъ напр. въ Ней-Зельбургѣ, гдѣ были найдены 18 сосудовъ съ сожженными костями и просверленный топоръ.

Четвертая область захватываетъ болѣе верхнее теченіе зап. Двины и часть Курляндской губ. по Мемелю и Курляндской Аа. Населеніе этой области въ неолитическій періодъ избѣгало жить по берегамъ большпхъ рѣкъ и скрывалось въ глубинѣ материка.

Пятая область занимаетъ собой береговую часть Курляндіи и нижнее теченіе рр. Виндавы и Абавы. „Здѣсь, пишетъ Гревингъ, были найдены каменные топоры въ могилахъ съ сожженіемъ, относящихся къ раннему желѣзному вѣку балтійскихъ губерній, въ Капсетенѣ и Вензау, а также каменное долото въ могилѣ съ сожженіемъ у Кандау на Абавѣ“.

Раздѣливъ такимъ образомъ балтійскія губ. на 5 областей, Гревингъ указываетъ, что, за исключеніемъ 4-й группы, всѣ остальные вполне соотвѣтствуютъ бывшему нѣкогда распредѣленію финскаго племени. Но, по его мнѣнію, можно 4-ую и 5-ую группу соединить въ одну, если изъ 4-й предварительно выдѣлить область по теченію Курляндской Аа; это оказывается возможнымъ, если обосновать такое отдѣленіе на характерѣ находимыхъ топоровъ. Тогда оказалось-бы, что восточную часть 4-й области можно соединить, на основаніи находокъ, съ областью, занимаемой Ковенской, Виленской и Минской губ. Соединенныя 4-я и 5-я группы дали-бы область, идущую отъ верхней Курляндіи, черезъ среднюю, съ двумя отрогами къ Виндавѣ и Либавѣ. Эта область составила-бы особую часть, населенную въ неолитическую эпоху однимъ и тѣмъ-же племенемъ, по происхожденію своему скорѣе литово-славянскимъ, чѣмъ угрскимъ.

Какъ ни заманчиво можетъ показаться дѣленіе Гревинга, оно едва-ли выдерживаетъ критику; основаніе для этого дѣленія

не всюду достаточно ясно и не одинаково для всѣхъ пяти группъ. Кромѣ того намъ кажется невозможнымъ при, опредѣленіи различныхъ областей, основываться на находкахъ просверленныхъ топоровъ, которые по мнѣнію того-же Гревинга, относятся къ эпохѣ значительно позднѣйшей. Наконецъ, считать тѣ или другія могилы каменнаго вѣка характерными для той или иной области, въ данномъ случаѣ, невозможно, вслѣдствіе отсутствія достовѣрныхъ свѣдѣній объ этихъ могилахъ и недоказанности ихъ принадлежности къ неолитическому періоду. Вообще эта попытка Гревинга внести бѣльшій порядокъ и систему въ дѣло изученія каменнаго вѣка балтійскихъ губ. нельзя считать удачной.

Общій обзоръ древностей каменнаго вѣка въ балтійскихъ губ. приводитъ Гревинга къ убѣжденію, что наиболѣе выдѣляются въ неолитическомъ періодѣ жители древнихъ, наиболѣе удобныхъ путей сообщенія, именно жители морскихъ береговъ, нижняго теченія зап. Двины и народности, жившія въ глубинѣ области, занимаемой современными тремя губерніями балтійскаго края. Въ общемъ, степень культуры тѣмъ выше, чѣмъ дальше мы подвигаемся съ сѣвера на югъ. Съ этимъ утвержденіемъ Гревинга находится въ противорѣчій его-же мнѣніе о болѣе высокой степени культуры древнихъ жителей Кунды, сравнительно съ жителями на берегу Буртнекскаго оз. Это противорѣчіе объясняется тѣмъ, что вышеприведенное утвержденіе основано на изученіи лишь случайныхъ находокъ, причемъ культура обѣихъ неолитическихъ стоянокъ не принята въ расчетъ*). Но и въ настоящее время нѣтъ основаній соглашаться съ мнѣніемъ Гревинга о культурномъ превосходствѣ Кундскихъ жителей; въ пользу своего положенія названный ученый приводитъ лишь фактъ нахождения кремневыхъ орудій западнаго происхожденія въ Кундѣ; но этого факта конечно слишкомъ недостаточно для доказательства культурнаго превосходства Кундскихъ жителей въ виду того, что общій характеръ находокъ на обѣихъ озерахъ скорѣе приводитъ къ противоположному заключенію. Вопросъ о томъ, какой изъ двухъ народныхъ группъ отдать въ культурномъ отношеніи превосходство — Кундской или Буртнексской — можетъ быть рѣшенъ только дальнѣйшими изысканіями, пока-же, повидимому, слѣдуетъ придавать бѣльшее значеніе мнѣнію Гревинга о постепенномъ увеличеніи культуры по направленію отъ сѣвера къ югу, мнѣнію — высказанному имъ до открытія стоянокъ на Кундскомъ и Буртнекскомъ озерахъ.

*) Обѣ стоянки были открыты послѣ того какъ вышеприведенное мнѣніе было высказано Гревингомъ.

Изученіе орудій каменнаго вѣка въ балтійскомъ краѣ не можетъ быть изолировано; для уясненія себѣ культуры неолитическихъ жителей Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губ. необходимо прибѣгнуть къ сравненію. Подобное изученіе привело Гревинга къ слѣдующимъ выводамъ.

Сравненіе находокъ въ Кундѣ и на Буртнекскомъ оз. съ находками каменнаго вѣка на Ладожскомъ оз. указываетъ на большое сходство культуры этихъ стоянокъ; всѣ три стоянки существовали въ одинъ и тотъ-же болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени, причемъ появленіе населенія на Ладожскомъ оз. было по времени раньше, чѣмъ въ двухъ остальныхъ; изъ этихъ послѣднихъ Кундское населеніе древнѣе Буртнекскаго. Это мнѣніе основано не только на изученіи предметовъ и остатковъ фауны, но главнымъ образомъ на геологическихъ данныхъ*).

Далѣе, сравнивая каменные орудія балтійскаго края съ такими-же, находимыми въ Финляндіи**), Гревингъ говоритъ: „Различія въ формѣ и матеріалѣ въ каменныхъ орудіяхъ Финляндіи съ одной стороны и Балтійскихъ губ. съ другой настолько значительны, что нѣтъ возможности считать ни одну изъ народностей, нѣкогда обитавшихъ въ послѣднихъ, за идентичную съ финнами (т. е. современными обитателями Финляндіи). Пока не увеличится матеріалъ изъ Эстляндской губ., не является даже возможнымъ утверждать о существованіи оживленныхъ сношеній между обоими родственными племенами по ту и по эту сторону Финскаго залива. Напротивъ того, каменные орудія, найденныя въ лежащемъ на Курляндскомъ берегу озерѣ Видель, напоминаютъ по формѣ и по матеріалу финляндскія“. Съ другой стороны, на основаніи своего знакомства съ каменными орудіями восточной Пруссіи, Гревингъ считаетъ возможнымъ отбѣнить, что каменные орудія этой послѣдней представляютъ близкое родство съ находимыми въ балтійскихъ губ.

Мы уже выше указывали, что Гревингъ считаетъ фактъ находенія въ Кундѣ кремневыхъ орудій за доказательство бывшихъ сношеній Кундскихъ жителей съ Скандинавіей. Мысль о существованіи сношеній въ неолитическій періодъ между балтійскими губ. и Скандинавіей высказывалась Гревингомъ еще тогда, когда была неизвѣстна Кундская стоянка. Но въ то время онъ, основываясь на случайныхъ находкахъ и на фактахъ находенія просверленныхъ лодкообразныхъ топоровъ, держался мнѣнія, что, если и существовали подобныя сношенія въ тотъ

*) Grewingk: die neolithischen Bewohner von Kunda, стр. 20.

**) Das Steinalter der Ostseeprovinzen, стр. 53, 54, 59.

отдаленный періодъ времени, то они не касались тѣхъ мѣстностей, гдѣ вырабатывались кремневыя орудія т. е. ни Даніи, ни Шонена, ни Борнгольма*). Находки кремневыхъ предметовъ въ Кундѣ привели его къ совершенно противоположнымъ выводамъ. Свойства найденнаго кремня не позволяютъ ему считать его проникшимъ съ востока; изящество формъ заставляеть его также склоняться въ пользу мнѣнія, что кундскія каменные орудія изъ кремня могли проникнуть туда лишь съ западнаго берега Балтійскаго моря. Указывая на то, что наконечники стрѣлъ, подобные тѣмъ, которые были найдены въ Кундѣ, были также найдены и въ восточной Пруссіи и въ Сувалкской губ. равно и въ Даніи и въ Швеціи, Гревингъ говоритъ: „изъ этого ясно, что въ неолитическій періодъ по всей Балтики было распространено высоко развитое производство предметовъ изъ кремня и что существовалъ обнимающій всю Балтику обмѣнъ, въ которомъ принимали участіе и жители Кунды. Путь, которымъ двигался этотъ обмѣнъ изъ западной Балтики, т. е. изъ Рюгена и Шопена, могъ для того, чтобы достигнуть сѣвернаго берега Эстляндіи, направляться либо прямо моремъ, либо черезъ Швецію, Ботническій заливъ, Финляндію, Финскій заливъ какъ сухимъ путемъ такъ и моремъ или по льду, такъ какъ года, въ которые эти заливы не замерзаютъ принадлежатъ къ исключительнымъ. Однако эти сношенія не были очень оживленными, такъ какъ въ принадлежащихъ Россіи частяхъ восточной Балтики количество кремневыхъ орудій западнаго происхожденія очень незначительно**).“

Въ приведенныхъ словахъ Гревинга много ошибочнаго, начиная съ того, что море у береговъ Фипскаго залива замерзаетъ лишь на небольшое пространство отъ берега и не можетъ служить зимой для сообщенія по льду; кромѣ того море чаще вовсе не замерзаетъ, а лишь берега заполняются наноснымъ льдомъ. Далѣе фактъ находки кремневыхъ орудій въ Даніи, восточной Пруссіи, Эстляндской губ. и въ Польшѣ, аналогичныхъ съ находимыми въ Швеціи, еще никакимъ образомъ не можетъ служить доказательствомъ существовавшаго обмѣна между этими странами. Конечно нельзя совершенно отрицать существованіе всякихъ сношеній въ теченіи неолитическаго періода въ балтійскомъ краѣ, но нельзя также не согласиться съ тѣмъ, что данныя, которыми подкрѣпляетъ Гревингъ свое положеніе, слишкомъ слабы и недостаточны, чтобы не оставить никакихъ сомнѣній въ справедливости его мнѣнія. Наконецъ, болѣе естественнымъ кажется

*) ІЬ. стр. 63.

**) Die neolith. Bewohner v. Kunda. стр. 20. 30.

объяснить происхождение кремневыхъ предметовъ, если они дѣйствительно не мѣстнаго производства, путемъ сношеній съ материковыми странами, съ той-же восточной Пруссіей или Польшей, чѣмъ строить бездоказательную гипотезу о сношеніяхъ съ Рюгеномъ и Шоненомъ. Мы имѣемъ между прочимъ на основаніи данныхъ, упоминаемыхъ Гревингомъ-же*), право думать, что далеко не всѣ изъ числа немногочисленныхъ кремневыхъ предметовъ, найденныхъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, могутъ считаться завозными. Найденные *nuclei* краснорѣчиво свидѣлствуютъ о томъ, что мѣстные жители умѣли и сами изготовлять орудія изъ кремня. Въ виду этого факта особенное вѣроятіе получаетъ приведенное выше предположеніе Аспелина, что малое количество кремневыхъ орудій, найденныхъ до настоящаго времени въ балтійскомъ краѣ, объясняется недостаточнымъ вниманіемъ, съ которымъ относились къ находкамъ каменнаго вѣка. Въ виду этого-же факта странно звучать слова Гревинга, который, будучи вынужденъ допустить мѣстное въ краѣ производство орудій изъ кремня, на слѣдующей страницѣ того-же сочиненія, все-же считаетъ возможнымъ говорить, что „неолитическіе жители нашихъ областей восточной Балтики пользовались нѣкоторыми готовыми кремневыми орудіями, принесенными либо, ими самими либо чужестранцами, или они научились искусству обработки кремня виѣ страны или отъ поселившихся въ ихъ странѣ людей и это искусство примѣняли на находимыхъ не часто въ ихъ странѣ кускахъ кремня.“ Сбивчивость миѣній самого Гревинга ярко вырисовывается изъ приведенныхъ цитатъ; невольно кажется, что этотъ вопросъ самому Гревингу представился недостаточно ясно и что онъ самъ не имѣлъ возможности выработать опредѣленнаго взгляда на этотъ вопросъ и былъ вынужденъ, быть можетъ, недостаточностью матеріала, путаться въ мало доказательныхъ предположеніяхъ.

Миѣнія двухъ другихъ извѣстныхъ археологовъ, Аспелина и Ворзаэ, занимавшихся каменнымъ вѣкомъ Россіи и въ частности балтійскихъ губ., также мало даетъ намъ опредѣленныхъ данныхъ. Важно однако то, что оба держатся миѣнія о существованіи въ теченіи неолитическаго періода вліянія Скандинавіи на бытъ неолитическихъ обитателей края, причемъ, однако не отрицается и воздѣйствіе со стороны другихъ странъ.

Ворзаэ**) полагаетъ, что культура каменнаго вѣка принесена финскими народностями изъ ихъ азіатской прародины; они

*) *Erläuterungen zur Karte* стр. 93. Находки мастерской у Свейнека.

**) *Worsaae. — La colonisation de la Russie et du Nord Scandinave.*

распространили эту культуру во всѣхъ мѣстахъ своего жительства, па сѣверѣ Россіи и въ Финляндіи. Доказательства своего мнѣнія названный археологъ видитъ въ сходствѣ предметовъ каменнаго вѣка, найденныхъ въ Финляндіи и па сѣверѣ Россіи, съ таковыми же найденными въ Сибири, на восточномъ берегу Азіи и на западномъ берегу Америки. Впослѣдствіи, достигнувъ Балтійскаго моря, финскія племена вошли въ сношенія съ племенами, населявшими Скандинавію, и подверглись ихъ влиянію.

Мнѣніе Ворзаэ грѣшитъ слишкомъ широкими обобщеніями; нельзя пазвать также удачнымъ соединеніе въ одну группу неолитическихъ древностей, найденныхъ на такомъ огромномъ пространствѣ какъ районъ, граничащій съ Балтійскимъ моремъ на западѣ и заходящимъ въ Америку своей другой границей; вся эта область еще слишкомъ мало изучена; на этомъ пространствѣ жили не одни только финскія племена, а существовали многія культурныя и расовыя различія въ теченіи неолитическаго періода. Во всякомъ случаѣ наука стоитъ еще далеко отъ рѣшенія всѣхъ вопросовъ, которые могутъ возникнуть при изученіи каменнаго періода этой огромной области и, конечно, пройдетъ еще не мало времени, прежде чѣмъ накопится достаточный матеріалъ, который позволитъ приступить къ научному освѣщенію неолитическаго періода на протяженіи этого района.

Аспелинъ*) держится мнѣнія въ корнѣ противоположнаго мнѣнію Ворзаэ. На основаніи найденныхъ предметовъ на сѣверѣ и западѣ Россіи онъ считаетъ возможнымъ раздѣлить эти части Россіи на три области: 1) область, обнимающую Финляндію и Корелію — па западѣ отъ Онежскаго озера; 2) Валтійскія губ. и губ. Витебская, Ковенская, Гродненская и Минская, и 3) область на востокъ отъ Онежскаго оз., ограниченную приблизительно р. Камой на востокѣ и Тверской и Петербургскую губ. на западѣ. Сравненіе предметовъ, найденныхъ въ этихъ областяхъ, съ западно-европейскими, а также мнѣніе В. Радлова, что въ западной Сибири не было найдено слѣдовъ каменнаго вѣка, приводятъ его къ убѣжденію, что культура каменнаго вѣка не принесена финнами изъ Азіи; напротивъ того, что къ финнамъ неолитическая культура занесена съ запада и юга, вѣроятно изъ разныхъ центровъ.

Повторяемъ, что возможности занесенія того или иного вида камешпаго орудія въ балтійскій край — нельзя отрицать; но

*) Aspelin. Sur l'âge de la pierre des régimus finno-ougriennes; см. Congrès inter. d'Anthropologie et d'Archéologie à Stockholm. I. а также: Antiquités du nord Finno-ougrien.

что это положеніе требуетъ еще точныхъ доказательствъ, которыхъ мы не находимъ у названныхъ ученыхъ. Что-же касается до мнѣнія Аспелина, что вся неолитическая культура принесена въ Россію съ запада и юга, то оно намъ кажется одностороннимъ и во всякомъ случаѣ бездоказательнымъ. Слова В. Радлова объ отсутствіи находокъ каменнаго вѣка въ области западной Сибири слѣдуетъ понимать лишь въ томъ смыслѣ, что *до сихъ поръ* не было сдѣлано соотвѣствующихъ находокъ; дѣлать-же изъ этого выводъ о полномъ отсутствіи культуры каменнаго вѣка въ названной области, какъ это дѣлаетъ Аспелинъ, слишкомъ рисковано уже потому, что археологическое изученіе западной Сибири еще далеко отъ своего окончанія и кромѣ того, бывшія тамъ доселѣ изслѣдованія, направлялись преимущественно на изученіе другихъ памятниковъ болѣе поздней эпохи. Мы знаемъ однако, что въ самомъ центрѣ бронзовой промышленности, на Алтаѣ, гдѣ многими принято считать прародину финскихъ племенъ, въ древнихъ мѣдныхъ копяхъ были находимы каменные орудія, служившія для добыванія руды*)

Изъ приведеннаго обзора матеріала и литературы, касающихся каменнаго вѣка въ балтійскихъ губ., явствуетъ, что изученіе неолитическаго періода этихъ губерній не можетъ далеко еще считаться оконченнымъ. Матеріаль частью недостаточенъ, частью слишкомъ недостоверенъ, чтобы позволить дѣлать какія-бы то ни было заключенія. Стоянки въ Кундѣ и на Буртнекомъ оз., которыя могли-бы дать наибольшее количество данныхъ для уясненія быта племенъ, населявшихъ въ теченіи каменнаго вѣка балтійскій край, еще недостаточно изучены; другія упомянутыя стоянки не изучены вовсе. Вопросы, которые представляетъ находимый въ Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губ. неолитическій матеріаль, еще совершенно не разрѣшены и попытки, сдѣланныя къ ихъ разрѣшенію, не могутъ считаться удачными. Лишь послѣ болѣе значительнаго накопленія матеріала и по подробномъ и научномъ изслѣдованіи извѣстныхъ въ краѣ стоянокъ, можно надѣяться на сколько нибудь положительные выводы. Въ настоящее же время дѣлать выводы, по нашему мнѣнію, преждевременно. Единственно на чемъ можно остановиться, это, что въ теченіи неолитическаго періода въ балтійскихъ губ. мы имѣемъ дѣло съ племенами, находящимися на очень низкой ступени развитія, занимавшимися рыболовствомъ и охотой и незнакомыми съ домашними животными. Нельзя также отрицать, что эти племена могли имѣть сношенія со своими сосѣдями,

*) W. Radloff. Aus Sibirien. II. стр. 81.

отъ которыхъ они получали тѣ или иныя орудія — по это положеніе требуетъ еще доказательствъ. Нѣтъ также возможности рѣшить вопроса къ какой племенной группѣ слѣдуетъ отнести неолитическихъ обитателей балтійскихъ губ. — такъ какъ мнѣніе о принадлежности части ихъ къ урало-алтайской группѣ и части къ арійской основано скорѣе на вѣрѣ, чѣмъ на научныхъ данныхъ. Эти и многіе другіе вопросы, которые могутъ возникнуть при изученіи каменнаго вѣка балтійскаго края — могутъ рѣшить лишь дальнѣйшія изслѣдованія, поэтому переходимъ къ остаткамъ, слѣдующаго за каменнымъ вѣкомъ, бронзовому вѣку и посмотримъ какъ отразился этотъ культурный періодъ сосѣдней Пруссіи и Скандинавіи на жителяхъ балтійскихъ губ.

II. Бронзовый вѣкъ. Предметы, относящіеся къ бронзовому вѣку, чрезвычайно рѣдки въ балтійскихъ губ.: всѣ они къ тому-же принадлежатъ къ случайнымъ находкамъ. Могила, несомнѣнно относящихся къ этому періоду, не найдено. До 1884 г. предметы бронзоваго вѣка были извѣстны лишь въ слѣдующемъ количествѣ: 1) бронзовый топоръ (*Hache à ailerong*) на о-вѣ Эзелѣ около Тахюль, 2) бронзовый наконечникъ копья на о-вѣ Монѣ около Віпрукюля; 3) бронзовые остатки щита около Тулы въ Эстляндіи (недалеко отъ Балтійскаго Порта), и 4) два бронзовыхъ топора (*hache à ailerong*) около Альтоны на Двинѣ*). Число находокъ, относящихся къ бронзовому вѣку, насколько намъ извѣстно, съ того времени не увеличилось, если не считать впрочемъ бронзовой цѣпи, найденной въ упомянутой выше могилѣ около Мецикуса. Какъ извѣстно, на эту цѣпь былъ продѣтъ просверленный каменный топоръ; это обстоятельство заставило Гревинга высказать мнѣніе въ пользу того, что эта могила относится къ эпохѣ, въ которую жители балтійскихъ губ. еще продолжали жить въ каменномъ періодѣ, когда ихъ западные сосѣди переживали уже бронзовый вѣкъ и занесли, при помощи сношеній, эту цѣпь въ балтійскій край. Но химическаго анализа, на основаніи котораго можно было-бы опредѣлить, что указанная бронзовая цѣпь относится дѣйствительно къ бронзовому вѣку, а не къ эпохѣ знакомства съ желѣзомъ, не было сдѣлано. Поэтому мнѣніе Гревинга является вполне гадательнымъ; частое же нахожденіе подобныхъ по виѣшнему виду цѣпей въ могилахъ, относящихся къ позднѣйшему періоду — знакомство мѣстныхъ жителей съ желѣзомъ — заставляетъ скорѣе отнести, какъ цѣпь такъ и могилу, къ этому послѣднему чѣмъ къ бронзовому вѣку.

Незначительное число найденныхъ до настоящаго времени

*) Grewingk: Erläuterungen zur Karte, стр. 103.

предметовъ бронзоваго вѣка дѣлаеть невозможнымъ предположеніе о господствѣ его въ балтійскихъ губ., хотя-бы въ теченіи незначительнаго періода времени; мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, которыя нозволили-бы думать, что мѣстные жители перешли отъ каменной культуры къ желѣзной путемъ постепеннымъ, начавъ свое знакомство съ металлами, съ бронзы. Фактъ, что немногочисленные остатки бронзоваго вѣка въ Прибалтійскихъ губ. были найдены всѣ около морскихъ береговъ (кромѣ находки у Альтоны), позволяетъ видѣть въ нихъ случайно занесенные предметы и не даетъ даже права съ увѣренностью говорить о существованіи въ періодъ бронзоваго вѣка, у западныхъ и югозападныхъ сосѣдей балтійскаго края, какихъ нибудь мало-мальски постоянныхъ сношеній съ мѣстнымъ краемъ. Къ тому-же, какъ совершенно основательно опредѣляетъ Гревингъ, бронзовые топоры изъ Эзеля и Альтоны слѣдуетъ отнести къ болѣе древней эпохѣ, а находку около Тулы и наконечникъ копья на Мошѣ къ болѣе новой эпохѣ бронзоваго вѣка*); слѣдовательно, на огромный періодъ, въ который бронзовая культура процвѣтала на западѣ и югозападѣ отъ балтійскихъ губ., на долю этихъ послѣднихъ приходится лишь нѣсколько предметовъ — фактъ, говорящій противъ существованія правильныхъ сношеній между балтійскими губ. и очагами развитія бронзовой культуры. Гревингъ склоненъ видѣть отечество найденныхъ предметовъ въ Скандинавіи, Аспелинъ кромѣ этой послѣдней указываетъ на возможность занесенія ихъ частью изъ сѣверной Германіи, частью изъ Польши; онъ-же отбѣняетъ, что бронзовые предметы, найденные въ Прибалтійскихъ губ., не представляютъ родства съ таковыми-же найденными въ Финляндіи**).

Господство бронзовой культуры, какъ извѣстно, кончается въ сѣверныхъ частяхъ Германіи и въ Скандинавіи около начала нашего лѣточисленія; слѣдовательно, основываясь на вышеприведенныхъ фактахъ, мы съ увѣренностью можемъ сказать, что до начала нашей эры жители Прибалтійскихъ губ. продолжали существовать безъ знанія металловъ, либо, по крайней мѣрѣ, знаніе и употребленіе металловъ было крайне ничтожно и не затрагивало областей, лежащихъ внутри страны на нѣкоторомъ, болѣе значительномъ разстояніи отъ морскихъ береговъ. Если этому, какъ будто, противорѣчитъ фактъ находки двухъ бронзовыхъ топоровъ около Альтоны, лежащей довольно высоко по теченію Двины, то не слѣдуетъ забывать, что Двина давно уже

*) *ib.* стр. 103.

**) *Aspelin: Antiquités du Nord Finno-ougrien, стр. 92.*

служила путемъ къ морю изъ внутреннихъ частей материка, еще въ то время, когда она не приобрѣла еще значенія торговаго пути.

Итакъ современное состояніе нашихъ знаній по доисторической археологіи Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губ. за періодъ, предшествующій I вѣку по Р. Хр. рисуесть намъ этотъ край совершенно изолированнымъ, не принимающимъ никакого дѣятельнаго участія въ общемъ движеніи, которое приводитъ къ пышному разцвѣту бронзовой культуры на западныхъ и южныхъ берегахъ Балтійскаго моря. Сношенія съ сосѣдями, отъ которыхъ древніе жители этихъ губерній могли-бы научиться употребленію металловъ и стать при посредствѣ этого на болѣе высокую культурную ступень, либо вовсе не существовали, либо являлись отрывочными, не оставляя по себѣ замѣтныхъ слѣдовъ въ бытѣ населенія восточнаго берега Балтійскаго моря на югѣ отъ Финскаго залива. Быть можетъ конечно, что дальнѣйшее изученіе археологіи балтійскихъ губ. и приведетъ къ другимъ результатамъ; подробное и серьезное изученіе городищъ, таящихъ въ себѣ исторію древнихъ жителей этихъ губерній, можетъ дать рѣшительный отвѣтъ на вопросъ объ интенсивности сношеній съ заморскими и материковыми областями; но въ ожиданіи ихъ изслѣдованія, мы, вынужденные строить свои положенія на существующемъ матеріалѣ, должны остановиться на предварительномъ выводѣ, что лишь съ началомъ нашей эры завязываются болѣе или менѣе оживленныя сношенія, затрагивающія неолитическихъ обитателей прибалтійскихъ губ., что эти сношенія приводятъ ихъ къ знакомству съ желѣзомъ и что въ балтійскомъ краѣ культура каменнаго періода съ I-го в. по Р. Х. начинаетъ быстро и непосредственно замѣняться культурой желѣзнаго вѣва, къ которому и относится большая часть извѣстныхъ до настоящаго времени древностей края.

Мы считаемъ необходимымъ прежде всего остановиться на городищахъ встрѣчаемыхъ въ больномъ количествѣ, во всѣхъ трехъ губерніяхъ и выяснить то, что сдѣлано до сихъ поръ въ археологическомъ отношеніи для ихъ изслѣдованія.

III. Городища. Число городищъ (Burgberg, Bauernburg и т. д.) извѣстныхъ въ балтійскихъ губ. довольно значительно. Много ихъ извѣстно въ Лифляндской губ.; въ Эстляндской губ. ихъ около пятидесяти; въ губ. Курляндской 100. Слѣдуетъ однако замѣтить, что вѣроятно не всѣ городища еще извѣстны и что число

ихъ въ дѣйствительности значительно больше. Первые описанія ихъ мы встрѣчаемъ еще въ XVIII в., затѣмъ много потрудились надъ изученіемъ городищъ Крузе, Гукъ, Биленштейнъ, Иорданъ и др.*), но и по настоящее время чуть-ли не каждое лѣто мѣстные изслѣдователи наталкиваются на новыя городища — вотъ почему слѣдуетъ полагать, что, выставленные выше цифры, ниже дѣйствительныхъ.

Городища, пѣтъ сомнѣнія, хранятъ драгоцѣнный матеріалъ для изученія быта жителей прибалтійскихъ губ. съ древнѣйшихъ временъ до покоренія края нѣмцами, причемъ у лѣтописцевъ — современниковъ покоренія — мы встрѣчаемъ не мало свѣдѣній о кровавыхъ битвахъ, происходившихъ при взятіи городищъ, о способахъ защиты мѣстными жителями укрѣпленныхъ мѣстъ края, причемъ многіе, упоминаемые лѣтописями, иногда прославленные отчаянными боями мѣста, слѣдуетъ искать въ заброшенныхъ въ настоящее время или запаханыхъ городищахъ. Къ сожалѣнію, однако, этотъ матеріалъ почти что не тронуть рукой изслѣдователя и, погребенныя въ городищахъ наслоенія различныхъ культурныхъ фазисовъ быта мѣстнаго населенія, остаются еще тайной для науки. Этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что вниманіе мѣстныхъ изслѣдователей преимущественно привлекалось могилами, дающими большее количество матеріала при затратахъ меньшаго количества труда, времени и денегъ; далѣе дорого-стоющія раскопки городищъ въ большинствѣ случаевъ были не-подъ силу мѣстнымъ ученымъ обществамъ; наконецъ многія лица, занимавшіяся изслѣдованіями городищъ, имѣли преимущественно въ виду отыскать въ томъ или иномъ городищѣ, упоминаемый лѣтописью, важный въ исторіи XIII вѣка пунктъ. Для нихъ играло наибольшую роль географическое положеніе городища, его размѣры и т. д. — однимъ словомъ всѣ данныя, которыя позволили-бы признать данное городище за идентичный съ упоми-

*) Главныя свѣдѣнія о городищахъ находятся въ 1) Hupel: Topographische Nachrichten von Liv- und Estland (Riga 1774), 2) Nordische Miscellaneen за 1785, 1788, 1794 гг., 3) Inland за разные года, 4) Beiträge z. Kunde Est-, Liv- und Kurlands, 5) Hneck: Notizen über einige Burgwälle der Ureinwohner Liv- und Estlands (въ Verhandl. d. g. Est. G. I. 1), 6) Kruse: Necroponica, 7) Bielenstein: статьи въ Magazin d. lett. liter.-Gesellsch. 1869, I, II и 1872 I, 8) П. Иорданъ: О городищахъ Эстляндской губ. (въ Сб. Свѣд. по геогр. и статистикѣ Эстляндск. губ., 9) въ Sitzungsberichte d. g. Estnisch. Gesellsch и въ Sitzungsber. der Kurländischen Ges. f. Lit. und Kunst за разные годы; особенно работы Юнга, Дѣринга, Полемана, Крюгера, Драхенфелса, Шмита и др., 10) Luce: Beitrag zur ältesten Geschichte der Insel Oesel, 11) Holzmayer: Das Kriegswesen d. alten Oeseler и т. д.

наемымъ лѣтописями. Это послѣднее стремленіе привело къ описанію, болѣе или менѣе подробному, разныхъ городищъ, вслѣдствіе чего наука обладаетъ по крайней мѣрѣ данными, позволяющими будущимъ изслѣдователямъ ориентироваться въ извѣстной степени при новыхъ розысканіяхъ и знать куда преимущественно направить свою работу для освѣщенія, на основаніи городищъ, исторіи края. Независимо отъ мѣстныхъ изслѣдователей, извѣстны нѣкоторыя находки изъ городищъ, обнаруженныя случайно при земляныхъ работахъ, производившихся либо на самыхъ городищахъ, либо въ непосредственной близости ихъ. Но такого рода находки численно настолько незначительны, что не даютъ возможности заглянуть глубже въ бытъ обитателей городищъ въ разныя эпохи того продолжительнаго періода, въ который они служили убѣжищами или мѣстами обитанія жителей балтійскихъ губ.

Начиная обзоръ городищъ съ Эстляндской губ., для которой по этому вопросу мы имѣемъ небольшую, но очень цѣнную и тщательно составленную работу г. Иордана*), мы можемъ подвести всѣ городища этой губерніи подъ 3 группы: 1) городища, извѣстныя только по имени, 2) городища описанныя и 3) городища, въ которыхъ кромѣ того производились еще раскопки или были случайно находимы предметы.

Изъ перечисленныхъ въ трудѣ г. Иордана городищъ Эстляндской губ. большая половина оказывается извѣстной только по имени. Въ Ревельскомъ у. ихъ девять**), въ Вейсенштейнскомъ у. ихъ три***), въ Везенбергскомъ у. — 11†). Изъ городищъ, которыя мы можемъ отнести ко 2-ой группѣ, далеко не относительно всѣхъ имѣются удовлетворительныя свѣдѣнія о ихъ мѣстоположеніи и размѣрахъ. Въ Ревельскомъ у. обращаютъ

*) П. Иорданъ: О городищахъ Эстляндской губ. (въ Сб. свѣд. по географіи и статистикѣ Эстляндской губ. Ревель, 1889).

**) Они находятся въ приходахъ Раппель, Ниссѣ, С. Иоганнисѣ, Кегель, С. Юргенсѣ — по одному; въ Копѣ и Герденѣ — по два.

***) Въ имѣніи Сейдель въ приходѣ Маріенъ Магдалененъ, въ им. Этель въ приходѣ Петри, и въ им. Лехтѣ — въ прих. Ампель. Въ отношеніи городищъ Вейсенштейнскій у. принадлежитъ къ числу наименѣе изслѣдованныхъ; свѣдѣнія о городищахъ этого уѣзда крайне скудны, вслѣдствіе чего есть полное основаніе полагать, что при развитіи изслѣдованій, число ихъ значительно увеличится.

†) Въ им. Оттенкюль около дер. Ависпе, въ приходѣ Геве — им. Эйхенхайнъ, въ прих. Якоби — им. Куркюль, въ прих. Махольмъ — им. Кунда, тамъ-же — им. Вашель, Пѣддесъ и Малла, въ прих. Симонисъ — им. Мюнкенхофъ и Мойзама. Кромѣ того два городища около имѣнія Альтъ-Пзенгофъ, недалеко отъ моря, на Пюхской рѣчкѣ. Впрочемъ, относительно двухъ послѣднихъ г. Иорданъ считаетъ ихъ существованіе не вполне доказаннымъ.

на себя вниманіе своими болѣе значительными размѣрами слѣдующія городища: Варбола, городища около им. Падисъ и Кеденпе. Кромѣ того слѣдуетъ отмѣтить, что одно изъ городищъ, упоминаемое и описанное Гукомъ, около пастората и дер. Кузаль и носившее названіе *Linnaraju*, (буквально: ива города), въ настоящее время исчезло*). Гукъ, говоря объ этомъ городищѣ, отмѣчаетъ, что оно находилось среди болота и часть его была окружена валомъ, сложеннымъ изъ камней, безъ известковой подмазки; валъ обнималъ площадь въ 88 шаговъ длины и 44 шага въ поперечникѣ. Въ Везенбергскомъ у. извѣстно одно городище 2-ой группы, въ Галсальскомъ у. также одно; другое, относительно котораго имѣются свѣдѣнія отъ 1863 г., въ настоящее время исчезло подъ плугомъ; оно находилось на вершинѣ холма, извѣстнаго подъ названіемъ *Tubrimäggi* въ 2-хъ верстахъ отъ Ретельской церкви. Городищъ, въ которыхъ были произведены раскопки или случайно находимы вещи, въ Эстляндской губ. семь, т. е. ничтожное количество сравнительно съ общимъ числомъ извѣстныхъ въ губерніи.

Въ Ревельскомъ у. изъ этой категоріи городищъ особенное вниманіе привлекаетъ Пальферъ (въ приходѣ Кошъ); оно находится на возвышенности, на которой были найдены вложенныя въ ящикъ бронзовыя вѣсы вмѣстѣ съ гирями. Эта находка была уже предметомъ подробнаго разсмотрѣнія со стороны Крузе въ его *Nesrolivonica*. Затѣмъ были произведены раскопки въ городищѣ Лоххо-маалинъ (при им. Лоалъ). Это городище расположено, какъ и предшествующее, на возвышенности; мѣстами сохранились остатки двойнаго вала и рва; валъ сооруженъ изъ земли, перемѣшанной для крѣпости съ известнякомъ; площадь его занимаетъ 1100 кв. саж.; въѣздъ въ городище съ Ю.В. Раскопки, произведенныя здѣсь, были крайне ничтожны и неуспѣшны; предметовъ не было найдено.

Въ Везенбергскомъ у. находится извѣстное городище Туддолинъ; оно расположено среди болота, недалеко отъ береговъ Чудскаго оз. Правильныхъ раскопокъ ни на немъ ни близь него не было произведено. Но въ *Neue nordische Miscelaneen* Гупеля мы находимъ извѣстіе отъ прошлаго столѣтія, что въблизи Туддолина было „найденно много человѣческихъ костей, нѣсколько древнихъ монетъ и замѣчательныхъ глиняныхъ горшковъ съ разными фигурами и чужестранною подписью; въ горшкахъ-же находились различныя орудія“. Къ сожалѣнію, имѣющіяся свѣдѣнія объ этой

*) П. Иорданъ. о. с. стр. 92.

находкѣ, слишкомъ кратки и мало опредѣленные, чтобы имѣть возможность составить себѣ ясное представленіе объ эпохѣ, къ которой слѣдуетъ отнести находку.

Болѣе интересная находка была сдѣлана около городища Аллолинь. На Аллолинь впервые обратилъ вниманіе ученаго міра извѣстный Грейцвальдъ*), съ тѣхъ поръ онъ былъ неоднократно описываемъ, но раскопокъ, насколько намъ извѣстно, не было производимо. Это городище лежитъ въ 3-хъ верстахъ отъ моря и въ 1 верстѣ отъ петербургской дороги; оно представляетъ собой возвышеніе, окруженное болотомъ. Въ 30-хъ годахъ, когда Аллолинь былъ осмотренъ Грейцвальдомъ, стѣна, окружавшая городище, образовывала четырехугольникъ длиной въ 70 саж., шириной въ 35 саж.; высота стѣны была 3—4 фута; она сложена изъ известковыхъ и гранитныхъ камней безъ цемента и покрыта дерномъ. П. Йорданъ даетъ нѣсколько иные размѣры этому городищу: оно имѣетъ, говоритъ онъ, „эллиптическій или кругло-прямоугольный видъ, въ длину 60, въ ширину 25 саж.**)“. При прокапываньѣ въ болотѣ, окружающее Аллолинь, осушительнаго рва, въ 30 саж. отъ городища, на глубинѣ 1—2 футовъ, нашли складъ желѣзнаго оружія, въ количествѣ 83 предметовъ: оружіе было сложено на пространствѣ, имѣвшимъ въ поперечникѣ 6 футовъ, и положено слоями одно на другое. Это были: 48 наконечниковъ копій, почти всѣ ланцетовидной формы съ втулкой для вставляванія рукояти, 22 серповидныхъ клинка, ножъ, небольшой обоюдоострый мечъ, 9 кельтовъ и 2 топора. По мнѣнію мѣстныхъ археологовъ, это оружіе слѣдуетъ отнести къ эпохѣ не особенно древней. Гревингъ***) полагаетъ, что найденное оружіе мѣстнаго производства и относитъ его, вмѣстѣ съ другими мѣстными археологами, къ болѣе новому мѣстному желѣзному вѣку; онъ отмѣчаетъ, что многіе изъ найденныхъ у Аллолиня предметовъ по формѣ своей указываютъ на древнюю эпоху желѣзнаго вѣка, но за-то другія орудія не могутъ быть отнесены къ эпохѣ предшествующей X—XI вв. †).

Въ Галсальскомъ у. было подвергнуто поверхностнымъ раскопкамъ городище Аллмяги, лежащее на возвышенности среди болота, около деревни Ледикюль, въ 5-ти верстахъ отъ Пенальской церкви; городище имѣетъ продолговатую форму, со входомъ съ

*) Inland. 1838. № 36.

**) Йорданъ о. с. стр. 93.

***) Sitzungsber. d. gel. Estn. G. 1886 стр. 163—165.

†) Аналогичныя найденному у Аллолина орудія изображены у Aspelin'a Antiquités du Nord F.-G. стр. 329, № 1732—1740.

южной стороны и занимаетъ площадь въ 400 кв. саж.: на немъ сохранился земляной валъ, на протяженіи болѣе 500 футовъ. Произведенныя раскопки предметовъ не дали.

Въ Галсальскомъ-же у., около имѣнія Ваттель, на возвышенности среди болота, находится почти совершенно круглое городище Линусе (Linnusse); валъ его имѣетъ въ окружности 720, въ поперечникѣ 230 футовъ; онъ покрытъ дерномъ и набросанъ изъ песку съ примѣсью камней. При копаніи рва, въ 2½ верстахъ отъ городища, была обнаружена древняя, вымощенная булыжникомъ, дорога, которая, по предположенію г. Гордана, имѣла цѣлью облегчить сообщеніе между городищемъ и морскимъ берегомъ (расстояніе 6 верстъ), а также съ лежащимъ вблизи о-вомъ Мономъ. Въ окрестностяхъ городища было найдено много древностей, въ особенности въ песчаномъ холмѣ около школьнаго дома дер. Паюма; „особенно большой запасъ такихъ вещей былъ пріобрѣтенъ въ окрестности городища, преимущественно закупкою у крестьянъ по случаю археологической экспедиціи, предпринятой эстляндскимъ провинціальнымъ музеемъ осенью 1866 г. Среди этихъ вещей находились преимущественно цѣпи, кольца, пряжки, плечыя зыстежки, различныя украшенія, а также два бронзовые крестика съ ушками и желѣзные наконечники копій“*).

Въ томъ-же уѣздѣ болѣе подробно извѣстно еще одно городище, лежащее около Фикеля и извѣстное подъ именемъ Сон-тагаа. Оно упоминается еще Гупелемъ, затѣмъ было описано Гукомъ**). Въ 1853 г. оно было подробно осмотрѣно и описано Вендтомъ; этотъ послѣдній не производитъ тщательныхъ раскопокъ и ограничился расчисткой городища и опредѣленіемъ мѣста, гдѣ помѣщался колодезь. Около этого городища были найдены византійскія, арабскія, англосаксонскія, англодатскія, нѣмецкія и нѣ франкскія монеты X—XI вв.; далѣе найдены были вѣсы, которыя по мнѣнію Крузе, основанному на найденныхъ при этомъ гиряхъ, относятся къ тому-же типу какъ найденныя и упомянутыя уже въ Пальферфѣ, а также въ Ашераденфѣ и Трейденфѣ***). Наконецъ около городища были открыты остатки дороги вымощенной бревнами.

Городища, находящіяся въ Эстляндской губ., представляютъ нѣкоторыя отличительныя черты сравнительно съ городищами

*) Горданъ о. с. стр. 95. Найденные предметы хранятся частью въ Ревельскомъ музеѣ, частью въ Юрьевѣ въ музеѣ при уч. Эстонскомъ Обществѣ и относятся къ позднему жел. вѣку.

**) Verhandl. d. G. Estn. G. I.

***) Verhandl. d. G. Estn. G. III. 1.

двухъ другихъ прибалтійскихъ губ. Еще Крузе*) хотѣлъ провести различіе по племенамъ между городищами, изъ которыхъ отъ считалъ одни эстонскими, другіе латышскими; главную отличительную черту онъ усматривалъ въ слѣдующемъ: латышскія городища значительно выше (100—160 футовъ) и образуютъ наверху площадку; эстонскія-же, напротивъ, гораздо ниже, имѣютъ окружающій ихъ валъ (футовъ 20—40 вышины); этотъ валъ заключаетъ довольно обширное пространство, въ серединѣ котораго обыкновенно помѣщается колодезь. Эта попытка Крузе не можетъ считаться удовлетворительною въ настоящее время, когда знакомство съ городищами значительно расширилось. Высота городищъ вообще сильно колеблется, а валы и колодцы были открыты и въ городищахъ латышской части Лифляндской и въ Курляндской губ. Болѣе важное различіе представляетъ, на нашъ взглядъ тотъ фактъ, что въ то время какъ городища Эстляндской губ. скрываются преимущественно среди малодоступныхъ болотъ — городища южной части балтійскихъ губерній кромѣ этого мѣстоположенія занимаютъ часто возвышенныя мѣста на берегу большихъ рѣкъ, либо у ихъ устья, либо по ихъ теченію; такъ извѣстно городище на р. Салисъ; Гукъ перечисляетъ по Двинѣ рядъ городищъ, расположенныхъ почти по всему теченію рѣки въ предѣлахъ балтійскихъ губ. Другое отличіе городищъ Эстляндской губ. отъ находящихся въ Лифляндской и Курляндской губ., такъ сказать историческое. Относительно большинства, находящихся въ Эстляндской губ. древнихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, мы не имѣемъ историческихъ свѣдѣній. Въ лѣтописяхъ мы находимъ болѣе опредѣленные извѣстія лишь о Соонтанѣ и Ревелѣ, который въ своей возвышенной части, т. наз. Вышгородѣ, представляетъ старинное эстонское городище, около котораго группируются народныя сказанія**). Относительно гор. Линуссе около им. Ваттеля были сдѣланы Русвурмомъ попытки привести въ связь имени Ваттеля со скандинавскими сагами***) — попытки, которыя не могутъ быть названы удачными. Относительно упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ другихъ укрѣпленныхъ пунктовъ современной Эстляндской губ. мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній, позволяющихъ искать ихъ въ томъ или иномъ изъ извѣстныхъ намъ городищъ; кромѣ того все они не играли той выдающейся роли, которая выпала въ удѣлъ городищамъ двухъ

*) Necrolivonica стр. 6. Тамъ-же помѣщено нѣсколько плановъ городищъ.

***) Это по народному преданію возвышеніе, сооруженное Линдой надъ могилой мужа — эпического героя Калева.

***) Inland 1863, № 20.

другихъ губ. Борьба ордена кшѣла съ особой силой вокругъ первыхъ мѣстъ поселенія нѣмецкихъ завоевателей; кромѣ того здѣсь, въ губ. Лифляндской и Курляндской, рыцари встрѣтили и болѣе развитое населеніе и болѣе сильный отпоръ; здѣсь же находились и наиболѣе укрѣпленные пункты; многіе города, выстроеншіеся на древнихъ городищахъ, уже существовали въ краѣ въ XIII вѣкѣ (Юрьевъ, Феллинь); другія городища были знамениты какъ главныя оплоты мѣстнаго населенія, какъ напр., извѣстное и нашимъ лѣтописямъ, Оденпэ, (Медвѣжья голова), Ашераденъ, Нейхаузенъ, Зегевольдъ, Сельбургъ, Штаббенъ, Штокмансхофъ, Поле (Pohle) и др., на которыхъ изстари находились укрѣпленія; наконецъ нѣкоторыя служили мѣстопробываніемъ русскихъ князей, съ которыми нѣмецкимъ рыцарямъ пришлось вступить въ бой (Кокенгузенъ, Герцике).

Историческіе факты, связанные со многими изъ городищъ южной части балтійскаго края, усиливаютъ интересъ къ ихъ изученію и мѣстные изслѣдователи не мало потрудились надъ описаніемъ ихъ и надъ отысканіемъ мѣстоположеній тѣхъ городищъ, которые, сыгравъ болѣе или менѣе важную роль въ исторіи края, являются въ настоящее время забытыми (какъ напр. Герцике и др.*). Однако и здѣсь не было произведено правильныхъ раскопокъ и городища Лифляндской и Курляндской губ. являются почти совершенно нетроутыми рукою серьезнаго изслѣдователя. Мы не будемъ касаться тѣхъ городищъ этихъ губерній, которыя могутъ быть подведены подъ указанныя нами для Эстляндской губ. первыя двѣ группы, и перейдемъ прямо къ тѣмъ немногочисленнымъ и здѣсь городищамъ, въ которыхъ были производимы, давшіе хоть какіе-нибудь результаты, раскопки или которыя дали случайныя находки.

Раскопки были производимы нѣсколькими лицами въ городищѣ извѣстномъ подъ названіемъ Лехова (Lehova); оно лежитъ

*) Лѣтописцы XIII в. говорятъ о Герцикѣ какъ о городѣ повидимому большомъ и богатомъ; въ немъ было нѣсколько церквей и покорителямъ города — нѣмцамъ досталась большая добыча. Генрихъ Латышъ говоритъ, что въ Герцикѣ имѣлъ свое пребываніе русскій князь (rex) Wissewald (Всеволодъ?) — вѣроятно удѣльный полоцкій князь. Городъ былъ взятъ нѣмцами въ 1209 г., затѣмъ вторично въ 1214. Городъ былъ повидимому хорошо укрѣпленъ, такъ какъ для взятія его должна была быть употреблена хитрость. Дёрнингъ, спеціально занимавшійся разысканіями мѣста нахождения древняго Герцике, видитъ его въ городищѣ, находящимся на правомъ берегу Двины въ 159 верстахъ отъ Риги, въ мѣстности между Двиной и Шлосбергомъ. Въ самомъ названіи Герцике Пабстъ кажется не безъ основанія видитъ германизацию слова городище. (Sitzungsb. d. Kurländ. Ges. f. Lit. u. Kunst).

въ 2-хъ верстахъ на востокъ отъ имѣнія того-же названія, въ серединѣ небольшого болота. Съ восточной стороны Лехова омывается ручьемъ; это довольно пологій холмъ приблизительно 30 футовъ высоты, по показаніямъ г. Юнга, который совершилъ первыя раскопки, и 17,5 метровъ по показанію г. Тобіена*); длина его 261, ширина 143 фута. При раскопкахъ, произведенныхъ г. Юнгомъ, были обнаружены слѣды большого пожара, остатки домовъ, какъ кажется обращенныхъ лицевой стороной во внутрь городища, и наконецъ слѣды колодезя. Дальнѣйшія раскопки были произведены г. Шиманомъ, которому удалось найти въ городищѣ желѣзный наконечникъ копья, черепки глиняной посуды и обломокъ женскаго бронзоваго украшенія. Это городище, игравшее извѣстную роль въ исторіи края, было впервые отмѣчено г. Юнгомъ; въ предшествующихъ описаніяхъ городищъ Лифляндской губ. оно не упоминается. Въ Курляндской губерніи недалеко отъ Пленя (Ihlen), находится городище, на которомъ, какъ говорятъ, былъ найденъ каменный просверленный топоръ. Хотя съ достовѣрностью и неизвѣстно найденъ-ли упомянутый топоръ дѣйствительно на городищѣ, но не безъинтересно, что народное преданіе населяетъ это городище людьми, жившими еще очень давно, не знавшими вѣры, причемъ оружіемъ имъ служили топоры изъ камня**). Наиболѣе интересна находка, сдѣланная около городища Добенбургъ, вблизи отъ Добесберга (Курляндская губ.); въ 1869 г., при прокапываньѣ канавъ, былъ обнаруженъ складъ желѣзнаго оружія въ количествѣ свыше тысячи предметовъ, а именно: 472 наконечника коній, 186 обломковъ коній, 131 кельтовъ, 40 топоровъ, 13 кирокъ, 14 обломковъ кельтовъ, топоровъ и кирокъ, 2 молота, наковальня и гвозди большихъ размѣровъ, 24 различныхъ предмета неопредѣленныхъ, 3 рукоятки мечей, 6 клинковъ мечей, 67 кусковъ спаянныхъ ржавчиной кусковъ оружія, — всего 1100—1200 желѣзныхъ предметовъ. Кромѣ того были найдены бронзовая шейная гривна изящной работы, 14 браслетовъ бронзовыхъ и желѣзныхъ, одинъ браслетъ серебряный, 9 фибулъ бронзовыхъ и желѣзныхъ, нѣсколько колець, остатки металлической проволоки и около 60 камней, опредѣленной формы челнокообразные, точное назначеніе которыхъ неизвѣстно. По мнѣнію Биленштейна, найденные предметы относятся къ XIII в., къ эпохѣ борьбы ордена за обладаніе краемъ***).

*) Sitzungsber. d. g. e. G. 1880, стр. 138 и слѣд. и 170 и слѣд.

**) Magazin d. Lettisch-Literär. G. 1869, стр. 37.

***) *ibid.* стр. 131.

Богатая находка у Добесберга привлекла конечно вниманіе не только мѣстныхъ изслѣдователей, но и ученыхъ, занимавшихся скандинавскими древностями. Мнѣнія однако раздѣлились и точнаго опредѣленія эпохи, къ которой слѣдуетъ отнести эти предметы, еще не сдѣлано. Монтелиусъ*), лично видѣвшій Добесбергскій кладъ въ Митавскомъ музеѣ въ 1876 г., относитъ его къ древней стадіи желѣзнаго вѣка въ балтійскомъ краѣ т. е. къ эпохѣ отъ I—V вѣка по Р. Х. Онъ находитъ большое сходство между найденными предметами съ находимыми въ Скандинавіи; это сходство усиливается, по его мнѣнію, еще и самымъ способомъ, какимъ оружіе было положено**. Къ другому совершенно выводу приходитъ другой извѣстный археологъ — Ундсетъ; онъ также лично изучалъ эту находку въ бытность свою въ Ригѣ и Митавѣ въ 1879 г. „Сходство между дѣлаемыми въ Даніи находками въ болотахъ и Добесбергскимъ кладомъ, говоритъ онъ, лишь виѣшнее. . . Болѣе внимательное изученіе находокъ исключаетъ однако мысль о болѣе близкомъ соотношеніи и указываетъ на различныя эпохи. Въ находкѣ у Добесберга мечъ и копье имѣютъ форму, которую мы знаемъ вообще изъ эпохи великаго переселенія народовъ; форма топоровъ похожа на франциску. . . . Фибулы указываютъ на болѣе позднюю эпоху. . . . Общій характеръ находки оставляетъ впечатлѣніе, что его слѣдуетъ отнести къ эпохѣ довольно поздней. Позднія формы желѣзныхъ предметовъ дѣлаютъ возможнымъ предположеніе, что вещи были положены не раньше 400 года по Р. Х.“***) т. е. слѣдовательно должны быть отнесены скорѣе къ болѣе позднему періоду желѣзнаго вѣка въ краѣ.

Намъ кажется, что вообще не слѣдуетъ отодвигать въ слишкомъ глубокую древность Добесбергскій кладъ. Старинныя формы оружія несомнѣнно сохранялись среди мѣстныхъ жителей очень долго и въ особенности это сохраненіе должно было длиться долго при туземномъ производствѣ оружія, къ которому слѣдуетъ отнести этотъ кладъ, если и не весь, то во всякомъ случаѣ отчасти, въ виду найденнаго молота и наковальни. Аналогичный фактъ совмѣстнаго находенія болѣе древнихъ формъ оружія съ болѣе поздними, мы уже видѣли въ находкѣ у Аллолина. И если, быть можетъ, было-бы слишкомъ смѣло поставить оба

*) Montelius: Le premier âge de fer. Sitzungsab. d. Kurl. G. f. Lit. u. Kunst 1880 стр. 9.

**) Нѣкоторые предметы этой находки изображены въ его Antiquités suédoises.

***) Sitzungsab. d. Kurländ. G. f. Lit. u. Kunst. 1881. стр. 30.

клада въ одну и ту-же эпоху (въ виду существующихъ между ними различій), тѣмъ не менѣе мы склонны считать аллоинскій кладъ немногимъ развѣ уступающимъ въ древности добесбергскому.

Въ добесбергскомъ кладѣ въ культурномъ отношеніи имѣетъ особое значеніе фактъ находенія молота и наковальни, свидѣтельствующій о существованіи у мѣстныхъ племенъ собственнаго металлическаго производства.

Въ 1892 г. были произведены проф. Хаусманомъ, А. Блленштейномъ и др. раскопки городища Терветенъ, лежащаго въ имѣніи Ховцумбергъ (Курляндск. губ.). Къ сожалѣнію траншея была проведена на небольшое растояніе и неглубоко (длиной 2 саж., шириной 1 футъ, глубиной 2 фута); тѣмъ не менѣе раскопка дала слѣдующіе результаты: было найдено много угля, желѣзные гвозди, спаянный кусокъ бронзы, желѣзный ножъ и бронзовый инструментъ (на подобіе прямогольника) неяснаго назначенія*).

Обращаясь къ о-вамъ Мону и Эзелю, мы находимъ и на нихъ нѣсколько городищъ; Гольцмайеръ**) насчитываетъ слѣдующія: 1) на о-вѣ Монѣ — Линнуссе-маалинъ, называемое такъ по близълежащей дер. Линнуссе. Это почти совершенно круглое укрѣпленіе (190—192 фута въ діаметрѣ); всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что въ этомъ городищѣ слѣдуетъ видѣть древнее, упоминаемое лѣтописями XIII в., укрѣпленіе Моонъ. 2) Пеуде, называемое по близъ лежащей деревни Кахутсъ (Kahhuts), — Кахутсилинъ, овальной формы; въ длиномъ поперечникѣ — 288 футовъ, въ короткомъ — 168 футовъ. 3) Каррисъ около дер. Пурдза. 4) Вольде, въ одной верстѣ отъ пастората Вольде, извѣстно у эстовъ подъ названіемъ Вальяла-малинъ; 5) Кармель. 6) Кергель-мустель, недалеко отъ Кергельской церкви; 7) Килькондъ между килькондской церковью и имѣніемъ Пиддуль; мѣстные эсты называютъ его просто малинъ и 8) Аренсбургъ, построенный на мѣстѣ древняго городища. Относительно всѣхъ извѣстныхъ на о-вахъ Монѣ и Эзелѣ городищъ Гольцмайеръ считаетъ возможнымъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія: 1) Городища Эзельцевъ находились среди болотъ; иногда ихъ окружали еще рвами; 2) валъ, круглый или овальный, воздвигался изъ камней и земли, причемъ иногда пользовались естественными возвышеніями почвы; 3) площадь, замкнутая валомъ лежитъ всегда выше окружающаго пространства; 4) въ каждомъ городищѣ былъ колодезь; 5) Большинство эзельскихъ городищъ имѣютъ два входа, ясно выражен-

*) Sitzungsab. d. Kurl. G. f. L. u. Kunst. 1892. стр. 25, 26.

**) Holzmayer: Das Kriegswesen d. alten Oeseler стр. 36 и слѣд. Городища на Монѣ и Эзелѣ описаны также отчасти Гуккомъ и Крузе.

ныхъ; въ другихъ можно по крайней мѣрѣ намѣтить существованіе вторыхъ воротъ; 6) входы были, повидимому, особенно сильно укрѣплены; 7) на валу помѣщалось еще каменная ограда или деревянный тынъ*). Таковы, въ общихъ чертахъ выводы, которые можно сдѣлать относительно городищъ, находящихся на островахъ; въ большинствѣ перечисленныхъ городищъ раскопокъ не предпринималось вовсе и лишь въ немногихъ были предприняты работы съ цѣлью обнаружить остатки укрѣпленій и колодезь. Наконецъ намъ извѣстно еще городище на о-вѣ Даго около дер. Валлипеа, но оно совершенно неизслѣдовано.

Таковъ въ общихъ чертахъ скудный матеріалъ, даваемый намъ изученіемъ городищъ балтійскихъ губ. Ясно, что эта отрасль археологическихъ памятниковъ края еще ждетъ своего изслѣдователя, и нельзя сомнѣваться, что изученіе городищъ призвано пролить новый свѣтъ на многіе вопросы мѣстной археологии и освѣтить намъ бытъ разноплеменныхъ обитателей балтійскаго края въ его послѣдовательномъ развитіи вплоть до того времени, когда эти оплоты національной свободы пали подъ напоромъ чуждыхъ завоевателей.

Все, что намъ позволяетъ сдѣлать имѣющійся матеріалъ по городищамъ — это отмѣтить лишь нѣкоторыя общія черты въ способѣ ихъ устройства. П. Йорданъ**), суммируя данныя о городищахъ Эстляндской губ. и эстонской части Лифляндской губерніи, говоритъ: „самыя сильныя городища эстовъ были Дерптъ (Tartu), Линданиссе (Ревель) и Феллинъ (Willandi Linn)... Величайшее изъ сохранившихся городищъ Варбола со внутреннимъ пространствомъ приблизительно въ 5000 кв. саж. Затѣмъ, въ нынѣшней Эстляндской губ. по величинѣ слѣдуютъ еще: Аллолинъ съ внутреннимъ пространствомъ въ 1500 приблизительно, Лоальское городище и Ваттельское въ 1000 приблизительно квадрат. саж. Всѣ остальные городища меньше. Изъ уцѣлѣвшихъ городищъ эстовъ на о-вахъ Эзелѣ и Монѣ... кажется, что по величинѣ къ Варболѣ подходитъ Лихолинъ въ приходѣ Кергель... Всѣ городища находятся на возвышенныхъ мѣстахъ, господствующихъ надъ окрестностью, и обыкновенно имѣли естественную защиту, состоявшую или въ рѣкѣ, окружавшей ихъ съ одной стороны, какъ городища Лоаль, Падисъ и Врангельсгофъ, или въ болѣе или менѣе обширныхъ болотахъ, какъ Варбола, Кегель, Кузаль, Аллолинъ, Туддолинъ, Ваттель и Ледикуль, а также и Сонтагана... и городище Каррисъ на о-вѣ Эзелѣ расположены въ болотахъ... Черезъ болото въ случаѣ

*) *ib.* стр. 61.

**) Йорданъ: *о. с.* стр. 98 и 99.

надобности проходила вымощенная камнями дорога какъ въ Варболѣ и Ваттелѣ, или-же бревенчатая мостовая, какъ въ Сонтаганѣ . . .“ Городища иногда окружались рвами „которые, какъ кажется, не всегда были наполнены водою. Валы состояли изъ известняка, который складывался безъ известковой подмазки, но при помощи мха, какъ въ Варболѣ, Аллолинѣ, Врангельсгоффѣ и Кузалѣ, или чаще изъ земли окрестности съ подмѣшанными камнями, или-же ограда сооружалась изъ большихъ гранитныхъ камней, какъ въ Ретелѣ и Эхмесѣ. Каменные ограды безъ известковой подмазки встрѣчаются и на о-вѣ Эзелѣ въ Каррисѣ и на о-вѣ Мошѣ. Иногда передъ главнымъ валомъ простирался еще 2-й, болѣе низкій валъ, вслѣдствіе чего происходилъ пригородъ, какъ въ Лоалѣ. Что прежде въ городищахъ было изъ дерева, то уничтожено огнемъ и временемъ.“ По описаніямъ Генриха Латыша „валы иногда состояли изъ дерева, т. е. крѣпкихъ бревенъ и земли; надъ валомъ выдавались планки и палисады (тынь) . . . Въ большинствѣ городищъ по всей вѣроятности находился колодезь. О такомъ, правда, говорится только въ Вольдѣ, однако слѣды ихъ и до сихъ поръ встрѣчаются еще въ нѣкоторыхъ городищахъ.“ Относительно городищъ латышской части балтійскаго края нѣтъ возможности сдѣлать даже такихъ общихъ выводовъ: число ихъ тамъ значительно больше и въ процентномъ отношеніи они меньше изслѣдованы чѣмъ въ Эстляндской губ., островахъ и сѣверной части Лифляндской губ. Въ общемъ то, что намъ дано бывшимъ до сего времени изслѣдованіемъ городищъ, мало прибавляетъ новаго къ тому, что мы знаемъ, о нихъ изъ лѣтописей XIII в., когда при описаніи взятія городищъ, лѣтописцы давали и свѣдѣнія о ихъ мѣстоположеніи и способахъ укрѣпленія.

Изъ остальныхъ встрѣчаемыхъ въ прибалтійскихъ губ. древностей, изученіе которыхъ можетъ доставить новыя данныя для изслѣдованія быта мѣстнаго населенія въ періодъ господства желѣза слѣдуетъ упомянуть еще о пещерахъ и жертвенныхъ мѣстахъ. Нѣкоторые изслѣдователи думали найти въ краѣ также остатки свайныхъ построекъ, но эта попытка оказалась неудачной; мы считаемъ однако необходимымъ остановиться на ней, въ виду шума, который надѣлала предполагаемая находка свайныхъ построекъ.

IV. Свайныя постройки. Въ Арашскомъ оз., лежащемъ недалеко отъ разваливъ замка Альтъ-Венденъ, были усмотрѣны гр. К. Сиверсомъ въ 1876 г., на глубинѣ 5 футовъ, вбитыя вертикально, заостренные сваи, занимающія круглую площадь, около

300 метровъ въ діаметрѣ; между ними лежали на днѣ еловыя, березовыя и дубовыя балки, доски и другіе куски дерева; надъ этимъ слоемъ была замѣчена глина, камни и были найдены остатки грубой глиняной посуды, а внослѣдствіи нѣсколько бронзовыхъ предметовъ. Гр. К. Сиверсъ не задумался признать въ этихъ остаткахъ слѣды свайныхъ построекъ и отнесъ ихъ къ каменному вѣку. Р. Вирховъ, соглашаясь съ мнѣніемъ, что это дѣйствительно остатки свайныхъ построекъ, полагалъ однако, что они относятся къ періоду знакомства мѣстныхъ жителей съ желѣзомъ и допускалъ возможность, что они продолжали существовать вплоть до прихода нѣмцевъ въ край. Сопоставляя извѣстныя въ восточной Пруссіи свайныя постройки, относящіяся къ желѣзному вѣку, съ упомянутой на Арашскомъ оз., Вирховъ соединилъ ихъ въ одну группу подъ названіемъ славяно-латышской въ противоположность швейцарской, южногерманской, итальянской и др. группъ паллафитовъ. Такимъ образомъ, существованіе свайныхъ построекъ въ балтійскомъ краѣ казалось установленнымъ.

Противъ этого возсталъ Гревингъ; по его мнѣнію нѣтъ основаній относить найденныя въ Арашскомъ оз. постройки къ эпохѣ, предшествующей XIII в.; найденные предметы напротивъ указываютъ на значительно позднѣйшее время; такъ глиняный предметъ, который обратилъ особое вниманіе изслѣдователей, по мнѣнію Гревинга, оказывается грузиломъ, употребляемымъ и въ настоящее время при ловлѣ рыбы сѣтми. Бронзовыя фибулы и булавки Арашскаго оз. встрѣчаются въ могилахъ XV и XVI вв. Найденныя остатки костей животныхъ также не позволяютъ заключить о глубокой древности постройки. Кости свиньи, лошади, рогатаго скота заставляютъ считать эту постройку болѣе новаго происхожденія; находка костей бобра не противорѣчитъ этому, такъ какъ названное животное служило предметомъ охоты еще въ текущемъ столѣтіи и не было рѣдкостью лѣтъ за 200. Гревингъ считаетъ болѣе естественнымъ объяснить постройку на Арашскомъ оз. — за остатки плохо укрѣпленнаго складочнаго мѣста новѣйшаго времени*).

Мнѣніе Гревинга вызвало возраженія, и полемика продолжалась до тѣхъ поръ, пока пасторъ Райсонъ не опубликовалъ, что онъ, будучи еще студентомъ, посѣтимъ въ концѣ 20-хъ годовъ Арашское оз., и что ему тогда мѣстные жители объяснили, что постройка въ озерѣ очень недавняго происхожденія и была произведена съ цѣлью украситъ озеро небольшимъ островомъ при

*) *Sitzungsb. d. G. Estn. G. 1879. стр. 200—202*

устройства сада*). После этого заявленія вопросъ о существованіи свайныхъ построекъ на Арашскомъ оз. не поднимался больше, другихъ-же не было найдено.

V. Пещеры. До настоящаго времени въ прибалтійскихъ губ. ихъ извѣстно немного. Онѣ совершенно еще не изслѣдованы и положеніе, которое онѣ занимаютъ въ мѣстной археологіи, не достаточно еще опредѣлено. Пещеры упоминаются еще Крузе и Гуккомъ**). Въ общемъ, повидимому, представляется возможнымъ раздѣлить ихъ на двѣ группы: пещеры, служившія для жертвоприношеній и пещеры, служившія убѣжищемъ для мѣстнаго населенія въ случаѣ опасности; первыя, если судить по имѣющимся даннымъ, повидимому, сосредоточиваются въ болѣе южныхъ частяхъ прибалтійскаго края, вторыя въ болѣе сѣверныхъ. Гукъ перечисляетъ слѣдующія, извѣстныя ему пещеры: 1) около Торгеля на Периавскомъ ручьѣ, 2) такъ называемая Чертова пещера около Салисбурга на правомъ берегу Салиса, 3) пещера на лѣвомъ берегу этой же рѣки около Кольберга, 4) нѣсколько пещеръ около Салиса-же, служившихъ древнимъ ливамъ при ихъ жертвоприношеніяхъ, 5) около Кремена т. паз. Гутманская пещера, 6) Чертова пещера около Линдехофа, 7) Петровская пещера (Petershöhle) около Зегевольда и 8) пещеры около Коддѣрва на одномъ изъ южныхъ притоковъ Эмбаха. Кромѣ того известны пещеры около Ермесь, Дондангена, Верро и др.

Большая пещера была открыта около Аррокюля, недалеко отъ Юрьева, въ 1844 г. Она представляетъ низкіе и узкіе переходы, выкопанные въ песчаномъ грунтѣ перемежающіеся съ обширными пространствами, въ которыхъ для предупрежденія обваловъ оставлены земляные-же столбы. Крузе, подробно осмотрѣвшій эту пещеру полагаетъ, основываясь на приблизительномъ расчетѣ, что площадь, занимаемая ею равняется 560,000 квад. футамъ, причемъ число колоннъ достигаетъ приблизительно 15,000***). Въ настоящее время, какъ говорятъ, Аррокюльская пещера въ значительной степени пострадала отъ обваловъ. Крузе, въ объясненіе происхожденія ея, высказалъ предположеніе, что она была выкопана съ цѣлью добыванія песка при постройкѣ Юрьева, въ періодъ нѣмецкаго господства. Противъ этого мнѣнія возсталъ Крейцвальдъ. Онъ указывалъ на то, что входы въ пещеру настолько низки, что по нимъ приходится пробираться почти что ползкомъ:

*) Sitzungsber. d. Kurl. Ges. f. Lit. u. Kunst 1879. стр. 27.

**) Necrolivonica и Hueck: Notizen въ Verh. d. G. Estn. G. 1. стр. 64.

***) Inland. 1844 № 41.

выносить песокъ, слѣдовательно, было бы почти что невозможно. По его мнѣнію, эта пещера очень древняя и принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ древніе эстонцы спасались отъ набѣговъ непріятелей. Аналогичныя пещеры были впослѣдствіи указаны въ разныхъ мѣстностяхъ Эстляндской губ. Свое мнѣніе Крейцвальдъ старался подтвердить ссылкой на народныя преданія. Въ Везенбергскомъ у. ему удалось записать слѣдующую, проливающую извѣстный свѣтъ на вопросъ объ Аррокюльской пещерѣ, легенду. Въ древнее время, рассказываютъ эстонцы, во многихъ мѣстахъ выкапывались подземныя убѣжища, въ которыхъ жили дѣти, старики и безоружныя женщины въ то время, когда мужчины, способные носить оружіе, выходили въ походъ противъ враговъ. Такія убѣжища особенно охотно выкапывали въ песчаныхъ горахъ, недалеко отъ рѣкъ и озеръ, причемъ убѣжища соединялись тайнымъ ходомъ съ берегами послѣднихъ. Иногда убѣжища устраивались близъ моря въ мѣстностяхъ, гдѣ были ключи съ прѣсной водой. Близость воды требовалась по двумъ причинамъ: не только жители пещеръ получали такимъ образомъ воду для питья, но присутствіе воды было особенно необходимо при самомъ устройствѣ подземнаго убѣжища. Изъ подземныхъ ходовъ выносили песокъ въ мѣшкахъ и бросали его въ воду, либо въ непосредственной близости отъ пещеры, либо на нѣкоторомъ разстояніи. Работу производили въ мирное время, причемъ въ работѣ принимали участіе всѣ, и старики и дѣти. Мѣсто нахождения подобнаго убѣжища хранили въ глубокой тайнѣ; въ немъ запрещалось подъ страхомъ смертной казни разводить огонь*).

Къ пещерамъ служившимъ убѣжищемъ для мѣстнаго населенія Крейцвальдъ относилъ какъ находящуюся около Верро на берегу р. Воо, а также пещеру, находящуюся въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ отъ нея**). Какъ кажется къ этому-же типу пещеръ слѣдуетъ отнести и описанную гр. Сиверсомъ пещеру около Салисбурга. Около нея были произведены гр. Сиверсомъ раскопки, причемъ въ двухъ мѣстахъ, на глубинѣ 1½—2, 3 метровъ были обнаружены слои угля, что привело его къ заключенію, что здѣсь были слѣды жилищъ. Подробнаго изслѣдованія не было произведено***).

Вопросъ, объ Аррокюльской пещерѣ такъ и остался однако

*) Inland. 1844. № 44.

***) Kreuzwald: Mittheilungen über alte Gräber in der Umgegend Werros. въ Archiv f. Geschichte Liv-, Ehst- u. Kurlands 1851. стр. 96—99.

***) Verhand. d. Berliner G. f. Anthropologie 1875.

неразрѣшеннымъ; другія же извѣстныя пещеры не подвергались не только точнымъ изслѣдованіямъ, но даже и измѣреніямъ. Въ послѣдующее время было, дѣйствительно, указано нѣсколько пещеръ въ разныхъ частяхъ края, но опредѣлить являются-ли онѣ новаго или древняго происхожденія не представляется возможнымъ; нѣтъ поэтому также возможности опредѣлить роль, которую онѣ играли въ доисторическій періодъ жизни обитателей балтійскаго края. Наконецъ относительно большинства пещеръ нѣтъ достаточно опредѣленныхъ данныхъ, позволяющихъ отнести ихъ безошибочно къ той или иной изъ двухъ упомянутыхъ нами группъ пещеръ, имѣвшихъ значеніе до покоренія края нѣмецкими рыцарями. Эта категорія древностей доисторической археологіи края еще ждетъ своего изслѣдователя.

VI. Жертвенныя мѣста. Подъ этимъ названіемъ мы понимаемъ извѣстную группу памятниковъ, имѣющихъ отношеніе къ археологіи балтійскихъ губ., исключая тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣли или имѣютъ значеніе жертвенныхъ мѣстъ въ этнографическомъ смыслѣ слова; мы слѣдовательно будемъ разсматривать только такія жертвенныя мѣста, которыя на основаніи чисто археологическихъ данныхъ даютъ возможность уяснить культурный бытъ мѣстнаго населенія. Слѣдуетъ однако замѣтить, что само названіе „жертвенныхъ мѣстъ“ не вполне удовлетворительно, такъ какъ памятники, понимаемые подъ этимъ названіемъ, еще недостаточно изслѣдованы и значеніе ихъ какъ мѣстъ, на которыхъ приносились жертвы, не всегда достаточно доказано. Мы сохранили тѣмъ не менѣе это наименованіе съ одной стороны, потому что за ними оно утвердилось въ мѣстной археологической литературѣ, съ другой, потому, что многія изъ нихъ имѣютъ, по видимому, отношеніе къ культу умершихъ и слѣдовательно, если и не являются въ узкомъ смыслѣ слова жертвенными мѣстами, то въ смыслѣ болѣе широкомъ могутъ считаться таковыми. Казалось-бы болѣе удобнымъ разсматривать ихъ въ связи съ могильными памятниками, тѣмъ болѣе что большинство ихъ находится дѣйствительно въ недалекомъ разстояніи отъ древнихъ мѣстъ погребенія, но до сихъ поръ еще недостаточно уяснена ихъ взаимная связь съ погребальными мѣстами, часто даже они относятся къ совершенно другой эпохѣ, чѣмъ близъ лежація могилы; эти соображенія побудили насъ выдѣлить т. наз. жертвенныя мѣста въ особую группу.

Всѣ памятники, подразумеваемые нами подъ названіемъ жертвенныхъ мѣстъ, могутъ быть раздѣлены на слѣдующія двѣ главныя группы: круги изъ камней и камешныя кучи.

Круги изъ камней впервые были подробнѣе изслѣдованы пасторами Биленштейномъ и Райсономъ въ мѣстности, лежащей недалеко отъ Гроссъ-Ауцъ, въ $\frac{1}{4}$ версты отъ Элизенхофа, при дорогѣ ведущей въ Бененъ. Около дороги возвышался холмъ, при снѣтїи котораго были обнаружены на глубинѣ $\frac{1}{2}$ —1 фута отъ поверхности 17—20 круговъ и четырехугольниковъ, образованныхъ положенными камнями. Размѣры ихъ были различны; раскопки въ предѣлахъ пространствъ, обложенныхъ камнями, обнаружили золу и угли, но ни костей ни вещей не было найдено. Биленштейнъ высказалъ предположеніе, что обложенныя камнями пространства служили для сожженія мертвыхъ, причемъ каждая семья сжигала своихъ покойниковъ въ опредѣленномъ ей кругѣ или четырехугольникѣ*).

Впослѣдствїи Гревингъ суммировалъ данныя относительно круговъ изъ камней и обратилъ особое вниманіе археологовъ на интересъ, представляемый ихъ изслѣдованіемъ**). Относительно мнѣнія Биленштейна о значенїи открытыхъ около Элизенхофа круговъ изъ камней Гревингъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что отсутствіе костей и предметовъ дѣлаетъ вопросъ о совершенномъ здѣсь труносожженїи спорнымъ; кромѣ того нѣкоторые изъ изслѣдованныхъ Биленштейномъ круговъ и четырехугольниковъ производятъ впечатлѣніе, какъ будто зола и уголья были намѣренно разсыпаны внутри огороженнаго камнями пространства и впослѣдствїи засыпаны землей. Какъ относительно этихъ, такъ и относительно другихъ подобныхъ круговъ изъ камней, онъ склоненъ думать, что они въ языческую эпоху „служили для совершаемой въ память умершихъ тризны, для жертвоприношеній и для другихъ обрядовъ, встрѣчающихся при заключенїи союзовъ, при судоговоренїи и пр.“. Онъ отмѣчаетъ круги изъ камней въ слѣдующихъ мѣстахъ. Въ Вольмарскомъ у. въ 2-хъ миляхъ отъ Вендена, около озера Икуля; почти на берегу его находится, шагахъ въ 150 отъ могильника съ погребеніемъ, небольшое возвышеніе, фута въ два высоты и въ діаметрѣ футовъ 25—30; это возвышеніе окружено кольцомъ изъ камней, поставленныхъ такъ, что камни не соприкасаются. При раскопкѣ пространства, окруженнаго камнями оказался почти непосредственно подъ верхнимъ слоемъ довольно равномерный слой, толщиной въ 4 дюйма, песку, перемѣшаннаго съ золой и маленькими

*) Magazin d. lettisch-litt. G. XIII, XIV; Sitzungs. d. Kurl. G. f. L. u. Kunst. 1865.

**) Sitzungs. d. g. Estn. G. 1876. стр. 60—65.

кусками углей; ближе къ западному концу уголь былъ находимъ въ болѣе значительныхъ размѣрахъ, что позволяло сдѣлать предположеніе о существованіи здѣсь кострища. Были найдены: зубъ лошади, кости рогатаго скота, черепки грубой глиняной посуды, просверленное точило, щипцы, два желѣзныхъ наконечника копья безъ слѣдовъ пребыванія этихъ предметовъ въ огнѣ. Въ виду того, что указанныя предметы часто встрѣчаются въ близъ лежащихъ могилахъ не можетъ быть сомнѣнія, пишетъ Гревингъ, что кругъ изъ камней имѣетъ отношеніе къ могиламъ; здѣсь вѣроятно справлялась тризна. Этотъ кругъ изъ камней принадлежалъ, по его мнѣнію, болѣе бѣдному населенію и служилъ такъ сказать общественнымъ мѣстомъ поминовенія. Приблизительно въ верстѣ на ЮЮВ. отъ него находятся еще 8 подобныхъ-же каменныхъ круговъ (35—60 футовъ въ поперечникѣ), которые, какъ полагаетъ Гревингъ, служили мѣстами поминовенія для отдѣльныхъ семействъ.

Круги изъ камней находятся приблизительно въ 3 миляхъ на югъ отъ г. Вендена, на южномъ берегу небольшого Кайкунскаго оз. (*Kaikuhn-See*). Здѣсь они также расположены недалеко отъ могилъ съ погребеніемъ: эти послѣднія находятся на сѣверномъ берегу озера и извѣстны подъ названіемъ *Leishu-kappi* т. е. литовскихъ могилъ. Каменныхъ круговъ здѣсь три; они поднимаются на 2—3 фута надъ окрестностью: ихъ діаметръ 20—35 футовъ; здѣсь камни, окружающіе возвышенія, пригнаны плотно другъ къ другу и образуютъ стѣну; при раскопкахъ, во всѣхъ трехъ кругахъ, обнаруженъ былъ на глубинѣ 1—2 футовъ слой угля и соли (толщиной въ 4 дюйма). При изученіи круговъ изъ камней около Кайкунскаго оз., пишетъ Гревингъ, еще больше убѣждается въ мысли, которая появляется уже при разсмотрѣніи находящихся на берегу оз. Икуля, что зола и кусочки угля не находятся на мѣстѣ, гдѣ былъ сожженъ костеръ; напротивъ того кажется, что сюда сносили и вытряхивали золу и уголья, взятые изъ другого мѣста.

Далѣе подобный-же каменный кругъ находится приблизительно въ 3 миляхъ на ЮЗ. отъ оз. Икуль и въ 4-хъ миляхъ на З. отъ Кайкунскаго оз. недалеко отъ извѣстнаго Кремонскаго могильщика; этотъ кругъ состоитъ изъ камней несоприкасающихся другъ съ другомъ; діаметръ его около 20 футовъ; на глубинѣ $\frac{1}{2}$ фута кругъ оказался частью замощеннымъ камнемъ до глубины 4 футовъ; дальнѣйшія раскопки обнаружили лишь немного золы; едва-ли можно сомнѣваться, говоритъ Гревингъ, что это мѣсто имѣло отношеніе къ языческому культу, а также быть можетъ

служило мѣстомъ, гдѣ закалывались приносимыя въ жертву животныя. Къ этой-же категоріи древностей слѣдуетъ, повидимому, отнести описанный Гревингомъ-же небольшой, плоскій, песчаный холмъ, вышиной 5 футовъ и 36 футовъ въ поперечникѣ, находящійся въ 2-хъ верстахъ на югъ отъ почтовой станціи Роопъ, на западъ отъ оз. Икуль. Холмъ однако не былъ окруженъ камнями, что быть можетъ объясняется тѣмъ, что камни были свезены мѣстными жителями для своихъ нуждъ. На восточной сторонѣ холма, футовъ въ 9-ти отъ его края, находился поставленный стоймя, столбообразный камень 4½ футовъ высоты; въ серединѣ холма на глубинѣ немного больше фута находился слой золы и угля (толщиною въ 6 дюймовъ) перемѣшанный съ пескомъ. Надъ этимъ слоемъ, приблизительно въ серединѣ холма, лежали въ безпорядкѣ человѣческія кости, безъ слѣдовъ пребыванія въ огнѣ, а также бронзовый браслетъ и другіе небольшіе остатки бронзовыхъ предметовъ.

Два круга изъ камней были открыты въ имѣніи Гольстферсхофъ, въ приходѣ Пайстель; въ одномъ изъ нихъ былъ найденъ также слой золы и угля, кости и кусочки бронзовыхъ предметовъ; отличіе этихъ круговъ отъ выше описанныхъ заключается въ томъ, что камни, окружающіе холмъ, составляли двойной рядъ*).

Наконецъ два памятника схожихъ съ кругами изъ камней были найдены въ Юрьевскомъ у., въ приходѣ Нюнгенъ, около Уннипахта; они овальной формы (21 футъ длины и 12 ф. ширины); въ нихъ были найдены предметы, относящіеся къ болѣе древней эпохѣ, однако не раньше VI ст. по Р. X.

Гревингъ, на нашъ взглядъ, идетъ слишкомъ далеко въ объясненіи значенія круговъ изъ камней. Современное состояніе матеріала, который мы имѣемъ по этому вопросу, не позволяетъ высказывать рѣшительнаго мнѣнія, къ чему собственно служили эти круги изъ камней. Мы можемъ поэтому присоединиться къ мнѣнію Гревинга лишь постольку, поскольку онъ полагаетъ, что эти круги стояли въ соотношеніи съ языческимъ культомъ; по совершалась-ли на нихъ тризна, приносились-ли здѣсь жертвоприношенія и закалывались-ли животныя, служили-ли они, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, мѣстами, на которыхъ предавались сожженію умершіе, какъ это думаетъ Вилленштейнъ, и не попали-ли, находимые въ нихъ кости и предметы, впоследствии, въ болѣе

*) Hartmann: Das Vaterländische Museum zu Dorpat. 266; Tab. XIX, 41.

**) Sitzungsb. d. g. est. G. 1883, стр. 153, 159.

позднюю эпоху — все это вопросы, на которые могут дать удовлетворительный отвѣтъ лишь дальнѣйшія изслѣдованія.

Каменныя кучи извѣстны въ балтійскомъ краѣ нѣсколько. Одна изъ нихъ около Славека, недалеко отъ оз. Штранте, была изслѣдована г. К. Сиверсомъ въ 1875 г. Она расположена недалеко отъ могильника съ сожженіемъ; діаметры ея: по направленію сѣвера на югъ — 17,48 метровъ; съ запада на востокъ — 18,60 метровъ. При разворачиваніи камней гр. Сиверсъ нашелъ большое количество бронзовыхъ и серебряныхъ фибулъ, характерныхъ для могилъ, относящихся къ древней стадіи желѣзнаго вѣка края, и въ частности съ найденными въ близъ лежащемъ могильникѣ; особенный интересъ имѣютъ серебряная и бронзовая фибулы, украшенныя эмалью. Далѣе были найдены бусы, черепки глиняной посуды и т. д. и наконецъ въ беспорядкѣ человѣческія кости, исключительно ручныя и ножныя. Гр. Сиверсъ полагалъ, что въ этой каменной кучѣ слѣдуетъ видѣть мѣсто, на которомъ приносились жертвы, въ томъ числѣ и человѣческія, и приписывалъ ихъ той-же народности, которой принадлежатъ и близъ лежащія могилы*).

Каменная куча была изслѣдована въ приходѣ Кашанѣ, Юрьевскаго у. Это почти что яйцевидный холмъ, составленный изъ наброшенныхъ камней; по словамъ мѣстныхъ крестьянъ, эта каменная куча прежде поднималась на 4 фута, но постепенно съ нея брали камни и ко времени, въ которое она была изслѣдована, она представляла лишь 3—4 слоя камней; камни различной величины — и нѣкоторые, самые большіе, имѣли 3 фута въ поперечникѣ; у основанія кучи, какъ кажется, они были положены нагнѣренно очень близко другъ отъ друга для сохраненія первоначальной формы. При раскопкѣ были найдены разные металлическіе предметы, указывающіе на то, что въ этой каменной кучѣ оставляли слѣды мѣстные жители въ различные періоды ихъ культурнаго развитія**).

Около озера Вѣрціерва (въ верстѣ отъ берега) при дер. Реума находится большая каменная куча (16½ саж. длины и 12 саж. ширины); она была изслѣдована Вюнеромъ, которому удалось найти среди золы и угольевъ слѣдующіе предметы: 1) желѣзный мечъ, 2) таковыя-же лезвія ножей, часто встрѣчаемыя въ различныхъ могилахъ болѣе поздней стадіи желѣзнаго вѣка, 3) нѣсколько бронзовыхъ предметовъ: булавки и подковообразныя

*) Sievers: Bericht über die archäologischen Untersuchungen въ Verh. d. g. est. G. VIII, 3.

**) Sitzungsbl. d. g. est. G. 1877, стр. 133.

фибулы, которая особенно часты въ болѣе позднихъ могилахъ съ погребеніемъ *).

Подобныя-же каменные кучи извѣстны въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) двѣ въ им. Рамкау, на лѣвомъ берегу Аа; 2) въ Феллинскомъ у. около Пайусъ, извѣстныя подъ названіемъ Сарупу-меги; 3) въ Юрьевскомъ у. двѣ, вышиной въ 1½ сажени, въ приходѣ Лайсъ, между Ришока и Кеола; 4) въ Эстляндской губ., въ Ревельскомъ у. около Муналасъ **). Впрочемъ, такъ какъ указанныя каменные кучи еще не подвергались изслѣдованіямъ, то и сказать съ увѣренностью, что онѣ относятся къ той-же категоріи памятниковъ, какъ и вышеописанныя, невозможно.

Особенный интересъ представляетъ каменная куча въ Ушпихтѣ, въ Юрьевскомъ у., въ приходѣ Нюггенъ, изслѣдованная Гревингомъ, такъ какъ она, какъ кажется, сдѣлалась мѣстомъ языческаго культа лишь впоследствии. Эта каменная куча представляла овалъ въ 105 футовъ длины и 81 футъ ширины; раскопки, кромѣ уже извѣстныхъ при изслѣдованіяхъ каменныхъ кучъ данныхъ, обнаружили подъ нею двѣ могилы съ сожженіемъ, причемъ кости покоились на кострищѣ, которое въ свою очередь было обложено камнями, а впоследствии покрыто землей и набросанными камнями. Могилы эти Гревингъ склоненъ отнести къ первымъ вѣкамъ по Р. Х.; но найденныя между камнями предметы, заставляють его думать, что это мѣсто служило мѣстомъ особаго почитанія для мѣстныхъ жителей въ теченіи многихъ вѣковъ ***).

Гревингъ, еще до открытія каменной кучи въ Ушпихтѣ, допускалъ, что онѣ могли возникнуть изъ могилъ, но что впоследствии онѣ являлись мѣстами, въ которыя складывались въ память усопшихъ или по другимъ причинамъ различные предметы и камни †). Это мнѣніе подтверждается въ значительной мѣрѣ и народными преданіями, относящимися къ подобнымъ каменнымъ кучамъ. Такъ латыши около оз. Штраите называютъ эти каменные кучи не только „чертовыми могилами“ или „чертовыми кучами“ но придаютъ имъ еще названіе „мѣста покаянія“; каждый грѣшникъ, говоритъ легенда, долженъ былъ принести камень, по тяжести соотвѣтствующій тяжести содѣяннаго грѣха. Видеманъ сообщаетъ, что каменные кучи у эсто-

*) *Sitzungsb. d. g. est. G.* 1876, стр. 212.

**) *ib.* стр. 98.

***) *ib.* 1883, стр. 153 и слѣд.

†) *ib.* 1878, стр. 196.

цевъ возникли изъ обычая, по которому всякій, прежде чѣмъ предпринять далекое путешествіе, сжигалъ какую нибудь жертву и мѣсто обкладывалъ и засыпалъ камнями. Эзельскіе эстонцы воздвигали каменные кучи на мѣстахъ, гдѣ было совершено какое нибудь преступленіе, причемъ каждый, проходящій мимо такого мѣста, долженъ былъ бросить на него камень, палку, крестъ или какой нибудь предметъ; кромѣ того эзельскіе же эсты устраиваютъ кучи изъ камней въ ознаменованіе дѣлаемыхъ важныхъ общинъ*). Г. Юнгъ приводитъ слѣдующія легенды, ходящія о происхожденіи каменныхъ кучъ. Нѣкоторыя изъ нихъ приписываются дѣятельности черта; такъ напр. рассказываютъ, что чертъ (или „чертова дѣвица“) хотѣлъ построить мостъ черезъ Вюрціервъ и собралъ для этого камни, но испугавшись гніія пѣтуха, уронилъ ихъ, отъ чего и образовалась куча. Другое преданіе гласитъ, что два человѣка, хорошо игравшіе на волынкѣ, побились объ закладъ, что они проведутъ отрядъ воиновъ отъ Пернова до Юрвева не переставая играть на своемъ инструментѣ; но они не выдержали и „лопнули“ одинъ у Виллефера, другой у Архмы. Надъ ихъ могилами населеніе наложило камни, отчего и образовались большія кучи; происхожденіе кучъ объясняется и эстонцами обычаемъ натаскиванья камней для искупленія грѣховъ. Наконецъ народное преданье объясняетъ ихъ происхожденіе то неудавшимися попытками построенія церквей, причемъ камни, образующіе кучи, предназначались для постройки, то тѣмъ, что на этихъ мѣстахъ церковь провалилась и что до настоящаго времени слышенъ бываетъ колокольный звонъ, то тѣмъ, что каменные кучи насыпаны надъ могилами, которые зорко охраняются отъ людей подземными духами**).

Въ приведенныхъ преданіяхъ сказывается несомнѣнно воспоминаніе о религіозномъ значеніи, которое въ языческое время имѣли эти каменные кучи. Они еще больше подтверждаютъ мнѣніе, что съ названными памятниками тѣсно были связаны нѣкоторые обряды языческаго культа; фактъ нахожденія большинства ихъ въ большей или меньшей близости отъ могилъ невольно приводитъ къ заключенію, что онѣ стояли, вѣроятно, въ тѣснѣйшей связи съ культомъ умершихъ и что изученіе ихъ должно пролить извѣстный свѣтъ и на изученіе погребальнаго ритуала древнихъ обитателей балтійскихъ губ. Находимые въ каменныхъ кучахъ предметы обихода позволяютъ дополнить наши свѣдѣнія о куль-

*) ib. 1876, стр. 101, 102.

**) ib. 1878, стр. 195, 196.

турѣ мѣстныхъ жителей за разныя періоды ихъ развитія, сравнительно съ тѣмъ, что намъ дается изученіемъ могилъ. Вотъ почему было-бы необходимо изучать каменные кучи параллельно съ могилами, но въ этомъ отношеніи, какъ и относительно круговъ изъ камней, сдѣлано еще такъ мало, что всякіе выводы, касающіеся этихъ памятниковъ древняго быта мѣстныхъ жителей, являются преждевременными.

III.

Мы видѣли, что городища и жертвенныя мѣста сравнительно мало привлекали вниманіе мѣстныхъ археологовъ и что на этомъ поприщѣ предстоитъ еще немалая работа будущимъ изслѣдователямъ. Изученіе археологіи мѣстнаго края направлялось преимущественно на могильники, которыми балтійскія губ. очень богаты; они и являются наиболѣе изслѣдованными и даютъ наибольшее количество матеріала для знакомства съ доисторическимъ періодомъ края. Основываясь на этомъ матеріалѣ мѣстные ученые старались начертать миновавшую исторію балтійскихъ губ. до пришествія нѣмецкихъ насельниковъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы постараемся соединить въ одно цѣлое то, что сдѣлано въ этомъ направленіи, и будемъ подробнѣе останавливаться на нѣкоторыхъ, наиболѣе важныхъ, могильникахъ. Прежде чѣмъ приступить къ этому необходимо однако классифицировать, насколько возможно, разнообразныя памятники этого рода.

Классификація могилъ была впервые предпринята Крузе*), положившемъ основаніе систематическимъ археологическимъ изслѣдованіямъ въ балтійскихъ губ. Онъ подводитъ всѣ извѣстныя ему могилы подъ слѣдующія семь категорій: 1) на ровной площади выкопана яма, въ которую положенъ покойникъ съ предметами вооруженія и украшенія; на грудь его навалено нѣсколько камней; надземныхъ признаковъ такія могилы не имѣютъ вовсе; положеніе костяка съ С. на Ю. Типомъ этой категоріи онъ считаетъ могильникъ у Роненбурга въ Лифляндской губ., 2) Курганы, насыпанные изъ песка различной величины; эстонцы называютъ ихъ *Wanne-Käpat*, латыши *Krive-Karpe* (русскія могилы); похоронный обрядъ либо — сожженіе либо погребеніе; послѣднее преимущественно въ низкихъ курганахъ. Въ нихъ находятъ монеты Этельреда и Канута, а также нѣмецкія отъ XI вѣка. Типами такихъ могилъ могутъ служить могилы около Вишдавы и дальше до Нейхаузена, а также около Цабельна въ Кур-

*) *Necrolivonica* стр. 7—11.

ляндской губ., въ которыхъ встрѣчено только сожженіе, п около Кремона и Энгельхардсхофа, а также у Штаббена въ Курляндской губ., въ которыхъ встрѣчался какъ обрядъ сожженія, такъ и погребенія. 3) Курганы, окруженные въ своемъ основаніи камнями; умершіе были сожжены, а надъ кострищемъ былъ насыпанъ курганъ; такія могилы извѣстны Крузе только около Зельбурга. 4) На ровной площади замѣтны, образованные поставленными камнями, квадраты; внутри ихъ при раскопкахъ были обнаружены сложенные изъ камней круги или овалы: въ нихъ покоятся костяки, украшенные различными предметами: направленіе костяковъ преимущественно съ С. на Ю. Типомъ подобныхъ могилъ можетъ служить могильникъ около Ашерадена, а также и въ другихъ мѣстахъ по теченію Двины, недалеко отъ рѣки. 5) Это также образованные изъ сложенныхъ камней квадраты, наполненные набросанными въ нихъ мелкими камнями; непосредственно подъ этими послѣдними находится смѣшанная съ угольями почва, остатки сожженныхъ костей, куски глиняной посуды и расплавленные подъ дѣйствіемъ огня металлическіе предметы; на незначительной глубинѣ подъ этимъ слоемъ иногда встрѣчается и цѣльный сосудъ съ костями. Эта категорія могилъ господствуетъ на о-вѣ Эзелѣ. Крузе отмѣчаетъ, что въ другихъ мѣстностяхъ края она ему неизвѣстна; впрочемъ, подобныя же могилы онъ встрѣчалъ около Изборска. 6) Этой группѣ могилъ Крузе даетъ названіе *Tumuli Polyandrien*: онѣ представляютъ высокіе песчаные курганы, въ которыхъ помѣщалось нѣсколько могилъ съ сожженіемъ; покойники были сожигаемы подлѣ мѣста погребенія, кости и предметы складывались въ сосуды а погребались въ холмѣ. Типами этихъ могилъ Крузе считаетъ могильники около Капсетена и Дреймансдорфа. Въ обоихъ мѣстахъ, замѣчаетъ онъ, были находимы греческія и римскія монеты. 7) Къ послѣдней категоріи Крузе относитъ всѣ могилы, о существованіи которыхъ можно догадываться въ виду дѣлаемыхъ вблизи отъ нихъ находокъ, но изслѣдованіе которыхъ является невозможнымъ, такъ какъ онѣ или заняты новыми могилами или по другимъ подобнымъ же причинамъ.

Когда Крузе писалъ свою классификацію, археологическія изслѣдованія края только начинались; неудивительно по этому, что дальнѣйшее изученіе археологіи балтійскаго края привело къ нѣкоторымъ необходимымъ измѣненіямъ классификаціи Крузе. Какъ на крупную ошибку, сдѣланную имъ, укажемъ, что въ могильникѣ около Цабельна, на основаніи позднѣйшихъ изысканій, оказались какъ разъ могилы съ погребеніемъ, а не съ сожженіемъ

какъ то полагають Крузе. Но если откинуть послѣднюю 7-го группу, которую слѣдуетъ считать неудачной, то классификація Крузе явится довольно остроумной попыткой дѣленія могилъ на группы на основаніи двухъ признаковъ внѣшняго вида и погребальнаго ритуала.

Слѣдующая затѣмъ попытка соединенія могилъ въ группы принадлежитъ Гревингу, который въ своихъ работахъ предложилъ ихъ двѣ. Первая*) не можетъ считаться хоть сколько нибудь удовлетворительной; въ ней Гревингъ старается соединить всѣ признаки, отличающіе одинъ могильникъ отъ другаго, причемъ онъ часто не дѣлаетъ различія между существенными и случайными признаками; къ тому-же онъ тутъ-же рѣшаетъ вопросъ о національности погребенныхъ въ могильникахъ субъектовъ и этимъ вноситъ немалую путаницу въ неясную и такъ классификацію. Такъ какъ эта классификація подверглась значительнымъ измѣненіямъ въ послѣдующемъ трудѣ Гревинга**), то мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на предыдущей и переходимъ непосредственно, къ послѣдней попыткѣ его. Всѣ извѣстныя могилы Гревингъ дѣлитъ на двѣ крупныя группы: могилы съ трупосоженіемъ и могилы съ погребеніемъ. Могилы съ трупосоженіемъ въ свою очередь дѣлятся на а) могилы съ курганами и могилы съ малозамѣтными возвышеніями и неопредѣлимые по своей формѣ. Могилы съ курганами делятся на а) безъ каменныхъ цистъ и б) съ каменными цистами. Къ первымъ принадлежатъ: 1) безъ сосудовъ для положенія сожженныхъ костей и не обложенныя камнями; пепель и зола образуютъ одинъ или нѣсколько слоевъ, иногда прикрытыхъ камнями; къ этой группѣ относится могильникъ въ Зегевольдѣ (Лифляндской губ.), въ Кандау и Криву-капш (въ Курляндской губ.). 2) Безъ сосудовъ для положенія костей, но обложенныя камнями; къ этой группѣ относятся могильники въ Курляндской губ. около Шлагуненъ (въ прих. Аутцъ) и около Зельбурга. 3) Съ сосудомъ для положенія костей, но не обложенныя камнями (могила около Петерсканелля въ Рижскомъ у.). 4) Съ сосудомъ для положенія костей и обложенныя камнями (каменные курганы между Нейхаузеномъ въ Лифляндской губ. и Изборскомъ; въ Вольмарскомъ у. около Гросъ-Роопъ и оз. Икуль. Далѣе въ Курляндской губ. около Иленъ, въ прих. Аутцъ). 5) Съ каменными цистами,

*) Das Steinalter der Ostseeprovinzen стр. 42, 43.

**) Ueber heidnische Gräber Russisch-Litauens, стр. 133—136.

сосудами для положенія костей и обложенныя камнями не встрѣчаются въ балтійскихъ губ. Могилы съ малозамѣтными возвышеніями или неопредѣлимыя по своей формѣ. Безъ каменныхъ цистъ 1) безъ сосудовъ для положенія костей и обложенныя камнями (Капшу-Кальисъ около Грось-Аутцъ въ Курляндской губ.); 2) съ сосудомъ для положенія костей, но не обложенныя камнями (около Капсетена, Гробина, Хазау, Антцена, Виндавы), 3) съ сосудами для положенія костей и обложенныя камнями (о-въ Эзель). Съ каменными цистами: 1) съ сосудами для положенія костей но не обложенныя камнями (Ней-Зельбургъ въ Курляндской губ.), 2) съ сосудами для положенія костей, замощенныя камнями и обложенныя камнями-же; имѣють форму лодки (Курляндской губ., Ерваленскій прих., въ Ногалленѣ и Лубессерпѣ, извѣстны подъ названіемъ Велла-лайва).

Мошлы съ поребеніемъ; съ набросанными на нихъ курганами: а) безъ каменныхъ цистъ: 1) безъ сосудовъ для пищи и не обложенныя камнями; иногда костякъ прикрытъ нѣсколькими положенными на грудь и тѣло камнями (въ Вольмарскомъ у. у Грось-Роопъ т. наз. Капсетъ-Кальисъ; въ Венденскомъ у. около Ронненбурга и Альтъ-Шебальга; въ Рижскомъ у. около Трейдена, Кремона и Зегевольда; далѣе въ Курляндской губ. Грееву-Каппи около Цабельна на Абавѣ). 2) Безъ сосудовъ для пищи, но обложенныя камнями; (въ Гербергенѣ, Ашераденскомъ прих., по Курляндскому Мемелю, въ Курляндской губ.). б) Съ каменными цистами: безъ сосудовъ для пищи и обложенныя камнями (т. наз. Матамаисъ-Кальисъ около Плена въ Курляндской губ.).

Безъ кургановъ. 1) Съ сосудами для пищи и обложенныя камнями (въ Ашераденѣ, на Двинѣ въ Рижскомъ у.).

Классификація Гревинга основана на комбинаціи трехъ признаковъ: виѣшней формы могилы, внутренняго ея устройства и нѣкоторыхъ подробностей похороннаго ритуала. Несмотря на вѣрность мысли, изъ которой Гревингъ исходилъ при соединеніи въ группы извѣстныхъ въ балтійскихъ губ. могилъ, эта классификація грѣшитъ нѣкоторыми существенными недостатками. Прежде всего она слишкомъ сложна, что затрудняетъ общій обзоръ могилъ; кромѣ того выборъ характерныхъ чертъ похороннаго ритуала не всегда удаченъ; намъ, напр. не ясно, почему Гревингъ считаетъ фактъ находенія при костякѣ сосуда для положенія пищи болѣе важнымъ признакомъ чѣмъ другіе, хотя-бы напр. положеніе костяка относительно страпъ свѣта. Накопецъ классификація Гревинга не даетъ круинаго различія въ могилахъ:

единичныя-ли онѣ или общія. Несмотря на указанные недостатки попытки внести порядокъ въ обзорѣ могилъ, сдѣланныя Крузе и Гревингомъ съ необходимыми дополненіями тѣхъ формъ могильниковъ, которыя были открыты въ послѣдующее время, могли-бы быть приняты при обзорѣннѣ существующихъ въ балтійскихъ губ. похоронныхъ намятниковъ, еслибы отъ этого не удерживало слѣдующее соображеніе. Матеріалъ по изслѣдованію могильниковъ накоплялся постепенно въ теченіи многихъ лѣтъ; роскоши часто производились лицами совершенно неподготовленными къ этому и ручаться поэтому за точное описаніе устройства могилъ не всегда является возможнымъ. Кромѣ того, какъ мы увидимъ ниже, нѣкоторыя господствующія въ краѣ научныя теоріи заставляли видѣть въ нѣкоторыхъ могильникахъ — формы вовсе не присущія этимъ послѣднимъ и освѣщать ихъ содержаніе черезъ призму господствующихъ мнѣній. Наконецъ нѣкоторыя могильники сильно пострадали отъ времени: такъ напр. могилы, надъ которыми поднимались довольно высокіе сложенные изъ камней холмы, въ настоящее время, благодаря тому, что окрестное населеніе пользовалось камнями для своихъ нуждъ, почти совершенно сравнялись съ землей; многіе песчаные курганы исчезли подъ вліяніемъ времени и дѣятельности человѣка и пр.; вслѣдствіе этого происходитъ разногласіе между разными изслѣдователями и ориентироваться въ ихъ показаніяхъ подчасъ невозможно. Могильникъ, который согласно одному изъ нихъ, слѣдовало-бы поставить въ одну группу, необходимо было бы перенести въ совершенно другую, слѣдуя указаніямъ другого изслѣдователя. Имѣющіяся данныя относительно нѣкоторыхъ могильниковъ должны, на пашъ взглядъ, подвергнуться тщательному пересмотру: только тогда оказалось-бы возможнымъ дать точную классификацію извѣстныхъ могильниковъ края; поэтому мы предпочитаемъ воздержаться какъ отъ принятія въ основу дальнѣйшаго изложенія уже существующихъ классификацій такъ и отъ выставленія новой: намъ кажется, въ виду указанной сбивчивости данныхъ, болѣе удобнымъ отмѣтить лишь нѣкоторые существенные признаки, на основаніи которыхъ можно раздѣлить существующія могилы на крупныя категоріи и отмѣнить болѣе мелкія различія отдѣльныхъ могильниковъ при спеціальному обзорѣ ихъ. — Всѣ извѣстные въ балтійскихъ губ. могильники могутъ быть подведены къ слѣдующимъ двумъ крупнымъ группамъ; могильники съ сожженіемъ и съ погребеніемъ; какъ тѣ, такъ и другія представляютъ либо могилы единичныя, т. е. гдѣ надземнымъ сооруженіемъ каждая могила опредѣленно отдѣлена одна отъ дру-

гой и общественныя, гдѣ этого признака не существуетъ. Относительно могилъ съ сожженіемъ слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что въ одиѣхъ изъ нихъ кости умершаго положены въ сосудъ, въ другихъ-же онѣ погребены безъ сосуда. Указать географически въ какой части балтійскаго края преобладаетъ тотъ или другой способъ погребенія невозможно при современномъ состояніи нашихъ знаній. Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что въ нѣкоторыхъ могильникахъ встрѣчается параллельно обряды погребенія и трупосожженія.

Не имѣя возможности останавливаться подробно на всѣхъ подвергавшихся изслѣдованію могильникахъ балтійскихъ губ., мы отмѣтимъ только наиболѣе важныя изъ нихъ и такимъ образомъ познакомимся съ основными типами, къ которымъ съ бѣльшимъ или меньшимъ приближеніемъ могутъ быть подведены всѣ остальные.

На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить особый видъ общественныхъ могилъ съ труносожженіемъ, типами которыхъ могутъ служить могильники въ Славекѣ (въ Лифляндской губ.) и около Тюрсея (въ Эстляндской губ.). На нихъ необходимо остановиться подробнѣе въ виду важной роли, которую они сыиграли въ исторіи мѣстнаго археологическаго изученія. Какъ при описаніи ихъ, такъ и при описаніи другихъ могильниковъ мы пока будемъ останавливаться лишь на способѣ ихъ устройства, оставляя въ сторонѣ найденный въ нихъ инвентарь; о послѣднемъ мы будемъ говорить ниже.

Могильникъ около Славка былъ впервые раскопанъ гр. К. Сиверсомъ въ 70-хъ годахъ*). Въ 2½ верстахъ отъ небольшого оз. Штранте, въ 10 миляхъ по прямому направленію отъ моря, около крестьянскаго двора Кальнѣ-Славекъ, гр. Сиверсъ замѣтилъ невысокій, продолговатый песчаный холмъ, покрытый положенными камнями: эта каменная куча имѣла въ длину 20 саж., въ ширину 4½ саж. и 4—5 футовъ высоты. По снятіи нѣкоторыхъ лежащихъ повыше и совершенно свободно камней, читаемъ мы въ отчетѣ объ этой раскопкѣ, оказалось, что остальные камни образуютъ форму корабля, съ бортомъ, скамьями для гребцовъ и съ рулемъ, однимъ словомъ каменный корабль (Steinschiff), имѣющій въ длину 20 саж. и направленіемъ съ З Ю З къ В С В. Бортъ корабля былъ образованъ изъ двухъ параллельныхъ рядовъ камней; въ кормовой части онъ былъ шире и закругленъ, въ носовой части заостренъ; на мѣстѣ, гдѣ долженъ находиться руль, лежали два камня внѣ бортовъ. Внутри корабля,

*) *Sitzungsb. d. g. est. G.* 1876, стр. 87 и слѣд. также *Verh. d. g. est. G.* VIII, 3.

въ кормовой его части бросилась въ глаза круглая сложенная изъ камней куча; отсюда въ восточномъ направленіи слѣдовали 13 скамей для гребцовъ, образованныхъ поставленными перпендикулярно къ бортамъ корабля простыхъ или двойныхъ рядовъ камней. Ширина корабля у первой отъ кормы скамейки равнялась 27 футамъ, у послѣдней (носовой) 11½ футамъ. Между первой и 9-й скамьей лежалъ подъ камнями слой земли (толщиной въ 5—8 дюймовъ), въ которомъ были найдены зола, куски углей, переженные человѣческія кости, въ особенности черепныя, куски глиняной посуды, размѣры которой не позволяютъ считать ее за погребальныя урны, наконецъ разные бронзовые предметы со слѣдами огня. Около 13-й скамьи было найдено то-же.

Таково было въ общихъ чертахъ устройство знаменитой могилы около Славека. Не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что могила представляетъ дѣйствительно изображеніе корабля и что, слѣдовательно, такого рода могилы должны были принадлежать племени, главное занятіе котораго было мореходство, а судя по направленію корабля можно было съ нѣкоторымъ основаніемъ предполагать, что это племя прибыло въ балтійскій край изъ югозападныхъ странъ. Такого рода могилы получили названіе „каменныхъ кораблей“, „корабельныхъ могилъ“ (*Steinschiffe, Schiffförmige*) и были выдѣлены въ особую группу. Вскорѣ по открытіи славекой могилы, извѣстный Гревингъ, не сомнѣвавшійся относительно правильности данныхъ объ этой могилѣ писалъ: „Для Лифляндской и Эстляндской губ. этотъ каменный корабль пока единственный извѣстный, но очень вѣроятно, что при внимательномъ изслѣдованіи нашихъ многочисленныхъ связанныхъ съ культомъ мертвыхъ, каменныхъ кучъ, легко будутъ найдены соотвѣтствующіе могильные памятники“. И, дѣйствительно, число извѣстныхъ подобныхъ могилъ стало быстро возрастать*). Еще гр. Сиверсъ раскопалъ нѣсколько подобныхъ могилъ, которыя съ бѣльшимъ или меньшимъ приближеніемъ походили на славекскую; изъ такихъ считаемъ пужнымъ отмѣтить подобную могилу около того-же оз. Штранте, имѣющую ту особенность, что въ ней гр. Сиверсъ нашелъ рядомъ съ могилами съ трупосожженіемъ двѣ могилы съ погребеніемъ, причемъ костяки лежали головой на сѣверъ, ногами на югъ; при нихъ кромѣ предметовъ была найдены монеты Этельреда II. Къ срединѣ 80-хъ

*) Л. Х. Штида напр. нашелъ ихъ пять на весьма ограниченномъ пространствѣ; см. его статью: Раскопки въ Лифл. губ. въ Проток. Засѣд. Комит. по Устройству Антропол. выставки II. О. Люб. Естествознанія, Антропологиіи и Этнографіи. М. 1878.

годовъ подобныхъ могилъ въ Лифляндской губ. было извѣстно уже 30. Гревингъ, особенно много потрудившійся надъ изученіемъ ихъ, ставитъ т. наз. корабельныя могилы въ ближайшую связь съ находимыми корабельными могилами на южныхъ берегахъ балтійскаго моря и въ разныхъ мѣстахъ Швеціи и на прилегающихъ къ послѣдней островахъ*). Впослѣдствіи мы коснемся взглядовъ на національность погребенныхъ въ корабельныхъ могилахъ покойниковъ, теперь-же ограничимся лишь замѣчаніемъ, что мнѣніе о существованіи корабельныхъ могилъ, и связанныя съ ними теоріи, господствовали до открытія въ Эстляндской губ. подобнаго же могильника около Тюрсея, которому было суждено совершить рѣшительный переворотъ въ дѣлѣ изученія археологій края.

Тюрсельскій могильникъ былъ открытъ проф. Висковатовымъ въ 1886 г.**); онъ находится близъ м. Силламяги, верстахъ въ 25 отъ Нарвы, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ петербургскаго шоссе. Существенныхъ отличій отъ извѣстныхъ уже, т. наз. корабельныхъ могилъ, тюрсельскій не представлялъ; изъ отличій болѣе мелкихъ слѣдуетъ отмѣтить, что дно тюрсельскаго могильника было вымощено камнями и что найденные предметы отличались какъ своимъ обиліемъ такъ и особой тщательностью въ обработкѣ. Этотъ могильникъ послѣ двукратныхъ раскопокъ обнаружилъ нѣсколько „скамей“ въ промежуткахъ, между которыми было обнаружено труносожженіе; число сожженныхъ покойниковъ, по видимому, очень велико; кромѣ того за могилой, образуя какъ-бы естественное продолженіе ея, были найдены нѣсколько погребенныхъ костяковъ. По видимому это мѣсто служило въ качествѣ кладбища въ теченіи многихъ вѣковъ и впослѣдствіи даже здѣсь были похоронены убитые быть можетъ въ концѣ XVII в. шведскіе солдаты. Снятый проф. Висковатовымъ планъ тюрсельскаго могильника не даетъ однако возможности видѣть въ немъ корабельную могилу; скамьи не вполне равны и одна не перпендикулярна бортамъ; не удалось также обнаружить ни закругленія въ такъ наз. кормовой части, ни заостренія въ носовой. Гревингъ, присутствовавшій на раскопкахъ и впослѣдствіи издавшій ея

*) Взгляды Гревинга относительно т. наз. корабельныхъ могилъ подробно изложены въ слѣдующихъ его сочиненіяхъ: *Zur Archaeologie des Balticum und Russlands* (въ *Archiv f. Anthropologie* т. X 1877). *Erläuterungen zur Karte* и въ *Der schifförmige Aschenfriedhof bei Türsel*. Двѣ послѣднія работы напечатаны въ *Verh. d. g. est. G.* XII и XIII.

**) *Verh. d. g. est. G.*, XIII; *Sitzungsab. d. g. est. G.* 1889 и Труды VII-го Археолог. Съѣзда.

результаты, тѣмъ не менѣ хотѣлъ видѣть въ тюрсельскомъ могильникѣ корабельную могилу и на планѣ, издавшемъ имъ*), въ значительной степени измѣнилъ первоначальный планъ, снятый проф. Висковатовымъ. Невозможность видѣть въ формѣ тюрсельскаго могильника подобіе корабля заставило проф. Висковатова усумниться въ правильности придаваемого этимъ могильникамъ наименованія, что и было высказано имъ еще въ его рефератѣ на Археологическомъ Сѣздѣ въ Ярославѣ, а затѣмъ и въ засѣданіяхъ эстонскаго ученаго общества. „Уже на Ярославскомъ археологическомъ сѣздѣ, пишетъ онъ**), я высказалъ мнѣніе, что т. н. каменные корабли или корабельныя могилы несутъ свое названіе неправильно или что по крайней мѣрѣ не всѣ могилы, которыя относятся къ этой категоріи имѣютъ право на это наименованіе. . . . Я держусь мнѣнія, что подобныя могилы не имѣли первоначально корабельной формы: напротивъ того, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ видомъ общественныхъ похоронныхъ мѣстъ, гдѣ каждая семья, община или дворъ, однимъ словомъ какая нибудь группа населенія, хоронила каждую своихъ умершихъ въ ограниченномъ пространствѣ. Если приходила новая группа населенія, то къ первоначальному мѣсту погребенія присоединялось новое и такимъ образомъ общественная усыпальница выростала, получала удлиненную форму, съ параллельными, поперечными дѣленіями, которыя легко было принять за подобіе скамей на корабляхъ или въ ладьяхъ. Промежутки между этими отдѣленіями не всегда одинаковы, такъ какъ размѣры вѣроятнo опредѣлялись количествомъ жителей, которымъ могила принадлежала. Если-бы поперечныя каменные стѣнки изображали собой скамьи для гребцовъ, то вѣроятнo онѣ были-бы отдалены другъ отъ друга на равныя разстоянія. Виѣшняя каменная граница, какъ кажется, не всегда ровна, но представляетъ собой ломанную линію, находящуюся въ зависимости отъ болѣе или менѣе длинны и ширины отдѣленій“. Проф. Висковатовъ энергично предлагалъ подвергнуть новымъ измѣреніямъ извѣстныя могилы этого типа, исходя изъ предположенія, что предвзятое желаніе найти могилы корабельной формы заставило многихъ изслѣдователей внести свои добавленія въ снимаемые ими планы. Прежде всего было подвергнуто провѣркѣ имѣвшійся въ Ученомъ Эстонскомъ Обществѣ въ Юрьевѣ планъ типичной корабельной могилы около Мейерсхофа, форма которой по первоначальному плану не оста-

*) Der schiffförmige Aschenfriedhof bei Türsel.

**) Sitzungsh. d. g. est. G. 1889, стр. 131 и слѣд.

вляла сомнѣній въ своемъ сходствѣ съ кораблемъ. Провѣрочное измѣреніе, сдѣланное сначала проф. Висковатовымъ, а затѣмъ проф. Лѣшке, привело къ заключенію, что контуры мейерсхофской могилы представляютъ собой ломанныя линіи и не имѣютъ ни малѣйшаго сходства съ контуромъ корабля. Но пока не было доказано неточности плана славекской могилы, теорія корабельныхъ могилъ могла еще держаться; проф. Висковатовъ настоятельно указывалъ на необходимость провѣрить измѣренія гр. Сиверса. Проф. Лѣшке, примкнувшій въ вопросѣ о корабельныхъ могилахъ къ мнѣнію проф. Висковатова, по осмотрѣ бумагъ покойнаго гр. Сиверса пришелъ къ заключенію, что планы многихъ, считавшихся корабельными могилами, памятниковъ не имѣютъ никакого сходства съ контурами корабля; наконецъ вновь снятый планъ знаменитаго могильника около Славекъ подтвердилъ предположеніе проф. Висковатова: форма и этого послѣдняго оплота „корабельной теоріи“ оказалась снятой гр. Сиверсомъ совершенно неправильно: въ дѣйствительности форма этого могильника вовсе не похожа на корабль*).

Такимъ образомъ пала надѣлавшая въ свое время много шума, теорія о существованіи въ балтійскихъ губ. могилъ воспронизводящихъ своей формой корабли. Оставался еще неразрѣшеннымъ вопросъ о соотношеніи подобныхъ могилъ съ аналогичными, извѣстными на южномъ берегу Балтійскаго моря и въ Скандинавіи; поэтому Эстонское Уч. Общество специально поручило своему делегату на VIII международный Съѣздъ Ориенталистовъ въ Стокгольмѣ проф. Шредеру специально выяснить этотъ вопросъ. „На основаніи полученныхъ свѣдѣній, пишетъ проф. Шредеръ въ отчетѣ о своей командировкѣ**), не подлежитъ никакому сомнѣнію, что могилы типа нашихъ т. наз. корабельныхъ или хотябы имѣющихъ съ ними отдаленное сходство, въ Скандинавіи не существуютъ, вслѣдствіе чего гипотеза Гревингъ-Сиверса . . . теряетъ послѣднюю тѣнь оправданія. . . До сихъ поръ какъ у скандинавовъ такъ и вообще у германцевъ нѣтъ аналогій съ этими могилами. Въ противность этому существуютъ аналогіи съ могилами зап. Финляндіи“ (именно въ Цэркё прихода Никирка). Ссылаясь на мнѣніе д-ра Швиндта и основываясь на собственномъ изученіи финляндскихъ археологическихъ памятниковъ, проф. Шредеръ говоритъ: „Это могилы съ труносожженіемъ и ихъ инвентарь сходенъ въ большой части съ нашими корабельными могилами. Итакъ единственный извѣстный до сихъ поръ мо-

*) *Sitzungsb. d. g. est. G.* 1889, стр. 142, 143.

**) *ibid.* стр. 119—122.

гильникъ, представляющій параллель къ нашимъ корабельнымъ могиламъ, находится въ зап. Финляндіи“.

Такимъ образомъ въ могильникахъ, представителями которыхъ служатъ могильники около Славека и Тюрсея, слѣдуетъ видѣть лишь особый видъ общественныхъ могильниковъ съ трупосожженіемъ; названіе корабельныхъ могилъ было замѣнено по предложенію проф. Хаусмана*) названіемъ „могилъ съ рядами изъ камней“ (Steinreihengräber), установившееся въ настоящее время въ мѣстной археологической литературѣ. Намъ однако кажется болѣе удобнымъ сохранить за ними, предложенное проф. Висковатовымъ, болѣе общее наименованіе общественныхъ могилъ съ трупосожженіемъ безъ погребальныхъ урнъ, такъ какъ отличія ихъ отъ другихъ общественныхъ могилъ съ трупосожженіемъ недостаточно еще выяснено; напротивъ, кажется, что многіе, выдѣляемые мѣстными изслѣдователями въ особую группу, могильники съ трупосожженіемъ находятся въ тѣснѣйшей связи, общими характерными чертами своими, съ этими послѣдними.

Къ этой категоріи относятся нѣкоторые могильники, указываемые г. Юнгомъ въ разныхъ мѣстахъ Феллинскаго у.; нѣкоторые изъ нихъ довольно правильной четырехугольной формы**). Слѣдуетъ однако имѣть въ виду что въ число могильниковъ, указываемыхъ нѣкоторыми изслѣдователями, вошли и такія кучи камней, которыя принимались ими за могильники лишь на основаніи вишняго вида. Нѣкоторые изъ нихъ, по осмотру, были признаны еще Гревингомъ за естественныя накопленія камней. Тоже слѣдуетъ сказать и относительно указанныхъ бар. Толемъ могилъ, находящихся въ Герденскомъ приходѣ, около Пирка, (Эстляндской губ.)***): истекшимъ лѣтомъ г. Хассельблатъ осмотрѣлъ ихъ и пришелъ къ заключенію, что это естественныя залежи камня.

Для группы общественныхъ могилъ безъ урнъ характерными являются слѣдующіе признаки: 1) сожженіе покойника совершалось въ мѣста огражденнаго камнями, въ которое складывался пепель и 2) пепель клался либо непосредственно на землю, либо на площадь, покрытую камнями, но всегда безъ погребальныхъ урнъ 3) дѣленіе могильника на нѣсколько отдѣленій рядами камней.

Географически трудно опредѣлить районъ распространенія

*) ib. 1891, стр. 91.

**) ib. 1878. стр. 33 и слѣд.; 194.

***) ib. 1891. стр. 116 и слѣд.

этого рода могильниковъ. Если отыскать тюрсельскій могильникъ можно было-бы приблизительно очертить границы ихъ распространенія вмѣстѣ съ бар. Толемъ слѣдующими чертами: на сѣверѣ они встрѣчаются до Вейсенштейна; на югѣ они немного переходятъ границу распространенія эстонскаго языка, а на западъ доходятъ до Перновскаго у. Но болѣе правъ проф. Хаусманъ, который замѣчаетъ, что этотъ видъ могильниковъ далеко еще не достаточно изслѣдованъ, чтобы позволить опредѣлить его границы*). Это замѣчаніе тѣмъ болѣе имѣетъ значеніе, что отношеніе другихъ общественныхъ могильниковъ съ трупосожженіемъ безъ урнъ къ вышеописаннымъ недостаточно выяснено.

Близко подходятъ къ нимъ т. наз. могилы въ каменныхъ кучахъ, (*Steinhaufengräber*), за типъ которыхъ мы беремъ могильникъ въ Уншихтѣ. Могильникъ представляетъ собой каменную кучу; въ сѣверной ея части большими камнями было отмѣчено овальное пространство, футовъ 16 длины и 6 футовъ ширины. Пространство внутри овала тщательно покрыто болѣе мелкими камнями, на которомъ лежалъ слой золы, угольевъ, пережженные кости и испорченные огнемъ предметы**). Подобные могильники известны: 1) на восточномъ берегу Вёрцьерва: въ прих. Кампалэ, у Годдьерва и Клейнъ-Камби; въ Уншихтѣ въ прих. Нюнгенъ, въ Ронкофъ въ Юрьевскомъ прих.; 2) на западномъ берегу Вёрцьерва: около Каркуса въ приходѣ того-же названія, въ Хольстерхофъ въ прих. Пайстель, въ Ней-Каррисхофъ въ приходѣ Каррисъ и 3) на сѣверѣ отъ Вёрцьерва около Каббаль въ прих. Пиллиетферъ. Далѣе свѣдѣнія о подобныхъ могильникахъ имѣются изъ Рипшока въ прих. Лайсъ и изъ Эстляндской губ., Ревельскаго у. около Уксорма и Мушаласа; наконецъ изъ южныхъ частей Лифляндской губ. они известны въ прих. Смильтенъ и Рошебургъ, около Вендена (Штриккенхофъ) и около оз. Икуль и Сельгаумаль***). Впрочемъ, эти свѣдѣнія нуждаются въ провѣркѣ.

Могилы на о-вѣ Эзелѣ представляютъ значительно больше различій. Раскопки, произведенныя проф. Хаусманомъ†), могильника Гальмомэгги (т. е. погребальной горы), въ им. Оррикуль, Кергельскаго прих., могутъ дать наиболѣе ясное представленіе объ этомъ типѣ общественныхъ могилъ. Могильникъ представлялъ почти ровную площадь, имѣющую въ діаметрѣ 100 шаговъ,

*) *ib.* стр. 91.

**) *ib.* 1883. стр. 154.

***) *ib.* стр. 159.

†) *Sitzungsb. der G. Est. G.* 1889. стр. 122 и слѣд.

замоценную камнемъ; опредѣленной формы онъ не имѣлъ, что быть можетъ объясняется тѣмъ, что камни съ могильника часто брались окрестнымъ населеніемъ и что въ немъ было производимо нѣсколько разъ хищническія раскопки мѣстными жителями. Покойники были сожигаемы тутъ-же и затѣмъ кострище покрывалось камнями. Это вмѣстѣ съ отсутствіемъ отмѣченныхъ камнями контуровъ могильника, является существеннымъ отличіемъ въ устройствѣ ихъ отъ общественныхъ могилъ съ трупосоженіемъ указанныхъ выше. Къ нимъ кажется по устройству близко подходятъ встрѣчаемые на материкѣ и выдѣляемые нѣкоторыми изслѣдователями особую группу, т. наз. *Parquetgräber* *).

Слѣдующая группа могильниковъ, извѣстныхъ въ балтійскомъ краѣ — это общественныя могилы съ трупосоженіемъ съ положеніемъ костей въ урны. Такіе могильники извѣстны около Ней-Зельбурга: изъ болѣе или менѣе плоскихъ камней сложена небольшая камера, прикрытая сверху большимъ камнемъ; въ камерѣ было найдено 18 глиняныхъ сосудовъ съ пережженными костями**). Къ этой же группѣ слѣдуетъ отнести и описанные Крузе (см. выше) *tumuli polyandrien*. Кромѣ того извѣстны находящіяся обыкновенно на возвышенностяхъ могильники о-въ Эзелѣ, представляющіе собой круглыя или квадратныя пространства ограничанныя камнями; подъ слоемъ камней находятся погребальные сосуды, съ пережженными костями и металлическими предметами. Гревингъ указываетъ подобныя-же могильники и на материкѣ въ Эстляндской и Лифляндской губ. Свѣдѣнія объ указанныхъ могильникахъ относятся къ сравнительно болѣе отдаленному времени; они недостаточно точны и нуждаются въ провѣркѣ. Болѣе подробныя свѣдѣнія мы имѣемъ о могильникахъ извѣстныхъ у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ *Wella-laiwe* т. е. чертовыхъ лодокъ. Хотя они и не относятся вполне къ числу общественныхъ могилъ, но близко подходятъ къ нимъ. Велла-лайве встрѣтились до сихъ поръ лишь въ Курляндской губ. въ приходѣ Эрвалень, въ 10—12 верстахъ отъ моря въ им. Луббень, Либень и Ногалленъ. Впервые они были изслѣдованы г. Дерингомъ въ 1863 г. *), далѣе ихъ раскопывали гг. Бергъ въ 1872 г. и Бурхартъ въ 1874 г.; матеріалъ раскопокъ послѣдняго былъ обработанъ Гревингомъ, причемъ онъ соединилъ весь имѣющійся по Велла-лайве

*) ib. 1888.

**) Grewingk: Ueber heidnische Gräber K.-Litauens, стр. 126.

***) Die Teufelsböte in Kurland въ Sitzungsber. d. Kurl. G. f. L. u. Kuust. 1859—1863.

матеріаль*). Этотъ видъ могильниковъ представляетъ либо каменныя кучи приблизительно фута 4 вышиною, которыя по удаленію лежащихъ на верху камней, даютъ „точный“ контуръ корабля. Иногда этотъ контуръ ясенъ и безъ удаленія верхнихъ камней. За исключеніемъ одного случая, Велла-лайве, встрѣчались всегда попарно, какъ будто одна ладья слѣдовала за другой, обыкновенно на ровной почвѣ и только разъ на вершинѣ небольшого холма. Направленіе ихъ съ СЗ. на ЮВ. съ небольшими отклоненіями. Размѣры ихъ сильно колеблются; длина ихъ отъ 25 фут. до 50 ф. 9 дюймовъ; ширина отъ 8 ф. — 14 ф. 10 д. Камни, образующіе бортъ корабля, были обыкновенно къ концамъ его больше, чѣмъ въ серединѣ; около кормовой части были положены самые большіе камни; нѣсколько сложенныхъ за кормовой частью камней представляли, по предположенію изслѣдователей, руль, а находящіеся на бортахъ, по два съ каждой стороны, большіе камни, должны были изображать уключины для весель. При раскопкахъ на незначительной глубинѣ было обнаружено нѣсколько камней, безъ слѣдовъ искусственной обработки, но которые, по мнѣнію Гревинга, напоминали своей формой желѣзныя орудія и вслѣдствіе этого были положены строителями могилъ намѣренно съ религіозной цѣлью — какъ-бы символическое положеніе оружія. Подъ ними были находимы кубическія каменныя цисты, группированныя либо попарно, либо другъ надъ другомъ (въ 2—3 ряда); въ каждой цистѣ стояло по глиняному сосуду съ ручками; сосуды грубой работы, съ простымъ орнаментомъ, работанные безъ гончарнаго колеса. Никакихъ предметовъ не было найдено, если не считать впрочемъ смутнаго указанія г. Бурхарта, говорящаго, что былъ найденъ предметъ (впослѣдствіи утерянный), напоминающій лезвіе ножа, причемъ сбивчивость показаній не даетъ возможности опредѣлить матеріаль, изъ котораго онъ былъ сдѣланъ. Гревингъ былъ склоненъ считать это лезвіе бронзовымъ, но для этого онъ не имѣлъ никакихъ основаній; лично этотъ предметъ ему не удалось видѣть и мнѣніе его является такимъ образомъ совершенно произвольнымъ.

Таково въ общихъ чертахъ устройство Велла-лайве; ихъ извѣстно лишь 7 и они, какъ было указано выше, занимаютъ лишь крайне ограниченный районъ. Со времени послѣднихъ раскопокъ въ 1874 г. Велла-лайве оставались нетронутыми и вопросъ о нихъ считался исчерпаннымъ. Между тѣмъ, какъ мы

*) Die Steinschiffe v. Musching. въ Verh. d. g. est. G. IX.

увидимъ ниже, въ исторіи мѣстныхъ археологическихъ изысканій, они играли роль лишь немного уступающую по своему значенію той, которая выпала на долю т. наз. корабельныхъ могилъ. Имѣя передъ глазами фактъ ошибочнаго описанія этихъ послѣднихъ, невольно приходится отнестись съ большой осторожностью къ приведенному выше описанію Велла-лайве; нѣтъ ничего невѣроятнаго, что мы и здѣсь имѣемъ дѣло съ подобной-же ошибкой какъ и при описаніи т. н. корабельныхъ могилъ; нахожденіе въ контурѣ Велла-лайве руля и уключинъ невольно наводитъ на сомнѣніе въ точности описанія и заставляеть предполагать, что изслѣдователи и здѣсь были введены въ заблужденіе нѣкоторой живостью воображенія. Наконецъ что касается камней, напоминающихъ по Гревингу формой своей желѣзныя орудія, которымъ онъ придаетъ символическое значеніе, то, если судить по модели Велла-лайве, хранящейся въ Музеѣ при Уч. Эстонскомъ Обществѣ въ Юрьевѣ, въ нихъ можно видѣть лишь очень и очень отдаленное сходство съ орудіями и то не во всѣхъ; повидимому Гревингъ приписалъ строителямъ могилъ мысли, которыхъ у нихъ никогда не было при положеніи этихъ камней надъ цистами. Во всякомъ случаѣ было-бы желательнымъ, чтобы дальнѣйшія изслѣдованія провѣрили существующія данныя о Велла-лайве.

Единичныя могилъ съ трупосоженіемъ намъ достовѣрно извѣстно очень немного; опредѣлить также съ достовѣрностью, въ какихъ могильникахъ кости лежали въ погребальныхъ сосудахъ и въ какихъ нѣтъ, въ большинствѣ случаевъ почти невозможно, такъ какъ свѣдѣнія о черепкахъ глиняной посуды, находимой въ нѣкоторыхъ могилахъ, не даютъ достаточно основаній считать эти черенки за остатки погребальныхъ урнъ.

Такъ напр. относительно очень богатаго могильника около Хазау мы не имѣемъ достаточно точныхъ данныхъ. Впервые онъ былъ изслѣдованъ въ 40хъ годахъ Кальмейеромъ;*) еще въ то время могильникъ, по словамъ Кальмейера, былъ окончателно испорченъ выкопанными между могилами картофельными ямами; судя по описанію этотъ могильникъ представляетъ группу кургановъ съ трупосоженіемъ, и какъ кажется съ положеніемъ костей въ погребальные сосуды; устроенные крестьянами картофельныя ямы, производимыя ими съ давнихъ поръ хищническія раскопки и наконецъ дѣйствіе вѣтра, выдувающаго песокъ съ кургановъ, настолько испортилъ могильникъ, что правильныхъ раскопокъ не могло быть произведено. Между тѣмъ онъ принадлежитъ къ

*) Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands 1849. IV. стр. 165 и слѣд.

числу наиболѣе богатыхъ могильниковъ края: количество вещей найденныхъ въ немъ въ разное время, огромно и, не смотря на то, что расхищеніе его идетъ изъ года въ годъ, въ немъ и до настоящаго времени находятъ много предметовъ. Такъ еще въ 1892 г. г. Серафимомъ (Seraphim) было представлено въ Курляндское Литературное Общество значительное число предметовъ (преимущественно изъ золоченой бронзы): кольцо, фигура змѣи, остатки цѣпи и пр.*).

Наиболѣе точныя свѣдѣнія мы имѣемъ о слѣдующихъ могильникахъ. — Около Илльска недалеко отъ Гросъ-Аутца находится могильное поле, состоящее изъ нѣсколькихъ небольшихъ овальныхъ возвышеній (фута 3—4 высотой и 18—23 фута въ діаметрѣ) обставленныхъ камнями; въ этихъ могилахъ, на глубинѣ двухъ футовъ, изслѣдовавшій этотъ могильникъ г. Дёрингъ**), нашелъ слой угля, пережепныя кости и черепки глиняной посуды; въ одной изъ могилъ этотъ слой былъ обложенъ поставленными въ кругъ камнями. Подобная же могила была открыта немного сѣвернѣе только что упомянутой; она извѣстна подъ названіемъ Озольсъ-калльсъ (т. е. дубовая гора). Холмъ былъ также окруженъ камнями. Наиболѣе интересны, произведенные проф. Лёшке, раскопки около Нейхаузена вблизи отъ Лобешштейна***). Могильникъ представляетъ группу кургановъ; въ настоящее время ихъ 40; раньше, по словамъ пр. Лёшке, ихъ считывали около 100; курганы двухъ родовъ; круглые и удлиненные, высота ихъ колеблется 1—2 метровъ, діаметръ отъ 6—8 метровъ; прежде основаніе ихъ было обставлено камнями, въ настоящее время камни свезены окрестными крестьянами. На уровнѣ земли находился слой пепла и золы и остатки пережепныхъ костей людей и животныхъ. Предметовъ, кромѣ точильныхъ камней, не было находимо. Не лишентъ интереса фактъ, что около этой группы кургановъ, находилась общественная могила съ трупосоженіемъ безъ урнъ. Этотъ фактъ впрочемъ не единственый; проф. Лёшке упоминаетъ о нахожденіи совмѣстно подобныхъ могилъ съ курганами съ трупосоженіемъ, аналогичныхъ лобештинскимъ еще около Цистри и около Вальдхофа; онъ считаетъ, что оба вида могилъ принадлежатъ одному и тому-же народу, но что часть жителей хоронила своихъ умершихъ въ единичныхъ, часть-же — въ общественныхъ могилахъ.

Къ этому-же типу слѣдуетъ отнести и могилы въ окрестностяхъ Верро недалеко отъ Нейхаузена. Онѣ представляютъ курганы,

*) Sitzungs. d. Kurl. G. f. Lit. u. Kunst. 1892.

**) Sitzungs. der Kurl. G. f. Lit. und Kunst. 1868.

***) Sitzungs. der G. Estn. G. 1888 стр. 202 и слѣд.

(футовъ до 9 высоты и саж. 20 въ окружности) насыпанные надъ кострищами, причемъ, какъ кажется, кости въ нѣкоторыхъ курганахъ были положены въ погребальныя урны, сохранившіяся только въ черепкахъ. Въ нѣкоторыхъ курганахъ было обнаружено три могилы въ каждомъ. Впервые раскопки были произведены здѣсь Крейцвальдомъ и Липгартомъ; вообще эта мѣстность чрезвычайно богата могилами и раскопокъ здѣсь произведено было много*).

Аналогичные этимъ курганы съ трупосоженіемъ извѣстны изъ Нейхофа, Зегевольда и Аллаша**).

Перечисленными могильниками съ трупосоженіемъ не исчерпывается конечно число ихъ извѣстныхъ въ краѣ. Мы старались привести лишь наиболѣе типичныя и тѣ, о которыхъ имѣются наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія; о нѣкоторыхъ-же мы умалчиваемъ въ виду сбивчивости свѣдѣній. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ могильникахъ съ погребеніемъ встрѣчается и трупосоженіе какъ напр. въ Зегевольдѣ и Кремонѣ.

Переходимъ теперь къ могильникамъ съ погребеніемъ и остановимся сначала на единичныхъ могилахъ.

Въ балтійскихъ губ. встрѣчаются единичныя могилы съ погребеніемъ подъ курганами. Такъ около Гросъ-Роопъ (въ Вольмарскомъ у.), въ 5 верстахъ на В. отъ имѣнія, на сѣверномъ берегу оз. Икуль, находится на возвышенности довольно большое курганное поле. Въ 1869 г., когда здѣсь производилъ раскопки бар. Розенъ, кургановъ насчитывалось около 50-ти; курганы (невысокіе); — правильной формы они не представляли. На глубинѣ 1½—4 футовъ лежали костяки, въ вытянутомъ или согбенномъ положеніи: изъ нихъ въ 3-хъ ногами на востокъ и головой на западъ, въ другихъ трехъ въ противоположномъ направленіи***). Съ этимъ могильникомъ въ тѣсной связи по своему устройству стоитъ раскопанный Бэрромъ могильникъ около Зегевольда, который Бэръ принималъ за мѣсто погребенія павшихъ воиновъ. Въ положеніи костяковъ и здѣсь Бэръ не усматриваетъ никакого опредѣленнаго порядка. Въ Зегевольдѣ встрѣчалось и трупосоженіе †). Курганы съ погребеніемъ извѣстны и въ Эстляндской губ. напр. на Пюхтицкой Богородицкой горѣ, раскопанные профессоромъ Висковатовымъ, и въ разныхъ мѣстахъ Лифляндской и Курляндской губерній. Въ м. Зантенъ въ прих.

*) Archiv für Geschichte Liv-, Est- u. Kurlands VI. 1851. Inland 1836 и Verh. d. G. Estn. G. I, 3

**) Sitzungsber. d. G. Estn. G. 1891. стр. 92.

***) Grewingk: Ueber heidnische Gräber in K. Littauens, стр. 131.

†) Bähr: Die Gräber der Liven, стр. 3.

Гандау обращают на себя вниманіе, изслѣдованныя въ 1892 г. проф. Хаусманомъ, курганы; высота этихъ послѣднихъ 5—6 фут.; костякъ покоится на уровнѣ почвы, направленіе съ запада на востокъ, около костяка слѣды тризны. Эти курганы представляютъ особый интересъ тѣмъ, что, какъ мы увидѣмъ ниже, они являются наиболѣе древними могилами съ погребеніемъ въ балтійскомъ краѣ*). Въ общемъ курганныя могилы не представляютъ никакихъ своеобразныхъ чертъ въ своемъ устройствѣ и мы поэтому считаемъ лишнимъ на нихъ останавливаться долше.

Болѣе интересны могилы безъ кургановъ. Къ этой категоріи относится болѣе число извѣстныхъ въ краѣ могильниковъ съ погребеніемъ. Укажемъ только на нѣкоторые, наиболѣе типичныя. А. Биленштейнъ въ 60-хъ годахъ произвелъ около Цабельна раскопки подобнаго могильника, извѣстнаго подъ названіемъ Kreeuw-karpi**), неточно описаннаго у Крузе, въ его классификаціи могилъ. Могильникъ представляетъ площадь, шаговъ въ 256 длины и 120 ширины, и лежитъ недалеко отъ Абавы, при им. Рушенъ; упомянутая площадь покрыта круглыми могилами, высотой въ $1\frac{1}{2}$ фута, отдѣленныхъ другъ отъ друга канавами. На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ футовъ былъ обнаруженъ ровный тонкій слой угля, а подъ нимъ, на глубинѣ 2 фут. 4 дюймовъ, лежалъ костякъ, ногами на югъ. Близко подходитъ къ нимъ и могильное поле, около Кремона, недалеко отъ Лифляндской Аа, въ которомъ однако были находимы и могилы съ трупосожженіемъ***). Аналогичный этому по своему устройству является могильникъ около оз. Икуль, въ Вольмарскомъ у., въ 2 верстахъ на западъ отъ Вендена†). Этого рода могильники представляютъ какъ-бы переходную ступень между курганами и могильниками безъ земляныхъ насыпей и стоятъ въ ближайшей связи съ курганами, отъ которыхъ отличаются преимущественно своей ничтожной высотой.

Остановимся еще на изслѣдованномъ Гревингомъ††) могильникѣ въ им. Анрепсхофъ (въ Рижскомъ у.), который представляетъ какъ-бы переходную форму между единичными и общественными могилами. Могильникъ лежитъ около крестьянскаго двора Мазе-петчъ; онъ представляетъ рядъ невысокихъ кургановъ

*), Sitzungsab. d. g. est. G. 1892 и Sitzungsab. d. Kurl. G. f. Lit. und Kunst, 1892.

**) Sitzungsab. d. Kurl. G. f. L. u. Kunst, 1868.

***) Sitzungsab. d. g. est. G. 1874 и 1891.

†) ib. 1874.

††) Sitzungsab. d. g. est. G. 1874, стр. 113 и слѣд.

(наибольшая высота которых метра $1\frac{1}{2}$ и $27\frac{1}{2}$ метровъ въ окружности), соприкасающихся своими основаніями. Нѣкоторыя могилы едва замѣтны; въ части кургановъ обнаружено въ каждомъ по одному костяку, положенному на уровнѣ земли; въ многихъ курганахъ было погребено два покойника одинъ надъ другимъ, причѣмъ найденные предметы не позволяютъ отнести болѣе высоко погребенныхъ къ эпохѣ на много позднѣйшей чѣмъ эпоха погребенія лежащихъ болѣе глубоко. Гревингъ полагаетъ, что эти курганы съ нѣсколькими костяками представляютъ семейныя могилы; судя по найденнымъ предметамъ онъ считаетъ возможнымъ сдѣлать предположеніе, что курганы были насыпаемы лишь надъ могилами болѣе богатыхъ людей, болѣе бѣдныхъ хоронили въ могилахъ, въ которыхъ надземная насыпь была едва замѣтна.

Могилы съ погребеніемъ безъ насыпей очень часты въ балтійскихъ губ.. Это могильники, которымъ мы придаемъ названіе общественныхъ. Какъ на одинъ типъ подобныхъ могилъ безъ насыпей укажемъ на извѣстный могильникъ около Ашерадена; значеніе его особенно велико тѣмъ, что изслѣдованіе этого могильника открываетъ, собственно говоря, исторію серьезнаго археологическаго изученія доисторическихъ мѣстныхъ древностей. Первые находки въ Ашераденѣ были сдѣланы весной 1834 г. Въ этомъ году Двина разлилась особенно сильно; часть могилъ была смыта, и когда прислуга мѣстнаго пастора отправилась на рыбную ловлю, то въ сѣти стали попадать бронзовыя цѣпочки, различныя украшенія, оружіе и пр. Это обстоятельство надѣлало много шума. Часть найденныхъ предметовъ была сохранена заботливостью пастора, часть была продана крестьянами евреямъ на славъ. Для изслѣдованія этого могильника, а равно вообще для изученія древностей края Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія былъ командированъ Крузе, (въ 1838—39 гг.), работы котораго и положили начало мѣстной археологіи*).

Ашераденскій могильникъ находится около пастората того же имени, въ узкой ровной полосѣ, ограниченной съ одной стороны Двиной, а съ другой прибрежными возвышенностями. Разливомъ рѣки было обнаружено пространство шаговъ въ 400 ширины и въ 1000 длины, раздѣленное поставленными камнями на большое число квадратовъ, изъ которыхъ каждый занималъ приблизительно площадь въ 24 кв. фута; внутри квадратовъ обрисовывались 4—5 круга, отмѣченные небольшими камнями, по-

*) Kruse: Vorläufiger Bericht въ Verh. d. g. est. G. I. 1.

ставленными въ два ряда. Внутри этихъ круговъ на глубинѣ 1½—2 футовъ покоились костяки, по одному въ каждомъ кругѣ, непосредственно на землѣ, украшенные оружіемъ и разными бронзовыми предметами. Определеннаго направленія костяки повидимому не имѣли; часть ихъ лежала головой на востокъ, часть на западъ, сѣверъ и югъ; руки были сложены на животъ. Подобныя могилы извѣстны въ нѣсколькихъ мѣстахъ по теченію Двины*).

Другимъ типомъ общественныхъ могилъ можетъ служить могильникъ въ Варролѣ, около крестьянскаго двора Кальтри; раскопки, здѣсь были произведены сначала гг. Думбергомъ и Мазингомъ, а затѣмъ проф. Лёшке**). Могильникъ лежитъ на естественномъ холмѣ; по снятіи верхняго слоя, состоящаго изъ земли и небольшихъ камней, былъ обнаруженъ рядъ небольшихъ каменныхъ кучекъ, обставленныхъ камнями болѣе значительныхъ размѣровъ; подъ ними лежали костяки головами на западъ, ногами на востокъ.

Могильный холмъ на сѣверномъ берегу Кайкунскаго оз. между крестьянскими дворами Равель и Вилькашъ представляетъ по своему устройству нѣкоторое сходство съ этимъ типомъ въ томъ отношеніи, что здѣсь, какъ и въ предидущемъ могилы были расположены неглубоко подъ верхнимъ слоемъ на естественномъ холмѣ; каменныхъ кучекъ, покрывающихъ костяки здѣсь не было замѣчено***).

Къ типу общественныхъ-же могилъ слѣдуетъ казаться отнести случайно открытый, но неизслѣдованный подробнѣе могильникъ въ им. Куркюлѣ недалеко отъ Везенберга; При производствѣ земляныхъ работъ, на глубинѣ 3-хъ футовъ были найдены два костяка; они лежали въ направленіи съ сѣвера на югъ, причемъ такъ, что головы ихъ находились въ противоположномъ направленіи, а ноги ихъ соприкасались. Найденныя предметы и украшенія не позволяютъ видѣть здѣсь случайныя могилы†). Здѣсь, повидимому, мы имѣемъ дѣло также съ общественнымъ могильникомъ, причемъ, если только описаніе открытыхъ могилъ, сдѣланное г. Ноксомъ, точно, онъ отличался-бы отъ выше описанныхъ тѣмъ, что и подъ верхнимъ слоемъ могилы ничѣмъ не были отдѣлены другъ отъ друга.

Г. Шмитъ производилъ раскопки въ Альтъ-Раденѣ, не-

*) Kruse: Necrolivonica; Bähr: Die Gräber der Liven.

**) Sitzungs. b. d. g. est. G. 1887. стр. 111 и слѣд.

***) ib. 1874. стр. 63.

†) Verhandl. d. g. est. G. III, 1.

далеко отъ Бауске; могилникъ лежитъ на берегу Мемеля, въ полѣ, и не представляетъ никакихъ надземныхъ признаковъ; костяки лежали на глубинѣ 1—2 футовъ, въ направленіи съ В. на З.*) Этотъ общественный могильникъ съ погребеніемъ, какъ и единичныя могилы у Зантена, является наиболѣе древнимъ могильникомъ съ погребеніемъ въ краѣ.

Приведенный перечень самыхъ главныхъ типовъ похоронныхъ памятниковъ, встрѣчающихся въ Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губ., показываетъ, что могильники по способу своего устройства обнаруживаютъ значительное разнообразіе. Этого и слѣдовало ожидать, если принять во вниманіе, что на сравнительно небольшомъ пространствѣ, занимаемомъ балтійскими губ., толпилось довольно значительное число племенъ, отличавшихся другъ отъ друга не только по языку но и по культурѣ; наконецъ, если вспомнить, что и въ настоящее время среди мѣстнаго населенія существуютъ рѣзкія отличія не только по національностямъ, но что даже въ предѣлахъ одной и той-же національности въ различныхъ мѣстностяхъ мы видимъ сильныя колебанія въ вѣрованіяхъ, обычаяхъ, обрядахъ, постройкахъ, утвари и одеждѣ — насъ не удивитъ разнообразіе въ устройствѣ могилъ въ древнее время.

IV.

Въ многочисленныхъ могилахъ, раскопанныхъ въ прибалтійскихъ губ., изслѣдователями были найдены богатый матеріалъ**); много было найдено оружія изъ желѣза, но еще больше разныхъ металлическихъ украшеній. Эти послѣднія рѣдко сдѣланы изъ драгоценныхъ металловъ; золото почти вовсе не встрѣчается; серебро сравнительно рѣдко; издѣлій изъ недрагоценныхъ металловъ въ чистомъ видѣ, какъ напр. изъ мѣди, цинка, олова, свинца встрѣчено также немного. Огромное большинство предметовъ украшенія изготовлены изъ сплава мѣди, цинка, олова, свинца и др., — сплава, которому принято также придавать наименованіе бронзы. Химическій анализъ подобныхъ предметовъ, найденныхъ

*) Sitzungsh. d. Kurl. g. f. Lit. u. Kunst. 1886. стр. 14 и слѣд.

**) Коллекціи археологическихъ предметовъ, найденныхъ въ балтійскихъ губ., хранятся въ большомъ количествѣ въ мѣстныхъ музеяхъ: въ Митавѣ, Ригѣ, Юрьевѣ, Ревелѣ, Арнсбургѣ и др. Для знакомства съ ними могутъ служить слѣдующія сочиненія: Kruse: Necrolivonica; Baehr: Die Gräber der Liven; Hartman: Das vaterländische Museum zu Dorpat (въ Verhandl. d. g. est. G. VI, 3. 4.); G. v. Hansen: Die Sammlungen inländischer Alterthümer. (Ревель); нѣсколько таблицъ рисунковъ, мы встрѣчаемъ въ Verhandl. d. g. est. G. VIII смт. также Aspin: Les Antiquités der Nord Finno-Ougrien и др.

въ различныхъ могилахъ, съ различными формами погребенія и относящихся къ различнымъ эпохамъ, отъ наиболѣе древней до наиболѣе поздней, показываетъ, что въ теченіи всего доисторическаго періода балтійскихъ губ. матеріалъ употребляемый для украшеній оставался одинъ и тотъ-же. Приводимая таблица можетъ служить доказательствомъ вышесказаннаго*).

Названіе могильника.	Мѣди %	Олова %	Цинка %	Свинца %	Желѣза %.
Ашерадень	78,18	1,64	16,13	4,03	—
Хазау	82,55	10,39	6,34	0,60	—
Цабельнъ	75,41	0,02	14,29	10,16	0,01
Кремонъ	77,25	1,15	17,54	3,88	0,30
„	86,09	0,87	8,15	4,16	0,02
Иннисъ (Вез. у.)	78,14	0,03	17,21	4,65	0,24
ок. оз. Икуль.	86,89	0,88	9,05	2,52	0,55

Анализъ предметовъ изъ общественной могилы съ трупосожженіемъ около Славека и каменныхъ кучъ у оз. Штранте, Уннинихта и Пайусъ привелъ къ тѣмъ-же результатамъ. Количество мѣди колебалось отъ 79,21—87,51%; олова — 0,53—2,58%; цинка — 9,71—13,85%; свинца — 0,04—7,73%; желѣза 0,52—0,64%. Произведенный Гебелемъ анализъ различныхъ предметовъ, найденныхъ Крузе изъ разныхъ могильниковъ, указалъ что количество мѣди колеблется 77—82%; олова — 2½%; цинка 18—19%; свинца ½—4%.

Если откинуть бронзовый предметъ изъ Хазау, въ которомъ находится значительный % олова, во всѣхъ остальныхъ мы увидимъ, что олово занимаетъ ничтожное мѣсто въ сплавѣ; преобладаетъ преимущественно кромѣ мѣди цинкъ и свинецъ и въ этомъ отношеніи этотъ сплавъ подходитъ вполнѣ подъ понятіе т. наз. „цинковой бронзы.“ Гревингъ упоминаетъ, что анализъ предметовъ изъ могильниковъ въ Альтъ-Кустхофѣ, Левенхофѣ, Лемсалѣ, Зегевольдѣ, Роннебургѣ, Нѣсткенсхофѣ, Сербенѣ, Альтъ-Шебальгѣ, Ерлаа, Кальценау, Ней-Зельбургѣ, Озольсъ-Кальнсѣ (въ прих. Аутцъ), а также бронзовыхъ предметовъ, найденныхъ въ Добесбергскомъ кладѣ, подтверждаетъ мнѣніе объ однородномъ составѣ бронзы, употреблявшейся для украшеній**).

По своему составу эта бронза не является спеціально характерной для прибалтійскихъ губ.; тотъ-же сплавъ является обыкновеннымъ въ предметахъ желѣзнаго вѣка Германіи и курганнаго періода Россіи, хотя въ % отношеніи различныхъ метал-

*) Kruse: Necrolivonica; Grewingk: Ueber beidnische Gräber Russisch-Litauens; Sitzungsber. d. g. est. G. 1874; 1876.

**) Sitzungsber. d. g. est. G. 1874. стр. 163.

ловь и замѣчается нѣкоторое различіе. Приводимъ для примѣра слѣдующую таблицу*).

	Мѣдь.	Олово.	Цинкъ.	Свинець.
1) Владимірская губ, (Могила съ монетой X в.)	82,73	11,20	3,87	2,20
2) Псковская губ. ок. Опочки, могила съ монетой X в.	90,48	0,82	7,38	0,91
„	92,03	2,01	2,13	—
„	94,99	2,15	1,20	1,17
„	95,03	0,94	2,95	—
Тюрингенъ	83,07	1,53	15,38	—
ок. Кёнигсберга	82,50	1,50	16,00	—
„	90,15	2,80	8,22	1,23
„	90,00	1,07	6,98	1,67
Скандинавія	81,00	2,85	14,67	1,45

Несмотря на нѣкоторое колебаніе количества вошедшихъ въ сплавъ металловъ, выражающееся впрочемъ преимущественно въ преобладаніи мѣди надъ другими, нельзя не замѣтить, что бронзовые предметы балтійскихъ губ., принадлежать по своему матеріалу къ той же группѣ, какъ и найденные въ сосѣднихъ съ ними странахъ. Наибольшее различіе сказывается въ предметѣ изъ могилы Владимірской губ. (шейная гривна), къ которой по своему химическому составу близко подходитъ предметъ изъ Хазау. Въ общей сложности сплавъ предметовъ, встрѣчаемыхъ въ балтійскихъ губ. и сосѣднихъ съ ними странахъ близко подходитъ къ такъ наз. римской бронзѣ, извѣстной намъ изъ римскихъ предметовъ украшенія и монетъ конца республики и императорскаго періода.

Обзоръ могильнаго инвентаря привелъ изслѣдователей къ вопросу: слѣдуетъ-ли видѣть въ предметахъ, находимыхъ въ могилахъ, издѣлія привозныя или продукты мѣстнаго производства. Мнѣнія раздѣлились. Часть предметовъ (какъ напр. бусы) по мнѣнію всѣхъ были привозныя; но металлическіе предметы часть изслѣдователей выводила исключительно изъ сосѣднихъ странъ, другая часть наоборотъ хотѣла доказать, что металлургія процвѣтала издавна среди мѣстныхъ племенъ. Этотъ споръ поднялся почти съ самаго начала археологическаго изученія края. Въ то время какъ Крузе видѣлъ во всѣхъ предметахъ доказательство отчасти бывшихъ оживленныхъ торговыхъ сношеній, а главныхъ образомъ факта, что нѣкогда на восточномъ балтій-

*) Kruse: *Necrolivonica*; Wendt: *Vorgeschichtliches aus Livland* (въ *Verh. d. G. est. G. III, 1*), Grewingk: *Ueber heidnische Gräber R.-Lithauens*; его-же: *Zur Archäologie des Balticum* (въ *Archiv f. Anthrop. X. 1877*).

скомъ побережьѣ жили племена болѣе культурныя, чѣмъ тѣ, которыхъ застали нѣмцы при ихъ пришествіи въ край. Бэръ старался доказать, что финскія племена издавна были извѣстны своимъ умѣньемъ обрабатывать металлы и что такимъ образомъ въ инвентарѣ могилъ балтійскихъ губ. мы имѣемъ слѣды мѣстной культуры, развившейся самостоятельно, безъ чуждаго вліянія. Сходство находимыхъ предметовъ въ мѣстныхъ могилахъ, съ таковыми-же изъ сосѣднихъ странъ не могла, конечно, ускользнуть отъ вниманія Бэра; но онъ объяснялъ это сходство тѣмъ, что основные типы предметовъ сформировались еще въ періодъ глубочайшей древности, въ азіятской прародинѣ мѣстныхъ племенъ — этимъ и обязаны мы сходствомъ предметовъ украшеній у разныхъ народовъ, такъ какъ изъ Азіи, гдѣ основные типы были выработаны, они были разнесены разными народами во всѣ концы міра. Крузе и Бэръ являются представителями двухъ крайнихъ взглядовъ и крайность мнѣнія Бэра, его бездоказательная гипотеза, со всѣмъ немыслимымъ при современномъ состояніи науки увлеченіемъ, является лишь реакціей противъ такого-же крайняго мнѣнія Крузе и его школы, лишаящей мѣстныя племена способности къ самостоятельному развитію и къ культурному прогрессу.

Съ того времени, какъ появились въ свѣтъ труды Крузе и Бэра, изученіе мѣстной археологіи сдѣлала огромные шаги, но извѣстная тенденція то въ духѣ Крузе, то въ духѣ Бэра, сказывалась въ работахъ послѣдующихъ ученыхъ, хотя болѣе позднія теоріи и не впадали въ крайности обоихъ основателей мѣстной археологіи. Лишь точное изученіе предметовъ можетъ рѣшить вопросъ, гдѣ слѣдуетъ искать родину находимыхъ предметовъ. Къ этому мы и перейдемъ, но раньше укажемъ какія доказательства имѣетъ археологическая наука въ пользу мнѣнія мѣстнаго производства оружія и украшеній, такъ какъ это облегчитъ намъ дальнѣйшее обозрѣніе инвентаря могильниковъ.

Выше было говорено о находкѣ въ кладѣ у Добесберга молота и наковальни, служащей неоспоримымъ доказательствомъ того, что производство оружія изъ желѣза было знакому мѣстнымъ жителямъ. Однако какъ кажется оружіе мѣстнаго производства не отличалось доброкачественностью. Къ этому приводятъ слѣдующія соображенія: въ нѣмецкихъ хроникахъ эпохи завоеванія края, всегда послѣ описанія побѣдоносныхъ битвъ или взятія укрѣпленныхъ мѣстъ туземцевъ, подробно исчисляется добыча, доставшаяся побѣдителямъ; объ оружіи почти что не упоминается среди предметовъ, составляющихъ добычу*), а между тѣмъ эти-же хроники свидѣтельствуютъ объ

*) Holzmayer. Das Kriegswesen d. alten Oeseler, стр. 10.

употребленіи мѣстными жителями желѣзнаго оружія. Кромѣ дубинъ (*clavae, fustes*) и щитовъ, которые, какъ кажется, выдѣлывались изъ дерева, лѣтописцы приводятъ въ числѣ оружія эстовъ, ливовъ и куровъ еще мечи, копья, стрѣлы, топоры и пр., сдѣланные изъ желѣза. Нѣкоторые изслѣдователи хотѣли доказать, что съ этимъ оружіемъ, туземцы познакомились только послѣ прихода нѣмцевъ, но подмѣчаемое лѣтописцами искусство, съ которымъ они владѣли оружіемъ, заставляетъ думать, что оно мѣстнымъ жителямъ было извѣстно уже давно. Тѣмъ не менѣе нѣмецкіе завоеватели, всегда особенно высоко цѣнившіе добычу, состоявшую изъ оружія, повидимому, пренебрегали оружіемъ мѣстнаго издѣлія настолько, что когда въ 1224 г. нѣмцы взяли Юрьевъ, то они, по свидѣтельству Генриха Латыша, тщательно отобрали у русскихъ защитниковъ города ихъ оружіе, на эстонское-же не обратили никакого вниманія*). Между тѣмъ находимое въ могилахъ оружіе часто принадлежитъ къ числу хорошо работаннаго и даже иногда украшено чеканкой. Это обстоятельство, въ связи съ выше сказаннымъ заставляетъ предполагать, что, по крайней мѣрѣ, часть оружія, употреблявшаяся мѣстнымъ населеніемъ, была привозная.

Археологическихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что бронзовыя украшенія изготовлялись на мѣстѣ — также много. Въ Вендепскомъ у., въ им. Лубанъ (*Lubahn*) при выкорчевываніи пня очень стараго дуба, на глубинѣ 3-хъ футовъ, былъ пайденъ необдѣланный кусокъ бронзы, 24,6 сантиметра длины, 1,5 см. ширины и 1 см. толщины. Подобныя-же куски бронзы были находимы въ недалекомъ разстояніи отъ Ашердепскаго могильника, около Фридрихштата. Химическому анализу, насколько намъ извѣстно, былъ подвергнутъ только кусокъ бронзы, найденный въ им. Лубанъ; кусокъ этотъ представлялъ сплавъ, причемъ на долю мѣди приходилось 70,82%, свинца — 17,32%, цинка — 10,75% и желѣза — 0,99%**) т. е. матеріалъ этого куска бронзы являлся вполне аналогичнымъ по своему составу матеріалу, изъ котораго выдѣлывались извѣстныя намъ изъ мѣстныхъ могилъ бронзовыя украшенія. Далѣе въ 2-хъ верстахъ отъ им. Залль, на о-вѣ Эзелъ, было найдено пять формъ для отливанія бронзовыхъ предметовъ; формы сдѣланы изъ топкозерпистаго, мягкаго, содержащаго въ незначительномъ количествѣ глину, доломита. Одна изъ такихъ формъ служила для отлитія

*) Richter. Geschichte der Ostseeprovinzen I, стр. 51.

**) Sitzungsb. d. g. e. G. 1871, стр. 38, 39.

бронзовыхъ привѣсокъ, напоминающихъ находимые въ курганахъ Владимірской губ. *).

Эти немногочисленные данныя служатъ вѣскимъ доказательствомъ въ пользу мнѣнія, что искусство обработки бронзы было извѣстно среди населенія балтійскаго края; вопросъ о томъ, насколько это искусство было распространено среди мѣстнаго населенія, а также вопросъ о національности племени, обработывавшаго въ этомъ краѣ бронзу, не можетъ быть рѣшенъ сколько нибудь удовлетворительно. Пока является возможнымъ установить лишь тотъ фактъ, что матеріалъ для выдѣлыванья бронзовыхъ украшеній доставлялся въ балтійскія губ. путемъ торговли, такъ какъ мѣстный край не богатъ рудами; далѣе что часть древнихъ обитателей балтійскихъ губ. выдѣлывала сама свои бронзовыя украшенія. Отсюда, конечно, еще далеко до утвержденія Бэра и болѣе позднихъ, не выпадающихъ въ его крайности, послѣдователей его, о существованіи самостоятельно развившейся мѣстной культуры, выразившейся въ издѣліи предметовъ вооруженія и украшенія, находимыхъ въ могилахъ балтійскихъ губ. Въ самомъ дѣлѣ, археологическій періодъ, обнимаемый т. наз. желѣзнымъ вѣкомъ мѣстнаго края, громаденъ. Онъ охватываетъ болѣе двѣнадцати вѣковъ, въ теченіи которыхъ почти непрерывно шли торговыя сношенія черезъ балтійскія губ., поэтому уже а priori является возможнымъ утверждать, что „самостоятельная“ культура мѣстнаго населенія должна была подвергаться сильному вліянію его сосѣдей. Мы видѣли, что начало этихъ торговыхъ сношеній застаётъ туземцевъ на очень низкой ступени развитія, либо вовсе, либо почти незнающими употребленія металловъ. Поэтому, если и можетъ быть рѣчь о самостоятельной культурѣ въ періодъ знакомства съ металлами, то лишь о такой, которая, занесенная чуждыми племенами путемъ ли торговли или колонизаціи, привилась среди древнихъ обитателей края. Посмотримъ, насколько такое утвержденіе оправдывается изученіемъ формъ предметовъ, находимыхъ въ могилахъ.

Имѣя въ виду длительность періода знакомства съ желѣзомъ, мы не можемъ ожидать однообразія въ могильномъ инвентарѣ. Въ теченіи этого періода культура сосѣднихъ съ балтійскимъ краемъ племенъ росла и видоизмѣнялась, а сообразно съ этимъ должны были измѣняться и культурныя вліянія, оказываемыя на мѣстныхъ жителей. Поэтому, при изученіи могилъ, является важнымъ опредѣленіе ихъ древности, которое оказывается возможнымъ только при помощи, найденныхъ въ могилахъ, монетъ.

*) ib. 1874, стр. 127.

Прежніе мѣстные изслѣдователи для опредѣленія эпохи, къ которой могилы относятся, основывались и на находимыхъ вблизи могильника монетахъ. Вслѣдствіе этого нѣкоторые могильники, относящіеся къ сравнительно поздней эпохѣ, были отнесены къ первымъ вѣкамъ по Р. Х. на основаніи того, что по близости отъ нихъ были находимы римскія монеты. Позднѣйшіе изслѣдователи старались исправить эту ошибку, что впрочемъ не всегда являлось возможнымъ вслѣдствіе нѣкоторой сбивчивости показаній преемнихъ авторовъ. Поэтому мы ограничимся тѣмъ, что отмѣтимъ нѣкоторыя лишь безспорныя находки монетъ пока только римскихъ. Римскія монеты были найдены въ могильникѣ съ погребеніемъ около Калсетена, недалеко отъ Либавы, II-го и III-го вв. по Р. Х.; далѣе въ каменной кучѣ, около оз. Штранте, были найдены, среди набросанныхъ предметовъ, двѣ монеты Веспасіана и Фаустины, и наконецъ въ могильникѣ съ сожженіемъ, около Пила на о-вѣ Эзелѣ, была найдена монета Константина (330 г. по Р. Х.). Такимъ образомъ указанные могильники являются точно датированными. Слѣдовательно всѣ могильники, въ которыхъ мы находимъ предметы схожіе съ тѣми, которые были найдены въ указанныхъ могильникахъ, слѣдуетъ отнести къ той-же эпохѣ.

При обзорѣ монетъ, найденныхъ въ балтійскомъ краѣ, было указано, что римскія монеты встрѣчаются только до половины V-го в., затѣмъ монеты какъ бы исчезаютъ, чтобы появиться вновь, черезъ два слишкомъ столѣтія, въ лицѣ арабскихъ, византійскихъ, англосаксонскихъ, нѣмецкихъ и пр. Этотъ фактъ далъ возможность изслѣдователямъ подраздѣлить періодъ, обнимающій эпоху отъ I-го в. по Р. Х. до покоренія края, на двѣ части: такъ наз. древній и новый желѣзные вѣка. Къ первому относятся, датированные римскими монетами, вышеуказанные могильники и всѣ тѣ, которые, по типу находимыхъ вещей, подходятъ къ нимъ; ко второму всѣ, въ которыхъ, найденныя монеты, относятся къ эпохѣ послѣ V-го вѣка. Такимъ образомъ, обыкновенно принято говорить, что древній желѣзный вѣкъ длился отъ I—VI вв. по Р. Х., новый — отъ VI-го в. до прихода нѣмцевъ. Это раздѣленіе не слѣдуетъ однако принимать слишкомъ строго, такъ какъ монеты V-го вѣка могли встрѣчаться и въ могилахъ болѣе позднихъ чѣмъ VI в. Наконецъ переходъ отъ одного періода къ другому совершался, какъ мы увидимъ, съ извѣстной постепенностью.

Древній желѣзный вѣкъ мѣстнаго края большинствомъ ученыхъ ставится въ тѣснѣйшую связь съ желѣзнымъ вѣгомъ,

охватывающимъ западный и южный берегъ Балтійскаго моря. Одно изъ культурныхъ теченій, пишетъ Ворзаэ, „повидимому распространилось далеко въ направленіи къ востоку: отъ областей рѣкъ Одера и Вислы и отъ балтійскихъ губ. черезъ о-ва Борнгольмъ, Эландъ и Готландъ. Оно перешло въ юго-восточныя части Шонена и оттуда дальше въ Блекинге, Остготландъ и въ сѣверныя и восточныя провинціи и на финляндскіе берега, причемъ, однако, на сѣверъ не переходило 63-о с. ш.*)“ Ближе всего культура древняго желѣзнаго вѣка балтійскихъ губ. стоитъ однако не къ Швеціи, а къ восточной Пруссіи; на это обратилъ особое вниманіе Ундсетъ, а изъ мѣстныхъ ученыхъ Гревингъ.

„Находки, дѣлаемыя въ балтійскихъ губ., пишетъ Ундсетъ**), и сравненіе ихъ съ восточно-прусскими древностями приводитъ къ заключенію, что древній желѣзный вѣкъ этихъ обѣихъ областей слѣдуетъ отнести къ одной и той-же эпохѣ. Но въ балтійскомъ краѣ онъ нѣсколько поздне вступаетъ въ силу; въ пользу такого мнѣнія говорятъ отдаленность края отъ культурныхъ центровъ и встрѣчаемыя, болѣе позднія формы предметовъ. Наконецъ Гревингъ, со свойственной ему способностью приводить въ систему извѣстный ему археологическій матеріалъ, считаетъ возможнымъ раздѣлить культуру древняго желѣзнаго вѣка въ балтійскихъ губ. на четыре категоріи. Представителями первой категоріи являются могильники, извѣстные подъ названіемъ Велла-лайве. Въ сосудахъ, въ которыхъ были сложены пережженные кости, въ этихъ погребальныхъ памятникахъ, Гревингъ видитъ черты сходства съ подобнымъ-же сосудомъ, найденномъ въ могилѣ съ трупосожженіемъ въ Псковской губ., а также съ погребальными урнами, извѣстными изъ Швеціи. Велла-лайве, по мнѣнію Гревинга, являются переходной формой отъ бронзоваго вѣка къ желѣзному***); это утвержденіе онъ основываетъ на упомянутомъ нами выше фактѣ находки металлическаго предмета въ одномъ изъ Велла-лайве. Мы уже указывали, что эта находка крайне сомнительна, что Гревингъ лично не видалъ найденнаго предмета и что поэтому его утвержденіе о томъ, что этотъ предметъ сдѣланъ или изъ бронзы или изъ мѣди ни на чемъ не основано. Вслѣдствіе этого и мнѣніе его, что Велла-лайве относятся къ переходной эпохѣ отъ бронзоваго вѣка къ желѣзному лишено всякаго осно-

*) Worsae: Die Vorgeschichte des Nordens: Sitzungsh. d. Kurl. g. f. L. u. Kunst. 1879. стр. 21.

**) Sitzungsh. der Kurl. g. f. L. u. Kunst, 1881. стр. 30, 31.

***) Die Steinschiffe v. Musching. стр. 33.; Erläuterungen z. Karte. стр. 104 и слѣд.

ванія. Вторая категорія характеризуется, по Гревингу, общес-
твенными могилами съ трупосоженіемъ безъ погребальныхъ
урпъ, тина, который Гревингъ считалъ за корабельныя могилы.
Онъ старается провести границы ихъ распространенія, но мы уже
видѣли, что теорія о существованіи корабельныхъ могилъ въ краѣ,
оказалась основанной на неточно снятыхъ планахъ и что гра-
ницы распространенія этого вида похоронныхъ памятниковъ, по
вѣрному замѣчанію проф. Хаусмана, не можетъ быть опредѣлена
при современномъ знакомствѣ нашемъ съ доисторическими древ-
ностями балтійскаго края.

Третью группу составляютъ могильники, представителемъ
которыхъ является могильникъ на о-вѣ Эзелѣ въ Пайомость.
Эта группа обнимаетъ только о-ва Эзель и Монъ, хотя Гревингъ
и допускаетъ возможность, при расширеніи нашихъ археологиче-
скихъ свѣдѣній, найти могильники этого типа и въ нѣкоторыхъ
частяхъ материка.

Наконецъ 4-я группа обнимаетъ всю Курляндскую губ.; за
исключеніемъ области, занятой Велла-лайве. Ея характерной чер-
той является главнымъ образомъ то, что въ ней встрѣчаются
какъ могилы съ трупосоженіемъ, такъ и съ погребеніемъ, при-
чемъ либо въ одномъ и томъ-же могильникѣ, либо въ разныхъ.
Эта группа стоитъ въ близкой связи съ сосѣдними съ Курлянд-
ской губ. — Ковенской и Витебской губ. Эти обѣ группы также не
могутъ быть названы удачными. Относительно 3-й группы слѣ-
дуетъ замѣтить, что въ виду недостаточности нашихъ свѣдѣній
о могильникахъ съ соженіемъ, является рискованнымъ выдѣ-
лять эзельскіе могильники въ особую группу; Гревингъ имѣлъ
основаніе это дѣлать въ виду своего убѣжденія въ правильности
факта существованія корабельныхъ могилъ, но теперь лишь даль-
нѣйшее изученіе можетъ опредѣлить насколько позволительно дѣ-
лать отдѣльныя группы изъ встрѣчаемыхъ въ краѣ могильни-
ковъ съ трупосоженіемъ безъ погребальныхъ урпъ. Что касается
последней, четвертой, группы, то фактъ открытія совмѣстно
двухъ похоронныхъ обрядовъ въ одномъ и томъ-же могильникѣ
не является отличительной чертой могильниковъ Курляндской
губ., въ періодъ древняго желѣзнаго вѣка. Могила около оз.
Штранте, раскопанная гр. Сиверсомъ, и тюрсельскій могильникъ,
раскопанный проф. Висковатовымъ, обнаружили и трупосоженіе
и погребеніе, хотя основная часть обонхъ могильниковъ и отно-
сится къ древнему желѣзному вѣку.

Вообще классификація Гревинга въ настоящее время не
можетъ быть принятой; лишь дальнѣйшее изученіе мѣстной ар-

хеологін можетъ въ послѣдствіи дать возможность раздѣлить древній желѣзный вѣкъ на группы, области и т. п. Въ настоящее-же время въ виду сходства въ основныхъ типахъ находимыхъ предметовъ въ разныхъ могильникахъ древняго желѣзнаго вѣка, мы должны смотрѣть на этотъ періодъ какъ на иѣчто цѣльное.

Наиболѣе типичнымъ могильникомъ древняго желѣзнаго вѣка является тюрсельскій; находки въ немъ чрезвычайно многочисленныя и предметы отличаются изяществомъ и тонкостью работы. Въ виду того, что найденныя въ немъ предметы являются характерными для подобныхъ могилъ датированныхъ, то и нельзя не отнести части этого могильника къ древнему желѣзному вѣку. Гревингъ считаетъ этотъ могильникъ болѣе древнимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ общественныхъ могильниковъ съ трупосожженіемъ безъ погребальныхъ урнъ и относитъ его къ эпохѣ отъ 100—350 гг. по Р. X.*).

Характерными предметами для тюрсельскаго могильника, а также вообще для всѣхъ могильниковъ древняго желѣзнаго вѣка являются фибулы. Собственно говоря въ могильникахъ этой эпохи встрѣчаются три главныхъ типа (фибулъ и т. н. 1) фибула самострѣлообразная (Armbrust-fibel), 2) въ видѣ буквы Т и 3) лѣстницообразная или точнѣе перекладинообразная (Sprossenfibel). Всѣ три, характерныя для могильниковъ древняго желѣзнаго вѣка фибулы, были найдены въ тюрсельскомъ могильникѣ, причемъ работа ихъ на много изящнѣе подобныхъ же украшеній изъ другихъ могилъ этой эпохи.

Самострѣлообразная бронзовая фибула считается римско-провинціального происхожденія. Она была встрѣчена, кромѣ тюрсельскаго могильника, въ слѣдующихъ мѣстностяхъ балтійскихъ губ.: въ сѣверной части Лифляндской губ., въ Юрьевскомъ у.; въ южной части этой-же губ. она была найдена въ каменной кучѣ, на возвышенности между рр. Аа и Евастой, на границѣ Валкскаго и Венденскаго уу. съ римскими монетами I и II вв. по Р. X., далѣе въ общественныхъ могилахъ съ трупосожженіемъ безъ погребальныхъ урнъ около Славека, (въ 5-ти экземплярахъ) и около Ашекишпе. Въ Курляндской губ. въ Тувкумскимъ у. въ числѣ предметовъ Добесбергскаго клада, далѣе изъ могилъ съ трупосожженіемъ и съ погребальными урнами около Капсетена недалеко отъ Либавы съ римскими монетами II и III вв. по Р. X. наконецъ около городка Газеншота въ могилахъ съ погребеніемъ и т. д. Эта форма фибулы часто встрѣчается на южномъ берегу Балтійскаго моря, въ восточной Пруссіи, около Кёнигсберга; въ

*) Der schifförmige Aschenfriedhof bei Türsel.

Мекленбургѣ, Шлезвигѣ, Голштиніи, въ Прирейнскихъ странахъ. Кромѣ того она извѣстна изъ находокъ въ Калишской и Радомской губ., въ Швейцаріи, Австріи и Италіи и была найдена въ Эпирѣ, „гдѣ во II-мъ и III-мъ вв. по Р. Х. основывался римскій городъ“.

Эта фибула, какъ видно, была сильно распространена во всѣхъ трехъ балтійскихъ губ.; ясно, что она занесена сюда путемъ торговли или колонизаціи въ первые вѣка нашей эры и, вѣроятно же всего, съ южнаго побережья Балтійскаго моря.

„Г“ образная фибула, которая была найдена въ тюрсельскомъ могильникѣ въ двухъ экземплярахъ, въ различныхъ вариацияхъ часто встрѣчается въ балтійскихъ губ. Одна изъ подобныхъ фибулъ, найденныхъ въ тюрсельскомъ могильникѣ, представляетъ единственный экземпляръ по своей величинѣ; по аналогичныя фибулы, значительно меньшихъ размѣровъ, встрѣчаются и въ другихъ могильникахъ; между прочимъ она была встрѣчена въ Юрьевскомъ у. и въ Славекѣ. Форма ея приводитъ насъ снова къ южному побережью Балтійскаго моря, аналогичныя фибулы извѣстны: изъ восточной и западной Пруссіи, Ганновера, а также изъ Люксембурга, Прирейнскихъ странъ и изъ Италіи.

Перекладинообразная фибула, найденная въ тюрсельскомъ могильникѣ, часто встрѣчается въ балтійскихъ губ., она извѣстна въ Эстляндской губ. изъ Укспорма, въ Лифляндской губ. она была найдена въ общественныхъ могильникахъ съ трупосоженіемъ безъ урнъ около Коссе, Ней-Камби и Уннишихта въ Юрьевскомъ у.; около Виллефера въ Феллинскомъ у., въ каменныхъ кучахъ около оз. Штранте съ римскими монетами и въ могилахъ около Славека и Ашекиппе, а также около оз. Лисдоль (Lisdohl-See) около Випшнее и Мужингъ. Аналогичныя фибулы были найдены въ Финляндіи, въ Ковенской губ., близъ Бранденбурга, около Данцига, въ Гессендармштатскихъ земляхъ, а также на о-вахъ Боригольмъ, Готландъ и Эландъ*). Эта форма фибулы, какъ и двѣ предыдущія, занесена въ балтійскія губ., вѣроятно же всего съ южнаго берега Балтійскаго моря.

Приведенные три типа фибулъ являются, на нашъ взглядъ, послѣ монетъ, почти единственными доказательствами принадлежности той или иной могилы къ древнему желѣзному вѣку. Къ нимъ впрочемъ можно до извѣстной степени присоединить найденную гр. Сивер-

*) Гревингъ: Der schifförmige Aschenfriedhof bei Türsel.; Труды VII археологическаго Съезда; стр. 201—203. Эти три формы фибулъ изображены въ обоихъ изданіяхъ ср. также Píč: Archaeologický výzkum ve středních Čechách. Tab. XXIII

сомъ, въ каменной кучѣ, около Славека эмалированную серебряную фибулу (круглую съ прорѣзанными лепестками на подобіе цвѣтка), которая впрочемъ, какъ кажется, относится болѣе къ концу древняго желѣзнаго вѣка. Гр. Сиверсъ описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: „серебряное украшеніе съ петелькой и иглой для пристегиванья; игла утеряна; общая ширина 51 мм.; вся фибула къ серединѣ слегка поднята; въ серединѣ ея возвышается на 2 мм. отдѣленное серебряный стѣнкой шириной въ 1 мм. круглое помѣщеніе для эмали; оно раздѣлено на 5 частей; центральное — отъ котораго на подобіе радіусовъ идутъ отдѣленные серебряной-же перегородкой (въ 1 мм. ширины) четыре ячейки для эмали. Центръ заполненъ свѣтло-желтой эмалью, а пространства между радіусами поочередно стекловидной красно-коричневой и бѣлой массой“*). Эмалированные предметы вообще рѣдки въ балтійскомъ краѣ: по этому, несмотря на весь интересъ, который представляетъ найденная гр. Сиверсомъ фибула, ее нельзя считать характерной для древняго желѣзнаго вѣка въ прибалтійскихъ губ. Другіе многочисленные предметы, находимые въ могилахъ этого періода, не могутъ, взятые отдѣльно, служить для опредѣленія древности могилъ, такъ какъ почти всѣ они повторяются и въ могилахъ болѣе позднихъ: это слѣдуетъ сказать и о сравнительно рѣдко находимомъ въ могилахъ этого періода желѣзномъ оружьи, иногда украшенномъ серебромъ. Въ виду того, что эти предметы встрѣчаются и въ могилахъ болѣе новыхъ, мы коснемся ихъ, когда будемъ говорить о послѣднихъ; пока-же ограничимся замѣчаніемъ, что Гревингъ, на основаніи детальнаго изученія предметовъ древняго желѣзнаго вѣка прибалтійскихъ губ., приходитъ къ заключенію, что главные типы ихъ представляютъ ближайшую аналогію и находятся въ тѣснѣйшей связи съ подобными-же предметами изъ Польши, Виленской губ., восточной Пруссіи, Ганновера и т. д., причемъ эти аналогіи гораздо слабѣе со Скандинавскими предметами**). Это относится къ привѣскамъ, шейнымъ гривнамъ, браслетамъ и кольцамъ, составляющимъ вмѣстѣ съ фибулами преобладающій инвентарь могилъ этого періода.

При сравненіи фибулъ Тюрсельскаго могильника съ инвентаремъ другихъ памятниковъ древняго желѣзнаго вѣка мы находили преимущественно аналогіи съ могилами съ трупосожженіемъ. Слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что инвентарь позволяетъ отнести и нѣкоторые могильники съ погребеніемъ къ этой же эпохѣ. Къ числу такихъ слѣдуетъ причислить изслѣдованный

*) Verhandl. d. g. Est G. VIII. 3; помѣщено и изображеніе предмета.

***) Der Aschenfriedhof hel Türsel.

проф. Хаусманомъ могильникъ съ погребеніемъ около Зантенъ въ приходѣ Кандау Курляндской губ.*). Устройство этихъ могилъ было описано нами выше; найденные предметы приводятъ этотъ могильникъ въ ближайшую связь съ могилами съ трупосоженіемъ безъ погребальныхъ урнъ, относящихся къ древнему желѣзному вѣку. Проф. Хаусманъ относитъ его къ II—IV вв. по Р. Х., и считаетъ его однимъ изъ древнѣйшихъ могильниковъ съ погребеніемъ, извѣстныхъ въ балтійскихъ губ. Этотъ могильникъ является такимъ образомъ важнымъ доказательствомъ, что въ началѣ древняго желѣзнаго вѣка, уже встрѣчаются въ балтійскомъ краѣ оба способа погребенія.

Между культурными періодами древняго и новаго желѣзнаго вѣка нѣкоторые изслѣдователи хотѣли установить извѣстный перерывъ: такое мнѣніе оправдывается въ значительной степени находками монетъ, гдѣ мы видимъ дѣйствительно перерывъ, продолжающійся отъ начала эпохи великаго переселенія народовъ до VIII-го вѣка, когда арабская торговля становится оживленной и переходитъ по Волгѣ черезъ центральную Россію къ Балтійскому морю, на южный его берегъ. Чѣмъ объясняется этотъ перерывъ въ находкахъ монетъ сказать навѣрное, при современномъ состояніи нашего знанія археологін балтійскихъ губ., довольно трудно: этотъ фактъ однако подалъ поводъ къ нѣкоторымъ гипотезамъ, о которыхъ намъ придется говорить ниже. Но могилы не свидѣтельствуютъ о подобномъ перерывѣ; напротивъ того, ихъ инвентаръ указываетъ на постепенную, медленную замѣну одного культурнаго періода другимъ, объяснимымъ перемѣной, совершавшейся въ бытѣ и промышленности сосѣднихъ съ балтійскими губ. племенъ. Гревингъ, защитникъ мнѣнія о существованіи перерыва между древнимъ и новымъ желѣзнымъ вѣкомъ, считаетъ характернымъ для перваго римское вліяніе, сказавшееся въ предметахъ украшенія, а для втораго вліяніе Скандинавіи; между обоими періодами не существуетъ, по его мнѣнію, связи: въ эпоху древняго желѣзнаго вѣка, полагалъ онъ, предметы вывозились изъ римскихъ колоній на Рейнъ; затѣмъ торговля съ этими колоніями впезанно обрывается и черезъ нѣкоторое время, послѣ слишкомъ трехвѣковаго перерыва, начинается разцвѣтатъ въ балтійскихъ губ. культура, характеризующая новый желѣзный вѣкъ. „Вездѣ чувствуется, пишетъ Гревингъ, недостатокъ въ переходныхъ ступеняхъ среди предметовъ между эпохами ввоза римскихъ предметовъ и ввоза скандинавскихъ . . . Въ Вольмарскомъ у. на

*) Sitzungsab. der g. Estn. G. 1892 und Sitzungsab. der Kurländ. Ges. f. Lit. u. Kunst 1892.

оз. Икуль, на западномъ берегу его, находятъ могилы съ сожже-
ніемъ, которыя на основаніи фибулъ можно отнести ко 2-му вѣку
по Р. Х., а на восточномъ берегу того-же озера находятся мо-
гилы съ погребеніемъ съ монетами Гарунъ-аль-Рашида (786—
809 гг.)^{**}). Существованіе двухъ могильниковъ, на различныхъ
берегахъ, хотя-бы и очень небольшого озера, съ различными спо-
собами погребенія, относящихся къ различнымъ эпохамъ, не пред-
ставляетъ ничего удивительнаго и не можетъ служить доказа-
тельствомъ перерыва между двумя культурными періодами. Болѣе
важными, на нашъ взглядъ, являются могильники, которые слу-
жили своимъ цѣлямъ въ теченіи долгаго времени и позволяющіе
констатировать извѣстную культурную преемственность между
двумя періодами. Къ такимъ могильникамъ слѣдуетъ отнести
тюрсельскій. Мы уже упоминали выше, что фибулы найденныя
въ немъ позволяютъ отнести его къ древнему желѣзному вѣку;
по онъ служилъ постояннымъ мѣстомъ погребенія въ теченіи
многихъ вѣковъ. Раскопки проф. Висковатова, обнаружили, что
исключительный обрядъ сожженія, по мѣрѣ расширенія площади
раскопокъ, мало по малу смѣшивается съ обрядомъ погребенія,
который наконецъ окончательно вытѣсняетъ трупосожженіе. На
основаніи предметовъ проф. Висковатовъ считаетъ возможнымъ
утверждать, что этотъ могильникъ служилъ постояннымъ мѣстомъ
погребенія по крайней мѣрѣ до XIII в., а можетъ быть даже и
до XV в.^{**}).

Такимъ образомъ тюрсельскій могильникъ является дока-
зательствомъ постепеннаго перехода отъ древняго желѣзнаго вѣка
къ новому; мало того, онъ также служитъ свидѣтелемъ, что въ
періодъ древняго желѣзнаго вѣка сношенія края не ограничи-
вались только съ южнымъ берегомъ Балтійскаго моря, или съ
римскими колоніями по Рейну, какъ то думалъ Гревингъ: нѣко-
торыя предметы приводятъ къ заключенію, что въ періодъ дре-
вняго желѣзнаго вѣка, существовали какъ будто сношенія съ
областями, лежащими на востокъ отъ балтійскихъ губ. Къ такимъ
слѣдуетъ отнести найденное вмѣстѣ съ древними фибулами броу-
зовое украшеніе, подковообразной формы съ остатками выемчатой
эмали. Гревингъ считалъ его типичнымъ римскимъ издѣліемъ
и полагалъ, что въ этомъ предметѣ слѣдуетъ видѣть *armilla*
римскихъ воиновъ; этотъ видъ украшенія извѣстенъ, однако,
какъ это показали проф. Висковатовъ, изъ находокъ во Влади-

*) Der Aschenfriedhof bel Türsel.

***) Nachtrag z. Berichte über die Aufdeckung über Steinsetzung zu Türsel
въ Verh. d. G. Estn. Ges. XIII.

мірской и Московской губ. и у Аспелина въ его *Antiquités du Nord Finno-ougrien*, изображенъ аналогичный предметъ найденный въ мордовской могилѣ. Какъ бы то ни было, тюрсельскій могильникъ своимъ инвентаремъ показываетъ на постепенный переходъ отъ эпохи, для которой характерными являются фибулы древнихъ формъ, къ значительно позднѣйшей, представляемой предметами, имѣющими большое сходство съ курганными находками изъ Новгородской, Псковской, Смоленской, Владимірской, Московской и др. губерсій*), и отчасти употреблявшимися мѣстнымъ населеніемъ до послѣдняго времени.

Не менѣе интересенъ могильникъ около Пайомойсь, въ которомъ была найдена монета Константина (IV' в.). На основаніи указанной монеты инвентарь этой могилы слѣдовало-бы отнести къ древнему желѣзному вѣку, но въ инвентарѣ какъ этой могилы, такъ и другихъ могилъ Эзельскихъ, схожихъ по инвентарю съ могилой около Пайомойса, не были найдены фибулы древней формы; наиболѣе древнія формы фибулъ относятся, по Гревингу, не больше какъ къ VI вѣку; а остальные предметы являются аналогичными тѣмъ, которыми характеризуется новый желѣзный вѣкъ балтійскихъ губ.**). Наконецъ въ могильникѣ около Кремена было найдено оружіе, наконецникъ копья съ серебряной чеканкой, позволяющей отнести его къ V вѣку по Р. Хр., т. е. къ древнему желѣзному вѣку, между тѣмъ какъ этотъ могильникъ всѣми изслѣдователями относится къ періоду IX—XIII вв. О томъ, что древнія формы оружія изъ желѣза сохранялись долго среди мѣстныхъ жителей мы говорили, когда касались складовъ оружія, найденнаго у Аллолина и Добесберга.

Приведенные факты служатъ доказательствомъ, что раздѣленіе желѣзнаго вѣка на древній и новый должно быть понимаемо въ смыслѣ господства въ каждомъ изъ указанныхъ періодовъ извѣстныхъ типичныхъ предметовъ, но они не даютъ основанія предполагать о существованіи этихъ культурныхъ періодовъ такъ сказать особнякомъ, безъ взаимной связи, безъ постепеннаго перехода отъ болѣе древней эпохи къ болѣе новой. Сношенія съ сосѣдними странами, которымъ древніе обитатели края обязаны притокомъ новыхъ типовъ въ предметахъ украшенія и оружія, повидимому, продолжались безостановочно и въ тотъ періодъ, отъ котораго мы не имѣемъ монетъ, и въ теченіи этого времени совершался постепенный переходъ отъ древняго желѣзнаго вѣка

*) ib. стр. 78.

**) Grewingk. Erläuterungen z. Karte: стр. 122 и слѣд.

къ новому, который въ могилахъ IX—XII вв. является во всемъ своемъ цвѣтѣ.

Инвентарь могилъ новаго желѣзнаго вѣка очень разнообразенъ; его можно подвести подъ нижеслѣдующіе типы.

Бусы, находимыя въ могилахъ отличаются какъ по матеріалу такъ и по величинѣ. Бусы изъ стекла, не представляютъ отличій сравнительно съ извѣстными изъ курганныхъ раскопокъ средней Россіи. Г. Ханзенъ*) замѣчаетъ, что онѣ совершенно тождественны тѣмъ, которыя находятъ въ Германіи и Скандинавіи въ могилахъ послѣдняго періода язычества; онѣ преимущественно сдѣланы изъ синяго, бѣлаго и зеленого стекла. Встрѣчаются также бусы изъ такъ называемаго византійскаго стекла; кромѣ того часты бусы изъ янтаря, бронзы, серебра, изъ пасты и кости. Въ могильникѣ около Ашерадена были найдены вмѣстѣ съ арабскими и византійскими монетами (IX в.) бусы изъ египетской пасты. Д-ръ Бенратъ, спеціально изучившій бусы, встрѣчаемыя въ могилахъ балтійскаго края, пишетъ**), что изъ древнихъ стеклянныхъ бусъ чаще всего встрѣчается одноцвѣтная, круглая, или такія, которымъ при посредствѣ надавливанья придана форма дыни; также нерѣдки бусы, которыя изготовлялись посредствомъ растапливанья и расплющиванья маленькихъ, находящихся другъ надъ другомъ, капель стекла окрашенныхъ въ разные цвѣта; вслѣдствіе этого получался пестрый предметъ украшенія въ видѣ бусины съ одноцвѣтными или разноцвѣтными точками, которыя окружали бусину и были различныхъ размѣровъ. Этого рода бусы украшались еще проведенными разноцвѣтными штиями вокругъ бусины. Подобнымъ бусамъ, мѣстами покрытымъ цвѣтной массой, часто дается названіе мозаичныхъ, но это несправедливо. Настоящія мозаичныя бусы извѣстны изъ мѣстныхъ могилъ, но онѣ приготавлиются совершенно иначе. Далѣе обращаютъ на себя вниманіе бусы, окружность которыхъ украшена цвѣтной, волнистой линіей, на подобіе цвѣтка. Всѣ виды бусъ, повидимому, привозныя, кромѣ простыхъ костяныхъ и быть можетъ янтарныхъ; въ пользу этого говоритъ сходство ихъ съ подобными-же изъ Германіи и внутренней Россіи; металлическія бусы обнаруживаютъ въ значительной степени восточное происхожденіе. Къ бусамъ слѣдуетъ отнести и часто находимыя, употреблявшіяся для ожерелья, раковины *Surgæa moneta*; въ могилахъ онѣ встрѣчались иногда въ большомъ количествѣ, что заставляетъ думать,

*) G. v. Hansen. Die Sammlungen inländischer Alterthümer, стр. 13.

**) Sitzungsh. d. g. est. G. 1876. стр. 189, 190.

что изъ нихъ носились подчасъ цѣлыя ожерелья. Въ ашерадепскомъ могильникѣ эти раковины были найдены съ монетами IX вѣка; въ могильникахъ у Гросъ-Рона онѣ встрѣчались въ большомъ количествѣ, а въ самомъ Юрьевѣ, въ случайно открытыхъ могилахъ, впрочемъ кажется довольно позднихъ, было найдено два ожерелья изъ *Surrea moneta* на костяхъ*).

Шейныя гривны и металлическіе пояса. Шейныя гривны представляютъ два типа: круглыя и плоскія; первыя обыкновенно витыя и съ замычкой; концы ихъ иногда расширены и украшены орнаментомъ. Къ плоскимъ шейнымъ гривнамъ часто прикрѣплены различныя привѣски — плоскіе треугольники, бубенчики и пр. Матеріалъ ихъ обыкновенно — бронза, рѣже серебро. Судя по количеству найденныхъ шейныхъ гривнъ, можно думать, что обычай носить ихъ былъ очень распространенъ. По общему типу и по характеру работы онѣ, новидимому, относятся къ разнымъ эпохамъ и происходятъ изъ разныхъ мѣстностей; нѣкоторыя обнаруживаютъ болѣе архаическіе типы, другія болѣе новые; нѣкоторыя, новидимому, привезены въ балтійскія губ. съ запада, другія совершенно аналогичны съ находимыми въ курганахъ средней Россіи. Точно датированная серебряная гривна была найдена въ им. Костиферъ (Ревельскаго у.) съ западными монетами XI вѣка**).

Металлическіе пояса изготовлялись преимущественно изъ бронзы; они витые на подобіе веревокъ; они, какъ кажется, болѣе часто встрѣчаются въ Эстляндской губ., чѣмъ въ другихъ. Судя по общему характеру ихъ, новидимому, слѣдуетъ отнести къ эпохѣ не раньше X—XI вв.

Браслеты ручныя и ножныя представляютъ значительное разнообразіе: часто встрѣчаются плоскіе браслеты либо ровные, либо расширенные въ серединѣ; въ послѣднемъ случаѣ они обыкновенно украшены простымъ, вдавленнымъ, геометрическимъ орнаментомъ; далѣе, часто встрѣчаются витые браслеты обыкновенно изъ двухъ или больше довольно узкихъ бронзовыхъ проволокъ; рѣже мы видимъ браслеты въ видѣ спиралей и высокіе, плоскіе, съ возвышеніемъ въ серединѣ, а также дутые. Относительно формъ браслетовъ слѣдуетъ сказать тоже, что и о шейныхъ гривнахъ: они принадлежатъ различнымъ эпохамъ и мѣстностямъ и указываютъ отчасти на восточныя, отчасти на западныя страны сосѣднія съ балтійскими губ. Нѣкоторые изъ

*) Hartmann. Das Vaterländische Museum zu Dorpat, стр. 39.

**) Hausen: Inländische Alterthümer. T. I, f. 10.

нихъ настолько просты и не характерны, что ихъ происхожденіе не поддается опредѣленію.

Фибулы, характерныя для могилъ новаго желѣзнаго вѣка преимущественно двухъ типовъ. Болѣе рѣдко встрѣчаются щитообразныя фибулы (*Schildkrötenfibel*); онѣ извѣстны между прочимъ изъ могильниковъ около Ашерадена и Кремона; по формѣ онѣ близко подходятъ къ скандинавскимъ, эпохи викинговъ, и, новидному, извѣстны преимущественно изъ болѣе древнихъ могилъ, относящихся къ новому желѣзному вѣку. Щитообразныя фибулы почти неизвѣстны въ болѣе сѣверныхъ частяхъ балтійскаго края (въ Эстляндской губ. и эстонской части Лифляндской губ.); но онѣ типичны для могилъ новаго желѣзнаго вѣка въ южной части края*). Другой очень часто встрѣчающійся типъ — это подковообразный, причемъ концы подковообразной части фибулы нѣсколько подняты кверху и представляютъ либо нѣчто въ видѣ головки гвоздей, либо подобіе головки мака; иногда концы свернуты трубообразно или имѣютъ видъ вѣтвистыхъ роговъ. Этотъ видъ фибулы**) особенно интересенъ тѣмъ, что онъ встрѣчается еще въ могилахъ, относящихся, судя по монетамъ, къ древнему желѣзному вѣку (о. Эзель), переходитъ въ могилы новаго желѣзнаго вѣка, и остается въ употребленіи у мѣстныхъ жителей до настоящаго времени, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ балтійскаго края. Фибулы этого типа носились еще въ 60-хъ и 70-хъ годахъ эстонцами нѣкоторыхъ уѣздовъ Эстляндской губ., и употребляются, какъ говорятъ, и до нынѣ псковскими эстами. Въ тюрсельскомъ могильникѣ была найдена фибула этого типа и совершенно аналогичная была найдена на рабочемъ, производившемъ раскопки, который съ трудомъ согласился ея продать проф. Висковатову, говоря, что она переходитъ въ ихъ семью изъ поколѣнія въ поколѣніе. Подковообразныя фибулы очень распространены въ могилахъ всѣхъ трехъ губерній, и такъ какъ онѣ встрѣчены только въ позднѣйшихъ могильникахъ древняго желѣзнаго вѣка и въ массѣ могилъ новаго желѣзнаго вѣка, то онѣ могутъ служить характернымъ признакомъ могилъ этого послѣдняго періода. Форма ихъ съ теченіемъ времени подвергалась различнымъ измѣненіямъ, но въ общемъ этотъ типъ фибуль, особенно болѣе тщательно сдѣланныхъ, является анало-

*) См. объ этомъ видѣ фибуль въ Трудахъ Одесскаго Съѣзда, ст. Бранденбурга.

**) Къ этому-же типу слѣдуетъ отнести и круглыя фибулы, которыя, какъ кажется, являются вырожденіемъ первоначальной подковообразной формы, т. е. болѣе дешевыми, простыми экземплярами, не уступающими однако, какъ кажется, въ древности подковообразнымъ.

гичнымъ извѣстнымъ изъ сѣв. Германіи, Скандинавіи и Россіи. Часто онѣ сдѣланы изъ бронзы, но нерѣдки и серебрянныя.

Приведенные выше предметы украшенія (кромѣ щитообразныхъ фибулъ) встрѣчаются и въ могилахъ древняго желѣзнаго вѣка и главнымъ образомъ и въ тѣхъ, которыя являются переходными ступенями отъ одного періода къ другому. Почти исключительно къ новому желѣзному вѣку относятся нижеслѣдующіе предметы.

Булавки большія, для закалыванья верхней одежды; верхняя часть ихъ оканчивается либо крестовиднымъ, либо дискообразнымъ украшеніемъ; встрѣчаются также булавки, верхняя часть которыхъ представляетъ подобіе трилистника, треугольника или оканчивается спиралями закругляющимися по обѣимъ сторонамъ ея. Онѣ воспроизводятъ съ большимъ или меньшимъ приближеніемъ булавки извѣстныя въ разныхъ мѣстахъ западной Европы, начиная съ бронзоваго вѣка, и стоятъ въ тѣсной связи съ подобными же извѣстными въ Скандинавіи и сѣверной Германіи.

Часто къ этимъ булавкамъ прикрѣплялись *бронзовыя цѣпи* въ нѣсколько рядовъ, спадающія съ плечъ на грудь. Подобныя цѣпи извѣстны изъ разныхъ могильниковъ, какъ въ сѣверныхъ такъ и южныхъ частяхъ балтійскихъ губ.; иногда онѣ прикрѣплены къ плечамъ фибулами. Цѣпи и булавки являются весьма распространенными предметами украшенія жителей эпохи новаго желѣзнаго вѣка. Къ этому типу украшеній принадлежатъ и цѣпи, образующія подобіе кисти, или бахромы, заканчивающейся бубенчиками или треугольными плоскими привѣсками и т. п. Кисти этого рода часто прикрѣплялись къ тому обручу, который надѣвался на заднюю часть шеи.

Привѣски были находимы въ большомъ количествѣ во всѣхъ трехъ губерніяхъ; формы ихъ разнообразны; преимущественно это литыя изъ бронзы грубыя изображенія птицъ, собакъ, лошадей и другихъ животныхъ; часто встрѣчаются бронзовые колокольчики, плоскіе треугольники, ложечки, ключи, круги (иногда ажурной работы), звѣздообразныя привѣски и пр. Иногда онѣ сдѣланы и изъ серебра и золота; привѣски изъ послѣдняго металла были найдены въ им. Иессъ, въ Везенбергскомъ у., въ торфяномъ болотѣ, на глубинѣ 8 футовъ съ монетой IX—X вв.*); онѣ часто носятъ несомнѣнные слѣды восточныхъ издѣлій. Въ общемъ онѣ близко подходятъ къ привѣскамъ, извѣстнымъ изъ кургановъ средней Россіи. Привѣски носились мѣстными жителями въ те-

*) Hansen: Die Sammlungen iul. Alterthümer, стр. 15.

ченіи всей эпохи новаго желѣзнаго вѣка, продолжали употреблять и въ историческое время и до настоящаго времени часто украшаютъ одежду мѣстныхъ жителей. Особенно интереснымъ является фактъ, что современныя привѣски повторяютъ типы, встрѣчаемые въ древнихъ могилахъ. Въ качествѣ привѣсокъ употреблялись и монеты, медвѣжьи зубы, кости и т. п. Привѣски прикрѣплялись либо къ шейнымъ гривнамъ, либо къ груднымъ цѣпямъ.

Бронзовыя небольшія кольца, поставленныя близко другъ къ другу и бронзовыя спирали служили часто для украшенія одежды; размеры ихъ различны: онѣ продѣвались или нанизывались на шурки, которые плотно прилаживались одинъ къ другому и образовывали такимъ образомъ нѣчто въ видѣ позумента. Этого рода украшенія иногда служили для приготовленія головныхъ уборовъ, причеиъ ряды подобныхъ шурковъ, плотно пригнанныхъ одинъ къ другому, уменьшаясь къ верху, давали головной уборъ, напоминающій корзинку. Таіе уборы были находимы въ могилахъ Лифляндской губ., по фрагментамъ они извѣстны и изъ Эстляндской губ.

Бронзовыя бляхи нашивались на ремешные пояса, которые еще украшались бронзовыми пряжками простой и малотищичной формы.

Кольца изъ различныхъ металловъ и разнообразной формы также часто встрѣчаются въ могилахъ. Нѣкоторыя напоминаютъ печати и украшены грубыми изображеніями человѣческихъ фигуръ и животныхъ. Нѣкоторыя по своей формѣ напоминаютъ древніе типы; къ такимъ относится между прочимъ кольцо, украшенное спиралями, найденное въ тюрсельскомъ могильникѣ; оно близко по расположенію спиралей подходитъ къ украшеніямъ бронзоваго вѣка въ средней и сѣверной Европѣ, извѣстныхъ въ эпоху Галльштата и переходитъ и въ древній желѣзный вѣкъ сѣверной Германіи и нѣкоторыхъ областей Скандинавіи. Кольца до сего времени въ большомъ употребленіи у мѣстныхъ жителей и они повторяютъ древніе типы.

Вообще между современшымъ населеніемъ балтійскихъ губ., особенно однако у эстовъ, нерѣдко можно встрѣтить предметы украшенія, воспроизводящіе формы, извѣстныя изъ могильныхъ находокъ. Въ настоящее время, вслѣдствіе постепенной замѣны древнихъ предметовъ украшенія новыми, привозными, это сходство уменьшается, но еще очень недавно изслѣдователямъ весьма часто приходилось отмѣчать, что присутствовавшіе при раскопкахъ мѣстные крестьяне, нерѣдко дѣлали замѣчаніе, что тотъ или иной предметъ имъ

знакомъ, что онъ еще въ употребленіи, или, что онъ по крайней мѣрѣ употреблялся при ихъ родителяхъ.

Таковы, въ общихъ чертахъ, главные типы украшеній, чаще всего встрѣчаемыхъ въ могилахъ новаго желѣзнаго вѣка. Характерной чертой могильнаго инвентаря является отсутствіе серегъ. Повидимому этотъ видъ украшеній былъ весьма мало распространенъ, если не совсѣмъ неизвѣстенъ древнимъ жителямъ балтійскихъ губерній.

Височныя кольца, насколько намъ извѣстно, встрѣчаются также крайне рѣдко; намъ они извѣстны только изъ двухъ могильниковъ: на Пюхтицкой Вогородицкой горѣ, изъ кургановъ съ погребеніемъ и изъ описаннаго выше общественнаго могильника съ погребеніемъ около крестьянскаго двора Кальтри въ Варролѣ. Въ послѣднемъ они были найдены съ просверленными фландрскими монетами XIV в. По формѣ своей височныя кольца тождественны съ подобными-же извѣстными изъ Карельской части Финляндіи и въ особенности изъ кургановъ въ области древней Вотской пятины. Слѣдуетъ также отмѣтить, что характеръ предметовъ, найденныхъ въ этихъ двухъ могильникахъ, особенно-же во второмъ, ставитъ ихъ въ культурномъ отношеніи въ ближайшую связь съ курганами около Гатчины, Гдова, въ корельской части Финляндіи, въ Владимірской, Тверской, Пермской и Новгородской губ.

Кресты и крестовидныя украшенія довольно часто встрѣчаются въ могильникахъ новаго желѣзнаго вѣка, но ихъ, кажется, нельзя считать общераспространенными. Изъ крестовъ, лишь немногіе могутъ считаться христіанскими; большинство ихъ повидимому не болѣе какъ украшенія, подходящія по своему назначенію къ привѣскамъ. Около оз. Штранте, въ могильникѣ съ трупосоженіемъ безъ погребальныхъ урнъ смѣшанномъ съ обрядомъ погребенія, гр. Сиверсъ нашелъ при костяхъ нѣсколько, чрезвычайно изящныхъ, служившихъ повидимому привѣсками, крестовъ, украшенныхъ эмалью; могилы были датированы, найденными при нихъ монетами Этельреда II; по мнѣнію гр. Сиверса, эти украшенія обнаруживаютъ византійское происхожденіе*).

Подобные-же кресты были найдены въ Ашераденѣ и др. могильникахъ. Гревингъ обращаетъ вниманіе на то, что эти кресты весьма близко подходятъ къ крестамъ извѣстнымъ изъ кургановъ Владимірской губерніи.**).

Въ числѣ предметовъ, рѣдко встрѣчающихся въ могил-

*) Verh. d. g. est. G. VIII, 3. стр. 25, 26.

**) Sitzungsb. d. g. est. G. 1876. стр. 105.

лахъ слѣдуетъ указать на фибулу, найденную въ 1874 г., въ курганѣ съ погребеніемъ около Савенскаго оз., въ приходѣ Лаудонь, Венденскаго у. Эта бронзовая, парусообразная фибула, найденная вмѣстѣ съ бронзовымъ-же, грубымъ изображеніемъ животнаго, прикрѣпленнаго къ литой бронзовой цѣпочкѣ, по вѣрному замѣчанію Гревинга*), является типичной для древне-итальянской культуры. Подобныхъ фибулъ въ краѣ не было найдено; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ завознымъ предметомъ, не получившемъ распространенія въ краѣ. Не слѣдуетъ однако считать эту фибулу особенно древней, такъ какъ подобныя фибулы извѣстны изъ гораздо болѣе поздней эпохи въ средней Германіи и Силезіи и, вѣроятно, оттуда она была занесена торговлей въ балтійскій край; извѣстно, что предметы украшенія желѣзнаго вѣка болѣе сѣверныхъ частей Европы весьма часто повторяютъ типы, завѣщанные глубокой древностью.

Оружіе, какъ уже было замѣчено выше, сравнительно рѣдко встрѣчается въ могилахъ. Это преимущественно копья, боевые топоры, кельты и ножи. Часть ихъ повторяетъ древнія формы, часть болѣе поздняго происхожденія. По качеству своему оружіе различно; хорошее, иногда украшенное серебряной чеканкой, западнаго происхожденія; болѣе плохое, вѣроятно, мѣстнаго производства. По формѣ и характеру чеканки, встрѣчаемое въ могильникахъ балтійскихъ губ. оружіе, повидимому ближе стоитъ къ германскому, чѣмъ къ скандинавскому. Характернымъ является рѣдкость стрѣлъ. Какъ кажется лукъ и стрѣлы были мало въ употребленіи среди древнихъ жителей мѣстнаго края; это впрочемъ согласно съ показаніемъ лѣтописцевъ XIII в., которые рѣдко упоминаютъ объ употребленіи стрѣлъ эстами и ливами. Колчановъ не было найдено вовсе; мнѣніе Бѣра, что въ нѣкоторыхъ предметахъ, найденныхъ въ Кремонскомъ могильникѣ, слѣдуетъ видѣть остатки колчановъ ошибочно, какъ это доказалъ Гревингъ. Мечи довольно часто были находимы въ могилахъ; всѣ они привозные, причемъ часть имѣетъ, по Гревингу ближайшее сходство съ датскими, болѣе поздняго желѣзнаго вѣка (по Ворзау отъ 700—1030 гг. по Р. X.); къ нимъ относятся мечи, найденные въ ашераденскомъ могильникѣ. Часть-же напротивъ обнаруживаетъ германское происхожденіе настолько, что Гревингъ, находку мечей этого послѣдняго типа, въ кремонскомъ могильникѣ, былъ склоненъ объяснить тѣмъ, что они были похищены

*) Sitzungsab. d. g. est. G. 1875 стр. 76.

мѣстными жителями у нѣмецкихъ рыцарей*). Для объясненія факта находенія нѣмецкихъ мечей въ балтійскомъ краѣ, совершенно нѣтъ нужды прибѣгать къ подобному предположенію. Германское оружіе, какъ извѣстно, пользовалось большою славой и Германія долгое время была экспортнымъ мѣстомъ оружія. Нѣмецкое оружіе шло путемъ торговли далеко на востокъ, по этому нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣмецкіе мечи встрѣчаются въ могилахъ балтійскаго края. Панцири и кольчуги, насколько намъ извѣстно, рѣдко были находимы въ могилахъ. Извѣстны кольчуги, но ихъ число очень незначительно. За остатокъ панциря, состоящаго изъ бляхъ, Крузе считаетъ желѣзную пластинку, найденную въ ашераденскомъ могильникѣ; на пластинкѣ сохранились слѣды надписи, славянскими буквами, изъ которыхъ можно было разобрать только три послѣднія буквы *и ш ъ*; этотъ панцирь былъ вѣроятно русскаго происхожденія и Крузе относитъ его къ X—XI вв.**).

Предметы, находимые въ могильникахъ поваго желѣзнаго вѣка въ балтійскомъ краѣ, довольно однообразно распредѣляются во всѣхъ трехъ губерніяхъ. Монетами они датированы отъ IX—XIV столѣтія; но въ виду указаннаго постепеннаго перехода отъ древняго желѣзнаго вѣка къ новому, слѣдуетъ признать, что торговля мѣстныхъ жителей съ сосѣдними странами, продолжалась безпрерывно съ начала нашей эры, хотя вѣроятно не всегда съ одинаковой интенсивностью. Быть можетъ въ смутную эпоху великаго переселенія народовъ до той поры, когда пришедшія въ движеніе племена не успѣли еще осѣсться и образовать прочныя государственныя единицы, эта торговля и была менѣе оживленной, такъ какъ въ этотъ періодъ, Европа, отъ южной части Германіи, обратилась въ военный лагерь, постоянно занимаемый то однимъ то другимъ племенемъ, вслѣдствіе чего торговые рынки, служившіе мѣстами обмѣна между сѣверомъ и югомъ, были закрыты; этимъ быть можетъ объясняется перерывъ въ находкахъ монетъ. Когда пришедшіе въ броженіе въ IV—V вв. племена постепенно осѣлись, торговля вновь оживилась и вновь направилась по извѣстнымъ издревле путямъ, утратившимъ лишь временно свое прежнее великое значеніе. Этотъ кризисъ въ торговлѣ долженъ былъ, конечно, отразиться и на балтійскихъ губ., вслѣдствіе чего мы можемъ высказать предположеніе, что въ этотъ періодъ торговля была болѣе вялой чѣмъ въ предшествующіе

*) Sitzungsab. d. g. est. G. 1874. стр. 165—167.

**) Kruse Necrolivonica. стр. 24.

вѣка, но она не прекращалась и воскресла съ новой силой, какъ только политическое состояніе Европы позволило открыть вновь ея древніе рынки.

Несмотря однако на извѣстную равномерность, съ которой предметы новаго желѣзнаго вѣка распредѣлены въ балтійскихъ губ., слѣдуетъ имѣть въ виду, что они все-же представляютъ нѣкоторыя различія въ своемъ распространеніи. Въ однихъ мѣстностяхъ встрѣчаются чаще одни формы украшеній, въ другихъ другія. Это обстоятельство привело мѣстныхъ археологовъ къ попыткамъ раздѣлить край, на основаніи находокъ, на области. Попытки эти стояли въ тѣсной связи съ вопросомъ какой національности слѣдуетъ приписать тотъ или иной могильникъ, поэтому мы коснемся ихъ, когда намъ придется затронуть вопросъ о національностяхъ, оставившихъ по себѣ похоронные памятники въ краѣ. Въ настоящее время ограничимся лишь нѣкоторыми общими указаніями. По находимымъ предметамъ часть могильниковъ стоитъ какъ бы въ тѣснѣйшей связи, съ областями лежащими на востокъ отъ балтійскихъ губ.. Къ такимъ слѣдуетъ отнести курганы на Пюхтицкой Богородицкой горѣ, могильникъ съ погребеніемъ около крестьянскаго двора Кальтри въ Варролѣ и, въ извѣстной степени, смѣшанный тюрсельскій могильникъ, который въ своихъ менѣе древнихъ частяхъ обнаруживаетъ болѣе тѣсную связь съ восточными, чѣмъ съ западными областями. Другая часть могильниковъ, и ихъ большинство, по находимымъ предметамъ указываетъ, что вліяніе запада было сильнѣе или, по крайней мѣрѣ, что предметы западнаго производства были болѣе излюблены населеніемъ, чѣмъ продукты культуры восточныхъ областей. По своему географическому распредѣленію могильники болѣе богатые группируются, какъ кажется, преимущественно въ южной части Лифляндіи, и вообще около большихъ рѣкъ (Двина, Аа), и по ихъ бассейнамъ. Наиболѣе богатые могильники, близко подходящіе другъ къ другу по характеру найденныхъ предметовъ, слѣдующіе: около Ашерадена, Кремона, Зегевольда, Трейдена, оз. Пкуля, Хазау, Ленневадена и пр.*). Впрочемъ, археологическое изслѣдованіе въ балтійскихъ губ. шло неравномѣрно: Эстляндская губ. напр. зна-

*) Крузе упоминаетъ о находкѣ римскихъ монетъ II-го вѣка по Р. Х. въ могильникѣ около Ленневадена, причемъ монеты были найдены вмѣстѣ съ головнымъ уборомъ новаго желѣзнаго вѣка, подобнымъ съ найденнымъ въ могилахъ около Ашерадена и оз. Пкуль. Гревингъ, однако, справедливо сомнѣвается въ точности сообщаемого Крузе факта (Sitzungsb. d. g. est. G. 1874. стр. 120). Судя потому, что указанные могильники относятся къ эпохѣ значительно позднѣйшей, можно полагать, что римскія монеты были найдены не въ могилѣ, а недалеко отъ нея.

чительно меньше изслѣдована чѣмъ Лифляндская, поэтому выше-сказанное предположеніе о группировки наиболѣе богатыхъ могилъ имѣеть значеніе только относительное и можетъ быть измѣнено дальнѣйшими розысканіями. Наконецъ нѣкоторыя отличія въ характерѣ предметовъ представляютъ могильники на о-вѣ Эзелѣ: такъ напр. весьма обыкновенныя на материкѣ стеклянныя бусы не встрѣчаются, насколько намъ извѣстно, на Эзелѣ; въ могильникѣ, раскопанномъ проф. Хаусманомъ, не нашлось этихъ бусъ и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, обычныхъ въ могильникахъ на материкѣ: за то могилы на Эзелѣ богаче оружіемъ и принадлежностями конскаго убора*). Вообще-же детальное раздѣленіе могилъ на группы, на основаніи находимыхъ предметовъ, намъ кажется, въ виду недостаточности свѣдѣній по археологій мѣстнаго края, нѣсколько преждевременнымъ.

Вышеприведенный общій обзоръ инвентаря могильниковъ, какъ древняго такъ и новаго желѣзнаго вѣка, убѣждаетъ, что взятые въ совокупности предметы вооруженія и украшенія древнихъ жителей балтійскихъ губ., занесены сюда изъ сосѣднихъ странъ, преимущественно торговыми сношеніями. Въ числѣ предметовъ, принимаемыхъ какъ доказательство существованія этихъ послѣднихъ, слѣдуетъ упомянуть еще о, найденныхъ въ разныхъ частяхъ балтійскихъ губ., вѣсахъ.

Вѣсовъ или употреблявшихся при нихъ разновѣсокъ было найдено нѣсколько, частью благодаря случайнымъ находкамъ, частью-же въ могилахъ, какъ съ погребеніемъ такъ и съ трупосоженіемъ. Въ Эстляндской губ.: 1) около Пальфера въ Ревельскомъ у., съ различными монетами, достигающими конца XI в., 2) около Соонтагана въ Гапсальскомъ у. съ англосаксонскими монетами до начала XI в. и 3) недалеко отъ этого городища въ деревнѣ Ойаферъ. Въ Лифляндской губ.: въ могильникахъ около Кремена, Зегевольда и Ашерадена. Въ Курляндской губ.: около Штаббена, Штокгена и Хазау съ монетами XIII в.**). Крузе посвятилъ вопросу о происхожденіи вѣсовъ особую статью въ *Necrolivonica*. По его мнѣнію система вѣсовъ, на основаніи найденныхъ гирь, вполне подходитъ къ римской, англосаксонской и скандинавской системамъ; эта система перешла, по словамъ Крузе, отъ римлянъ къ скандинавамъ, а этими послѣдними была занесена въ балтійскій край. Гревингъ считаетъ однако, вполне основательно, попытку Крузе объяснить происхожденіе этихъ

*) *Sitzungsb. d. g. est. G.* 1889 стр. 126.

**) *Sitzungsb. d. g. est. G.* 1874, стр. 167. Вѣсы изъ Ашерадена и Пальфера, а также гири изображены у Крузе въ *Necrolivonica* Т. 53, 54.

вѣсовъ крайне неудачной *), и вопросъ о томъ, съ какой системой вѣсовъ слѣдуетъ сопоставить найденныя въ балтійскихъ губ. остался нерѣшеннымъ и невыясненнымъ. Проф. Шрёдеръ приобрѣлъ въ 1893 г. еще бронзовые вѣсы, найденныя въ общественномъ могильникѣ съ погребеніемъ въ им. Луббенхоффъ около Трикатена (въ Лифляндской губ.). При вѣсахъ была найдена гирька вѣсомъ 1 лоть, а также пѣмецкія монеты XI в. Г. Саксендаля, дѣлавшій сообщеніе въ Эстонскомъ уч. Обществѣ по поводу этихъ вѣсовъ, склоненъ ихъ считать того-же типа, какъ и извѣстные уже раньше; слѣдуя Крузе онъ старается объяснить вѣсъ, найденной у Трикатена гири, изъ римской вѣсовой системы, и приписываетъ вѣсы норманнамъ **). Впрочемъ онъ не прибавляетъ ничего новаго къ методу, которымъ Крузе стремился дать объясненіе этой вѣсовой системѣ, вслѣдствіе чего мнѣніе Гревинга, высказанное по этому вопросу о работахъ Крузе, можетъ быть распространено и на взглядъ г. Саксендаля. Больше согласія существуетъ между мѣстными учеными по вопросу о цѣляхъ, которымъ служили эти вѣсы; ихъ небольшой размѣръ бросается въ глаза; ясно, что они не могли быть назначены для взвѣшиванья большихъ предметовъ. Крузе высказалъ мнѣніе, что вѣсы служили для взвѣшиванья дани, платимой мѣстными жителями, дѣлавшими на нихъ удачныя набѣги скандинавамъ, датчанамъ и др.; эта дань платилась обыкновенно предметами украшенія, преимущественно серебряными, причемъ, для уплаты налагаемой побѣдителями дани, клались обыкновенно извѣстные изъ древнихъ хроникъ „кольца съ петельками“ (Oeseringe). Рихтеръ полагалъ ***), что подъ этимъ названіемъ слѣдуетъ понимать „большія пряжки (вѣрнѣе фибулы подковообразныя) изъ серебра, которыя и въ настоящее время еще въ употребленіи у крестьянскихъ женщинъ; ихъ вѣсъ, по Аридту, достигаетъ часто $\frac{1}{2}$ фунта и такимъ образомъ такая пряжка по вѣсу равнялась бы приблизительно одной маркѣ“. Гревингъ напротивъ указываетъ, что по словамъ Генриха Латыша, каждый Oesering равнялся лишь $\frac{1}{4}$ фунта, такъ что ихъ требовалось по два на одну марку; но подобныхъ пряжекъ, замѣчаетъ Гревингъ, изъ серебра вѣсомъ въ $\frac{1}{4}$ фунта не было найдено; да и вообще, серебряныя подковообразныя фибулы въ могилахъ очень рѣдки. По мнѣнію Гревинга, въ словѣ Oesering слѣдуетъ видѣть испорченное Oesterling, т. е. монетную древне-германскую единицу, посредствомъ

*) Ueber heidnische Gräher Russisch-Litthauens, стр. 183.

**) Neue Dörptsche Zeitung. 1893. № 235, 236.

***) Geschichte der Ostseeprovinzen I, стр. 52, 53.

которой и выплачивалась дань *). Кромѣ вышеприведенныхъ существуетъ еще много толкованій словъ *Oesering*, но почти всѣ изслѣдователи склонны думать, что, что-бы не представляли *Oesering*'и, они, служа для уплаты налагаемой дани, взвѣшивались на вѣсахъ, образцы которыхъ мы имѣемъ среди находокъ въ балтійскомъ краѣ. Если это мнѣніе справедливо, то вѣсы эти не могутъ служить доказательствомъ мирныхъ сношеній и если они, дѣйствительно, скандинавскіе, какъ то полагалъ Крузе, то они вѣроятно оставлены во время набѣговъ, столь часто производившимися на балтійскія губ. жителями Скандинавіи и Даніи. Въ пользу этого говоритъ - бы фактъ находенія ихъ вблизи древнихъ городищъ какъ у Соонтагана и Пальфера, но какъ объяснить тогда, что они были находимы и въ могилахъ, принадлежащихъ народу, долго и осѣдо жившему около Ашерадена, Кремона и др.? Присутствіе вѣсовъ въ могилахъ служитъ доказательствомъ, что эти вѣсы были употребляемы и мѣстными жителями. Поэтому получаетъ вѣроятіе мнѣніе Гревинга, полагающаго, что эти вѣсы употреблялись и мѣстными жителями при ихъ торговыхъ сношеніяхъ, хотя съ цѣлями намъ точно не извѣстными; „Ливы, добавляетъ онъ, и до настоящаго времени, называютъ себя *Vaidomimied*, что значить мѣшковые торговцы“ (**). Вопросъ о происхожденіи, системѣ и назначеніи найденныхъ вѣсовъ еще не рѣшенъ, между тѣмъ то или иное рѣшеніе его могло-бы пролить нѣкоторый свѣтъ на характеръ вліянія сосѣдей на жителей балтійскихъ губ., а также быть можетъ и на національность племени, отъ котораго мѣстные жители заимствовали свою вѣсовую систему. Въ иностранномъ происхожденіи вѣсовъ, какъ кажется, не можетъ быть сомнѣнія. Гревингъ, по крайней мѣрѣ, указываетъ, что аналогичные вѣсы извѣстны изъ Ковенской губ., изъ Борисовскаго у. Минской губ., а также были найдены въ восточной Пруссіи (**).

Итакъ инвентарь могильниковъ балтійскаго края представляетъ намъ въ формахъ предметовъ украшенія и въ оружіи заносныя формы съ запада и востока. Часть ихъ, говоритъ Гревингъ, указываетъ на южное побережье Балтійскаго моря, о-въ Готландъ и на Скандинавскій полуостровъ, часть на сосѣднія съ восточной стороны области, на Византію и на дальній азіатскій востокъ: Бухару и Самаркандъ †). Въ общемъ, слѣдовательно, нельзя говорить о существованіи у мѣстныхъ жителей своей

*) Sitzungsber. d. g. est. G. 1874, стр. 168—170.

**) *ibid.* 1874, стр. 168.

***) *ibid.*

†) Sitzungsber. d. g. est. G. 1875. стр. 61.

собственной, самостоятельно-развившейся металлической культуры. Если указанные выше слѣды мѣстнаго металлическаго производства дѣйствительно слѣдуетъ приписать мѣстнымъ туземнымъ племенамъ, а не чуждымъ пришельцамъ, то и тогда мы будемъ вынуждены признать, что это производство развилось подъ иноземнымъ вліяніемъ, отъ котораго оно не освободилось въ теченіи всего донсторическаго періода жизни балтійскаго края. Оружіе мѣстной работы было плохое и повторяло, занесенные отъ сосѣдей, типы; что-же до предметовъ украшенія, то туземное производство, новидимому, не пошло далѣе подражанія принесеннымъ извнѣ типамъ и формамъ, на что, какъ кажется, указываютъ, находимые иногда въ могилахъ, предметы украшенія, грубой работы, воспроизводящіе типы, извѣстные намъ также изъ могилъ, но изящной и тщательной работы.

Вопросъ, какому племени жители балтійскихъ губ. обязаны знакомствомъ съ металлами и ввозомъ оружія и украшеній, занималъ постоянно мѣстныхъ ученыхъ. Въ виду того, что этотъ вопросъ стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ, какимъ національностямъ слѣдуетъ приписать извѣстные въ краѣ могильники, мы прежде всего постараемся сдѣлать сводку того, что сдѣлано мѣстными археологами въ этомъ направленіи, чтобы затѣмъ постараться уяснить, какому народу съ наибольшей вѣроятностью слѣдуетъ приписать занесеніе новой культуры къ жителямъ балтійскихъ губерній.

V.

Мы уже неоднократно указывали, что, несмотря на большое количество археологическаго матеріала, собраннаго мѣстными изслѣдователями, изученіе могилъ въ балтійскихъ губ. еще далеко отъ своего окончанія. Многія группы могилъ недостаточно выяснены и даже точная классификація могилъ въ настоящее время является преждевременной. При такихъ обстоятельствахъ рѣшать вопросъ, какой національности слѣдуетъ приписать тотъ или иной видъ могильниковъ — невозможно. Кромѣ, этого до послѣдняго времени изслѣдователи либо вовсе, либо очень мало обращали вниманія на изученіе череповъ, находимыхъ въ могилахъ; поэтому остеометрическихъ данныхъ о костякахъ мы почти не имѣемъ, несмотря на то, что количество раскопанныхъ могилъ съ погребеніемъ весьма значительно. Укажемъ на имѣющіяся немногочисленные данныя въ этомъ отношеніи. Гревингъ представилъ въ 1874 г. нѣсколько измѣреній 16 череповъ, найденныхъ въ

могилахъ съ погребеніемъ около оз. Икуль*); имъ-же представлены также очень неполныя измѣренія 3-хъ череповъ изъ могильника Мазе-петчъ; черепа изъ этого послѣдняго представляютъ, какъ было указано Гревингомъ, большое сходство съ предыдущими**). Тотъ-же ученый даетъ краткія данныя о черепахъ, найденныхъ въ Кремонскомъ могильникѣ, причеиъ онъ старался провести сравненіе съ извѣстными черепами финскихъ народностей***). Наконецъ намъ извѣстны еще измѣренія нѣсколькихъ череповъ изъ могилъ въ им. Рингенъ (Курляндской губ.)†). Этими свѣдѣніями почти ограничиваются краіометрическія данныя, на основаніи которыхъ мѣстные археологи старались опредѣлить физическій типъ древняго населенія балтійскихъ губ. Такимъ образомъ на единственное прочное основаніе, на которое можетъ опереться археологъ при дѣленіи могилъ на группы по національностямъ, почти совершенно не привлекало вниманія изслѣдователей мѣстныхъ древностей. Они были вынуждены, ссылаясь на не всегда достаточно достовѣрныя свидѣтельства древности, теряться въ догадкахъ; поэтому случалось перѣдко, что одинъ и тотъ-же могильникъ приписывался однимъ изслѣдователемъ одному, другимъ — другому племени. Еще въ 1870 г. Гревингъ справедливо замѣтилъ, что „мы, на основаніи виѣшняго и внутренняго устройства различныхъ могилъ восточной Балтики, а также на основаніи расположенія и группировки ихъ, не въ состояніи еще выставить опредѣленную систему ихъ ††)“.

Эти слова и въ настоящее время, черезъ 20 слѣдующихъ лѣтъ, сохраняютъ свое значеніе, и новѣйшіе изслѣдователи начинаютъ все чаще и чаще уклоняться отъ отвѣта на вопросъ, какому племени приписать ту или иную группу могилъ.

Нельзя однако сказать, чтобы въ дѣлѣ рѣшенія вопроса о національности различныхъ погребальныхъ памятниковъ балтійскихъ губ., ничего не было сдѣлано. Основываясь на нѣкоторыхъ достовѣрныхъ историческихъ данныхъ, мѣстные ученые строили болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы и послѣ многихъ ошибокъ и колебаній они приходятъ въ настоящее время къ предположеніямъ о національности нѣкоторыхъ могильниковъ, по край-

*) Одинъ изъ этихъ череповъ имѣлъ головной указатель — 80, 2; у шести онъ колебался отъ 68—71, и у девяти отъ 71, 8—79, 4. (Sitzungsb. d. g. est. G. стр. 94 и слѣд.).

**) Sitzungsb. d. g. est. G. 1874 стр. 117.

***) ib. 1875. стр. 152 и слѣд.

†) Sitzungsb. d. Kurl. g. f. L. u. Kunst. 1881. стр. 75 и слѣд.

††) Ueber beidnische Gräber R. Litthauens стр. 144.

пей мѣрѣ предположеніямъ, которыя еще нуждаются въ провѣркѣ или въ подкрѣпленіи антропометрическими данными, но къ которымъ можно относиться уже съ довѣріемъ.

Въ виду интереса, который, на нашъ взглядъ, представляютъ различныя гипотезы мѣстныхъ ученыхъ о національности племенъ, оставившихъ по себѣ похоронныя памятники для исторіи мѣстной археологіи, а также въ виду того, что нѣкоторые изъ нихъ и по настоящее время еще имѣютъ адептовъ мы считаемъ полезнымъ сдѣлать ихъ краткій обзоръ.

Вопросъ о національности занималъ мѣстныхъ изслѣдователей еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Тогда, какъ и въ началѣ нашего столѣтія, сказывалось съ особенной силой стремленіе отодвинуть мѣстныя древности къ возможно болѣе отдаленной эпохѣ. Мы уже упоминали о долго существовавшемъ и, раздѣлявшемся почти всеми мѣстными учеными, убѣжденіи въ существованіи, или по крайней мѣрѣ въ возможности существованія, въ краѣ могилъ, принадлежащихъ древнимъ грекамъ. Это убѣжденіе получило формулировку и т. е. научное обоснованіе въ трудѣ Крузе, *Necrolivonica*, который не сомнѣвался въ фактѣ находенія древнегреческихъ могилъ и открылъ кромѣ того нѣсколько могильниковъ и остатковъ факторій, принадлежавшихъ римлянамъ (какъ напр. въ Капсетенѣ, Хазау и пр.). Мнѣніе его раздѣлялось долго и еще въ 60-хъ годахъ, мы видимъ нѣкоторыхъ археологовъ, не сомнѣвавшихся въ существованіи римскихъ колоній на восточномъ берегу Балтійскаго моря*). Это мнѣніе впрочемъ пало постепенно само собой, благодаря болѣе близкому и серьезному изученію мѣстныхъ древностей и сравненію ихъ съ древностями сосѣднихъ странъ. Значеніе Крузе было болѣе важнымъ въ другомъ отношеніи; онъ первый обратилъ вниманіе на сходство находимыхъ предметовъ съ западными издѣліями и выдвинулъ теорію о существованіи въ области современныхъ балтійскихъ губ. обширной колонизаціи германскихъ племенъ. За исключеніемъ могилъ, которыя онъ считалъ римскими или древнегреческими, все остальные могилы онъ приписывалъ скандинавамъ. Одинъ изъ такихъ могильниковъ, именно около Зельбурга, онъ приписываетъ „тѣмъ норманнамъ, которые вмѣстѣ съ Роговолодомъ заняли Полоцкую землю;“ могильникъ, извѣстный у латышей подъ названіемъ *Krive-Karpe* т. е. русскія могилы — онъ приписываетъ „норманскому племени Русь, основателямъ Русскаго государства“ и т. д. Другіе могильники онъ просто считаетъ

*) Inland. 1862.

скандинавскими, не объясняя точнѣе, къ какому племени относились эти „скандинавы.“ Для подтвержденія своего положенія онъ ссы-
 лается на скандинавскія саги, указывающія на частые походы,
 совершаемые норманными на восточные берега Балтійскаго моря:
 въ самомъ названіи Ашерадена, онъ усматриваетъ скандинавское
 названіе, происходящее отъ словъ *Aske* — корабль и *Rade* —
 рейдъ; здѣсь находился, по его мнѣнію, центральный пунктъ тор-
 говли скандинавовъ съ мѣстными жителями*). Однимъ словомъ
 балтійскія губ. были, по Крузе, покрыты скандинавскими коло-
 ніями, составляли т. ск. восточную часть Скандинавіи; въ ихъ
 рукахъ находилась и торговля. Мѣстнымъ жителямъ Крузе не
 отводитъ могильниковъ; можно думать, что туземное населеніе
 либо вовсе не хоронило своихъ умершихъ, либо хоронило ихъ
 такъ, что эти могилы не оставили по себѣ слѣдовъ. Крайность
 мнѣній Крузе происходила оттого, что въ дѣлѣ опредѣленія
 національности могилъ онъ исходилъ изъ положенія, что могиль-
 никъ, въ которомъ были находимы предметы греческіе, должны
 быть приписаны этимъ послѣднимъ, могилы, датированныя рим-
 скими монетами — римлянамъ, могилы, хранящія предметы
 скандинавскаго, по его мнѣнію, производства — скандинавамъ и т. д.
 Это утвержденіе странно мирится съ мнѣніемъ Крузе о суще-
 ствованіи торговли съ мѣстными племенами; „скандинавскіе Ва-
 ряги, пишетъ онъ**), были распространителями этихъ предметовъ
 (находимыхъ въ могилахъ) во время ихъ движенія по извѣстному
 пути черезъ Двину въ Византію (т. наз. *Auzturweg*). Они не
 только сами употребляли ихъ, но и оставляли туземцамъ оружіе
 и предметы украшенія, также какъ теперь англичане въ Остидіи
 и др. мѣстахъ продаютъ или передаютъ другими способами пред-
 меты своего производства туземцамъ, индѣйцамъ и другимъ
 племенамъ“. Тѣмъ не менѣе, не смотря на признаніе самимъ
 Крузе факта, что привозные предметы были въ употребленіи и
 у туземцевъ, все-же онъ считалъ всѣ могилы, въ которыхъ встрѣ-
 чены предметы западнаго производства, за скандинавскія.

Бэръ, другой основатель мѣстной археологіи, выдвинулъ
 „національную“ теорію. Могилы, встрѣчающіяся въ балтійскихъ
 губ., онъ былъ склоненъ считать туземными; особенное вниманіе
 имъ было обращено на могильники около Ашерадена, Кремона,
 Трейдена, Зегевольда и др., которые онъ признавалъ за погребаль-
 ные памятники финскаго племени ливовъ. Онъ отрицалъ
 теорію Крузе о существованіи постоянныхъ поселеній сканди-

*) *Necrolivonica*, стр. 7—11, 18.

**) *Necrolivonica*, стр. 11.

навовъ въ балтійскомъ краѣ, указывать на то, что начало походовъ норманновъ относится только къ VIII вѣку, такъ что многіе могильники оказываются древнѣе эпохи перваго знакомства скандинавовъ съ восточнымъ берегомъ Балтійскаго моря. Если признать всѣ могилы, приписываемыя Крузе скандинавамъ за таковыя, замѣчаетъ онъ*), слѣдовало бы принять, что скандинавское населеніе того времени превосходило численностью современное нѣмецкое населеніе края, и оказалось бы невозможнымъ объяснить, что о немъ нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ извѣстій. Въ попыткахъ произвести отъ скандинавскихъ корней названія нѣкоторыхъ мѣстностей, въ томъ числѣ и Ашерадена, онъ видитъ предвзятую мысль и считаетъ ихъ неудачными. Ашераденъ, говоритъ онъ, лежитъ въ мѣстности, совершенно не подходящей для остановки кораблей, такъ что, если признать словопроизводство Крузе, мѣстность совершенно не соответствовала бы своему названію. Онъ выражаетъ убѣжденіе, что мѣстные лингвисты со временемъ будутъ въ состояніи пріискать объясненія для подобныхъ названій изъ мѣстныхъ языковъ**). Наконецъ замѣчаетъ онъ, если и встрѣчаются въ хроникѣ Генриха Латыша названія мѣстностей, объяснимыя лишь при помощи германскихъ языковъ, то не слѣдуетъ забывать, что, въ то время когда Генрихъ Латышъ писалъ свою хронику, въ краѣ были уже поселенія, основанныя пришедшими нѣмцами. Культуру, слѣды которой мы встрѣчаемъ въ могилахъ, Бэръ, какъ было указано выше, считалъ мѣстной, самостоятельно развившейся и приписывалъ упомянутые могильники ливамъ. Горячо возставая противъ мнѣній Крузе, Бэръ впадалъ въ противоположную крайность тѣмъ, что отрицалъ всякое заимствованіе мѣстными жителями и значеніе, даже почти само существованіе, торговыхъ сношеній туземцевъ съ сосѣдями. Къ этому крайнему выводу онъ былъ приведенъ, также какъ и Крузе, убѣжденіемъ, что находимые въ могилахъ предметы всегда принадлежатъ тому народу, который оставилъ по себѣ могилы — убѣжденіе, которое однако раздѣлялось долго и болѣе поздними изслѣдователями, которые вслѣдствіе этого подчасъ населяли мѣстный край племенами, никогда не имѣвшими съ нимъ прочныхъ сношеній.

Взгляды Бэра не смотря на авторитетъ, которымъ пользо-

*) Die Gräber der Liven, стр. 24, 25.

**) Имя Ашерадена, производится въ настоящее время, согласно Бленштейну, изъ латышскаго корня; другія названія, какъ напр. Odenrah, въ которомъ хотѣли видѣть воспоминаніе о скандинавскомъ богѣ Одишѣ, объясняются также изъ туземныхъ языковъ (Оденно — медвѣжья голова) и пр.

валось его имя, не имѣли однако такого вліянія, какъ мнѣнія Крузе. Но съ появленія сочиненій этихъ двухъ ученыхъ, мѣстные археологи раздѣлились по своему направленію на двѣ группы: одни развивали, дополняли и видоизмѣняли, сообразно съ новыми требованіями науки, теорію Крузе, держась мнѣнія о существованіи въ краѣ въ древнее время постоянныхъ мѣстъ жительства Скандинавовъ, другіе наоборотъ стремились найти даншыя, говорящія въ пользу мнѣнія Бэра, хотя и допускали вліяніе торговыхъ сношеній, однимъ словомъ одни старались прикрѣпить въ археологическомъ отношеніи этотъ край по его племенному составу къ Германіи и Скандинавіи, другіе поднять такъ ск. національный характеръ его. „Національная“ теорія, однако, не имѣла такихъ выдающихся представителей, какъ противоположная ей. Этимъ объясняется, что до послѣдняго времени большинство мѣстныхъ ученыхъ по духу своихъ теорій подходили ближе къ ученію Крузе чѣмъ Бэра, хотя вліяніе этого послѣдняго сказалось однако въ томъ, что они не рѣшались отрицать существованіе могилъ туземцевъ.

Примирить обѣ теоріи старался извѣстный Гревингъ. Онъ неоднократно возвращался въ своихъ многочисленныхъ работахъ къ вопросу о національности различныхъ могильниковъ. Наиболее подробно раздѣлить могильники по національностямъ онъ старался въ тѣхъ изъ своихъ сочиненій, въ которыхъ онъ даетъ классификацію могилъ согласно ихъ внѣшнему и внутреннему устройству. Въ болѣе раннемъ трудѣ*) онъ, дѣлая обзоръ извѣстныхъ въ то время могильниковъ, болѣе склоненъ, повидимому, приписывать ихъ мѣстнымъ племенамъ, чѣмъ скандинавамъ. Исходя изъ изученія древнихъ хроникъ, указывающихъ на мѣста жительства разныхъ туземныхъ племенъ въ балтійскихъ губ. во время завоеванія края нѣмцами, онъ считаетъ возможнымъ раздѣлить могильники по національностямъ на слѣдующія группы: могильники около Капсетена и Дреймансхофа онъ приписываетъ древнимъ курамъ и ливамъ; около Зельбурга — славянамъ; могильники около Зегевольда, Кремена, Трейдена и Альтъ-Пебальга — онъ считаетъ мѣстомъ погребенія воиновъ послѣ битвъ эстовъ и ливовъ, латышско-литовскихъ племенъ и пѣмцевъ; въ этомъ отношеніи онъ склоняется къ мнѣнію Бэра. Ашераденскій могильникъ онъ не рѣшается опредѣлить и называетъ его „т. наз. ливскія могилы“. Велла-лайве и могильникъ около Вериеля въ Эстляндіи онъ приписываетъ скандинавамъ, а эзельскія могильники — эстамъ. Относительно пѣкоторыхъ другихъ группъ могильниковъ онъ не даетъ опредѣленія національности.

*) Das Steinalter der Ostseeprovinzen, стр. 42, 43.

Въ вышедшемъ нѣсколько позже трудѣ*), Гревингъ, болѣе близко познакомившись съ предѣлами разселенія разныхъ племенъ въ древнее время въ балтійскихъ губ., нѣсколько измѣняетъ предыдущее дѣленіе. Неизмѣненными остаются только эзельская группа и велла-лайве, которыя по прежнему приписываются имъ: первая — эстамъ, вторая — скандинавамъ; ашераденскій могильникъ онъ склоненъ какъ и Бэръ приписывать ливамъ, могильники около Кагдау (на Абавѣ), кашу-кальисъ около Гросъ-Аутца и креху-каши около Цабельна — древнимъ курамъ; впослѣдствіи эти могильники служили литово-латышскимъ племенамъ; послѣднимъ принадлежатъ и Меттаманскальисъ, Озолсъ-кальисъ; литово-латышской группѣ приписываетъ онъ также могилы около Ней-Зельбурга, Якобштата, около Гербергена, Зегевольда, у Гросъ-Рона (оз. Икуль), Кремона, Трейдена, Альтъ-Шебальга и Рошебурга; впрочемъ могильникъ у Зегевольда онъ считаетъ возможнымъ приписать также славянамъ. Наконецъ онъ первый вводитъ новую народность въ предѣлы балтійскихъ губ., именно вендовъ (балтійскихъ славянъ), которымъ онъ приписываетъ могильники около Видавы, Хазау, Кансетена не далеко отъ Либавы и Гробина; онъ считаетъ однако необходимымъ оговориться, что фактъ принадлежности этой группы могильниковъ балтійскимъ славянамъ является сомнительнымъ.

Дѣленіе Гревинга, основанное, какъ мы сказали, на свѣдѣніяхъ о разселеніи мѣстныхъ племенъ въ XIII вѣкѣ, имѣетъ много за себя. Онъ признаетъ велла-лайве скандинавскими, хотя и не приводитъ никакихъ данныхъ въ пользу этого мнѣнія. Онъ въ виду малочисленности этого рода могилъ не считаетъ ихъ слѣдами скандинавской колоніи, существовавшей продолжительный періодъ на восточномъ берегу Балтійскаго моря; это могутъ быть и могилы умершихъ здѣсь скандинавовъ во время одного изъ многочисленныхъ набѣговъ на балтійскій край. Балтійскихъ славянъ онъ вводитъ потому, что, на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ Генрихомъ Латышемъ, они дѣйствительно одно время занимали область по нижнему теченію Видавы, которой и оставили свое имя. Характернымъ является, въ приведенномъ дѣленіи Гревинга могильниковъ по національностямъ, незначительное число тѣхъ, которые онъ приписываетъ эстамъ. На материкѣ онъ не указываетъ ни одного могильника, принадлежащаго этому племени; это обстоятельство слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что въ то время, когда Гревингъ писалъ указаннаго класси-

*) Ueber heidnische Gräber R.-Litthauens, стр. 137—139.

фикаціи, изслѣдованной въ археологическомъ отношеніи являлась преимущественно южная часть Лифляндской губ. и Курляндская губ., въ то время какъ часть балтійскаго края, населенная эстами, мало подвергалась археологическимъ розысканіямъ.

Такимъ образомъ въ началѣ 70-хъ годовъ, Гревингъ являлся представителемъ „національной“ теоріи и отводилъ весьма мало мѣста скандинавамъ. Въ методѣ своего изслѣдованья онъ стоялъ на вѣрной точкѣ зрѣнія, не смѣшивалъ, какъ это многіе дѣлали до него, вопросъ о національности съ вопросомъ о происхожденіи предметовъ, находимыхъ въ могилахъ. За отсутствіемъ антропометрическихъ данныхъ, онъ совершенно основательно искалъ оплота для опредѣленія національности могильниковъ въ достовѣрныхъ историческихъ свѣдѣніяхъ, причемъ бралъ въ основаніе, пользуясь довѣріемъ, хронику Генриха Латыша и избѣгалъ строить свои положенія на смутныхъ указаніяхъ скандинавскихъ сагъ. Въ основѣ методъ Гревинга былъ вѣренъ и, если-бы онъ продолжалъ свои дальнѣйшія изысканія въ томъ-же направленіи, ему удалось-бы подвинуть вопросъ о національности племенъ, оставившихъ разнообразныя памятники въ балтійскомъ краѣ, значительно впередъ. Но открытіе славекскаго могильника привело Гревинга къ новымъ теоріямъ: онъ впадалъ въ ту-же ошибку, какъ и Крузе, смѣшавъ вопросы о происхожденіи инвентаря съ вопросомъ о національности, и въ дальнѣйшихъ работахъ въ значительной степени запуталъ вопросъ о національности могилъ, къ разрѣшенію котораго онъ раньше шелъ правильнымъ путемъ.

Неправильно снятый планъ славекскаго могильника привелъ, какъ мы видѣли выше, гр. Сиверса къ ошибочному мнѣнію, что въ предѣлахъ балтійскихъ губ. встрѣчаются могильники, воспроизводящіе въ своемъ устройствѣ форму корабля. Большое количество открытыхъ послѣ этого „корабельныхъ“ могилъ доказывало, что населеніе, устранившее себѣ подобныя могильники, было очень многочисленно. Форма могилъ и мѣсто находенія ихъ, обыкновенно около воды, доказывали, по мнѣнію гр. Сиверса, принятому мѣстными учеными, что это племя было мореходное, пришло, судя по направленію этихъ памятниковъ (съ З — на В., или ЮЗ—СВ), изъ западныхъ и югозападныхъ странъ. Оно вѣроятно прежде имѣло обычай сжигать мертвыхъ въ настоящихъ корабляхъ, но впослѣдствіи, прибывши въ балтійскій край и удалившись отъ моря, постепенно перешло къ обряду положенія пережженныхъ костей усопшаго въ символическіе корабли, контуръ которыхъ былъ обставляемъ камнями. Принимая во вниманіе,

что обрядъ сожиганія мертвыхъ въ корабляхъ существовалъ у древнихъ скандинавовъ и отмѣченъ арабскимъ писателемъ Ибнъ-Фоцланомъ у древнихъ руссовъ, гр. Сиверсъ пришелъ къ заключенію, что въ „корабельныхъ“ могилахъ слѣдуетъ видѣть похоронные памятники норманновъ: они изъ Скандинавіи прибыли въ балтійскія губ., долго жили здѣсь и впослѣдствіи въ IX вѣкѣ двинулись отсюда, подъ предводительствомъ Рюрика, въ славянскія, лежащія на востокъ отъ нихъ, области и основали русское государство*).

Убѣжденіе въ существованіи могилъ, имѣющихъ форму кораблей, заставило и Гревинга въ значительной степени измѣнить свой взглядъ на національность племенъ, оставившихъ по себѣ разнообразныя могилы. Детальное изученіе предметовъ, находимыхъ въ могилахъ, которымъ давалось названіе корабельныхъ, привело его къ убѣжденію, что эти предметы относятся къ глубокой древности. Находки римскихъ монетъ I и II вѣковъ по Р.Х. вмѣстѣ съ предметами, характерными для этого типа могилъ, позволило ему вполне основательно отнести эти могилы къ первымъ вѣкамъ нашей эры. Поэтому Гревингъ не могъ согласиться съ мнѣніемъ гр. Сиверса о принадлежности могильниковъ „корабельной“ формы норманнамъ, такъ какъ походы этихъ послѣднихъ начинаются не раньше VIII вѣка. Естественно было бы, конечно, объяснить фактъ нахожденія привозныхъ предметовъ, имѣющихъ близкое сходство и подчасъ представляющихъ полное тождество съ находками на южныхъ берегахъ Балтійскаго моря и центральной Германіи, торговыми сношеніями, какъ это дѣлалъ Гревингъ, до нахожденія славянскаго могильника относительно инвентаря другихъ могильниковъ, извѣстныхъ въ балтійскихъ губ. Но предполагаемая корабельная форма ихъ заставила его думать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чуждымъ, пришлымъ племенемъ, причемъ это племя пришло въ балтійскій край съ южныхъ береговъ Балтійскаго моря. Такимъ народомъ, по мнѣнію Гревинга, могли быть въ этотъ періодъ только готы.

Итакъ сначала ошибка, сдѣланная при спятіи плана славянскаго могильника, затѣмъ увлеченіе горячихъ поклонниковъ новой теоріи, заставлявшее ихъ видѣть во вновь открываемыхъ могильникахъ этого типа корабельную форму и не обращать вниманія на то, что нѣкоторые изъ нихъ представляютъ совершенно неправильную форму, заставили Гревинга, лучшаго въ свое время знатока мѣстныхъ древностей, впасть въ крупную ошибку,

*) К. v. Slevers: Bericht über die am Strante See ausgeführten arch. Untersuchungen. Verh. d. g. est. G. XIII. 3 стр. 28.

установить и поддерживать совершенно ошибочную теорію, которая, благодаря его трудамъ, пользовавшимся извѣстностью за границей, еще держится до извѣстной степени и въ настоящее время, когда уже доказано, что „корабельныхъ“ могилъ въ балтійскихъ губ. не существуетъ.

Когда былъ открытъ Тюрсельскій могильникъ, въ контурѣ котораго Гревингъ неправильно видѣлъ подобіе корабля, то изясство предметовъ, а также положеніе его недалеко отъ моря, заставили Гревинга признать его за кладбище у древнѣйшаго поселенія готовъ въ балтійскомъ краѣ, тѣмъ болѣе, что ни одинъ могильникъ этого типа не лежитъ такъ близко отъ моря, какъ тюрсельскій*). До открытія этого могильника онъ держался слѣдующаго мнѣнія о расселеніи и культурѣ, населявшихъ балтійскій край, готовъ. Племя, оставившее по себѣ корабельныя могилы, пишетъ онъ, „вѣроятно были готы, которые пріѣхали моремъ изъ какой нибудь бѣдной кремнемъ страны Скандинавіи, поселились въ бѣльшемъ числѣ сначала въ области средняго теченія лифляндской Аа, затѣмъ отсюда распространились на сѣверъ, въ особенности въ окрестностяхъ Вёрцера и затѣмъ . . . ушли отсюда во время или вскорѣ послѣ эпохи переселенія народовъ. Ихъ кладбища, а слѣдовательно и ихъ жилища, находились по близости современныхъ путей сообщенія. . . . По поселеніи своемъ внутри страны, эти опытные въ мореходствѣ насельники выказываютъ себя земледѣльцами, разводятъ скотъ и вѣроятно держатъ пчелъ**); они обнаруживаютъ мало воинственности. . . Ихъ одежда состояла изъ шерстяныхъ тканей, кожи и звѣриныхъ шкуръ. Домашняя утварь ихъ, предметы украшенія и вооруженія, посколькo они состоятъ изъ желѣза, цинковой бронзы, серебра, золота, эмали, стекла . . . указываютъ на высокоразвитое металлическое и стекольное производство, центромъ котораго вѣроятно были римскія колоніи, лежащія по сю сторону Альпъ, причемъ торговая дорога къ лифляндскимъ готамъ, какъ кажется, не переходила Самляндіи. Искусство обработки или переработки привезенной цинковой бронзы и желѣза эти готы не знали, и они не были ни литейщиками, ни кузнецами“***). Кромѣ занятія

*) Der Aschenfriedhof bei Türsel, стр. 52.

***) Къ послѣднему заключенію Гревингъ приходитъ на основаніи находимыхъ въ могилахъ предметовъ, служившихъ, по его мнѣнію, для украшенія роговъ для питья; такъ какъ наиболѣе распространеннымъ напиткомъ въ древности былъ медъ, то вѣроятно, по словамъ Гревинга, существовало и пчеловодство. Слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что напитокъ выдѣлялся и изъ т. наз. дикаго меда.

***) Grewingk: Erläuterungen zur Karte, стр. 107, 108.

балтійскихъ губ. готами со стороны моря, Гревингъ допускалъ также возможность, что готы въ балтійскій край проникли съ юго-востока. Поселенія готовъ, полагаетъ Гревингъ, на югѣ Россіи могли распространяться и до береговъ балтійскаго моря; въ особенности когда готы, по словамъ Йорнанда, распространили свое могущество на сосѣднія народности, въ именахъ которыхъ можно узнать нѣкоторыя финскія племена. Хотя Йорнадъ и не говоритъ, что власть готовъ распространялась и на западную группу финновъ, тѣмъ не менѣе Гревингъ считаетъ весьма вѣроятнымъ, что и область, занимаемая современными балтійскими губ., подпала подъ ихъ власть*).

Выставивъ теорію о существованіи въ предѣлахъ балтійскихъ губ. большаго числа поселеній готовъ, Гревингъ постепенно сталъ населять восточные берега Балтійскаго моря разными другими племенами германскаго происхожденія, все болѣе отдаляясь отъ метода, принятаго имъ въ предшествующихъ работахъ при рѣшеніи вопроса о національности могилъ. Такъ велла-лайве, которые онъ раньше считалъ могилами, оставленными скандинавами послѣ одного изъ многочисленныхъ ихъ походовъ въ мѣстный край, онъ, въ послѣдующихъ работахъ, приписываетъ болѣе точно, не приводя впрочемъ для этого никакихъ основаній, германскимъ племенамъ *Svear* или *Götar*, которые имѣли постоянныя поселенія въ мѣстности, занятой велла-лайве. Эти памятники онъ относитъ къ переходному періоду отъ бронзоваго къ желѣзному вѣку и считаетъ ихъ древнѣе „корабельныхъ“ могилъ. Его не останавливаетъ въ вопросѣ при опредѣленіи національности и эпохи велла-лайве, ни тотъ фактъ, что для опредѣленія эпохи служить одинъ металлическій предметъ, матеріалъ котораго не опредѣленъ и который, какъ мы уже указывали, Гревингъ лично не видалъ, а лицо его пашедшее давало лишь смутныя и неясныя описанія его, ни соображеніе, приводимое самимъ-же Гревингомъ, что могильники, аналогичные велла-лайве, были найдены „на южномъ берегу Балтійскаго моря въ Помераніи, въ округѣ Штральзунда (Шеглицъ и Рекентинъ) и около Кёслина (Шлѣвицъ), причемъ въ Кёслинскомъ каменномъ кораблѣ были найдены осколки глиняной посуды типа, встрѣчаемаго въ мѣстныхъ славянскихъ городищахъ“**). Эти могильники, слѣдовательно, должны скорѣе относиться къ эпохѣ значительно позднѣйшей, чѣмъ къ періоду перехода отъ бронзоваго вѣка къ желѣзному. Фактъ находенія могилъ, аналогичныхъ велла-лайве, въ указанныхъ мѣстахъ Германіи, также едва-ли можетъ служить доказательствомъ мнѣнія,

*) *Der Aschenfriedhof bei Türsel*, стр. 61 и слѣд.

***) *Erläuterungen zur Karte*, стр. 106.

приписывающаго ихъ *Svear* или *Götar*. Далѣе, населяя балтійскія губ. все бѣльшимъ числомъ германскихъ племенъ, Гревингъ отводитъ имъ въ теченіи древняго желѣзнаго вѣка всю 4-ю область, обнимающую всю Курляндскую губ. (за исключеніемъ области занятой велла-лайве) и пограничныя съ ней мѣстности Ковенской, Витебской и Лифляндской губ. „Главнымъ представителемъ племенъ, населявшихъ эту область въ теченіи древняго желѣзнаго вѣка, пишетъ онъ, была, подобно представителямъ этого періода въ другихъ областяхъ балтійскаго края, вѣроятно древнегерманская народность, но отличная отъ готовъ, населявшихъ 2-ую область; они принадлежали можетъ быть шведскому корню. Они могли проникнуть въ Курляндскую губ. или непосредственно моремъ или съ юга сухимъ путемъ и, послѣ болѣе или менѣе долгаго пребыванія здѣсь, частью переселиться въ другія мѣста, частью смѣшаться съ мѣстными туземными племенами“ *). Наконецъ, говоря о каменной кучѣ около Уннишихта, служившей мѣстомъ религіознаго культа, Гревингъ замѣчаетъ: „каменная куча съ могилами въ Уннишихтѣ принадлежитъ къ числу часто встрѣчаемыхъ въ Лифляндской губ. жертвенныхъ мѣсть и могилъ съ трупосоженіемъ; они, по моему мнѣнію, употреблялись готами отъ I до VI вѣка, затѣмъ они служили вновь пришедшимъ германцамъ (норманнамъ, викингамъ, варягамъ, родзамъ) и подъ конецъ также нашимъ туземцамъ угрскаго племени“ **).

Итакъ, согласно этой теоріи Гревинга, балтійскія губ. въ теченіи древняго желѣзнаго вѣка были заселены многочисленными германскими племенами, которыя около VI-го вѣка уходятъ отсюда, либо смѣшиваются съ туземцами; этимъ объясняется перерывъ, который по мнѣнію его, существовалъ между древнимъ желѣзнымъ вѣкомъ и новымъ, когда носителями культуры, не только въ качествѣ торговцевъ, но и въ качествѣ колонизаторовъ, являются уже норманны и др. скандинавы, эпохи викинговъ. Выше мы старались показать, что археологическія данныя не позволяютъ примкнуть къ мнѣнію о существованіи перерыва между двумя періодами желѣзнаго вѣка въ балтійскихъ губ., что, напротивъ, переходъ этотъ совершался постепенно.

Послѣднія теоріи Гревинга о національности могилъ въ значительной степени отличаются отъ высказанныхъ имъ до открытія славекскаго могильника. Если въ предшествующихъ этому открытію трудахъ, онъ являлся скорѣе представителемъ

*) Erläuterungen zur Karte, стр. 142.

***) Sitzungsber. d. g. est. G. 1883, стр. 158, 159.

„національної“ школы, то въ послѣднихъ своихъ работахъ онъ склоняется къ противоположному мнѣнію, и, населяя балтійскія губ. германскими племенами, отличается отъ Крузе только тѣмъ, что, въ то время какъ послѣдній приписывалъ всѣ могилы скандинавамъ, Гревингъ приписывалъ германскимъ колонизаторамъ края безусловно всѣ могилы древняго желѣзнаго вѣка и значительную часть болѣе позднихъ могильниковъ.

Благодаря авторитету, которымъ пользовалось имя Гревинга, его теорія была принята какъ мѣстными, такъ и заграничными учеными. Если національныя теоріи могли еще имѣть мѣсто въ вопросѣ о приписываніи туземнымъ племенамъ могилъ новаго желѣзнаго вѣка, то онѣ были совершенно исключены при изученіи могилъ древне-желѣзнаго вѣка; относительно послѣднихъ существовало непоколебимое убѣжденіе, что онѣ оставлены частью готами, частью другими германскими народностями. Существованіе какого то ни было-бы мѣстнаго металлическаго производства бронзовыхъ украшеній, даже въ болѣе позднее время, отрицалось Гревингомъ еще до перемѣны его взглядовъ на національность могилъ. Еще прежде открытія славянскаго могильника, онъ высказывалъ мнѣніе, что найденные куски необдѣланной бронзы служатъ доказательствомъ, что нѣкоторые бронзовые предметы украшенія изготовлялись на мѣстѣ, но что вѣроятнѣе всего не туземцами, которые стояли для этого еще на слишкомъ низкой ступени культуры, а скандинавскими, германскими или славянскими торговыми гостями или насельниками*). На основаніи послѣднихъ его работъ и слѣдуетъ приписать это мѣстное производство — скандинавскимъ племенамъ, которыя послѣ готовъ и др. двинулись и колонизировали балтійскія губ.

Не касаясь послѣдователей теоріи Гревинга среди мѣстныхъ археологовъ, въ виду того, что они мало внесли новаго къ даннымъ ея основателя, мы укажемъ на нѣкоторыхъ заграничныхъ ученыхъ, раздѣлявшихъ мнѣніе о существованіи въ періодъ древняго желѣзнаго вѣка въ балтійскихъ губ. обширной колонизаціи германскихъ племенъ.

Монтеліусъ, основываясь на характерѣ предметовъ, найденныхъ въ могилахъ, говоритъ: „Курияцкія также весьма богата памятниками, оставленными древнимъ германскимъ населеніемъ, жившемъ въ ней въ теченіи первыхъ вѣковъ по Р. Х.“ Онъ ссылается въ доказательство своего мнѣнія на нѣсколько предметовъ, свидѣтельствующихъ о своемъ германскомъ происхожденіи,

*) Der Steinalter d. Ostseeprovinzen стр. 88.

между прочимъ на фибулы, найденныя около Капсетена и Гробина *). Монтелиусъ, какъ кажется, склоненъ объяснить эти предметы изъ скандинавскихъ древностей, но самострѣлообразная фибула извѣстна, какъ это показалъ Гревингъ, главнымъ образомъ изъ находокъ въ Германіи; кольца и браслеты, на которые указываетъ Монтелиусъ, не являются также исключительно скандинавскими типами.

Ундсетъ, изучавшій лично въ 1879 г. археологическія коллекціи въ рижскомъ и митавскомъ музеяхъ, пишетъ: „во всякомъ случаѣ нельзя указать на соотношеніе, существующее между древнимъ желѣзнымъ вѣкомъ въ Лифляндской губ. и корабельными постройками сѣвернаго (скандинавскаго) новаго желѣзнаго вѣка. Формы характерныхъ, предметовъ для обоихъ періодовъ различны, и древности, особенно характерныя для лифляндскаго желѣзнаго вѣка, не встрѣчаются на западѣ отъ Балтійскаго моря“. Вообще характерные предметы для древняго желѣзнаго вѣка балтійскихъ губ. имѣютъ, по Ундсету, наибольшее сходство съ предметами изъ восточной Пруссіи, на что, какъ извѣстно, указывалъ и Гревингъ. „Нѣтъ сомнѣнія, продолжаетъ Ундсетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ большой и важной культурной германской группой древняго желѣзнаго вѣка, которая процвѣтала въ теченіе тысячелѣтій въ мѣстахъ, изъ которыхъ она была вытѣснена около половины перваго тысячелѣтія по Р. Х. Что носителями этой культуры были германцы доказывается полнымъ соответствіемъ ея съ тѣмъ, что мы обыкновенно принимаемъ за германскую культуру древняго желѣзнаго вѣка . . . Казалось-бы подходящимъ скомбинировать существующее соотношеніе въ археологическомъ матеріалѣ съ болѣе или менѣе темными сказаніями о раннемъ движеніи германскихъ народовъ въ предѣлахъ этихъ восточноевропейскихъ мѣстностей. Однако, замѣчаетъ онъ, пока этотъ археологическій матеріалъ еще недостаточно извѣстенъ и недостаточно изученъ, слѣдуетъ, по моему мнѣнію, воздержаться отъ всякой попытки въ этомъ направленіи **).“

Мнѣнія Монтелиуса и Ундсета о существованіи въ предѣлахъ балтійскихъ губ. въ эпоху древняго желѣзнаго вѣка поселеній германскихъ народностей основано, какъ мы видѣли, на изученіи могильнаго инвентаря. Оба ученыхъ впадаютъ въ ука-

*) см. Necrolivonica T. XXXIII. fig. g, r, s, t; T. XXXVI, fig. D; также Бэръ: Die Gräber der Liven. T. XIII fig. 2. Montelius. Sur le premier âge de fer dans les provinces Baltiques. Sitzungsab. d. Kurl. G. f. L. u. Kunst, 1880. стр. 9.

**) Sitzungsab. d. Kurl. G. f. Lit. u. Kunst. 1881.

зашую намъ выше ошибку, дѣлаемую многими археологами: они признають, на основаніи принадлежности находимыхъ въ могилахъ предметовъ къ германскому или скандинавскому металлическому производству, и сами могилы за германскія или скандинавскія. Не допуская какъ будто возможности занесенія иностранныхъ предметовъ въ туземцамъ путемъ торговли, они не дѣлають различія между вопросами о происхожденіи предметовъ и о національности, употреблявшей ихъ, хотя многочисленныя находки римскихъ монетъ и служатъ яснымъ доказательствомъ оживленныхъ сношеній съ западными странами, родной находимыхъ въ могилахъ предметовъ украшенія. Между тѣмъ, едвали кто нибудь изъ ученыхъ согласился бы, на основаніи найденныхъ въ балтійскихъ губ. предметовъ византійскаго или арабскаго искусства съ византійскими или арабскими монетами, признать данную могилу за византійскую или арабскую.

Ворзааэ, держащійся также мнѣнія о существованіи въ мѣстномъ краѣ поселеній германскихъ племенъ, старается обосновать это положеніе не только на находкахъ, но и на дашихъ языковѣдѣніи. „Изъ многихъ находокъ, пишетъ онъ, въ особенности однако на основаніи древнѣйшихъ памятниковъ языка доказано, что до V-го столѣтія готскія племена жили въ этихъ мѣстахъ (т. е. въ балтійскихъ губ.) и оказывали вліяніе на финскія и другія сосѣднія народности. Языкъ этихъ готовъ, если откинуть нѣкоторыя мѣстныя особенности, въ главныхъ чертахъ былъ тотъ-же, которымъ говорили готы, жившіе на Дунаѣ и готы, населявшіе Скандинавію*)“.

Ниже намъ придется коснуться вопроса о вліяніи готскаго языка на языкъ туземныхъ племенъ. Въ настоящее время укажемъ еще на мнѣніе Аспелина, который въ своихъ трудахъ всегда являлся поборникомъ самостоятельной культуры финскихъ племенъ; однако въ вопросѣ о жившихъ въ балтійскихъ губ. готахъ онъ считаетъ возможнымъ примкнуть къ господствующему мнѣнію. „Въ то время, когда употребленіе желѣза стало распространяться на южномъ берегу Балтійскаго моря, говоритъ Аспелинъ, и когда сношенія между сѣверомъ и югомъ Европы сдѣлались болѣе частыми, народъ германскаго происхожденія вѣроятно проникъ въ балтійскія губ., занялъ ихъ и, быть можетъ, оттѣснилъ древнихъ ихъ обитателей въ глубь материка. Это вѣроятно произошло въ теченіи I-го вѣка по Р. Х. Значительное число

*) Worsaae: Die Vorgeschichte des Nordens; Sitzungsber. d. Kurl. G. f. L. u. Kunst. 1879 стр. 22.

мѣстныхъ древностей, тѣсно связанныхъ съ находками въ восточной Пруссіи, и могилы открытыя за послѣднее время (т. е. „корабельныя“) таковы свидѣтели, оставленные этимъ народомъ, который въ первые вѣка нашей эры занималъ территорію ограниченную южными предѣлами Курляндской губ., Финскимъ заливомъ, Балтійскимъ моремъ и оз. Пейпусомъ, далѣе жилъ вдоль по теченію Двины, заходя немного глубже современной восточной границы Лифляндской губ.*).“ Указавъ на то, что находки римскихъ монетъ обрываются въ IV в.***) и что этотъ фактъ служитъ указаніемъ, что толчекъ, данный переселеніемъ народовъ отразился съ самаго начала на балтійскихъ губ., Аспелинъ замѣчаетъ, что, если судить по находимымъ древностямъ, готская культура продолжала существовать въ балтійскомъ краѣ до V-го вѣка „когда она окончательно была замѣнена другою цивилизаціей. Собранный до настоящаго времени археологическій матеріалъ, продолжаетъ онъ, не достаточны для уясненія вопроса, могутъ-ли, найденныя въ Курляндской губ. древности, относящіяся къ послѣдней эпохи этого періода (т. е. древняго желѣзнаго вѣка), установить фактъ, что еще раньше, на югѣ отъ Двины, имѣло мѣсто чужеземное вторженіе въ готскую цивилизацію и быть можетъ порвало сношенія населенія съ югом***).“

Нѣсколько далѣе Аспелинъ развиваетъ свою гипотезу: если знать, ишетъ онъ, наслоеніе, которое готская цивилизація оставила на почвѣ балтійскихъ губ. и слѣды вліянія языковъ готскаго и литовскаго, которые западно-финскіе языки сохранили, приходишь къ возможности допустить, что въ теченіи первыхъ вѣковъ по Р. Х. предки западно-финскихъ племенъ обитали въ территоріи, граничащей съ готами на западѣ и съ литовцами на югѣ, что слѣдовательно эта территорія соприкасалась съ озерами Пейпусомъ, Ильменемъ и Ладожскимъ, а также съ внутренними бухтами Финскаго залива. Но эти языки не носятъ слѣдовъ вліянія славянскаго языка, относящихся къ этой отдаленной эпохи. На основаніи этого можно съ полной вѣроятностью сдѣлать выводъ, что вторженіе славянъ, которое, въ періодъ господства гунновъ, согнало изъ Польши и сѣверной Германіи германскую цивилизацію, отбросило одну изъ своихъ вѣтвей на сѣверъ, къ оз. Ильмену, и что эта вѣтвь, оттѣсняя племена западно-финской группы, вызвало переселеніе, во время котораго готы

*) Aspelin: Les antiquités du Nord Finno-ongrien. стр. 325.

**) Это утвержденіе ошибочно; находки римскихъ монетъ, какъ было указано выше, обрываются въ половинѣ V-го вѣка.

***) *ib.* стр. 327.

покинули балтійскія губерніи и были замѣщены тамъ народностями финскими и латышскими. Культура, представленная древностями этихъ племенъ, въ которой чувствуется предшествоующее вліяніе готовъ, образуетъ новый желѣзный вѣкъ этихъ губерній и дѣлится на три группы: эстонская, ливская и латышская*)."

Какъ ни заманчива гипотеза Аспелшна, проливающая свѣтъ на одинъ изъ самыхъ темныхъ періодовъ жизни племенъ жившихъ на берегахъ Балтійскаго моря, къ ней едвали можно отнестись серьезно. Здѣсь не мѣсто указывать на довольно произвольное объясненіе Аспелшна движенія финскихъ и славянскихъ племенъ. Для насъ болѣе важнымъ является то, что онъ считаетъ безспорнымъ фактъ поселенія готовъ въ балтійскихъ губ. въ періодъ древняго желѣзнаго вѣка и признаетъ постепенность въ замѣнѣ культуры древняго желѣзнаго вѣка, культурой новаго желѣзнаго вѣка. Въ вопросѣ о раселеніи готовъ на восточномъ побережьѣ Балтійскаго моря онъ близко примыкаетъ къ основателю этой теоріи Гревингу и только въ значительной степени развиваетъ ее, не приводя однако въ пользу своихъ положеній вѣскихъ данныхъ.

Несмотря на то, что фактъ жительства готовъ въ современныхъ балтійскихъ губ. былъ принятъ европейской наукой въ лицѣ лучшихъ знатоковъ археологіи сѣверныхъ частей западной Европы, эти ученые не подкрѣпили новыми фактами эту теорію, и она продолжала основываться на тѣхъ-же данныхъ, на которыя опирался ея основатель. Посмотримъ по этому, какіе факты приводилъ Гревингъ въ пользу своей гипотезы, признававшейся долгое время научной истиной.

Гревингъ приводитъ слѣдующія доказательства, говоряція въ пользу факта пребыванія готовъ въ балтійскихъ губ.: 1) корабельная форма могилъ, свидѣтельствующая, что племя, оставившее ихъ по себѣ было мореходное и лишь впоследствии, пзмѣнивъ своему прежнему занятію, сохранило о немъ воспоминаніе, продолжая соблюдать обрядъ погребенія въ символическихъ корабляхъ. 2) въ названіи мѣстностей, сохранилось у мѣстнаго населенія воспоминанія о готахъ; *Katfer*, *Kattimaa*, *Koddafer*, *Koddierw*, *Wiirumaa*, *Türsel* объясняются первые четыре тѣмъ, что первая часть этихъ названій (*Kat*, *Kod*) сохранили само имя готовъ. Эты въ извѣстныхъ случаяхъ пзмѣняютъ *g.* въ *k.* такъ что эти названія должны были-бы произноситься *Gatfer*, *Goddierw*, что несомнѣнно сильно напоминаетъ имя готовъ

*) ib. стр. 355.

(God, Gud). Остальные имена, къ которымъ Гревингъ присоединяетъ еще слово *kihlkond* (въ значеніи церковнаго прихода), объясняются изъ готскаго языка. 3) Эстонскій языкъ хранитъ въ себѣ много заимствованій изъ древнегерманскаго языка, причемъ отъ эпохи предшествующей или современной Ульфилѣ (IV в.). Эти заимствованія касаются почти исключительно культурныхъ словъ. 4) Готы распространили свое могущество на многія окрестныя племена и вѣроятно, полагаетъ Гревингъ, и на тѣ, которыя населяли восточный берегъ Балтійскаго моря, хотя объ этомъ и не упоминаетъ Торнадъ*).

Гревингъ впрочемъ самъ признавалъ слабость своихъ доказательствъ; онъ отмѣчаетъ, что историческихъ и археологическихъ свѣдѣній недостаточно, чтобы съ достовѣрностью утверждать, что эсты и готы жили когда нибудь вмѣстѣ. Онъ обращаетъ также вниманіе на то, что многія культурныя слова, объясняемыя изъ готскаго языка могутъ быть съ одинаковымъ вѣроятіемъ произведены и отъ славянскихъ корней (напр. эстонскія слова какъ: овца, коза, свинья, рожь, овесъ, пшеница, горохъ, масло, сыръ, хлѣбъ и пр.); наконецъ, что многія изъ словъ, объясняемыхъ изъ германскихъ языковъ, могутъ быть произведены и не отъ готскихъ корней, а изъ болѣе позднихъ нѣмецкихъ нарѣчій**).

Намъ не совсѣмъ ясно, какъ могла эта теорія, построенная на столь шаткихъ основаціяхъ, признаваемыхъ къ тому-же такими и самимъ ея основателемъ — Гревингомъ, получить вѣру у многихъ крупныхъ знатоковъ сѣверно-европейской археологіи и стать на ряду съ прочно установленными научными истинами. Намъ кажется, что мы будемъ не далеки отъ истины, предположивъ, что мысль, о тѣсной связи археологіи южнаго и западнаго берега Балтійскаго моря съ восточнымъ, настолько вошла въ общее мнѣніе археологовъ, что они охотно приняли предлагаемую теорію безъ дальнѣйшей провѣрки и забывъ, что предметы въ теченіе древняго желѣзнаго вѣка могли быть занесенными торговыми сношеніями въ балтійскій край также легко, какъ и въ періодъ новаго желѣзнаго вѣка.

Въ настоящее время сила доказательствъ, приводимыхъ въ пользу „готской“ теоріи, значительно пострадала отъ дальнѣйшихъ изысканій. Форма могильниковъ, предполагаемая корабельная форма которыхъ ввела Гревинга и другихъ ученыхъ въ

*) Der Aschenfriedhof bei Türsel. стр. 61, 62, 64.

**) *ibid.*

заблужденіе, оказалась не соответствующей своему бывшему названію. Такимъ образомъ падаетъ одно изъ наиболѣе вѣскихъ доказательствъ жительства готовъ въ балтійскомъ краѣ, такъ какъ могилы эти не принадлежали мореходному племени и на нихъ могутъ претендовать все народности, мало знакомыя съ моремъ, жившія въ разное время въ предѣлахъ балтійскихъ губ. Что касается названія мѣстностей, въ которыхъ Гревингъ хотѣлъ видѣть сохранившимся само имя готовъ, либо объяснить ихъ изъ готскаго языка, то они находятъ болѣе вѣроятное объясненіе въ самомъ эстонскомъ языкѣ. Извѣстный знатокъ западно-финскихъ нарѣчій Ю. Ю. Трусманъ любезно предоставилъ намъ свое объясненіе названій мѣстностей, привлекаемыхъ Гревингомъ въ доказательство бывшихъ въ краѣ готскихъ поселеній. *Kattimaa* или *Kaidma* (въ XIII в. *Kaitamaale*) находитъ объясненіе, согласно Ю. Ю. Трусману, изъ ф. *kaita*, лоп. *gaida* — узкій, клинъ, ластовица, гать; *maa* — фин. и эст. — земля; *Kattiwere* (нѣм. *Katfer*); — первая часть какъ и предыдущее и фин. *vieri*, эст. *weer* — край, сторона, склонъ (обыкновенная приставка въ названіяхъ деревень); *Kodawere* (нѣм. *Kodater*) — ф. *kota*, *koti*, эст. *koda* — хижина, изба и *were* (см. предш.); *Kodijärw* тоже и эст. *järw* — озеро; *Türsel* (*Türsal*, *Türpsel*, *Türsalo*) ф. *turpea*, эст. — *turjip* — вздутый, роскошный; ф. и эст. *salu* — роща; *Wiigumaа* — 1. лоп. *wigo*, фин. и эст. *wigo*, *wigu* — пучина, вихрь; 2. ф. *wiegu-maa*, эст. *weermaa* — покатая земля. Что касается слова *Kielkolind* — церковный приходъ, то это слово, равно какъ и само понятіе о церковномъ приходѣ, должно было появиться послѣ пришествія нѣмцевъ и введенія христіанства*.)

Вліяніе готскаго языка на западно-финскія нарѣчія считается доказаннымъ. Мы видѣли однако, что еще Гревингъ сомнѣвался въ точности нѣкоторыхъ изысканій въ этомъ направленіи. Не будучи лингвистомъ, намъ не представляется возможности провѣрить насколько все работы, касающіяся этого вопроса, заслуживаютъ довѣрія и насколько слова германскаго корня должны быть

*) Биленингъ приводитъ также нѣсколько названій мѣстностей Курляндской губ., которыя, по его мнѣнію, сохраняютъ въ своемъ составѣ имя готовъ, въ сложныхъ именахъ 1-й слогъ которыхъ *Gud* (*Sitzb. d. g. est. G. 1885. стр. 311. прим.*). Доказательствъ, что здѣсь въ *Gud* слѣдуетъ видѣть имя готовъ, нѣтъ. Дальнѣйшія работы въ этомъ направленіи вѣроятно найдутъ имъ объясненіе изъ мѣстныхъ языковъ, какъ это сдѣлано относительно названій мѣстностей, приводимыхъ Гревингомъ и многихъ другихъ напр. *Амеранденъ*, *Оденнъ* и др.

объясняемы изъ готскаго языка до IV' вѣка, а не изъ древне-нѣмецкаго. Мы не можемъ однако не обратить вниманія, что въ эстонскомъ языкѣ вліяніе готскаго сказалось почти исключительно въ культурныхъ словахъ. При знакомствѣ съ новымъ предметомъ народъ часто заимствуетъ названіе его отъ племени, которое его съ нимъ познакомило. Но для этого еще не требуется факта совмѣстнаго жительства и достаточно подчасъ краткаго столкновенія двухъ народовъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ развитія, а также оживленныхъ торговыхъ сношеній. Это, новидимому, ясно понималъ Гревингъ, съ большой осторожностью относившійся къ даннымъ языка и не рѣшавшійся выдвигать эти данныя на главное мѣсто въ ряду своихъ доказательствъ существованія готовъ въ балтійскомъ краѣ. Въ русскомъ языкѣ мы видимъ довольно много арабскихъ словъ, между тѣмъ едва ли кому нибудь придетъ мысль доказывать фактъ совмѣстнаго жительства древнихъ русскихъ и арабовъ и объяснять заимствованія изъ арабскаго языка иначе какъ существованіемъ торговыхъ сношеній. Во всякомъ случаѣ лингвистическія данныя, если даже допустить, что вліяніе готовъ сказалось въ той мѣрѣ, какъ это хотятъ доказать наиболѣе ревностные сторонники этой теоріи, могутъ служить лишь доказательствомъ культурнаго вліянія готовъ на туземные племена, но не могутъ дать лишняго факта въ пользу мнѣнія, что готское населеніе жило когда нибудь въ предѣлахъ современныхъ балтійскихъ губ.

Относительно послѣдняго доказательства Гревинга, приводимаго имъ въ пользу своей гипотезы, мы не считаемъ нужнымъ распространяться; научнаго значенія оно не имѣетъ и основано на предположеніи весьма сомнительной вѣроятности.

Наконецъ могильный инвентарь, какъ мы уже указывали, не даетъ намъ также никакого подтвержденія въ пользу мнѣнія о пребываніи готовъ въ балтійскомъ краѣ. Если мы станемъ даже на точку зрѣнія тѣхъ археологовъ, которые основываютъ свое опредѣленіе національности на находимыхъ въ могиллахъ предметахъ, то и тогда предметы, находимые въ общественныхъ могиллахъ съ трупосожженіемъ безъ урнъ и въ могиллахъ съ погребеніемъ у Зантена и Гербергена и другихъ древняго желѣзнаго вѣка, не представляютъ намъ данныхъ въ пользу указаннаго мнѣнія. Они указываютъ на производство, процвѣтавшее на южномъ берегу Балтійскаго моря, въ средней Германіи и не могутъ по этому считаться типично-готскимъ. Инвентарь готскихъ могилъ, справедливо замѣчаетъ проф. Хаусманъ*), до сихъ

*) Sitzungsab. d. Kurl. G. f. L. u. Kunst. 1892. стр. 84.

поръ не опредѣленъ; но предметы того стили, который принято называть готскимъ, имѣющій своихъ роскошныхъ представителей въ паходкахъ южной Россіи, и распространенный впоследствии двинувшимися на западъ готами почти по всей Западной Европѣ, не извѣстны изъ находокъ въ балтійскихъ губ.

Итакъ, если желать признать фактъ существованія на восточномъ берегу Балтійскаго моря поселеній готовъ, то не слѣдуетъ забывать, что это можно дѣлать не съ большимъ вѣроятіемъ, какъ признаіе существованія здѣсь римскихъ, византійскихъ, арабскихъ и др. колоній. Въ пользу такого невѣроятнаго утвержденія говорили-бы по крайней мѣрѣ находимыя въ краѣ монеты; въ пользу же существованія здѣсь готовъ, мы не имѣемъ и этого даннаго. Готская теорія въ настоящее время пала и если еще нѣкоторые мѣстные археологи глухо и высказываются въ ея пользу, то это происходитъ скорѣе вслѣдствіе личныхъ научныхъ симпатій каждаго изслѣдователя, а не на основаніи мало мальски научно обоснованныхъ соображеній.

Открытіе тюрсельскаго могильника, которому было суждено произнести смертный приговоръ миѣнію о существованіи въ балтійскихъ губ. корабельныхъ могилъ, нанесло сильный ударъ готской теоріи. Большинству археологовъ стала ясна слабость доказательствъ, которыя выставлялись въ ея пользу, и сторонники „національнаго“ направленія, долго удерживаемые авторитетомъ сторонниковъ готской теоріи, стали высказывать смѣлѣе свои предположенія о національности могилъ, идя тѣмъ-же путемъ, которымъ шелъ и Гревингъ въ своихъ работахъ до открытія славекскаго могильника. Въ этомъ отношеніи моментъ открытія тюрсельскаго могильника можетъ быть признанъ поворотнымъ пунктомъ. Начиная съ этого времени, большинство мѣстныхъ археологовъ, не стѣсняемые рухнувшей теоріей о существованіи корабельныхъ могилъ и признаваемымъ истиной миѣніемъ пребыванія въ краѣ готовъ, вносятъ большую широту, а также и значительно больше осторожности въ трудъ опредѣленія національности племени, оставившаго тотъ или иной могильникъ. Такъ какъ большинство могилъ балтійскаго края относится къ новому желѣзному вѣку, то мы коснемся и миѣній изслѣдователей о національности могилъ древняго желѣзнаго вѣка, при изложеніи новѣйшихъ взглядовъ мѣстныхъ археологовъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые могильники древняго желѣзнаго вѣка утилизировались и въ теченіе новаго желѣзнаго вѣка.

Въ числѣ племенъ, оставившихъ эти послѣдніе, нѣкоторые мѣстные ученые хотѣли, какъ мы говорили выше, видѣть и

скандинавовъ. Гр. Сиверсъ приписывалъ имъ „корабельныя“ могилы. Гревингъ, въ своихъ послѣднихъ работахъ, признавалъ, что разныя скандинавскія племена обитали въ балтійскихъ губ. въ теченіе новаго желѣзнаго вѣка. Это мнѣніе было сильно распространено. Основаніемъ этой теоріи, за полнымъ отсутствіемъ историческихъ свидѣтельствъ, служили саги; въ нихъ повѣствуется о неоднократныхъ походахъ норманновъ въ мѣстности, лежащія на восточномъ берегу Балтійскаго моря. Толкователи смутныхъ указаній, даваемыхъ сагами, расходились въ подробностяхъ, но сходились въ вопросѣ, что военные походы норманновъ съ весьма ранняго времени направлялись въ современные балтійскія губ. Саги, воспѣвающія эти походы, повѣствуютъ о битвахъ, павшихъ герояхъ, богатой добычѣ — но не служатъ свидѣтельствомъ существованія болѣе мирныхъ сношеній. Данныхъ, доказывающихъ, что скандинавскія племена населяли ту или иную часть балтійскаго края, мы также въ сагахъ не находимъ. Напротивъ того онѣ заставляютъ думать, что этотъ край былъ населенъ всецѣло чуждыми скандинавамъ племенами, у которыхъ, совершавшія набѣги шайки, надѣялись получить добычу, отчасти путемъ грабежа, отчасти посредствомъ наложенія дани, что сами набѣги были часты, но не задерживали подолгу норманновъ. Такимъ образомъ, на основаніи сагъ, нельзя утверждать о существованіи постоянныхъ поселеній скандинавскихъ племенъ въ современныхъ балтійскихъ губ.; между тѣмъ это и было долгое время единственнымъ основаніемъ упомянутой теоріи.

Вполнѣ естественнымъ являлся вопросъ, почему норманны, если они дѣйствительно жили здѣсь, не оставили характерныхъ для нихъ намятниковъ — руническихъ надписей; желаніе найти эти послѣднія сказывалось съ особенной силой, по этому неудивительно, что большинство мѣстныхъ ученыхъ привѣтствовало находку рунической надписи въ им. Олерсхофъ. Въ виду вниманія, которое было обращено на эту находку со стороны ученаго міра, мы считаемъ необходимымъ остановиться подробнѣе на этомъ вопросѣ. Въ 1869 г. Эстонское ученое Общество получило увѣдомленіе о найденной въ им. Олерсхофъ (въ латышской части Лифляндской губ.) рунической надписи, высѣченной на камнѣ. Снимки съ этой надписи, сдѣланные спеціально командированными для этого лицами, были переданы Обществомъ для опредѣленія проф. Софусу Бутге въ Христіанію. По осмотрѣ присланнаго снимка, Бутге высказалъ, что это быть можетъ плохая копія съ какой нибудь другой рунической подписи; это предположеніе онъ счелъ однако возможнымъ откинуть „по многимъ

причинамъ," не излагая ихъ впрочемъ въ своемъ отвѣтѣ Эстонскому Обществу. Онъ призналъ надпись подлинной; указалъ, что нѣкоторые знаки совершенно не руническіе, другіе походятъ на руническіе, и наконецъ часть знаковъ воспроизводитъ извѣстныя буквы рунической азбуки. Разобрать надпись вполнѣ оказалось влѣдствіе этого невозможнымъ, но на основаніи отдѣльныхъ разобранныхъ словъ Бугге сдѣлалъ предположеніе, что олерсхофская надпись представляетъ надгробный памятникъ, воздвигнутый женой въ честь умершаго мужа. Этотъ фактъ свидѣтельствовалъ-бы, по словамъ Бугге, въ пользу мнѣнія о существованіи въ краѣ скандинавскихъ поселеній въ XI вѣкѣ, къ которому относится надпись*). Вскорѣ, по опубликованіи мнѣнія Бугге объ олерсхофской надписи, гр. Сиверсъ извѣстилъ Эстонское Общество, что онъ, изъ разговора съ владѣльцемъ Олерсхофа бар. Крюнне-ромъ, узналъ, что эта надпись была недавно сдѣлана по его приказанію, чтобы ввести въ обманъ и пошутить надъ его родственницей, любительницей древностей: надпись была имъ скопирована съ рунъ, выставленныхъ на Парижской выставкѣ. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что олерсхофская надпись, которой были введены въ обманъ мѣстные ученые, представляетъ поддѣлку**). Олерсхофская надпись была первымъ и послѣднимъ памятникомъ рунъ найденнымъ въ балтійскихъ губ. и въ настоящее время можетъ, какъ кажется, считаться установленнымъ фактъ, что руническихъ надписей въ краѣ не существуетъ.

Извѣстный Руссвурмъ старался въ своихъ работахъ дать историческое обоснованіе теоріи о существованіи скандинавскихъ поселеній въ балтійскихъ губ. Въ нѣкоторыхъ прибрежныхъ частяхъ Эстляндской губ. живутъ, какъ извѣстно, шведы (въ количествѣ слишкомъ 5000 д.); главная часть ихъ живетъ въ Ревельскомъ и Гапсальскомъ у. Эстляндской губ.: на о-вахъ Вормсѣ, Одишольмѣ, Роге, Даго и Наргенѣ и на полуостровѣ Нукѣ; въ Лифляндской губ. ихъ считаютъ въ нѣсколько сотъ (около 400 д.); они живутъ на о-вахъ Руно и Эзелѣ. Руссвурмъ, и за нимъ большинство мѣстныхъ ученыхъ, считалъ этихъ шведовъ за потомковъ скандинавовъ, вышедшихъ изъ Швеціи въ эпоху викинговъ (въ VIII—IX вѣкѣ), и поселившимся въ этихъ мѣстахъ. Онъ видѣлъ доказательства своего мнѣнія въ ихъ языкѣ, который, по его словамъ, „сохраняетъ много формъ и звуковъ, присущихъ языку, которымъ говорили въ Норвегіи, и вѣроятно также во всей Швеціи и Даніи въ VIII—IX вв., и отъ котораго значительно отличается языкъ

*) Verhandl. d. g. Est. G. VIII, 2.

**) ib. Heft. 3.

древне-шведскихъ законодательныхъ памятниковъ XII—XIV вв.. Поэтому отдѣленіе этой вѣтви шведовъ отъ общаго отечества слѣдуетъ отнести къ эпохѣ до этой перемѣны, совершившейся въ языкѣ“ *). Новѣйшія изслѣдованія языка мѣстныхъ шведовъ противорѣчатъ мнѣнію Руссвурма; на основаніи лингвистическихъ данныхъ слѣдуетъ, какъ кажется, отнести переселеніе шведовъ въ балтійскія губ. самое раннее къ XIII вѣку. Кромѣ того, если допустить существованіе здѣсь издревле шведскихъ колоній, необъяснимымъ останется фактъ, отмѣченный еще Руссвурмомъ, что нѣмецкія хроники эпохи завоеванія края ничего не говорятъ объ этихъ поселеніяхъ; первыя свѣдѣнія о нихъ относятся къ значительно болѣе позднейшѣ похѣ. Одинъ изъ документовъ, наиболѣе древній, отъ 1294 г. недостаточно ясенъ, и не позволяетъ съ точностью опредѣлить, идетъ-ли рѣчь о шведахъ колонизаторахъ этой части балтійскаго края или о шведахъ проживающихъ въ краѣ временно; первыя-же достовѣрныя свѣдѣнія о нихъ относятся только къ серединѣ XIV в. **).

Такимъ образомъ единственное серьезное доказательство существованія въ древнее время поселеній норманновъ въ балтійскомъ краѣ еще недостаточно твердо установлено наукой. Но если въ современныхъ шведахъ Эстляндской губ. и Руно слѣдуетъ дѣйствительно видѣть потомковъ древнихъ норманновъ, то придется также признать, что они были всегда малочисленны и что ихъ поселенія не заходили въ глубь материка, а занимали преимущественно острова и небольшое пространство береговой полосы т. е. что они не могли играть выдающейся роли въ исторіи края.

Национальная теорія, стремящаяся на основаніи историческихъ данныхъ опредѣлить племена, оставившія тотъ или иной могильникъ, обладаетъ также немногочисленными научными данными. Мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ, когда туземныя племена, населявшія балтійскія губ. въ эпоху завоеванія края нѣмцами, пришли къ восточнымъ берегамъ Балтійскаго моря, саги не даютъ намъ никакихъ опредѣленныхъ указаній. Русскія лѣтописи также мало говорятъ о древнемъ населеніи края. На основаніи послѣднихъ является возможность, однако, утверждать, что во время знакомства восточныхъ славянъ съ населеніемъ балтійскаго края, въ извѣстныхъ нашимъ лѣтописямъ частяхъ его обитало финское племя. Доказательствомъ этого служить названіе туземцевъ чюдью, ими которое лѣтописи даютъ

*) Inland. 1852, № 21—24; см. также монографію Russwurm'a: Eiböfolke oder die Schweden an den Küsten Estlands u. auf Runo (1855).

**) П. Ререма. О-ва Большой и Малый Рого

финскимъ племенамъ; по было-ли это племя эстонцами, какъ думаютъ нѣкоторые на основаніи эпитета этой чуди „бѣлоглазая“, подмѣчающаго какъ-бы безцвѣтность глазъ эстовъ, или другое финское племя — неизвѣстно. Лишь съ началомъ покоренія края нѣмцами мы встрѣчаемъ болѣе достовѣрныя свѣдѣнія о мѣстномъ населеніи. Древнѣйшій для этого періода историческій памятникъ, хроника Генриха Латыша, даетъ довольно точныя указанія о составѣ и распредѣленіи племенъ, съ которыми нѣмецкимъ завоевателямъ пришлось имѣть дѣло. На основаніи этой хроники, можно опредѣленно сказать, что современная Эстляндская губ., сѣверная половина Лифляндской и о. Эзель были преимущественно заселены эстами уже съ давняго времени. По этому могильники XII—XIII вв. этой части балтійскаго края можно отнести, въ лицѣ большинства представителей, эстамъ. Но мы видѣли, что нѣкоторые могильники, какъ напр. тюрсельскій, утилизировались въ теченіи почти 1300 лѣтъ непрерывно. Поэтому является возможность предположить, что не только могилы съ погребеніемъ принадлежатъ эстамъ, но и часть могильниковъ, гдѣ господствуетъ трупосоженіе, которое постепенно замѣняется погребеніемъ. Къ этому положенію можно придти на основаніи слѣдующихъ соображеній: Генрихъ Латышъ отмѣчаетъ, что эсты въ XIII вѣкѣ практиковали обрядъ трупосоженія, этотъ обычай былъ настолько силенъ, что эсты иногда вырывали изъ могилъ своихъ единоплеменниковъ, погребенныхъ по христіанскому обряду, и сожгали ихъ трупы, чтобы потомъ похоронить кости. Далѣе намъ извѣстенъ обычай, господствовавшій у многихъ финскихъ племенъ, устраивать общественныя могильники; общественныя могилы съ трупосоженіемъ, въ области населенной въ XIII вѣкѣ эстами, слѣдовательно, можно приписать имъ тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ такихъ могильниковъ указываютъ на постепенный переходъ отъ обряда трупосоженія къ обряду погребенія, явившагося впоследствии подъ вліяніемъ христіанства. Проф. Висковатовъ не высказываетъ рѣшительнаго мнѣнія въ вопросѣ о національности тюрсельскаго могильника, но онъ склоненъ повидимому приписать его финнамъ; отмѣчая обычай финновъ устраивать общественныя могилы, онъ приводитъ фактъ, указывающій какъ долго этотъ обычай хранился въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. „Въ качествѣ иллюстраціи къ обычаю устраивать финнами общественныя могилы, пишетъ онъ*), можетъ служить еще слѣдующее: въ началѣ 50-хъ годовъ на финскомъ кладбищѣ,

*) Sitzungsber. d. g. est. G. 1889, стр. 133.
Временникъ Эстляндской губерніи.

между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ, находилось очень старое продолговатое строеніе, собственно крыша надъ могилой, выкопанной на нѣсколько футовъ въ землю. Въ этой могилѣ хоронили умершихъ изъ различныхъ сосѣднихъ деревень. Каждая деревня имѣла свое особое мѣсто, въ которое складывались въ безпорядкѣ гроба“. Новѣйшіе изслѣдователи склонны вообще въ общественныхъ могилахъ съ трупосожженіемъ этой области видѣть древне-эстскія кладбища. Во всякомъ случаѣ нѣтъ никакихъ основаній, въ виду выше приведенныхъ фактовъ, приписывать эти могильники другому, чуждому эстамъ, племени. Такимъ образомъ памятники, признаваемые Гревингомъ за готскіе, послѣ паденія его теоріи, имѣютъ больше всего основаній быть сочтенными за эстскіе.

Могильники на о-вѣ Эзелѣ съ трупосожженіемъ, въ виду вышеуказаннаго, принято также приписывать эстамъ, племенной составъ этого острова еще болѣе однороденъ, чѣмъ Эстляндской губерніи и эстонской части Лифляндской губерніи. Инвентарь ихъ нѣсколько отличается отъ материковыхъ могилъ. Племя, населявшее Эзелъ въ древнее время, характеризуется, на основаніи могильнаго инвентаря, пр. Хаусманомъ*) слѣдующими словами: „Здѣсь жилъ нѣкогда богатый народъ, знавшій цѣну оружію и украшеніямъ, жадный къ приобрѣтенію ихъ въ то время, какъ онъ самъ еще не былъ способенъ изготовлять его самъ. Въ древнее время для отодвинутыхъ далеко на западъ эзельцевъ море не служило преградой: — оно было удобной дорогой для нихъ. Они приобрѣтали то, что желали, торговлей, поскольку скудная почва доставляла матеріала для обмѣна, чаще-же путемъ морскихъ разбоевъ. Они принадлежали къ числу наиболѣе наводящихъ страхъ морскихъ разбойниковъ“ (**).

Итакъ могилы съ трупосожженіемъ, какъ древняго желѣзнаго вѣка такъ и новаго, изслѣдователи склонны приписывать эстамъ. Съ тѣмъ большимъ основаніемъ можно это дѣлать съ могилами съ погребеніемъ этой области, относящимися къ болѣе позднему времени, когда эсты, послѣ принятія христіанства, перешли по-

*) *ibid.* стр. 125.

**) Въ хроникѣ Альпекке говорится про эзельцевъ: „лѣтомъ, это намъ извѣстно, эзельцы опустошаютъ окрестныя земли. Куда-бы они не проникали воднымъ путемъ — они вездѣ берутъ большую добычу у христіанъ и у язычниковъ“. Въ теченіи первой четверти XIII в. извѣстно напр. семь организованныхъ морскихъ походовъ эзельцевъ: 1203 — въ Данію, 1211 — вверхъ по Аа къ Трейдуну, 1215 — къ устью Аа, 1215 — къ устьямъ Двины, 1216 — по Салису до Астѣрва, 1218 — въ область по Двинѣ, 1226 — въ Швецію. (Holzmayer: *Das Kriegswesen der alten Oeseler*, стр. 3 и 29.)

степенно къ обряду погребенія. Но не слѣдуетъ также забывать, что въ это время въ области, занимаемой въ то время эстами, существовали поселенія родственныхъ и неродственныхъ эстамъ племенъ. Такъ въ части Лифляндской губерніи, занимаемой въ настоящее время латышами, но въ которой въ прежнее время жили эсты, существовало нѣкогда небольшое племя, называвшееся сосѣдями Кр е в и н ы (т. е. русскими). Еще въ началѣ текущаго столѣтія ихъ насчитывали около 1500 д., распределенныхъ въ имѣніяхъ Хансъ-Мемельхофъ, Ней-Раденъ, Круссенъ и Витвенхофъ. Кренины въ настоящее время олатышились. Переселены они были сюда въ качествѣ плѣнныхъ послѣ одного удачнаго похода пѣмекскихъ рыцарей въ Вотскую пятину подъ предводительствомъ Генриха Финке фонъ-Оверберга (около половины XV в.). По мнѣнію акад. Виденмана, въ этой народности слѣдуетъ видѣть финновъ. Кренинами (т. е. русскими) они были называемы сосѣдями потому, что они были переселены изъ русскихъ областей*). Это племя, конечно, должно было оставить послѣ себя погребальные памятники, которые, относясь въ дѣйствительности къ довольно позднему времени, могли по предметамъ, въ нихъ находимымъ, указывать на болѣе древнюю эпоху. Далѣе мы знаемъ, что существовала колонизація со стороны Псковской земли въ нѣкоторыя части Эстляндской губерніи, напр. на сѣверо-западномъ берегу Чудскаго озера, оставившая свои слѣды въ лицѣ т. наз. полуѣрцевъ. Что эта колонизація относится къ древнему времени можно судить по найденному на могилѣ около Пюхтицы каменному новгородскому кресту XII—XIII вв. Поэтому необходимо, при опредѣленіи національности могилъ этихъ областей, имѣть въ виду, что часть могильниковъ можетъ быть оставлена и другими племенами помимо эстовъ. Такъ напр. общественный могильникъ съ погребеніемъ около крестьянскаго двора Кильтри въ Варролтѣ г. Думбергъ былъ склоненъ приписать кренинамъ, основывая свое заключеніе на почти полномъ тождествѣ найденныхъ предметовъ съ известными изъ кургановъ въ области древней Вотской пятины. Проф. Лёшке, какъ кажется основательно, видитъ въ этомъ могильникѣ эстонское кладбище, причемъ сходство предметовъ онъ объясняетъ однако родствомъ эстовъ съ тѣми народами, которые оставили по себѣ курганы въ Петербургской, Псковской, Тверской и др. губ. **).

Вообще эта часть балтійскихъ губерній представляетъ зна-

*) Sitzungs. d. g. est. G. 1871, стр. 48—52.

***) Sitzungs. d. g. est. G. 1887, стр. 107—118.

чительно меньше затрудненій при рѣшеніи вопроса о національности могильниковъ, чѣмъ Курляндская губернія и южная часть губерніи Лифляндской. Но не слѣдуетъ забывать, что Эстляндская губернія принадлежитъ къ числу наименѣе изслѣдованныхъ областей балтійскаго края, что весьма важный вопросъ объ общественныхъ могильникахъ съ трупосоженіемъ безъ погребальныхъ урнъ еще недостаточно освѣщенъ, что даже предѣлы географическаго ихъ распространенія не установлены и не выяснено соотношеніе между этими могильниками и другими аналогичными имъ. Могильники же съ погребеніемъ еще менѣе изслѣдованы; типы, которые они представляютъ, не могутъ быть опредѣлены. Поэтому намъ кажется преждевременнымъ рѣшеніе вопроса о границахъ распространенія эстонскаго типа могильниковъ, предлагаемый Аспелиномъ. „Эстонская группа, пишетъ онъ, охватываетъ область отъ финскаго залива до р. Салиса, отъ Балтійскаго моря до оз. Пейпуса, а также острова принадлежащіе къ этой территоріи. Находки эстонскихъ предметовъ, продолжаетъ онъ, сдѣланныя до настоящаго времени, разбросаны и немногочисленны. Однако въ нихъ можно отыскать общія черты въ формѣ и орнаментѣ, являющіяся характерными для всѣхъ финскихъ группъ: подковообразная фибула, цѣпь, составленная изъ двойныхъ колець, браслетъ въ видѣ спирали, ткани, украшенныя серебряными бусами и спиральными орнаментами и пр. Наиболее характерной для эстонскихъ древностей является, вѣтъ всякаго сомнѣнія, большая булавка, служившая для прикрѣпленія цѣпи къ одеждѣ“. Аспелинъ считаетъ однако необходимымъ отмѣтить, что многія эстонскія древности представляютъ значительное сходство съ инвентаремъ „готскихъ“ могильниковъ*). За эстонскіе онъ считаетъ предметы, найденные въ приходахъ Іеве, Хальяла, Якоби, Іердена, Петри, Козе, Юргенса, Кегеля и др. въ Эстляндской губерніи, а также на о-вахъ Эзелъ, Моиъ и Даго.

Считая, что методъ, основывающійся при опредѣленіи національности могилъ на предметахъ, не достигаетъ своей цѣли, намъ кажется слишкомъ поспѣшнымъ какъ вышеприведенный взглядъ Аспелина, а также и мнѣніе проф. Лёшке, объясняющихъ сходство могильнаго инвентаря этой области балтійскаго края съ курганными находками въ другихъ частяхъ Россіи родственнымъ происхожденіемъ. Предметы могли быть завезены торговлей, и этимъ, надо думать, объясняется, что предметы, которые Аспелинъ считаетъ характерными для эстонской группы, встрѣчаются

*) Aspelin: Les Antiquités du N. F. Ougr. стр. 356.

и въ областяхъ, которыя онъ отводитъ другимъ народностямъ. При рѣшеніи вопроса о національности могильника, за отсутствіемъ прочаго критерія въ лицѣ антропологическихъ данныхъ, можно опираться только на достовѣрныя историческія свѣдѣнія. На основаніи ихъ мы склонны, вмѣстѣ съ большинствомъ мѣстныхъ изслѣдователей, приписывать могилы этой области эстамъ, оговариваясь однако, что 1) нѣкоторые могильники, изъ извѣстныхъ уже, придется вѣроятно выдѣлить и отнести ихъ другимъ племенамъ и 2) что дальнѣйшія изслѣдованія, въ особенности-же антропологическія, одни будутъ въ состояніи дать прочую опору этому мнѣнію. Въ настоящее время это лишь гипотеза, требующая еще доказательствъ, прежде, чѣмъ быть принятой.

Историческихъ данныхъ для опредѣленія національности того или иного могильника въ южной части балтійскаго края также немного, къ тому-же они гораздо запутаннѣе, чѣмъ относительно сѣверной части. Въ настоящее время преобладающее населеніе составляютъ латыши; но въ XIII в. мы встрѣчаемъ здѣсь, кромѣ нихъ, еще финскія народности куровъ и ливовъ. Кромѣ латышей здѣсь жили еще другія литово-латышскія племена. Хотя всѣ эти племена и населяли уже съ давняго времени балтійскій край, они повидимому еще не вполне осѣлись. Мы видимъ ихъ въ движеніи, и по этому опредѣлить точныя границы этихъ племенъ, на основаніи свѣдѣній даваемыхъ хрониками XIII в., почти невозможно. Къ тому-же лѣтописцы упоминали о мѣстностяхъ, населенныхъ тѣмъ или инымъ племенемъ, лишь постольку, поскольку этотъ вопросъ былъ интересенъ при описаніи исторіи завоеванія края.

Георихъ Латышь упоминаетъ, что ливы жили въ слѣдующихъ мѣстахъ: по Двинѣ у *Holme* (Гирххольмъ), *Ykeskola*, *Ykeskülla* (Иксуль), *Memmekülla* (около Ршгмундсхофа), Лешевардена, Ремине (Рёмерсхофъ), А шерадена и Кукепойсь, (Кукемойсь, Ковенхузенъ), на сѣверъ отъ Двины ливы жили около Зидегунде (Зиггундъ); далѣ шла ливская область Торейда (Трейденъ), въ которой находится мѣстопробываніе ливскаго старшины Каупо, горднице Коббеселе (Кипсаль около Кремона), Дабрельса, Зигевольде (Зегевольдъ) у Имме или Именюлла*). У куровъ извѣстны городища Сителисъ, Вардахъ, Лазенъ, Меркесъ, и пр. Но насколько давно эти поселенія принадлежали ливамъ и курамъ намъ неизвѣстно. Въ хроникѣ Геориха Латыша встрѣчается упоминаніе о наступательномъ

*) *Sitzungsb. d. g. est. G. 1874. стр. 121.*

движеніи куровъ, совершавшемся до прихода нѣмцевъ и вѣроятно извѣстномъ лѣтописцу на основаніи народныхъ преданій. Далѣе, нѣмцы застаютъ въ краѣ латышей, которые, какъ кажется, спорадически жили между курами и ливами и въ то время только начинали поглощать въ настоящее время почти вполне слившихся съ ними представителей этихъ двухъ финскихъ племенъ. Наконецъ нѣкоторыя названія мѣстностей служатъ какъ будто доказательствомъ, что эсты прежде распространялись и въ болѣе южныя части балтійскихъ губ. и лишь впоследствии были оттѣснены на сѣверъ до современной границы ихъ распространенія.

Сообщаемые хрониками похоронные обряды у разныхъ племенъ, населявшихъ эту часть балтійскаго края, недостаточны для точной классификаціи могилъ по народностямъ. Обрядъ сожженія упоминается Генрихомъ Латышемъ какъ употребительный у куровъ; онъ сохраняется въ Курляндіи еще въ XV вѣкѣ*). Ливамъ былъ также извѣстенъ обрядъ трупосожженія, причемъ однако, какъ кажется, обрядъ погребенія являлся господствующимъ. Гревингъ, по нашему мнѣнію, небезосновательно полагалъ, что трупосоженіе у ливовъ практиковалось преимущественно надъ воинами, павшими въ битвахъ. Ихъ тѣло сжигали, чтобы было легче отвести останки въ родныя мѣста, гдѣ ихъ погребали, обкладывая предметами украшенія и оружіемъ, не бывшемъ въ огнѣ. Такъ было поступлено, по крайней мѣрѣ, съ тѣломъ ливскаго старшины Каупо, павшаго въ битвѣ. Объяснять однако всѣ мужскія могилы съ трупосоженіемъ въ этой области указаннымъ обычаемъ, намъ кажется не достаточно обоснованнымъ. Встрѣчаются и женскія могилы съ трупосоженіемъ въ смѣшанныхъ могильникахъ, и объясненіе Гревинга, что эти могилы принадлежатъ женщинамъ, не желавшимъ пережить своихъ мужей, и сшивавшимъ себя добровольно**), намъ кажется натянутымъ. Подробности похоронныхъ обрядовъ, какъ при погребеніи такъ и при трупосоженіи, намъ не извѣстны съ достаточной полнотой. Приводимыя хрониками подробности требуютъ еще провѣрки, чтобы быть признанными за общеупотребительныя у этихъ племенъ.

Въ виду разнообразія, господствовавшаго въ этнографическомъ составѣ населенія въ южной части балтійскаго края, въ виду недостаточности историческихъ свѣдѣній о предѣлахъ населенія каждой изъ упомянутыхъ народностей и о неполнотѣ данныхъ объ обычныхъ въ ихъ средѣ похоронныхъ обрядахъ —

*) Richter. Geschichte d. Ostseeprovinzen I; стр. 55.

**) Sitzungsber. d. g. e. G. 1875, стр. 56.

рѣшеніе вопроса о національности могилъ является крайне затруднительнымъ. Наибольшее вѣроятіе имѣетъ выдѣленіе группы ливскихъ могилъ, въ виду того, что типичные ихъ представители находятся въ мѣстностяхъ, гдѣ въ XIII в. жили ливы, причемъ могилы датированы монетами начиная съ IX в. до XII в. Такъ какъ во всѣхъ могплахъ обрядъ похоронный и предметы являются одинаковыми, то естественно предположеніе, что эти могильники утилизировались однимъ и тѣмъ-же племенемъ втеченіи указаннаго періода времени, а такъ какъ господствующими въ то время въ этихъ мѣстностяхъ являлись ливы, то и могильники можно приписать имъ. Выдѣленіе этой группы было начато Бэрромъ и въ настоящее время принято почти всѣми мѣстными археологами. Такими типичными ливскими могильниками принято считать могилы около Аперадепа, Кремона, Зегевольде, Трейдена. Къ нимъ присоединяется рядъ другихъ, въ которыхъ встрѣчены схожія черты съ вышеуказанными. Не слѣдуетъ однако эти могильники приписывать исключительно ливамъ. Гревингъ, по поводу своихъ раскопокъ въ Мазе-печь, (могильникъ, который онъ приписывалъ ливамъ) основательно замѣчаетъ, что и другія племена, жившія смѣшанно съ ливами, вѣроятно хоронили своихъ покойниковъ совмѣстно на одномъ кладбищѣ*). Отличить однако, какія могилы съ погребеніемъ принадлежатъ ливамъ и какія латышамъ (не говоря уже о другихъ племенахъ) пока не представляется возможнымъ. Является также преждевременнымъ отдѣлять цѣлыя могильники латышамъ; основаніемъ для этого служатъ различія въ находимыхъ предметахъ. Такъ проф. Хаусманъ кажется считаетъ возможнымъ внослѣдствіи провести разницу между ливами и латышскими могильниками на основаніи находимыхъ головныхъ уборовъ и типовъ грудныхъ цѣпей**). Отдѣлить ливскіе могильники отъ латышскихъ, на основаніи находимыхъ предметовъ, старался и Аспелинъ. Мы уже неоднократно говорили о недостаточной научности приѣма считать находимые предметы доказательствами принадлежности могилъ той или иной народности, въ особенности въ мѣстности, гдѣ смѣшивались, или по крайней мѣрѣ, долго жили близко другъ отъ друга разныя народности какъ это имѣло мѣсто въ южной части балтійскаго края, причемъ главная масса предметовъ является завозной отъ восточныхъ или западныхъ сосѣдей. Какъ примѣръ шаткости подобнаго метода укажемъ на то, что могилы напр. у Роннебурга и

*) Sitzungsab. d. g. est. G. 1874. стр. 121.

**) Sitzungsab. der Kurl. G. f. Lit. u. Kunst, 1892.

***) Antiquités du Nord F. Ougrien.

Альтъ-Пебальга отнесены Аспелиномъ къ „латышской группѣ“, тогда какъ Гревингъ ихъ считаетъ въ ближайшемъ соотношеніи съ могильниками около Ашерадена, Зегевольда и Кремона и приписываетъ ихъ ливамъ*).

Нѣкоторымъ основаніемъ приписывать тотъ или иной могильникъ финскимъ племенамъ является положеніе костяка относительно странъ свѣта. И. Н. Смирновымъ была вполне основательно отмѣчена распространенность обычая у древнихъ финновъ хоронить своихъ покойниковъ головой на сѣверъ, ногами на югъ**). Этотъ обычай, весьма распространенный въ прежнее время среди восточныхъ финновъ, встрѣчался и среди финскихъ племенъ, населявшихъ нашъ сѣверъ. Въ виду его распространенности насъ не должна удивлять возможность встрѣтить этотъ же обычай и у финновъ западной группы. По этому древніе могильники балтійскихъ губ., гдѣ костякъ лежитъ въ направленіи отъ сѣв. къ югу, мы можемъ приписать съ извѣстной вѣроятностью финскимъ племенамъ, тѣмъ болѣе, что этотъ обычай сохранялся весьма долго у мѣстныхъ финскихъ племенъ, по крайней мѣрѣ у эстовъ. Такъ въ могильникѣ около Кабина (въ 6-ти верстахъ отъ Юрвеа) часть костяковъ лежала въ направленіи отъ сѣв. къ Ю., причемъ могильникъ, на основаніи пайденныхъ г. Юнгомъ монетъ XVIII в., слѣдуетъ считать весьма позднимъ и несомнѣнно эстонскимъ***). Костяки, лежаще въ этомъ направленіи, встрѣчались въ могильникахъ Мазе-петчъ, у Ашерадена, Смильтена и Кремона и съ нѣкоторыми отклоненіями у Аллиша, Ронебурга и пр.†).

Безпорядочность въ направленіи костяковъ, какъ она была отмѣчена въ нѣкоторыхъ ливскихъ могплахъ, также можетъ служить доказательствомъ принадлежности ихъ финамъ; такая же безпорядочность была отмѣчена В. И. Сизовымъ въ могильникѣ около Люцена (Витебской губ.) и гр. О. А. Уваровымъ въ Курманскомъ могильникѣ (Рязанской губ.), признаваемыхъ за несомнѣнно финскіе. Какъ видно изъ вышеизложеннаго „національная“ теорія имѣетъ въ своемъ распоряженіи еще слишкомъ мало фактовъ, чтобы провести дѣленіе могилъ по національностямъ. Но представители ея стоятъ на болѣе вѣрной почвѣ и не вводятъ въ свои изслѣдованія чужеземныя племена, какъ готы, норманны и пр., пребываніе которыхъ въ краѣ является очень сомнительнымъ

*) Das Steinalter d. Ostseeprovinzen стр. 44.

**) Congrès international d'archéologie préhistorique à Moscou. I. стр. 102.

***) Sitzungsb. d. g. est. G. 1878. стр. 197.

†) ib. 1874. стр. 117.

и не основаннымъ на историческихъ данныхъ. Но едвали скоро удастся мѣстнымъ археологамъ разобраться въ массѣ племень, населявшихъ балтійскія губ. въ теченіи доисторическаго періода края. Мы не будемъ указывать на попытки приписать тотъ или иной могильникъ тому или иному племени, дѣлавшіяся въ разное время представителями „національной“ теоріи, такъ какъ эти попытки, за исключеніемъ упомянутой выше выдѣленной изъ общей массы могилъ группы ливскихъ могильниковъ, обыкновенно мало обоснованны; къ тому-же большинство мѣстныхъ ученыхъ въ настоящее время воздерживается отъ опредѣленія національности могильника. Археологическихъ данныхъ оказалось недостаточно для рѣшенія этихъ вопросовъ и слова Впрхова, сказанныя имъ еще въ 70-хъ годахъ по этому вопросу, остаются въ силѣ и въ настоящее время: „мы не можемъ, говорить опъ, на основаніи археологическаго матеріала, доставляемаго могилой, дѣлать канія-бы то ни было заключенія о принадлежности погребеннаго въ ней лица къ тому или иному племени. По этому всѣ попытки обосновать физическую антропологию племень, населявшихъ балтійскія губ., археологическимъ путемъ будутъ напрасны*.“ Для рѣшенія вопроса о національности могилъ балтійскихъ губ. требуются новыя основанія. Для могилъ съ погребеніемъ необходимо прибѣгнуть къ антропометріи, которая, при примѣненіи къ ней широкаго сравнительнаго метода, будетъ въ состояніи доставить данныя, которыя позволятъ возстановить физическій обликъ представителей разныхъ мѣстныхъ племень и ориентироваться въ разнообразныхъ похоронныхъ памятникахъ края. Для рѣшенія вопроса о національности племень, оставившихъ по себѣ могильники съ трупосоженіемъ, для изученія которыхъ антропометрія не можетъ доставить данныхъ, требуется серьезное изученіе названій мѣстностей, которыя одни могутъ дать прочныя основанія для опредѣленія границъ расселенія разныхъ племень, толпившихся въ разное время въ предѣлахъ балтійскаго края**). Пока та и другая работа не будутъ сдѣланы, вопросъ о національности могильниковъ не можетъ быть рѣшенъ и изслѣдователи доисторической древности края будутъ въ этомъ

*) Verh. d. Ges. f. Anthropologie 1877; Sitzungsh. d. Kurl. G. f. L. u. Kunst. 1892 стр. 83.

***) Отмѣтимъ важный въ этомъ отношеніи трудъ А. Биленштейна: Die Grenzen der lettischen Sprache in der Gegenwart und im XIII. Jahrhundert съ приложеніемъ атласа, а также, готовящійся трудъ Ю. Ю. Трусмана объ эстонскихъ названіяхъ мѣстностей.

отношеніи вынуждены либо воздерживаться отъ рѣшенія этого вопроса, либо выдвигать не научныя гипотезы.

Археологическій матеріаль, доставляемый могилами, какъ нами было указано, свидѣтельствуесть объ иноземномъ своемъ происхожденіи. Въ этомъ отношеніи балтійскія губ. являются въ тѣснѣйшей связи съ областями, лежащими отъ нихъ какъ на востокъ такъ и на западъ, причемъ, какъ кажется, съ послѣдними въ бѣльшей степени, чѣмъ съ первыми. Данныхъ, свидѣтельствующихъ о мѣстномъ производствѣ, не много и они не даютъ основаній къ утверженію, что это производство достигало обширныхъ размѣровъ и выработало вполне самостоятельныя типы. Если мы даже допустимъ, что часть предметовъ украшенія изготовлялась туземцами изъ привозимаго матеріала, мы не можемъ не придти къ заключенію, что туземные мастера подражали формамъ, съ которыми они познакомились посредствомъ торговли. Отрицать, что туземцы могли выработывать предметы украшенія, какъ это дѣлалъ Гревингъ, и приписывать все мѣстное производство чуждымъ колонизаторамъ, мы не видимъ основанія. Но допуская, что туземныя племена переняли отъ болѣе культурныхъ своихъ сосѣдей искусство обработки бронзы, мы склонны считать это искусство подражательнымъ. Предполагать, что въ области балтійскихъ губ. жили готы, норманны или другія германскія племена, мы не можемъ и первоначальное занесеніе чуждыхъ формъ въ предметахъ украшенія слѣдуетъ приписать исключительно торговлѣ, при посредствѣ которой жители, находящіеся еще на очень низкой культурной ступени, познакомились и вообще съ металлами. Судя по тому, что наиболѣе древніе металлическіе предметы, находимые въ могилахъ древняго желѣзнаго вѣка, повторяютъ западные образцы и что вліяніе со стороны востока начинаетъ сказываться въ могилахъ переходнаго времени и новаго желѣзнаго вѣка, является возможнымъ утверждать, что первымъ знакомствомъ съ металлами первобытные обитатели балтійскаго края были обязаны своимъ югозападнымъ сосѣдямъ, что въ рукахъ ихъ была долгое время вся торговля съ краемъ и что лишь впоследствии въ VIII—IX вв., когда области, лежація на востокъ отъ современныхъ балтійскихъ губ., стали на болѣе высокую ступень развитія, оживляются и торговыя сношенія ихъ съ этими областями. Не касаясь несомнѣнно завозныхъ изъ восточныхъ областей предметовъ, какъ напр. бусъ византійскаго стекла, эмальерованныхъ крестовъ, *Syrga moneta*, восточныхъ привѣсогъ въ видѣ полулуція и т. п. намъ кажется, что торговлей съ восточными-же областями слѣдуетъ объяснить сходство

и подчасъ полное тождество нѣкоторыхъ предметовъ, находимыхъ въ мѣстныхъ могплахъ, съ тѣми, которые являются характерными для кургановъ средней Россіи. Объяснять это сходство существовавшимъ обще-финскаго искусства, какъ это дѣлаетъ Аспелинъ, намъ кажется неосновательнымъ. Культура, которая, какъ извѣстно изъ курганныхъ раскопокъ центральной Россіи, относится къ X—XI вв., появляется много вѣковъ послѣ того какъ финскія племена уже раздѣлились и часть западной вѣтви финскихъ народностей успѣла уже достичь береговъ Балтійскаго моря, омывающаго современныя Балтійскія губ. Эти племена, до времени появленія „курганной культуры,“ уже были знакомы отъ западныхъ сосѣдей съ предметами украшенія, и распространеніе новыхъ формъ (курганныхъ) совершалось лишь постепенно, въ пользу чего говорятъ могильники, въ которыхъ предметы т. наз. древняго желѣзнаго вѣка постепенно замѣняются курганными. Принявши вмѣстѣ съ Аспелиномъ эти послѣдніе за продуктъ мѣстной культуры, объясняя приэтомъ сходство ихъ съ курганными общностью происхожденія, намъ иррпшлось-бы признать, что финскіе обитатели балтійскихъ губ., уже знакомые раньше съ металлами, не проявляли самостоятельнаго искусства, и лишь въ тотъ моментъ когда металлическое производство развилось у ихъ восточныхъ родичей, они стали проявлять и свое собственное, причемъ несмотря на то, что они въ теченіи многихъ вѣковъ были съ ними разобщены, ихъ вкусы, понятія объ изящномъ, обазались вдругъ тождественными. Мнѣніе Аспелина по этому вопросу также мало вѣроятно какъ и, доведенное до крайности, положеніе Бэра о сформированіи общихъ мотивовъ римскаго, скандинавскаго и финскаго искусствъ въ общей азіатской прародинѣ этихъ народовъ. Къ тому-же, какъ ни однообразна курганная культура, она можетъ быть раздѣлена на нѣсколько группъ, отличающихся другъ отъ друга характерными предметами. Среди предметовъ, аналогичныхъ курганнымъ, въ могплахъ балтійскаго края мы видимъ представителей разныхъ курганныхъ группъ. Это обстоятельство заставляетъ склоняться въ пользу мнѣнія, что по крайней мѣрѣ типы и этихъ предметовъ являются также завезенными при помощи торговыхъ сношеній, какъ и предметы западнаго производства.

Какому-же народу древніе жители балтійскихъ губ. обязаны своимъ знакомствомъ съ металлическими украшениями, съ кѣмъ ихъ торговля была наиболѣе оживленна? Мы видѣли, что эта торговля повидимому не прерывалась начиная съ I-го вѣка по

Р. X. до самаго покоренія края. Повидимому эта торговля постепенно развивалась и достигла въ IX—XII вѣкѣ наибольшаго развитія. Народъ, въ рукахъ котораго эта торговля находилась, слѣдуетъ искать на западѣ, а такъ какъ большинство предметовъ древняго желѣзнаго вѣка приводитъ насъ къ южнымъ берегамъ балтійскаго моря, то, вѣроятно, исходнымъ пунктомъ этой торговли служили гавани, на южномъ берегу Балтійскаго моря, и въ рукахъ жившаго на немъ народа и находилась главнымъ образомъ торговля.

Гревингъ, касаясь этого вопроса въ одномъ изъ своихъ сочиненій, вышедшихъ до открытія славекскаго могильника и до развитія Гревингомъ готской теоріи, былъ склоненъ, на основаніи находимыхъ предметовъ и той роли, которую балтійскіе славяне играли въ исторіи торговли, приписывать имъ фактъ занесенія къ туземцамъ балтійскихъ губерній большинства металлическихъ предметовъ.

Указывая на то, что предметы украшенія представляютъ значительное однообразіе во всѣхъ могилахъ балтійскихъ губ., Гревингъ считаетъ возможнымъ приписать производство ихъ одному и тому-же народу: „культурная ступень, пишетъ онъ*), на которой стояли туземцы восточной Балтики финскаго и литовскаго племени, поскольку мы ихъ знаемъ въ XII и XIII вв., въ дѣйствительности не такова, чтобы считать этихъ туземцевъ за племена, способныя обрабатывать, а тѣмъ менѣе готовить бронзу. Во всякомъ случаѣ едва-ли можно имѣть что-либо противъ того, чтобы искать выдѣлывателей бронзовыхъ издѣлій въ періодъ, предшествующій этимъ вѣкамъ, въ наиболѣе культурномъ племени восточной Балтики или въ мѣстахъ къ ней близко лежащихъ. Этимъ племенемъ въ то время было безспорно славянское. . . . При существованіи, прорѣзывающихъ земли балтійскихъ славянъ, (вендовъ) торговыхъ путей и при значеніи, которое имѣлъ вендскій городъ Вишета, куда стекались товары изъ Индіи, восточной Азіи, Греціи и Константинополя и черезъ который западно-европейскіе и сѣверные продукты направлялись въ Персію и Китай, не могло быть недостатка въ матеріалѣ для бронзовыхъ издѣлій, получавшимися тамъ водяными или сухопутными дорогами. Кромѣ того въ это-же время . . . славяне были преимущественные представители горнаго дѣла въ Моравіи, Чехіи, Силезіи, Тюрингенѣ и можетъ быть и въ Гарцѣ. Тѣмъ не менѣе кажется, что первыми рабочими бронзы въ землѣ вендовъ

*) Ueber heidnische Gräher Russisch-Lithauens, стр. 185, 186.

были не славяне, а византійцы. Византійскіе рабочіе, какъ извѣстно, еще раньше поселились среди вендовъ на Поморьѣ, и какъ полагаютъ, изготовляли имъ и идоловъ; они именно устроили храмъ въ честь главнаго бога славянъ“.

Нѣсколько далѣе въ томъ-же сочиненіи Гревингъ пишетъ*): „судя по могущемъ быть сдѣланнымъ опредѣленіи хронологіи могилъ, наиболѣе значительное число бронзовыхъ предметовъ въ могплахъ желѣзнаго вѣка восточной Балтики относится къ періоду отъ IX до конца XII вѣка. Въ этотъ-же періодъ, слѣдовательно, падаетъ и эпоха наиболѣе оживленныхъ торговыхъ сношеній. Эта торговля бронзой находилась, насколько можно судить при современномъ знакомствѣ съ мѣстной археологіей, въ рукахъ славянъ и была торговлей двигавшейся внутренними путями. Но что кромѣ этого, начиная съ IX вѣка, существовали и сношенія моремъ и что существовали многія другія отношенія между западной и восточной областями Балтики, доказываетъ между прочимъ безспорно фактомъ находенія въ восточной области Балтики англосаксонскихъ, англодатскихъ и нѣмецкихъ монетъ“. Гревингъ такимъ образомъ отводитъ главную роль въ исторіи торговли съ мѣстнымъ краемъ балтійскимъ славянамъ. Онъ не только считаетъ ихъ распространителями бронзовыхъ украшеній, но и само производство ихъ онъ приписываетъ имъ, оговариваясь однако, что это производство развилось у славянъ подъ вліяніемъ Византіи. „Насъ еще больше укрѣпляетъ въ мнѣніи о существованіи основнаго византійскаго вліянія то, что найденныя въ Шлезвигѣ и Даніи . . . византійскія монеты ставятъ фактъ сношеній этихъ странъ съ Византіей виѣ всякаго сомнѣнія“.

„Но такъ какъ мы въ числѣ нашихъ украшеній изъ бронзы находимъ несомнѣнно византійскія, а также и такіе типы, которые употребляются и въ настоящее время еще у славянъ, но указываютъ на византійское вліяніе, то и относительно подобныхъ предметовъ изъ нашихъ могилъ, мы должны указать прежде всего на Византію. . . . Поэтому, если мы можемъ сопоставить съ византійскимъ искусствомъ, являющіеся вмѣстѣ съ желѣзомъ славянскіе бронзовые предметы начиная съ IX вѣка, то едва-ли можно сомнѣваться, что, способные къ ремесламъ, славяне научились у византійцевъ какъ искусству обрабатывать бронзу, такъ и формамъ предметовъ. Но подобно тому какъ на западѣ, до полнаго покоренія вендовъ въ 1157 г., земля балтійскихъ славянъ была центральнымъ пунктомъ, такъ быть можетъ на востокѣ для

*) ib. стр. 190.

сосѣднихъ странъ такую-же роль игралъ Новгородъ. Во всякомъ случаѣ русскіе изъ Новгорода уже давно достигли высокой ступени въ искусствѣ литья колоколовъ, а слѣдовательно и въ знакомствѣ съ бронзой. Я упомяну здѣсь для примѣра, что въ 1209 г. при изгнаніи русскаго князя Всеволода изъ Герцике, лежавшаго приблизительно въ мѣстности современнаго Штокмансхофа на Двинѣ, были найдены въ церквахъ серебро, пурпуръ и колокола“ *).

Когда Гревингъ писалъ вышеприведенныя строки, археологическія находки изъ балтійскихъ губерній были значительно меньше разработаны чѣмъ теперь. Этимъ слѣдуетъ объяснить крайность воззрѣнія его о происхожденіи искусства балтійскихъ славянъ, выразившееся въ бронзовыхъ издѣліяхъ, изъ византійскаго. Это-же было причиной, что почти всѣ предметы онъ считалъ за изготовленные балтійскими славянами. Въ настоящее время, когда изученіе предметовъ сдѣлало значительный шагъ впередъ, необходимо отвести гораздо бѣльшее мѣсто предметамъ, родину которыхъ слѣдуетъ искать то въ областяхъ, лежащихъ на востокъ отъ балтійскихъ губ., то въ Скандинавіи, средней и южной Германіи, Австріи и пр. Нѣсколько лѣтъ спустя Гревингъ въ значительной степени расширилъ свой взглядъ на происхожденіе предметовъ, находимыхъ въ могплахъ балтійскаго края: „о происхожденіи металлическихъ предметовъ изъ восточнобалтійскихъ могильниковъ IX—XIV вв., пишетъ онъ, мы пока знаемъ немного болѣе того, что нѣкоторые серебряные предметы указываютъ на Бухару и Самаркандъ, другіе . . . на Готландъ, затѣмъ нѣкоторые желѣзные предметы и стеклянныя издѣлія на Бирку и Сигтуна, другіе желѣзные и бронзовые предметы на Германію, и нѣкоторыя бронзовыя издѣлія наконецъ на страну вендовъ и на Новгородъ. При развитіи нашего знакомства съ могильнымъ инвентаремъ Готланда, Швеціи, сѣверной Германіи и древнихъ чисто-славянскихъ областей, мы придемъ къ ясному представленію о происхожденіи наиболѣе важныхъ нашихъ привозныхъ металлическихъ предметовъ“ **).

Впослѣдствіи съ открытіемъ славекскаго могильника происходитъ, какъ мы выше указывали, рѣшительный поворотъ въ мнѣніяхъ Гревинга. Для объясненія происхожденія предметовъ древняго желѣзнаго вѣка онъ вводитъ въ балтійскій край готовъ, а въ болѣе позднюю эпоху склоненъ населять его скандинавами и другими племенами германскаго происхожденія. Онъ т. е. от-

*) *ib.* стр. 186—188.

**) *Sitzungsb. d. g. est. G.* 1875 стр. 66.

казывается отъ своего прежняго мнѣнія на вопросъ о происхожденіи предметовъ, который, на нашъ взглядъ, въ основѣ своей является совершенно справедливымъ.

Кромѣ общаго мнѣнія, которое даетъ возможность приписать фактъ ввоза большинства предметовъ, находимыхъ въ могилахъ балтійскаго края, балтійскимъ славянамъ, основаннаго на томъ, что весьма долгое время торговля на балтійскомъ морѣ находилась въ ихъ рукахъ, есть еще и другія данныя — именно фактъ, что балтійскіе славяне имѣли въ предѣлахъ современныхъ балтійскихъ губерній свои колоніи. Мы знаемъ о торговлѣ балтійскихъ славянъ изъ источниковъ, относящихся къ періоду, въ которомъ идетъ упорная борьба ихъ съ поступательнымъ движеніемъ пѣмцевъ. Монеты, находимыя на славянскомъ Поморьѣ, заставляютъ отнести начало и развитіе славянской торговли на нѣсколько вѣковъ дальше. Многочисленныя римскія, арабскія и византійскія монеты указываютъ, что эта торговля процвѣтала за долго до того времени, отъ котораго къ намъ дошли наиболѣе подробныя письменныя свѣдѣнія. Кромѣ того, хотя точно время, когда славяне поселились на южномъ берегу Балтійскаго моря, и неизвѣстно, тѣмъ не менѣе, по мнѣнію большинства изслѣдователей, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что оно произошло не позже I вѣка по Р. Х. Въ этотъ же вѣкъ начинается болѣе широкое знакомство туземныхъ племенъ балтійскихъ губерній съ металлами, причемъ предметы древняго желѣзнаго вѣка мѣстнаго края указываютъ преимущественно на славянское поморье и на среднюю Германію. Поэтому намъ кажется, что въ виду того, что славяне въ I вѣкѣ уже жили на южномъ берегу Балтійскаго моря и въ виду того, что предметы древняго желѣзнаго вѣка, находимые въ балтійскихъ губерніяхъ, стоятъ въ тѣснѣйшей связи не со Скандинавіей, а съ областями, лежащими на южномъ берегу Балтійскаго моря, — не будетъ слишкомъ смѣлымъ предположить, что первое знакомство съ металлами было сдѣлано туземными племенами восточнаго берега Балтійскаго моря при посредствѣ славянскихъ племенъ. Постепенно, когда кругъ торговой дѣятельности балтійскихъ славянъ расширился, предметы, завозимые ими въ балтійскія губерніи, становились разнообразнѣе. Сюда, при помощи ихъ, приходили и предметы собственнаго славянскаго производства и получаемыя ими украшенія и оружіе изъ Германіи и Скандинавіи. Этимъ слѣдуетъ также объяснить фактъ находенія разнообразныхъ западныхъ монетъ въ области балтійскихъ губерній. Благодаря торговлѣ съ западными странами, въ рукахъ славянскихъ кунцовъ скоплялись и пѣмецкія и англосаксонскія

и англодатскія и др. монеты, которыя продавались ими туземцамъ въ качествѣ украшенія. Не слѣдуетъ объяснять находеніе западныхъ монетъ непосредственными сношеніями племенъ, населявшихъ въ то время балтійскія губерніи, съ тѣми народами, которымъ эти монеты принадлежали. Онѣ могли попадать туда посредственно, какъ попадали въ ихъ руки и римскія монеты и арабскія и византійскія, для чего не требуется непременно предположенія, что арабскіе и византійскіе купцы лично достигали южныхъ береговъ Балтійскаго моря. Когда нѣмцы постепенно начали тѣснить балтійскихъ славянъ, торговля этихъ послѣднихъ должна была придти въ упадокъ. Рынокъ ихъ ограничивался и этому слѣдуетъ приписать отчасти то, что около половины XI в. западныя монеты исчезаютъ изъ числа находимыхъ въ балтійскихъ губерніяхъ и замѣняются исключительно нѣмецкими. Кромѣ того въ XI вѣкѣ Германія достигаетъ значительнаго торговаго развитія и въ ея рукахъ начинаетъ сосредоточиваться торговля между сѣверными частями Европы и западными и южными странами. Впослѣдствіи, когда балтійскіе славяне были окончательно покорены нѣмцами, въ руки этихъ послѣднихъ переходитъ и славянская торговля; этимъ и объясняется фактъ, что нѣмецкія монеты, встрѣчаемыя въ балтійскихъ губерніяхъ, доходятъ до эпохи покоренія ихъ нѣмцами.

Мы не считаемъ нужнымъ долѣе настаивать на роли, которую балтійскіе славяне играли въ исторіи торговыхъ сношеній запада и востока, въ виду общезвѣстности этого факта. Нѣтъ никакихъ основаній, не позволяющихъ приписывать балтійскимъ славянамъ занесенія въ балтійскія губ. металлическихъ предметовъ съ запада. Было-бы странно предполагать, что ихъ обширная торговая дѣятельность, служащая посредникомъ между западомъ и востокомъ, не затрагивала-бы и восточный берегъ Балтійскаго моря. Но болѣе важнымъ доказательствомъ, что дѣйствительно преимущественно балтійскіе славяне, не другое какое нибудь племя, завозило западныя издѣлія въ балтійскія губ., является то, что балтійскіе славяне жили въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ по восточному побережью Балтійскаго моря.

Когда нѣмцы прибыли въ мѣстный край и постепенно начали подчинять себѣ туземное населеніе, они встрѣтили здѣсь балтійскихъ славянъ. Они жили въ окрестности города Вендена, которому и дали свое имя. Въ XIII вѣкѣ они представляли, по показанію лѣтописцевъ, бѣдное племя. По народнымъ преданіямъ, отмѣченнымъ Генрихомъ Латышемъ, эти венды пришли сюда изъ области по р. Виндавѣ, откуда они были вытѣснены

курами. Сначала они поселились на устьѣ р. Двины, а затѣмъ, когда и здѣсь ихъ начали тѣснить куры, они ушли въ глубь страны, распространились по Лифляндской Аа и построили себѣ укрѣпленіе Венденъ. Когда произошло указанное переселеніе неизвѣстно. Рихтеръ относитъ его, впрочемъ бездоказательно, къ эпохѣ IX до XI в. *) Это преданіе нельзя понимать въ буквальномъ смыслѣ; тѣснимые по народнымъ рассказамъ курами, балтійскіе славяне, жившіе по Виндавѣ, не всѣ покинули эту область. Писатели XIII вѣка еще упоминаютъ о цѣломъ рядѣ мѣстностей въ западной части современной Курляндской губ., гдѣ жили балтійскіе славяне. Они называютъ слѣдующія мѣстности: Вишда, Бишафеланкъ (Bihavelanc), Виндаве, Довзаре, Заггара, Цеклисъ, Пильзатенъ и Мекгове, изъ городищъ балтійскихъ славянъ упоминается слѣдующія: Кретенъ, Амшленъ, Мутене, Грѣзенъ, Амботенъ, Гробнишъ, Ассеботенъ, Кульдика и Вентеспилльсѣ **). Этотъ перечень служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что балтійскіе славяне были многочисленны въ этихъ мѣстахъ и послѣ ухода части ихъ дальше на сѣверъ. Даже въ настоящее время, когда бывшее здѣсь славянское населеніе уже волиѣ слилось съ латышскимъ, жители, населяющіе область по Виндавѣ, отличаются отъ своихъ сосѣдей „по языку, въ одеждѣ и многими обычаями ***)“. Это обстоятельство заставляетъ отнестись къ сообщаемому Генрихомъ Латышемъ народному преданію съ большою осторожностью: повидимому въ немъ описываются событія, далеко не быстро слѣдовавшія другъ за другомъ, и это преданіе имѣетъ, на нашъ взглядъ, преимущественно значеніе доказательства постепеннаго распространенія балтійскихъ славянъ въ краѣ. На устьѣ Двины они жили также долго, иначе, еслибы они вскорѣ были изгнаны курами изъ этого пункта, не сохранилось-бы извѣстіе, что ихъ укрѣпленіе находилось на т. наз. старой горѣ, около современной Риги †), и они не оставили бы своего названія этой мѣстности. На основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ лѣтописями, можно такимъ образомъ утверждать, что у устья трехъ важныхъ въ торговомъ отношеніи рѣкъ Виндавы, Двины и Лифляндской Аа, и отчасти по ихъ теченію, жили балтійскіе славяне. Впослѣдствіи, когда край былъ завоеванъ нѣмецкими пришельцами, на мѣстѣ многихъ укрѣпленныхъ мѣстъ

*) Geschichte der Ostseeprovinzen I. стр. 36. Sitzungsb. d. g. est. G. 1881; стр. 151.

**) Richter. o. c. стр. 47.

***) ib. стр. 35.

†) Sitzungsb. d. g. est. G. 1881. стр. 151.

балтійскихъ славянъ, были воздвигнуты нѣмецкія крѣпости и города; такимъ образомъ возникъ современный г. Венденъ, далѣе въ 1238 г. былъ построенъ на развалинахъ укрѣпленія балтійскихъ славянъ Гольдингенъ, а на мѣстѣ Вентеснильса явился современный г. Виндава „первая и древнѣйшая гавань Курляндіи*“).“ Отмѣтитъ также, что въ Галсальскомъ у. находится м. Венденъ; въ немъ, вѣроятно, слѣдуетъ видѣть также колонію балтійскихъ славянъ, какъ и въ городѣ Венденѣ Лифляндской губ.

Приведенный выше перечень мѣстъ въ современныхъ балтійскихъ губ., въ которыхъ жили балтійскіе славяне, доказываетъ, что они были довольно многочисленны. Еще болѣе важнымъ является расположеніе ихъ поселеній: Гробинъ и Венденъ (Галсальскаго у.) лежатъ недалеко отъ моря и вѣроятно служили мѣстами для остановки судовъ шедшихъ вдоль берега. Г. Виндава, лежащій у устья рѣки Виндавы, и поселеніе балтійскихъ славянъ, подлѣ мѣста современной Риги, являются какъ бы ключами къ выходу въ море изъ этихъ двухъ, наиболѣе важныхъ, водныхъ торговыхъ путей. Древнія укрѣпленія Грѣзенъ и Гольдингенъ, находящіеся довольно далеко вверхъ по теченію р. Виндавы, служили для обезпеченія всего теченія рѣки въ рукахъ колонизаторовъ. То-же значеніе имѣлъ и г. Венденъ, обезпечивавшій господство надъ теченіемъ Лифляндской Аа. Скучныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о поселеніи въ мѣстномъ краѣ балтійскихъ славянъ, достаточны однако, чтобы служить доказательствомъ, что цѣль колонизаторовъ было стремленіе имѣть въ своей власти наиболѣе важныя торговые пути.

При подробномъ изученіи названій мѣстностей балтійскихъ губ., быть можетъ, будутъ найдены еще мѣстности, названіе которыхъ въ состояніи быть объяснено только изъ славянскаго языка. Мы ограничимся указаніемъ, что недалеко отъ Буртнекскаго оз и р. Салиса находится мѣстечко Бреславль (Breslau), имя котораго слѣдуетъ признать несомнѣнно за славянское.

Зная важную роль, которую играли балтійскіе славяне въ исторіи торговыхъ сношеній между западомъ и востокомъ и имѣя несомнѣнныя историческія свѣдѣнія о пребываніи ихъ въ балтійскомъ краѣ, намъ кажется, что въ виду расположенія ихъ селеній по наиболѣе важнымъ торговымъ путямъ, пересѣкающимъ современные балтійскія губ., едвали можно сомнѣваться, что въ ихъ рукахъ преимущественно находилась торговля съ туземцами, и что они главнымъ образомъ были распространителями

*) Ueber beidnische Gräber R.-Litthauens, стр. 79.

западныхъ издѣлій среди древняго населенія края. Нельзя конечно отрицать, что кромѣ нихъ торговали съ туземцами и представители другихъ западныхъ племенъ, что многіе предметы были занесены въ край разбойничьими набѣгами напр. норманновъ, эзельцевъ и т. п., но нельзя также не признать, что балтійскіе славяне играли несомнѣнно въ дѣлѣ торговли съ туземцами первенствующую роль.

Знакомство мѣстныхъ финскихъ племенъ съ балтійскими славянами предшествовало, повидимому, ихъ знакомству со славянами восточными. Покойный М. Веске, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ финскихъ нарѣчій, считалъ доказаннымъ, что слово *weppe*, *weppe*, которое употребляется современными Эстами для названія русскихъ, произошло отъ слова *wepde* — вендовъ, балтійскихъ славянъ. „Въ одной изъ пѣсень, записанныхъ въ Везенбергскомъ у., пишетъ М. Веске, Россія названа *Weneda-шаа* вмѣсто *Weppe-шаа* и *Weppe-шаа*. Эта форма весьма древняя и является еще лишнимъ доказательствомъ справедливости моего утвержденія, что *Weppe* произошло отъ *Wepeda* древняго названія славянъ*.“ Такимъ образомъ является возможнымъ принять, что эсты познакомились сначала съ балтійскими славянами и впоследствии перенесли это названіе на восточныхъ сосѣдей, близкое родство которыхъ къ балтійскимъ не могло укрыться отъ нихъ.

Слово *weppe* въ названіи мѣстностей встрѣчается нерѣдко въ балтійскомъ краѣ. Оно означаетъ „русскій;“ такъ извѣстны въ настоящее время им. *Weppe-were* (т. е. русскій конецъ) въ Везенбергскомъ у. въ приходѣ Симонцъ; дер. *Weppe-were* недалеко отъ Пиллистера; *Weppe-küla* (русская деревня) извѣстна напр. въ Юрьевскомъ уѣздѣ и около Рапшина**). Далѣе извѣстна рѣка Венеферъ, впадающая въ Чудское оз., и приходъ Вендау въ Юрьевскомъ у. Этимъ, конечно, не ограничивается перечень всѣхъ названій мѣстностей въ балтійскихъ губ., въ которыхъ слѣдуетъ видѣть древніе слѣды обитавшихъ здѣсь иѣкогда русскихъ или балтійскихъ славянъ. Эти имена также не даютъ основанія считать ихъ непременно за колоніи балтійскихъ славянъ, а не русскихъ, пришедшихъ съ востока. Если мы признаемъ только что приведенныя мѣстности за остатки русскихъ колоній, то все-же останется достаточно данныхъ для утвер-

*) Verh. d. g. est. G. VIII. 3. стр. 83. и Sitzungsab. d. g. e. G. 1874 стр. 34—40.

**) Verh. d. g. est. G. VIII. 4. стр. 68.

жденія, что торговля съ западомъ находилась долгое время въ рукахъ балтійскихъ славянъ.

Тѣмъ, что мѣстныя племена познакомились раньше съ балтійскими славянами, вѣроятно слѣдуетъ объяснить, что въ могплахъ древняго желѣзнаго вѣка балтійскихъ губ. встрѣчаются почти исключительно предметы западнаго издѣлія. Впослѣдствіи, начиная съ VIII вѣка, когда торговля балтійскихъ славянъ, расширяется, а русскіе города начинаютъ пріобрѣтать постепенно все большее значеніе, начинаются и болѣе оживленныя торговыя сношенія русскихъ съ славянскимъ балтійскимъ поморьемъ черезъ балтійскія губ. Лишь съ того времени начинаютъ попадаться въ мѣстныхъ могплахъ предметы, стоящіе въ тѣснѣйшей связи съ т. наз. курганной культурой Россіи. Чѣмъ больше развиваются восточно-русскіе торговыя центры и чѣмъ больше, подъ вліяніемъ поступательнаго движенія нѣмцевъ, приходитъ въ упадокъ торговля балтійскихъ славянъ, тѣмъ все чаще и чаще встрѣчаются въ мѣстныхъ могплахъ предметы, привезенные изъ восточныхъ областей.

Если однако балтійскіе славяне были многочисленны въ предѣлахъ балтійскаго края, если ихъ торговыя центры распространялись по теченію главныхъ рѣкъ, занимали наиболѣе удобныя гавани, то естественно предположить, что они должны были оставить по себѣ могилы. Гревингъ былъ одно время склоненъ приписывать балтійскимъ славянамъ могилы около Хазау, у Анцена, Виндавы и у Капсетена (могильники называются Крузе Tumuli polyandrien)*). Но мы видѣли, что въ дѣлѣ классификаціи могилъ по національностямъ, матеріалы, собранные до сихъ поръ, не даютъ еще возможности приступить къ рѣшенію этого вопроса. Тѣмъ не менѣе намъ кажется, что впослѣдствіи, когда матеріалъ позволитъ приступить къ опредѣленію національности разныхъ могильниковъ, будущіе изслѣдователи должны будутъ отвести немалое число могильниковъ и на долю балтійскихъ славянъ.

Проходили-ли торговыя караваны балтійскихъ славянъ по воднымъ и сухопутнымъ путямъ дальше на востокъ — намъ неизвѣстно. Судя по тому, что нѣкоторые укрѣпленные пункты ихъ, какъ напр. Грѣзенъ и Венденъ, находились на довольно большомъ разстояніи отъ морскаго берега, по теченію важныхъ рѣкъ края, можно сдѣлать предположеніе, что ихъ суда поднимались вверхъ по теченію этихъ рѣкъ довольно высоко и вѣроятно слѣдовали въ

*) Ueber heidnische Gräber R.-Litthauens стр. 122, 123.

восточныя области до Смоленска, Пскова и Новгорода и пр., городахъ, въ которыхъ впоследствии въ XIII в. мы встрѣчаемъ торговые дворы иѣмцевъ, унаслѣдовавшихъ торговлю балтійскихъ славянъ.

Что касается славянскихъ племенъ, жившихъ на востокъ отъ балтійскихъ губ., то трудно опредѣлить, когда именно они начали двигаться сами по западнымъ путямъ. Во всякомъ случаѣ большинство путей было извѣстно первымъ лѣтописцамъ; колонизацію русскихъ въ краѣ едва ли слѣдуетъ считать моложе XI в., времени когда Ярославъ укрѣпляется на берегу торговой рѣки Эмбаха, въ г. Юрьевѣ. Когда въ XIII вѣкѣ новые покорители утвердились въ краѣ, они, кромѣ Юрьева, застали еще два русскихъ города, въ которыхъ сидѣли удѣльные, вѣроятно полоцкіе, князья, именно Герцике и Кокенойсъ (Кокенхузенъ). Судя по богатой добычѣ, которая досталась въ руки побѣдителя при взятіи этихъ городовъ иѣмцами, можно думать, что населеніе городовъ было богато, а положеніе этихъ двухъ русскихъ городовъ по теченію Двины, также какъ и положеніе Юрьева на Эмбахѣ, не оставляетъ сомнѣнія, что главное значеніе этихъ городовъ было торговое. Далѣе, въ первой четверти XIII вѣка, мы встрѣчаемъ еще упоминаніе о богатыхъ русскихъ деревняхъ Вендекулѣ и Квевемѣ въ Виккѣ Эзельской епархіи. Наконецъ вскорѣ послѣ взятія Ревеля рыцарями, къ ревальскому Михайловскому монастырю была приписана богатая русская деревня Вендеферъ. (т. е. русскій копецъ). Мѣстоположеніе Вендефера не указано, но, по весьма основательному предположенію о. М. Т. Иконникова*), она составляла одну изъ 4-хъ частей Ревеля, упоминаемыхъ въ актахъ начала XIII в., и, при сліяніи города въ одно цѣлое, составила русскую часть его. Это предположеніе тѣмъ болѣе заслуживаетъ довѣрія, что русская часть города, несомнѣнно находившаяся здѣсь въ XIV в., прилежала непосредственно къ нынѣ упраздненному Михайловскому монастырю.

Найти точное мѣстоположеніе русскихъ деревень Вендекуля и Квевема довольно трудно. Но то, что онѣ лежали въ Виккѣ (въ современномъ Гансальскомъ у.) и принадлежали къ Эзельской епархіи, заставляетъ думать, что онѣ находились вблизи отъ моря. Что-же до Вендефера, то относительно его положенія близъ моря, едва-ли можетъ быть сомнѣніе. Такимъ образомъ намъ кажется, что въ указанныхъ трехъ русскихъ деревняхъ, такъ-же какъ и въ Герцикѣ, Кокенхузенѣ и Юрьевѣ, слѣдуетъ видѣть торговые

*) Лѣтопись ц. Св. Николая Ч. въ Ревелѣ. Bunge: Urkundenbuch.

центры, через которые торговля направлялась съ востока на западъ, и гдѣ несомѣнно совершался обмѣнъ товаровъ съ туземцами. Значеніе другихъ, приведенныхъ выше, русскихъ деревень, расположенныхъ болѣе глубоко въ странѣ, опредѣлить трудно, такъ какъ мы не имѣемъ свѣдѣній о времени, когда онѣ возникли. Но и приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы убѣдиться, что задолго до прихода нѣмцевъ въ край, существовали русскія, отчасти военныя, отчасти чисто торговыя колоніи, что часть ихъ имѣла значеніе для торговли, направляющейся по внутреннимъ воднымъ путямъ, часть для идущей вдоль береговъ Финскаго залива и восточнаго берега Балтійскаго моря. Древняя форма Вендеферъ, для обозначенія „русскаго конца“ позволяетъ допустить предположеніе, что до русскихъ купцовъ этотъ торговый пунктъ находился въ рукахъ балтійскихъ славянъ. Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго, если знать, что Ревель съ давнихъ поръ былъ торговымъ пунктомъ, у котораго останавливались торговые суда еще въ періодѣ древняго желѣзнаго вѣка и въ эпоху болѣе позднюю, какъ это доказывается найденными въ немъ монетами римскими, вѣнтійскими, арабскими и западными.

Для Новгородцевъ наиболѣе удобный путь на славянское поморье шель отъ устья Невы вдоль береговъ балтійскихъ губ.; для Пскова черезъ р. Эмбахъ и волокомъ къ р. Салису или Лифляндской Аа; отъ Полоцка и Смоленска наиболѣе удобный путь представляла Двина. Торговля непосредственная Новгорода, Пскова и Полоцка съ западомъ представляетъ фактъ общеизвѣстный. Что Смоленскъ велъ такую-же непосредственную торговлю съ балтійскими славянами, доказывается торговымъ договоромъ (отъ 1229 г.) кн. Мстислава съ нѣмецкими городами, какъ съ недавно возникшей Ригой, чисто нѣмецкимъ городомъ, такъ и съ перешедшими въ нѣмецкія руки славянскими городами на южномъ берегу Балтійскаго моря. Этотъ договоръ является лишь возстановленіемъ и подтвержденіемъ условій взаимной торговли, существовавшей еще съ давняго времени, необходимымъ слѣдствіемъ тѣхъ крупныхъ перемѣнъ, которыя совершились вслѣдствіе прихода въ край нѣмцевъ, паденія подъ ихъ натискомъ Герцике, Кокенхузена, Юрьева и завоеванія большей части края. Изъ этого-же договора мы узнаемъ, что главной торговой дорогой, по которой двигались караваны смольнянъ на западъ, на южный берегъ Балтійскаго моря, а также нѣмецкіе караваны, раньше же ихъ вѣроятно караваны балтійскихъ славянъ въ Смоленскъ — была Двина. Вѣроятно этимъ слѣдуетъ объяснить, что по рр.

Двинѣ, Видавѣ и лифляндской Аа находятся наиболѣе богатые могильники, инвентарь которыхъ весьма разнообразенъ, и что въ болѣе сѣверныхъ частяхъ балтійскаго края могильники значительно бѣднѣе, такъ какъ населеніе послѣднихъ не жило на торговыхъ рѣкахъ и получало предметы украшенія и вооруженія изъ торговыхъ факторій, лежащихъ преимущественно на морскомъ берегу.

Такимъ образомъ издревле торговля между востокомъ и западомъ проходила черезъ современныя балтійскія губернія. Эта торговля находилась въ древнее время исключительно въ рукахъ балтійскихъ славянъ, а впоследствии, кромѣ нихъ, она велась и русскими. Первыми съ запада привозились украшения, какъ мѣстнаго издѣлія, такъ и скандинавскія и средне- и южногерманскія, а также и оружіе, отечество котораго также различно какъ и отечество предметовъ украшенія. Вторые привозили какъ предметы т. наз. курганной культуры, такъ и византійскія и восточныя бусы, эмальированные предметы и восточныя золотыя и серебряныя подвѣски и пр. Вмѣстѣ съ предметами заносились въ край и монеты, съ одной стороны разнообразныя западныя, съ другой — арабскія и византійскія. Этими двумя встрѣчными торговыми теченіями слѣдуетъ объяснить, что всѣ предметы извѣстные изъ могилъ балтійскихъ губерній, можно раздѣлить на западныя и восточныя.

Повторяемъ, что имѣтъ основанія отрицать, что мѣстные жители впоследствии не научились собственному металлическому производству; но какъ въ формахъ оружія, такъ и въ типахъ украшеній они являются подражателями формамъ, завезеннымъ имъ извнѣ, и не поднимаются до самостоятельнаго искусства, такъ какъ извѣстные предметы, относящіеся къ доисторической эпохѣ мѣстнаго края, имѣютъ болѣе или менѣе близкія аналогии съ искусствомъ, процвѣтавшимъ на западѣ или на востокѣ.

Торговля находилась преимущественно въ славянскихъ (балтійскихъ и восточныхъ) рукахъ, что конечно не даетъ права отрицать, что и другіе народы принимали участіе въ торговомъ обменѣ съ туземцами; но роль ихъ несомнѣнно была лишь второстепенная.

Мы видѣли, что несмотря на то, что мѣстные ученые и изслѣдователи много потрудились надъ изученіемъ археологіи балтійскихъ губерній — оно еще далеко отъ своего окончанія.

Будущимъ изслѣдователямъ предстоитъ еще много работы: не смотря на обиліе собраннаго уже археологическаго матеріала, ни одинъ изъ археологическихъ періодовъ не можетъ считаться достаточно выясненнымъ. Городища почти не тронуты, стоянки каменнаго вѣка еще не открыли наукѣ все свои сокровища и много могильниковъ еще скрываютъ свои богатства отъ глаза изслѣдователя. Съ накопленіемъ матеріала можно будетъ приступить къ рѣшенію болѣе общихъ вопросовъ, классифицировать могильники по племенамъ, возстановить, при помощи антропометріи, физическій типъ разныхъ народовъ, жившихъ въ области балтійскихъ губерній, опредѣлить болѣе точно происхожденіе разныхъ предметовъ, отмѣтить болѣе тонкія различія въ способѣ устройства и въ инвентарѣ различныхъ группъ могильниковъ и пр. Все это составитъ предметъ изученія для будущихъ изслѣдователей археологій края, а, собранный до настоящаго времени трудами мѣстныхъ изслѣдователей, обильный матеріалъ и ихъ работы для уясненія мѣстной доисторической археологій — въ значительной степени облегчатъ достиженіе прочныхъ научныхъ результатовъ.

Ник. Харузинъ.

Пюхтицкое древнее кладбище*).

На сѣверо-западъ отъ Псковскаго озера, верстахъ въ шестнадцати отъ него, находится Пюхтица, что по эстонски означаетъ святое мѣсто. Называемая такъ мѣстность лежитъ верстахъ въ 30 отъ селенія Теве, расположеннаго близъ стациіи балтійской желѣзной дороги. Три холма, террасами подымающіеся одинъ надъ другимъ, высятся надъ равниною. На вершинѣ меньшаго изъ нихъ стоитъ древній деревянный православный храмъ. У подошвы его святой источникъ, бьющій довольно сильно, давая начало небольшому ручейку. Около церкви и теперь поднимается многовѣковый дубъ. Прежде онъ состоялъ изъ двухъ въ самомъ основаніи раздвинувшихся стволовъ. Теперь уцѣлѣлъ только одинъ изъ нихъ, второй, большій, высохъ и только остатки пня его видѣются надъ землею. Окрестный и пришлый людъ, придавая цѣлебное свойство дереву, расхищаетъ остатки эти, надъ которыми высоко поднимаются мощныя угловатыя вѣтви дуба-близнеца, все еще одѣвающіеся темной листвою**). Замѣчательно, что населеніе лютеранскаго***), какъ и православнаго исповѣданія одинаково

*) Къ X-му Археологическому Съѣзду въ г. Ригѣ.

**) Въ „печерскомъ монастырѣ“, на границахъ Псковской и Лифляндской губерній, надъ святыми пещерами, высятся и по сіе время нѣсколько древнихъ дубовъ. Пня тоже приписываютъ цѣлебное свойство и, чтобы охранить ихъ отъ порчи ищущихъ изцѣленіе недуговъ, пришлось обнести каждое дерево плотною оградой.

***) Съ Пюхтицкимъ дубомъ связана мѣстная легенда. Во время существованія вѣковаго дубоваго лѣса, впоследствии вырубленнаго для расширенія пахати, на корняхъ нынѣ еще уцѣлѣвшаго дуба, приносились народомъ жертвы какъ добрымъ, такъ и злымъ богамъ. Подъ тѣнью того же дуба было положено начало къ рабству эстонскаго народа не покореннаго, а хитростью обойденнаго вторгнувшимися Саксадъ (Saksad — синонимъ пришлаго нѣмецкаго элемента, слово это, какъ предполагаютъ, произошло отъ Sakse т. е. саксонцевъ). Дѣло было такъ: могучій властелинъ эстонскаго народа, несравнимый ни съ кѣмъ изъ смертныхъ, ни по силѣ, ни по храбрости, сынъ божества, божествомъ покровительствуемый, неуязвимый никакимъ оружіемъ благодаря божественной мази, прилегъ послѣ горячаго боя съ саксадъ подъ тѣнью дуба, чтобы слегка отдохнуть, но, будучи изнеможеннымъ, онъ заснулъ глубокимъ сномъ, кѣмъ и нару-

вѣрять въ таинственную силу дерева и многіе рассказы группируютъ около него. Вообще вся окрестность полна преданій. Здѣсь, говорятъ, богатырь эстонскаго народа, „сынъ Калева“, былъ измѣнически убитъ врагами: они спящему подрѣзали жилы и, истекшій кровью, Калевичъ былъ похороненъ близъ святой горы. Верстахъ въ четырехъ въ старомъ сосновомъ бору мѣшъ показывали его могилу: холмъ правильной эллиптической формы въ нѣсколько сажени длины окруженный канавою. Онъ обросъ высокими деревьями и носитъ несомнѣнные признаки искусственной насыпи, тамъ и сямъ попорченной кладкопателями. Народная фантазія изощрялась и тутъ въ сказаніяхъ о зарытомъ золотѣ или дорогихъ досиѣхахъ. И близъ вышеописаннаго дуба находятся слѣды ямъ, выкопанныхъ алчными искателями. Но кладъ не дается имъ въ руки!

Народъ говоритъ и о бояхъ въ окрестностяхъ святой горы. Къ нимъ примѣшивается и имя Александра Невскаго, будто разбишаго неподалеку полчища Ливонскихъ рыцарей. Дѣйствительно, въ окрестномъ лѣсу встрѣчаются остатки тропы, обложенной камнями. Преданіе говоритъ, что дорога была устроена ратными людьми для военныхъ цѣлей. Есть основаніе къ предположенію, что холмы служили для военныхъ цѣлей. Можно прослѣдить остатки стариннаго вала и, кажется, городища.

Здѣсь проходилъ путь, соединявшій Псковскую землю съ Юрьевымъ Ливонскимъ, Везенбергомъ и Ревелемъ (древнею Колыванью). Толкуютъ, что въ этой мѣстности скрывался и, бѣжавшій отъ Іоанна Грознаго, Курбскій и что пробираясь въ Литву, онъ спряталъ сына своего у крестьянина, у котораго послѣдній и прожилъ около года, пока оказалось возможнымъ для отца безопасно перенести и его къ себѣ.

пиль завѣтъ боговъ. Въ это время напали саксадъ на дружину героя. Слыша стоны своихъ дружинниковъ, герой-властелинъ хотѣлъ поспѣшить имъ на помощь, но не могъ, такъ какъ божество въ наказаніе, что онъ заснулъ, отняло у него его силу; одновременно и дѣйствіе чудесной мази исчезло. Такимъ образомъ одолѣли и его саксадъ и даже смертельно ранили его. Но онъ имѣлъ все еще столько силъ, что въ предсмертной агоніи скатился съ горы на 7 верстъ, чтобы не отдаться живымъ ненавистнымъ врагамъ. Его предсмертный вздохъ, вырвавшійся у него изъ груди, былъ столь силенъ, что его слышала вся земля эстская, слезы же, пролитыя за потерянную свободу великаго эстскаго народа, растеклись по равнинѣ и образовали цѣлое озеро (озеро носитъ нынѣ названіе Концо, оно 2 версты въ окружности и лежитъ верстахъ въ 5—7 отъ горы, на которой стоитъ дубъ) и понынѣ еще свидѣтельствующее о побѣдѣ саксадъ, о пораженіи эстовъ и о ихъ могучемъ героѣ.

Ред.

Несомнѣнно, что здѣсь издревле было русское населеніе. Теперь еще многія обзѣстонившіяся семьи, уже лютеране, носятъ чисто русскія фамилійныя имена и православная святыня читится исповѣдующими лютеранство*).

Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ мѣстомъ древняго поселенія. Весь характеръ его безусловно указываетъ на то, что здѣсь селились вѣками, на склонѣ холма, надъ источникомъ, близъ торговаго и военнаго пути, соединявшаго черезъ Сыронецъ городъ Псковъ съ городами и мѣстечками древней Ливоніи. Извѣстно, что дороги сохраняютъ вѣками свое направленіе. Войны, чума, пожары истребляютъ селенія. Иногда десятки лѣтъ мѣстность пустуетъ, но удобныя условія вновь привлекаютъ жителей.

Обширное кладбище на склонѣ холма и вокругъ дуба до стариннаго храма вполне подтверждаетъ сказанное. Обстоятельства не дозволили мнѣ сдѣлать точныя изысканія; но изъ того, что было найдено на пашняхъ, при постройкѣ монастырской обители, равно какъ и при предпринятыхъ мною въ 1892 году раскопкахъ, ясно видно, что мы имѣемъ дѣло съ могилами населенія, ютившагося здѣсь съ XII вѣка и даже раньше, и по настоящее время, вѣроятно съ большими или меньшими промежутками.

Многое изъ случайно найденныхъ бронзовыхъ, желѣзныхъ и глиняныхъ культурныхъ предметовъ было послано княземъ С. В. Шаховскимъ въ Москву, въ Им. Россійскій Историческій Музей. Слѣдуя его приглашенію лѣтомъ 1892 года, мнѣ съ помощью Н. Н. Харузина удалось сдѣлать раскопки.

И такъ мы имѣемъ дѣло съ обширнымъ кладбищемъ, расположеннымъ на склонѣ холма. Опредѣлить его границы уже нельзя, такъ какъ значительная, а быть можетъ и бѣльшая часть кладбища давно закопана и съ каждымъ годомъ все больше сравнивается съ землею. Уцѣлѣла часть насыпей близъ монастырскихъ построекъ. Густо разросшійся на нихъ орѣшникъ предохранилъ могилы отъ нивелирующаго плуга. Могилы состоятъ изъ курганчиковъ отъ 4--6 футовъ высоты, конусообразной формы. Иногда они такъ тѣсно сплочены, что надо думать, служили мѣстомъ погребенія въ разное время, такъ что могилы рыли на мѣстахъ болѣе стараго погребенія. Это подтверждается и положеніемъ отдѣльныхъ разбросанныхъ человѣческихъ костей и предметовъ, сдвинутыхъ при позднѣйшихъ погребеніяхъ, съ своего

*) Отсылаемъ относительно подробностей къ брошюрѣ талантливаго, къ великому сожалѣнію, рано умершаго дѣятеля Михаила Харузина: „Богородицкая гора въ Эстляндіи“.

первоначальнаго положенія. Ближе къ церкви ютятся могилы повѣйшаго времени — нашихъ дней. Еще недавно, рассказывали мнѣ старожилы, поднимались отдѣльные кресты надъ холмиками, теперъ запаханными. Кресты эти были каменные, нѣкоторые сброшены, другіе еще держались. У сосѣдняго помѣщика Фонъ-Дикгофа, которому принадлежало прежде описываемое мѣсто, я видѣлъ два каменныхъ креста, сохраняемые въ сараѣ. У него было ихъ больше, но, какъ говоритъ онъ, уцѣлѣло только два. Одинъ съ грубо сдѣланною эстонскою надписью принадлежитъ XVII вѣку, другой безъ надписи весьма древній, представляетъ собою типъ новгородскихъ крестовъ XII и XIII вѣковъ. Такой же крестъ былъ найденъ при раскопкахъ, сдѣланныхъ Гельсингфорскимъ профессоромъ Швиндтомъ на сѣверной сторонѣ Финскаго залива*). Весьма интересныя раскопки г. Швиндта представляютъ много аналогичнаго съ тѣмъ, что найдено въ могилахъ. Швиндтъ считаетъ найденные имъ культурные предметы принадлежащими финскому племени кореламъ, обитавшимъ мѣстность близъ Ладожскаго озера и на берегахъ Финскаго залива. Какъ извѣстно, корелы изъ всѣхъ финскихъ племенъ находились въ особенно дружескихъ отношеніяхъ съ новгородцами и являлись ихъ союзниками въ войнахъ даже противъ другихъ финскихъ племенъ.

Неудивительно, слѣдовательно, что между корелами, поселившимися близъ Пюхтицы, и вообще по южному побережью финскаго залива могли находиться и новгородцы, какъ посыльные или временные жители, заносимые сюда по торговымъ дѣламъ, или во время военныхъ экспедицій.

Пюхтицкія могилы весьма различнаго свойства. Они имѣютъ высоту отъ 4 до 7 футовъ, на нѣкоторыхъ холмикахъ встрѣчаются характерные камни, то поставленные стоймя въ видѣ вѣнца, окружающаго вершину, на другихъ-же нѣтъ и слѣда ихъ. Способъ погребенія различный. Иногда костякъ лежитъ на самой поверхности земли и холмъ воздвигнутъ надъ нимъ, иногда покойника зарывали въ землю и затѣмъ насыпали холмъ. Встрѣчались могилы съ двумя костяками, съ признаками сожженія одного изъ погребенныхъ. Нѣкоторые костяки лежали на соломенной или деревянной подстилкѣ, другіе безъ слѣда подстилки. Самое положеніе костяковъ тоже различное. Характеръ утвари разнообразный, изобличающій принадлежность къ разнымъ культур-

*) см. Theodor Schwindt: Tietoja Karjalain Rauta Koudesta. Гельсингфорсъ, 1892 г. стр. 105 изобр. 521. Считаю не лишнимъ упомянуть о томъ, что на старомъ шведскомъ (?) кладбищѣ, вокругъ древней церкви въ Леевѣ, я видѣлъ два каменныхъ креста такого же новгородскаго типа.

нымъ эпохамъ. Есть могилы чрезвычайно богатыя культурными предметами. Встрѣчаются костяки безъ всякой утвари, съ однимъ глинянымъ сосудомъ, порою же и безъ сосуда.

Я далеко отъ мысли сдѣлать какой либо окончательный выводъ; для этого необходимо было бы произвести болѣе точныя и обширныя изслѣдованія. Мы были прерваны въ своихъ работахъ влѣдствіе слуховъ, распространившихся въ народѣ, что раскапываемъ „холеру“. Въ виду сказавшагося волненія пришлось прекратить работы, да и рабочіе, подстрекаемые другими, отказывались отъ дальнѣйшаго раскапыванія могилъ. Не могу однакоже не высказать того, что общее впечатлѣніе приводило къ заключенію, что мы имѣли дѣло съ могильниками разныхъ эпохъ и народностей. Есть могилы мирнаго населенія, ровно какъ и воинствъ*).

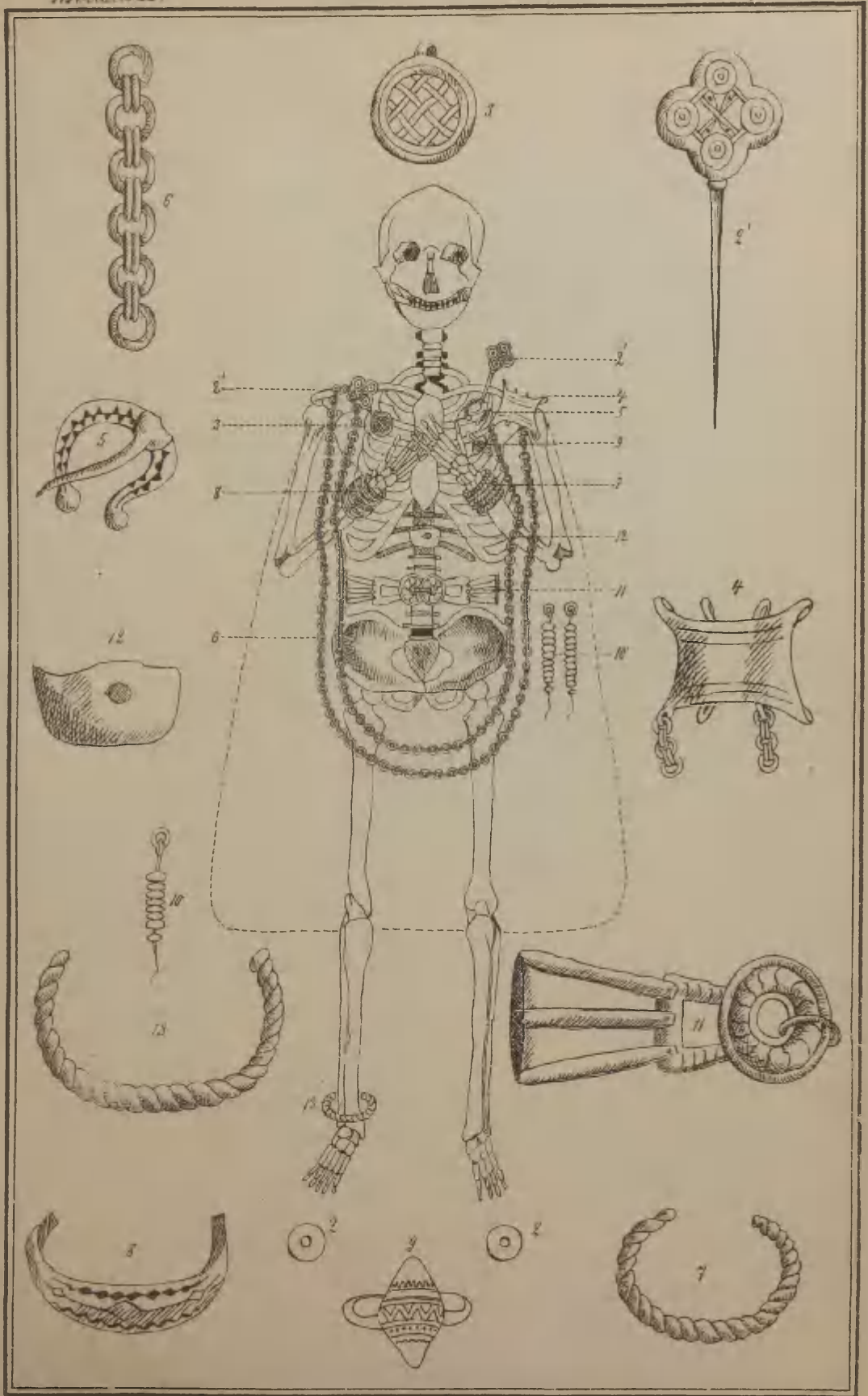
Перехожу къ изложенію найденнаго въ могилахъ.

Могилы I. Курганъ частью снесенный. Костякъ женскій (?) плохо сохранившійся, на глубинѣ двухъ аршинъ, окруженъ камнями. Направленіе съ СЗ на ЮВ.; а) бронзовые витые браслеты по два на каждой рукѣ, б) пять бр. бубенчиковъ около бедренной кости. Они, судя по другимъ еще находкамъ, составляли украшенія сумки, висѣвшей на поясѣ, в) подковообразная фибула,

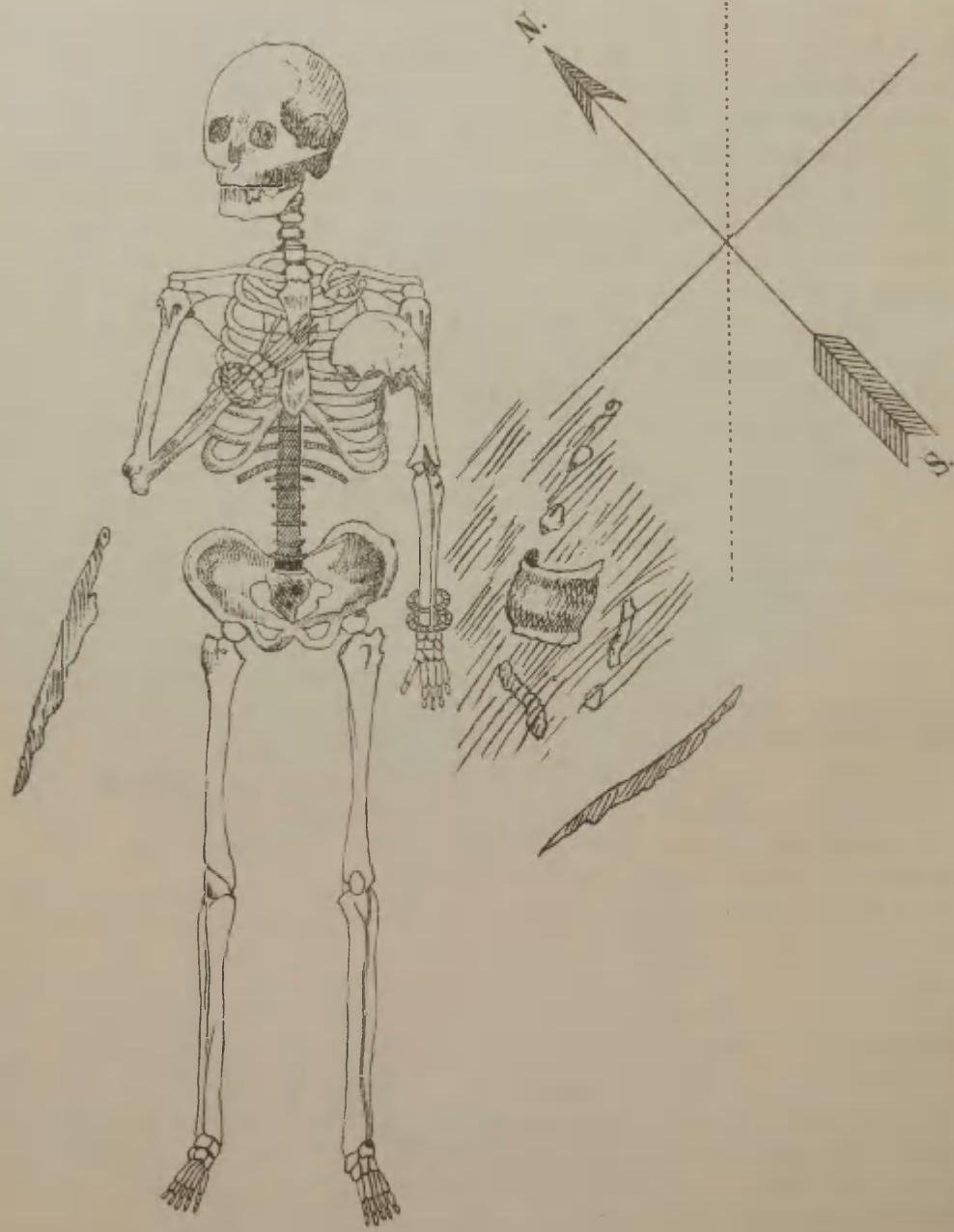
*) Позволяю себѣ обратить вниманіе на слѣдующее соображеніе. Кажется надо раздѣлять племена и народности на такія, которыя упорно сохраняютъ типъ свой и обряды, сравнительно легко теряя языкъ, тогда какъ другія народности упорно держатъ языкъ, легко перенимая чужіе обычаи и костюмъ. Такъ евреи упорно сохраняютъ типъ, легко перенимая чужой языкъ. Славяне кажется менѣе способны сохранять типъ своей, за то легко перенимаютъ обычаи и костюмъ народовъ, съ которыми сталкиваются. Примѣромъ могутъ служить славяне придунайскіе, которые, будучи покорены тюркскимъ племенемъ болгаръ, утратили типъ свой, даже костюмъ, но сохранили языкъ, вытѣснивъ тюркское нарѣчіе. Во Франціи замѣчается исчезновеніе франкского типа; онъ уступаетъ кельтскому, о языкѣ же этого сказать нельзя. На Кавказѣ меня увѣрили, что, при столкновеніи армянъ съ грузинами, армянскій типъ побѣждаетъ, въ то время какъ грузинскій языкъ торжествуетъ побѣду надъ армянскимъ. Конечно это требуетъ еще подтвержденія. Сталкиваясь съ финскими народностями, славяне вездѣ ввели свой языкъ, но относительно типа и костюма этого сказать кажется нельзя. Русскіе, соприкасаясь на окраинахъ своей территоріи съ инородцами, нигдѣ языка своего не теряли, но легко принимали чужой костюмъ и обычаи. Черезъ какіе нибудь одно или два поколѣнія русскаго трудно отличить отъ кабардинца, но языкомъ онъ не поступился. Дописторическая археологія знаетъ про чрезвычайно бѣдность культурныхъ предметовъ въ славянскихъ могильникахъ и таковыя появляются только при столкновеніи славянъ съ другими племенами. Даже височныя серьги и бубенчики, долго почитавшіеся славянскими культурными предметами, новидямому несомнѣнно финскаго происхожденія. — Это мое наблюденіе я не ставлю неоспоримымъ фактомъ, а скорѣе вопросомъ, который требуетъ еще изслѣдованія.

г) двѣ подвѣски (серьги) изъ кабаньихъ клыковъ, д) бусы: три сердоликовые продолговатыя съ гранью, три круглыхъ изъ горнаго хрусталя (?), три стеклянныхъ золоченныхъ. Одна раковинка.

Могила II. (см. рис. 1). На глубинѣ двухъ футовъ. Курганъ весьма попорченъ. Положеніе отъ СЗ. на ЮВ. Костякъ мужской, хорошо сохранился. Каменной кладки не было. Предметы: около 40 стеклянныхъ бусъ. Накинута была ткань (плащъ) съ небольшими нашивными бронзовыми блестками. На правомъ плечѣ сохранился кусокъ ткани заколотой бронзовой булавкой (2) На лѣвомъ плечѣ ткань распалась, но явственно было видно, что она держалась булавкою, одинаковою съ булавкою на лѣвомъ плечѣ. Двойная бронзовая цѣпь (6) соединенная на разстояніи $\frac{1}{2}$ нѣсколькими колечками. На лѣвомъ плечѣ цѣпь прикрѣплялась къ продолговатой бляхѣ. Обѣ цѣпи вмѣстѣ имѣютъ 130 сент. длины и спереди падали на грудь и животъ. Съ правой стороны груди около ключицы находилась круглая подвѣска (3), съ лѣвой — подковообразная фибула (5). На рукахъ, сложенныхъ на груди, находились браслеты, на правой одинъ, изъ плоской бронзы (8) и шесть бронзовыхъ витыхъ (7), на лѣвой рукѣ 8 витыхъ. Они охватывали руки около кистей, плотно сложенные вмѣстѣ, и, очевидно, служили для скрѣпленія рукавовъ. Подъ этими браслетами сохранились покрытые мѣдною ржавчиною куски ткани. На пальцѣ правой руки находился бронзовый перстень (9). На груди — кусокъ необработаннаго янтаря (12), очевидно амулетъ. Частички кожаннаго пояса распались, но бронзовыя пряжки (11), застегивавшіяся спереди, сохранили ремень. У пояса на лѣвой сторонѣ находились двѣ тонкія бронзовыя спирали въ 5 мил. шир. (10) украшеніе, часто встрѣчающееся у финскихъ племенъ. Спирали вмѣстѣ съ ремнями придерживали небольшой ножъ. Стѣды его сохранились въ видѣ разсыпавшейся желѣзной ржавчины. Съ лѣвой стороны, близъ голени, находились обломки глинянаго горшка. Вокругъ щиколки правой ноги браслетъ (13), бронзовый витой, того-же образца, что и на рукахъ, но браслетъ былъ растянута такъ, что могъ охватывать ногу, очевидно тоже придерживая одежду. Въ могилѣ № III и № V я нашелъ такіе же браслеты на рукахъ и ногахъ костяковъ. На рукахъ они имѣли отъ 5—6 сент. внутренней ширины, тогда какъ на ногахъ были растянута до 7 и 8 сент. Такимъ образомъ становилось яснымъ, что эти бронзовые браслеты служили не только предметами украшенія, но и пользы, придерживая одежду. Болѣе бѣдные перевязывали ее ремешками.



П. В. Искра. Пухляковское древнее захоронение в Демидовской губернии.
 № 6. В натуральную величину. Остатки предметов в захоронении пухляковской культуры.



И В у к о в а н о в е . П о х о м у с к о е о п е б н о е к о з о б о у з о в ь Т о м с к о й г о б о р н о й .

Содержимое могилы № II такъ интересно, что я набросалъ изображеніе костяка съ предметами въ томъ положеніи, какъ они были найдены.

Могилы III. Направленіе костяка то-же. Онъ (женскій) находился на глубинѣ 6 футовъ въ могилѣ подѣ поверхностью земли. Самый курганъ не былъ выше другихъ. Глиняный сосудъ съ баранью (?) костью находился въ могильной насыпи надѣ костякомъ. Кругомъ былъ разбросанъ древесный уголь. Лѣвая рука съ тремя витыми бронзовыми браслетами, лежала на груди. Правая съ двумя браслетами ниже. Около костяка можно было узнать пень дерева, кажется, сосны.

Могилы IV. Направленіе костяка то-же; на глубинѣ 4-хъ футовъ. Остатки глинянаго сосуда; съ правой стороны желѣзный ножъ 14 сент., наконечникъ копья 40 сент. у лѣваго плеча подковообразная фибула.

Могилы V. На глубинѣ 4 футовъ нашлись остатки черепной кости и остатокъ ножа, надо полагать, у праваго бедра.

Могилы VI (см. рис. 2) на СВ. Остовъ женскій, на глубинѣ отъ 4 до 5 футовъ. На правой рукѣ, лежавшей на груди, витой браслетъ, на лѣвой, опущенной, два таковыя же браслета. Выше праваго бедра желѣзный ножъ, длиною въ 27 сантиметровъ. Близъ лѣваго плеча подковообразная пряжка; съ лѣвой же стороны остова на слояхъ соломы (образчикъ мною взятъ и находитъ при вещахъ) въ больномъ количествѣ разбросанъ уголь и пережеванная баранья кость, остатки глинянаго горшка и, кажется, человѣческія кости, да желѣзный ножичекъ. Часть другаго черепа лежала на груди у лѣваго плеча перваго остова. Могилы тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что г. Швиндтъ въ вышеуказанномъ сочиненіи (стр. 66) даетъ изображеніе подобной-же могилы съ двумя остовами. Черепа въ обоихъ могилахъ повернуты къ правому плечу.

Могилы VII представляла слабыя остатки совершенно разложившагося костяка. Никакихъ предметовъ не оказалось, но нѣсколько камней, расположенныхъ въ видѣ гробницы.

Могилы VIII. На глубинѣ отъ 3—4 футовъ остовъ мужской. На правой рукѣ два витыхъ бронзовыхъ браслета; ткань подѣ ними сохранилась. У бедра находилась бронзовая привѣска: изображеніе коня съ колокольчиками (подобныя привѣски найдены г. Бранденбургомъ въ Петербургской губерніи. Сравни. тоже у Швиндта изображеніе 341 на стр. 38). Эта привѣска лежала на кускѣ дерева, обтянутаго тканью; на концѣ сохранились слѣды шнурка.

Могила IX. на глубинѣ 4—5 футовъ. Направленіе сильно испорченнаго костяка на СЗ. Голова повернута къ правому плечу, какъ у костяка въ V могилѣ т. е. лицомъ на Востокъ.

Могила X; на глубинѣ до 4 футовъ. Костякъ мужской. Положеніе на правомъ боку съ согнутыми какъ бы на бѣгу ногами. Положеніе рукъ съ точностью нельзя было опредѣлить. Три витыхъ браслета лежали поодаль передъ черепомъ. Надо полагать, что руки были тоже согнуты кистями вверхъ. У лѣваго плеча подковообразная пряжка съ остаткомъ сохранившейся льняной (?) ткани. Остатки желѣзныхъ ножницъ и еще какаго то орудія, кажется замка (положеніе костяка то-же, что описано у Швиндта на стр. 40).

Еще въ шести могилахъ оказались болѣе или менѣе поврежденные остовы съ лицомъ на востокъ или юговостокъ. Затѣмъ были мнѣ переданы предметы, найденные въ могилахъ при возведеніи ностроекъ. Изъ нихъ одна могила (XI) съ голубоватой потиной и съ браслетами и спиральнымъ перстнемъ, какіе попадаются въ финскихъ „общественныхъ могилахъ,“ въ Лифляндіи и Эстляндіи, долго несправедливо именуемая „могилами корабельными*.“ Предметы эти причитаются ко времени до XII вѣка. Далѣе въ одинъ изъ пріѣздовъ моихъ въ Шюхтицу, мнѣ принесли предметы изъ только что вскрытой могилы (могила XII). То были мѣдная гривна, пять бусъ серебряныхъ, ожерелье изъ мелкихъ стеклянныхъ бусъ, часть цѣпи, подобно описанной мною выше (могила II), и 4 бронзовыхъ витыхъ браслета, изъ которыхъ два, судя по расширеннымъ размѣрамъ, были на ногахъ. Далѣе собрано мною предметовъ, встрѣчающихся и въ сочиненіи Швиндта: желѣзныя копья, ножи, сѣкиры, мечи и принадлежности конскихъ сбруй. Въ одной изъ могилъ нашелся мечъ съ лезвіемъ длиною въ 86 сантиметровъ, а желѣзная рукоятка въ 17 сантиметровъ, ширины же почти 6 сент.

II. Висковатовъ.

*) ср. Тюрсельская могила. Steinschiff in Türsel. Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, томъ XIII. Юрьевъ 1888 г. Статьи проф. Гревинга и мои. А также мое дополненіе въ Sitzungsbericht der Gel. Estn. Gesellschaft 1889 г. стр. 130 и 137 — Докладъ мой на Ярославскомъ Археологическомъ Съѣздѣ.

Замѣтка о черепахъ Пюхтицкаго могильника.

Черепя Пюхтицкаго могильника, раскопаннаго и выше описаннаго проф. П. А. Висковатовымъ представляютъ, весьма крупный интересъ. Онъ заключается въ томъ, что эти черепа, добытые изъ весьма древнихъ могилъ, несомнѣнно принадлежатъ племени, жившему на межѣ двухъ культурныхъ міровъ, правда границѣ не достаточно рѣзко очерченной, тѣмъ не менѣе игравшей важную роль въ жизни физически совершенно обособленныхъ расъ.

Человѣческіе черепа, коллектированіе которыхъ у насъ къ сожалѣнію недостаточно еще развито, играютъ въ разработкѣ культурно-историческихъ вопросовъ весьма существенную роль. Но антропологи, на разсмотрѣніе и такъ сказать на заключеніе которыхъ передаются черепа, бываютъ при обработкѣ этого матеріала не рѣдко поставлены въ затрудненіе отчасти благодаря тому, что археологи, занятые изслѣдованіемъ древнихъ могилъ, въ которыхъ они находятъ и черепа, увлекаясь предметомъ своихъ ближайшихъ наблюденій, игнорируютъ драгоцѣннѣйшимъ антропологическимъ матеріаломъ — черепами и либо совсѣмъ не сохраняютъ ихъ, либо передаютъ ихъ антропологу въ столь дефектномъ видѣ, что на основаніи такого матеріала рѣшительно нѣтъ возможности сказать что либо. При такихъ условіяхъ, какъ мы сказали, антропологъ поставленъ въ затрудненіе и лишенъ возможности не только сдѣлать на основаніи череповъ опредѣленные выводы, но и высказать даже болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Раскопка Пюхтицкаго могильника дѣлаетъ въ этомъ отношеніи счастливое и къ сожалѣнію рѣдкое исключеніе: научно поставленная работа была послѣдовательно доведена до конца и добытые изъ могильника черепа, какъ матеріаль, полученный изъ мѣстности по сіе время необслѣдованной, представляютъ весьма цѣнный вкладъ въ Антропологическій Музей Московскаго Университета, куда они, по желанію собственника ихъ, препровождены.

Почти всѣ черепа, переданные намъ П. А. Висковатовымъ, на сколько позволяла ветхость ихъ, сохранились вполнѣ хорошо. Случайность, руководящая въ значительной степени всегда раскопками, поблагопріятствовала имъ въ данномъ случаѣ съ точки зрѣнія археологической и не поблагопріятствовала съ точки зрѣнія антропологической, а именно: большая часть могилъ оказалась женскими, столь цѣнными для археолога, благодаря тѣмъ украшеніямъ, которыя находятся въ нихъ, но давшими женскіе черепа, имѣющіе для антрополога, при современномъ положеніи науки, значительно меньше значенія, чѣмъ черепа мужскіе.

Мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи всего 8 череповъ, изъ нихъ мужскихъ только четыре, женскихъ три и одинъ дѣтскій. Изъ мужскихъ вполнѣ хорошо сохранились два черепа, другіе же два вслѣдствіе ветхости значительно распались и на нихъ полныя измѣренія произведены быть не могли. Изъ женскихъ череповъ вполнѣ цѣль одинъ, два попорчены временемъ; дѣтскій же сохранился, за исключеніемъ части скуловыхъ костей, хорошо.

Мы обратимъ сначала вниманіе, не входя впрочемъ въ детали*), на мужскіе черепа, представляющіе въ данномъ случаѣ значительно большій интересъ для антропологів.

Первый мужской черепъ (№ 5**). Черепъ принадлежитъ старику: швы отчасти срослись, нѣсколько зубовъ потеряно и *alveolae* закрылись. Швы, гдѣ таковыя ясны, развиты мало; надбровныя дуги рѣзко выступаютъ, *glabella* тоже; значительно выступаютъ и *protuberantia* и носовой шпиль края носа нѣсколько сглажены. Большая часть діаметровъ и окружностей этого черепа большихъ размѣровъ (изъ діаметровъ только ушной и наибольшей поперечный размѣровъ среднихъ) и онъ долженъ считаться большимъ. Остановливаясь на частностяхъ, мы должны отмѣтить, что этотъ черепъ длиноголовый (головн. указатель — 72,72), очень высокъ какъ въ отношеніи продольнаго, такъ и въ отношеніи поперечнаго діаметровъ; выражаясь технически онъ „высокій“ (77,00) и „высоко-узкій“ (105,89), широколобый (87,09) и широкозатылочный (83,82). Передняя часть головы по горизонтальной окружности не велика; что касается головной коробки по вертикальной дугѣ, то наибольшая часть передняя (34,52% всей дуги), затѣмъ слѣдуетъ теменная часть (33,76%),

*) Подробныя цифровыя данныя помѣщены въ приложенной къ этой запискѣ таблицѣ.

**) Нумера череповъ соотвѣтствуютъ нумерамъ вышеописанныхъ могилъ.

а наименьшая изъ трехъ часть — затылочная. Что касается лица, то оно по своей ширинѣ среднее, съ узкими скулами и средне-широко-носое. Къ этому можно прибавить, что черепъ низко-орбитный, широко-небый и средне-широкохребетный.

Второй мужской черепъ (№ 2). И этотъ черепъ старческій: швы срослись всѣ; *glabella* выступаетъ сильно, надбровныя дуги рѣзко очерчены, носовой шипъ выступаетъ, а края носа нѣсколько сглажены. Этотъ черепъ стоитъ къ предыдущему весьма близко; въ этомъ убѣждаютъ насъ тѣ процентныя отношенія отдѣльныхъ размѣровъ, которыя нами приведены ниже въ таблицѣ. Эта близость двухъ череповъ выражается и въ общности типа, хотя второй черепъ нѣсколько меньше перваго; онъ можетъ, говоря вообще, считаться черепомъ среднихъ размѣровъ. По головному указателю онъ, также какъ и предыдущій черепъ, длингоголовый, лобъ у него тоже широкій и черепъ долженъ считаться по лобному указателю (90,37) широколобымъ. Что касается высоты черепа, то онъ хотя и принадлежитъ къ разряду высокихъ, но ниже предыдущаго и его можно было бы обозначить „средневысокимъ“ (73,74) и „высокоузкимъ“ (100,00); по затылочному указателю этотъ черепъ, какъ и предыдущій, широкозатылочный (81,06). Передняя часть головы по горизонтальной окружности тоже не особенно велика, даже нѣсколько менѣе, чѣмъ у перваго черепа. Разсматривая этотъ черепъ по вертикальной дугѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что лобная и теменная части головы у него больше, чѣмъ у предыдущаго черепа, а затылочная меньше. Лицо у него широкое, но не скуластое и съ узкимъ носомъ (узконосое).

Третій мужской черепъ (№ 8). Этотъ черепъ не сохранился вполне и судить съ увѣренностью о его большей или меньшей близости къ предыдущимъ очень трудно. Впрочемъ по надбровнымъ дугамъ, выступающей *glabella*, по носовому шипу и сглаженнымъ краямъ носа, онъ не отличается отъ предыдущихъ. Головной указатель не могъ быть опредѣленъ но, повидному, черепъ этотъ менѣе длингоголовый, чѣмъ первые два: на эту мысль наводитъ небольшой относительно поперечнаго діаметра размѣръ діаметра ушнаго. Лицо у этого черепа широкое, но узкоскулое и средне-широконосое; сравнивая указатели этого черепа съ таковыми предыдущихъ череповъ, слѣдуетъ придти къ заключенію, что и этотъ черепъ того же; типа Впрочемъ тутъ же слѣдуетъ замѣтить, что лобъ этого черепа, въ противоположность двумъ вышеописаннымъ черепамъ, узкій: его указатель равенъ 80,55.

Четвертый мужской черепъ (№ 0)*). Этотъ черепъ сохранился еще хуже, чѣмъ предыдущій и измѣреній удалось сдѣлать еще меньше. Швы отчасти срослись, по тамъ гдѣ они видны, они развиты больше, чѣмъ у предыдущихъ череповъ; надбровныя дуги ясны, *glabella* выступаетъ. Тѣ немногочисленные указатели, которые получены нами на этомъ черепѣ, не даютъ возможности сказать что либо опредѣленное о его типѣ. Головной указатель, опредѣленный только приблизительно, больше, чѣмъ у перваго и втораго черепа, онъ равняется 75,82, и черепъ долженъ считаться субдолихоцефаличнымъ; впрочемъ, субдолихоцефалия этого черепа настолько крайняя, что черепъ почти длиноголовый. Слѣдуетъ отмѣтить, что у этого черепа очень развита задняя часть его, такъ затылочная треть вертикальной дуги значительно больше лобной и особенно темянной трети дуги; она составляетъ всего 35,22 % вертикальной дуги, но при этомъ она такъ сильно изогнута, что хорда ея равняется только 78,46 % ея длины.

Женскіе черепа (№ 3, № 4 и № 6). Женскіе черепа, изъ которыхъ цѣльный у насъ только одинъ, повидимому, съ одной стороны принадлежать къ тому же типу, что и мужскіе, съ другой же стороны какъ бы довольно сильно отличаются отъ мужскихъ. Эти черепа между прочимъ интересны тѣмъ, что швы очень хорошо развиты, особенно у № 4, а № 6 отличается крупными ворміевыми костями на ламбдоидномъ швѣ. Какъ у того, такъ и у другаго черепа сохранился лобный шовъ (*sutura medio-frontalis*): на № 6 (старческомъ) этотъ шовъ сохранился только въ своемъ нижнемъ и верхнемъ концахъ, тогда какъ середина срослась, у № 4 (молодаго черепа) шовъ сохранился вполне хорошо весь. Два изъ женскихъ череповъ, также какъ и мужскіе, длиноголовые (ихъ указатели 75,00 и 71,19) и высокіе, одинъ же (№ 3) во первыхъ среднеголовый: его головной указатель равенъ 78,65, а во вторыхъ низкій; высотный діаметръ этого черепа составляетъ лишь 71,91 % продольнаго и 90,10 % поперечнаго діаметра т. е. черепъ согласно этимъ указателямъ „низкій“ и „низкоширокій“. У этого черепа слѣдуетъ отмѣтить еще ту особенность, что его наибольшій высотный діаметръ (въ противоположность остальнымъ черепамъ) на 4 м/м. больше высотнаго 1-го, вслѣдствіе чего черепъ нельзя признать безусловно низкимъ, а скорѣе средне-высокимъ и среднешироковвысокимъ. Затылокъ у

*) Этотъ черепъ переданъ П. А. Висковатову Настоятельницею Пюхтицкаго монастыря м. Варварою; онъ найденъ въ томъ же могильникѣ при закладкѣ фундамента зданія.

этого черепа широкій, а лобъ узкій; лицо средней ширины, а скулы узкія; носовой указатель малъ и черепъ принадлежитъ къ типу усконосныхъ.

Дѣтскій черепъ (№ 9). По своему головному указателю этотъ черепъ весьма сильно отличается отъ остальныхъ череповъ: его указатель равенъ 82,63 и черепъ подкороткоголовый; по своей высотѣ онъ всего ближе стоитъ къ женскому черепу, мезатифаличному № 3, а именно, онъ средневысокій и широкошизкій по высотному діаметру 1-му и высокій и средне-широковвысокій по наибольшему высотному діаметру; далѣе этотъ черепъ узкоскулый, среднешироконосый, среднеорбитный, узкохребетный и широколобый.

Говоря вообще о нашихъ черенахъ, мы можемъ ихъ охарактеризовать слѣдующимъ образомъ. Черепа длиноголовые, высокіе, преимущественно съ широкимъ лбомъ и всѣ съ широкимъ затылкомъ; лицо ихъ широкое, но скулы узкія, носъ также не широкъ и они принадлежатъ къ типу усконосныхъ череповъ.

Насъ спросятъ послѣ этого къ какому же племени принадлежатъ эти черепа. Но антропологъ лишень возможности отвѣчать на такой вопросъ опредѣленно и категорично, тѣмъ болѣе, что рѣчь можетъ быть только объ опредѣленіи отдѣльныхъ „расъ“, не въ смыслѣ расъ міровыхъ, а въ смыслѣ обособленныхъ типовъ. Мы новторяемъ, что опредѣленіе „расы“, къ которой принадлежатъ наши черепа и чрезвычайно трудно и на нашъ взглядъ преждевременно. Во первыхъ въ нашемъ распоряженіи находятся только 8 череповъ, изъ которыхъ только 4 цѣльныхъ, а изъ нихъ лишь два мужскихъ, остальные женскіе и одинъ дѣтскій, а во вторыхъ бѣдность нашего матеріала, отсутствіе достаточнаго количества детальнахъ описаній череповъ разныхъ племенъ и разныхъ могильниковъ, не даютъ намъ возможности высказаться достаточно опредѣленно. Мы могли бы, какъ кажется съ перваго взгляда наиболѣе логичнымъ, предположить, что находящіеся въ нашемъ распоряженіи черепа принадлежатъ финской расѣ, финскому племени, такъ какъ они найдены въ Эстляндской губерніи — въ странѣ финновъ. Остановимся съ этою цѣлью на головномъ указателѣ и сравнимъ его съ имѣющимися данными о головныхъ указателяхъ разныхъ финскихъ племенъ. Наши черепа, какъ было сказано уже выше, слѣдуетъ считать длиноголовыми: изъ череповъ, у которыхъ головной указатель могъ быть опредѣленъ, четыре совершенно длиноголовы (71,19; 72,72; 73,74 и 75,00) т. е. 57,14 %, далѣе одинъ поддлоголовый (75,82), одинъ среднеголовый (78,65) и одинъ под-

короткоголовый (дѣтскій — 82,63), т. е. на остальные формы головы приходится по 14,28 %. Средній головной указатель мужскихъ череповъ у насъ равенъ — 74,38, а женскихъ — 74,90, т. е. и тѣ и другіе въ среднемъ длиноголовые. Что касается финскихъ череповъ, то мы имѣемъ о нихъ слѣдующія свѣдѣнія: 8 финскихъ череповъ, по Дэвису, имѣютъ указатель равнымъ — 82; 5 финскихъ по Брока 83,69, четыре эстонскихъ черепа по Брока — 80,39; 10 лопарскихъ по Брока — 85,63; 9 лопарскихъ по Дэвису — 80. Кромѣ того мы имѣемъ еще нижеслѣдующія свѣдѣнія о головныхъ указателяхъ, полученныхъ на живыхъ субъектахъ: эсты — 79,38 (О. Грубе), ливы — 80,00 (Вальдгауеръ), тевасты — 82,25, корелы — 81,52 (и тѣ и другіе Ретцуса), вотяки — 81,78 (Маліевъ), пермяки — 82,50 (Маліевъ), остяки — 79,36 (Чугуновъ), вогулы — 77,82 (Маліевъ), лопари — 83,42 (Кельсіевъ) и вепсы — 83,34 (Уйфальви). Къ этому мы можемъ присовокупить данныя, добытыя въ Финляндіи А. Елисеевымъ на основаніи наблюденій надъ 175 финнами; приводимые въ его трудѣ головные указатели колеблются въ среднемъ отъ 80,5 до 84. Изъ этого мы видимъ, что изъ всѣхъ финновъ, повидимому, наименѣ длиноголовы лопари и вепсы, а наиболѣе длиноголовы вогулы, остяки и эсты, далѣе, что головной указатель этихъ послѣднихъ трехъ народностей показываетъ, что они по формѣ своей головы, мезотицефаличны, остальные же отчасти суббрахицефалы, отчасти брахицефалы и слѣдовательно по этому, впрочемъ весьма важному признаку, къ черепамъ, о которыхъ мы здѣсь говоримъ, не подходятъ. —

Хотя проф. П. А. Висковатовъ въ своей вышеприведенной статьѣ, повидимому, склоняется къ тому, чтобы считать распаннныя имъ могилы за корельскія, но мы, на основаніи краниометрическаго матеріала, склонны думать и даже утверждать, что черепа Пюхтицкаго могильника финскому племени не принадлежатъ.

Ал. Харузинъ.

Ниже мы приводимъ цифры измѣреній и указателей, полученныхъ нами на восьми черепнахъ и считаемъ своимъ долгомъ указать (для большей ясности) на тотъ методъ, котораго мы придерживались при измѣреніи череповъ.

Горизонтальная окружность бралась лентой слѣдующимъ образомъ: начиная отъ правой височной кости клалась лента на лобную кость ниже лобныхъ бугровъ и выше надбровныхъ дугъ черезъ точки наименьшаго лобнаго діаметра, далѣе черезъ лѣвую височную кость, затѣмъ на затылочную черезъ

точку наибольшего передне-заднего диаметра (а не через затылочный бугоръ — это лишь тогда, если точка наибольшего продольного диаметра совпадала съ серединою затылочнаго бугра).

Передняя часть горизонтальной окружности получалась такъ: соединялись ушные отверстія линією проходящею черезъ брегму и этимъ раздѣлялась черепная коробка на переднюю и заднюю части — передняя часть горизонтальной окружности соединяетъ слѣдовательно линіи пересекающія височныя кости.

Вертикальная дуга: отъ носовой точки (корня носа) черезъ брегму, λ до опистіона (задняго края затылочнаго отверстія)

Лобная часть вертикальной дуги: отъ носовой точки до брегмы.

Темянная часть вертикальной дуги: отъ брегмы до λ .

Затылочная часть: отъ λ до опистіона.

Верхне-затылочная часть: отъ λ до inion .

Нижне-затылочная часть: отъ inion до опистіона.

Поперечная дуга: отъ одной надъушной точки до другой черезъ брегму. Надъушная точка лежитъ на продолженіи скуловой дуги, надъ серединою ушнаго отверстія.

Продольный наибольшій діаметръ: отъ надпереносья до наиболѣе выдающейся точки затылочной кости (толстотнымъ циркулемъ). Надпереносье — середина линіи соединяющей надбровныя дуги.

Высотный діаметръ 1-й: отъ базіона (середина передняго края затылочнаго отверстія) до брегмы.

Наибольшій высотный діаметръ или высотный діаметръ 2-й: отъ базіона до наиболѣе выдающейся точки черепнаго свода (темя).

Ушной діаметръ (толстотнымъ циркулемъ): отъ одной надъушной точки до другой.

Затылочный поперечный: отъ астеріона до астеріона другой стороны (скользящимъ циркулемъ).

Разстояніе между сосцевидными отростками: скользящимъ циркулемъ измѣрялось разстояніе вершинокъ сосцевидныхъ отростковъ.

Наименьшій лобный: толстотнымъ циркулемъ измѣрялось разстояніе угловъ, образуемыхъ скуловымъ отросткомъ лобной кости и *linea semicircularis* лобной кости.

Наибольшій лобный діаметръ совпадаетъ въ большинствѣ случаевъ съ точками, гдѣ вѣнечный шовъ начинаетъ дѣлаться простымъ — толстотнымъ циркулемъ ведется по *linea semicircularis* вверхъ къ вѣнечному шву.

Всѣ хорды брались скользящимъ циркулемъ. Хорда вертикальной дуги (pnf): отъ носовой точки до опистіона съ нижней стороны черепа, остальные хорды измѣрялись по точкамъ соответствующихъ частей вертикальной дуги.

Височный гланичный діаметръ брался съ височной стороны глазницъ по лобному отростку скуловой кости, при этомъ бралось наибольшее разстояніе. Эти точки зависятъ дѣйствительно отъ случайнаго (повидимому) разширенія лобнаго отростка скуловой кости, но какъ бы то ни было это разширеніе имѣетъ вліяніе на фізіономію черепа и на височный обликъ лица живаго человѣка. Нѣкоторые авторы, измѣряя височный гланичный діаметръ, берутъ разстояніе височныхъ краевъ лобно-скуловаго шва, но мы, слѣдуя Брока, измѣряемъ этотъ діаметръ вышеупомянутымъ образомъ.

Внутренний глазничный диаметр: измерялось расстояние внутренних краев лобно-скулового шва.

Щечный диаметр: наибольшее расстояние скуловых дуг (сѣдѣя Брока). Слѣдует замѣтить, что щечный диаметр берется нѣкоторыми къ верхнимъ угламъ скуловыхъ костей. Этотъ размѣръ при существованіи скулового діаметра утрачиваетъ свое значеніе. Нашъ щечный называется нѣкоторыми авторами наиб. лицевымъ поперечнымъ.

Скуловой диаметръ брали на срединѣ скуловыхъ костей, которая обозначается легко тѣмъ, что отчеркиваются карандашемъ всѣ отростки скуловой кости, и черезъ остающіеся „квадратъ“ проводятся діагонали — расстояние пересеченій коней и даетъ скуловой диаметръ. Всѣ только что приведенные 4 размѣра брались скользящимъ циркулемъ.

Наибольшій лицевой поперечный брали толстотнымъ циркулемъ и соединяетъ мѣста соединенія скуловой кости съ верхней челюстью (внизу).

Между глазничное пространство измерялось скользящимъ циркулемъ — бралось расстояние отъ дакріона одной стороны до дакріона другой.

Ширина глазницы: расстояние отъ дакріона до противоположнаго края — бралась наибольшая ширина.

Высотой глазницы мы считаемъ расстояние мѣста соединенія челюстного отростка скуловой кости на нижнемъ краѣ глазницы до противоположнаго края — размѣръ брали по возможности такъ, чтобы онъ былъ перпендикуляренъ предыдущему. (Оба размѣра скользящимъ циркулемъ, какъ и всѣ послѣдующіе).

Длиною носа мы считаемъ расстояние носовой точки до подносовой.

Ширина носа равняется наибольшей ширинѣ носоваго отверстія.

Основная линія: отъ базіона до носовой точки.

Т А Б Л И Ц А

абсолютныхъ величинъ череповъ изъ Пюхтицкаго могильника
на ряду съ взаимнымъ отношеніемъ этихъ величинъ.

Абсолютныя величины череповъ и взаимное
отношеніе ихъ.

L	Продольный наибольшій діаметръ
Q	Поперечный наибольшій діаметръ
$\frac{Q}{L} \cdot 100$	Головной указатель
L	Высотный діаметръ
H	Наибольшій высотный діаметръ
$\frac{H}{L} \cdot 100$	Высотный указатель 1-й
L	Высотный указатель 2-й
$\frac{H_1}{L} \cdot 100$	Широтновысотный указатель 1-й
L	Широтновысотный указатель 2-й
$\frac{H_1}{L} \cdot 100$	Ушной діаметръ
Q	Отношеніе ушнаго діаметра къ наибольшему поперечному
$\frac{Q}{OO} \cdot 100$	Наименьшій лобный
Q	Наибольшій лобный
F, F ₁	Лобный указатель
F F	Затылочный діаметръ
$\frac{F_1 F_1}{F F} \cdot 100$	Затылочный указатель 1-й
F F	Разстояніе сосцевидныхъ отростковъ
SS	Отношеніе разстоянія сосцевидныхъ отростковъ къ наибольшему поперечному
$\frac{SS}{SS} \cdot 100$	Горизонтальная окружность
Q	Передняя часть горизонтальной
θ θ	Отношеніе передней части горизонтальной окруж- ности ко всей окружи
$\frac{θ θ}{θ θ} \cdot 100$	Поперечная дуга
Q	Отношеніе поперечной дуги къ вертикальной .
A	Отношеніе ушнаго діаметра къ поперечной дугѣ
a	Основная линія
$\frac{a}{a} \cdot 100$	Вертикальная дуга
A	Хорда вертикальной дуги
OPO	Отношеніе хорды вертикальной дуги къ верти- кальной дугѣ
$\frac{OPO}{OPO} \cdot 100$	Лобная часть вертикальной дуги
nclf	Хорда лобной части вертикальной дуги
OO. 100	Отношеніе лобной части вертикальной дуги ко всей дугѣ
OPO	
nb	
nclf	
plf	
$\frac{plf}{plf} \cdot 100$	
nclf	
nc	
p, nc	
$\frac{nc}{nc} \cdot 100$	
nclf	

Мужские.				Женские.			Дѣтскій.
№ 5.	№ 2.	№ 8.	№ 0.	№ 3.	№ 4.	№ 6.	№ 9.
187	179	—	182	178	176	184	167
136	132	142	138	140	132	131	138
72,72	73,74	—	75,82(?)	78,65	75,00	71,19	82,63
144	132	—	—	128	130	—	125
144	132	—	—	132	130	—	127
77,00	73,74	—	—	71,91	73,86	—	74,84
77,00	73,74	—	—	74,15	73,86	—	76,04
105,89	100,00	—	—	90,10	98,47	—	90,57
105,89	100,00	—	—	94,20	98,47	—	92,02
122	119	122	—	121	108	—	114
89,71	90,15	81,91	—	86,42	81,81	—	82,60
100	94	87	98	97	—	96	91
124	104	108	117	118	123	113	103
87,09	90,37	80,55	83,76	82,20	—	84,97	88,34
114	107	—	—	110	—	—	108
83,82	81,06	—	—	78,57	—	—	78,26
112	103	—	—	101	—	—	99
82,35	78,03	—	—	72,10	—	—	71,74
533	506	—	—	512	—	—	482
268	238	228	—	245	250	—	218
48,41	47,03	—	—	47,85	—	—	45,23
327	302	305	—	300	316	—	298
83,63	82,74	—	—	82,19	—	—	83,71
37,30	39,40	40,00	—	40,33	34,17	—	38,25
105	92	—	—	97	97	—	89
391	365	—	369	365	—	—	356
134	131	—	—	129	—	—	120
34,27	35,89	—	—	35,34	—	—	33,71
135	132	125	122	121	124	122	115
118	114	110	106	109	107	122	102
34,52	36,17	—	33,06	33,15	—	—	32,30

Абсолютныя величины череповъ и взаимное
отношеніе ихъ.

p ₁ пс. 100	Отношеніе хорды лобной части вертикальной дуги къ лобной части вертикальной дуги . .
nc.	Темянная часть вертикальной дуги
cl	Хорда темянной части вертикальной дуги . . .
p ₂ cl	Отношеніе темянной части вертикальной дуги ко всей дугѣ
cl. 100	Отношеніе хорды темянной части вертикальной дуги къ темянной части вертикальной дуги
nclf	Затылочная часть вертикальной дуги
p ₂ cl. 100	Хорда затылочной части вертикальной дуги . .
cl	Отношеніе затылочной части вертикальной дуги ко всей дугѣ
lf	Отношеніе хорды затылочной части вертикальной дуги къ затылочной части дуги
p ₃ lf	Верхнезатылочная часть вертикальной дуги . .
lf. 100	Хорда верхнезатылочной части вертикальн. дуги
nclf	Отношеніе верхнезатылочной части вертикальной дуги ко всей затылочной
p ₃ lf. 100	Отношеніе хорды верхнезатылочной части вертикальной дуги къ верхнезатыл. части дуги .
lf	Нижнезатылочная часть вертикальной дуги . .
lfT	Хорда нижнезатылочной части вертикальн. дуги
p ₄ lfT	Отношеніе нижнезатылочной части вертикальной дуги ко всей затылочной
lfT. 100	Отношеніе хорды нижнезатылочной части вертикальной дуги къ нижнезатылочной ч. дуги .
lf	Разстояніе носов. точки до челюстной (лицев. линія)
p ₄ lfT. 100	Внѣшній глазничный діаметръ
lfT	Внутренній глазничный діаметръ
Tf	Щечный діаметръ
p ₅ Tf	Скуловой діаметръ
Tf. 100	Наибольшій лицевой поперечный
lf	Отношеніе лицевой линіи къ внѣшнему глазничному діаметру
p ₅ Tf 100	Отношеніе лицевой линіи къ внутреннему глазничному діаметру
Tf	Лицевой длительно-наибольшій указатель
пх ₁	Лицевой длительно-скуловой указатель
j	Лицевой указатель собственно
пх ₁ 100	Длина носа
j ₁	Ширина носоваго отверстія
пх ₁ 100	
j ₂	
пх ₁ 100	
j ₃	
пх ₁ 100	
j ₄	
пх	
г	

М у ж с к і е.				Ж е н с к і е.			Дѣтскіи.
№ 5.	№ 2.	№ 8.	№ 0.	№ 3.	№ 4.	№ 6.	№ 9.
87,47	86,36	88,00	86,88	90,16	86,29	100,00	88,69
132	125	114	117	130	—	125	123
120	113	103	109	114	110	125	112
33,76	34,25	—	31,81	35,61	—	—	34,55
90,90	90,40	90,35	93,16	87,69	—	100,00	81,30
124	108	—	130	114	—	—	118
100	104	—	102	93	—	—	99
31,71	29,58	—	35,22	31,23	—	—	33,14
80,64	96,20	—	78,46	81,57	—	—	83,89
72	61	—	83	62	62	97	72
67	59	—	78	59	57	—	67
58,06	56,48	—	—	53,38	—	—	61,01
94,44	96,72	—	93,97	95,16	91,93	—	93,05
52	47	—	47	52	—	—	46
50	43	—	45	49	—	—	45
41,93	43,91	—	—	45,61	—	—	38,98
96,15	91,49	—	95,74	94,23	—	—	97,82
71	61	62	—	66	—	58 (?)	56
107	108	106	—	112	—	103	—
99	94	90	—	97	—	92	86
132	126	129	—	122	—	—	—
110	106	104	—	106	—	99	92 (?)
99	90	92	—	89	—	—	84
66,35	56,48	58,49	—	58,92	—	56,31 (?)	—
71,71	64,89	68,88	—	68,03	—	63,04 (?)	65,11
53,78	48,41	48,06	—	54,09	—	—	—
64,54	57,54	59,61	—	62,25	—	58,58 (?)	60,86
71,71	67,77	67,39	—	74,15	—	—	66,66
55	49	46	—	50	—	—	43
27	23	24	—	23	—	—	22

Абсолютныя величины череповъ и взаимное
отношеніе ихъ.

$\frac{r. 100}{nx}$	Носовой указатель
M	Длина неба
M_1	Ширина неба
$\frac{M_1. 100}{M}$	Небный указатель
bf	Длина затылочнаго отверстія
qq	Ширина затылочнаго отверстія
$\frac{qq. 100}{bf}$	Хребетный указатель
D_1	Ширина глазницы
D	Высота глазницы
$\frac{D. 100}{D_1}$	Глазничный указатель
T	Межглазничное пространство
$\frac{T. 100}{nx_1}$	Отношеніе межглазничнаго пространства къ ли- цевой линіи

М у ж с к і е.				Ж е н с к і е.			Дѣтскіп.
№ 5.	№ 2.	№ 8.	№ 0.	№ 3	№ 4.	№ 6.	№ 9.
49,09	46,93	52,17	—	46,00	—	—	51,16
46	44	47	—	45	—	—	39
36	33	42	—	40	—	—	33
78,26	75,00	89,36	—	88,88	—	—	84,61
32	35	—	—	33	—	—	31
27	29	—	—	32	—	—	25
84,37	82,85	—	—	96,96	—	—	80,64
39	39	36	—	38	40	38	37
32	33	28	—	33	32	33	32
82,05	84,61	77,77	—	86,84	80,00	86,84	86,48
26	19	20	—	21	—	—	15 (?)
36,62	31,14	32,25	—	31,81	—	—	26,78(?)

Ал. Харузинъ.

Секта прикокудовъ въ волости Анія Ревельскаго уѣзда.

Въ волости Анія замѣчается сильное религіозное броженіе и среди ея населенія встрѣчаются проповѣдники трехъ сектъ: балтистовъ, скакуновъ и прикокудовъ (пробужденные). Наибольше однако распространена послѣдняя. Изъ числа выдающихся представителей этой секты были привлекаемы къ отвѣтственности и неоднократно оштрафованы Мирowymъ Судьей. Потерпѣвшіе наказаніе пріобрѣтають въ глазахъ сектантовъ особое уваженіе и считаются мучениками за вѣру. Во время отбыванія наказанія члены религіозной общины помогаютъ по хозяйству семьямъ заключенныхъ. Одинъ изъ сектантовъ Тэно Томингъ разсказалъ намъ слѣдующее. Ранѣе онъ преслѣдовалъ сектантовъ, но читая усердно библію онъ убѣдился, что долженъ оставить прежнюю порочную жизнь. Весною 1892 года на него сошелъ Духъ Святой и онъ съ тѣхъ поръ открыто и убѣжденно присоединился къ сектѣ. По его словамъ члены секты прикокудовъ безгрѣшны: они не пьютъ спиртныхъ напитковъ, не курятъ табаку, ведутъ примѣрную добродѣтельную жизнь, исполняютъ долгъ свой по отношенію къ каждому человѣку, отбываютъ работу, повинности и платежи, которые распоряженіемъ начальства и предписаніемъ закона на нихъ возложены.

Для молитвы и совершенія богослуженія они сходятся, когда холодно, въ избахъ, а при хорошей погодѣ гдѣ нибудь подъ открытымъ небомъ. Назначенныхъ часовъ для молитвы не существуетъ, также и опредѣленнаго для сей цѣли мѣста; приказанія собираться никто не даетъ, а они сходятся на молитву сами по внушенію внутреннего голоса, который влечетъ ихъ на мѣсто сборища. На собраніяхъ они поютъ пѣсни изъ церковныхъ

книгъ, а также сочиненныя кѣмъ либо изъ ихъ сочленовъ. Наиболѣе употребительный у нихъ пѣснословъ „Rahu pasun“ — труба спокойствія. — При пѣніи употребляются нагѣвы какъ церковныя, такъ и свои. Послѣ пѣнія Старшій между собравшимися читаетъ Новый Заветъ. Или читающій, или кто-либо другой изъ присутствующихъ, объясняетъ прочитанное и говоритъ проповѣдь. Между проповѣдниками не встрѣчалось лицъ съ образованіемъ. Большинство изъ нихъ прошло только волостную школу. Проповѣдовать можетъ и неграмотный, такъ какъ всякій можетъ сподобиться сошествія на него Святаго Духа, дающаго право и даръ толкованія Священнаго Писанія. Послѣ проповѣди всѣ становятся на колѣни. Одинъ изъ присутствующихъ читаетъ молитву. Остальные молятся молча. Колѣнопреклоненная молитва продолжается отъ $\frac{1}{4}$ часа до $\frac{1}{2}$ часа. Послѣ этого опять всѣ поютъ и затѣмъ расходятся по домамъ. Случается, но весьма рѣдко, что при заключительномъ пѣніи на кого либо нисходитъ радость Божія. Сподобившійся этого счастья выражаетъ свое радостное настроеніе пляской. Въ настоящее время радость Божія покоится только на двухъ женщинахъ.

Въ волости Анія секта прикокудовъ появилась четыре года тому назадъ. Къ ней принадлежатъ нѣсколько сотъ человѣкъ. Кѣмъ она была сюда занесена и откуда, никто не знаетъ. Появлялись откуда-то издавѣка никому неизвѣстныя личности, потихоньку собирали крестьянъ по избамъ, говорили увлекательныя проповѣди и удалялись тоже неизвѣстно куда. На этихъ собраніяхъ Духъ Святой сходилъ на одного, или нѣсколькихъ присутствовавшихъ и они становились самостоятельными проповѣдниками, увлекая своихъ знакомыхъ полученнымъ ими даромъ благодати Божіей и примѣромъ безгрѣшной и праведной жизни, которую они вели со времени сошествія на нихъ Святаго Духа. Сперва ихъ руководителемъ былъ крестьянинъ имѣнія Румъ Абрамъ Эрнесаксъ. Но они отъ него отступились съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ посвященіе въ баптисты отъ баптистскаго пастора Шиве. Эрнесаксъ тоже отрицаетъ всякую свою связь съ прикокудами. Но обѣ эти секты живутъ между собою въ ладу и члены ихъ допускаются въ собранія другъ къ другу. Также дружно живутъ и эти секты съ третьей сектой, менѣе въ волости Анія распространенной, чѣмъ первыя двѣ и могущей быть названной скакунскою. Вступающіе въ эту секту отправляются въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ къ рѣкѣ, озеру или пруду и тамъ погружаются въ воду, мужчины вмѣстѣ съ женщинами. Собираются они на молитвенное радѣніе въ избу по 30—40 человѣкъ. Поютъ, пры-

гаютъ, свачутъ, затѣмъ въ изнеможеніи ложатся спать въ повалку на полъ — мужчины вмѣстѣ съ женщинами. При этомъ бываютъ случаи полового общенія, происходящіе, по ихъ убѣжденію, подъ вліяніемъ благодати Божіей. Такъ какъ лица, принадлежащія къ этимъ тремъ сектамъ, находятся между собою въ общеніи, посѣщаютъ молитвенныя собранія и радѣнія другъ у друга, то цѣльность ученія и обрядовой стороны каждой секты постепенно утрачивается позаимствованиями отъ другой. Наибольшей тишичностью отличается секта прикокудовъ, имѣющая и наибольшее распространеніе въ волости Анія. По словамъ вышепомянутаго новообращеннаго члена этой секты Тэно Томпнга обряды секты прикокудовъ заключаются въ слѣдующемъ.

Бракосочетаніе. Въ настоящее время брачующихся благословляетъ членъ секты Андресъ Лидвальдъ, 28 лѣтъ, женатый, бездѣтный, занимающій должность садовника и лѣсничаго на мызѣ Пазикъ. Обрядъ бракосочетанія простой и короткій: брачующіеся становятся предъ Лидвальдомъ на колѣни; онъ прочитываетъ надъ ними текстъ изъ библіи и затѣмъ благословляетъ возложеніемъ рукъ на ихъ головы. Въ тотъ же день члены секты собираются въ домъ новобрачныхъ, которые, смотря по средствамъ, угощаютъ ихъ ѣдой одинъ или два раза. Угощеніе не носитъ характера пиршества и вино безусловно недопускается. О совершеніи браковъ пастору не сообщается и браки нигдѣ не записываются. Новобрачные считаютъ себя обязанными сообщить о вступленіи въ бракъ волостному старшинѣ. Но послѣдній заявилъ, что считая эти браки незаконными, онъ не ведетъ имъ записей.

Крещеніе. Томпнгъ называетъ таинство крещенія — сухимъ обрядомъ. Дѣтей въ воду не погружаютъ и водой не поливаютъ и не окропляютъ. Одинъ изъ сочленовъ секты накладываетъ на младенца руки, читаетъ текстъ Св. Писанія и даетъ имя. Родители заявляютъ о новокрещенномъ волостному старшинѣ, который записываетъ имя младенца въ особую книгу незаконорожденныхъ дѣтей, по его словамъ, для счета прироста населенія.

Причащеніе. Въ булочной покупается сладкій хлѣбъ и разбѣзывается на куски, величиною, чтобы умѣщался во рту безъ отгусыванія. Кусокъ хлѣба зашивается краснымъ виномъ, покупаемымъ въ Ревелѣ. Вино наливается въ серебряную чашу, на подобіе употребляемой въ церкви. Чаша куплена въ одномъ изъ магазиновъ въ Ревелѣ и хранится у старѣйшаго члена секты, который и причащаетъ собратій.

Погребеніе. Тѣло покойника задѣлывается въ гробъ на дому. Хоронять на лютеранскомъ церковномъ кладбищѣ. Передъ опусканіемъ въ могилу одинъ изъ старшихъ членовъ секты трижды посыпаетъ гробъ землей, читаетъ молитвы, а провожающіе покойника поютъ соотвѣствующіе случаю гимны. Пасторъ не препятствуетъ хоронить сектантовъ на церковномъ кладбищѣ. Онъ разъ сказалъ: „можете сами себя погребать, я васъ не знаю и хоронить не буду.“ О каждомъ случаѣ смерти семья покойнаго сообщаетъ волостному старшинѣ.

Такимъ образомъ прикоуды отрицаютъ таинства, церковь и всѣ церковныя установленія, замѣняя ихъ обрядами, ими самими сочиненными, и учрежденія общественныя. Секта эта находится подъ руководствомъ необразованныхъ и даже подчасъ неграмотныхъ людей. Она подрываетъ общественный строй и основанныя на немъ учрежденія, такъ какъ размножаетъ незаконныя сожителства, непризнаваемыя ни церковью, ни закономъ и по этому легко, во всякое время, расторгаемыя, и незаконнорожденныхъ дѣтей, лишенныхъ со дня появленія своего на свѣтъ многихъ изъ тѣхъ правъ, коими пользуются лица, рожденные въ законномъ бракѣ.

Сельская полиція, въ лицѣ волостнаго старшины и его помощниковъ, обязанная наблюдать за исполненіемъ закона въ районѣ, подвѣдомственномъ ея наблюденію, повидимому относится къ этой сектѣ сочувственно, подкупленная послушаніемъ членовъ секты распоряженіямъ начальства, скромною ихъ жизнью и безпрекословною уплатою всѣхъ повинностей и платежей на нихъ налагаемыхъ.

К. С. III—й.

Личныя и имущественныя отношенія супруговъ у эстонцевъ.

Черта общая и народностямъ финскаго племени — гетеризмъ, выражающійся въ свободѣ полового общенія у неженатыхъ, еще до сихъ поръ встрѣчается въ формѣ переживанія у эстонцевъ. Несомнѣнно, что одной изъ причинъ, способствовавшихъ сохраненію этого обычая, было тяжелое экономическое ярмо, такъ долго тяготѣвшее надъ эстонскими крестьянами, истощавшее ихъ и матеріальныя и нравственныя силы. Благодаря недостатку матеріальному — масса молодежи не могла жениться, не рискуя пустить семью по міру, а самому спиться въ конецъ отъ горя и нищеты; благодаря недостатку въ нравственныхъ силахъ, выбитыхъ тяжелой нуждою и постояннымъ униженіемъ — молодежь на половыя общенія привыкла смотрѣть очень легко. Пусть теперь положеніе эстонца стало легче, но это облегченіе во первыхъ произошло еще слишкомъ недавно; оно еще не успѣло затереть, вытѣснить изъ памяти народа и его характера слѣды тяжелаго прошлаго, а во вторыхъ оно еще не могло такъ скоро поправить и тяжелыхъ экономическихъ послѣдствій. Безспорно жизнь эстонца стала легче, но все же и теперь она утомительно однообразна, сумрачна, сѣра; мало свѣту и радости удѣляетъ она эстонцу, мало теплоты, чтобы согрѣть, смягчить, облагородить ихъ взаимныя отношенія, въ которыхъ холодный расчетъ и личная польза теперь такъ сильно доминируютъ.

Парни съ дѣвушками обыкновенно встрѣчаются на вечеринкахъ, на гулянкахъ, которыя лѣтомъ устраиваются подъ открытымъ небомъ, а зимой происходятъ въ домахъ родителей дѣвушекъ, поочередно у каждой изъ нихъ. По окончаніи вечеринки парни обыкновенно провожаютъ дѣвушекъ и очень часто

случается, что провожатый ночуетъ съ той, которую провожалъ. Такъ происходитъ и теперь; старики говорятъ, что въ старицу бывало не въ примѣръ свободнѣе и указываютъ въ доказательство этого на два существовавшихъ прежде обычая. Въ ночь на Ивана Купала, говорятъ они, послѣ того какъ догорятъ костры, парнямъ и дѣвушкамъ разрѣшалось полная свобода полового общенія. Парень могъ выбрать любую и выбранная имъ не была въ правѣ отказать ему. Если же бывало, что одну дѣвушку выбирало нѣсколько парней, то между соперниками начиналась драка и дѣвушка доставалась побѣдителю.

А вотъ и другой обычай — съ ранней весны до поздней осени дѣвушки, какъ и теперь, такъ и тогда, ночевали въ клѣти. Каждую субботу вечеромъ дѣвушки собирались у какой-нибудь изъ своихъ подругъ, украшали клѣть цвѣтами и зеленью, запирались изнутри, причѣмъ вмѣсто обыкновеннаго запора, пропускали въ засовъ лучину. Когда наступала ночь, къ этой клѣти приходили парни, каждый стучался поочередно, говоря, что пришелъ странникъ (иногда: купецъ съ товаромъ) и просится ночевать. Если стучался парень, который былъ по душѣ какой-нибудь дѣвушкѣ, ночевавшей въ клѣти, то эта дѣвушка подходила къ двери и начинала всячески издѣваться надъ стучавшимся и въ концѣ концовъ называла его безсильнымъ мальчишкой. При послѣднихъ словахъ парень толкалъ дверь, лучина съ засова ломалась и парень скрывался въ глубинѣ клѣти съ своей возлюбленной. Такая исторія повторялась до тѣхъ поръ, пока на каждую дѣвушку не приходилось по парню. Затѣмъ свѣтъ въ клѣти тушился и всѣ ложились спать. Если же въ клѣть стучался парень, который не нравился ни одной дѣвушкѣ, то всѣ разомъ начинали издѣваться надъ стучавшимся и не пускали его, припирая дверь плечами . . .

Но такой свободный взглядъ на половую нравственность простирается только на неженатыхъ.

По выходѣ замужъ женщина, равно какъ и мужчина — какъ положительно общее явленіе — рѣшительно отказываются отъ прежняго свободнаго образа жизни и нарушеніе супружеской вѣрности встрѣчается лишь какъ исключеніе. Что касается до взаимныхъ отношеній между супругами, то эстонцы повсюду и безъ всякихъ колебаній заявляютъ, что мужской полъ всегда выше женскаго, однако тутъ же добавляютъ, что „тамъ нѣтъ семьи, гдѣ мужъ не принимаетъ въ расчетъ мнѣнія и совѣтовъ жены.“ И въ дѣйствительности нѣтъ никакихъ внѣшнихъ выраженій подчиненности женщины муж-

чинѣ. Напротивъ того, съ ней съ первой здоровуются, она также, какъ и мужчина, протягиваетъ руку привѣтствующему ее. Что женщина не забита, не подчинена мужчиной, ясно видно въ манерѣ держать себя въ мужскомъ обществѣ съ вполне естественнымъ сохраненіемъ достоинства; она безъ всякаго смущенія и застѣчивости садится на стулъ и говоритъ также свободно, какъ мужчина. Только самый характеръ дѣятельности женщины, ея работа въ семьѣ въ общественномъ отношеніи выдвигаетъ впередъ мужчину, ставя первую, какъ бы въ подчиненное положеніе. Такое положеніе мужа и жены относительно семьи, ихъ относительное равенство по существу и вышнее преобладаніе мужчины выражено эстонцами въ пословицѣ: „мужъ приноситъ въ домъ — жена замокъ дома.“ Однако нельзя сказать, чтобы эта пословица совершенно вѣрно характеризовала и исчерпывала самый родъ дѣятельности женщины въ семьѣ. Правда, все внутреннее управленіе домомъ лежитъ на ней; храненіе имущества, забота о благоустройствѣ — ея исключительная обязанность, и въ этомъ смыслѣ названіе, которое дается ей пословицей какъ нельзя лучше подходитъ къ ней. Но помимо этого, она наравнѣ съ мужчиной исполняетъ и все то, что разумѣется подъ словомъ „приносить въ домъ.“ Въ рабочую пору — она вмѣстѣ съ мужемъ пополамъ дѣлитъ всѣ полевые работы . . . и только зимой дѣятельность мужа и жены получаетъ разные характеры. На перваго ложатся всѣ тяжелыя работы — привозъ дровъ, расчистка сѣнга, починка дома и орудій; женщина же вся уходитъ во внутреннюю жизнь дома, приготовляетъ, починаятъ одежду, няньчится съ дѣтьми . . .

Если мужчина и первенствуетъ въ общественномъ отношеніи, то только потому, что онъ является представителемъ хозяйства: на его имя записывается арендный участокъ. Онъ охраняетъ его и несетъ за него отвѣтственность. Въ виду послѣдняго такимъ образомъ и объясняется тотъ исконный взглядъ, что мужъ доминируетъ въ семьѣ, а жена безпрекословно должна подчиняться мужу. Но надѣлая мужа правами, общественное мнѣніе требуетъ отъ него и исполненія обязанностей. Такъ онъ обязанъ содержать семью, онъ отвѣчаетъ за поведеніе и проступки жены и его упрекаютъ за легкомысліе и непорядочную жизнь жены. Взглядъ на то, что мужъ руководитель, глава и хозяинъ, а жена лишь пособница его въ веденіи хозяйства, составляетъ общее, глубокое убѣжденіе. И поэтому съ отѣнкомъ презрѣнія и насмѣшки крестьяне отзываются о тѣхъ мужьяхъ, которые по той или иной причинѣ подчиняются своей женѣ. А

чтобы жена не выходила из повиновения, народный обычай разрешает мужу за провинности жены, побить последнюю в случае надобности кнутомъ, но подобную дисциплинарную расправу рекомендуется производить не публично, а втихомолку. — Вот какой строй жизни существуетъ въ семьяхъ нормальныхъ, тихихъ и мирныхъ. Но если вспомнимъ ту непримечательную обстановку, въ которой приходится жить эстонцу, его полнѣйшую экономическую необезпеченность и проистекающія отсюда временами пьянство и особенно грубость нрава, то мы найдемъ объясненіе и частымъ уклоненіямъ отъ указанной нормы, уклоненіямъ, къ которымъ приглядѣлись эстонцы и едва-ли смущаются ими. Такъ на вопросъ, бываютъ ли случаи, чтобы мужъ жестоко обращался съ женой, всегда получаешь отвѣтъ, что это очень часто бываетъ, бываетъ даже, что мужья, вернувшись домой пьяными, истязаютъ своихъ женъ. Едва ли, что нужно добавить къ разъясненію этого печальнаго факта — ясно, что дѣйствующими стимулами къ такого рода поведенію является за-грубѣлость, недовольство своимъ положеніемъ, и въ то же время сознаніе невозможности вырваться, устроиться лучше. Что же касается до того, какія средства имѣетъ женщина для защиты отъ насилія мужа, то на этотъ вопросъ намъ отвѣчали, что жены часто уходятъ отъ мужей, не вынося ихъ жестокаго обращенія. Но врядъ ли это средство является волюш дѣйствительнымъ, такъ какъ кромѣ того, что мужъ имѣетъ закономъ утвержденную власть удержать или потребовать назадъ ушедшую жену, кромѣ этого женѣ часто некуда бываетъ уйти. Хорошо, если у нея есть родные, но и тутъ не всегда мызное управленіе разрешаетъ принять лишняго человѣка на арендный участокъ. Въ прежнее, до реформенное время жены прибѣгали, какъ къ крайней мѣрѣ, къ жалобѣ помѣщику на жестокости мужей, и помѣщики въ копошняхъ воздавали крестьянамъ за жестокость, но едва-ли это средство достигало цѣли, едва-ли послѣ безчестія и истязанія на мызной копошнѣ, могъ водвориться миръ въ той же убогой и голодной семьѣ. Иногда за беззащитную женщину вступаются сосѣди и обращаются къ пастору съ жалобой на мужа, или сами своимъ вмѣшательствомъ пытаются смирить раздраженнаго мужа.

Какъ было сказано выше, нарушеніе супружеской вѣрности случается рѣдко, но если случаются подобные проступки, то за тѣмъ и за другимъ изъ супруговъ народомъ признается право бросить провинившагося. Въ старое болѣе отдаленное время мужъ не только могъ прогнать свою невѣрную жену, но даже отравить ее и народъ къ такому поступку мужа относился снисходительно, не выдавалъ

виновнаго властямъ, представляя все на его собственную совѣсть. Подобное отношеніе народа проистекаетъ изъ народнаго взгляда на прелюбодѣйную жену, какъ на женщину, заслуживающую полнаго презрѣнія, взгляда, нашедшаго себѣ отраженіе и въ вѣрваніяхъ народныхъ, которыя въ загробной жизни общають невѣрной женѣ страшныя мученія, какъ великой грѣшницѣ. Души такихъ женъ обречены на скитанье по землѣ, онѣ принимаютъ виды различныхъ животныхъ, на примѣръ: бѣлой четырехглазой собаки, теленка, гуся: онѣ пугаютъ людей, беспокоятъ ихъ и люди мстятъ имъ за это гоненіемъ: когда же исполнится срокъ, ихъ, по однимъ рассказамъ, ихъ пожираютъ адскіе волки, по другимъ они низвергаются въ вѣчно кипящее сѣрное озеро.

И въ вопросѣ о супружеской вѣрности народное воззрѣніе болѣе снисходительно къ мужчине, чѣмъ къ женщинѣ. Если послѣднюю клеймятъ позоромъ въ настоящей жизни и грозятъ особенно изысканной мукой на томъ свѣтѣ, то паденіе мужа считается легкимъ грѣхомъ и во всякомъ случаѣ скорѣе обвиняють не его, а ту женщину, съ которой онъ сошелся. — „Она знала,“ говорятъ про нее, „что онъ женатъ, зачѣмъ соблазнила его, зачѣмъ допустила его до себя, парней много — на дѣвушекъ хватить, для вдовъ — есть вдовцы, а жены должны жить съ своими мужьями, а не соблазнять чужихъ.“ Въ виду такого отношенія народа къ грѣху женщины и общихъ взглядовъ — случаи нарушенія супружеской вѣрности весьма рѣдки. Если они и случаются, то рѣдко ограничиваются одной измѣной обыкновенно за такой измѣной слѣдуетъ преступленіе и трагическая развязка.

Намъ передавали два случая, иллюстрирующіе судьбу женщины въ такихъ условіяхъ.

Въ Выхмѣ Везенбергскаго уѣзда въ недавнемъ прошломъ одна женщина возненавидѣла своего мужа и послѣ долгой борьбы сошлась съ крестьяниномъ той же деревни. Мужъ преслѣдовалъ, билъ, позорилъ жену, которая наконецъ, чтобы избавиться отъ ненавистнаго мужа вшла ему въ ухо ядъ. Другой случай подобнаго же содержанія, но имѣетъ нѣсколько иную развязку. Тутъ жена сама не вынесла своего позора и во время обѣдни на Благовѣщенье повѣсилась въ амбарѣ.

Имущественныя отношенія супруговъ могутъ быть сравнены съ римской дотальной системой и германской *Güter-einheit*. По римской дотальной системѣ жена или ея родственники приносятъ приданое „*dos*“ въ обезпеченіе издержекъ семейной жизни, а мужъ предбрачный даръ — *ante nuptias donatio*.

Кромѣ приданаго и дара у супруговъ могло быть и другое имущество, но *dos* и *ante nuptias donatio*, составляли брачное имущество, которое находилось въ управленіи мужа и изъ доходовъ котораго обезпечивались нужды брачной жизни. Право мужа управлять имуществомъ было ограничено въ томъ смыслѣ, что брачное имущество должно быть сохранено въ цѣлости, ибо имъ обезпечивалось содержаніе семейства. Конструкція германскаго *Gütereinheit**) такъ: бракъ производитъ соединеніе жизни, поэтому цѣлямъ брака должно служить имущество той и другой стороны. Разница этой системы отъ дотальной состоитъ въ томъ, что здѣсь цѣлямъ брака должно служить все имущество супруговъ, причемъ цѣли брака понимаются гораздо шире, чѣмъ по римскому праву. Соединенное имущество обезпечиваетъ не одни только издержки по дому и воспитанію дѣтей, но можетъ служить и для другихъ цѣлей (напр. промышленныхъ предпріятій). Права мужа и жены на это соединенное имущество не мѣняются въ бракѣ; жена собственница своего имущества, но пока продолжается бракъ, хозяйничаетъ и распоряжается имуществомъ мужъ. Обращаясь къ имущественнымъ отношеніямъ супруговъ у эстонцевъ, мы находимъ здѣсь и „*dos*“ и „*ante nuptias donatio*“, но эти двѣ составныя части имущества супруговъ не имѣютъ такого спеціальнаго назначенія какъ у римлянъ, а сливаются съ прямымъ имуществомъ и вмѣстѣ съ нимъ являются тѣмъ же, чѣмъ было „*Gütereinheit*“ у германцевъ. У эстонскихъ супруговъ существуетъ общехозяйственное имущество, главное управленіе и распоряженіе которымъ лежатъ на мужчинѣ, какъ на представителѣ хозяйства. Но составныя начала общей массы хозяйственнаго имущества, фактически слитыхъ въ единое цѣльное, юридически продолжаютъ существовать самостоятельно. Такъ въ общественномъ имуществѣ *de jure* существуютъ слѣдующія части.

Основу его составляетъ первоначальное имущество мужа, какъ главный фондъ хозяйственной единицы. Входящей частью является имущество, вносимое женщиной, вступающей въ семью. Эта входящая часть состоитъ въ свою очередь изъ трехъ частей: 1) приданое: *веймевакъ* — приданое въ общемъ смыслѣ; *казараха* — денежное приданое (*каза* — вмѣстѣ); *раха* — деньги: деньги взятые вмѣстѣ съ невестой) 2) *Прутандъ* — предбрачный даръ (*кезираха*, *килантъ Везенб. нарѣч.*) и наконецъ въ 3) наследственная доля жены, оставшаяся послѣ смерти родителей или родст-

*) Герберъ — *System des deutschen Privatrechts*; „*Gütergemeinschaft*“ — Бруннеръ.

венниковъ ея. Остановимся подробнѣе на этихъ видахъ имущества, вносимаго женщиной въ хозяйство.

Прутаидъ — предбрачный даръ. Обычай дарить невѣстѣ предъ свадьбой существуетъ у эстонцевъ съ давнихъ поръ и этотъ обычай не только не выходитъ изъ употребленія, но въ настоящее время замѣчается даже большее развитіе прутаида сравнительно съ тѣмъ, что было въ недавнее прошлое. Такъ въ Венденѣ (волость) намъ указали, что отецъ одного изъ присутствовавшихъ съ нами крестьянъ ничего не далъ въ даръ невѣстѣ, а сынъ, несмотря на свою бѣдность, далъ своей невѣстѣ 10 рублей. Прежде максимальные размѣры прутаида не превышали 30 рублей, теперь же размѣры его возрасли вдвое. Возрастаніе размѣровъ прутаида объясняютъ не столько улучшеніемъ экономическаго состоянія, сколько увеличившейся свободой распоряженія своимъ имуществомъ, меньшимъ стѣсненіемъ естественныхъ народныхъ вкусовъ и желаній. Если прежде, при почти полномъ отсутствіи у народа денегъ, крестьянинъ ничѣмъ не смѣлъ выказать своего ничтожнаго излишка, изъ опасенія лишиться его и подвергнуть себя притѣсненіямъ и излишнимъ взысканіямъ, то теперь такого стѣсненія не стало и крестьяне стараются даже щегольнуть прутаидомъ, находя соотвѣтствіе между размѣромъ послѣдняго и „честью жениха.“ Увеличеніе прутаида замѣчается повсемѣстно, причемъ замѣчается также тенденція замѣнить прежніе подарки (вещи) — деньгами. Деньги по мнѣнію крестьянъ предпочтительнѣе вещей потому, что невѣста имѣетъ въ такомъ случаѣ возможность по собственному вкусу купить себѣ все нужное. Дается прутаидъ, по словамъ крестьянъ, съ тою цѣлью, чтобы вышшимъ образомъ скрѣпить договоръ — „передать сердце.“ Время передачи прутаида вполне соотвѣтствуетъ этому моменту. Прутаидъ дается женихомъ послѣ того, какъ невѣста и родители ея изъявляютъ свое согласіе на бракъ, а согласіе это выражается принятіемъ водки отъ сватовъ. Когда водка принята, является уже самъ женихъ и передаетъ прутаидъ невѣстѣ, (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ женихъ тутъ даетъ только часть прутаида, а другую часть передаетъ уже брачною ночью наединѣ). Необходимыя для прутаида деньги женихъ или самъ зарабатываетъ, либо занимаетъ у отца и частныхъ людей. Скотъ въ составъ прутаида никогда не входитъ. Прутаидъ составляютъ лишь такія вещи, которыя, по преимуществу, нужны женщинѣ. До замужества прутаидъ принадлежитъ только невѣстѣ и родители послѣдней никакихъ правъ на него не имѣютъ. Послѣ же замужества прутаидъ во всемъ составѣ идетъ въ общее хозяйственное имущество, сохраняя

всетаки свои индивидуальныя черты и составляя какъ бы преимущественную собственность жены. Послѣднѣе доказывается тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ т. напр. въ Венденѣ, когда жена умираетъ вскорѣ послѣ свадьбы, не оставляя дѣтей, то прутацдъ дѣлится на 3 части: $\frac{1}{3}$ часть мужу, а $\frac{2}{3}$ родителямъ умершей. Если у умершей жены остались дочери, то прутацдъ весь переходитъ только имъ (Масау). При оставшихся сыновьяхъ, прутацдъ дѣлится поровну между мужемъ и дѣтьми. Хотя указанныя правила и не составляютъ общаго обычая во всей Эстляндіи, (они варьируютъ по мѣстностямъ), тѣмъ не менѣе изъ всѣхъ варіацій можно заключить, что прутацдъ, какъ доля, вносимая женой въ общее имущество не исчезаетъ безслѣдно въ хозяйственной массѣ, а сохраняетъ свои индивидуальныя черты и не разрываетъ своей внутренней связи съ женой, какъ истинной собственницей его, хотя впрочемъ ограниченной въ правѣ распоряженія, такъ какъ при жизни мужа жена не можетъ отчуждать прутацда. По смерти же мужа прутацдъ становится исключительной собственностью жены.

Приданое. Касаясь вопроса о составѣ приданаго, должно сказать, что въ общемъ не существуетъ зависимости между размѣрами приданаго и состояніемъ жениха, точно такъ-же какъ на величину приданаго нисколько не вліяетъ размѣръ прутацда. Бѣдные родители невѣсты въ долги не входятъ для составленія приданаго, а даютъ сколько могутъ и хотятъ, причемъ приданое собираютъ только родители; родственники въ немъ никакого участія не принимаютъ. Въ виду того, что приданое предназначается для нуждъ семьи и какъ бы служить средствомъ поддержки новаго хозяйства, то и составъ его заключается изъ того, что крайне необходимо для хозяйства. Такъ одной изъ существеннѣйшихъ частей приданаго является корова или вообще скотъ, который приводится на дворъ молодыхъ или тотчасъ послѣ брака или иногда полгода и годъ спустя. Этотъ промежутокъ времени, это неисполненіе тотчасъ обѣщанія, крестьяне объясняютъ тѣмъ, что у бѣдныхъ, въ новомъ хозяйствѣ, можетъ не быть достаточнаго количества корму для скота; за годъ же они могутъ обзавестись необходимымъ. Если же женихъ состоятеленъ, то родители невѣсты могутъ задержать скотъ даже въ теченіи 3-хъ лѣтъ, уже ради своей выгоды. Бываютъ случаи, что женихъ самъ отказывается отъ скота въ пользу бѣдныхъ родителей невѣсты. Кромѣ скота въ составъ приданаго входитъ отъ 2—4 четвертей ржи, сашу, телѣга, домашняя утварь, инструменты ткацкаго производства. Если все перечисленное входитъ въ составъ прида-

наго въ силу практической необходимости, какъ предметы новаго хозяйственнаго обзаведенія, и если у бѣдныхъ въ составъ приданаго входятъ не всѣ, а только нѣкоторые изъ перечисленныхъ предметовъ, то въ составѣ приданаго есть такія части, которыя характерны и являются уже необходимыми частями приданнаго, какъ у бѣдныхъ, такъ и у богатыхъ. Это именно — такъ называемый пруди-киреть (приданный сундукъ) и вейме-вакъ (корзина съ подарками, раздаваемыми невѣстой). Въ болѣе зажиточныхъ семьяхъ пруди киреть начинаютъ собирать съ самаго рожденія дѣвочки. Въ него входятъ: — бѣлье, платье, одинъ пудъ и больше льна, полотно, матеріи, шерсть, наряды и украшенія и непременно нѣсколько „найсте-мицить“ — головныхъ уборовъ замужнихъ женщинъ. Въ составъ приданаго входятъ и деньги.

Все приданое везется за невѣстой въ домъ женпха послѣ свадьбы. Никакихъ условій о приданомъ не заключается между женихомъ и родителями. Обыкновенно отецъ невѣсты даетъ обѣщаніе объ извѣстномъ составѣ приданаго и самъ исполняетъ его безъ принужденія суда. Хотя въ данномъ случай воля отца, дающаго приданое, не стѣснена его обѣщаніемъ. Такъ бывають случаи, что отецъ удерживаетъ приданое и за новобрачными не признается права требовать его выдачи; эта задержка выдачи приданаго обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, когда отецъ недоволенъ жизнью молодыхъ и употребляется какъ наказаніе. Такъ одинъ эстонецъ въ Венденѣ обѣщаль дать между прочимъ 50 рублей приданаго, но замѣтивъ разладъ въ новой семьѣ, онъ отказался дать ихъ до водворенія мира. Но подобныя задержки не одобряются народомъ, такъ какъ каждый отецъ, говорятъ крестьяне, долженъ заранѣе знать, за кого онъ выдаетъ свою дочь.

Приданое предназначается для общехозяйственныхъ цѣлей и женщина относительно его имѣетъ не больше правъ, чѣмъ относительно и прочаго хозяйственнаго имущества. Но оно такъ-же, какъ и прутандъ, *de jure* всетаки составляетъ собственность жены, такъ какъ послѣ ея смерти оно все переходитъ къ дѣтямъ, между которыми и дѣлится поровну. Для иллюстраціи послѣдняго положенія, приведемъ выписку изъ книгъ Егелехтскаго волостнаго суда изъ дѣла за № 120. Янъ Миковъ Мазикасъ изъ волости Колькъ, братъ умершей жены Яна Квайрисмя, Лены, проситъ Судъ не выдавать Яну Квайрисмя письменнаго разрѣшенія на вступленіе во второй бракъ до тѣхъ поръ, пока, упомянутый Квайрисмя, не дастъ своимъ двумъ малолѣтнимъ дѣтямъ по 15 рублей каждому, и не положить этихъ денегъ

до совершеннолѣтія дѣтей для охраны въ судъ и пока Квайрисмя не сдастъ ему, Мазикасу, ящикъ умершей матери этихъ дѣтей со всѣми тамъ находящимися вещами на храненіе до достиженія дѣтьми совершеннолѣтія, такъ какъ послѣ смерти жены Яна Квайрисмя — Лены, осталось это приданое.

Что касается то третьей части имущества жены — именно наслѣдственной доли послѣдней, доставшейся ей послѣ смерти ея родителей или родственниковъ, то и эта доля также какъ и прутапдъ и приданное юридически является собственностью жены, и такъ-же, какъ они, входитъ въ общую массу семейнаго имущества, на удовлетвореніе хозяйственныхъ нуждъ, и жена этой долей, какъ прочими видами своего имущества, не можетъ распоряжаться самовольно, безъ согласія мужа.

А. Солодовниковъ.

Отношеніе родителей и дѣтей у эстонцевъ.

При изученіи внутреннихъ сторонъ народной жизни, при изслѣдованіи вопросовъ, затрагивающихъ, такъ сказать, самое существо и содержаніе жизни, естественно приходится сталкиваться съ рѣзкою, часто противорѣчивою двойственностью. Съ одной стороны приходится выслушивать тихое и спокойное описаніе мирной и благодатной жизни, почти не нарушаемой невзгодами и не возмутимо проходящей въ вѣкомъ созданномъ порядкѣ, а съ другой стороны при личномъ наблюденіи и при окольныхъ разсирсахъ рѣзко выступаетъ иная картина жизни, далеко не схожая съ тѣми симпатичными и мягкими описаніями, которыя приходилось слышать. Только послѣ внимательнаго изученія открывается дѣйствительность со всѣми ея неприглядными и темными сторонами, а прежнія описанія и разказы являются лишь иллюстраціей и толкованіемъ народнаго идеала, его желаемой мечты. То что въ массѣ народной считается желательнымъ и нормальнымъ, хотя бы это и не осуществлялось въ жизни, передается ея представителями за самую дѣйствительность. Часто приходилось замѣчать, какъ крестьянскіе-разсказчикъ, подходя къ печальному явленію, хотя бы и логично вытекающему изъ всего предшествовавшаго, явленію, вызванному цѣлымъ рядомъ ненормальныхъ бытовыхъ и экономическихъ условій, тщательно обходитъ его и на мѣсто факта жизненной дѣйствительности передаетъ свою мечту, свой желаемый идеаль.

Откуда бы ни слагался этотъ идеальнй желаемый взглядъ на условія жизни, будь его источникомъ положенія ходячей морали или наставленія съ церковной кафедрѣ, или этотъ идеаль вызванъ самою жизнью, недовольствомъ существующихъ условій, во всякомъ случаѣ онъ является весьма дорогимъ для полноты представленія о жизни народа въ широкомъ ея смыслѣ т. е. для изученія бытовыхъ условій въ ихъ дѣйствительности подчасъ

болѣе чѣмъ безотрадной, и тѣхъ-же условій въ ихъ нормальномъ видѣ.

Къ подобнымъ интимнымъ вопросамъ народной жизни относится безъ сомнѣнія и вопросъ объ отношеніяхъ родителей и дѣтей. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы постараемся передать дѣйствительность такъ, какъ она намъ представилась и рядомъ съ этимъ постараемся указать, что и какія условія народъ считаетъ нормальными.

Жизнь эстонскаго крестьянина представляется крайне простой незатѣливой, какъ въ ея внутреннемъ содержаніи, такъ и во внѣшнихъ проявленіяхъ. Кажется все въ ней припаровлено къ удовлетворенію однихъ лишь самыхъ насущныхъ необходимыхъ матеріальныхъ практическихъ нуждъ, для внутреннихъ же культурно-нравственныхъ запросовъ въ ней не остается ни мѣста, ни средствъ къ удовлетворенію. Все, что хотя нѣсколько выходитъ за предѣлы необходимаго и насущнаго, будь это вполнѣ естественный и законный вопросъ человѣческаго духа, все это отбрасывается, какъ не примѣнимое, какъ идущее въ разрѣзъ съ твердо установившимся условіями жизни этонца. И эта узкость и крайняя простота, эта жизнь, такъ сказать, безъ всякихъ прикрасъ, сложилась не по тому, что эстонецъ не сумѣлъ или не способенъ создать такія условія, въ которыхъ бы сказалась его индивидуальность, выразилась съ большей или меньшей полнотой его вкусы, взгляды, а лишь по тому, что эта жизнь развивалась въ такихъ условіяхъ, которыя, стѣсняя свободу народа, приковывали его мысль и вниманіе къ обезпеченію и сохраненію лишь того, что безусловно нужно для самой скудной жизни. Два фактора главнымъ образомъ вліяли на содержаніе и форму быта эстовъ — это: экономическая необезпеченность и полная зависимость отъ помѣщика. Народу, подавленному властью арендодателя, не увѣренному даже въ самое близкое будущее, очевидно не приходилось вносить много индивидуальнаго въ жизнь, которая поэтому шла своимъ чередомъ и слагалась помимо ея участія. Ея формы и условія создавались не національными особенностями эстонцевъ, а горькою экономическою нуждою, и обезцвѣчивались, лишались красоты и національности желѣзною властью помѣщиковъ.

Заботы народа, лишоннаго свободы, были направлены не на то, чтобы улучшать свои жизненные условія, а лишь на то,

чтобы приладиться, примѣниться къ тому, что требовалось отъ него власть — имущими. Намъ кажется, что этою подавленностью въ пародѣ его индивидуальности, требовашемъ безответнаго повиновенія тяготящей надъ нимъ власти и объясняется почти полное отсутствіе какихъ бы то ни было обычаевъ и обрядовъ въ обыденной и всегда будничной жизни эстонцевъ. Эта торопливая, спѣшная жизнь не даетъ свободнаго времени для выполненія длиннаго ритуала, обычая. Вся эта излишняя роскошь отбрасывается вонъ и остается одно простое, безъ всякихъ прикрасъ.

У всѣхъ народностей, по мѣрѣ ихъ развитія, ритуаль и обрядности, хотя медленно, но неудержимо исчезаютъ. Переживанія давно минувшей дѣйствительности утрачиваютъ свой внутренній смыслъ и обращаются лишь въ опредѣленную форму, которой народъ дорожить, если не по воспоминаніямъ и суевѣрнымъ опасеніямъ, то по крайней мѣрѣ любить эту форму по старой привычкѣ, дорожить ею и пользуется ею потому, что она удовлетворяетъ его нравственному запросу, даетъ ему случай отдохнуть, отрѣшиться на время отъ обыденной жизни. — Если подобные обряды и формальные обычаи и отживаютъ, то только потому, что новая жизнь, съ новыми условіями, даетъ народу новыя средства къ удовлетворенію его нравственныхъ запросовъ и наконецъ и сами эти запросы измѣняютъ своему существу — формальные и сложные отношенія прежняго времени замѣняются естественными и простыми болѣе пригодными отношеніями къ новымъ условіямъ. — Словомъ, въ исчезновеніи обрядовъ и формального обычая, (нодъ послѣднимъ мы понимаемъ не норму, въ которой выразилась юридическая практика народа, а лишь виѣшнюю условную форму, сопровождающая всякій юридическій актъ народнои жизни) мы видимъ лишь переходъ съ нисшей ступени развитія на вышнюю. Въ Эстляндіи же этого не было. Въ томъ фактѣ, что у эстовъ не сохранилось въ настоящее время обычаевъ нельзя видѣть культурнаго факта. Это не есть признаніе того, что эстонцы въ своемъ культурномъ ростѣ давно прошли то время, когда народу нуженъ былъ обрядъ и форма. Нѣтъ. Въ виду того, что этому народу постороннія, давяція силы не дали возможности сложить свои обычаи для урегулированія своихъ юридическихъ отношеній, въ виду того, что чужой произволь вторгался въ самыя завѣтныя стороны жизни народа, въ виду того, что народу для сохраненія самаго необходимаго и дорогого приходилось тщательно прятать и скрывать отъ проныцательныхъ глазъ мызнаго управленія все, что хотя ничтожно

превышало самый ничтожный *existents minimum*, если только когда либо о нем заботились. Въ виду такого положенія мы понимаемъ, что отсутствіе обычая и обряда у эстонцевъ является фактомъ не столько развитія, сколько насилія. Обряды у эстонцевъ были, объ этомъ свидѣлствуютъ хотя бы обрывки свадебнаго ритуала; намъ показывали въ Катентакъ (Везенбергскаго уѣзда) короткую ржавую желѣзную саблю, съ которой въ недавнее время посаженный отецъ жениха, сопровождая послѣдняго въ домъ невѣсты, дѣлалъ крестообразные знаки на дверяхъ и окнахъ новаго жилища молодыхъ. Но эти обряды носятъ чисто случайный характеръ и по своей бѣдности и ничтожности врядъ ли могутъ дать цѣльное представленіе о жизни эстовъ. Намъ кажется, что наше общее положеніе объ отсутствіи обычаевъ и обрядовъ у эстовъ не нарушается тѣмъ фактомъ, что крестьянское населеніе Эстляндіи распадается на двѣ неравныя части. Къ одной бѣльшей относится бѣльшая часть арендаторовъ характерной чертой положенія которыхъ является крайняя экономическая необеспеченность и полная зависимость отъ помѣщиковъ, къ другой же меньшей части принадлежатъ собственники и болѣе или менѣе зажиточные арендаторы. Послѣдняя категорія эстонскаго населенія поражаетъ своей обеспеченностью, временами даже роскошью обстановки, такъ намъ приходилось видѣть разбогатѣвшихъ крестьянъ, устраивающихъ свои жилища отнюдь не съ меньшимъ комфортомъ, чѣмъ наши помѣщики средней руки; приходилось встрѣчать крестьянъ, выписывающихъ себѣ по двѣ газеты (Выхма, Везенбергскаго уѣзда). У богатыхъ арендаторовъ, кромѣ полного благоустройства въ хозяйствѣ, встрѣчали мы по городски убранныя комнаты, съ мягкими стульями, гардинами на окнахъ и роскошными фотографіями Петербургскихъ артистовъ (Катентакъ). Подобныя условія и обстановка, хотя и указываютъ на полную независимость и самостоятельность, однако они и таковы, что отнюдь не благопріятствуютъ поддержанію или развитію обычнаго нрава. Выйдя тѣмъ или инымъ путемъ изъ темной, нищей массы въ положеніе независимое, войдя въ непосредственное отношеніе съ городской жизнью, подобные счастливые хозяева во первыхъ: теряютъ связь съ остальной народной массой, а во вторыхъ: имъ въ ихъ новой болѣе выгодной обстановкѣ, нѣтъ основанія удерживать жалкіе обрывки того изъ обычаевъ и обрядовъ, что случайно сохранилось въ народѣ. Они напр. хранятъ старую саблю, какъ вещь переданную стариками, показываютъ ее съ благодушной улыбкой посѣтителю, съ нѣкоторымъ удивленіемъ передаютъ рассказы, въ которыхъ

эта сабля играет роль. Мы хотимъ сказать, что эти счастливыцы изъ эстонцевъ, которые сумѣли устроить свою жизнь лучше, чѣмъ ихъ остальная братія, вышли изъ той же забитой и подневольной массы, у которой теперь нѣтъ ни обычая ни обряда, а слѣдовательно и они не могутъ ихъ имѣть. Сейчасъ мы указали на причины отсутствія обряда у эстовъ. Почему же не создали они нормъ обычнаго права, для руководства въ обыденной жизни? На это отвѣтимъ тѣмъ же. Если помѣщикъ отъ каждаго подчиненнаго ему крестьянина требовалъ всего, поглащаль такъ сказать всю его жизнь, то очевидно отношенія крестьянина главнымъ и почти исключительнымъ образомъ касались того же помѣщика, съ которымъ никакихъ обычаевъ и сдѣлокъ быть не могло, а все регулировалось желаніемъ, интересомъ и произволомъ сильной стороны. Этотъ же произволъ вторгался и въ частныя отношенія между самими крестьянами. Если народъ желалъ что либо сохранить, то это возможно было лишь подъ условіемъ строжайшей тайны. А одно изъ существенныхъ условій обычая это его гласность, иначе мы получимъ рядъ отдѣльныхъ, разрозненныхъ случаевъ, которые не создадутъ обычая въ техническомъ смыслѣ слова. Съ 1856 году вводится Положеніе о крестьянахъ Эстл. губ., которое стремится охватить взаимное отношеніе помѣщика и крестьянина и такимъ образомъ окончательно отнимаетъ почву для развитія обычая.

Все вышележенное находитъ себѣ подтвержденіе въ существующихъ нынѣ отношеніяхъ родителей и дѣтей. Здѣсь мы не встрѣтимъ вѣками освященныхъ формъ, въ которыхъ внѣшнимъ образомъ выражались бы внутреннія отношенія родителей и дѣтей, или, если не самое внутреннее содержаніе, то, по крайней мѣрѣ, отражались бы взгляды на желаемыя отношенія. Не встрѣтимъ мы при распросѣ крестьянъ и воспоминанія о давно миновавшей лучшей порѣ, когда крѣпче была связь родителей и дѣтей; прошлое мало помнить эстонецъ и не охотно отдается воспоминаніямъ, можетъ быть потому, что въ этихъ воспоминаніяхъ мало утѣшительнаго, а можетъ быть и потому, что настоящее, съ постоянными неисходными заботами не даетъ возможности мечтать о несбыточномъ и поглощаетъ все его интересы. Безыскусственный рассказъ эстонца объ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ можно передать въ такомъ видѣ. Отношенія родителей къ дѣтямъ складываются въ зависимости отъ условій каждой отдѣльной семьи. Если эстонцы съ особенною симпатіею передаютъ случаи когда старики спокойно доживаютъ свои дни, окруженные выросшими и ставшими на ноги дѣтьми, то они не

проходятъ молчаніемъ и тѣхъ случаевъ, когда возросшій сынъ, ставъ хозяиномъ, выгоняетъ отца и терпитъ старуху мать какъ работницу.

Въ виду того, что одною изъ существеннѣйшихъ чертъ быта эстонцевъ является крайняя экономическая необеспеченность, то вопросъ о томъ, какъ смотрятъ эстонцы на дѣтей, желательны ли они, или являются лишней тяготой, представляется весьма интереснымъ. (Сводя во одно все разнообразныя отвѣты, данныя намъ по этому вопросу въ уѣздахъ Гапсальскомъ, Везенбергскомъ и Ревельскомъ, мы получимъ слѣдующую картину. Дѣти вообще являются желаемымъ даромъ Божиимъ и не имѣніе ихъ почитается несчастіемъ. Женщины, неимѣющія дѣтей пользуются общимъ сожалѣніемъ, какъ обездоленные, обдѣленные; безплодіе считается наказаніемъ Божиимъ и поэтому средствъ для его прекращенія не употребляется. Одна старая эстонка живущая съ своимъ больнымъ мужемъ въ поразительной нищетѣ и убожествѣ, не сдерживая слезъ, высказалась такъ: „пускай тяжело и голодно бываетъ съ дѣтьми, но неимѣніе ихъ есть несчастіе, но еще большимъ несчастіемъ является ихъ смерть.“ Болѣе спокойное и практическое мнѣніе по этому вопросу одинъ крестьянинъ формулировалъ такъ: „одни считаютъ дѣтей даромъ Божиимъ и видятъ въ нихъ особое благословіе Бога, другіе желаютъ дѣтей, какъ естественныхъ наслѣдниковъ нажитаго добра (это по преимуществу люди состоятельные) и, наконецъ, третьи видятъ въ дѣтяхъ наказаніе. Если послѣднее мнѣніе и существуетъ, то во всякомъ случаѣ его нельзя считать глубоко укоренившимся, такъ какъ мѣръ борьбы или противодѣйствія этому „несчастію“ среди эстонцевъ почти не встрѣчаемъ. Такъ прекращеніе плодovitости или плодoизгнаніе среди семейныхъ по утверженію крестьянъ не бываетъ. Въ Венденской волости Гапсальскаго уѣзда указали только на одинъ случай, такъ и оставшіяся необъяснимыхъ для самихъ крестьянъ. Одинъ крестьянинъ, имѣвшій 6 человѣкъ дѣтей, при чемъ послѣднему было 10 лѣтъ, добывъ изъ города плодoгошное средство, изгналъ плодъ у своей жены беременной по 1-му мѣсяцу. Люди эти средней состоятельности. Этотъ фактъ объясняютъ тѣмъ, что супруги, считая себя уже престарѣлыми (и тому и другой было по 50 лѣтъ) совѣстились будто бы въ такихъ преклонныхъ годахъ имѣть еще дѣтей. (!?) Это обстоятельство передавалось намъ, какъ фактъ изъ ряду выходящій. Если плодoизгнаніе и существуетъ, то только при незаконной связи. Дѣвушки, „чтобы скрыть позоръ“ прибѣгаютъ къ различнымъ средствамъ, которыя по преимуществу получаютъ

изъ города; мѣстныхъ знахарей почти не существуетъ. Въ Венденской волости указывали, что недавно въ ихъ мѣстахъ была „баба“, помогавшая „согрѣшившимъ“ дѣвушкамъ, по теперь ее уже нѣтъ; въ Выхмѣ Везенбергскаго уѣзда есть „дѣчителицы животныхъ“, которыя даютъ совѣты и средства обращающимся къ нимъ дѣвушкамъ, но чѣмъ онѣ пользуются — неизвѣстно. — Изъ приведеннаго видно, что нищета и бѣдность не вооружаютъ эстонца противъ дѣтей и даже напротивъ дѣти часто скрашиваютъ однообразную и тоскливую жизнь эстонца. Если на долю эстонца иногда и выпадаетъ полное довольство своей судьбой и счастьемъ, то именно въ томъ случаѣ, когда первымъ рождается сынъ, а при дальнѣйшихъ рожденіяхъ сохраняется равное отношеніе между мальчиками и дѣвочками. Но и тутъ, когда, кажется, можно бы было забыть невзгоды будничной жизни и такъ или иначе ознаменовать счастливый день, эстонецъ не находитъ времени для какихъ бы то ни было обрядовыхъ дѣйствій, суевѣрныхъ представленій (если впрочемъ не считать того, что родившійся въ 12 часовъ ночи непременно будетъ воромъ и подобному человѣку достаточно положить свою руку на замокъ, чтобы самъ замокъ тотчасъ же отперся) не существуетъ. Эстонцы коротко выражаютъ все, что происходитъ въ это торжественное время, словомъ „радуются“. Подъ этимъ словомъ приходится понимать очень не сложную и мало торжественную картину выраженія радости — сходятся близкіе, сосѣди и при случаѣ напииваются пьяными. —

Въ общемъ мальчикъ всегда желательнѣе дѣвочки — „мальчикъ будетъ со временемъ кормить, а дѣвочка только помогаетъ.“ Но подобное предпочтительное желаніе мальчика передъ дѣвочкой не влечетъ различія въ отношеніяхъ къ нимъ въ семейной жизни: какъ мальчику, такъ и дѣвочкѣ, по достиженіи ими возраста, когда они становятся способными къ работѣ, поручаются исполненія домашнихъ и хозяйственныхъ обязанностей; какъ мальчикъ, такъ и дѣвочка въ общемъ пользуются заботой и попеченіемъ родителей. Ласка иногда очень нѣжная и трогательная выпадаетъ на долю тѣхъ и другихъ. Относительно выраженія ласки при постороннихъ нужно замѣтить, что эстонцы вообще на этотъ счетъ очень сдержаны. — „Только пьяные хвалятъ своихъ дѣтей при пародѣ.“ Со стороны дѣтей также существуетъ нѣсколько весьма симпатичныхъ способовъ выраженія любви и близости къ родителямъ. Такъ на примѣръ, сынъ, возвращаясь въ родную деревню послѣ долгаго отсутствія съ заработковъ или военной службы, старается придти домой ночью, когда вся семья уже уляжется спать. Ни-

кѣмъ не замѣченный онъ старается проникнуть въ домъ и лечь на то самое мѣсто, гдѣ обычно онъ спалъ въ своей семьѣ. На утро конечно первую увидитъ его мать, рано поднявшаяся для своихъ работъ. —

Власть надъ дѣтьми принадлежитъ въ равной степени какъ отцу, такъ и матери, хотя въ присутствіи отца, у послѣдняго фактически власти болѣе, чѣмъ у матери — это естественно вытекаетъ изъ общаго характера отношенія между мужемъ и женой. Въ случаѣ отъѣзда отца или его смерти вся власть сосредотчивается въ рукахъ матери. Власть отца особенно широка до совершеннолѣтія дѣтей, хотя и тутъ па отца, истязующаго своихъ дѣтей, незаботящагося о нихъ, народъ смотритъ съ полнымъ неодобреніемъ. Власть родителя широка по столько, по сколько требуютъ того житейскіе расчеты и удобства. Эстонца отца нельзя представлять себѣ домовладѣльнымъ, абсолютнымъ хозяиномъ съ опредѣленными болѣе или менѣе широкими правомочіями. Онъ является только, такъ сказать, руководителемъ хозяйства, на которомъ лежитъ масса обязанностей, а ужъ потомъ кое какія права и то лишь тѣсно связанныя съ интересами того же хозяйства, представителемъ котораго онъ является. Словомъ мы хотимъ сказать, что субъективныя права родителей относительно дѣтей, не столько вытекаютъ изъ объективныхъ, отвлеченныхъ положеній, сколько изъ общехозяйственныхъ расчетовъ. Такъ за отцомъ признается власть непокорныхъ дерзкихъ дѣтей противъ ихъ воли отдавать въ солдаты. Въ Выхмѣ намъ указывали семью, гдѣ единственнаго сына родители за непочтеніе отдали въ солдаты. Подъ непочтеніемъ же разумѣли въ данномъ случаѣ непригодность сына къ хозяйству, его уклоненіе отъ работы, склонность къ кутежамъ и уже какъ слѣдствіе всего этого является „непочтеніе“

Если въ настоящее время власть родителей, отца по преимуществу, проявляется въ сферѣ хозяйственнаго управленія, (понимая послѣднее въ широкомъ смыслѣ) то въ мишувшее время она была конечно гораздо шире и тяготѣла надъ дѣтьми во всѣхъ ихъ начинаніяхъ. Такъ если теперь родители совѣтуютъ взрослому сыну, указываютъ ему на желательную для нихъ дѣвушку, на которой бы могъ онъ жениться и тѣмъ доставить въ домъ работницу, то въ прежнѣе время родители могли принудить сына идти на заработки въ услуженіе, жениться на опредѣленной дѣвушкѣ и опять таки по собственному произволу могли даже насильственно расторгнуть выборъ сына. Однако, благодаря нерѣдкимъ печальнымъ исходамъ подобной политики принужденія (въ

Выхмѣ указывали на одинъ случай, произведшій сильное впечатлѣніе на умы эстонцевъ, какъ одна молодая женщина по принужденію выданная за нелюбимаго, черезъ годъ несчастной жизни — повѣсилась) въ послѣднее время все болѣе утверждается взглядъ предоставляющій дѣтямъ полную свободу выбора.

По вопросу объ оставленіи дѣтей на произволъ судьбы намъ отвѣчали, что подкидыванія дѣтей почти не существуетъ. Для объясненія этого обстоятельства намъ рассказали, что у одного небогатаго крестьянина было 18 человекъ дѣтей и на вопросъ не тяготится ли онъ такимъ обиліемъ, онъ отвѣтилъ, что дѣти есть невѣдомое и непонятное Божье благословеніе. У одного они есть, а другой и хотѣлъ бы ихъ, да Богъ не посылаетъ. На родителяхъ лежитъ обязанность воспитать ихъ „предоставить жить.“ Если подобный этической взглядъ и не составляетъ общаго убѣжденія эстонцевъ, то во всякомъ случаѣ не малымъ препятствіемъ къ подкидыванію является и то обстоятельство, что при крайше незначительной густотѣ населенія деревень было бы весьма трудно скрыться виновному. Случаи же оставленія на произволъ судьбы дѣтей, вышедшихъ изъ младенческаго возраста, если бывають, то крайне рѣдко и вызываються какою либо особенностью семейнаго строя. Такъ въ Венденѣ намъ рассказывали, что корчмарь въ Ретелѣ, человекъ состоятельный и любившій своего сына, по настоянію своей второй жены выгналъ вонъ своего 13-тилѣтняго мальчика.

Дѣтоубійство случается только при рожденіи дѣвицей. По мнѣнію народа дѣтоубійство равносильно съ убійствомъ взрослога человека. Такъ на дѣвушку, убившую своего ребенка, народъ смотритъ безъ всякаго снисхожденія и считаетъ ее за настоящую убійцу. Различія между убійствомъ мальчика и дѣвочки не дѣлается.

Если въ семьѣ между дѣтьми и родителями царитъ несогласіе, если неповорный и задорный сынъ не общается въ будущемъ ни поддержки старикамъ, ни сохраненія хозяйства, то отецъ, по признанному обычаю, можетъ лишитъ его наслѣдства, передавая хозяйство въ руки болѣе надежнаго наслѣдника. Какъ происходятъ подобныя лишенія наслѣдства и какія отношенія возникаютъ между обдѣленнымъ и получившимъ имущество, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. По представленію народа родители могутъ не только лишитъ сына наслѣдства, но даже вовсе устранишь его отъ всякаго участія въ веденіи хозяйства, оставляя его, по выраженію одного крестьянина, „только въ платѣ, въ которое онъ одѣтъ.“ Сынъ можетъ оставить свою семью и по

своей волѣ (о правахъ его на имущество будетъ сказано ниже). Тогда власть родителей естественю фактически прекращается. Почти то же случается и при выходѣ дочери замужъ. Тутъ можетъ сохраниться лишь нравственная связь: дочь можетъ слушать указаній и совѣтовъ своихъ родителей, но они для нея уже не безусловны. Родители утрачиваютъ свою власть, которая всецѣло переходитъ къ мужу. Эта власть не возстапавливается и въ томъ случай, когда дочь вдовой вернется въ домъ родителей. Ея личное имущество, оставшееся послѣ смерти мужа, наконецъ дѣти, ставятъ ее въ положеніе болѣе независимое, чѣмъ положеніе не замужнихъ дочерей. Такимъ образомъ, если *de jure* власть родительская и принадлежитъ имъ до самой смерти, если, по представленію народа, дѣти во всю жизнь должны слушать совѣтовъ отца и не выходить изъ его воли, то *de facto* власть эта далеко не такъ абсолютна, какъ желали бы того старики, рассказывавшіе про свою жизнь, и конечно не такъ пространна по времени, какъ это слышится въ выраженіи „власть родительская до самой смерти.“ Два момента особенно важны въ этомъ отношеніи: это именно совершеннолѣтіе сына и замужество дочери. Дочь, выйдя замужъ, перѣдко порываетъ окончательно связь съ семьей, въ особенности, коли семья неимущая. Совершеннолѣтній сынъ либо начинаетъ тяготиться зависимымъ положеніемъ и рано или поздно уходитъ на сторону, либо, завладѣвъ хозяйствомъ отца, сначала терпитъ его, потомъ начинаетъ попрекать, а потомъ и гонитъ прочь, какъ дармоѣда, какъ лишнюю тягость и безъ того въ тяжеломъ положеніи. Отрывокъ пѣсни раскрываетъ безотрадную и тоскливую картину разрушающихся семейныхъ отношеній.

„Подходить Рождество, на дворѣ воетъ мятель и шумить вьюга, а внукъ гонитъ своего стараго дѣда вопъ изъ дому; а дѣдъ на дворѣ дрожитъ отъ холода и голода и некуда ему сложить своей старой головы и приужденъ искать себѣ чужой домъ, чтобы укрыться.“

Подобныя сцены, завершающія длинный рядъ лѣтъ „власти родительской“, весьма перѣдко въ Эстляндіи и едва ли они могутъ свидѣтельствовать о крѣпости и прочности этой власти. А народный идеалъ все таки, не взирая на слова пѣсни, продолжаетъ изображать семейныя отношенія тихими, спокойными, полными живой, хотя и сдержанной любви. Родители, рассказываютъ старики, должны „учить дѣтей всему хорошему, должны руководить ими, пріучить къ труду,“ а дѣти должны слушать, уважать стариковъ, содержать ихъ въ то время, когда хозяйство

перейдетъ въ руки дѣтей, и по смерти съ почетомъ схоронить. — Изъ наказаній — нормальными считаются: выговоры, лишеніе пищи и наконецъ тѣлесныя. Лишеніе благословенія особеннаго значенія не имѣетъ, хотя оно извѣстно въ Галсальскомъ уѣздѣ и вызывается семейными раздорами. Проклятія, повидимому вовсе не бываютъ. Посылаютъ „къ черту,“ но это выраженіе употребляется только какъ ругательство и другаго значенія не имѣетъ. Иногда въ видѣ угрозы отецъ обѣщаетъ безпутнаго сына лишити правъ и не считать больше своимъ.

Переходя къ вопросу объ имущественныхъ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми, мы должны сказать нѣсколько словъ о семейномъ имуществѣ вообще.

Крестьянинъ-эстонецъ почти исключительно земледѣлецъ. Только жители узкой прибрежной полосы источникомъ своего существованія имѣютъ рыбный промыселъ который мѣстами совершенно исключаетъ земледѣліе. Привязанный къ своему участку въ качествѣ собственника или арендатора, онъ почти не имѣетъ никакихъ иныхъ субсидіарныхъ источниковъ къ жизни. Лишь небольшая часть собственниковъ имѣетъ совершенно чистые участки, освобожденные отъ платежей. Большая же часть собственниковъ еще обременена выкупными платежами помѣщику. Арендаторы живутъ съ постоянной заботой извлечь изъ участка доходъ, который пошелъ бы на уплату крайне неустойчивой, измѣнчивой и почти всегда высокой арендной платы. Эти условія заставляютъ хозяина участка напрягать всѣ свои хозяйственныя силы и средства для составленія годичнаго дохода въ такомъ размѣрѣ, чтобы за покрытіемъ необходимыхъ повинностей, оставалась кое какая доля на содержаніе семьи. Въ виду этого положеніе семейнаго имущества оно представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Семейное имущество — есть недѣлимое цѣлое, распоряженіе которымъ сосредоточивается въ рукахъ „хозяина“ семьи; но оно недѣливо лишь до того предѣла, которымъ ограничивается цѣлость хозяйства, все, что переходитъ за этотъ предѣлъ, допускаетъ дѣленіе, подчиняясь общимъ условіямъ, по существу простой и безискусственной жизни эстонцевъ.

Подобная же картина имущественныхъ отношеній вытекаетъ и изъ разсказовъ крестьянъ. По мнѣнію ихъ семейное имущество является общимъ имуществомъ, распоряженіе которымъ находится въ рукахъ отца, но это не исключаетъ возможности, чтобы и у сыновей было свое личное имущество, пріобрѣтенное ими самостоятельно на сторонѣ помимо семьи. Въ предѣлахъ этого отдѣльнаго имущества дѣти могутъ вступать въ сдѣлки съ своими

родителями. Подобное имущество, составляемое заработками на сторонѣ, продажей собственныхъ издѣлій (спажникъ, столяръ) можетъ находиться въ полномъ распоряженіи только у сыновей совершеннолѣтнихъ, но и послѣдніе, по представленію эстонцевъ, объ идеальныхъ отношеніяхъ въ „добрыхъ семьяхъ“ руководствуются жизненнымъ опытомъ отца. Заработки же не совершеннолѣтнихъ поступаютъ въ пользу отца. Что касается дочерей, то когда дѣвушка заневѣстится родители даютъ ей корову или овцу, которыя считаются уже ея собственностью и затѣмъ, при выходѣ дѣвушки замужъ, поступаютъ въ составъ ея приданнаго.

Въ предѣлахъ своего имущества сыновья вполне самостоятельны. Отецъ не можетъ вторгаться съ своими распоряженіями въ эту сферу. Завѣщаннаго дѣдомъ, отецъ не можетъ отнять у сына, равно какъ за растрату дѣтскаго имущества родители, но жалобѣ сына отвѣчаютъ. Имущество дѣтей составляется, наконецъ, выдѣлами отца. Разъ раздѣлъ произошелъ, то отецъ теряетъ всякое право на имущество и уже собственною властью ничего вернуть не можетъ и только въ случаѣ крайняго положенія отца „нравственный долгъ“ заставляетъ дѣтей вернуть отцу часть выдѣленнаго, или же судъ принуждаетъ дѣтей содержать отца.

За убытки, причиненные малолѣтними, отданными въ услуженіе, родители не отвѣчаютъ, такъ какъ, отдавая малолѣтняго въ услуженіе, родители передаютъ надзоръ и попеченіе о нихъ ихъ хозяевамъ. Что же касается убытковъ, причиненныхъ совершеннолѣтнимъ, не отдѣленнымъ, то при мирныхъ отношеніяхъ въ семьѣ, родители всегда уплачиваютъ должное потерпѣвшему. По вопросу объ отношеніяхъ родителей къ долгамъ дѣтей отвѣтъ распадается на двѣ части. Если сынъ вошелъ въ долги въ интересахъ семьи, то долги уплачиваются отцомъ изъ общаго имущества. Если же сынъ задолжалъ для прогула и распутства, то родители обыкновенно первое время платятъ долги, а потомъ, въ видѣ наказанія, перестаютъ платить. Не платятъ также бѣдные. Долги малолѣтнихъ всегда уплачиваются родителями. Въ мирныхъ семьяхъ отказы родителей въ платежѣ дѣлаются обыкновенно наединѣ; въ семьяхъ же раздорныхъ — отказываютъ и гласно при сосѣдяхъ и при народѣ.

Въ предѣлахъ собственнаго имущества не отдѣленные дѣти могутъ вступать съ своими родителями въ сдѣлки. Такъ примѣры купли-продажи, займа, между отцомъ и не отдѣленнымъ сыномъ очень часты. Подобные договоры купли-продажи совершаются обычно въ присутствіи сосѣдей, такъ сынъ покушаетъ у

отца — сосѣди назначаютъ цѣну. Примѣры, иллюстрирующіе подобныя договоры, приведены были самими разсказчиками: „отецъ сшилъ себѣ сапоги не по ногѣ, онъ ихъ можетъ продать сыну, причемъ за оцѣнкой обращаются къ мѣшину сосѣда“ или „сынъ, получивъ со стороны кормъ, можетъ „на свое счастье“ купить у отца корову и выкормить своимъ кормомъ.“ Заложное отцомъ и выкупленное сыномъ становится собственностью сына, пока отецъ не заплатитъ долга сыну. — Если дѣтей у умершаго крестьянина и имъ не оставлено завѣщанія и не сдѣлано распоряженій при свидѣтеляхъ, то наследуютъ родители — это общее правило. Повинности, какъ было сказано, уплачиваются изъ общаго хозяйственнаго имущества. Для исполненія ихъ пользуются и трудами дѣтей. Однако дѣтское имущество, предназначенное для особыхъ цѣлей, пользуется обыкновенно пощадой и только въ крайности обращаются къ нему для общехозяйственныхъ цѣлей. Неотдѣленные сыновья въ предѣлахъ своего имущества самостоятельны, въ случаѣ же несправности въ отбываніи семей повинностей, какъ было сказано, сыновья должны помогать отцу. Но въ виду того, что обыкновенно это отдѣльное имущество у неотдѣленнаго сына бываетъ не велико (иначе, онъ обзавелся бы самостоятельнымъ хозяйствомъ) то принужденія со стороны отца быть не можетъ.

Соглашенія между родителями и отдѣленнымъ сыномъ относительно отбыванія повинности бываютъ въ томъ случаѣ, если отдѣленіе вызвано причинами экономическими; если же причиною раздѣла былъ раздоръ, то конечно тутъ уже никакихъ условій быть не можетъ.

Долги отца по обычаю и въ силу нравственнаго чувства уплачиваются неотдѣленными дѣтьми.

Мнѣніе народа не одобряетъ раздѣлы, производимые до уплаты отцовскаго долга. Сынъ почитается обязаннымъ заплатить за свое воспитаніе. Судъ же не вмѣшивается въ семейныя раздѣлы. Отдѣленный сынъ, т. е. порвавшій всякую связь съ семьей, никогда не принуждается къ уплатѣ долга, даже одряхлѣвшаго отца. Подобныя уплаты отцовскаго долга являются актомъ свободной воли и нравственныхъ побужденій сына. Очевидно такая уплата возможна лишь при миролюбивомъ отдѣленіи.

П. Астровъ.

Къ антропологии населенія Эстляндской губерніи.

Изъ всѣхъ различныхъ отраслей естествовѣдѣнія, отрасль, имѣющая предметомъ изученіе племенъ человѣческихъ, безспорно представляетъ какъ наибольшій интересъ, такъ и наибольшую пользу; но, не смотря на это, она достигла наименьшаго совершенства.

П. Брокъ.

Зимой мнѣшшаго 1893 года намъ были доставлены Начальниками уѣздовъ цифры измѣренія повобранцевъ Эстляндской губерніи, полученныя при приѣмѣ въ ноябрѣ 1892 года. Антропометрическія наблюденія надъ повобранцами, какъ извѣстно, обнимаютъ только три размѣра: ростъ, объемъ груди и длину ногъ; такимъ образомъ, новидимому, данныя, получаемыя при приѣмѣ повобранцевъ, могутъ имѣть весьма мало интереса для антропологии той или другой народности. Тѣмъ не менѣе мы придаемъ этимъ измѣреніямъ, преслѣдуя цѣли весьма важное антропологическое значеніе и это вотъ почему: во первыхъ каждому частному наблюдателю чрезвычайно трудно получить для своихъ цѣлей такое огромное количество субъектовъ, которое ежегодно является для жребіевки въ Воинскія Присутствія, а во вторыхъ такъ какъ всѣ субъекты, измѣряемые въ каждый данный годъ, одного возраста (21-го года), то наблюденія надъ сложѣнемъ тѣла, въ данномъ случаѣ ростъ, объемъ груди и длина ногъ, пріобрѣтаютъ чрезвычайно цѣльный характеръ. Наконецъ эти же наблюденія, производимыя въ Воинскихъ Присутствіяхъ, имѣютъ еще и ту особенную цѣну, что наблюдаемые субъекты собираются со всѣхъ частей губерніи, что въ свою очередь для частнаго наблюдателя почти неисполнимо. Правда, размѣры повобранцевъ обозначаются въ верхнихъ и въ восьмыхъ доляхъ ихъ т. е. не отличаются той пунктуальностью какъ из-

мѣренія антропологовъ, исчисляемыя на миллиметры, но эти, съ перваго взгляда не достаточно точныя измѣренія, уравниваются добросовѣстностью исполненія ихъ и пріобрѣтаютъ, на нашъ взглядъ, въ фактическомъ отношеніи то же значеніе какъ и антропометрическія наблюденія частныхъ лицъ, страдающія все же, благодаря цѣлому ряду обстоятельствъ, не всегда достаточной точностью. Мы взялись тѣмъ охотнѣе за обработку и опубликованіе имѣющагося у насъ цифроваго матеріала, полученнаго надъ новобранцами Эстляндской губерніи, что большая часть его приходится на долю эстонцевъ, народа въ антропологическомъ отношеніи совсѣмъ не пзслѣдованнаго. Дѣйствительно, съ этой точки зрѣнія эстонцамъ совсѣмъ не посчастливилось: тѣ свѣдѣнія, которыя имѣются въ антропологической литературѣ объ эстонцахъ и кратки и отрывочны: Бэръ, Зейдлицъ, Хукъ, Хольстъ, Велькеръ, Шульцъ и нѣкоторые другія лица, которыя дали описанія физическаго типа эстонцевъ, почти не основывались на данныхъ фактическаго характера и ограничивались почти всецѣло описательными, внѣшними признаками, основанными на наблюденіяхъ на глаза. Лишь одинъ авторъ — О. Грубе*), ученикъ извѣстнаго антрополога Штида, бывшаго нѣкогда профессоромъ Юрьевскаго (въ то время еще Дерптскаго) университета нынѣ профессора въ Кенигсбергѣ, лишь онъ одинъ сдѣлалъ попытку антропологическаго пзслѣдованія эстонцевъ. Съ этой цѣлью онъ измѣрилъ 100 эстонцевъ, а именно въ слѣдующихъ возрастахъ: 2 суб. отъ 16 до 20 лѣтъ, 24 суб. отъ 20 до 30 лѣтъ, 28 суб. отъ 30 до 40 лѣтъ, 32 суб. отъ 40 до 50 лѣтъ, 11 суб. отъ 50 до 60 лѣтъ и 3 суб. отъ 60 до 80 лѣтъ. При измѣреніи эстонцевъ Грубе держался антропологической системы П. Брока и бралъ какъ размѣры разныхъ частей тѣла, такъ и лица. Нашъ матеріалъ, полученный на новобранцахъ, гораздо менѣе разнообразенъ и обнимаетъ, какъ сказано выше, только три размѣра (ростъ, объемъ груди и длину ногъ), но онъ цѣльнѣе, потому что всѣ имѣющіяся у насъ данныя относятся къ субъектамъ одного (21-лѣтняго) возраста, а главное нашъ матеріалъ значительно многочисленнѣе. Всѣхъ пзмѣренныхъ новобранцевъ мы имѣемъ 2643 субъекта; изъ нихъ на долю эстонцевъ приходится 2253 субъекта; 183 на особую группу островитянъ; это жители острововъ Даго и Вормсѣ. Населеніе перваго — эстонское, но въ значительной степени перемѣшено съ населеніемъ шведскимъ, а на Вормсѣ живутъ даже исключительно

*) O. Grube: Anthropologische Untersuchungen an Esten. Dorpat, 1878.

шведы. Кроме того изъ всѣхъ повобранцевъ мы располагаемъ 88 новобранцами-русскими и 119 — нѣмцами.

Такой весьма обширный по эстонской народности матеріалъ, хотя и не позволяетъ еще дѣлать какіе либо окончательные выводы, тѣмъ не менѣе даетъ возможность вложить въ антропологическую литературу довольно вѣскіе факты по части антропологии эстонцевъ.

I. Ростъ.

Мы остановимся сначала на ростѣ и въ частности на ростѣ эстонцевъ какъ на болѣе многочисленно представленной у насъ группѣ.

1. *Эстонцы-новобранцы.* Минимальный ростъ, найденный у новобранцевъ-эстонцевъ призыва 1892 г. равняется 1501,5 м/м., максимальный же — 1881,0 м/м.; слѣдовательно разница между болѣе высокимъ и болѣе низкимъ субъектомъ равняется 379,5 м/м. т. е. цифрѣ, которая должна считаться громадной и это тѣмъ болѣе, что возрастъ у всѣхъ, подлежавшихъ наблюденію субъектовъ, одинаковъ. Чтобы уяснить себѣ эту разницу слѣдуетъ поставить наименьшій ростъ въ процентное отношеніе къ наибольшему; въ этомъ случаѣ мы получимъ, что первый составляетъ едва 80% второго т. е. онъ на цѣлую $\frac{1}{5}$ меньше. Мы можемъ всѣхъ субъектовъ здѣсь раздѣлить по ихъ росту на четыре группы, а именно: мы назовемъ субъектами малаго или низкаго роста тѣхъ, у которыхъ ростъ колеблется отъ 1501 до 1600 м/м. (исключительно), далѣе: субъектами роста ниже средняго тѣхъ, у которыхъ ростъ колеблется отъ 1600 до 1650 (искл.) м/м. затѣмъ лица съ ростомъ въ 1650—1700 (искл.) м/м. будутъ считаться субъектами роста выше средняго и наконецъ съ ростомъ въ 1700 м/м. и выше — роста высокаго. Въ этомъ случаѣ мы получимъ слѣдующую интересную таблицу:

- | | | |
|------------------------|-----------------|------------------------------|
| 1) ростъ низкій | (отъ 1501—1600) | у 180 изъ 2253 или у 8,38 % |
| 2) ростъ ниже средняго | (отъ 1600—1650) | у 421 изъ 2253 или у 18,68 % |
| 3) ростъ выше средняго | (отъ 1650—1700) | у 737 изъ 2253 или у 32,71 % |
| 4) ростъ высокій | (отъ 1700—1881) | у 906 изъ 2253 или у 40,21 % |

Изъ этихъ цифръ видно, что наибольшій процентъ (слишкомъ 40%) приходится на высокій ростъ, 32% слишкомъ на ростъ выше средняго, между тѣмъ на ростъ ниже средняго и особенно на ростъ малый приходится совершенно незначительный

процентъ. Изъ этого весьма наглядно слѣдуетъ, что эстонцы весьма высокаго роста, таковыми ихъ слѣдуетъ считать тѣмъ болѣе, что ростъ человѣка не останавливается на 21-мъ году жизни, а увеличивается до 30, даже 35 лѣтъ.

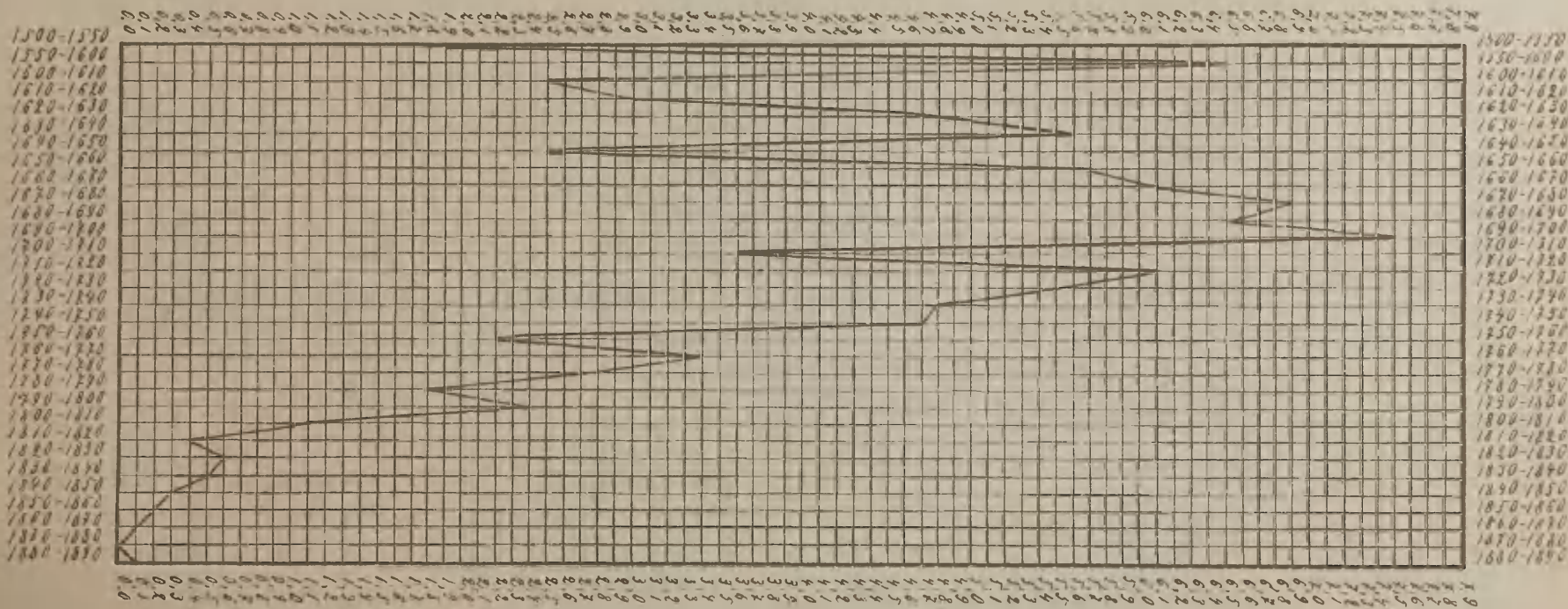
Чтобы остановиться детальнѣе на ростѣ эстонцевъ, мы рассмотримъ его не только по вышеприведеннымъ четыремъ разрядамъ, а болѣе подробно. Мы можемъ ростъ эстонцевъ раздѣлить на семь группъ, къ первой будутъ относиться цифры роста не превышающія 1600 м/м., а къ остальнымъ шести мы причислимъ цифры роста, колеблющіяся по полусотнямъ миллиметровъ. Согласно этому, мы получимъ нижеслѣдующее:

1)	Съ	ростомъ	1500	до	1600	м/м.	всего	189	суб.	или	8,38%
2)	"	"	1600	"	1650	"	"	421	"	"	18,68 "
3)	"	"	1650	"	1700	"	"	737	"	"	32,71 "
4)	"	"	1700	"	1750	"	"	552	"	"	24,50 "
5)	"	"	1750	"	1800	"	"	281	"	"	12,47 "
6)	"	"	1800	"	1850	"	"	65	"	"	2,88 "
7)	"	"	1850	"	1900	"	"	8	"	"	0,35 "

Изъ этого сопоставленія видно, что сравнительно наибольшая часть эстонцевъ обладаетъ ростомъ отъ 1650 до 1700 м/м., а именно на ростъ этихъ размѣровъ приходится приблизительно $\frac{1}{3}$ всѣхъ измѣренныхъ субъектовъ. Но мы можемъ рассмотреть ростъ повобращевъ еще детальнѣе: мы можемъ размѣры роста распределить по десяткамъ (за исключеніемъ роста отъ 1500 до 1600 м/м., каковой слишкомъ разбросанъ и не слагается въ гармоническую кривую). Мы получаемъ слѣдующее:

Съ	ростомъ	отъ	1500	до	1550	всего	42	суб.	или	1,86%
"	"	"	1550	"	1600	"	147	"	"	6,52 "
"	"	"	1600	"	1610	"	56	"	"	2,48 "
"	"	"	1610	"	1620	"	67	"	"	2,97 "
"	"	"	1620	"	1630	"	106	"	"	4,71 "
"	"	"	1630	"	1640	"	126	"	"	5,59 "
"	"	"	1640	"	1650	"	66	"	"	2,52 "
"	"	"	1650	"	1660	"	128	"	"	5,63 "
"	"	"	1660	"	1670	"	138	"	"	6,12 "
"	"	"	1670	"	1680	"	156	"	"	6,92 "
"	"	"	1680	"	1690	"	147	"	"	6,52 "
"	"	"	1690	"	1700	"	168	"	"	7,45 "
"	"	"	1700	"	1710	"	81	"	"	3,59 "
"	"	"	1710	"	1720	"	137	"	"	6,08 "
"	"	"	1720	"	1730	"	121	"	"	5,36 "
"	"	"	1730	"	1740	"	108	"	"	4,76 "
"	"	"	1740	"	1750	"	105	"	"	4,74 "
"	"	"	1750	"	1760	"	48	"	"	2,17 "
"	"	"	1760	"	1770	"	77	"	"	3,41 "

кв. см. 291



А.А. Харинский. Къ историческому населению Донской губернии. Историческое изображение населения владения владения в м. м. метрах у. Донецкой-новотранцев.

съ	ростомъ	отъ	1770	до	1780	всего	60	суб.	или	2,66	%
"	"	"	1780	"	1790	"	41	"	"	1,81	"
"	"	"	1790	"	1800	"	55	"	"	2,44	"
"	"	"	1800	"	1810	"	25	"	"	1,11	"
"	"	"	1810	"	1820	"	10	"	"	0,44	"
"	"	"	1820	"	1830	"	13	"	"	0,57	"
"	"	"	1830	"	1840	"	11	"	"	0,48	"
"	"	"	1840	"	1850	"	6	"	"	0,26	"
"	"	"	1850	"	1860	"	5	"	"	0,22	"
"	"	"	1860	"	1870	"	2	"	"	0,08	"
"	"	"	1870	"	1880	"	0	"	"	0,00	"
"	"	"	1880	"	1890	"	1	"	"	0,04	"

Эта таблица намъ наглядно подтверждаетъ то, что нами было уже выше сказано о чрезвычайно большомъ разнообразіи роста у эстонцевъ. Для только что приведеннаго ряда цифръ характерно то, что нѣтъ ни въ одномъ размѣрѣ замѣтнаго преобладанія, напротивъ того максимальный процентъ, приходящійся на ростъ отъ 1690 до 1700 очень не великъ и равняется лишь 7,45%. Съ другой стороны характерно для приведеннаго ряда и то, что цифры его не слагаются въ гармоническую кривую съ преобладаніемъ какого-либо опредѣленнаго роста т. е. въ кривую съ опредѣленною вершиною, напротивъ того, мы замѣчаемъ слѣдующее: если мы откинемъ здѣсь всѣхъ субъектовъ съ ростомъ ниже 1600 мм. какъ немногочисленную сравнительно группу, то окажется, что съ увеличеніемъ размѣровъ роста увеличивается и процентъ т. е. чѣмъ выше ростъ, тѣмъ большее количество субъектовъ приходится на извѣстный размѣръ. Но это увеличеніе идетъ не долго и достигаетъ максимума уже въ ростѣ отъ 1630 до 1640 м/м., за симъ количество субъектовъ на слѣдующемъ размѣрѣ роста уменьшается, потомъ опять увеличивается и достигаетъ втораго максимума въ ростѣ отъ 1670 до 1680 мм., снова падаетъ, въ третій разъ увеличивается на ростѣ въ 1690—1700 мм. затѣмъ опять таки уменьшается и увеличивается въ четвертый разъ въ ростѣ отъ 1710—1720 мм. Послѣ этого уменьшеніе процента идетъ почти безъ исключеній вполне гармонично и достигаетъ нуля.

На основаніи вышеприведенныхъ цифръ, мы можемъ начертить кривую, выражающую колебаніе роста нашихъ новобранцевъ (см. таблицу). Мы видимъ такимъ образомъ, что кривая роста эстонцевъ-новобранцевъ обнаруживаетъ четыре совершенно ясныхъ вершины. Изъ этого можно было бы на первый взглядъ, казалось бы, сдѣлать заключеніе, что эстонцы представляютъ народность, смѣшанную изъ четырехъ разныхъ элементовъ съ преобладаніемъ разныхъ размѣровъ роста. Но такое заключеніе

было бы и преждевременнымъ и весьма одностороннимъ. Та неустойчивость роста, которая ясно обнаруживается въ вышеприведенной таблицѣ и чертежѣ, на паннѣ взглядъ, скорѣе свидѣтельствуесть о томъ, что въ возрастѣ 21 года ростъ еще не достаточно установился, вслѣдствіе чего и представляетъ неустойчивое разнообразіе.

2. *Новобранцы-островитяне.* Разсмотрѣвъ въ общихъ чертахъ цифры роста эстонцевъ, мы возьмемъ ихъ какъ исходную точку для сравненія съ ними во первыхъ жителей острововъ Даго и Вормсъ, а во вторыхъ повобранцевъ пѣмцевъ и русскихъ Эстляндской губерніи на основаніи данныхъ, полученныхъ при пріемѣ ихъ въ 1892 году. Островитяне (съ Даго и Вормсъ) даютъ относительно роста слѣдующее:

Съ ростомъ отъ 1500 до 1550	всего	1 суб. или	0,54%
" " " 1550 " 1600	"	6 " "	3,27 "
" " " 1600 " 1610	"	3 " "	1,63 "
" " " 1610 " 1620	"	4 " "	2,18 "
" " " 1620 " 1630	"	3 " "	1,63 "
" " " 1630 " 1640	"	5 " "	2,73 "
" " " 1640 " 1650	"	3 " "	1,63 "
" " " 1650 " 1660	"	15 " "	8,19 "
" " " 1660 " 1670	"	16 " "	8,74 "
" " " 1670 " 1680	"	16 " "	8,74 "
" " " 1680 " 1690	"	21 " "	11,47 "
" " " 1690 " 1700	"	12 " "	6,55 "
" " " 1700 " 1710	"	7 " "	3,82 "
" " " 1710 " 1720	"	12 " "	6,55 "
" " " 1720 " 1730	"	8 " "	4,37 "
" " " 1730 " 1740	"	10 " "	5,46 "
" " " 1740 " 1750	"	15 " "	8,19 "
" " " 1750 " 1760	"	2 " "	1,09 "
" " " 1760 " 1770	"	9 " "	4,91 "
" " " 1770 " 1780	"	3 " "	1,63 "
" " " 1780 " 1790	"	4 " "	2,18 "
" " " 1790 " 1800	"	2 " "	1,09 "
" " " 1800 " 1810	"	2 " "	1,09 "
" " " 1810 " 1820	"	2 " "	1,09 "
" " " 1820 " 1830	"	1 " "	0,54 "
" " " 1830 " 1840	"	1 " "	0,54 "

Наименьшій ростъ, найденный у этихъ островитянъ равняется 1523,5, а наибольшій 1831,5 м/м. Наименьшій ростъ этихъ новобранцевъ на 22 м/м больше, чѣмъ минимальный ростъ предшествовавшей группы, а максимальный ростъ на 49,5 м/м ниже. Разность максимальнаго и минимальнаго роста равняется 357 м/м противъ 379,5 м/м предшествовавшей группы, т. е. островитяне обнаруживаютъ въ ростѣ въ возрастѣ 21 года значительно мень-

шее колебаніе. Но не только это одно отличает ихъ отъ жителей материка: если мы взглянемъ на только что приведенную таблицу, то мы увидимъ, что цифры слагаются въ гораздо болѣе гармоничный рядъ съ довольно рѣзко выдающимся максимумомъ на ростѣ отъ 1680—1690 м/м, чего мы на эстонцахъ материка усмотрѣть не могли. Только что упомянутая разница выступаетъ еще рѣзче если мы все размѣры роста распредѣлимъ не по десяткамъ, а по полсотнямъ, соединивъ предварительно, (какъ мы это сдѣлали съ предыдущею группою), размѣры роста менѣе 1600 м/м въ одну группу; мы получаемъ слѣдующее:

1)	съ ростомъ отъ 1500 до 1600 м/м	всего 7 суб.	или 3,82 %
2)	" " " 1600—1650 "	" " 18 "	" " 9,83 %
3)	" " " 1650—1700 "	" " 80 "	" " 43,71 %
4)	" " " 1700—1750 "	" " 52 "	" " 28,41 %
5)	" " " 1750—1800 "	" " 20 "	" " 10,93 %
6)	" " " 1800—1850 "	" " 6 "	" " 3,27 %

Изъ этой таблицы мы видимъ, что рѣзкое преобладаніе приходится на ростъ отъ 1650—1700 м/м; этотъ ростъ представленъ 43,71%. У предыдущей группы эстонцевъ наибольшій процентъ приходился на этотъ же ростъ, но преобладаніе было далеко не настолько рѣзкое (только 32,71%); въ слѣдующихъ двухъ рядахъ (т. е. въ ростѣ отъ 1700—1750, отъ 1750—1800) существенной разницы между двумя группами нѣтъ, но у эстонцевъ материка довольно большое количество субъектовъ приходится на ростъ отъ 1600 до 1650 (всего 18,68%) тогда какъ у островитянъ этотъ ростъ представленъ только 9,83%. Если мы теперь (подобно тому какъ мы это сдѣлали съ ростомъ жителей материка) весь ростъ разчленимъ на четыре группы, то разница между островитянами и эстонцами материка будетъ весьма незначительна.

Мы получаемъ слѣдующее:

1) ростъ низкій	(отъ 1523 до 1600)	у 7 изъ 183 или у 3,82 %
2) ростъ ниже средняго	(отъ 1600 до 1650)	у 18 изъ 183 или у 9,83 %
3) ростъ выше средняго	(отъ 1650 до 1700)	у 80 изъ 183 или у 43,71 %
4) ростъ высокій	(отъ 1700 до 1831)	у 78 изъ 183 или у 42,62 %

Сравнивая эту табличку съ аналогичною таблицею эстонцевъ материка, мы увидимъ, что у этихъ послѣднихъ меньшій процентъ роста высокаго и выше средняго и напротивъ болѣе большій процентъ роста малаго и ниже средняго, согласно чему островитянъ слѣдуетъ, но крайней мѣрѣ въ 21 лѣтнемъ возрастѣ, считать болѣе высокаго роста, чѣмъ жителей материка.

3. *Новобранцы-русскіе.* Перейдемъ теперь къ слѣдующей группѣ — къ русскимъ Эстляндской губерніи. Мы имѣемъ

въ своемъ распоряженіи только 88 субъектовъ, по и этотъ, правда немногочисленный матеріалъ, далеко не лишенъ интереса. Ростъ у этихъ повобранцевъ распредѣляется такъ:

Съ ростомъ отъ 1500--1550	всего 2 суб.	или 2,27 %
" " " 1550—1600	" 8 "	" 9,09 %
" " " 1600—1610	" 5 "	" 5,68 %
" " " 1610—1620	" 4 "	" 4,54 %
" " " 1620—1630	" 5 "	" 5,68 %
" " " 1630—1640	" 7 "	" 7,95 %
" " " 1640—1650	" 1 "	" 1,13 %
" " " 1650—1660	" 8 "	" 9,09 %
" " " 1660—1670	" 5 "	" 5,68 %
" " " 1670—1680	" 6 "	" 6,82 %
" " " 1680—1690	" 4 "	" 4,54 %
" " " 1690--1700	" 7 "	" 7,95 %
" " " 1700—1710	" 3 "	" 3,41 %
" " " 1710—1720	" 2 "	" 2,27 %
" " " 1720—1730	" 6 "	" 6,82 %
" " " 1730—1740	" 3 "	" 3,41 %
" " " 1740—1750	" 3 "	" 3,41 %
" " " 1750—1760	" 1 "	" 1,13 %
" " " 1760 - 1770	" 2 "	" 2,27 %
" " " 1770—1780	" 2 "	" 2,27 %
" " " 1780—1790	" 2 "	" 2,27 %
" " " 1790—1800	" 1 "	" 1,13 %
" " " 1800—1810	" 1 "	" 1,13 %

Мы имѣемъ для новобранцевъ-русскихъ такъ мало наблюдений, что воздерживаемся здѣсь отъ заключеній, могущихъ вытекать изъ вышеприведенной таблицы. Мы отмѣтимъ только то, что наименьшій ростъ, который дали новобранцы-русскіе равняется 1534,5 m/m, а наибольшій — 1804,0 m/m. Мы видимъ слѣдовательно съ одной стороны, что русскіе въ возрастѣ 21 года не обнаруживаютъ случаевъ такого низкаго роста какъ жители острововъ Даго и Вормсъ и особенно какъ эстонцы материка, съ другой же стороны русскіе далеко не обнаруживаютъ случаевъ такого большаго роста какъ двѣ предыдущія группы. Напротивъ того максимумъ, найденный у русскихъ повобранцевъ, на 27,5 m/m меньше, чѣмъ таковой у островитяпъ и на 77,0 m/m меньше, чѣмъ у эстонцевъ материка. вмѣстѣ съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить, что русскіе, повидимому, не обнаруживаютъ такого разнообразія въ ростѣ какъ обѣ предыдущія группы, такъ какъ разность максимума и минимума равняется только 269,5 m/m.

Чтобы больше уяснить себѣ ростъ новобранцевъ-русскихъ,

мы для большей наглядности соединимъ вышеприведенныя цифры въ 5 группъ, мы получимъ въ этомъ случаѣ слѣдующее:

1)	съ ростомъ отъ 1500 до 1600 м/м	всего 10 суб.	или 11,36 %
2)	" " " 1600—1650 "	" " 22 "	" " 25,00 %
3)	" " " 1650—1700 "	" " 30 "	" " 34,09 %
4)	" " " 1700—1750 "	" " 17 "	" " 19,31 %
5)	" " " 1750—1804 "	" " 9 "	" " 10,22 %

Если мы сравнимъ эту табличку съ аналогичными данными, выше нами приведенными для эстонцевъ и островитянъ, то мы увидимъ между тѣми и другими цифрами весьма существенную разницу. Правда, что у всѣхъ трехъ группъ наибольшій процентъ приходится на ростъ отъ 1650 до 1700 м/м, но во первыхъ и этотъ процентъ у каждой группы разный, а во вторыхъ, и это самое главное, у русскихъ преобладаніе клонится къ росту малому, а у эстонцевъ материка и островитянъ къ росту большому. Впрочемъ къ этому сравненію мы вернемся еще разъ ниже, здѣсь же остановимся еще на ростѣ русскихъ новобранцевъ по четыремъ принятымъ нормамъ; мы получаемъ слѣдующее:

1) ростъ низкій	(1534—1600) у 10 изъ 88	или у 11,36 %
2) ростъ ниже средняго	(1600—1650) у 22 изъ 88	или у 25,00 %
3) ростъ выше средняго	(1650—1700) у 30 изъ 88	или у 34,09 %
4) ростъ высокій	(1700—1804) у 26 изъ 88	или у 29,54 %

Здѣсь выступаетъ нами только что сказанное еще рѣзче: преобладаніе приходится на ростъ выше средняго; правда, слишкомъ четверть всѣхъ приходится на высокій ростъ, но одновременно съ этимъ почти столько же субъектовъ съ ростомъ ниже средняго; кромѣ того роста низкаго тоже много (11,36 %).

4. *Новобранцы-нѣмцы.* Мы перейдемъ теперь къ послѣдней группѣ — къ нѣмцамъ-новобранцамъ. Эта группа въ антропологическомъ отношеніи чрезвычайно интересна, но къ сожалѣнію отсутствіе обилія и разнообразія матеріала не даетъ намъ возможности остановиться на ней такъ подробно, какъ бы намъ этого хотѣлось.

Интересъ этой группы заключается въ слѣдующемъ. Нѣмецъъ Эстляндской губерніи слѣдуетъ съ точки антропологической раздѣлить на двѣ группы: землевладѣльцевъ (помѣщиковъ-дворянъ) и горожанъ. Такое дѣленіе стоитъ въ связи съ исторіею края. Землевладѣльческій элементъ образовался изъ рыцарскихъ насѣльниковъ, не лишенныхъ, впрочемъ, притока чуждой (хотя въ большинствѣ случаевъ германской же) крови, горожане же получивъ свое первоначальное происхожденіе отъ пришлыхъ германскихъ купцовъ и ремесленниковъ, въ сильной степени перемѣшались съ эстон-

цами, которые, подымаясь съ уровня крестьянина до уровня мѣщанина и купца, утрачивая свою національность, постоянно онѣмечивались и обновляли элементъ горожанъ. Такое разное происхожденіе двухъ группъ живущихъ въ Эстляндіи нѣмцевъ, естественно, не могло не выразиться въ разности антропологическаго типа, бросающейся даже при бѣгломъ взглядѣ. Правда, и дворянскій землевладѣльческій элементъ не чуждъ примѣси эстонской крови, но такая примѣсь не можетъ считаться ни типичной, ни рѣзко обнаруживающейся какъ то мы встрѣчаемъ у горожанъ. Мы отмѣтили эти двѣ въ Эстляндіи существующія группы нѣмцевъ, не находя возможнымъ умолчать объ этомъ, но одновременно мы вынуждены въ дальнѣйшемъ описаніе схватить обѣ группы въ одну, какъ по незначительности нашего матеріала, такъ и главнымъ образомъ потому, что цифровой матеріалъ, обработку котораго мы представляемъ здѣсь, былъ переданъ намъ самимъ уже въ смѣшанномъ видѣ.

Изъ числа нѣмцевъ, цифрами роста которыхъ мы располагаемъ всего въ количествѣ 119, мы исключаемъ одного по причинамъ, которыя мы укажемъ тутъ же. Наименьшій ростъ, найденный на этихъ 118 нѣмцахъ, равняется 1512,5 м/м, наибольшій же 1837,0 м/м. Кроме того одинъ субъектъ (изъ землевладѣльческаго элемента, который отличается вообще бѣльшимъ ростомъ, чѣмъ горожане) обнаруживаетъ ростъ въ 1897,5 м/м, т. е. ростъ весьма высокій; такъ какъ этотъ субъектъ по своему чрезмѣрно большому росту выходитъ изъ общаго ряда, то мы его исключаемъ изъ нижеприводимыхъ двухъ таблицъ. Мы можемъ отмѣтить здѣсь, что такой ростъ (1897,5) или ростъ подобный ему, не составляетъ среди нѣмцевъ землевладѣльческой группы какое либо феноменальное исключеніе, напротивъ того, мы лично впадали и знаемъ субъектовъ, ростъ которыхъ не уступитъ нами вышеупомянутому.

Распредѣляя ростъ нѣмцевъ-новобранцевъ по десяткамъ миллиметровъ, мы получаемъ нижеслѣдующее:

съ ростомъ отъ	1500	до	1550	всего	4	суб.	или	3,36	%
"	"	"	1550	"	1600	"	4	"	3 36 "
"	"	"	1600	"	1610	"	0	"	0,00 "
"	"	"	1610	"	1620	"	5	"	4 20 "
"	"	"	1620	"	1630	"	3	"	2,52 "
"	"	"	1630	"	1640	"	7	"	5 88 "
"	"	"	1640	"	1650	"	3	"	2 52 "
"	"	"	1650	"	1660	"	6	"	5,04 "
"	"	"	1660	"	1670	"	6	"	5 04 "
"	"	"	1670	"	1680	"	11	"	9,24 "

Съ ростомъ	отъ	1680	до	1690	всего	17	суб. или	14,28	%
"	"	"	1690	"	1700	"	6	"	5,04
"	"	"	1700	"	1710	"	1	"	0,84
"	"	"	1710	"	1720	"	8	"	6,72
"	"	"	1720	"	1730	"	4	"	3,36
"	"	"	1730	"	1740	"	4	"	3,36
"	"	"	1740	"	1750	"	8	"	6,72
"	"	"	1750	"	1760	"	2	"	1,68
"	"	"	1760	"	1770	"	4	"	3,36
"	"	"	1770	"	1780	"	3	"	2,52
"	"	"	1780	"	1790	"	0	"	0,00
"	"	"	1790	"	1800	"	6	"	5,04
"	"	"	1800	"	1810	"	2	"	1,68
"	"	"	1810	"	1820	"	0	"	0,00
"	"	"	1820	"	1830	"	2	"	1,68
"	"	"	1830	"	1840	"	2	"	1,68

Изъ этой таблицы видно, что хотя и является значительное преобладаніе отъ 1680 до 1690 мм. тѣмъ не менѣе все же ростъ нѣмцевъ-новобранцевъ является чрезвычайно разнообразнымъ, мало въ этомъ отношеніи уступающимъ росту эстонцевъ материка. Чтобы получить болѣе цѣльное впечатлѣніе о ростѣ нѣмцевъ мы сгруппируемъ его по полусотнямъ миллиметровъ; въ этомъ случаѣ мы получимъ слѣдующее:

- 1) Съ ростомъ отъ 1500 до 1600 мм. всего 8 суб. или 6,77%
- 2) " " " 1600 " 1650 " " 18 " " 15,25 "
- 3) " " " 1650 " 1700 " " 46 " " 38,98 "
- 4) " " " 1700 " 1750 " " 25 " " 21,18 "
- 5) " " " 1750 " 1800 " " 15 " " 12,71 "
- 6) " " " 1800 " 1850 " " 6 " " 5,08 "

И тутъ, какъ и въ предыдущихъ группахъ, замѣтно преобладаніе роста отъ 1650 до 1700 мм., но для этой группы можно, повидимому, считать характернымъ значительный процентъ высокаго роста. Распредѣляя ростъ нѣмцевъ-новобранцевъ по четыремъ принятымъ нормамъ, мы получимъ слѣдующее:

- 1) Ростъ низкій (1512—1600) у 8 изъ 119 или у 6,72 %
- 2) ростъ ниже средняго (1600—1650) у 18 изъ 119 или у 15,12 "
- 3) ростъ выше средняго (1650—1700) у 46 изъ 119 или у 38,65 "
- 4) ростъ высокій (1700—1837) у 47 изъ 119 или у 39,49 "

Мы видимъ слѣдовательно, что наибольшій процентъ приходится на высокій ростъ, почти одинаково представленъ и ростъ выше средняго, между тѣмъ какъ на ростъ ниже средняго приходится съ небольшимъ лишь 15%, а на ростъ низкій 6,72%.

5. Сравненіе новобранцевъ четырехъ группъ. Чтобы наглядно представить себѣ ростъ каждой изъ нами описанныхъ четырехъ группъ, мы сравнимъ ихъ между собою; это сравненіе тѣмъ болѣе интересно, что всѣ новобранцы, какъ сказано, изъ Эстляндской губерніи; кромѣ того всѣ субъекты одного возраста. При сопоставленіи отдѣльныхъ группъ, мы получаемъ слѣдующее:

	Ростъ низкій: до 1600 мм.	Ростъ ниже средняго: 1600—1650.	Ростъ выше средняго: 1650—1700.	Ростъ вы- сокій: выше 1700.	Minimum.	Maxi- mum.
Эстонцы материка . . .	8,38	18,68	32,71	40,21	1501,5	1881,0
Островитяне	3,82	9,83	43,71	42,62	1523,5	1831,5
Русскіе	11,36	25,00	34,09	29,54	1534,5	1771,0
Нѣмцы	6,72	15,12	38,65	39,49	1512,5	1897,5

Изъ этой таблицы мы первымъ дѣломъ видимъ, что случай наименьшаго роста въ наборѣ 1892 г. обнаружили эстонцы материка, а наибольшаго роста нѣмцы. Переходя за симъ къ отдѣльнымъ формамъ роста, намъ слѣдуетъ отмѣтить слѣдующее: наиболѣе низкаго роста обнаруживаютъ русскіе, а наименѣе островитяне, впрочемъ и нѣмцы стоятъ къ нимъ въ этомъ отношеніи близко. Ростъ ниже средняго представленъ всего больше опять таки русскими, а менѣе всего островитянами, къ которымъ ближе всего стоятъ нѣмцы; ростъ выше средняго представленъ во всѣхъ группахъ, исключая островитянъ, приблизительно одинаково: онъ у трехъ группъ составляетъ немного болѣе или немного менѣе $\frac{1}{3}$ всего числа, у островитянъ же слишкомъ 40%. Наконецъ роста высокаго больше всего у островитянъ, затѣмъ у эстонцевъ материка, далѣе у нѣмцевъ и наконецъ меньше всего у русскихъ.

Вышеприведенную таблицу мы можемъ пополнить еще нижеслѣдующею:

	Отъ 1500 до 1600.	Отъ 1600 до 1650.	Отъ 1650 до 1700.	Отъ 1700 до 1750.	Отъ 1750 до 1800.	Отъ 1800 до 1850.
Эстонцы материка . . .	8,38	18,68	32,71	24,50	12,47	2,88
Островитяне	3,82	9,83	43,71	28,41	10,93	3,27
Русскіе	11,36	25,00	34,09	19,31	10,22	0,00
Нѣмцы	6,77	15,25	38,98	21,18	12,71	5,08

Изъ этого слѣдуетъ, что эстонцы весьма высокаго роста, но что островитяне какъ будто выше ихъ, ростъ этихъ послѣднихъ отчасти превышаетъ ростомъ нѣмцевъ, которые, по вѣдому, чаще обнаруживаютъ ростъ большихъ величинъ; хотя у

нихъ ростъ малый и ниже средняго встрѣчается и рѣже, чѣмъ у эстонцевъ, но чаще чѣмъ у островитянъ. Что касается русскихъ, то новобранцы этой группы по величинѣ роста занимаютъ послѣднее мѣсто: ростъ большихъ величинъ (отъ 1800—1850) у нихъ совсѣмъ не встрѣчается, ростъ малый и ниже средняго напротивъ того, довольно часто, а ростъ высокій рѣже, чѣмъ у остальныхъ группъ.

6. *Эстонцы разныхъ возрастовъ.* Кромѣ вышеприведенныхъ данныхъ о ростѣ эстонцевъ-новобранцевъ, мы имѣемъ еще цифры роста 882 субъектовъ, измѣренныхъ на Антропометрической Станціи Ревельской Губернской тюрьмы. Этотъ матеріалъ въ свою очередь цѣнный въ томъ отношеніи, что измѣренные субъекты принадлежатъ разнымъ возрастамъ, а именно: на возрастъ отъ 20—30 лѣтъ приходится 481 суб., на 30—40 лѣтнихъ — 255 суб., на 40—50 лѣтнихъ — 87 суб., на 50—60 лѣтнихъ — 38 суб. и на 60—70 лѣтнихъ 21 субъектъ. Не различая пока ростъ этихъ субъектовъ по возрастамъ, мы рассмотримъ ихъ всецѣло, чтобы сравнить получаемыя, такимъ образомъ, данныя съ полученнымъ нами на эстонцахъ-новобранцахъ. Мы имѣемъ слѣдующее:

Съ ростомъ отъ	до	всего	9 суб. или	1,02 %
"	1500	1550	43	4,87
"	1550	1600	14	1,58
"	1600	1610	"	"
"	1610	1620	42	4,76
"	1620	1630	27	3,06
"	1630	1640	49	5,55
"	1640	1650	51	5,78
"	1650	1660	46	5,21
"	1660	1670	49	5,55
"	1670	1680	50	5,66
"	1680	1690	66	7,48
"	1690	1700	53	6,01
"	1700	1710	57	6,46
"	1710	1720	39	4,42
"	1720	1730	47	5,32
"	1730	1740	37	4,19
"	1740	1750	41	4,64
"	1750	1760	48	5,44
"	1760	1770	29	3,28
"	1770	1780	22	2,49
"	1780	1790	17	1,92
"	1790	1800	13	1,47
"	1800	1810	11	1,24
"	1810	1820	7	0,79
"	1820	1830	4	0,45
"	1830	1840	5	0,56

Съ	ростомъ	отъ	1840	до	1850	всего	0	суб.	или	0,00	%
"	"	"	1850	"	1860	"	3	"	"	0,34	"
"	"	"	1860	"	1870	"	0	"	"	0,00	"
"	"	"	1870	"	1880	"	0	"	"	0,00	"
"	"	"	1880	"	1890	"	0	"	"	0,00	"
"	"	"	1890	"	1900	"	0	"	"	0,00	"
"	"	"	1900	"	1910	"	2	"	"	0,22	"
"	"	"	1910	"	1920	"	0	"	"	0,00	"
"	"	"	1920	"	1930	"	0	"	"	0,00	"
"	"	"	1930	"	1940	"	1	"	"	0,11	"

Сравнивая этотъ рядъ съ аналогичнымъ рядомъ, приведеннымъ нами выше для эстонцевъ-новобранцевъ, мы можемъ усмотрѣть, что тотъ и другой стоятъ другъ къ другу довольно близко, но и здѣсь ростъ является настолько разнообразнымъ, что чтобы получить болѣе цѣльное впечатлѣнiе, мы разобъемъ всѣ цифры роста по полсотнямъ миллиметровъ, соединивъ, какъ нами и выше было сдѣлано, ростъ субъектовъ не выше 1600 м/м въ одну группу. Мы получаемъ слѣдующее:

1)	Съ	ростомъ	отъ	1500	до	1600	м/м	всего	52	суб.	или	5,89	%
2)	"	"	"	1600	"	1650	"	"	183	"	"	20,74	"
3)	"	"	"	1650	"	1700	"	"	264	"	"	29,93	"
4)	"	"	"	1700	"	1750	"	"	221	"	"	25,05	"
5)	"	"	"	1750	"	1800	"	"	129	"	"	14,62	"
6)	"	"	"	1800	"	1850	"	"	27	"	"	3,06	"
7)	"	"	"	1850	"	1900	"	"	3	"	"	0,34	"
8)	"	"	"	1900	"	1950	"	"	3	"	"	0,34	"

Сравнивая эту табличку съ таковою же для эстонцевъ-новобранцевъ, мы увидимъ, что они не совсѣмъ совпадаютъ и что различiе между ними заключается, говоря вообще, въ томъ, что у новобранцевъ не встрѣчается столько субъектовъ высокаго роста т. е. выше 1700 м/м, но мало того: между тѣмъ какъ среди новобранцевъ предѣломъ роста является 1850—1900 м/м, у группы арестантовъ предѣлъ падаетъ на ростъ отъ 1900—1950, Что касается минимальнаго роста, то таковой совпадаетъ въ обѣихъ группахъ совершенно, а именно среди новобранцевъ мы нашли минимальный ростъ равнымъ 1501,5 м/м, а среди арестантовъ онъ равенъ 1501, 0 т. е. на 0,5 м/м меньше. Но между тѣмъ какъ минимумъ роста обѣихъ группъ совпадаетъ, въ максимумѣ замѣчается весьма крупная разница: между тѣмъ какъ новобранцы въ своемъ ростѣ не превышаютъ 1881 м/м, у группы арестантовъ максимальный ростъ равняется 1930, т. е. на 49 м/м больше. Раздѣляя всѣ имѣющіяся у насъ цифры роста этой

последней группы по четыремъ принятымъ нормамъ, мы получаемъ слѣдующее:

- 1) ростъ низкій (отъ 1501—1600) у 52 изъ 882 или у 5,89 %
- 2) ростъ ниже средняго („ 1600—1650) у 183 изъ 882 или у 20,74 %
- 3) ростъ выше средняго („ 1650—1700) у 264 изъ 882 или у 29,93 %
- 4) ростъ высокій („ 1700—1930) у 383 изъ 882 или у 43,42 %

Если мы эту таблицу сравнимъ съ таковою же таблицей, приведенною нами выше для эстонцевъ-новобранцевъ, то мы увидимъ, что и та и другая весьма близки другъ другу; разница наблюдается въ томъ на что мы уже выше указали т. е. что роста высокаго у этой группы немного (около 3 %) больше, чѣмъ у новобранцевъ, остальные же формы роста представлены нѣсколько менѣе обильно.

Обращаясь теперь къ отдѣльнымъ возрастамъ измѣренныхъ нами арестантовъ, мы не будемъ останавливаться на ростѣ такъ детально какъ нами это было сдѣлано съ общою группою взрослыхъ, такъ какъ такое расиределеніе, при сравнительно малочисленномъ количествѣ субъектовъ, приходящихся на каждый возрастъ въ отдѣльности не дастъ намъ никакой наглядной картины. Мы остановимся прямо на отдѣльныхъ формахъ роста:

Ростъ въ миллиметр.	отъ 20 до 30 л.		отъ 30 до 40 л.		отъ 40 до 50 л.		отъ 50 до 60 л.		отъ 60 до 70 л.		всего отъ 20 до 70 л.	
	абсол. число.	%	абсол. число.	%	абсол. число.	%	абсол. число.	%	абсол. число.	%	абсол. число.	%
1501—1600	21	4,36	18	7,06	8	9,19	3	7,89	2	9,52	52	5,89
1600—1650	95	19,75	52	20,39	19	21,84	9	23,67	8	38,09	183	20,74
1650—1700	140	29,11	74	29,02	28	32,18	16	42,11	6	28,57	264	29,93
1700—1930	225	46,77	111	43,53	32	36,78	10	26,31	5	23,81	383	43,42

Эта таблица въ томъ отношеніи интересна, что она наглядно показываетъ возрастное измѣненіе роста. Мы видимъ, что въ теченіи первыхъ трехъ возрастныхъ періодовъ (20—30, 30—40 40—50) наибольшій процентъ приходится на ростъ отъ 1700 и выше т. е. на ростъ высокій, но эти проценты по своей величинѣ другъ отъ друга весьма значительно отличаются. Въ первый возрастной періодъ на высокій ростъ приходится слишкомъ 46 %, во второй 43 %, а въ третій только 36 %; ростъ низкій находится въ обратномъ отношеніи къ высокому росту: первый возрастной періодъ имѣетъ лишь немного болѣе 4 % роста малаго, второй періодъ — слишкомъ 7 %, а третій — слишкомъ 9 %. Изъ этого ясно, что ростъ наибольшій приходится на 20—30 лѣтнихъ субъектовъ и что онъ постепенно съ возрастомъ уменьшается. Это подтверждается двумя дальнѣйшими возрастными періодами: въ 50—60 лѣтъ максимальный процентъ перемѣщается

съ высокаго роста на ростъ выше средняго, а въ 60—70 лѣтнемъ возрастѣ даже на ростъ ниже средняго. Одновременно съ этимъ видно, что у 50—60 лѣтнихъ высокаго роста 26%, а у 60—70 лѣтнихъ даже только 23% (вдвое меньше, чѣмъ у 20—30 лѣтнихъ). Изъ вышесказаннаго такимъ образомъ можно сдѣлать то заключеніе, что у эстонцевъ ростъ увеличивается до 20—30 лѣтъ и затѣмъ постепенно уменьшается, доходя до сравнительнаго минимума въ старческомъ возрастѣ.

7. *Общій взглядъ на ростъ эстонцевъ.* Имѣя такія довольно обильныя данныя о ростѣ эстонцевъ какъ о 21 лѣтнихъ новобранцахъ, такъ и о эстонцахъ разныхъ возрастовъ, мы хотимъ связать весь этотъ матеріалъ, чтобы получить общую картину роста этой народности. Нашъ выше приведенный матеріалъ мы можемъ еще пополнить данными нами выше кратко упомянутыми и полученными О. Грубе*). Этотъ авторъ измѣрилъ всего 100 субъектовъ и, хотя это количество въ сравненіи съ тѣмъ, которымъ мы располагаемъ и не велико, то оно все же увеличиваетъ общее число наблюденій на цѣлую сотню. Такимъ образомъ мы имѣемъ 2253 новобранца, 882 измѣренныхъ арестанта и 100 эстонцевъ, измѣренныхъ О. Грубе, т. е. всего 3235 субъектовъ, или число весьма почтешое. Распредѣляя всѣхъ субъектовъ по четыремъ нормамъ роста, мы получаемъ слѣдующее:

- 1) ростъ низкій (отъ 1501 до 1600) у 256 изъ 3235 или у 7,91 %
- 2) ростъ ниже средняго („ 1600 до 1650) у 636 изъ 3235 или у 19,65 %
- 3) ростъ выше средняго („ 1650 до 1700) у 1030 изъ 3235 или у 31,83 %
- 4) ростъ высокій („ 1700 до 1930) у 1313 изъ 3235 или у 40,58 %

Такимъ образомъ наблюденія надъ слишкомъ тремя тысячами субъектовъ показываютъ намъ, что эстонцы обнаруживаютъ слишкомъ 40% высокаго роста и слишкомъ 31% роста выше средняго, тогда какъ роста ниже средняго только 19%, а малаго роста лишь около 8%.

Собственно говоря, эстонцы надъ которыми дѣлалъ наблюденіе О. Грубе, значительно ниже ростомъ нашихъ, но такъ какъ общее число измѣренныхъ имъ субъектовъ (100) совершенно терится среди массы нашего матеріала, то существеннаго измѣненія въ процентахъ усмотрѣть невозможно. Распредѣляя опубликованныя О. Грубе цифры роста по отдѣльнымъ нормамъ роста, мы получаемъ слѣдующее: роста малаго — 15%; ниже-средняго — 32%, выше-средняго — 29% и высокаго — 24%, т. е. мы получаемъ, что эстонцы скорѣе малаго, чѣмъ большаго роста или по крайней мѣрѣ средняго роста съ наклономъ къ росту малому. Слѣдо-

*) G. Grube. — Anthropologische Untersuchungen an Esten. Dorpat. 1878.

вательно О. Грубе приходитъ къ совершенно обратному выводу, чѣмъ мы и говоримъ, что эстонцы только средняго роста. Спрашивается, чѣмъ можно объяснить такое несоотвѣтствіе данныхъ, приводимыхъ О. Грубе, съ данными нашими? Мы видимъ объясненіе этому въ томъ, что 74% всѣхъ измѣренныхъ Грубе субъектовъ, старше 30 лѣтъ, а именно: 28% отъ 30—40 л.; 32% отъ 40—50 лѣтъ; 11% отъ 50—60 л. и 3% отъ 60—70 лѣтъ. Мы выше говорили, что наиболѣе высокій ростъ эстонцевъ приходится на возрастъ отъ 20—30 лѣтъ, что послѣдующіе возрастные періоды обнаруживаютъ значительно меньшій ростъ, послѣ этого совершенно естественно, что О. Грубе, не расчленившій измѣренныхъ имъ субъектовъ по возрасту и судившій о ростѣ эстонцевъ на основаніи только средней цифры пришелъ къ совершенно невѣрному выводу*).

Чтобы покончить съ ростомъ нашихъ новобранцевъ намъ надлежитъ остановиться на среднихъ цифрахъ его, а затѣмъ сравнить ростъ эстонцевъ, какъ группы насъ въ данномъ случаѣ интересующей всего больше и представленной у насъ наибольшимъ количествомъ субъектовъ, сравнить ростъ ихъ съ ростомъ другихъ инородцевъ, населяющихъ обширную территорію нашего отечества.

8. *Средній ростъ.* Средній ростъ, полученный нами изъ 2252 эстонцахъ-новобранцахъ**), равняется 1709,81 мм. или 1710 мм., ильцы-новобранцы Эстляндской губерніи нѣсколько уступаютъ имъ въ ростѣ, а именно у нихъ (на 119 суб.) средняя цифра равна 1695,56 мм. или 1696 мм., островитяне почти одинаковы по средней цифрѣ съ ильцами, ихъ средній ростъ равенъ 1695,10 мм. или 1695 мм., а русскіе-новобранцы изъ четырехъ группъ наиболѣе низки ростомъ: средняя цифра у нихъ равняется (на 88 суб.) 1670,36 мм. или 1670 мм. Средній ростъ эстонцевъ, полученный нами, долженъ считаться очень большимъ и это тѣмъ болѣе, что нами приняты во вниманіе субъекты (21-года) ростъ которыхъ въ увеличеніи своемъ еще не остановился. О. Грубе***), производившій наблюденія надъ 100 эстон-

*) Этотъ примѣръ достаточно краснорѣчиво говоритъ объ относительномъ значеніи среднихъ цифръ; см. наши „Киргизы Букеевской орды.“ вып. II стр. 23—27.

**) Изъ всѣхъ ильющихся у насъ 2259 новобранцевъ, мы выкинули 7 суб. такъ какъ ихъ ростъ, будучи отъ 1408—1496 мм., не можетъ считаться иначе какъ исключительнымъ.

***) Anthropologische Untersuchungen an Esten. Dorpat 1878, см. наши „Киргизы Букеевской орды.“ стр. 13 и 43. Собственно говоря самъ О. Грубе даетъ для средняго роста эстонцевъ нѣсколько иную цифру: на стр. 30 своей выше помянутой статьи онъ приводитъ цифру 1642,8, но мы, проверивъ лично эту среднюю по приложеннымъ авторомъ табличкамъ, нашли ее не точной и сочли себя вынужденными (откинувъ двухъ субъектовъ моложе 20 лѣтъ) измѣнить

цами получили ихъ средній ростъ равнымъ 1654 мм., т. е. значительно ниже того, который полученъ нами*). Средній ростъ эстонцевъ, который мы получили на 882 арестантахъ разнаго возраста равняется 1692,53 (или 1693 мм.) т. е. ихъ ростъ въ среднемъ ниже эстонцевъ-новобранцевъ, но выше эстонцевъ измѣренныхъ О. Грубе. Желая получить общую среднюю для всѣхъ эстонцевъ вмѣстѣ, т. е. новобранцевъ, нашихъ арестантовъ и измѣренныхъ О. Грубе, мы соединили эти три группы и пришли къ выводу, что средній ростъ эстонцевъ, полученный на 3318 субъектахъ равенъ 1704,42 мм. или 1704 мм.

Чтобы нагляднѣе уяснить себѣ значеніе этой цифры роста эстонцевъ, мы сравнимъ ее съ таковыми, полученными другими авторами на другихъ финскихъ народностяхъ нашего отечества. Мы имѣемъ по этому вопросу нижеслѣдующія данныя**).

1) Вогулы	1542	6) мордва-эрзя	1647
2) лопари	1555	7) тавасты	1673
3) остяки	1596	8) вепсы	1700
4) пермяки	1617	9) корелы	1720
5) вотяки	1620	10) ливы	1736

Изъ этихъ цифръ мы видимъ, что финны, говоря вообще, представляютъ весьма крупное разнообразіе въ среднихъ цифрахъ роста; это разнообразіе столь велико, что часть финновъ мы вынуждены причислить къ народностямъ (Европы и Азии) наменьшаго роста, а часть, и въ томъ числѣ и нашихъ эстовъ, къ народностямъ весьма большаго роста. Что это дѣйствительно такъ, мы увидимъ сейчасъ болѣе наглядно при сравненіи финновъ вообще и въ частности эстовъ съ другими народностями, населяющими Россію. Мы можемъ отмѣтить, говоря вообще о ростѣ финновъ, что среди нихъ встрѣчаются приблизительно одинаково распространенными какъ ростъ низкій (т. е. малый) и ниже средняго, такъ и ростъ выше средняго и высокій. Это разнообразіе въ ростѣ финновъ можно до извѣстной степени примѣрять: если мы эстовъ, вепсовъ, ливовъ, кореловъ и тавастовъ назовемъ финнами западными, вотяковъ и пермяковъ соединимъ въ среднюю группу, лопарей, остяковъ и вогуловъ назовемъ финнами

ее на 1653,46 т. е. на 1654. Гдѣ собственно кроется у О. Грубе ошибка, въ вычисленіи ли средней цифры или въ самихъ таблицахъ, намъ обнаружить не удалось; впрочемъ разница между его средней и найденной по его матеріалу нами не особенно значительна и равняется — 11,66 мм.

*) Причина этого нами объяснена уже выше.

**) Эти данныя о разныхъ народностяхъ взяты нами изъ нашего труда „Киргизы Букеевской орды.“

сѣверными, или же лопарей — сѣверными, а остяковъ и вогуловъ — восточными, то мы получимъ слѣдующее: западные финны имѣютъ ростъ высокій, клонящійся слегка къ росту выше средняго, средніе финны имѣютъ ростъ ниже средняго, а сѣверные и восточные финны имѣютъ преимущественно ростъ малый. Наши эсты, хотя и занимаютъ среди финновъ по росту одно изъ видныхъ мѣстъ, но выше ихъ, повидимому, корелы и особенно ливы.

Разсмотримъ теперь ростъ эстонцевъ на ряду съ другими инородцами Россіи (включая сюда и вышеприведенныхъ финновъ): цифры ихъ роста слѣдующія:

1) айны ¹⁾	1513	16) калмыки турфанскіе	1633
2) соѣнцы ²⁾	1535	17) мелитопольскіе татары	1635
3) вогулы	1542	18) закавказскіе евреи ³⁾	1639
4) лопари	1555	19) армяне ⁴⁾	1642
5) самоѣды	1580	20) гурійцы ⁵⁾	1645
6) остяки	1596	21) перекопскіе татары	1646
7) телесы	1608	22) мордва-эрзя ⁶⁾	1647
8) арбунсумуны	1611	23) телеуты	1648
9) касимовскіе татары	1617	24) грузины	1648
10) пермяки	1617	25) киргизы ⁷⁾	1650
11) вотяки	1620	26) мещеряки	1652
12) чухары	1622	27) мингрельцы	1652
13) евреи ⁸⁾	1624	28) черневые татары	1654
14) феодосійскіе татары	1625	29) жмудины ⁹⁾	1656
15) торгоуты ⁴⁾	1633	30) имеретины	1657

¹⁾ Д. Анучинъ. — Матеріалы для антропологии Восточной Азии. I. Племя айновъ. Пр. Антр. Отд. Имп. Общ. Люб. Ест. кн. 2, в. 1.

²⁾ Ростъ этой народности, а также и всѣхъ тѣхъ, которые здѣсь не отмѣчены особо, заимствованы нами изъ нашего труда „Киргизы Букеевской орды“, вып. II, см. стр. 9—17 и 41—46. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ взята соединенная средняя.

³⁾ Соединенная средняя изъ среднихъ Снегирева, Вейсбаха, Шульца и Блехмана; см. В. Blechmann: Ein Beitrag zur Anthropologie der Juden. Dorpat, 1882.

⁴⁾ А. Ивановскій. — „Монголы-торгоуты“. М. 1893 г. стр. 58.

⁵⁾ и ⁷⁾ П. Пантюховъ. — О ростѣ нѣкоторыхъ племенъ Закавказскаго края. Тифлисъ „Медицин. Сборникъ“ 1889 г. № 50; грузины, лшавы, хевсуры, тупины, мингрельцы, имеретины и самурзаканцы тамже.

⁶⁾ В. Майновъ. — Результаты антропологическихъ изслѣдованій среди мордвы-эрзя. СПб. 1883

⁹⁾ См. нашъ трудъ „Киргизы Букеевской орды“. М. 1891 г. в. II, стр. 54.

¹⁰⁾ Снегиревъ; см. J. Brennsohn. — Zur Anthropologie der Lithauer. Dorpat, 1883, стр. 52.

31) теленгиты	1658	52) пшавы	1689
32) таранчи	1658	53) крымскіе южпобереж.	
33) персіяне	1658	татары	1693
34) кавказскіе татары	1660	54) осетины	1695
35) литовцы ¹⁾	1662	55) сванеты	1695
36) бахчисарайскіе татары	1665	56) белуджи	1696
37) қурды ²⁾	1666	57) кумандинцы	1700
38) китайцы	1667	58) хевсуры	1700
39) гальчи	1668	59) вепсы	1700
40) башкиры	1670	60) кипчаки	1701
41) узбеки	1671	61) эсты (3318 субъек.)	1704
42) тушины	1672	62) латыши ³⁾	1704
43) самурзакапцы	1672	63) мазанги	1712
44) кабардинцы	1673	64) люли	1714
45) тавасты	1673	-65) тіуруки	1715
46) сарты	1677	66) таджики	1719
47) маджуры	1678	67) корелы	1720
48) каракиргизы	1679	68) туркмены	1732
49) дунгане	1680	69) ливы	1736
50) авганцы	1681	70) алтайскіе калмыки	1755
51) абхазцы	1688		

Сравнивая вышеприведенный средний ростъ эстонцевъ (1704) съ ростомъ другихъ нашихъ инородцевъ, намъ станетъ ясно, что эстонцы по своему росту занимаютъ у насъ одно изъ очень видныхъ мѣстъ. Изъ 70 нами приведенныхъ инородцевъ, ихъ превышаютъ только восемь — мазанги, люли, тіуруки, таджики, туркмены, алтайскіе калмыки, корелы и ливы, латыши одинаковаго роста съ эстонцамъ, всѣ же остальные инородцы (впрочемъ здѣсь переименованы у насъ не всѣ наши инородцы) значительно ниже эстонцевъ *).

Нѣмцы, коихъ средний ростъ нами найденъ равнымъ 1696 m/m, какъ мы уже сказали, ниже эстонцевъ, но все же они по росту занимаютъ весьма видное мѣсто среди нашихъ инородцевъ; ихъ превышаютъ кромѣ тѣхъ, которые выше эстовъ, еще вепсы, хевсуры, кумандинцы и кипчаки. Трудно сказать насколько такой ростъ (1696 m/m) для нѣмцевъ является типичнымъ, такъ какъ

¹⁾ J. Brennsobn. — Zur Anthropologie der Lithauer. Dorpat 1883, стр. 23.

²⁾ Н. Насоновъ. — „Днев. Антр. Отдѣл. Общ. Люб. Ест.“ 1890 г стр. 401.

³⁾ O. Weber. — Beiträge zur Anthropologie der Letten. Dorpat, 1879.

*) Считаю не лишнимъ замѣтить, что, при вычисленіи средняго роста эстонцевъ-новобранцевъ, нами взяты всѣ новобранцы 1892 года: какъ принятые, такъ и непринятые къ отбыванію воинской повинности.

мы имѣемъ въ сравненіи съ эстонцами небольшое количество наблюденій (119 суб.), но мы можемъ отмѣтить, что наша средняя цифра, полученная на нѣмцахъ значительно превышаетъ, общепринятую цифру средняго роста для нѣмцевъ Германіи, а именно таковой равняется 1677 м/м*), т. е. на 22 м/м меньше, чѣмъ полученный намп. Къ этой послѣдней цифрѣ мы можемъ прибавить цифру, найденную для нѣмцевъ-новобранцевъ Снигиревымъ**), она равно 1637, т. е. на 40 мм. меньше предыдущей и на 62 мм. меньше нашей. Островитяне, стоящіе по среднему росту ближе всего (изъ новобранцевъ) къ нѣмцамъ, имѣютъ одинаковый ростъ съ осятинами.

Что касается средняго роста русскихъ новобранцевъ, полученнаго нами на 88 суб. и равнаго 1670 мм, то это цифра быть можетъ и является для русскихъ Эстляндской губерній характерной, но не соответствуетъ средней цифрѣ роста русскихъ внутреннихъ губерній; впрочемъ ростъ русскихъ чрезвычайно варьируетъ по отдѣльнымъ губерніямъ***).

Закончивъ такимъ образомъ разсмотрѣніе роста, мы перейдемъ теперь къ слѣдующему размѣру у новобранцевъ Эстляндской губерніи: къ объему груди.

II. Объемъ груди.

Объемъ груди, этотъ интересный и важный признакъ, требуетъ при его разсмотрѣніи особой тщательности въ обработкѣ. Мы уже выше на ростѣ видѣли, какъ важно при разсмотрѣніи его принимать во вниманіе менѣе среднія цифры, чѣмъ ряды цифръ; мы далѣе видѣли, какъ важно при разсмотрѣніи роста имѣть ввиду и возрастъ субъектовъ, на сколько, при игнорированіи этихъ факторовъ можно придти къ весьма неточнымъ и даже ошибочнымъ выводамъ. Что касается объема груди, то этотъ размѣръ мы разсмотримъ не иначе, какъ въ отношеніи къ росту т. е. мы остановимся не на абсолютныхъ цифрахъ, а на процентахъ, которыя онѣ составляютъ, взятые въ отношеніи къ росту каждаго даннаго субъекта. Всякому достаточно ясно, что абсолютныя величины объема груди никакого интереса въ ант-

*) См. Тошнаръ. — „Антропология“ СПб. 1879 года.

**) Матеріалы для медицинской статистикѣ и географіи Россіи „Воен. медицин. журналъ“ 1878 и 1879 г. г.

***) См. сочиненія: Н. Ю. Зографа-Антропол. изслѣдов. муж. Велико-русскаго населенія Владимірской, Ярославской и Костромской губерній. Москва 1892 г. Д. Н. Анучина — „О географическомъ распредѣленіи роста мужскаго населенія Россіи.“ СПб. 1889 г. и А. Пвановскаго „Насколько вѣрны выводы Н. Ю. Зографа“ и т. д. М. 1894 г.

ронологіи племени имѣть не могутъ, относительная же величина груди (въ отношеніи роста взятая) даетъ намъ весьма наглядное понятіе о сложеніи человѣка, о его силѣ, о степени развитія грудной клѣтки, о надежности дыхательныхъ органовъ. Такой взглядъ на размѣръ груди вполне и уже давно установился въ наукѣ и литературѣ и мы менѣе чѣмъ гдѣ либо имѣемъ основаніе въ данномъ случаѣ отклоняться отъ общепринятаго метода. Разсматривая, какъ сказано, объемъ груди въ его отношеніяхъ къ росту т. е. разсматривая такъ называемый „жизненный индексъ,“ мы столкнемся, естественно, съ новымъ факторомъ, который осложняетъ разработку цифроваго матеріала: этотъ факторъ — ростъ. И такъ останавливаясь на жизненномъ индексѣ населенія Эстляндской губерніи, намъ придется считаться не только съ возрастомъ подлежащихъ субъектовъ, но и съ величинами роста.

Мы уже въ главѣ о ростѣ указали, что сравненіе среднихъ цифръ раскрываетъ намъ лишь приблизительные и вѣроятные, но не всегда съ истиною совпадающіе факты. Мы видѣли, что ростъ, полученный нами на новобранцахъ-эстонцахъ, значительно отклоняется отъ роста, полученнаго О. Грубе и что причину этой разницы слѣдуетъ искать въ разномъ возрастѣ двухъ группъ. Что касается объема груди, то сравненіе жизненнаго индекса двухъ народностей или двухъ разныхъ группъ одной и той же народности еще труднѣе, еще щекотливѣе, если можно такъ выразиться, еще опаснѣе: надо имѣть ввиду не только возрастъ измѣренныхъ субъектовъ, но, какъ выше сказано, и ихъ ростъ, который конечно далеко не всегда зависитъ отъ одного возраста, но и отъ мѣстности и отъ питанія и отъ социальныхъ условій и т. п. Кромѣ того сравненіе жизненнаго индекса двухъ группъ и отъ того не можетъ всегда привести къ желаннымъ положительнымъ результатамъ, что само измѣреніе объема груди разными лицами берется разно: нѣкоторые измѣряютъ объемъ груди съ поднятыми кверху руками (какъ то между прочимъ дѣлается и при призывѣ новобранцевъ), другіе измѣряютъ грудь при слегка приподнятыхъ рукахъ, иные опять при рукахъ, опущенныхъ почти совершенно по швамъ; съ другой стороны нѣкоторые мѣряютъ грудь обводя ленту выше сосковъ, иные черезъ соски и опять иные ниже сосковъ. Все это, естественно, создаетъ большое разнообразіе въ величинахъ подлежащихъ цифръ, разнообразіе — до извѣстной степени допустимое при высчитываніи средней цифры, но невозможное при обработкѣ данныхъ детально. Мы ниже болѣе наглядно увидимъ, какую роль въ объемѣ груди играетъ возрастъ, здѣсь же укажемъ на то обстоятельство, что новобранцы,

говоря вообще, отличаются меньшею относительною величиною объема груди, чѣмъ лица болѣе старшаго возраста; это зависить съ одной стороны оттого, что жизненный индексъ не достигаетъ своего максимума къ 21 году жизни, съ другой же стороны оттого, что, какъ можно полагать, являющіеся къ призыву нерѣдко намѣренно изуряютъ себя, чтобы быть, за недостаточностью размѣровъ груди, забракованными. Не безъ вліянія на увеличеніе (въ среднемъ) объема груди у взрослыхъ, быть можетъ, является и тотъ факторъ, что слабогрудые умираютъ въ раннемъ возрастѣ, оставляя въ живыхъ людей съ жизненными индексами болѣе благопріятнымъ для существованія. На сколько объемъ груди у новобранцевъ относительно роста меньше, чѣмъ у субъектовъ болѣе взрослыхъ, мы можемъ видѣть изъ двухъ слѣдующихъ примѣровъ: Снегиревъ, извѣстный изслѣдователь новобранцевъ, получилъ напр. для литовцевъ-новобранцевъ жизненный индексъ равнымъ 52,16, между тѣмъ Брензонъ, изслѣдовавшій литовцевъ разныхъ возрастовъ получилъ — 55,47 т. е. на 3,31 % больше, что составляетъ громадную разницу. Далѣе, упомянутый уже Снегиревъ получилъ на новобранцахъ-евреяхъ жизненный индексъ, равнымъ 49,68, а Блехманъ, изслѣдовавшій евреевъ разныхъ возрастовъ, получилъ 51,13 т. е. на 1,45 % больше.

Все выше нами указанное въ антропологической литературѣ правда не ново, тѣмъ не менѣе многіе авторы настойчиво продолжаютъ, при разсмотрѣніи физическихъ признаковъ вообще и въ частности объема груди, складывать безъ всякой критики и разбора разныя цифры, добытыя ими на субъектахъ въ разныхъ условіяхъ находящихся, принадлежащихъ и къ разнымъ возрастамъ и имѣющихъ самый разнообразный ростъ, единственно съ тою цѣлью, чтобы возможно скорѣе дойти до средней цифры, которой они придаютъ ошибочно не только громадное, но какъ будто и исключительное значеніе. Такого взгляда и метода мы не раздѣляемъ и обращаемъ наше особенное вниманіе на ряды цифръ, а если и останавливаемся на среднихъ, то, во первыхъ, не придаемъ имъ особеннаго значенія, а во вторыхъ пользуемся ими потому, что многіе авторы въ своихъ трудахъ иначе не обрабатываютъ свои цифровые матеріалы, часто даже не опубликовываютъ своихъ цифръ, на основаніи которыхъ они получили среднія, и такимъ образомъ невольно заставляютъ пользоваться исключительно ими.

1. *Эстонцы-новобранцы.* Жизненный индексъ для эстонцевъ-новобранцевъ вычисленъ нами на 2280 субъектахъ, при этомъ мы нашли слѣдующіе распредѣленія его.

Индексъ отъ	44—48	всего у	180	суб. изъ	2280	или у	7,89 %
"	"	48—50	"	"	412	"	"
"	"	50—52	"	"	660	"	"
"	"	52—54	"	"	636	"	"
"	"	54—56	"	"	306	"	"
"	"	56—59	"	"	86	"	"

Изъ этой таблицы мы видимъ во первыхъ, что у 592 субъ-ектовъ изъ 2280 т. е. у 25,96 % или у слишкомъ $\frac{1}{4}$ новобранцевъ объемъ груди менѣ половины роста. Само-собою разумѣется, что этотъ фактъ крайне не благоприятенъ и конечно не говоритъ въ пользу силы данного народа. Такъ какъ со слабостью груди стоитъ въ связи и количество заболѣвацій болѣзнями дыхательныхъ органовъ и въ частности бугорчаткой, не безынтересно остановиться на этомъ вопросѣ. Такъ какъ Эстляндская губернія при приѣмѣ новобранцевъ даетъ, какъ мы видѣли выше, въ громадномъ большинствѣ случаевъ эстонцевъ, то данныя этой губерніи, взятые всецѣло, могутъ служить одновременно и данными именно объ этихъ инородцахъ. При сравнительно высокомъ ростѣ эстонцевъ, говоритъ Л. Н. Малиновскій*), они имѣютъ плоскую, слабую, плохо развитую грудь; этимъ несоотвѣтствіемъ и объясняется отчасти тотъ фактъ, что Эстляндская губернія стоитъ первою въ ряду другихъ по количеству забракovanýchъ новобранцевъ. Разсматривая отчеты Медицинскаго Департамента, мы видимъ, что по Эстляндской губерніи въ 1886 году оказалось 27 % негодныхъ къ службѣ, а въ 1887 г. и того больше, а именно 29 % т. е. почти что третья часть всѣхъ свидѣтельствованныхъ, причемъ изъ 1000 забракovanýchъ 112 приходилось на узкую рахитическую грудь. До нѣкоторой степени въ связи съ слабостью груди стоитъ то громадное количество чахоточныхъ, которое наблюдается въ Эстляндской губ. Проф. Скворцовъ, разбирая матеріалъ по призыву новобранцевъ за 1879 и 1880 гг., пришелъ къ тому заключенію, что самое главное гнѣздо чахотки въ Россіи — это три Прибалтійскія губерніи, причемъ среди этихъ трехъ губерній пальма первенства должна быть вручена Эстляндіи, дающей вдвое большее число заболѣвацій бугорчаткой, чѣмъ Лифляндія и Курляндія. Подтверженіемъ правильности этого вывода могутъ служить цифры послѣдняго отчета Медицинскаго Департамента (за 1886 г.) касающіеся осмотра и бра-

*) Л. Н. Малиновскій. — Къ изученію въ медико-топографическомъ и статистическомъ отношеніи г. Ревеля. Серія диссертаций, допущенныхъ къ защитѣ въ Импер. Военно-Медицинской Академіи въ 1890—91 академическомъ году. Ревель, 1891 г.

ковки новобранцевъ въ воинскихъ присутствіяхъ всѣхъ губерній. Оказывается, что одинъ забракованный по причинѣ бугорчатки легкихъ приходится на слѣдующее количество осмотренныхъ:

Въ Губерн	Лифляндской	1 на 81	Въ Губерн.	Казанск.	1 на 520
" "	Эстляндской	" " 108	" "	Сувалкск.	" " 532
" "	Енисейской	" " 115	" "	Пермск.	" " 533
" "	Петербуржск.	" " 123	" "	Симбир.	" " 573
" "	Курляндск.	" " 145	" "	Ставропол.	" " 583
" "	Астраханск.	" " 167	" "	Воронеж.	" " 599
" "	Плоцкой	" " 177	" "	Чернигов.	" " 606
" "	Тверской	" " 206	" "	Орловск.	" " 628
" "	Московской	" " 207	" "	Тульск.	" " 701
" "	Минской	" " 207	" "	Ломжинск.	" " 702
" "	Владимір.	" " 228	" "	Харковск.	" " 749
" "	Новгородск.	" " 255	" "	Уфимск.	" " 751
" "	Тобольск.	" " 260	" "	Херсонск.	" " 824
" "	Псковск.	" " 265	" "	Витебск.	" " 871
" "	Тамбовск.	" " 275	" "	Петроков.	" " 871
" "	Волынск.	" " 284	" "	Гродненск.	" " 879
" "	Рязанск.	" " 289	" "	Подольск.	" " 909
" "	Олонецк.	" " 326	" "	Томской	" " 1035
" "	Кіевской	" " 342	" "	Кѣлецкой	" " 1048
" "	Бессарабск.	" " 374	" "	Ярославск.	" " 1127
" "	Виленск.	" " 384	" "	Самарской	" " 1161
" "	Вологодской	" " 399	" "	Пензенск.	" " 1270
" "	Таврической	" " 399	" "	Калужск.	" " 1295
" "	Калишск.	" " 424	" "	Сѣдецк.	" " 1333
" "	Екатеринос.	" " 440	" "	Варшав.	" " 1704
" "	Могилевск.	" " 446	" "	Саратовск.	" " 1929
" "	Ковенск.	" " 457	" "	Радомск.	" " 2124
" "	Нижегород	" " 502	" "	Люблинск.	" " 2278
" "	Вятской	" " 507	" "	Оренбургск.	" " 3472
" "	Курской	" " 509			

Самый значительный процентъ больныхъ бугорчаткой приходится стало быть на долю Лифляндской и Эстляндской губерній.

Возвращаясь къ вышеприведенной нами таблицѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что жизненный индексъ отъ 50 до 52 и отъ 52 до 54 представленъ приблизительно одинаково, а именно на долю того и другаго разряда приходится около 30 %; мы можемъ слѣдовательно констатировать, что у болѣе чѣмъ половины эстонцевъ новобранцевъ, а именно у 53.83 % жизненный индексъ равняется

отъ 50 до 54, что у 13 % приблизительно индексъ отъ 54—56 и наконецъ у 3,77 % онъ весьма большой и равняется 56—59.

Намъ надлежитъ теперь разсмотрѣть жизненный индексъ въ связи съ ростомъ. Фактъ въ антропологiи уже установленный, знакомый нынѣ впрочемъ и всякому болѣе или менѣе внимательному наблюдателю, что при ростѣ высокому, грудь относительно роста узкая, даже слабая и на оборотъ, что при ростѣ малому грудь бываетъ болѣе широкая и вообще хорошо развитая, не долженъ конечно, пониматься въ буквальный смыслъ. Т. е. не всякій субъектъ съ малымъ ростомъ имѣетъ хорошо развитую грудь, такъ же какъ и субъектъ высокаго роста далеко не всегда отличается слабою грудью. Въ этомъ мы можемъ убѣдиться при просмотрѣ минимума и максимума жизненнаго индекса: три наименьшія цифры, полученныя нами для относительной величины груди — 42,67; 43,11; 44,59 — соответствовали росту въ 1727,0; 1837,0 и 1677,5 мил. т. е. въ двухъ случаяхъ ростъ принадлежалъ къ разряду высокому и одинъ разъ къ выше среднему; три же наибольшія цифры жизненнаго индекса, полученныя нами — 58,17; 58,33; 58,86 — соответствовали росту въ 1749,0; 1716,0; и 1644,5 мил. т. е. опять таки въ двухъ случаяхъ росту высокому и одинъ разъ росту ниже средняго. Изъ этого мы наглядно видимъ, что ни высокій ростъ не обуславливаетъ обязательно слабо развитой груди, ни малый ростъ грудь широкую. Тѣмъ не менѣе уменьшеніе жизненнаго индекса съ возвышеніемъ роста весьма замѣтно т. е. величина жизненнаго индекса стоитъ въ обратномъ отношеніи къ величинѣ роста.

Но количеству имѣющихся у насъ наблюдений, мы нашли возможнымъ, при разсмотрѣніи объема груди въ связи съ величиною роста, раздѣлить послѣдній на пять группъ, а именно: ростъ ниже 1600, ростъ отъ 1600 до 1650 (ex.), ростъ отъ 1650 до 1700 (ex.), отъ 1700 до 1750 и наконецъ отъ 1750 и выше. Для первой группы мы получили слѣдующее:

а) Съ ростомъ ниже 1600 мил. мы имѣемъ всего 191 субъектъ, жизненный индексъ которыхъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

отъ 44—48	всего	6	на	191	суб.	или	3,15	%
„ 48—50	„	23	„	191	„	„	12,04	„
„ 50—52	„	36	„	191	„	„	18,84	„
„ 52—54	„	63	„	191	„	„	32,98	„
„ 54—56	„	48	„	191	„	„	25,13	„
„ 56—59	„	15	„	191	„	„	7,85	„

Мы видимъ изъ этой таблички, что субъекты съ ростомъ

ниже 1600 въ 29 случаяхъ изъ 191 имѣютъ грудь менѣе половины роста т. е. таковыхъ всего 15,19 %, что наибольшій процентъ у нихъ приходится на грудь въ 52—54 % роста, что жизненный индексъ въ 44—48 является какъ исключеніе и представленъ 3 съ небольшими процентами.

б) Если мы теперь перейдемъ къ росту отъ 1600 до 1650 мил., каковыхъ субъектовъ мы имѣемъ 425, то мы получимъ слѣдующее :

отъ 44—48	всего	9	на	425	суб.	или	2,12	%
„ 48—50	„	64	„	425	„	„	15,06	„
„ 50—52	„	107	„	425	„	„	25,17	„
„ 52—54	„	130	„	425	„	„	30,58	„
„ 54—56	„	85	„	425	„	„	20,00	„
„ 56—59	„	30	„	425	„	„	7,05	„

Сравнивая эту таблицу съ предыдущею, мы можемъ замѣтить слѣдующее характерное явленіе: начиная съ самага большаго индекса (56—59) и до самага малаго, проценты измѣнились весьма мало, но какъ бы часть ихъ нѣсколько передвинулась. На индексъ въ 56—59 уже не приходится 7,85 %, а лишь 7,05; на слѣдующій индексъ приходится не 25, а 20 %, далѣе, на слѣдующій (52—54) не 32, а 30 % и т. д. Изъ всего этого видно, что количество процентовъ, приходящіеся на малые индексы нѣсколько увеличилось, а на большіе — нѣсколько уменьшилось. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ индексъ въ 44—48, а именно въ предыдущей таблицѣ онъ былъ представленъ 3.15 %, а теперь лишь 2,12 % т. е. на 1,03 % меньше, тогда какъ можно было бы ждать, что этотъ процентъ не уменьшится, а увеличится, но этотъ процентъ самъ по себѣ такъ малъ (т. е. субъектовъ съ жизненнымъ индексомъ въ 44—48 такъ мало), что онъ является самъ по себѣ какъ бы въ видѣ исключенія и требовать правильности въ его увеличеніи или уменьшеніи нѣтъ возможности.

в) Перейдемъ теперь къ слѣдующей группѣ роста — отъ 1650—1700; этотъ ростъ представленъ у насъ 794 суб. и мы для нихъ получили слѣдующее :

отъ 44—48	всего	37	суб.	на	794	или	4,65	%
„ 48—50	„	123	„	„	794	„	15,51	„
„ 50—52	„	249	„	„	794	„	31,36	„
„ 52—54	„	252	„	„	794	„	31,74	„
„ 54—56	„	106	„	„	794	„	13,34	„
„ 56—59	„	27	„	„	794	„	3,40	„

Если мы эту таблицу сравнимъ съ предыдущею, то мы замѣтимъ между ними слѣдующую разницу: индексъ въ 56—59

сократился съ 7 на 3%, слѣдующій (54—56) съ 20 на 13%, далѣе въ ущербъ этимъ индексамъ увеличился индексъ въ 52—54, а именно съ 30 на 31%, еще болѣе увеличился процентъ у индекса 50—52, а именно съ 25 на 31%; затѣмъ хотя процентъ индекса въ 48—50 и остался почти безъ увеличенія, но процентъ индекса въ 44—48 увеличился съ 2% предыдущей и 3% первой таблицы на 4,65%. Изъ всего этого весьма ясно слѣдуетъ, что съ постепеннымъ увеличеніемъ роста уменьшается величина жизненнаго индекса. Тоже самое подтверждаютъ намъ и слѣдующіе размѣры роста.

г) Дальнѣйшая группа субъектовъ въ количествѣ 554 съ ростомъ отъ 1700 до 1750 мил. даетъ слѣдующее:

отъ 44—48	всего	59	суб.	на 554	или	10,64%
„ 48—50	„	118	„	„	554	„ 21,29 „
„ 50—52	„	177	„	„	554	„ 31,95 „
„ 52—54	„	134	„	„	554	„ 24,18 „
„ 54—56	„	55	„	„	554	„ 9,92 „
„ 56—59	„	11	„	„	554	„ 1,99 „

Изъ этой таблицы мы видимъ, что самый малый индексъ въ 44—48 въ сравненіи съ таковымъ въ предыдущей таблицѣ количествомъ болѣе чѣмъ удвоился: на его долю приходится вмѣсто 4,65% уже 10,64%, значительно увеличился и индексъ въ 48—50: съ 15 на 21%; слѣдующій затѣмъ индексъ остался почти тѣмъ же по количеству процентовъ, приходящихся на его долю, остальные же проценты, приходящіеся на жизненные индексы отъ 52 и б., уменьшались.

д) Переходя засимъ къ послѣдней группѣ роста отъ 1750 и больше т. е. къ субъектамъ наиболѣе высокаго роста, каковыхъ мы имѣемъ всего 316 субъектовъ, мы получаемъ слѣдующее:

отъ 44—48	всего	69	суб.	на 316	или	21,83%
„ 48—50	„	84	„	„	316	„ 26,58 „
„ 50—52	„	91	„	„	316	„ 28,79 „
„ 52—54	„	57	„	„	316	„ 18,03 „
„ 54—56	„	12	„	„	316	„ 3,79 „
„ 56—59	„	3	„	„	316	„ 0,95 „

Для этой таблицы, выражающей распредѣленіе жизненнаго индекса лицъ съ ростомъ въ 1750 мил. и больше, типично то, что индексъ въ 56—59 почти совершенно теряется и представленъ всего только 0,95%; небольшое количество приходится и на индексъ въ 54—56 (3,79%), между тѣмъ какъ индексы малые представлены весьма почтенными процентами.

Чтобы бросить общій взглядъ на распредѣленіе жизненнаго индекса разныхъ величинъ по величинамъ роста, мы приводимъ здѣсь общую для всѣхъ таблицу. Она слѣдующая:

Жизненный индексъ \ Ростъ	44—48	48—50	50—52	52—54	54—56	56—59	Минимъ и максимумъ роста г. е. до 100.	Примѣчаніе.
до 1600	3,15	12,04	18,84	32,98	25,13	7,85	15,19	Таблица составлена въ процентъ, отдѣльно для каждаго ряда взятыхъ.
1600 до 1650	2,12	15,06	23,17	30,58	20,00	7,05	17,18	
1650 до 1700	4,65	15,51	31,36	31,74	13,34	3,40	20,16	
1700 до 1750	10,64	21,29	31,55	24,18	9,92	1,99	31,93	
1750 и боль.	21,83	26,58	28,79	18,03	3,79	0,95	48,41	
всѣ 2280 суб.	7,89	18,07	28,94	27,89	13,42	3,77	25,96	

Если мы остановимся на жизненномъ индексѣ самыхъ малыхъ размѣровъ (44—48), то мы увидимъ, что онъ у субъектовъ роста ниже 1600 мил. представленъ лишь небольшимъ процентомъ. Съ увеличеніемъ роста этотъ процентъ (за исключеніемъ 1600—1650 мил. что можетъ быть объяснено случайностью) увеличивается и въ наибольшемъ ростѣ (1750 и б.) достигаетъ своего максимума, причемъ процентъ въ этомъ ростѣ въ 7 разъ больше, чѣмъ въ ростѣ маломъ. Слѣдующая рубрика съ индексомъ въ 48—50 показываетъ намъ, что минимальный процентъ, какъ и въ предыдущей рубрикѣ, приходится на ростъ ниже 1600, что этотъ процентъ съ увеличеніемъ роста тоже увеличивается, но что разница между минимальнымъ и максимальнымъ процентами не такъ велика, а именно послѣдній процентъ не много болѣе чѣмъ въ два раза больше перваго. Въ рубрикѣ подъ индексомъ въ 50—52 минимумъ все еще приходится на ростъ ниже 1600, но максимумъ не доходитъ до болѣе высокаго роста, а падаетъ на ростъ въ 1700—1750 мил. Начиная съ слѣдующаго индекса (52—54) и кончая послѣднимъ (56—59) минимумъ и максимумъ мѣняются своимъ прежнимъ положеніемъ: минимумъ приходится на самый большой ростъ, а максимумъ на самый малый, причемъ разница между тѣмъ и другимъ становится все болѣе и болѣе. Изъ этого ясно видна та разница, которая обнаруживается въ жизненномъ индексѣ при его распредѣленіи по разрядамъ роста. Если мы посмотримъ ту же таблицу по рядамъ въ горизонтальномъ направленіи, то мы замѣтимъ, что у наименьшаго роста максимумъ приходится на индексы 52—54, причемъ индексы въ 44—48 представлены только 3%, а въ 56—59 — 7%, къ этому росту по жизненному индексу стоитъ весьма близко и ростъ отъ 1600 до 1650. Но уже въ слѣдующемъ ростѣ максимумъ раздѣляется и почти одинаковый процентъ приходится какъ на индексы въ 52—54,

такъ и на индексы въ 50—52; затѣмъ далѣе: еще болѣе высокій ростъ уже ясно обнаруживаетъ максимумъ въ индексѣ 50—52, а ростъ въ 1750 и болѣе представляетъ опять раздвоенный максимумъ: въ индексѣ 50—52 и 48—50. Далѣе мы видимъ, что процентъ минимальнаго (44—48) индекса съ увеличеніемъ роста увеличивается, а максимальный индексъ (56—59) уменьшается, едва доходя въ ростѣ въ 1750 мил. и б. до 1%. Кромѣ того, мы можемъ отмѣтить, что съ увеличеніемъ роста увеличивается и процентъ субъектовъ съ грудью менѣе половины роста т. е. субъектовъ, бракуемыхъ при приѣмѣ новобранцевъ. Въ вышеприведенной таблицѣ этотъ фактъ выступаетъ чрезвычайно рѣзко. У субъектовъ съ ростомъ ниже 1600 мил. субъекты съ грудью менѣе половины роста составляютъ съ небольшимъ 15% т. е. менѣе $\frac{1}{3}$ части, у субъектовъ съ ростомъ въ 1600—1650 мил. этотъ процентъ превышаетъ 17%, въ слѣдующемъ ростѣ (1650—1700) процентъ доходитъ до слишкомъ 20%, у субъектовъ съ ростомъ въ 1700—1750 мил. негодные къ военной службѣ составляютъ почти 32% т. е. почти $\frac{1}{3}$ и слѣдовательно вдвое болѣе, чѣмъ у субъектовъ съ ростомъ менѣе 1600 мил.; наконецъ у лицъ съ наибольшимъ ростомъ, превышающимъ 1750 мил. этотъ процентъ возрастаетъ до слишкомъ 48% т. е. онъ болѣе чѣмъ втрое больше процента у лицъ съ ростомъ (малымъ) ниже 1600 мил. или выражаясь иначе, у эстонцевъ съ ростомъ, превышающимъ 1750 мил., около половины новобранцевъ оказывается негодными къ военной службѣ.

На основаіи всего вышензложеннаго, мы можемъ сдѣлать слѣдующія заключенія: 1) относительный объемъ груди стоитъ въ обратномъ пропорціональномъ отношеніи къ величинѣ роста; 2) количество атлетически сложенныхъ людей съ величиною роста уменьшается; 3) количество слабогрудыхъ стоитъ въ прямомъ отношеніи къ величинѣ роста; 4) количество бракуемыхъ новобранцевъ вслѣдствіе недостатка груди зависитъ отъ величины роста новобранцевъ и стоитъ съ этой послѣдней въ прямомъ отношеніи; 5) среди новобранцевъ-эстонцевъ, количество негодныхъ къ военной службѣ вслѣдствіе недостатка объема груди опредѣляется не менѣе какъ 25%.

2. *Эстонцы разныхъ возрастовъ.* Для пополненія нашего матеріала мы разработали и матеріалъ нами вышепомянутый и собранный О. Грубе на 100 эстонцахъ. Грубе приводитъ въ своемъ, разъ уже помянутомъ, трудѣ только среднія

цифры: для роста и среднюю абсолютную для объема груди. Мы здѣсь же оговоримся, что при предпринятой нами обработкѣ опубликованнаго цифроваго матеріала О. Грубе, мы натолкнулись на вкравшіяся въ его сочиненіи погрѣшности: такъ на стр. 30 онъ даетъ цифру средняго роста, равную 1642,8, между тѣмъ какъ средній ростъ, найденный нами на основаніи его же цифръ равенъ 1653,80 т. е. на 11 мил. больше. Тоже самое касается и объема груди: а именно О. Грубе на 30 страницѣ приводитъ среднюю цифру, равную 936,9 между тѣмъ какъ нами найдено 938,50 или на 1,60 мил. больше. Вслѣдствіе этого жизненный указатель по цифрамъ, приведеннымъ на 30 страницѣ диссертациі О. Грубе, долженъ былъ-бы быть — 57,03, между тѣмъ какъ онъ въ дѣйствительности на 0,29 % меньше, а именно онъ равняется, какъ мы въ томъ убѣдились при провѣркѣ его цифръ, 56,74. Сдѣлавъ эту оговорку, необходимую для предупрежденія недоразумѣній, могущихъ возникнуть при сравненіи нашихъ цифръ съ таковыми самого автора ихъ — О. Грубе, мы перейдемъ къ самому предмету.

Матеріаль О. Грубе, опубликованный имъ въ его диссертациі, хотя и не обилень и ограничивается 100 субъектами, но интересень тѣмъ, что онъ добытъ на эстонцахъ разныхъ возрастовъ. Правда, это препятствуетъ провести между этимъ матеріаломъ и нашимъ полную параллель, такъ какъ наши субъекты всѣ 21 лѣтнаго возраста, но за то мы имѣемъ возможность бросить взглядъ на измѣненіе жизненнаго индекса въ теченіи развитія эстонцевъ — прослѣдить его по возрастамъ. Что касается распредѣленія жизненнаго индекса у эстонцевъ О. Грубе въѣ возраста и роста, то мы получили слѣдующее на всѣхъ 100 субъектахъ.

отъ 48—50	всего у	1 суб.	изъ 100	или у	1 %
„ 50—52	„ у	6 „	„ 100	„ у	6 „
„ 52—54	„ у	11 „	„ 100	„ у	11 „
„ 54—56	„ у	16 „	„ 100	„ у	16 „
„ 56—59	„ у	42 „	„ 100	„ у	42 „
„ 59—63	„ у	24 „	„ 100	„ у	24 „
minimum: 48,28; maximum: 62,50.					

Если мы пожелаемъ сравнить эту таблицу съ данными, приведенными нами выше объ эстонцахъ-новобранцахъ, то мы первымъ дѣломъ не можемъ не увидать, что индексъ въ 44—48 представленный у послѣднихъ 7,89 %, здѣсь совершенно отсутствуетъ, что напротивъ того индексъ у этихъ въ 59—63 представленъ цѣлыми 24 %, между тѣмъ какъ онъ у новобранцахъ

совершенно отсутствует; что наконецъ minimum у этихъ равенъ 48,28, а у новобранцевъ 42,67 (и 43,11; 44,59) а maximum равенъ 62,50 между тѣмъ какъ максимумъ новобранцевъ (58,17; 58,33; 58,86) значительно меньше. Уже изъ этого одного намъ достаточно ясно, что группа эстонцевъ, измѣренныхъ О. Грубе, значительно болѣе широкогрудая, чѣмъ наши новобранцы. Одна изъ причинъ этого явленія, вѣтъ всякаго сомнѣнія, ростъ. Мы выше (въ главѣ о ростѣ) видѣли, что эстонцы, измѣренные О. Грубе, значительно меньше ростомъ нашихъ новобранцевъ (на одну изъ причинъ этого мы указали на своемъ мѣстѣ), но съ другой стороны на болѣе большой объемъ груди могъ вліять и методъ измѣренія, какъ то. нами было уже выше указано. Кромѣ того одна изъ главныхъ причинъ большаго относительнаго объема груди эстонцевъ О. Грубе, сравнительно съ нашими, объясняется несомнѣнно и ихъ возрастомъ; впрочемъ на этомъ мы сейчасъ остановимся подробнѣе. Распредѣляя жизненный индексъ эстонцевъ, измѣренныхъ Грубе по группамъ роста, (мы не находимъ возможнымъ дѣлить этихъ, немногочисленныхъ, въ числѣ 100, субъектовъ на пять разрядовъ роста, какъ то мы сдѣлали съ нашими новобранцами и распредѣляемъ ихъ по общепринятымъ, четыремъ нормамъ роста) мы получаемъ нижеслѣдующее:

индексъ ростъ	48—50		50—52		52—54		54—56		56—59		59 - 63	
	аб.	%	аб.	%	аб.	%	аб.	%	аб.	%	аб.	%
до 1600	0	0	0	0	2	13,33	4	26,66	5	33,33	4	26,66
1600— 650	0	0	2	6,06	1	3,03	6	18,18	15	45,45	9	27,27
1650—1700	0	0	2	7,14	2	7,14	3	10,71	13	46,42	8	28,57
1700 и больше	1	4,16	2	8,33	6	25,00	3	12,50	9	37,50	3	12,50
всего	1	1,00	6	6,00	11	11,00	16	16,00	42	42,00	24	24,00

Сравнивая эту таблицу съ аналогичною таблицею, приведенною нами выше для эстонцевъ-новобранцевъ, мы, съ перваго взгляда, увидимъ какъ будто мало общаго, но различія, собственно говоря, выражается съ одной стороны въ томъ, что эстонцы О. Грубе, будучи болѣе широкогрудыми, чѣмъ наши, обнаруживаютъ иное расположеніе процентовъ, а съ другой, сами эти проценты, вслѣдствіе небольшого количества субъектовъ, ложатся въ менѣе гармоничные ряды, чѣмъ въ нашемъ матеріалѣ. Во всякомъ случаѣ эта таблица лишь подтверждаетъ нами выше сказанное относительно связи жизненнаго индекса съ величиною роста. Что касается среднихъ цифръ, то нами получено слѣдующее.

У субъектовъ съ ростомъ ниже	1600	жиз. инд.	—	56,96
” ” ”	отъ 1600—1650	” ”	—	57,18
” ” ”	” 1650—1700	” ”	—	57,24
” ” ”	” 1700 и выше	” ”	—	55,51

Среднія цифры, выражающія истину всегда лишь приблизительно, и здѣсь т. е. и въ данномъ случаѣ рисуютъ намъ не совсѣмъ точную картину и во всякомъ случаѣ не ту, которую мы могли бы ждать на основаніи вышеизложеннаго. Согласно этимъ среднимъ, оказывается, что наиболѣе широкогруды лица, съ ростомъ въ 1650—1700 мил. т. е. съ ростомъ выше средняго, а не съ малымъ ростомъ, какъ можно было бы ожидать. Второе мѣсто занимаютъ, по относительному объему груди, лица съ ростомъ ниже средняго и уже на третьемъ мѣстѣ стоятъ субъекты съ ростомъ малымъ. Послѣ того, что нами было найдено на довольно многочисленныхъ нашихъ новобранцахъ такія данныя являются совершенно парадоксальными и это до того, что съ перваго взгляда можно было бы усумниться въ правильности исчисленія процентовъ или въ правильности сдѣланныхъ измѣреній или въ правильности опубликованныхъ О. Грубе цифръ. Въ дѣйствительности же ни того, ни другаго нѣтъ: вышеприведенныя „парадоксальныя“ среднія цифры объясняются исключительно изъ данныхъ возрастной разницы измѣренныхъ субъектовъ. А какое значеніе на размѣръ тѣла имѣетъ возрастъ, мы могли видѣть уже выше въ главѣ о ростѣ. Не меньшее и едва ли не большее значеніе играетъ возрастъ и въ размѣрахъ объема груди.

Распредѣливъ полученные нами на матеріалѣ О. Грубе цифры жизненнаго индекса по отдѣльнымъ возрастамъ, мы получили очень интересныя данныя. Всѣхъ субъектовъ мы раздѣлили по возрасту на четыре группы, такъ какъ, ввиду незначительнаго количества изслѣдованныхъ субъектовъ, на принятые нами четыре возрастные періода и безъ того приходится немного лицъ (отъ 17—30 лѣтъ — 26 суб.; отъ 30—40 лѣтъ 28; отъ 40—50 лѣтъ 32 и отъ 50 до 69 лѣтъ 14 субъектовъ). Мы получили слѣдующую интересную таблицу:

индексъ \ возрастъ	48--50		50—52		52—54		54—56		56—59		59—63	
	аб.ч.	%	аб.ч.	%	аб.ч.	%	аб.ч.	%	аб.ч.	%	аб.ч.	%
17—30	1	3,84	3	11,53	4	15,38	3	11,53	9	34,61	6	23,08
30—40	0	0,00	2	7,14	6	21,42	2	7,14	14	50,00	4	14,29
40—50	0	0,00	1	3,12	1	3,12	8	25,00	14	43,75	8	25,00
50—69	0	0,00	0	0,00	0	0,00	3	21,42	5	35,72	6	42,85

Даже при бѣгломъ взглядѣ на эту таблицу, мы можемъ замѣтить, что наиболѣе узкогруды лица молодаго возраста (отъ 17—30 л.), а наиболѣе широкогруды лица пожилая (отъ 50 до 69 лѣтъ). У субъектовъ 17—30 лѣтняго возраста жизненный индексъ начинается съ 48, достигаетъ съ нѣкоторыми колебаніями, объясняющимися незначительностью наблюденій (26), своего максимума на индексѣ 56—59. Слѣдующій затѣмъ возрастъ (30—40 л.) совсѣмъ не имѣетъ индекса въ 48—50 и его минимальный индексъ 50—52, на каковой приходится только 7 %, максимумъ приходится, какъ и въ предыдущемъ возрастѣ, на индексъ въ 56—59, но процентъ не только значительно больше, чѣмъ у предыдущаго возраста, но даже равняется половинѣ всѣхъ субъектовъ. Слѣдующій затѣмъ возрастъ (40—50 л.) имѣетъ, какъ и предыдущій, минимальный индексъ равнымъ 50—52, но процентъ, приходящійся на него (3,12 %) значительно меньше и прямо малъ. Въ послѣднемъ возрастѣ наконецъ (50—69) минимальный индексъ равняется 54—56, причѣмъ на него приходится 21,42 %, а максимумъ процента падаетъ на почти гигантскій индексъ въ 59—63, который составляетъ изъ всего числа слишкомъ 40 %. Хотя цифры въ приведенной только что таблицѣ и не ложатся вполне гармонично, что объясняется малымъ количествомъ всѣхъ изслѣдованныхъ субъектовъ, тѣмъ не менѣе фактъ, что относительный объемъ груди съ возрастомъ увеличивается и достигаетъ своего максимума въ старости достаточно наглядень. Это же подтверждаютъ и нижеслѣдующія среднія цифры:

у 17—30 лѣтнихъ	индексъ равенъ	56,25
„ 30—40	„ „ „	56,21
„ 40—50	„ „ „	57,08
„ 50—69	„ „ „	58,42.

Изъ этого мы видимъ, что наименьшій индексъ приходится на молодыхъ субъектовъ и что индексъ увеличивается съ возрастомъ. На маленькое отклоненіе, замѣчаемое въ 30—40 лѣтнемъ возрастѣ и выражающемся въ ничтожной цифрѣ, равной 0,04 %, мы не должны обращать вниманія: она, какъ можно съ достаточной достовѣрностью предполагать, объясняется случайностью, кроющейся въ маломъ количествѣ и, слѣдовательно, случайности наблюденій.

Такимъ образомъ, къ вышеприведеннымъ заключеніямъ, мы можемъ прибавить еще и тѣ, что 1) величина жизненнаго индекса стоитъ въ прямомъ отношеніи къ возрасту и 2) что относительный объемъ груди всего менѣе въ молодости и всего болѣе въ старости.

Если это такъ, то спрашивается отъ чего зависитъ это возрастное измѣненіе, это возрастное увеличеніе относительнаго объема груди — отъ размѣровъ роста или отъ абсолютныхъ размѣровъ груди. А priori мы можемъ и должны предположить, что причина кроется какъ въ томъ, такъ и въ другомъ факторѣ. Это предположеніе оправдывается фактически. Если мы возьмемъ по матеріалу О. Грубе среднія цифры роста по отдѣльнымъ возрастамъ, то мы увидимъ, что онѣ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

въ возрастѣ отъ 17—30 лѣтъ	средній ростъ равенъ	— 1660,7
„ „ „ 30—40 „ „ „ „	„ „ „ „	— 1667,5
„ „ „ 40—50 „ „ „ „	„ „ „ „	— 1641,8
„ „ „ 50—69 „ „ „ „	„ „ „ „	— 1640,0

Мы видимъ, что съ 17—30 лѣтняго возраста ростъ увеличивается до 30—40 лѣтняго, въ каковомъ онъ достигаетъ своего максимума, затѣмъ онъ сразу значительно уменьшается въ 40—50 лѣтъ и еще уменьшается, хотя, повидимому, и не рѣзко, въ старости. Зная, что болѣе высокій ростъ обуславливаетъ и болѣе узкую относительно грудь, зная далѣе, что въ старости ростъ уменьшается, мы должны ждать, что и относительная величина объема груди увеличится.

Но что уменьшеніе роста въ старости есть не единственная причина увеличенія жизненнаго индекса въ старости, мы можемъ видѣть на слѣдующемъ. Вычисляя для отдѣльныхъ возрастовъ среднія цифры абсолютныхъ величинъ объема груди, мы получили:

въ возрастѣ отъ 17—30 лѣтъ	объемъ груди равенъ	— 934,23
„ „ „ 30—40 „ „ „ „	„ „ „ „	— 937,32
„ „ „ 40—50 „ „ „ „	„ „ „ „	— 937,34
„ „ „ 50—69 „ „ „ „	„ „ „ „	— 951,42

На основаніи этихъ цифръ мы можемъ предположить (окончательные выводы, вслѣдствіе незначительности наблюдений, мы дѣлать не рѣшаемся), что окружность груди увеличивается до 30—40 лѣтняго возраста, остается затѣмъ до 50 лѣтъ безъ измѣненія (увеличенію объема груди въ этомъ возрастѣ на 0,02 м/м мы не можемъ придавать значенія) и затѣмъ въ старости сразу и очень сильно увеличивается. Но если увеличеніе окружности груди въ молодости, даже въ среднемъ возрастѣ, не только возможно но и вполнѣ естественно, то, спрашивается, чѣмъ можно объяснить внезапное и весьма значительное ея увеличеніе въ старости, или по крайней мѣрѣ въ пожиломъ возрастѣ? Мы думаемъ, что на такое явленіе можетъ существовать лишь одно

объясненіе, что объемъ груди увеличивается не въ силу увеличенія самой грудной кѣтки, а въ силу начинающагося ожирѣнія всего тѣла, увеличивающаго виѣшнюю окружность груди. —

Итакъ мы видимъ, что увеличеніе жизненнаго индекса въ пожиломъ и старческомъ возрастѣ зависитъ съ одной стороны отъ уменьшенія роста, а съ другой отъ абсолютнаго увеличенія окружности груди, повидимому, вслѣдствіе ожирѣнія ея.

Послѣ сказаннаго станетъ каждому яснымъ какую роль играетъ въ опредѣленіи величины жизненнаго индекса какъ величина роста, такъ и возрастъ субъекта, съ какою осторожностью слѣдуетъ приступать къ сравненію этого индекса, полученнаго не только на двухъ разныхъ народностяхъ, но даже двухъ группъ одной и той же народности. Послѣ этого, какъ мы думаемъ, поймется каждымъ и тотъ скептицизмъ, который мы выразили въ началѣ этой главы. Тѣмъ не менѣе, чтобы, насколько то позволяетъ вообще матеріалъ, имѣющійся въ антропологической литературѣ, мы попытаемся сравнить нашихъ эстонцевъ въ отношеніи жизненнаго индекса съ другими инородцами Россіи; мы придаемъ этому сравненію впрочемъ не иной смыслъ какъ желанію, хотя бы приблизительно ориентироваться.

3. *Среднія цифры.* Чтобы сравнить данныя, полученныя и вышеприведенныя нами, съ данными о другихъ инородцахъ Россіи, мы должны остановиться на среднихъ цифрахъ. Правда, это сравненіе не можетъ быть, какъ мы уже выше указывали, достаточно полнымъ, тѣмъ не менѣе мы приводимъ то, что имѣемъ, разчленивъ имѣющійся въ литературѣ матеріалъ на матеріалъ о новобранцахъ и на таковой о субъектахъ разныхъ возрастовъ. Что касается собственно нашихъ новобранцевъ-эстонцевъ, то средній ихъ жизненный указатель, полученный на 2252 суб.*) равняется 51,43. Можно было бы себѣ поставить вопросъ все ли уѣзды Эстляндской губерніи въ отношеніи развитія груди равны? Для выясненія этого вопроса мы разбили имѣющихся у насъ новобранцевъ по четыремъ уѣздамъ губерніи и получили слѣдующее:

1) Вейсенштейнскій уѣздъ далъ указатель	52,25
2) Гапсальскій	51,75
3) Везенбергскій	51,58
4) Ревельскій	50,53

Вся губернія даетъ въ среднемъ индексъ 51,43.

*) Крайнія цифры нами были въ данномъ случаѣ выброшены.

Изъ этого мы видимъ, что отдѣльные уѣзды представляютъ довольно значительную разницу и если остановиться на крайнихъ предѣлахъ, то мы увидимъ, что между максимумомъ и минимумомъ разница равняется 1,72% т. е. цифръ весьма значительной. Спрашивается, чѣмъ объяснить такое весьма замѣтное колебаніе жизненнаго индекса у новобранцевъ разныхъ уѣздовъ. Изъ приведенныхъ выше указателей нельзя не обратить вниманія преимущественно на максимальный Вейсенштейнскаго уѣзда и на минимальный Ревельскаго, такъ какъ остальные и другъ отъ друга и отъ крайнихъ отличаются мало. Мы полагаемъ, что для этого существуютъ двѣ причины. А именно, что значительный сравнительно жизненный индексъ новобранцевъ Вейсенштейнскаго уѣзда зависитъ отъ сравнительно большей зажиточности крестьянъ этого уѣзда, отъ благосостоянія, которое не можетъ не вліять на развитіе тѣла вообще и въ частности объема груди. Малый объемъ груди жителей Ревельскаго уѣзда, на нашъ взглядъ, объясняется совершенно другими причинами, именно тѣмъ, что въ эту серію новобранцевъ вошло наибольшее сравнительно и абсолютно большое количество горожанъ, которые, какъ извѣстно, отличаются меньшимъ развитіемъ груди, чѣмъ поселяне.

Къ приведеннымъ среднимъ цифрамъ, мы можемъ еще прибавить среднюю, полученную нами на цифровомъ матеріалѣ Грубе; она равняется 56,74 т. е. она на 5,31% больше средней, полученной нами на новобранцахъ. Причину такой большой цифры мы приводили уже выше и здѣсь на ней снова останавливаться не будемъ.

Цифру для эстонцевъ — новобранцевъ (51,43) мы можемъ сравнить съ нижеслѣдующими:

1) имеретинны *)	53,91	6) армяне	52,78
2) гурійцы	53,70	7) осетины **)	52,72
3) мингрельцы	53,68	8) грузины	52,58
4) самурзакашцы	53,33	9) жмудины ***)	52,23
5) сванеты	52,98	10) литовцы	52,16

*) Имеретинны, а также народности за нумерами 2, 3, 4, 5, 6, 8, 11, 13, 14 и 16 см. П. Напѣховъ. — О ростѣ нѣкоторыхъ племенъ Закавказскаго края. „Медицин. Сбор.“ 1889 г. № 50.

**) Н. Гильченко. — Матеріалы для антропологін Кавказа. СПб. 1890 г.

***) Жмудины, а также литовцы, поляки и евреи см. Снегиревъ. — „О результатахъ освидѣтельствованія и измѣренія груди и роста лицъ, призванныхъ къ военной службѣ“. Военно-медицинскій журналъ 1879 года.

11) тушины	52,12	14) пшавы	51,33
12) поляки	52,01	15) евреи	49,68
13) закавказскіе евреи	51,80	16) хевсурь	49,67

Сопоставляя среднюю цифру наших новобранцевъ съ цифрами здѣсь приведенныхъ инородцевъ, мы получимъ весьма для эстонцевъ неблагоприятные результаты.

Что касается цифры, полученной нами на матеріалѣ О. Грубе и равной 56,74, то значеніе ея опредѣлилось бы нижеслѣдующею серією цифръ:

1) лопари*)	58,20	11) люли	55,17
2) мещеряки	56,68	12) вотяки	54,92
3) самоѣды	56,30	13) мордва эрзя	53,96
4) киргизы Бук. орды	56,05	14) сарты	53,65
5) черемсы	56,04	15) ливы***)	53,57
6) латыши	56,01	16) узбеки	53,49
7) персіяне	56,00	17) кара-киргизы	53,48
8) литовцы**)	55,47	18) киргизы Средней орды	52,96
9) айны	55,40	19) еврей†)	50,24
10) касимовскіе татары	55,24	20) курды	50,16

Впрочемъ, какъ уже неоднократно нами выражено выше, мы особеннаго значенія всему этому сопоставленію не придаемъ по причинамъ, указаннымъ уже выше.

4. *Новобранцы-островитяне.* Такъ сказать для прямого дополненія нами вышесказаннаго объ объемѣ груди эстонцевъ, мы остановимся теперь на этомъ размѣрѣ у островитянъ, т. е. жителей острововъ Даго и Вормсъ. Мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи всего 184 суб. у которыхъ величина жизненнаго указателя распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Индексъ отъ 44—48	всего у 11 суб.	изъ 184 или у	5,97 %
" " 48—50	" " 22	" " 184	" " 11,95 "
" " 50—52	" " 55	" " 184	" " 29,89 "
" " 52—54	" " 57	" " 184	" " 30,97 "
" " 54—56	" " 28	" " 184	" " 15,22 "
" " 56—59	" " 11	" " 184	" " 5,97 "

*) Лопари, а также народности, означенныя за №№ 2, 3, 4, 5, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 17, 18 и 20 см. А. Ивановаго. — „Монголы-торгоуты,“ Москва 1893 г. стр. 233 и 234.

**) I. Brennsohn. — Zur Anthropologie der Litauer. Dorpat, 1883: страница 53.

***) F. Waldhauer. — Zur Anthropologie der Liven. Dorpat, 1879.

†) Цифра для евреевъ получена нами на основаніи цифръ Снегирева, Коперника, Вейсбаха и Блехмана (всего 7280 суб.); см. Blechmann. — Ein Beitrag zur Anthropologie der Juden. Dorpat, 1882; стр. 47.

Минимумъ равняется 45,71 при ростѣ въ 1732,5 м/м., а максимумъ — 57,98 при ростѣ въ 1797,5 м/м.

Если мы сравнимъ эту таблицу съ вышеприведенною для новобранцевъ-эстонцевъ, то мы увидимъ, что островитянъ можно считать болѣе широкогрудыми: во первыхъ процентъ съ грудью менѣе половины роста (17,92) меньше чѣмъ таковой у эстонцевъ (25,96), а именно на цѣлыхъ 8,04 %, а во вторыхъ у островитянъ большее количество субъектовъ съ грудью хорошо развитою. Эта разница между двумя группами, выдѣляющаяся съ достаточною рѣзкостью при разчлененіи жизненныхъ индексовъ на ряды, почти совершенно теряется при опредѣленіи относительнаго объема груди среднею цифрою. А именно средней индексъ у островитянъ равенъ 51,60, т. е. всего только на 0,17% больше чѣмъ у эстонцевъ. То есть, судя по среднимъ цифрамъ, разница между которыми ничтожна, обѣ группы новобранцевъ оказываются съ одинаково развитою грудью, между тѣмъ какъ этого въ дѣйствительности совсѣмъ нѣтъ, какъ то показываютъ ряды. Здѣсь мы, слѣдовательно, еще разъ убѣждаемся насколько среднія цифры играютъ лишь относительную роль, изображая намъ лишь приблизительное, а не существующее въ дѣйствительности.

5. *Новобранцы-русскіе.* Группа новобранцевъ-русскихъ у насъ не велика, состоитъ только изъ 88 субъектовъ, тѣмъ не менѣе не лишена извѣстнаго мѣстнаго интереса. Русскіе, говоря вообще, отличаются весьма хорошо развитою грудью, это показываютъ массовыя наблюденія, но русскіе Эстляндской губерніи дѣлаютъ въ этомъ отношеніи исключеніе. Не распредѣляя отдѣльные индексы по величинамъ роста, такъ какъ наши 88 субъектовъ представляютъ столь малочисленную группу, что къ опредѣленнымъ выводамъ придти невозможно, мы остановимся здѣсь прямо на всей группѣ; мы получимъ слѣдующее:

Индексъ отъ 44—48	всего у 17 суб.	изъ 88 или у 19,31 %
„ „ 48—50	„ „ 12 „ „	88 „ „ 13,63 „
„ „ 50—52	„ „ 22 „ „	88 „ „ 25,00 „
„ „ 52—54	„ „ 21 „ „	88 „ „ 23,86 „
„ „ 54—56	„ „ 13 „ „	88 „ „ 14,77 „
„ „ 56—59	„ „ 3 „ „	88 „ „ 3,41 „

Минимумъ въ 43,58 приходится на ростъ въ 1628,0 м/м, а максимумъ въ 57,43 на ростъ въ 1534,5 м/м. Изъ приведенной таблицы мы видимъ, что на дѣйствительно хорошо развитую грудь, считая таковую съ 54 % приходится всего только 18,18 %, между тѣмъ субъекты съ грудью менѣе половины роста составляютъ 32,94 %, т. е. число превышающее таковое, найденное нами

для новобранцевъ-эстонцевъ. Сравнивая эту таблицу съ аналогичною для эстонцевъ, мы увидимъ, что у этихъ послѣднихъ на индексы въ 44—48 приходится 7,89 %, между тѣмъ какъ у русскихъ 19,31 %, т. е. въ два съ половиною раза больше.

Остановиваясь на среднихъ цифрахъ жизненнаго индекса этихъ новобранцевъ по отдѣльнымъ разрядамъ роста, мы увидимъ, что найденная нами выше законность объ обратномъ отношеніи величины этого указателя къ величинамъ роста подтверждается чрезвычайно ясно. Для роста малаго (до 1600) мы получили индексъ равнымъ 53,65; для роста ниже средняго (отъ 1600—1650) — 51,56; для роста выше средняго (отъ 1650—1700) — 51,06 и наконецъ для высокаго роста (1700 и больше) — 49,86. Мы видимъ, слѣдовательно, что съ увеличеніемъ роста индексъ уменьшается, а именно такъ, что субъекты съ малымъ ростомъ обнаруживаютъ вполне хорошо развитую грудь, у лицъ съ ростомъ ниже и выше средняго объемъ груди немного превышаетъ половину роста, причемъ у первыхъ это превышеніе равняется 1,56 %, а у вторыхъ — 1,06 %; субъекты же съ высокимъ ростомъ обнаруживаютъ объемъ груди менѣе половины роста на 0,14 %.

Говоря вообще, развитіе груди у русскихъ Эстляндской губерніи весьма плохо, это подтверждается и среднею цифрою, которая для всѣхъ 88 субъектовъ равняется 51,05, т. е. въ среднемъ объемъ груди у Эстляндскихъ русскихъ превышаетъ половину роста лишь на 1,05 %. На сколько этотъ процентъ и самъ по себѣ малъ и на сколько онъ не соответствуетъ развитію груди у русскихъ внутреннихъ губерній, мы можемъ видѣть на слѣдующемъ сравненіи. Мы остановимся сначала на новобранцахъ:

1)	новобранцы русскіе	Эстляндской губерніи	— 51,05
2)	„	„	Бѣлорусскихъ губерній — 52,05
3)	„	„	Ярославской губерніи — 52,10
4)	„	„	Владимірской губерніи — 52,45
5)	„	„	Костромской губерніи — 52,50
6)	„	„	Малороссійскихъ губерній — 54,13

Изъ этого сопоставленія мы видимъ, что у эстляндскихъ русскихъ относительный объемъ груди чрезвычайно малъ: на 1 % меньше, чѣмъ у бѣлоруссовъ, которые вообще не отличаются особымъ крѣпкимъ сложеніемъ и болѣе чѣмъ на 3 % меньше, чѣмъ у малороссовъ. Принимая во вниманіе, что всѣ приведенныя группы измѣрены въ одномъ и томъ же возрастѣ, нельзя не отмѣтить этого весьма неблагоприятнаго для русскихъ Эстляндской губерніи факта.

Спрашивается, чѣмъ же объяснить такое исключительное для русскаго народа явленіе въ Эстляндіи какъ узкогрудость. Конечно сказать что либо опредѣленное на основаніи нашего немногочисленнаго матеріала невозможно, но позволительно сдѣлать предположенія и они слѣдующія. Явленіе извѣстное и въ наукѣ фактами подтвержденное, что горожане отличаются сравнительно узкогрудостью передъ жителями селеній. Изъ 88 новобранцевъ-русскихъ 35, т. е. 39,77 % горожанъ, остальные изъ уѣздовъ. Естественно, что это почти 40 процентное количество горожанъ не могло не повліять на уменьшеніе цифръ жизненнаго индекса. Въ ббльшей части Эстляндской губерніи русскихъ поселеній совсѣмъ нѣтъ, вслѣдствіе чего изъ 53 новобранцевъ поселянъ, только одинъ приходится на Вейсенштейнскій уѣздъ, 2 на Галсальскій и 4 на Ревельскій, остальные же 46 изъ уѣзда Везенбергскаго. Этотъ послѣдній уѣздъ и есть единственное вмѣстилище русскихъ поселеній, находящихся впрочемъ на крайнемъ востокѣ его, на границѣ Петербургской губерніи, по рѣкѣ Наровѣ въ такихъ селеніяхъ какъ село Сыронецъ, деревни Яма, Князь-Село, Верхнее-Село, Олешницы и др. Встрѣчаясь съ русскими этихъ деревень, нельзя не замѣтить, что они и по антропологическому типу и по этнографическому довольно сильно отличаются отъ жителей коренной Россіи: частая хилость сложенія, небольшой ростъ, отсутствіе мощно сложенныхъ, широкогрудыхъ парней и мужиковъ кажутся отличительными чертами этихъ засельниковъ чуждой земли; будучи въ значительной своей части*) промышленниками они утратили богатырскій станъ пахаря. Встрѣчаясь съ такими исключительными въ физическомъ отношеніи представителями русской семьи, мы не можемъ удивляться и на ту узкогрудость, на которую мы указали выше и которая выражается жизненнымъ индексомъ не болѣе какъ въ 51,05.

Если этотъ индексъ, при сопоставленіи его съ подобными индексами полученными на новобранцахъ другихъ нашихъ губерній, представляется крайне малымъ, то онъ еще болѣе поражаетъ если мы его сопоставимъ съ жизненными индексами вполнѣ взрослыхъ крестьянъ нѣкоторыхъ нашихъ губерній, обнаруживающихъ поистинѣ атлетическую грудь.

*) Сыронецъ и Олешницы совершенно промысловыя селенія; полупромысловыми можно считать: Князь-Село, Верхнее-Село, Ямы (Ямъ), Ремникъ и Новую-Деревню. Русскіе хлѣбопашцы заселились въ слѣдующихъ деревняхъ: Овсово, Соски, Катезна, Тужино и Нѣмецкая Переволока.

1. Малороссы Дибольда*)	—	56,23
2. Ярославцы	} Н. Зографа**)	— 56,31
3. Владимірцы		— 57,49
4. Костромичи		— 58,40

Сопоставляя нашу цифру съ цифрами русскихъ другихъ губерній, мы видимъ, что новобранцы-русскіе Эстляндской губерніи, по относительной величинѣ объема груди, отстаютъ на 6, 7 и 8 % т. е. на колоссальную цифру.

6. *Новобранцы-нѣмцы.* Мы переходимъ къ послѣдней группѣ, имѣющихся у насъ новобранцевъ — къ нѣмцамъ. Жизненные индексы 109 новобранцевъ-нѣмцевъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Индексъ отъ 44—48	всего у 35 суб.	или у 29,41 %
„ „ 48—50	„ „ 41	„ „ „ 34,45 „
„ „ 50—52	„ „ 31	„ „ „ 26,05 „
„ „ 52—54	„ „ 6	„ „ „ 5,04 „
„ „ 54—56	„ „ 3	„ „ „ 2,52 „
„ „ 56—59	„ „ 3	„ „ „ 2,52 „

Минимумъ въ 43,12 приходится на ростъ въ 1760,0 м/м., а максимумъ въ 58,55 на ростъ въ 1578,0 м/м.

Если мы сравнимъ эту таблицу съ соответствующими для эстонцевъ новобранцевъ и для новобранцевъ русскихъ, то мы увидимъ, что между этими таблицами съ одной стороны и таблицей для нѣмцевъ мало общаго: начиная съ 52 жизненные индексы выше этой цифры представлены ничтожнымъ процентомъ, между тѣмъ какъ почти все субъекты или по крайней мѣрѣ 90 % ихъ имѣютъ объемъ груди, составляющій отъ 44 до 52 % роста. Максимальный процентъ приходится на индексъ отъ 48 до 50, такого явленія не было ни у русскихъ, ни у эстонцевъ. Если мы соединимъ всехъ новобранцевъ нѣмцевъ съ грудью менѣе половины роста въ одну группу, то она будетъ равняться 63,86 % т. е. проценту колоссальному. На основаніи этого мы можемъ смѣло замѣтить, что большая часть нѣмцевъ-новобранцевъ вслѣдствіе своей узкогрудости не годна къ военной службѣ. Если эстонцы съ 25,96 % непригодныхъ къ службѣ, русскіе съ 32,94 % негодныхъ считались нами, какъ выше указано, стоящими въ рядѣ людей съ весьма слабо развитою грудью, то что же мы

*) W. Diebold. — Ein Beitrag zur Anthropologie der Kleinrussen. Dorpat 1886.

**) Н. Ю. Зографъ. — Антропологическія изслѣдованія мужскаго великорусскаго населенія Владимірской, Ярославской и Костромской губерній. Извѣст. Имп. Общ. Люб. Ест. Ант. и Эт. томъ LXXXVI. См. также: А. Ивановскій. — Насколько вѣрны выводы Н. Ю. Зографа и т. д. М. 1894 г.

должны сказать про нѣмцевъ, у которыхъ негодные къ службѣ составляютъ 63.86 % т. е. въ два раза больше чѣмъ у русскихъ и въ три съ половиною раза больше чѣмъ у эстонцевъ?! Если мы эстонцевъ нашли возможнымъ назвать слабогрудыми, то про нѣмцевъ слѣдуетъ сказать, что они относительно развитія груди представляютъ нѣчто ужасное и почти цѣликомъ патологическое.

Переходя къ измѣненію жизненнаго индекса въ связи съ измѣненіемъ роста, мы остановимся, за малочисленностью наблюдений, на среднихъ цифрахъ и увидимъ, что и здѣсь съ достаточною ясностью выступаетъ законность обратной пропорціональности величинъ жизненнаго индекса къ величинамъ роста. Мы получили слѣдующее:

ростъ малый	(ниже 1600)	— 51,13
ростъ ниже средняго	(1600—1650)	— 50,49
ростъ выше средняго	(1650—1700)	— 49,31
ростъ высокій	(1700 и боль.)	— 48,53

Если мы сравнимъ этотъ рядъ съ таковымъ только что приведеннымъ для новобранцевъ-русскихъ, мы увидимъ, что состояніе относительнаго объема груди у нѣмцевъ еще менѣе благоприятно: какъ минимумъ, приходящійся на наибольшій ростъ, такъ и максимумъ, приходящійся на наименьшій ростъ, меньше, чѣмъ минимумъ и максимумъ у русскихъ — первый на слишкомъ 1 %, а второй на слишкомъ 2 %.

Такъ какъ, какъ мы только что указали, болѣе половины субъектовъ обнаруживаютъ объемъ груди менѣе половины роста, то мы въ правѣ ждать, что и средній индексъ будетъ менѣе 50. И дѣйствительно средній относительный размѣръ груди у нѣмцевъ-новобранцевъ Эстляндской губерніи равенъ 49,36 и представляетъ крайне малую цифру, не только малую въ сравненіи съ вышеприведенными народностями, но и наименьшій изъ четырехъ нами взятыхъ группъ Эстляндской губерніи.

Нѣмцы, повидимому, вообще не отличаются особенно хорошо развитою грудью, что, впрочемъ, вполне естественно при ихъ большомъ ростѣ, который является характернымъ не только для нѣмцевъ, но и вообще для племенъ германской расы, но во всякомъ случаѣ о жизненномъ указателѣ въ 49,36, какъ то обнаруживаютъ наши новобранцы, какъ объ общемъ явленіи для нѣмцевъ, и говорить нечего*). Мы уже въ началѣ этой главы говорили какъ трудно сравнивать жизненные индексы разныхъ группъ и благодаря разному методу, употребляемому разными авторами,

*) До известной степени малый индексъ объясняется значительнымъ процентомъ горожанъ, вошедшихъ въ число новобранцевъ

и разному возрасту наблюдаемыхъ субъектовъ, мы повторяемъ это и здѣсь. Данныхъ объ относительномъ объемѣ груди въ антропологической литературѣ довольно много, но пользоваться ими трудно по вышеуказаннымъ причинамъ.

Тошнаръ *) приводитъ для нѣмцевъ, ссылаясь на Гульда (462 суб.) жизненный указатель равнымъ 53,8, но надъ кѣмъ собственно производились наблюденія, т. е. надъ лицами какого возраста онъ не говоритъ, вотъ почему такая цифра имѣетъ для насъ лишь весьма относительную цѣну. Для нашихъ цѣлей, какъ кажется, болѣе подходитъ другая цифра, опубликованная также Гульдомъ **) и полученная имъ на 10876 солдатахъ Американскихъ Штатовъ, солдатахъ, которые, какъ можно полагать, принадлежали въ большинствѣ случаевъ къ возрасту не старше 30 лѣтъ и состоявшіе преимущественно изъ лицъ германской крови; эта цифра 53,34. Цифра правда не особенно большая, но все же значительно больше нашей. Въ концѣ концовъ помянутая цифра американскихъ солдатъ конечно тоже играетъ, при сравненіи съ нашими нѣмцами-новобранцами, небольшую роль и, если мы ее здѣсь упомянули, то только потому, что сравнительно антропологическій матеріалъ и не имѣется у насъ подъ рукой и, по указаннымъ причинамъ, для сравненія не надеженъ. Собственно говоря, мы имѣемъ въ своемъ распоряженіе лишь одну группу, которую мы можемъ съ наибольшою вѣрностію приравнять къ нѣмцамъ-новобранцамъ Эстляндской губерніи, эта группа, цифры о которой опубликовалъ Спегиревъ. Этотъ авторъ нашелъ для нѣмцевъ Россіи жизненный указатель равнымъ 52,35, индексъ, стоящій по своей величинѣ между индексами новобранцевъ (нами вышеприведенныхъ) Ярославцевъ (52,10) и Владимірцевъ (52,45). Если эту цифру считать за наиболѣе вѣроятную для величины жизненнаго указателя новобранцевъ-нѣмцевъ, населяющихъ Россію, то нѣмцы Эстляндской губерніи значительно отстаютъ отъ нея, такъ какъ указатель этихъ послѣднихъ на 2,99 %, т. е. почти на 3 % меньше.

Мы заканчиваемъ эту главу объ объемѣ груди нижепомѣщеннымъ отдѣломъ объ общемъ взглядѣ на развитіе груди населенія Эстляндской губерніи.

7. *Общій взглядъ на развитіе груди населенія Эстляндской губерніи.* Разсмотрѣвъ относительный объемъ груди у четырехъ группъ новобранцевъ Эстляндской губерніи, мы можемъ бросить общій взглядъ на развитіе груди у населенія Эстляндской гу-

*) Антропология Тропинара. Переводъ И. Мечникова. СПб. 1879 г.

**) Dr. I. Ranke. — Der Mensch. Leipzig, 1886, B. I стр. 15.

берши, на развитіе ея, какъ оно представляется въ 21 лѣтнемъ возрастѣ. Если мы остановимся сначала на среднихъ цифрахъ жизненныхъ указателей, дающихъ намъ впрочемъ лишь приближительные результаты, то мы получимъ нижеслѣдующее:

- 1) островитяне — 51,60
- 2) эстонцы — 51,43
- 3) русскіе — 51,05
- 4) нѣмцы — 49,26

На причинахъ такой общей узкогрудости новобранцевъ, мы останавливались уже выше и теперь въ повтореніе этихъ предположительныхъ причинъ входить не будемъ. Изъ приведеннаго ряда мы однако видимъ, что сравнительно менѣе узкогрудыми слѣдуетъ считать островитянъ, наиболѣе же узкогрудыми нѣмцевъ, которые въ среднемъ имѣютъ объемъ груди менѣе половины роста. Останавливаясь на жизненномъ указателѣ этихъ четырехъ группъ болѣе подробно, мы можемъ привести слѣдующую сравнительную таблицу:

индексъ народность	индексъ					
	44—48	48—50	50—52	52—54	54—56	56—59
эстонцы	7,89	18,07	28,94	27,89	13,42	3,77
русскіе	19,31	13,63	25,00	23,86	14,77	3,41
нѣмцы	29,41	34,45	26,05	5,04	2,52	2,52
островитяне	5,97	11,95	29,89	30,97	15,22	5,98

Изъ этой таблицы мы видимъ, что между тѣмъ какъ эстонцы, островитяне и русскіе стоятъ, болѣе или менѣе, другъ къ другу довольно близко, нѣмцы представляютъ совершенно особенный и на другіе не похожій рядъ. Если мы, для большей ясности, назовемъ субъектами узкогрудыми тѣхъ, у которыхъ индексъ менѣе 50, т. е. тѣхъ, у которыхъ объемъ груди менѣе половины роста, среднегрудыми тѣхъ, у которыхъ индексъ равенъ 50—54, а широкогрудыми тѣхъ, у которыхъ жизненный индексъ равенъ 54 и больше того, то мы получимъ слѣдующее:

народная группы ширина груди	народная группы			
	эстонцы	русскіе	нѣмцы	островитяне
широкогрудые (54 и боль.)	17,19	18,18	5,04	21,20
среднегрудые (50 до 54)	56,83	48,86	31,09	60,86
узкогрудые (менѣе 50)	25,96	32,94	63,86	17,92

Изъ этой таблицы мы видимъ, что у островитянъ всего менѣе узкогрудыхъ (17,92 %), у эстонцевъ узкогрудыхъ больше (25,96 %), у русскихъ еще больше (32,94) и наконецъ у нѣмцевъ громадное количество, значительно превышающее половину общаго числа субъектовъ (63,86 %). Распредѣленіе среднегрудыхъ идетъ въ обратномъ направленіи. Особенно интересно обратить вниманіе на широкогрудыхъ: всего больше таковыхъ у островитянъ (21,20 %) но затѣмъ второе мѣсто занимаютъ не эстонцы, какъ можно было бы полагать, а русскіе, у которыхъ они составляютъ 18,18 %; эстонцы занимаютъ третье мѣсто (17,19), а нѣмцы послѣднее (5,04). Процентъ широкогрудыхъ у нѣмцевъ по своей незначительности (въ семь разъ меньше, чѣмъ у островитянъ) также замѣчательнъ, какъ громадность процента у нихъ же узкогрудыхъ.

III. Длина ногъ.

Мы переходимъ теперь къ послѣдней главѣ, заключающей наблюденія надъ длиною ногъ новобранцевъ Эстляндской губерніи. Длина ногъ играетъ не меньшую роль въ конфигураціи человѣческаго тѣла, чѣмъ объемъ груди. Но такъ-же какъ и въ этомъ размѣрѣ мы отмѣтили важность, при опредѣленіи его, и данныя о ростѣ и возрастѣ подлежащихъ субъектовъ, такъ и въ длинѣ ногъ, эти факторы играютъ не меньшую роль. Такъ-же какъ размѣры объема груди мы не считали возможнымъ разсматривать въ абсолютныхъ цифрахъ, такъ и въ данномъ случаѣ мы остановимся лишь на относительныхъ величинахъ (длины ногъ), взятыхъ въ отношеніи величины размѣровъ роста. Правда, мы не усмотримъ здѣсь той почти идеальной правильности въ расположеніи указателей, которая не могла не бросаться въ глаза при разсмотрѣніи распредѣленія относительныхъ размѣровъ объема груди въ связи съ разными размѣрами роста, но мы увидимъ, что ростъ и въ размѣрахъ относительной длины ногъ играетъ громадную роль. Въ главѣ объ объемѣ груди мы указали насколько, согласно разнымъ методамъ, варьируетъ или должна варіировать окружность груди одного и того же субъекта, смотря потому измѣряютъ ли его съ опущенными или приподнятыми или совершенно поднятыми руками; что касается длины ногъ, то методы измѣренія играютъ еще большую роль. Дѣйствительно, что подразумѣвать подъ „длиною ногъ“, свободную ли конечность живаго человѣка или длину всей конечности скелета, включая сюда высоту ступни, длину берцовыхъ костей и бедра? Собственно говоря, это совершенно зависитъ отъ индивидуальнаго взгляда cadaго

измѣрителя, но результаты, получаемые въ каждомъ случаѣ, будутъ другъ отъ друга отличаться весьма существенно. Согласно этому существуютъ два преимущественныхъ метода: измѣряютъ длину ноги и отъ верхняго края большаго вертела и отъ *reginaeum* т. е. берется разстояніе промежности отъ пола. И то и другое измѣреніе, на нашъ взглядъ и одинаково важны и другъ съ другомъ не сравнимы, такъ какъ измѣряютъ совершенно разныя величины. Измѣреніе *reginaeum* отъ пола легче, слѣдовательно точнѣе другаго размѣра и оттого, при выборѣ одного изъ двухъ размѣровъ, предпочтительнѣе, особенно для лицъ не достаточно опытныхъ въ измѣреніяхъ.

Насколько два вышеприведенныхъ размѣра — высота верхняго края большаго вертела и высота *reginaeum* — рисуютъ совершенно разныя картины и насколько они другъ другомъ не замѣнимы видно изъ слѣдующаго. Если мы возьмемъ канонъ человѣческаго тѣла*), по Карусу, то высоту *reginaeum* мы можемъ считать въ 46,0—46,3%, роста человѣка, а высоту верхняго края большаго вертела въ 53,0—53,3%, т. е. въ канонѣ человѣческаго тѣла мы можемъ считать свободно подвижную конечность живаго человѣка на 7% роста меньше всей конечности соотвѣтствующей длинѣ ея костнаго скелета.

Немногіе авторы предпринимали сравненіе этихъ двухъ размѣровъ на отдѣльныхъ группахъ одной и той же народности, но чтобы подтвердить, такъ сказать, на живомъ матеріалѣ сказанное нами про канонъ человѣческаго тѣла, мы можемъ воспользоваться интересными данными, полученными Н. Ю. Зографомъ**) на мужскомъ населеніи трехъ великорусскихъ губерній. Этотъ авторъ даетъ нижеслѣдующія данныя для относительной величины разстоянія *reginaeum* отъ пола и относительной величины верхняго края большаго вертела.

	высота <i>reginaeum</i>	высота вертела	разность
Владиміръцы	— 47,22	53,47	+ 6,25
Ярославцы	— 47,29	52,46	+ 5,17
Костромичи	— 47,39	54,77	+ 7,38
По тремъ губ.	— 47,30	53,53	+ 6,23

Изъ этого мы видимъ, что во первыхъ относительная величина *reginaeum*'а, повидимому, меньше колеблется, чѣмъ высота вертела, а именно у перваго размѣра разность между минимумомъ (47,22)

*) Dr. J. Ranke. — Der Mensch. Leipzig, 1886.

**) Н. Ю. Зографъ. — Антропологическія изслѣдованія и т. д. Цифры проф. Зографа въслѣдствіи нѣскольکو исправлены А. Ивановскимъ и А. Рождественскимъ. См. Насколько вѣрны выводы Н. Ю. Зографа и т. д. М. 1894 г.

и максимумомъ (47,39) равняется только 0,17 %, между тѣмъ какъ во второмъ размѣрѣ разница между минимумомъ (52,46) и максимумомъ (54,77) равняется 2,31 %. Во вторыхъ мы видимъ, что разница между относительной вышиной *reginaeum* и относительной высотой верхняго края большаго вертела колеблется отъ 5,17 % до 7,38 % и что, слѣдовательно, между обоими размѣрами существуетъ громадная разница.

Ввиду вышеуказаннаго, намъ не представляется возможнымъ сравнивать нашихъ новобранцевъ съ другими многочисленными народностями и мы, дабы уяснить себѣ значеніе ниже приводимыхъ цифръ, сопоставимъ ихъ преимущественно съ цифрою, признаемою карусомъ типичной для кашона человѣческаго тѣла.

1. *Новобранцы-эстонцы.* Не у всѣхъ новобранцевъ призыва 1892 года была измѣрена длина ногъ, вслѣдствіе этого мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи для эстонцевъ всего 2087 субъектовъ: они дали намъ слѣдующее:

Указатель отъ 40—43 у	6 суб.	изъ 2087 или у	0,28 %
„ „ 43—45 „	150 „	„ „ 2087 „	7,18 „
„ „ 45—47 „	813 „	„ „ 2087 „	38,95 „
„ „ 47—49 „	946 „	„ „ 2087 „	45,32 „
„ „ 49—52 „	163 „	„ „ 2087 „	7,81 „
„ „ 52—54 „	9 „	„ „ 2087 „	0,43 „

Минимальные указатели, найденные нами, равнялись: 38,90; 39,71; 40,75 и 41,87 при ростѣ въ 1837,0; 1551,0; 1754,5 и 1595,0, а максимальные 50,31; 54,48 и 55,97 при ростѣ въ 1760,0; 1534,5 и 1749,0 m/m. Изъ этого мы видимъ, что извѣстной длинѣ ногъ, повидимому, не соответствуетъ ростъ извѣстной высоты и что, какъ кажется, при относительной коротконогости встрѣчается и высокій и не высокій ростъ, такъ-же какъ при длинноногости высокій ростъ такъ-же обыкновененъ какъ и ростъ малый. Такое несоответствіе размѣровъ роста, мы могли, хотя и не въ столь рѣзкой формѣ, наблюдать уже при разсмотрѣніи максимумовъ и минимумовъ жизненнаго указателя, теперь же ростъ, повидимому, по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ, никакой роли не играетъ. Оставляя этотъ вопросъ до детальнаго разсмотрѣнія относительной длины ногъ въ связи съ ростомъ, мы обратимъ наше вниманіе на вышеприведенную таблицу. Изъ нея мы усматриваемъ, что указатель относительной длины ногъ или, какъ мы его могли бы назвать, указатель, граціи значительно менѣе колеблется, чѣмъ указатель жизненный. Мы видимъ, что громадное большинство субъектовъ (всего 84,27 %) имѣетъ указатель въ 45—49, остальное же меньшинство распредѣляется по остальнымъ группамъ.

Эти послѣдніе, впрочемъ, весьма бѣдно представлены: указатель отъ 40 до 43 представленъ только 0,28 %; немного болѣе его субъектовъ имѣетъ указатель 52—54 (0,43 %) указатель отъ 43—45 всего 7,18 % а указатель отъ 49—52 всего 7,81 %. Что касается двухъ преобладающихъ указателей, то количество субъектовъ, приходящееся на ихъ долю, правда, весьма близко другъ ко другу, но не одинаково, а именно указателя отъ 47—49 на 6,37 % больше, чѣмъ указателя отъ 45—47.

Переходя за симъ къ отдѣльнымъ разрядамъ роста, мы получаемъ слѣдующее:

а) Для роста ниже 1600 m/m мы получили слѣдующее распределение пожнаго указателя:

Съ указателемъ отъ 40—43	всего	2 суб.	изъ 178	или	1,12 %
„ „ „ 43—45	„	17	„ „ 178	„	9,55 „
„ „ „ 45—47	„	76	„ „ 178	„	42,69 „
„ „ „ 47—49	„	73	„ „ 178	„	41,01 „
„ „ „ 49—52	„	7	„ „ 178	„	3,93 „
„ „ „ 52—54	„	3	„ „ 178	„	1,68 „

Изъ этой таблицы мы видимъ, что максимальный процентъ приходится на указатель отъ 45—47, но что и слѣдующій по величинѣ процентъ, приходящійся на указатель отъ 47 до 49 лишь немного (на 1,68 %) меньше предыдущаго. Мы видимъ далѣе, что на крайніе указатели (отъ 40 до 43 и отъ 52 до 54) приходится отъ 1 до 2 %, что указатель въ 49—52 представленъ (3,93 %) въ два съ половиною раза слабѣе, чѣмъ указатель 43—45 (9,55 %).

б) Что касается субъектовъ съ ростомъ отъ 1600 до 1650, то для этой группы мы получили слѣдующее распределение пожнаго указателя:

Съ указателемъ отъ 40—43	всего	0 суб.	изъ 417	или	0,00 %
„ „ „ 43—45	„	30	„ „ 417	„	7,19 „
„ „ „ 45—47	„	204	„ „ 417	„	48,92 „
„ „ „ 47—49	„	155	„ „ 417	„	37,17 „
„ „ „ 49—52	„	26	„ „ 417	„	6,23 „
„ „ „ 52—54	„	2	„ „ 417	„	0,48 „

Если мы эту таблицу сравнимъ съ предыдущею, то мы не можемъ не отмѣтить слѣдующаго. И здѣсь какъ и тамъ максимальный процентъ приходится на указатель отъ 45 до 47, но слѣдующій за нимъ указатель (47—49) обнаруживаетъ хотя и близкій къ предыдущему процентъ, но этотъ послѣдній на 11,75% меньше его; кромѣ того указатель отъ 40 до 43 совсѣмъ не представленъ, указатель же въ 43—45 представленъ на 2,36 % меньше, чѣмъ въ предыдущей таблицѣ, а указатель въ 49—52 на 2,30% больше. Наибольшій указатель здѣсь снова представленъ

слабѣе, чѣмъ въ группѣ предыдущаго роста. Обращаясь за симъ къ слѣдующему разряду роста т. е.

в) къ росту отъ 1650 до 1700, мы получаемъ слѣдующее:

Съ указателемъ отъ 40—43	всего	2	суб.	изъ	684	или	0,29%
"	"	"	43—45	"	53	"	"
"	"	"	45—47	"	264	"	38,59 "
"	"	"	47—49	"	320	"	46,78 "
"	"	"	49—52	"	44	"	6,43 "
"	"	"	52—54	"	1	"	0,13 "

Сравнивая эту таблицу съ предыдущими, мы должны отмѣтить, что здѣсь максимальный процентъ, въ противоположность двумъ предшествующимъ группамъ роста, приходится не на указатель отъ 45 до 47, а на указатель отъ 47 до 49. Этотъ указатель представленъ на 8,19 % больше, чѣмъ предыдущій. Что касается другихъ группъ указателей, то какъ указатель въ 43—45, такъ и въ 49—52; здѣсь представлены болѣе многочисленными субъектами, чѣмъ въ ростѣ отъ 1600 до 1650, а именно перваго на 0,55 %, а втораго на 0,20 % больше. Кромѣ того нельзя не отмѣтить, что указатель въ 40—43, отсутствовавшій въ предыдущей группѣ, представленъ здѣсь 0,29 %, а наибольшаго указателя (52—54) на 0,35 % меньше.

г) Слѣдующая группа роста въ 1700 до 1750 м/м даетъ намъ слѣдующее:

Съ указателемъ отъ 40—43	всего	0	суб.	изъ	517	или	0,00 %
"	"	"	43—45	"	20	"	3,86 "
"	"	"	45—47	"	171	"	33,07 "
"	"	"	47—49	"	278	"	53,77 "
"	"	"	49—52	"	47	"	9,09 "
"	"	"	52—54	"	1	"	0,19 "

Мы видѣли, что уже въ предыдущемъ ростѣ (отъ 1650 до 1700 м/м.) максимальный процентъ приходится на указатель отъ 47 до 49, здѣсь это преобладаніе выступаетъ еще рѣзче, а именно этотъ указатель представленъ на 20,70 % больше, чѣмъ предыдущій. Указатель въ 49—52 представленъ (9,09 %) болѣе сильно, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ группахъ роста. Наивысшаго указателя (52—54) больше, чѣмъ въ предыдущемъ ростѣ, но меньше чѣмъ въ ростѣ отъ 1600 до 1650 м/м. и особенно въ ростѣ ниже 1600 м/м. Наименьшій указатель въ 40—43 не встрѣчается въ этомъ ростѣ совсѣмъ.

д) Что касается послѣдняго разряда роста, т. е. въ 1750 м/м. и больше того, то мы получили слѣдующее:

Съ указателемъ отъ 40—43	всего	2 суб.	изъ 291	или	0,68 %
"	"	"	43—45	"	30
"	"	"	45—47	"	98
"	"	"	47—49	"	120
"	"	"	49—52	"	39
"	"	"	52—54	"	2

Эта таблица показываетъ намъ, что и въ ростѣ выше 1750 m/m. максимальный процентъ приходится на указатель въ 47—49, но онъ лишь на 7,55 % преобладаетъ надъ предыдущимъ; далѣе мы видимъ, что указатель въ 49—52 представленъ еще сильнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ ростѣ; тоже самое касается и указателя 52—54. Кромѣ того указатель въ 43—45 представленъ въ этой группѣ роста такъ сильно (10,31 %) какъ ни въ какой другой.

Если мы всё вышеприведенныя данныя соединимъ въ одну общую таблицу, то мы получимъ слѣдующее:

Указатель	Ростъ						Примѣчаніе.
	40—43	43—45	45—47	47—49	49—52	52 и б.	
менѣе 1600	1,12	9,55	42,69	41,01	3,93	1,68	Проценты вз.ты для каждого гори- зонтального ряда отдѣльно.
отъ 1600—1650	0,00	7,19	48,92	37,17	6,23	0,48	
" 1650—1700	0,29	7,74	38,59	46,78	6,43	0,13	
" 1700—1750	0,00	3,86	33,07	53,77	9,09	0,19	
" 1750 и боль.	0,68	10,31	33,68	41,23	13,40	0,68	
всѣ 2087 суб.	0,28	7,18	38,95	45,32	7,81	0,43	

Эта довольно сложная таблица показываетъ намъ, что относительная длина ногъ увеличивается съ ростомъ, новидимому, только до роста въ 1750 m/m. Правда это увеличеніе не идетъ правильно и во всякомъ случаѣ далеко не такъ правильно какъ мы то видѣли на жизненномъ указателѣ, который съ увеличеніемъ роста уменьшался, тѣмъ не менѣе такое явленіе надо отмѣтить какъ несомнѣнно существующее. Что касается роста въ 1750 m/m. и больше, то здѣсь мы замѣчаемъ странное явленіе: съ одной стороны процентъ 13,40, приходящійся на указатель въ 49—52, какъ бы указываетъ на преобладаніе въ этомъ ростѣ лицъ съ длинными ногами, но съ другой стороны процентъ 10,31%, приходящійся на указатель 43—45 какъ бы противорѣчитъ этому.

Дабы весь, имѣющійся у насъ матеріалъ, не складывающійся въ достаточно гармоничные ряды, обзрѣтъ болѣе нагляднымъ способомъ, мы можемъ всѣхъ имѣющихся у насъ субъектовъ раздѣлить на три категоріи: коротконогихъ (съ указателемъ въ 40

—45), средненогихъ (45—49) и длинногихъ (49—54). Въ этомъ случаѣ мы получаемъ слѣдующее:

Указатель \ Ростъ	Ростъ				
	ниже 1600	1600—1650	1650—1700	1700—1750	1750 и болѣе
длинноногіе . . .	5,61	6,71	6,56	9,28	14,08
средненогіе . . .	83,70	86,09	85,37	86,84	74,91
коротконогіе . . .	11,67	7,19	8,03	3,86	10,99

Остановимся на этой таблицѣ. Если мы взглянемъ на субъектовъ длинноногихъ, то для насъ становится какъ будто очевиднымъ, что относительная длина ногъ увеличивается вмѣстѣ съ увеличеніемъ роста, а именно, мы видимъ, что процентъ длинноногихъ увеличивается съ увеличеніемъ размѣровъ роста (маленькое отклоненіе въ ростѣ отъ 1650 до 1700 м/м., мы могли бы игнорировать). Но съ другой стороны, если мы посмотримъ на количество субъектовъ съ короткими ногами, то не можемъ не отмѣтить, что процентъ коротконогости, повидимому, въ связи съ величиною роста не стоитъ: въ ростѣ до 1600 м/м. коротконогіе составляютъ 11,67%, въ слѣдующемъ ростѣ ихъ на 4,48% меньше, въ слѣдующемъ опять (1650—1700) ихъ на 0,84% больше, затѣмъ опять въ слѣдующемъ (1700—1750) коротконогихъ опять (на 4,17%) меньше и наконецъ въ ростѣ въ 1750 м/м. и выше ихъ снова (на 7,13%) больше. Мы можемъ вышеприведенное соотношеніе ножнаго указателя и роста сформировать въ нѣсколько иную таблицу, а именно она намъ будетъ отвѣчать на вопросъ: каждаго указателя (коротконогаго, средненогаго и длинногаго) какой процентъ приходится на тотъ или иной ростъ? Мы получаемъ слѣдующее:

Указатель \ Ростъ	Ростъ				
	до 1600	1600—1650	1650—1700	1700—1750	1750 и болѣе
длинноногіе . . .	5,81	16,27	26,16	27,90	23,83
средненогіе . . .	8,47	20,41	33,20	25,52	12,39
коротконогіе . . .	12,17	19,23	35,25	12,71	20,51

Оказывается, что длинноногихъ всего больше приходится на ростъ отъ 1700 до 1750, средненогихъ на ростъ въ 1650—

1700 m/m., а коротконогихъ на ростъ въ 1650—1700 и на ростъ самый высокій, т. е. въ 1750 m/m. и боль. Изъ всего выше-сказаннаго, на нашъ взглядъ, можно заключить, что хотя субъекты высокаго роста и имѣютъ преимущественно длинныя ноги, по что длина ихъ совсѣмъ не всегда и не безусловно связана съ высотой роста; мы можемъ въ этомъ убѣдиться и на слѣдующей табличкѣ.

Указатель	Ростъ		
	Малый ростъ менѣе 1600	Средній ростъ 1600—1700	Ростъ большой 1700 и боль.
длинноногіе . . .	5,81	12,43	51,73
средненогіе . . .	8,47	53,61	37,91
коротконогіе . . .	12,17	54,48	33,22

Изъ этой таблицы вытекаетъ, что длинноногіе встрѣчается преимущественно въ высокомъ ростѣ, но коротконогіе имѣетъ наибольшій процентъ не въ маломъ ростѣ, а въ ростѣ среднемъ и, если мы взглянемъ на предыдущую таблицу, то даже въ ростѣ выше средняго, тогда какъ въ ростѣ ниже средняго она встрѣчается рѣже.

Мы отмѣчаемъ это явленіе какъ фактъ очень интересный, такъ какъ наблюденія другихъ авторовъ, преимущественно въ Западной Европѣ, приводили часто къ тому выводу, что величины длины ногъ пропорціонально величинамъ роста. Тоже самое подтверждается и наблюденіями, сдѣланными надъ великанами, у которыхъ оказывались ноги очень длинными и надъ карликами, у которыхъ ноги относительно коротки. Отмѣченные нами относительно не полного соответствія длины ногъ съ величиною роста, есть фактъ не совсѣмъ новый въ антропологической литературѣ, такъ напр. Н. Ю. Зографъ*) наблюдалъ тоже самое на великорусахъ Владимірской, Костромской и Ярославской губерній.

2. *Среднія цифры.* Мы лишены возможности сопоставить нашихъ новобранцевъ-эстонцевъ по даннымъ о длинѣ ногъ съ другими инородцами Россіи, такъ какъ антропологическая литература измѣреніями длины ногъ, считая таковыя отъ *reginaeum* довольно бѣдна, тѣ-же отрывочныя и немногочисленныя свѣдѣнія, которыя имѣются и которыя отчасти приведены нами ниже на своемъ мѣстѣ, намъ не представляютъ достаточныхъ основаній для сопоставленія ихъ именно съ эстонцами. Мы

*) *Loc. cit.* См. также А. Ивановскаго. На сколько вѣрны и т. д.

остановимся здѣсь на среднихъ цифрахъ отдѣльныхъ уѣздовъ и сравнимъ ихъ съ цифрою, представляемою канономъ человѣческаго тѣла.

Мы уже выше сказали, что длину ногъ, считая таковую отъ регіаеум, для канона человѣческаго тѣла можно считать равною 46,3 % роста. Если мы этотъ процентъ сочтемъ за идеаль, то увидимъ, что эстонцы отъ этого идеала отклоняются довольно значительно, а именно: для всей губерніи на новобранцахъ нами найденъ средній ножной указатель — 47,05, т. е. на 0,75 % больше. На основаніи уже этого сравненія можно утверждать, что эстонцевъ, въ общемъ среднемъ, нельзя считать за субъектовъ коротконогихъ, а напротивъ, скорѣе длинноногими. Что касается отдѣльныхъ уѣздовъ, то мы получили слѣдующее:

- 1) Гапсальскій уѣздъ — 47,26
- 2) Ревельскій „ — 47,12
- 3) Вейсенштейнскій „ — 46,73
- 4) Везенбергскій „ — 46,51

Мы видимъ, что новобранцы Везенбергскаго уѣзда обнаруживаютъ ноги на 0,75 % короче, чѣмъ новобранцы Гапсальскаго уѣзда и что они въ сравненіи съ этими послѣдними могутъ считаться коротконогими. Мы полагаемъ, что относительную коротконогость жителей Везенбергскаго уѣзда можно было бы объяснить влияніемъ смѣшенія эстонцевъ этой мѣстности съ русскими, которые, какъ мы увидимъ ниже, значительно болѣе коротконогіе, чѣмъ эстонцы. Мы считаемъ возможнымъ сдѣлать это предположеніе и на основаніи того, что не только въ настоящее время въ Везенбергскомъ уѣздѣ живутъ довольно многочисленные русскіе, но что эстонцы нѣкоторыхъ деревень Везенбергскаго уѣзда ничто иное, какъ объэстонившіея русскіе и что русскіе элементы въ Везенбергскомъ уѣздѣ находились уже давно**).

3. *Новобранцы-островитяне.* Переходя засимъ къ слѣдующей за эстонцами группѣ, къ островитянамъ, мы получимъ для распредѣленія ножнаго указателя ихъ нижеслѣдующее:

Указатель отъ 40—43 у	0 суб.	изъ 184 или у	0,00 %.
„ „ 43—45 „	6 „	„ „ 184 „ „	3,26 „
„ „ 45—47 „	47 „	„ „ 184 „ „	25,54 „
„ „ 47—49 „	113 „	„ „ 184 „ „	61,41 „
„ „ 49—52 „	18 „	„ „ 184 „ „	9,78 „
„ „ 52—54 „	0 „	„ „ 184 „ „	0,00 „

*) М. Харузинъ. Богородицкая гора въ Эстляндіи. М. 1890 г. См. также вышепомѣщенную статью Ю. Трусмана: „русскіе элементы въ Эстляндіи въ XIII—XV вв.“

Minimum: 43,43 при ростѣ въ 1760,0 m/m а maximum: 51,16 при ростѣ въ 1655,5 m/m. Изъ этой таблицы мы видимъ, что длина ногъ у островитянъ, повидимому, не подвергается большимъ колебаніямъ и что больше половины ихъ обнаруживаютъ длину ногъ равную 47—49 % роста; приблизительно четверть всѣхъ островитянъ имѣеть указатель въ 45—47, а остальные указатели (43—45 и 49—52) представлены незначительнымъ процентомъ. Если мы эту таблицу сравнимъ съ аналогичною приведенною нами выше для новобранцевъ-эстонцевъ, то мы увидимъ, что островитяне отъ этихъ послѣднихъ въ данномъ случаѣ отличаются весьма значительно. Говоря вообще, островитянъ можно считать болѣе длинноногими, чѣмъ эстонцевъ. Правда у островитянъ длина ногъ не превышаетъ ни въ одномъ случаѣ указателя 51,16, но и у эстонцевъ этотъ указатель представленъ крайне незначительно (0,43 %). Но за то у островитянъ ноги ни въ одномъ случаѣ не короче 43,43 % роста, тогда какъ у эстонцевъ указатель отъ 40—43 представленъ (впрочемъ весьма незначительнымъ процентомъ) — 0,28 %. Слѣдующій затѣмъ указатель (43—45) также не великъ: представленъ у эстонцевъ 7,18 %, а у островитянъ болѣе чѣмъ вдвое меньше (3,26%). Далѣе мы видимъ, что наиболѣе представлены, какъ въ той такъ и въ другой группѣ, указатели 45—47 и 47—49, но тогда какъ у эстонцевъ перваго только на 6,37 % меньше, у островитянъ его меньше на 35,87 %. На основаніи этого, какъ мы сказали, островитянъ можно считать нѣсколько болѣе длинноногими, чѣмъ эстонцевъ; это подтверждается и среднею цифрою, а именно для островитянъ мы получили средній пожной указатель равнымъ 47,84, т. е. на 0,79 % больше, чѣмъ у эстонцевъ.

4. *Русскіе-новобранцы*. Русскіе весьма значительно отличаются по относительной длинѣ своихъ ногъ какъ отъ эстонцевъ, такъ и отъ островитянъ; для повобращевъ-русскихъ мы получили слѣдующее:

Указатель отъ 40—43	всего у	1	суб.	изъ	81	или	у	1,21	%
„ „ 43—45	„ „	8	„	„	81	„	„	9,87	„
„ „ 45—47	„ „	40	„	„	81	„	„	49,38	„
„ „ 47—49	„ „	29	„	„	81	„	„	35,80	„
„ „ 49—52	„ „	3	„	„	81	„	„	3,70	„
„ „ 52—54	„ „	0	„	„	81	„	„	0,00	„

Minimum: 40,00 при ростѣ въ 1650,0 m/m., а maximum: 51,61 при ростѣ въ 1534,5 m/m. Максимальный процентъ у этой группы новобранцевъ приходится, въ противоположность къ двумъ предыдущимъ группамъ, не на указатель 47—49, а на указатель

45—47. Кромѣ того нельзя не отмѣтить весьма малаго процента, приходящагося на указатель 49—52 и на довольно большой сравнительно процентъ, приходящійся на указатель 43—45. Все это достаточно ясно свидѣтельствуеетъ, что русскіе въ длинногости значительно уступаютъ какъ эстонцамъ, такъ особенно островитянамъ; это подтверждается и среднею цифрою, которая у русскихъ равна 46,54, т. е. на 0,51 % меньше, чѣмъ у эстонцевъ и на 1,30 % меньше, чѣмъ у островитянъ. По отношенію къ нормѣ канона (Клауса) человѣческой фигуры русскіе стоятъ всего ближе, а именно они отклоняются отъ идеальнаго указателя (46,3) лишь на 0,25 %, тогда какъ эстонцы на + 0,75 %, а островитяне даже на + 1,54 %.

Группу нашихъ новобранцевъ-русскихъ, по отношенію длины ногъ, мы можемъ сравнить съ великорусами, измѣренными въ Костромской, Ярославской и Владимірской губерніяхъ Н. Ю. Зографомъ. Этотъ авторъ получилъ въ среднемъ для всѣхъ изслѣдованныхъ имъ губерній для длины ногъ отъ регионаемъ указатель равнымъ 47,30, т. е. на 0,76 % больше, чѣмъ мы. Въ частности отдѣльныя губернія дали слѣдующее:

Костромичи . . .	47,39
Ярославцы . . .	47,29
Владимірцы . . .	47,22 (47,62)*)

Сравнивая съ этими данными выше нами приведенную цифру (46,54) относительной длины ногъ у русскихъ Эстляндской губ., мы видимъ, что она приближается всего болѣе къ таковой у Владимірцевъ, (по исправленію цифры А. Ивановскимъ — къ ярославцамъ) хотя эта близость весьма относительна, такъ какъ у этихъ послѣднихъ ноги на 0,67 % длинѣе. Цифра ножнаго указателя, нашихъ инородцевъ, встрѣченная нами въ антропологической литературѣ и подходящая всего ближе къ цифрѣ указателя нашихъ русскихъ, это относительная длина ногъ у калмыковъ-торгоутовъ**), а именно эти послѣдніе даютъ указатель равнымъ 46,97, т. е. лишь на 0,43 % меньше нашей цифры.

5. *Новобранцы-тѣмцы.* Для этой группы новобранцевъ, мы получили по отношенію длины ногъ нижеслѣдующее:

Указатель отъ 40—43 всего у	0	суб. изъ 109 или	0,00 %
" " 43—45 " " 3 " " 109 "	3	"	2,75 "
" " 45—47 " " 34 " " 109 "	34	"	31,19 "
" " 47—49 " " 56 " " 109 "	56	"	51,37 "
" " 49—52 " " 16 " " 109 "	16	"	14,67 "
" " 52—54 " " 0 " " 109 "	0	"	0,00 "

*) Н. Зографъ *Лос. cit.* Цифра 47,22 исправлена А. Ивановскимъ на 47,62.

**) А. Ивановскій. *Лос. cit.* стр. 248.

Минимумъ равняется 44,40 при ростѣ въ 1523,5 m/m. а максимумъ — 51,28 при ростѣ въ 1716,0 m/m. Если мы эту таблицу сравнимъ съ предыдущею, т. е. съ полученною нами для новобранцевъ-русскихъ, то мы не можемъ не отмѣтить, что нѣмцы представляютъ по отношенію длины ногъ ихъ полную противоположность. Больше половины субъектовъ обнаруживаютъ указатель 47—49, тогда какъ таковыхъ у русскихъ было лишь 35,80 %, далѣе: тогда какъ у русскихъ указатель 43—45 представленъ 9,87 % у нѣмцевъ субъекты съ таковымъ указателемъ составляютъ лишь 2,75 %; наоборотъ: между тѣмъ какъ у нѣмцевъ на указатель отъ 49—52 приходится 14,67 %, у русскихъ таковые составляютъ 3,70 %, т. е. болѣе чѣмъ въ 4 раза меньше.

Если бы мы на основаніи вышенриведенныхъ цифръ нашли возможнымъ назвать русскихъ субъектами коротконогими, то съ одинаковымъ правомъ можемъ мы назвать нѣмцевъ субъектами длинноногими. Эта длинноногость нѣмцевъ, выступающая съ достаточною ясностью, въ вышеприведенной таблицѣ, не выражается среднею цифрою, которая у нихъ равна 47,57, т. е. на 0,52 % больше, чѣмъ у новобранцевъ эстонцевъ и на 0,27 % меньше чѣмъ у островитянъ.

Ранке*) приводитъ слѣдующій рядъ цифръ, полученныхъ при измѣреніи относительной высоты *reginaeum* на жителяхъ Сѣверной Америки:

- | | |
|-----------------------|---------|
| 1) чистокровные негры | — 48,47 |
| 2) мулаты | — 48,32 |
| 3) матросы | — 47,50 |
| 4) студенты | — 46,84 |
| 5) индѣйцы | — 46,63 |
| 6) бѣлые солдаты | — 46,24 |

Разсматривая этотъ рядъ, мы видимъ въ немъ большое разнообразіе, но еще болѣе можетъ поразить насъ то, что солдаты, какъ вытекаетъ изъ цифръ Ранке, стоятъ ближе къ индѣйцамъ, чѣмъ къ матросамъ своей же расы. Такое сопоставленіе цифръ, приведенныхъ, повидимому, безъ достаточной критики, такъ какъ ни матросы, ни солдаты, ни студенты не представляютъ естественныхъ группъ убѣждаетъ насъ еще болѣе въ томъ (что нами изложено уже выше) съ какою осторожностію надо приступать вообще къ сравненію среднихъ цифръ и какъ эти послѣднія даютъ намъ весьма относительно вѣрные результаты. Вслѣдствіе этого мы ограничимся сравненіемъ нашихъ новобранцевъ всѣхъ

*) I. Ranke. — *Der Mensch*. Leipzig, 1886. стр. 15.

четырёхъ группъ между собою. Такое сравненіе тѣмъ болѣе играетъ важную роль, что мы увѣрены, что всѣ испытанные субъекты измѣрены по одному шаблону, такъ сказать одной рукой и принадлежать всѣ къ одному и тому же возрасту.

б. *Общій взглядъ на развитіе ногъ у новобранцевъ.* Если мы для сравненія новобранцевъ всѣхъ четырехъ группъ остановимся на среднихъ цифрахъ, то мы получимъ слѣдующія цифры для пожнаго указателя:

- 1) островитяне — 47,84
- 2) нѣмцы — 47,57
- 3) эстонцы — 47,05
- 4) русскіе — 46,54

Такое сопоставленіе среднихъ должно, повидимому, убѣдить насъ въ томъ, что изъ всѣхъ четырехъ группъ новобранцевъ Эстляндской губерціи наиболѣе длинноноги островитяне, а наиболѣе коротконоги русскіе. Въ дѣйствительности такой выводъ лишь относительно вѣренъ; это покажетъ намъ сопоставленіе рядовъ цифръ. Не переходя пока къ этому, мы остановимся на минимальныхъ и максимальныхъ цифрахъ*):

	minimum.	maximum.	разность
эстонцы	40,75 (р. 1754)	55,97 (р. 1749)	15,22
островитяне	43,43 (р. 1760)	51,16 (р. 1655)	7,53
русскіе	40,00 (р. 1650)	51,61 (р. 1534)	11,61
нѣмцы	44,40 (р. 1523)	51,28 (р. 1716)	6,88

Изъ этого сопоставленія цифръ мы видимъ, что длина ногъ подвержена наибольшимъ и притомъ весьма большимъ колебаніямъ у эстонцевъ, далѣе отчасти у русскихъ; у нѣмцевъ колебаніе длины ногъ всего меньше, а островитяне составляютъ въ данномъ случаѣ середину между нѣмцами и русскими. Далѣе изъ того же сопоставленія цифръ мы видимъ, что только у нѣмцевъ минимальный пожной указатель совпадаетъ съ малымъ ростомъ, а максимальный съ ростомъ высокимъ, у остальныхъ же группъ наблюдается какъ разъ противоположное явленіе, т. е. что минимальный пожной указатель приходится на болѣе высокій ростъ, чѣмъ максимальный; особенно бросается въ глаза этотъ фактъ у эстонцевъ, у которыхъ столь малый, можно сказать почти невѣроятно малый указатель какъ 40,75 приходится на весьма большой ростъ — 1754 мм. Наконецъ изъ тѣхъ же цифръ видно.

*) Болѣе малые указатели, о которыхъ мы упомянули выше, здѣсь нами откинуты по ихъ сомнительности.

что наименьшій указатель имѣють русскіе, а наибольшій приходится на эстонцевъ; остальные группы въ данномъ случаѣ значительно уступаютъ имъ.

Распредѣляя пожные указатели новобранцевъ всѣхъ четырехъ группъ по извѣстнымъ рядамъ, мы получаемъ слѣдующее:

индексъ народности	40—43	43—45	45—47	47—49	49—52	52 и бол.
	эстонцы	0,28	7,18	38,95	45,32	7,81
русскіе	1,21	9,87	49,38	35,80	3,90	—
нѣмцы	—	2,75	31,19	51,37	14,67	—
островитяне	—	3,26	25,54	61,41	9,78	—

Изъ этой таблицы становится яснымъ, что изъ всѣхъ новобранцевъ Эстляндской губерніи наиболѣе длинноногими слѣдуетъ считать нѣмцевъ, а наиболѣе коротконогими русскихъ; это положеніе станетъ яснѣе, если мы имѣющія у насъ цифры сгруппируемъ нѣсколько иначе, а именно:

народн. группы длина ногъ	эстонцы	русскіе	нѣмцы	островитяне
	длинноногость (49 и б.)	8,24	3,90	14,67
средненогость (45—49)	84,27	85,18	82,56	86,95
коротконогость (м. 45).	7,46	11,08	2,75	3,26

Изъ этой таблички мы видимъ, что длинноногихъ всего менше среди русскихъ, первое же мѣсто, и притомъ мѣсто весьма видное, занимаютъ нѣмцы, а за ними слѣдуютъ островитяне; эстонцы же стоятъ въ срединѣ между русскими и островитянами, хотя приближаются по длинноности болѣе къ послѣднимъ. Количество коротконогихъ субъектовъ распредѣляется въ обратномъ порядкѣ: всего больше коротконогихъ среди русскихъ, второе мѣсто занимаютъ эстонцы, затѣмъ слѣдуютъ островитяне и наконецъ послѣднее мѣсто принадлежитъ нѣмцамъ, у которыхъ коротконогіе субъекты составляютъ ничтожный процентъ.

На основаніи всего вышесказаннаго, мы могли бы для относительной длины ногъ сдѣлать слѣдующія заключенія: 1) относительная длина ногъ стоитъ часто въ прямомъ отношеніи къ величинѣ роста, 2) но наиболѣе относительно

роста длинныя ноги встрѣчаются, новидимому, чаще у субъектовъ не ниже 1650 и не выше 1700 m/m.; 3) соотношение между длиною ногъ и величиною роста не у всѣхъ народностей одинаково; 4) наиболѣе длинноноги въ Эстляндской губерніи нѣмцы, а наиболѣе коротконоги русскіе*).

Ал. Харузинъ.

*) За неизмѣнимъ мѣста цифры измѣренія будутъ помѣщены въ слѣдующей книжкѣ.

Приложение I-ое.

Къ статистикѣ волостныхъ должностныхъ лицъ Эстляндской губерніи.

I. Волостные Старшины. Волостные старшины Эстляндской губерніи въ громадномъ большинствѣ случаевъ лица не моложе 30 и не старше 50 лѣтъ; этотъ возрастной предѣлъ можно раздѣлить на два одинаковыхъ разряда, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ одинаковое количество лицъ: а именно 41,22 проц. старшинъ приходится на возрастъ отъ 30—40 лѣтъ и столько же на возрастъ отъ 40—50 лѣтъ и наконецъ въ видѣ исключенія (4,58 проц.) въ Эстляндской губерніи встрѣчаются волостные старшины моложе 30 лѣтъ. По вѣроисповѣданію подавляющее большинство приходится на лицъ исповѣдующихъ лютеранство, такихъ старшинъ въ Эстляндской губерніи 93,90 проц., на православныхъ же приходится только 6,10 проц. Изъ восьми Коммисарскихъ участковъ*) въ трехъ (Рапельскомъ, Везенбергскомъ и Вейсенштейнскомъ) совсѣмъ нѣтъ православныхъ старшинъ. Православные въ процентномъ отношеніи распредѣляются слѣдующимъ образомъ: всего больше православныхъ въ Дагенскомъ — 16,66 проц., затѣмъ слѣдуетъ Леальскій — 14,28 проц., далѣе Левенскій — 10,52 проц. Гапсальскій — 9,09 проц., и наконецъ Ревельскій — 5,88 проц.

Что касается русскаго языка, то знаніе его по сіе время не считалось для волостныхъ старшинъ обязательнымъ, вслѣдствіе чего во всей губерніи русскимъ языкомъ владѣютъ лишь 9,16 проц. старшинъ, тогда какъ 90,84 проц. русскаго языка не

*) Эстляндская губернія раздѣляется на 4 уѣзда и 8 Коммисарскихъ участковъ, а именно: Ревельскій уѣздъ включаетъ Ревельскій и Рапельскій Коммисарскіе участки; Гапсальскій уѣздъ — Гапсальскій, Леальскій и Дагенскій (послѣдній состоитъ изъ острововъ Даго или Дагденъ и Вормсъ); Везенбергскій уѣздъ — Везенбергскій и Левенскій участки и Вейсенштейнскій уѣздъ включаетъ Вейсенштейнскій же Коммисарскій участокъ.

знаютъ. Въ Рапелскомъ, Вейсенштейнскомъ и Леальскомъ участкахъ совсѣмъ нѣтъ старшинъ, владѣющихъ русскимъ языкомъ. Изъ другихъ Коммисарскихъ участковъ всего больше старшинъ, знающихъ русскій языкъ, въ Левенскомъ*) — 21,04 проц., за нимъ слѣдуетъ Везенбергскій — 18,75 проц., Дагенскій 16,66 проц., Ревельскій — 11,76 проц. и наконецъ Галсальскій — 9,09 проц.

Что касается грамотности, то подъ словомъ „грамотный эстонецъ-крестьянинъ“ слѣдуетъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ подразумѣвать лицъ, умѣющихъ болѣе или менѣе читать, грамотность же въ писаніи распространена весьма слабо. Съ только что приведенной точки зрѣнія изъ всѣхъ старшинъ грамотныхъ 96,95 проц., тогда какъ 3,05 проц., совсѣмъ не грамотны; эти 3,05 процента распредѣляются по двумъ лишь участкамъ — Левенскому и Рапелскому, въ которыхъ неграмотные старшины составляютъ 10,52 проц. и 13,33 проц.

Переходя за симъ къ степени имущественнаго достатка волостныхъ старшинъ, слѣдуетъ отмѣтить, что болѣшая часть ихъ принадлежитъ къ разряду крестьянъ-собственниковъ 53,43 проц., а меньшее 45,80 проц. къ разряду крестьянъ-арендаторовъ. Наибольшая часть старшинъ-собственниковъ приходится на болѣе богатый Вейсенштейнскій участокъ, въ которомъ они составляютъ 77,26 проц., тогда какъ старшины-арендаторы представляютъ всего только 22,74 проц. По количеству собственников остальные Коммисарскіе участки распредѣляются слѣдующимъ образомъ: Рапелскій — съ 66,66 проц. собственниковъ, Везенбергскій — 56,25 проц., Леальскій — 50,00 проц., Левенскій — 47,38 проц., Ревельскій-Галсальскій — 45,46 проц. Что касается Дагенскаго участка, въ которомъ поземельная собственность крестьянъ развита крайне слабо, то въ немъ всѣ волостные старшины принадлежатъ къ разряду крестьянъ-арендаторовъ за исключеніемъ одного, который владѣетъ домомъ.

Что касается собственно имущественнаго достатка старшинъ, т. е. количества десятищъ земли, находящагося въ ихъ владѣніи какъ собственниковъ или въ ихъ пользованіи въ качествѣ арендаторовъ крестьянскихъ участковъ, то таковое очень разнообразно. Говоря вообще, можно отмѣтить, что болѣе половины

*) Наибольшее распространеніе русскаго языка въ Левенскомъ участкѣ (и вообще въ Везенбергскомъ уѣздѣ) вполне естественно, такъ какъ этотъ участокъ съ одной стороны примыкаетъ къ Петербургской губерніи, съ другой же стороны находится въ сношеніи съ губерніею Псковской черезъ Чудское озеро; Левенскій же участокъ единственный, въ которомъ находятся двѣ совершенно русскія волости: Сыронецкая и Верхнесельская.

всѣхъ старшинъ владѣютъ или пользуются отъ 55—100 десятинъ и больше того и наконецъ приблизительно 13 проц. имѣютъ въ своемъ распоряженіи отъ 10 до 25 десятинъ и даже менѣе 10. Нижеприводимая таблица показываетъ наглядно степень имущественнаго достатка волостныхъ старшинъ по отдѣльнымъ комиссарскимъ участкамъ.

Переходя за симъ къ количеству вознагражденія, которое старшины получаютъ отъ своихъ волостей, то тутъ слѣдуетъ отмѣтить, что вознагражденіе до крайности разнообразно. Одни волостной старшина служатъ безвозмездно, двое получаютъ менѣе 10 руб. въ годъ, максимальная же плата достигаетъ цифры отъ 180—200 руб. Въ среднемъ наиболѣе высокая плата приходится на Ревельскій и Рапелъскій участки, наименьшая же плата на Левенскій и Гашсальскій участки; въ Везенбергскомъ и Вейсенштейнскомъ участкахъ годовая плата въ большинствѣ случаевъ колеблется отъ 70 до 140 руб., въ Леальскомъ — отъ 30 до 85 рублей.

Остановливаясь наконецъ на разстояніи, на которомъ волостные старшины живутъ отъ Волостныхъ Правленій и коммисаровъ по крестьянскимъ дѣламъ, оказывается, что слишкомъ 40 % всѣхъ старшинъ живетъ въ разстояніи 1 версты или менѣе того отъ Волостнаго Правленія, слишкомъ 35 % въ разстояніи отъ 2—6 верстъ, остальные 25 % живутъ на болѣе отдаленномъ отъ Волостнаго Правленія разстояніи: начиная съ 6 и кончая 17 верстами. Наименьшее разстояніе, на которомъ волостные старшины живутъ отъ мѣстожительства своего комиссара по крестьянскимъ дѣламъ, равняется 5 верстамъ и менѣе того, наибольшее же — 60—65 верстамъ*). Слишкомъ 60 проц. старшинъ живутъ отъ комиссара не далѣе 35 верстъ и около 40 проц. на разстояніи отъ 35 до 65 верстъ.

II. Помощники волостныхъ старшинъ. При состоявшемся въ 1891—93 гг. соединеніи старыхъ волостей въ нынѣ существующія 132, въ районѣ каждой упраздненной волости поставленъ помощникъ волостнаго старшины, съ предоставленіемъ ему въ полицейскомъ отношеніи въ предѣлахъ его района власти старшины. Помощники старшины, являясь прямыми органами волостнаго старшины, живутъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ небольшомъ разстояніи отъ старшины, а именно слишкомъ 70 проц. помощниковъ живутъ на разстояніи отъ мѣстожительства старшины не далѣе 10 верстъ (55 проц. на разстояніи отъ 3 до 10 верстъ, остальные ближе), 18 проц. на разстояніи отъ 10 до 15 верстъ, а остальные немногіе дальше.

*) Двое волостныхъ старшинъ живутъ на разстояніи 75—80 и 80—85 верстъ.

Разстояніе мѣстожителства помощниковъ отъ такового комиссара по крестьянскимъ дѣламъ разнообразно: больше половины живетъ на разстояніи 15—40 верстъ, слишкомъ 20 проц. на 40—60 верстъ, слишкомъ 15 проц. на 15 и менѣе верстъ. Что касается разстоянія мѣстожителства помощниковъ отъ Волостныхъ Правленій, то оно въ большинствѣ случаевъ не ближе 3 и не далѣе 15 верстъ.

Что касается возраста помощниковъ, то они какъ и волостные старшины, въ громадномъ большинствѣ случаевъ не моложе 30 и не старше 50 лѣтъ, не большой сравнительно процентъ (11,22 проц.) приходится на 50—60 лѣтнихъ, еще меньшій (8,42 проц.) на 20—30 лѣтнихъ и наконецъ какъ исключеніе встрѣчаются помощники 60—70 лѣтъ; таковыхъ только 4 изъ всѣхъ 570 или 0,70 проц. Вѣроисповѣдація помощники, какъ и старшины, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, лютеранскаго — 93,33 проц. и только 6,66 проц. православныхъ. Среди помощниковъ неграмотные люди встрѣчаются чаще чѣмъ среди старшинъ, а именно всего неграмотныхъ 10,17 проц. (противъ 3,05 проц. у старшинъ) тогда какъ 89,82 проц. грамотны, т. е. въ большинствѣ случаевъ умѣютъ читать. Среди помощниковъ еще меньшее число владѣтъ русскимъ языкомъ, а именно 6,49 проц. (противъ 9,16 проц. у старшинъ), тогда какъ 93,50 проц. русскаго языка не знаютъ. — Отношеніе между собственниками и арендаторами у помощниковъ обратнo отношенію, приведенному выше у старшинъ: помощниковъ-собственниковъ менѣе половины — 44,73 проц., а арендаторовъ болѣе половины — 55,08 проц. По имущественному достатку помощники не уступаютъ старшинамъ, а именно большая часть ихъ (около 70 проц.) владѣтъ или пользуется 25—55 десятинами. Что касается вознагражденія, которое получаютъ помощники, то оно сравнительно съ таковымъ у старшинъ значительно меньше: 1,05 проц. получаютъ менѣе 5 руб. въ годъ, 15,96 проц. получаютъ отъ 5 до 10 руб., 43,45 проц. — отъ 10 до 20 руб. остальные же больше; максимальное же жалованье, которое получаютъ помощники, (только одинъ) не превышаетъ 50—55 руб. въ годъ.

III. Волостные писаря. Весь контингентъ волостныхъ писарей Эстляндской губерніи состоитъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ (88,54 проц.), изъ сыновей крестьянъ, рѣже изъ мѣщанъ (10,68 проц.) Большая часть (64,12 проц.) писарей состоитъ изъ людей 20—30 лѣтъ, менѣе трети (24—42 проц.) изъ 30—40 лѣтнихъ, четыре писаря или 3,05 проц. моложе 20 лѣтъ, 7,63 проц. въ возрастѣ отъ 40—50 лѣтъ, и наконецъ одинъ (0,76 проц.) старше 50 лѣтъ.

Громадное большинство писарей избрано волостями, таковыхъ 96,95 проц. и лишь четверо или 3,05 проц. назначено комиссарами по крестьянскимъ дѣламъ.

По вѣроисповѣданію лишь 8 (6,10 проц.) православныхъ, всѣ же остальные (93,90 проц.) лютеране.

Что же касается образованія, то большую часть писарей (около 75 проц.) можно раздѣлить на четыре категоріи: 23,66 проц. окончили курсъ въ учительской семинаріи, 19,84 проц. въ уѣздномъ училищѣ, 19,08 проц. въ приходскомъ училищѣ и 12,20 проц. въ городскомъ училищѣ. Кончившихъ курсъ въ семинаріи всего больше въ Ревельскомъ участкѣ: здѣсь они составляютъ 52,94 проц., затѣмъ въ Галсальскомъ — 31,81 проц., далѣе въ Леальскомъ — 21,42 проц., въ Раппельскомъ — 20,00 проц., Везенбергскомъ — 18,75 проц., Дагенскомъ — 16,66 проц., Левенскомъ — 15,79 проц. и въ Вейсенштейнскомъ 9,09 проц.

Относительно запятій до опредѣленія надолжность волостнаго писаря слѣдуетъ замѣтить, что таковыя у разныхъ писарей чрезвычайно разнообразны, тѣмъ не менѣе отмѣтить можно слѣдующія три группы: во первыхъ 29,00 проц. изъ современныхъ писарей занимали эту должность до соединенія волостей, во вторыхъ 23,66 проц. были прежде сельскими учителями и въ третьихъ 11,45 проц. были безъ опредѣленныхъ занятій. Изъ этого явствуетъ, что громадное большинство старыхъ писарей не удовлетворяли требованіямъ поставленнымъ имъ комиссарами по крестьянскимъ дѣламъ и были замѣнены новыми лицами. Изъ всѣхъ писарей большинство живетъ въ помѣщеніи Волостныхъ Правленій такихъ всего 70,99 проц., слишкомъ 20 проц. живутъ не далѣе 5 верстъ отъ Волостнаго Правленія, а остальные (въ громадномъ большинствѣ случаевъ временно) на разстояніи отъ 5—20 верстъ отъ Правленія.

Что касается вознагражденія, получаемого писарями, то оно очень разнообразно и колеблется отъ минимума въ 15—25 руб. въ годъ до 375—475 руб. большая же часть писарей (около 70 проц.) получаетъ годовое жалованье отъ 100—225 рублей. Наибольшій (въ среднемъ взятый) окладъ, опредѣленный волостями, для писарей въ Леальскомъ и особенно въ Дагенскомъ участкахъ, а наименьшій сравнительно въ Галсальскомъ. Всего меньше варьируетъ жалованье писарей въ Раппельскомъ участкѣ (отъ 150—250 руб.), въ Везенбергскомъ (отъ 125—250 руб.) и отчасти въ Левенскомъ (отъ 75—275 руб.), всего болѣе жалованье варьируетъ въ Ревельскомъ (отъ 25—300 руб.) и особенно въ Вейсенштейнскомъ участкѣ (отъ 25—375 рублей).

I. Волостные старшины.

1. Возрастъ.

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Левен.	Вейс.	Ганс.	Леал.	Даг.	Всего
Лѣта	%	%	%	%	%	%	%	%	%
20—30	5,88	—	12,50	5,26	4,54	4,54	—	—	4,58
30—40	23,52	40,00	50,00	42,10	31,82	54,54	42,86	50,00	41,22
40—50	52,94	53,33	37,50	26,31	54,54	22,74	42,86	50,00	41,22
50—60	17,64	6,66	—	26,31	9,08	18,16	14,28	—	12,98
60—70	—	—	—	—	—	—	—	—	—

2. Вѣроисповѣданіе.

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Левен.	Вейс.	Ганс.	Леал.	Даг.	Всего
вѣроисп.	%	%	%	%	%	%	%	%	%
лютер.	94,11	100,00	100,00	89,48	100,00	90,90	85,72	83,33	93,90
правосл.	5,88	—	—	10,52	—	9,09	14,28	16,66	6,10

3. Собственникъ или арендаторъ.

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Левен.	Вейс.	Ганс.	Леал.	Даг.	Всего
	%	%	%	%	%	%	%	%	%
арендаторъ	52,94	33,33	43,75	52,62	22,74	54,54	50,00	83,33	45,80
собствен.	47,05	66,66	56,25	47,38	77,26	45,46	50,00	—	53,43
соб. дома	—	—	—	—	—	—	—	16,66	0,76

4. Грамотенъ или иѣтъ.

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Левен.	Вейс.	Ганс.	Леал.	Даг.	Всего
	%	%	%	%	%	%	%	%	%
грам.	100,00	86,66	100,00	89,48	100,00	100,00	100,00	100,00	96,95
иѣтъ	—	13,33	—	10,52	—	—	—	—	3,05

5. Знаетъ ли русскій языкъ.

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Левен.	Вейс.	Ганс.	Леал.	Даг.	Всего
	%	%	%	%	%	%	%	%	%
знаетъ	11,76	—	18,75	21,04	—	9,09	—	16,66	9,16
иѣтъ	88,23	100,00	81,25	78,96	100,00	90,90	100,00	83,33	90,84

8. Разстояніе отъ Вол. Правл.

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Іев.	Вейс.	Гапс.	Леаль.	Даг.	Всего.
кол. верстъ	%	%	%	%	%	%	%	%	%
меньше 1	29,41	6,66	12,50	31,58	31,82	4,54	14,28	16,66	19,08
отъ 1—2	—	20,00	25,00	36,84	22,74	27,27	21,44	—	21,37
„ 2—3	11,76	13,33	—	5,26	4,54	4,54	7,14	33,33	7,63
„ 3—4	11,76	6,66	6,25	15,79	9,09	36,36	7,14	33,33	15,26
„ 4—5	5,88	6,66	12,50	5,26	4,54	—	14,28	—	6,10
„ 5—6	—	20,00	6,25	5,26	9,09	18,18	—	—	8,39
„ 6—7	—	6,66	6,25	—	—	4,54	7,14	—	3,05
„ 7—8	11,76	6,66	6,25	—	9,09	4,54	7,14	—	6,10
„ 8—9	11,76	6,66	6,25	—	4,54	—	7,14	—	4,58
„ 9—10	—	—	12,50	—	—	—	—	16,66	2,29
„ 10—11	—	6,66	6,25	—	—	—	7,14	—	2,29
„ 11—12	—	—	—	—	4,54	—	—	—	0,76
„ 12—13	—	—	—	—	—	—	—	—	—
„ 13—14	5,88	—	—	—	—	—	—	—	0,76
„ 14—15	5,88	—	—	—	—	—	—	—	0,76
„ 15—16	5,88	—	—	—	—	—	—	—	0,76
„ 16—17	—	—	—	—	—	—	7,14	—	0,76

9. Разстояніе отъ Коммисара.

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Іев.	Вейс.	Гапс.	Леаль.	Даг.	Всего.
кол. верстъ.	%	%	%	%	%	%	%	%	%
меньше 5 вер.	—	—	—	5,26	—	—	7,14	16,66	2,29
отъ 5—10	—	13,33	25,00	5,26	9,09	4,54	14,28	—	9,16
„ 10—15	5,88	13,33	12,50	15,79	9,09	4,54	7,14	16,66	9,92
„ 15—20	17,64	20,00	6,25	—	4,54	4,54	21,43	33,33	10,68
„ 20—25	17,64	6,66	25,00	5,26	18,18	22,74	7,14	—	14,50
„ 25—30	5,88	—	—	15,79	13,63	4,54	—	—	6,10
„ 30—35	—	—	18,75	5,26	18,18	18,18	7,14	16,66	10,68
„ 35—40	5,88	20,00	—	5,26	4,54	13,63	7,14	16,66	8,40
„ 40—45	23,52	13,33	6,25	—	4,54	4,54	7,14	—	7,63
„ 45—50	5,88	6,66	6,25	15,79	9,09	9,09	—	—	7,63
„ 50—55	—	6,66	—	15,79	4,54	9,09	—	—	5,34
„ 55—60	5,88	—	—	—	4,54	—	21,43	—	3,80
„ 60—65	5,88	—	—	5,26	—	4,54	—	—	2,29
„ 65—70	—	—	—	—	—	—	—	—	—
„ 70—75	—	—	—	—	—	—	—	—	—
„ 75—80	5,88	—	—	—	—	—	—	—	0,76
„ 80—85	—	—	—	5,26	—	—	—	—	0,76

II. Помощники волостныхъ старшинъ.

1. Возрастъ.

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Гев.	Вейс.	Гапс.	Леаль.	Даг.	Всего.
Лѣта.	‰	‰	‰	‰	‰	‰	‰	‰	‰
20—30	11,39	11 11	13,18	1,56	7,89	6,57	7,14	—	8,42
30—40	47,83	50,00	36,26	48,43	44,73	43,42	39,28	50,00	44,21
40—50	34,44	31,94	45,05	28,12	33,33	31,57	37,50	50,00	35,44
50—60	5,06	5,55	5,49	20 31	14,03	17,11	16,07	—	11,22
60—70	1,26	1,38	—	1,56	—	1 31	—	—	0,70

2. Вѣроисповѣданіе.

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Гев.	Вейс.	Гапс.	Леаль.	Даг.	Всего.
Вѣроисповѣд.	‰	‰	‰	‰	‰	‰	‰	‰	‰
православн.	2,53	4,16	—	9,37	2,63	10,52	21,42	22,22	6,66
лютеранс.	97,46	95,83	100,00	90,62	97,36	89,47	78,57	77,77	93,33

3. Собственникъ или арендаторъ.

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Гев.	Вейс.	Гапс.	Леаль.	Даг.	Всего.
	‰	‰	‰	‰	‰	‰	‰	‰	‰
арендаторъ	49,36	48,61	46,15	59,35	49,12	68,42	66,07	83,33	55,08
собственникъ	50,62	51,38	53,84	40,62	50,87	31,57	33,92	11,11	44,73
собст. дома	—	—	—	—	—	—	—	5,55	0,17

4. Грамотенъ или нѣтъ.

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Гев.	Вейс.	Гапс.	Леаль.	Даг.	Всего.
	‰	‰	‰	‰	‰	‰	‰	‰	‰
грамотенъ	82,27	88,88	95,59	73,43	94,73	94,73	100,00	72,22	89,82
неграмотенъ	17,72	11,11	4,39	26,56	5,26	5,26	—	27,77	10,17

5. Знает ли русский язык.

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Гев.	Вейс.	Ганс.	Леаль.	Даг.	Всего.
	%	%	%	%	%	%	%	%	%
знает	1,26	1,38	3,29	26,56	9,64	2,66	1,78	5,55	6,49
не знает	98,73	98,61	96,69	73,43	90,35	97,33	98,21	94,44	93,50

6. Степень имуществ. достатка.

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Гев.	Вейс.	Ганс.	Леаль.	Даг.	Всего.
Колич. дес.	%	%	%	%	%	%	%	%	%
меньше 10 дес.	8,86	—	—	4,69	0,87	1,31	1,78	—	2,28
отъ 10—15 "	3,79	4,17	4,39	3,12	0,87	3,94	1,78	5,55	3,15
" 15—20 "	2,53	1,39	7,69	6,25	4,38	7,89	7,14	5,55	5,26
" 20—25 "	7,59	2,77	8,79	9,37	11,40	10,52	1,78	5,55	7,89
" 25—30 "	2,53	6,94	14,28	14,06	18,42	10,52	10,71	—	11,04
" 30—35 "	11,39	13,88	25,27	18,75	17,54	13,18	25,00	5,55	17,54
" 35—40 "	21,52	6,94	12,08	15,61	14,91	11,84	17,85	11,11	14,21
" 40—45 "	10,12	13,88	10,99	4,68	7,87	9,21	19,64	5,55	10,35
" 45—50 "	10,12	18,05	7,69	6,25	8,77	9,21	7,14	16,66	9,82
" 50—55 "	12,65	4,17	3,29	7,81	6,14	9,21	3,57	11,11	6,84
" 55—60 "	5,06	4,17	2,19	4,67	1,75	5,26	—	2,22	3,85
" 60—65 "	—	8,33	1,10	1,56	1,75	—	1,78	5,55	2,10
" 65—70 "	2,53	5,55	—	—	1,75	1,31	1,78	—	1,77
" 70—80 "	—	4,17	—	—	1,75	2,63	—	—	1,22
" 80—90 "	—	4,17	1,10	—	0,87	1,31	—	—	1,05
" 90—100 "	—	1,39	—	—	—	2,63	—	—	0,52
" 100—120 "	1,26	—	—	—	0,87	—	—	—	0,35
" 120—150 "	—	—	—	1,56	—	—	—	—	0,17
до 235 "	—	—	1,10	—	—	—	—	—	0,17
500 руб.	—	—	—	1,56	—	—	—	5,55	0,35

7. Степень вознагражденн.

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Гев.	Вейс.	Ганс.	Леаль.	Даг.	Всего.
Колич. руб.	%	%	%	%	%	%	%	%	%
меньше 5 руб.	—	—	2,19	4,68	—	—	1,78	—	1,05
отъ 5—10 р.	3,79	16,66	9,89	34,37	27,19	7,89	7,14	22,22	15,96
" 10—15 "	5,06	12,50	19,78	15,65	11,40	59,21	37,50	—	21,05
" 15—20 "	12,65	20,83	23,07	23,43	28,07	18,42	12,50	77,77	22,45
" 20—25 "	20,25	15,27	14,28	6,25	7,89	2,63	26,78	—	12,28
" 25—30 "	16,45	16,66	13,19	4,68	22,80	2,63	7,14	—	12,63
" 30—35 "	17,72	11,11	8,79	3,12	1,75	—	7,14	—	6,66
" 35—40 "	10,12	6,94	3,29	1,56	0,87	5,27	—	—	3,85
" 40—45 "	7,59	—	—	—	—	—	—	—	1,05
" 45—50 "	1,26	—	5,49	6,25	—	—	—	—	1,77
" 50—55 "	1,26	—	—	—	—	—	—	—	0,17
ничего	3,79	—	—	—	—	3,94	—	—	1,05

8. Разстояніе мѣстожит. отъ Вол. Правленія.

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Иев.	Вейс.	Гапс.	Леаль.	Даг.	Всего.
разстояніе	‰	‰	‰	‰	‰	‰	‰	‰	‰
меньше 1 вер.	3,79	1,39	13,18	10,94	6,14	5,26	1,78	5,55	6,31
отъ 1—2 "	5,06	8,34	2,19	7,81	7,01	13,15	8,92	5,55	7,19
" 2—3 "	2,53	5,55	9,89	4,68	3,51	13,15	1,78	5,55	5,96
" 3—5 "	12,65	11,11	18,68	20,31	14,91	15,79	16,07	16,16	15,61
" 5—10 "	36,71	43,05	36,26	35,94	44,74	40,79	58,92	55,55	42,28
" 10—15 "	25,31	15,28	14,28	10,94	17,54	10,52	10,71	5,55	15,08
" 15—20 "	11,39	9,72	4,39	6,25	4,39	1,31	1,78	—	5,43
" 20—25 "	2,53	4,16	1,10	3,12	1,75	—	—	5,55	1,93
" 25—30 "	—	1,39	—	—	—	—	—	—	0,17

9. Разстояніе отъ мѣстожителства Вол. Старшины.

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Иев.	Вейс.	Гапс.	Леаль.	Даг.	Всего.
разстояніе	‰	‰	‰	‰	‰	‰	‰	‰	‰
меньше 1 вер.	3,79	1,38	9,89	6,25	5,26	3,94	—	5,55	4,73
отъ 1—2 "	5,06	1,38	5,49	12,50	4,38	9,21	10,71	5,55	6,49
" 2—3 "	2,53	2,78	3,29	—	6,14	7,89	1,78	5,55	3,85
" 3—5 "	10,12	9,72	16,48	20,31	9,65	25,00	7,14	5,55	13,68
" 5—10 "	32,91	44,44	39,56	39,06	44,72	39,47	53,57	33,33	41,40
" 10—15 "	17,72	23,61	19,78	10,94	19,29	11,84	17,85	38,89	18,24
" 15—20 "	20,25	12,50	3,29	9,37	7,01	—	7,14	—	8,07
" 20—25 "	5,06	1,38	2,19	1,56	2,63	2,62	1,78	—	2,45
" 25—30 "	1,26	2,78	—	—	0,87	—	—	5,55	0,87
" 30—35 "	1,26	—	—	—	—	—	—	—	0,17

10. Разстояніе отъ мѣстожителства Коммисара.

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Иев.	Вейс.	Гап.	Леаль.	Даг.	Всего.
колич. вер.	‰	‰	‰	‰	‰	‰	‰	‰	‰
меньше 10 вер.	3,79	8,33	14,28	10,93	7,89	5,26	12,50	11,11	8,94
отъ 10—15 "	6,32	18,11	16,48	10,93	9,65	3,94	8,93	5,55	9,65
" 15—20 "	12,65	15,27	12,08	12,50	5,26	11,84	12,50	11,11	11,22
" 20—30 "	26,58	25,00	21,98	12,50	23,68	30,26	19,64	38,88	23,50
" 30—40 "	21,52	19,45	23,07	14,06	25,43	17,11	19,64	27,77	20,87
" 40—50 "	12,65	11,11	5,49	15,62	15,79	18,42	5,35	5,55	12,10
" 50—60 "	6,32	8,33	5,49	15,62	12,28	11,84	19,64	—	10,52
60 вер. и болѣе	10,12	2,63	1,10	7,81	—	1,31	1,78	—	3,15

III. Волостные писаря.

1. Сословіе.

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Евев.	Вейс.	Гапс.	Леал.	Даг.	Всего
Сословіе.	%	%	%	%	%	%	%	%	%
Мѣщане.	5,88	26,66	—	5,26	—	27,27	7,14	16,66	10,68
Крестьяне.	94,11	73,33	100,00	94,73	100,00	72,72	92,85	66,66	88,54
Солдат. сынъ.	—	—	—	—	—	—	—	16,66	0,76

2. Избранъ или назначенъ.

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Евев.	Вейс.	Гапс.	Леал.	Даг.	Всего
	%	%	%	%	%	%	%	%	%
Избранъ	94,11	93,33	100,00	100,00	100,00	90,90	100,00	100,00	96,95
Назначенъ	5,88	6,66	—	—	—	9,09	—	—	3,05

3. Вѣроисповѣданіе.

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Евев.	Вейс.	Гапс.	Леал.	Даг.	Всего
вѣроисповѣд.	%	%	%	%	%	%	%	%	%
лютеран.	100,00	93,33	100,00	89,47	95,45	95,45	85,71	83,33	93,90
правосл.	—	6,66	—	10,52	4,54	4,54	14,28	16,66	6,10

4. Возрастъ.

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Евев.	Вейс.	Гапс.	Леал.	Даг.	Всего
возрасть	%	%	%	%	%	%	%	%	%
моложе 20	—	6,66	12,50	—	4,54	—	—	—	3,05
отъ 20—30 л.	52,94	73,33	75,00	73,68	63,63	72,72	28,57	66,66	64,02
„ 30—40 „	23,52	20,00	12,50	26,31	22,72	27,27	35,71	33,33	24,42
„ 40—50 „	23,52	—	—	—	9,09	—	28,57	—	7,63
„ 50—60 „	—	—	—	—	—	—	7,14	—	0,76

5. Образование.

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Ев.	Вейс.	Гапс.	Леаль.	Даг.	Всего.
Образованіе	%	%	%	%	%	%	%	%	%
Уѣздн. уч.	5,88	33,33	12,50	10,52	27,27	36,36	7,14	16,66	19,84
Приход. уч.	11,76	6,66	31,25	31,58	27,27	13,63	7,14	16,66	19,08
Учит. Сем.	52,94	20,00	18,75	15,79	9,09	31,81	21,42	16,66	23,66
Начальн. уч.	11,76	—	—	—	—	4,54	—	—	2,29
Домаш. восп.	—	—	—	—	—	4,54	—	—	0,76

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Гев.	Вейс.	Гапс.	Леаль.	Даг.	Всего.
Образованіе	%	%	%	%	%	%	%	%	%
Городск. уч.	—	26,66	37,50	15,79	4,54	4,54	—	16,66	12,20
Гимназія	—	—	—	—	—	4,54	28,57	—	3,80
Образц. школ.	—	—	—	—	—	—	14,28	—	1,52
2-хъ кл. уч.	—	—	—	—	—	—	7,14	—	0,76
Частн. уч.	5,88	—	—	5,26	—	—	7,14	—	2,29
Реальн. уч.	—	—	—	—	—	—	7,14	—	0,76
4-хъ кл. уч.	—	—	—	—	—	—	—	16,66	0,76
Русс. пр. уч.	—	—	—	—	—	—	—	16,66	0,76
Маяк. уч. ком.	5,88	—	—	—	—	—	—	—	0,76
Волостн. школ.	5,88	—	—	10,52	27,27	—	—	—	6,89
Андреев. уч. въ Кронштадтѣ	—	6,66	—	—	—	—	—	—	0,76
Элементарн. уч.	—	6,66	—	—	4,54	—	—	—	1,52
Неизвѣстн.	—	—	—	10,52	—	—	—	—	1,52

6. Чѣмъ занимались раньше.

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Гевен.	Вейс.	Гапс.	Леал.	Даг.	Всего
	%	%	%	%	%	%	%	%	%
Сельск. уч.	52,94	26,66	6,25	26,31	4,54	31,81	21,42	16,66	23,66
Воен. служб.	—	6,66	—	5,26	—	4,54	—	—	2,29
Пом. сельск. уч.	5,88	6,66	—	—	—	4,54	—	—	2,29
Пом. вол. пис.	—	20,00	—	5,26	9,09	4,54	14,28	—	6,89
—	—	—	—	—	—	13,63	—	16,66	3,05
Домашн. уч.	—	—	—	—	—	—	7,14	—	0,76
Пис. у Гагенр.	—	6,66	—	—	—	—	7,14	—	1,52
Частн. пис. раб.	—	6,66	18,75	10,52	—	—	21,42	—	6,89
Прав. сел. уч.	—	—	—	—	—	—	7,14	—	0,76
Волостн. пис.	5,88	—	75,00	21,05	77,27	4,54	7,14	33,33	29,00
Псаломщ. пр. ц.	—	—	—	10,52	—	—	7,14	16,66	3,05
Земледѣліе.	—	—	—	—	9,09	—	7,14	—	2,29
Рыболовство.	5,88	—	—	—	—	—	—	—	0,76
Ремесло.	5,88	—	—	—	—	—	—	—	0,76
Урядникъ.	5,88	6,66	—	—	—	—	—	—	1,52
Безъ опр. зан.	17,64	—	—	21,05	—	36,36	—	—	11,45
Конторщикъ.	—	6,66	—	—	—	—	—	16,66	1,52
Воен. писарь.	—	6,66	—	—	—	—	—	—	0,76
Вѣсовщикъ.	—	6,66	—	—	—	—	—	—	0,76

7. Разстояніе мѣстожителства отъ Волостнаго Правленія.

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Гев.	Вейс.	Гапс.	Леаль.	Даг.	Всего.
Разстояніе	%	%	%	%	%	%	%	%	%
Въ вол. домѣ.	82,35	73,33	50,00	73,68	63,63	77,27	64,28	100,00	70,99
менѣе 1 версты	11,76	—	6,25	10,53	—	—	28,57	—	6,89
отъ 1—5 вер.	5,88	13,33	43,75	15,78	22,72	—	7,14	—	14,50
„ 5—10 „	—	—	—	—	9,09	13,63	—	—	3,80
„ 10—15 „	—	—	—	—	4,54	9,09	—	—	2,29
„ 15—20 „	—	13,33	—	—	—	—	—	—	1,52

8. Вознагражденіе.

Ком. уч.	Рев.	Рап.	Вез.	Іев.	Вейс.	Гапс.	Леаль.	Даг.	Всего.
Рубли.	%	%	%	%	%	%	%	%	%
15—25	—	—	—	—	—	4,54	—	—	0,76
25—50	17,64	—	—	—	4,54	4,54	7,14	—	4,58
50—75	—	—	—	—	4,54	22,72	—	—	4,58
75—100	—	—	—	5,26	4,54	13,63	—	—	3,80
100—125	—	—	—	21,05	9,09	13,63	14,28	—	8,40
125—150	17,64	—	12,50	31,58	13,63	13,63	—	—	12,98
150—175	—	20,00	18,75	5,26	9,09	18,18	7,14	16,66	11,45
175—200	5,88	—	43,75	15,79	9,09	4,54	—	—	10,68
200—225	47,05	60,00	18,75	5,26	27,27	4,54	28,57	—	24,42
225—250	5,88	20,00	6,25	10,52	9,09	—	7,14	—	7,63
250—275	—	—	—	5,26	4,54	—	28,57	16,66	5,34
275—300	5,88	—	—	—	—	—	7,14	16,66	2,29
300—325	—	—	—	—	—	—	—	50,00	2,29
325—350	—	—	—	—	—	—	—	—	—
350—375	—	—	—	—	—	—	—	—	—
375—475	—	—	—	—	4,54	—	—	—	0,76

Ал. Харузинъ.

Къ вопросу о развитіи общественнаго устройства города Ревеля.

(Историческій очеркъ).

Еще въ 1093 году, близь теперешняго Ревеля, датскимъ королемъ Эрикомъ IV' Эйгнотомъ (жестокимъ) былъ по обѣту учрежденъ дѣвичій монастырь Св. Михаила. Но возникновеніе собственно города слѣдуетъ приурочить къ сооруженію въ 1194 году замка (Ревеле или Линдаисе) на скалѣ, гдѣ теперь находится Вышгородская часть Ревеля.

По одному преданію, замокъ этотъ былъ построенъ королемъ Канутомъ VI датскимъ, который произвелъ нападеніе на Эстонию, по другому преданію эстонцами, оборонявшимися отъ него.

Какъ бы то ни было, замокъ этотъ вскорѣ очутился въ рукахъ эстонцевъ, и только въ 1219 году, когда Вальдемаръ II покорилъ „Гарію, Вирландъ и Алентахъ“, онъ окончательно перешелъ къ датчанамъ.

Съ этого времени, до присоединенія къ Россійской Имперіи, жизнь Ревеля подвергается многимъ случайностямъ: онъ постоянно ведетъ войны и часто мѣняетъ владычество. Въ связи съ этими послѣдними, въ предлагаемомъ очеркѣ и будетъ разсмотрѣно развитіе общественнаго устройства Ревеля.

1. *Владычество датчанъ и ордена (1219—1561.)* Учрежденный въ 1202 году въ Ливоніи орденъ Меченосцевъ (Fratres militiae Christi), благодаря мудрой политикѣ учредителя ордена рижскаго епископа Альберта Апельдерна, скоро поработилъ ливовъ и латышей, затѣмъ орденъ обратился къ эстонской чуди, но встрѣтилъ здѣсь очень упорное сопротивленіе. Борьба приняла самый ожесточенный характеръ: „нѣмцы безъ пощады выжигали селенія и вырѣзывали мужское населеніе, забирая въ плѣнъ женщинъ и дѣтей: а эсты въ свою очередь подвергали мучительной смерти попавшихся въ ихъ руки непріятелей; иногда они сожигали живыми нѣмецкихъ

плѣнниковъ или душили ихъ предварительно вырѣзавъ у нихъ крестъ на спинѣ*).".

Въ то-же время орденъ вель войну съ Новгородомъ; послѣдній дѣйствовалъ очень успѣшно: въ 1217 году разбилъ рыцарей подъ Медвѣжьей Головой (Оденпе), а въ слѣдующемъ году осадилъ столицу ордена — Венденъ. Стѣсненное положеніе, въ которомъ очутились нѣмцы во время этой борьбы съ эстонской чудью и Новгородомъ, принудило епископа Альберта искать помощи у Вальдемара II датскаго, находившагося тогда на высшей степени своего могущества.

Датчане уже ранѣе пытались утвердиться на Финскомъ побережьѣ, и поэтому Вальдемаръ II воспользовался удобнымъ случаемъ. Въ іюнѣ 1219 года замокъ Ревеле, послѣ кровопролитной битвы, былъ взятъ Вальдемаромъ II, который, оставивъ тамъ часть своего войска, вернулся въ Данію**). Но меченосцы ошиблись въ своемъ расчетѣ на помощь датчанъ. Вальдемаръ II объявилъ завоеванную часть Эстоніи, съ замкомъ Ревеле, принадлежащую датскому королевству, усилилъ датскій гарнизонъ въ Ревелѣ и, вмѣсто убитаго при осадѣ его эстонскаго епископа нѣмца Теодориха, назначилъ своего каплана Весцелина***).

Орденъ не могъ поддерживать свои притязанія на Эстонію силою оружія, и Альбертъ отправился въ Римъ къ папѣ Гонорію III съ жалобою на Вальдемара; но ни въ чемъ не успѣлъ, такъ какъ датское посольство предупредило его.

Принужденный покориться обстоятельствамъ, Альбертъ призналъ короля датскаго верховнымъ владѣтелемъ Эстоніи и Ливоніи†).

Господство датчанъ было для эстонцевъ не легче ига орденскаго. И тѣ и другіе, силою вводя христіанство и встрѣчая сопротивление, жестоко казнили упорныхъ язычниковъ, тѣмъ болѣе упорныхъ, что ученіе Христа вовсе не было знакомо эстонцамъ — ихъ лишали ихъ прежнихъ боговъ ничѣмъ ихъ не замѣняя. Миссіонеры, съ одной стороны нѣмцы, съ другой датчане, соревнуя

*), Иловайскій: Исторія Россіи ч. 2 т. 2 стр. 134.

**), Существуетъ легенда, что во время сраженія красное знамя съ бѣлымъ крестомъ упало изъ облаковъ въ руки къ датчанамъ, что придало имъ мужество. Въ память одержанной побѣды (или чуда) былъ учрежденъ королемъ Вальдемаромъ II орденъ Данеброга. Карамзинъ: Исторія Госуд. Рос. Т. III гл. II стр. 114.

***), Arbusow. Grundriss der Geschichte Liv- Est- und Kurlands, стр. 20.

†) Иловайскій: ч. 2 Т. II стр. 136—137.

другъ передъ другомъ, едва успѣвали совершать обрядъ крещенія, проповѣдывать-же имъ было совершенно некогда*). Датчане были даже до того нетерпимы, что повѣсили одного эстонскаго старѣйшину за то, что онъ дерзнулъ принять крещеніе отъ иѣмцевъ**).

Въ это-же время шведы старались утвердиться на о. Эзелѣ и въ западной части Эстонской земли.

Туземцы, со всѣхъ сторонъ тѣснимые и угнетаемые завоевателями, возстали и просили Новгородъ помочь имъ***).

Въ 1223 году князь Ярославъ съ 20,000 войскомъ опустошилъ Ливонію и затѣмъ обратился къ Эстоніи, гдѣ, соединившись съ кореннымъ населеніемъ края, осадилъ Ревель†), но безуспѣшно простоявъ подъ его стѣнами четыре недѣли, вернулся въ Новгородъ.

Датчане не успѣли еще упрочить своего положенія въ Эстоніи, а между тѣмъ въ 1227 году (22 Іюля) Вальдемаръ II датскій потерпѣлъ при Боригевѣдѣ (въ Шлезвигѣ) пораженіе отъ Адольфа IV голштинскаго; слѣдствіемъ этого пораженія была потеря датчанами ихъ германскихъ владѣній.

Вниманіе русскихъ было отвлечено татарскимъ нашествіемъ.

Ливонскій орденъ воспользовался этими счастливыми для него событіями — и магистръ Вольквинъ съ сильнымъ ополченіемъ явился подъ Ревелемъ. Эстонцы помогали иѣмцамъ. Ревель былъ взятъ, а слабые датскіе гарнизоны изгнаны изъ Эстоніи.

Начиная съ этого времени, у Ревеля завязываются торговля сношенія съ Ригю и Любекомъ и въ Ревелѣ появляются, не только иностранное войско, но и купцы и ремесленники.

Надо полагать, что тогда-же населеніе его значительно возросло, потому что только съ этого времени появляются въ древ-

*) Въ началѣ XIV вѣка ново-обращенные на вопросъ — вѣрятъ-ли они въ Бога, отвѣчали: мы вѣримъ въ Бога, въ Пр. Дѣву Марію, въ св. Божіихъ и въ то, во что вѣритъ св. римская церковь, равно какъ и признаемъ символъ вѣры „подобно другимъ истиннымъ и добрымъ христіанамъ“. Трусманъ: Введеніе христіанства въ Лифляндію. 1884 г. стр. 428. Ю. Ю. Трусманъ говоритъ: если признать вѣрною сущность этого отвѣта, то мы получаемъ довольно точное понятіе о предметахъ и сущности религіознаго обученія эстонцевъ -- тамъ же: „Большинство крестьянъ ничего не знало о брачной жизни,“ говоритъ Руссовъ, ib. стр. 435.

***) Карамз. т. III; гл. VI, стр. 114.

***) По русской лѣтописи походъ этотъ имѣлъ мѣсто въ 1223 году, по Ливонской въ 1222 г.

†) Ревель въ русской лѣтописи названъ Колыванью. Едва-ли не въ первый разъ упоминается о немъ въ нашей лѣтописи подъ этимъ годомъ.

нихъ лѣтописяхъ извѣстія о немъ, какъ о населенномъ мѣстѣ, прежде-же Ревель упоминался только какъ замокъ*).

Но положеніе Ливонскаго ордена въ началѣ XIII вѣка было еще далеко не прочно — датскій король не терялъ надежды вернуть Эстонию: новгородская Русь ждала только случая вернуть свои потери; на югѣ возникло опасное для ордена — Литовское государство. Приливъ же крестоносцевъ изъ Германіи почти совсѣмъ прекратился. Орденъ, предоставленный своимъ собственнымъ средствамъ, сталъ искать опоры въ сліяніи съ Тевтонскимъ орденомъ**). Переговоры эти длились довольно долго, но увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ только въ 1237 г.***), когда въ Ливонию пріѣхало 60 Тевтонскихъ братьевъ съ своимъ ландмейстеромъ Балкомъ. Но за этотъ союзъ, орденъ Меченосцевъ долженъ былъ возвратить Даніи Ревель, Гарію и Вирландъ, условіе очень тяжкое и состоявшееся только благодаря вмѣшательству папскаго легата Вильгельма Моденскаго. По этому условію, заключенному 7 Іюля 1238 года, сѣверная Эстонія и Ревель въ церковномъ отношеніи подчинялись Лундскому епископу†).

Только съ возвращеніемъ въ составъ Датскаго королевства, въ Ревелѣ начинаютъ развиваться начала гражданственности, основаніемъ имъ служить, дарованный Ревелю въ томъ же году, особый статутъ.

Въ этотъ періодъ своей жизни Ревель получаетъ большинство своихъ привилегій.

Король Эрнкъ V даруетъ Ревелю (въ 1249 г.) Любекское право, королева Маргарита (въ 1265 г.) дозволяетъ ему чеканить свою монету. Въ 1284 году Ревель входитъ въ Ганзейскій союзъ, а въ 1287 году получаетъ право епископальное (т. е. право назначать священниковъ къ городскимъ церквамъ).

Въ началѣ этого періода жизни Ревеля въ немъ не было состояній въ настоящемъ значеніи этого слова, а были четыре корпораціи: духовенство, орденъ (меченосцы), васалы и граждане. Впослѣдствіи изъ этихъ корпорацій образовались состоянія: ду-

*) Розановъ. Путеводитель по Ревелю, 1839 г. стр. 2.

***) Орденъ этотъ былъ не задолго до того основанъ въ Палестинѣ изъ германцевъ, по образцу Темплеровъ. Но въ Палестинѣ онъ оставался не долго, а дѣятельность свою перенесъ въ Пруссію. Рыцари этого ордена принадлежали къ старому дворянству и свято хранили свои обѣты, въ орденѣ же меченосцевъ не было ни того ни другаго и это было одною изъ причинъ отчего Тевтонскій орденъ не слился съ Ливонскимъ.

****) Булла папы Григорія IX отъ 13 Мая 1237 г.

†) Иловайскій: ч. 2 т. II стр. 141, 142. Argusow — стр. 31.

ховное, дворянское и городское; крестьянское же образовалось изъ покоренныхъ туземцевъ.

Одинаковый образъ жизни, занятія однообразными городскими промыслами и неустойчивость человѣческаго существованія въ это смутное время, сближали горожанъ и побуждали ихъ къ взаимному тѣснѣйшему единенію. Такимъ образомъ, среди городскихъ жителей (гражданъ) образовались различныя общества, братства, сословія, которые носили названіе цеховъ и гильдій, имѣли свои учрежденія, свои уставы (Schragen), свои управленія и свои собранія для постановленія рѣшеній по общественнымъ дѣламъ. Такіе союзы были свойственны характеру среднихъ вѣковъ и вызывались тогдашними политическими обстоятельствами. Начиная съ XIII вѣка, эти союзы существуютъ во всѣхъ нѣмецкихъ городахъ. Цѣль ихъ была — помощь своимъ сочленамъ, поддержаніе какой нибудь отрасли городской промышленности, отстаиваніе монополіи или привилегіи, а иногда и защита отъ притѣсненія даннаго союза другими гражданами.

Возникновеніе гильдій въ Ревелѣ относится къ весьма отдаленной эпохѣ. Такъ называемая большая гильдія основана въ 1249 г. по образцу Любекскихъ — состояла она изъ купцовъ. Основаніе малыхъ гильдій — св. Олая и св. Канута относится къ тому же году; членами ихъ были ремесленники, причемъ одни цехи принадлежали къ гильдіи св. Канута, другіе — къ гильдіи св. Олая*). Граждане, поселившіеся на Вышгородѣ, образовали свою особую гильдію, подъ названіемъ Вышгородской или Каоедральной. Она состояла только изъ ремесленниковъ, жившихъ на Вышгородѣ и была совершенно независима, какъ отъ городскихъ гильдій, такъ и отъ городского управленія**).

Наконецъ, въ Ревелѣ существовало братство Черноголовыхъ (Schwarzenhäupter), учрежденное въ 1343 году, по образцу голландскихъ и порвежскихъ братствъ, существовавшихъ для защиты города отъ бунтующихъ поселянъ и другихъ нападеній***).

*) Въ XVI столѣтіи въ Ревелѣ было уже 49 цеховъ. О томъ изъ какихъ маленькихъ группъ людей они состояли можно видѣть изъ того, что слѣдующія мастерства состояли особые цехи: ружейные мастера, подковные и оружейные мастера, кователи латъ, изготовители шпоръ, фурманы, вышиватели бисеремъ, парикмахеры и др. Отчетъ объ управленіи г. Ревеля за 1889 годъ за стр. 60.

**) Устраненіе раздѣленія Ревеля въ отношеніи дѣлъ городского общественнаго управленія на Вышгородъ и Нижгородъ, подчиненіемъ обѣихъ этихъ частей одному общему управленію — думѣ, произошло лишь въ 1877 (на основаніи п. 6 Указа Правительствующаго Сената отъ 16 Іюля 1870 г.).

***) Учрежденіе этого братства было вызвано, бывшимъ въ 1343 г. „во всей землѣ“ возмущеніемъ крестьянъ.

среду этого братства принимались неженатые лица торгового сословія.

Какъ большая гильдія, такъ и малыя, имѣли свои особыя управленія, свои общественныя кассы, уставы и собранія, на которыхъ подъ руководствомъ „альтермановъ“ и старшинъ гильдіи совѣщались о дѣлахъ общественныхъ. Въ дѣлахъ, касавшихся всего города, каждая гильдія участвовала въ совѣщаніяхъ магистрата, чрезъ свою старшинскую думу.

Принятіе въ гильдіи совершалось въ общемъ собраніи ея членовъ; для принятія требовалось: честное происхожденіе, непорочное поведеніе, рекомендація нѣсколькихъ членовъ гильдіи и внесеніе опредѣленной, въ пользу общества, платы. Вступившій въ гильдію именовался „братомъ“ (Bruder) и пользовался правомъ участія въ гильдейскихъ собраніяхъ и въ выборахъ.

Кромѣ того, въ Ревелѣ выдѣлилось изъ гильдій особое правительственное сословіе — магистратъ; въ него вступали только члены общества пивоваровъ*), въ общество же пивоваровъ принимались только члены большой гильдіи. Въ магистратѣ, который мало по малу дѣлался первенствующимъ сословіемъ, сосредоточивались власть и управленіе — онъ былъ главою городскихъ жителей во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся всего города; кромѣ того, магистратъ, какъ высшая судебная инстанція, имѣвъ большое вліяніе на законодательство — имъ издавались постановленія и положенія, утверждались уставы цеховъ, а судебныя его рѣшенія часто служили источникомъ закона.

До реформации онъ имѣлъ большое вліяніе и на церковныя дѣла, такъ какъ чрезъ него осуществлялось, дарованное городу, епископальное право.

Съ XV же вѣка магистратъ начинаетъ принимать участіе въ дѣлахъ всей земли, имѣя своихъ представителей на общихъ ландратахъ**).

Датское владычество не долго продержалось въ Ревелѣ. Въ первой половинѣ XIV вѣка оно почти совсѣмъ прекратилось вслѣдствіе смуть и споровъ за престолъ въ самой Даніи датско-нѣмецкое рыцарство Эстоніи стало управляться само собой — не признавало надъ собой чьей либо власти и жестоко

*) Обществу пивоваровъ исключительно принадлежало право продажи пива. Пивовары очевидно заступали мѣсто прежнихъ гражданъ рыцарскаго происхожденія (cives). Въ сѣверныхъ городахъ Германіи и въ Ригѣ, по крайней мѣрѣ, было таково происхожденіе первенствующаго сословія.

***) Матеріалъ относящійся до новаго общественного устройства въ городахъ Имперіи 1883 г. Т. VI. ч. 1. Стр. 2—6.

притѣсняло эстонцевъ. По словамъ современныхъ лѣтописцевъ: „рыцари и вассалы безчестили дочерей и женъ эстовъ и эзельцевъ, отнимали имущества и поступали съ ними какъ съ рабами.“ (Вигандъ Марбургскій). „Наши собаки пользуются лучшимъ обращеніемъ нежели эти люди“ писалъ нѣмецъ Кранцъ.

Выведенные изъ терпѣнія, эстонцы возмутились. Въ 1343 году вспыхнуло возстаніе „во всей землѣ“. Десять тысячъ мятежниковъ, предводительствуемые четырьмя крестьянами, избранными ими въ короли, осадили Ревель; на выручку послѣдняго явился магистръ Ливонскаго ордена Вурхардъ Фонъ-Дрейлѣвель и 14 Мая 1343 года эстонцы потерпѣли полное пораженіе подъ Ревелемъ. Закаленные въ постоянныхъ битвахъ, рыцари вездѣ одерживали побѣду надъ мятежниками — нѣсколько десятковъ тысячъ послѣднихъ было избито*), взятые-же въ плѣнъ подвергались изысканнымъ казнямъ; въ 1344 году возстаніе было окончательно усмирено, но съ такою жестокостью, что „почти вся страна обратилась въ пустыню,“ а закрѣпощеніе крестьянъ за помѣщиками стало почти полное**).

Датское владычество Эстоніи смѣнилось нѣмецкимъ и это было подтверждено тѣмъ, что Вальдемаръ III датскій уступилъ въ 1347 году свои права на Эстонію и Ревель хохмейстеру Тевтонскаго ордена Генриху Дусмеру за 19,000 кельнскихъ серебряныхъ марокъ (около 247,000 руб. сер.), а хохмейстеръ переуступилъ эти права за 20,000 марокъ Ливонскому ордену, который фактически уже владѣлъ Эстонскою областью.

Большое вліяніе на внутреннюю жизнь Ревеля имѣло въ эту эпоху владычество Ливонскаго ордена, введеніе реформаціи, начавшееся въ 1524 году (9-го сентября), но встрѣтившее упорное сопротивленіе въ лицѣ католическаго духовенства, оно стало господствующею въ городѣ религіею только въ концѣ XVI.

Лютеранскіе фанатики страшно неистовствовали и многія церковныя драгоценности, преимущественно образа, были ими уничтожены. Реформація освобождала Ревель отъ (хотя и отдаленнаго, но иногда сказывающагося, какъ мы видѣли) вліянія папы и значительно ослабило силы Ливонскаго ордена, который былъ вѣрнымъ слугою воинствующаго католицизма***).

Ливонія въ XVI вѣкѣ представляла замѣчательное по своей

*) Трусманъ. Введеніе христіанства въ Лифляндіи стр. 423.

***) Иловайскій: ч. II. стр. 307, 308.

***) Старый ландмаршалъ Филиппъ Бель, взятый русскими въ 1560 г. въ плѣнъ, объяснял бѣдствія постигшія орденъ, „отступленіемъ отъ старой вѣры и распущенностью нравовъ.“ Илов. Т. III стр. 238.

отсталости внутреннее устройство, основанное на сословномъ церковномъ и племенномъ раздѣленіи, единственнымъ объединяющимъ учрежденіемъ (съ XV вѣка) были вышеупомянутые общіе ландтаги, куда собирались уполномоченные отъ ордена, духовенства, земскаго рыцарства и городовъ. Постановленія ландтаговъ (рецессы) считались обязательными для всей страны и для всѣхъ сословій, но при недостаткѣ общей исполнительной власти, постановленія эти нерѣдко оставались недѣйствительными и конечно не могли прекратить сословные раздоры и борьбу между свѣтскою и духовною властью. Рядомъ съ господствовавшими пришельцами — иѣмцами — покоренные и поработанные туземцы каждую минуту были готовы возстать противъ своихъ притѣснителей.

Такое хаотическое положеніе дѣлъ и притязанія сильныхъ сосѣдей — Россіи, Польши и Даніи на Ливонію были причиною распаденія ордена*).

Осенью 1562 г. магистръ Готхардъ Кетлеръ принимаетъ титулъ герцога Курляндіи и Семигаліи, причемъ, его ленный властелинъ — король польскій предоставляетъ ему и должность намѣстника Ливоніи, отошедшей къ Литвѣ. За русскими остаются ими завоеванныя — Юрьевская и Ругодивская области**). Эзель и Вискская область еще ранѣе (1559 г.) образовали вассальное датское княжество.

Въ Эстоніи въ это время вспыхнулъ опять крестьянскій мятежъ. Рыцарство Гаріенскаго, Вирляндскаго и Фервенскаго округовъ и граждане Ревеля, не безъ основанія не довѣряя Кетлеру, тайно отъ него, искали поддержки у шведскаго короля Эрика XIV. Договоръ объ этомъ и присяга отъ имени Эстоніи были принесены королю 4 Іюня 1561 года. Вскорѣ затѣмъ шведскій фельдмаршалъ Клаусъ Хорнъ взялъ, находящійся въ рукахъ ордена, Ревель***).

Въ этомъ періодѣ жизни Ревеля (1219—1561 г.), полномъ случайностей и превратностей, сложились его гражданскія правоотношенія, истекавшія не изъ сознанія единства, а изъ взаимной борьбы и слѣдовавшаго затѣмъ примѣненія договорнаго права.

Главными особенностями общественнаго устройства Ревеля въ этомъ періодѣ слѣдуетъ признать возникновеніе права гражданства

*) Орденъ прекратилъ свое существованіе 15 Марта 1562 г.

***) Ливонская война длилась съ 1557 г. до 1560 г. Два раза за это время (въ 1558 и 1560 г.) русскіе осаждали Ревель. — Не безъинтересенъ тотъ фактъ, что Кетлеръ во время Ливонской войны занялъ у Ревеля, подъ залогъ своего замка Кегеля, 30,000 гульденовъ.

***) Илов. ч. III стр. 223—241. Arbus. стр. 126—131.

и соединеннаго съ нимъ права кормленія (Bürgerahrung), т. е. занятіе промыслами и замѣщеніе городскихъ должностей. — Сперва этими правами пользовались только первые поселники города — германскіе выходцы. Съ увеличеніемъ же городского населенія, привлекаемаго торговыми и промышленными выгодами, право мѣстнаго гражданства (и связанное съ нимъ право кормленія) даровалось лишь при извѣстныхъ ограничительныхъ условіяхъ.

При разнородности интересовъ по мѣрѣ усиленія граждапъ и укрѣпленія ихъ въ пользованіи городскими промыслами и связаннаго съ этими ихъ матеріальнаго благосостоянія, они образовали отдѣльныя группы (гильдіи, братства, цехи) для взаимной самозащиты ихъ выгодъ. Одна изъ такихъ группъ образовала сословіе правительственное — магистратъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Муравьевъ.

Состояніе

хлѣбовъ и кормовыхъ травъ въ Эст-
ляндской губерніи по донесеніямъ на-
чальниковъ уѣздовъ за 1893 годъ.

Уѣздъ.	Число.	Озимый хлѣбъ.	Яровой хлѣбъ.	Травы.	Замѣчанія.
Ревельскій	15 Апрѣля 1893 г.	Состояніе озими еще не выяснилось. На поляхъ мѣстами еще лежить снѣгъ.	Полевья работы еще не начались.	Растительности еще нѣтъ.	Истекшая зима, при морозахъ до 30° была обильна снѣгомъ и мятелями; таяніе снѣговъ началось въ первой половинѣ марта мѣсяца. Весна сухая, температура днемъ средняя, а ночью легкіе морозы; вѣтры не значительные. большаго разлитія рѣкъ и застоя воды на поляхъ не замѣчено.
Везенб.					
I участка	13 Апрѣля	еще	не произ-	растають.	
II уч.	"	Поля почти вездѣ еще покрыты снѣгомъ.	Поля еще вездѣ по крыты снѣгомъ.	Травы не взошли.	Прошедшая зима, отличавшаяся продолжительностью и сильными морозами, благодаря обильно выпавшему снѣгу, не повредила озимымъ посѣвамъ.
III уч.	"	Всходы обѣщаютъ быть посредственными.		Не опредѣлились.	Ростъ озимыхъ еще не начался вслѣдствіе холодныхъ и сухихъ сѣверныхъ вѣтровъ и (по почамъ) значительныхъ заморозковъ, доходящихъ до 4-хъ градусовъ.
IV уч.	"	Озимые хлѣба только что вышли изъ подъ снѣга.		Сѣнокосы стоятъ еще подъ водою и частью подъ снѣгомъ.	Полевья работы еще не начались, такъ какъ почва, освободившись отъ снѣга, не оттаяла. Въ общемъ весна запоздала и растительная жизнь не пробуждалась до сего времени.

Вейсен-
штейнскій.13 Апрѣля
1893 г.

Поля уже почти совершенно обнажены отъ снѣга, который сохранился лишь мѣстами у лѣсныхъ опушекъ, заборовъ и во рвахъ. Внутри лѣсовъ снѣгу еще много. Озимы вышли изъ подъ снѣга въ хорошемъ видѣ. Пока же еще нельзя судить о вредѣ, нанесенномъ озимымъ посѣвамъ холодными сѣверовосточными вѣтрами и морозными ночами. такъ какъ почва оттаяла не болѣе двухъ, вершковъ, а при отсутствіи дождей, ея растительная

Въ настоящее время вывозится на поля навозъ, но къ обработкѣ полей подъ яровые посѣвы и картофель еще не приступали.

Травы еще не зеленѣютъ, вслѣдствіе холодной и сухой погоды.

Истекшая зима, отличаясь постоянствомъ, была изъ ряду вонъ сурова и необыкновенно обильна снѣгомъ, оттепелей не было всю зиму. Въ мартѣ и апрѣлѣ снѣгъ испарился безъ проникновенія влаги въ почву, которая до сего времени не оттаяла и, при полномъ отсутствіи дождей, выпадаетъ перѣдко снѣжокъ. Температура днемъ, при непрерывно ясной погодѣ, не превышаетъ $+ 6^{\circ} \text{R.}$, по ночамъ же понижается до $- 5^{\circ} \text{R.}$ Если, метеорологическія условія не измѣнятся, то можно ожидать неурожая.

Уѣздъ.	Число.	Озимый хлѣбъ.	Яровой хлѣбъ.	Травы.	Замѣчанія.
Гапсаль-скій.	14 Апрѣля 1893 г.	дѣятельность не начиналась. Цвѣтъ озимей пока желтый.			
Ревельскій.	1 Мая 1893 г.	Всходы озимаго хлѣба удовлетворительные.			Мѣстами уже начались полевая работы, весна холодная, до 24 Апрѣля по ночамъ были морозы, съ 25 числа температура повысилась. Вредныхъ для растительности насѣкомыхъ не замѣчается.

Вейсенштейнскій.	29 Апрелья 1893 г.	Озимы позеленѣли и ростъ ихъ начался. По видимому суровая зима и затѣмъ весенніе холода не причинили озимымъ посѣвамъ никакого вреда. На поляхъ, поврежденныхъ еще осенью слизняками (улитками), мѣстами всходовъ вовсе нѣтъ, мѣстами же они очень рѣдки.	Обработка полей подъ яровые посѣвы и картофель началась 24-го Апрелья. Почва почти совсемъ оттаяла.	Всходы клевера хороши и ростъ полевыхъ травъ начался. Двухлѣтній же клеверъ нѣсколько пострадалъ.	За послѣдніе дни, именно съ 24 апрѣля весна значительно подвинулась впередъ. Снѣгъ быстро исчезаетъ, даже въ лѣсахъ. Сегодня въ полдень термометръ показывалъ + 14° R. въ тѣни.
Галсальскій.	29 Апрелья 1893 г.	Очистившись отъ снѣга, озимые посѣвы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уѣзда пострадали отъ бывшихъ почныхъ морозовъ, такъ что пере-	Но случаю позднего наступленія весны къ разработкѣ полей подъ яровой хлѣбъ еще не приступлено.	Ростъ травъ замедляется за отсутствіемъ теплой погоды.	28 апрѣля послѣ полудня прошелъ дождь при сравнительно теплой температурѣ, который несомнѣнно принесетъ пользу растительности и въ особенности, пострадавшимъ отъ холодовъ, озимымъ посѣвамъ.

Уѣздъ.	Число.	Озимый хлѣбъ.	Яровой хлѣбъ.	Травы.	Замѣчанія.
Везенберг- скій. I участокъ.	28 Апрѣля 1893 г.	пашка ихъ подъ яровой хлѣбъ бу- детъ неизбѣжна. Не про	изроста	ютъ.	Часто выпадающій снѣгъ предохраняетъ озимые посѣвы отъ ночныхъ морозовъ, бывающихъ еще иногда ночью, и отъ холодныхъ вѣтровъ.
II уч.	„	Всходы ози- мыхъ хлѣбовъ удовлетвори- тельны.	Еще не посѣяны.	Травы еще не взошли.	Продолжаются ночные морозы, дожда еще ни разу не было, а выпадаетъ часто снѣгъ.
III уч.	„	Средній.			Озимы въ волостяхъ Эрасъ и Ментакъ въ неудовлетворительномъ состояніи.
IV уч.	„	Отъ постоян- ныхъ холод- ныхъ вѣтровъ озимые хлѣба почернѣли, при дальнѣйшихъ холодахъ могутъ попортиться		Отъ постоян- ныхъ холод- ныхъ вѣтровъ травы еще не взошли.	Бываютъ еще холодные сѣверные вѣтры, а по ночамъ морозы; 17 апрѣля шелъ дождь и снѣгъ.

Ревельскій.	18 Мая 1893 г.	Всходы озими въ удовлетворительномъ состоянїи.	Посѣвы яровыхъ хлѣбовъ начались въ маѣ мѣсяцѣ.	Луговья травы поднимаются вяло, но всходы клевера и вики хороши.	Сухая, холодная съ вѣтрами погода и по ночамъ морозы препятствуютъ растительности и задерживаютъ посѣвы. Вредныхъ для растительности насѣкомыхъ не замѣчено.
Гапсальскій.	13 Мая 1893 г.	За отсутствіемъ дождей озимые всходы находятся въ неудовлетворительномъ состоянїи.	Къ посѣву яроваго хлѣба приступлено съ первыхъ чиселъ мая.	Ростъ травъ идетъ медленно по случаю недостаточности влаги.	Вредныхъ для растительности насѣкомыхъ въ уѣздѣ не замѣчалось.
Вейсепштейнскій.	13 Мая 1893 г.	Озимые посѣвы удовлетворительны, но развиваются пока слабо, такъ какъ	Посѣвъ овса почти оконченъ, по всходамъ еще очень мало. Посѣвъ картофеля	Ростъ травъ замедляется холодною и сухою погодою.	Въ послѣднія двѣ недѣли погода стояла холодная, вѣтряная и сухая. Съ 9 мая стало теплѣе, температура въ тѣни доходитъ до -15° R. Дожда пока нѣтъ, хотя уже второй день небо облачно.

Уѣздъ.	Число.	Озимый хлѣбъ.	Яровой хлѣбъ.	Травы.	З а м ѣ ч а н і я.
		почва все еще холодна и дождя не было.	начался. На дняхъ приступятъ къ посѣву ячменя.		Несмотря на слабое развитіе травъ, скотъ уже выгоняется на пастбище, за недостаткомъ домашняго корма.
Везербергскій. II уч.	12 Мая 1893 г.	Всходы почти повсемѣстно хорошіе.	Еще не посѣяны.	Начинаютъ всходить.	Послѣднія двѣ недѣли были довольно благоприятны для посѣвовъ, нѣсколько разъ шелъ дождь; хотя были ночные морозы, но они посѣвамъ вреда не причинили.
I уч.	"	Озимые посѣвы взошли, зелень довольно густая.	Сѣютъ.	Начинаютъ произростать.	
III уч.	"	Удовлетворительный.	Начата запашка	Неопредѣлились	Холодные вѣтры мѣшаютъ произростанію
IV уч.	"	Всходы вообще хорошіе.	Еще не посѣяны.	Клеверъ посѣянъ, луговые травы еще неизвѣстны	Приготавливается почва къ посѣву яровыхъ хлѣбовъ, посѣвы замедлились по случаю холодовъ.

Везен- бергскій I уч.	27-го Мая 1893 г.	Произрастаетъ удовлетвори- тельно, зелень довольно густая.	Большею ча- стью уже посѣ- янъ. мѣстами еще сѣтся и мѣстами уже всходитъ.	Произрастаютъ удовлетвори- тельно.	
II уч.	"	Всходы ози- мыхъ хлѣбовъ хорошіе.	Повсемѣстно по- сѣянъ, но еще не взошелъ.	Всходы хоро- шіе.	За послѣднія двѣ недѣли были частые дожди и теплая погода, что весьма благопріятно отозвалось на посѣвахъ.
III уч.	"	Удовлетвори- тельный.	Всходы овса хо- рошіе, прочіе яровые сѣются.	Удовлетвори- тельныя.	
IV уч.	"	Развивается хо- рошо.	Овесь посѣянъ, ячмень сѣтся, картофель поса- жень, овесъ взошелъ.	Всходы хоро- шіе.	Въ виду теплыхъ погодъ и дождей, хлѣба успѣшно развиваются. Вредныхъ насѣ- комыхъ не замѣчено.

Уѣздъ.	Число.	Озимый хлѣбъ.	Яровой хлѣбъ.	Травы.	Замѣчанія.
Вейсепштейнскій.	28-го Мая 1893 г.	Озимые хлѣба мѣстами очень хороши. мѣстами удовлетворительны, мѣстами плохи. Последнее относится къ полямъ, засѣянными сѣменами 1892 г. Ростъ озимей вообще удовлетворителенъ, чему благоприятствуетъ теплая погода и рожь кое гдѣ начинаетъ выбрасывать колосья.	Овесъ повсемѣстно взошелъ и всходы его удовлетворительны. Посадка картофеля закончена, а посѣвъ ячменя приближается къ концу. Почва вообще мало влажна.	Холодные почвы замедляли ростъ клевера и луговыхъ травъ, но въ общемъ они пока хороши.	Погода стояла сухая и вѣтряная съ холодными почвами. Въ послѣдніе дни стало значительно теплѣе и сего числа въ 12 часовъ дня температура + 20° R. въ тѣни.
Галсальск.	28-го Мая 1893 г.	Послѣ выпавшихъ обильныхъ дождей, состояніе озимаго хлѣба значительно улучшилось	Посѣвъ яроваго хлѣба еще не вездѣ оконченъ, всходы не показались.	Вслѣдствіе шедшихъ съ 13-го по 17-го Мая дождей, ростъ травъ пошелъ быстрѣе.	Вредныхъ для растительности насѣкомыхъ не замѣчалось.

Ревельскій	1-го Юня 1893 г.	Состояніе озимы по росту и густотѣ удовлетворительное, за нѣкоторыми исключеніями.	Всходы овса хороши, посѣвы ячменя и садка картофеля продолжаются.	Клеверъ и травы въ удовлетворительномъ состояніи, хотя ростъ медленный.	Бывшіе до 16 Мая дожди, благоприятно повліяли на растительность, но затѣмъ наступившіе холода съ вѣтрами и сухая погода препятствуютъ успѣшному расвитію растений. Ночи весьма холодныя. Полевая работа идутъ успѣшно.
Вейсенштейнскій	10 Юня 1893 г.	Вся рожь уже выколосилась и на дняхъ должно наступить цвѣтеніе. На низкихъ мѣстахъ, рожь коротка и рѣдка, но въ общемъ удовлетворительна. Состояніе пшеницы болѣе удовлетворительно, такъ какъ будучи посѣяна на болѣе удобныхъ мѣстахъ чѣмъ.	Овесъ вообще удовлетворителенъ, хотя развивается слабо. Всходы ячменя слегка пожелтели и на возвышенныхъ мѣстахъ они рѣже чѣмъ на низменныхъ. Картофель повсемѣстно возшелъ.	Ростъ луговыхъ травъ все еще замедляется недостаткомъ влаги и тепла. Клеверъ на болѣе высокихъ мѣстахъ густъ, а на низкихъ рѣдокъ.	Послѣ довольно продолжительной засухи стали перепадать дожди, имѣвшіе спорадическій характеръ. Температура значительно понизилась и по почамъ термометръ опускается до $+ 2^{\circ}$ R.

Уѣздъ.	Число.	Озимый хлѣбъ.	Яровой хлѣбъ.	Травы.	Замѣчанія.
Гапсальск.	10-го Юня 1893 г.	рожь, она не по- страдала отъ ве- сеннихъ вѣт- ровъ. Озимые всходы колятся и на- ходятся въ удо- влетворитель- номъ состояніи.	Посѣвъ яроваго хлѣба оконченъ повсемѣстно и уже показались всходы, ростъ которыхъ идетъ медленно.	Травы нахо- дятся въ удо- влетворитель- номъ состояніи, къ покосу еще не преступлено.	Вредныхъ для растительности насеко- мыхъ не замѣчалось. Съ 2-го по 10-ое іюня погода стояла холодная, которая однако хлѣбной растительности вреда не причинила, а лишь замедлила ея развитіе.
Везен- бергскій I участокъ.	9-го Юня 1893 г.	Удовле	твори	тельны	
II уч.	„	Въ удовлетвори- тельномъ состо- яніи.	Всходы яро- выхъ хлѣбовъ удовлетвори- тельны.	Травы хороши.	За послѣднія двѣ недѣли не было дождя. погода теплая и сухая.
III уч.	„	Удовле	твори	тельны	Въ волости Ментакъ яровой хлѣбъ не вполнѣ удовлетворительный.
IV уч.	„	Озимый хлѣбъ стоитъ хорошо но нуждается въ дождѣ.	Яровой хлѣбъ и картофель въ хорошемъ состояніи, по	Травы въ хоро- шемъ состояніи, но нуждаются въ дождѣ.	Погода стоитъ сухая и теплая.

			нуждаются въ дождѣ.		
Ревельскій	11-го Іюня 1893 г.	Рожь выколосилась, ростъ и густота удовлетворительны.	Посѣвъ яровыхъ законченъ, всходы ихъ въ среднемъ состояніи, картофель подымается.	Полевья травы пока удовлетворительны, но луговья, особенно на высокихъ мѣстахъ, плохи за отсутствіемъ дождя.	Погода сухая, съ вѣтрами, дождей почти не было, почему ростъ и развитіе посѣвовъ и травъ задерживаются.
Вейсенштейнскій	22-го Іюня 1893 г.	Цвѣтеніе ржи происходитъ при благоприятныхъ условіяхъ. Озимая пшеница еще не выколосилась.	Перепадавшіе дожди оживили яровые посѣвы; овесъ и ячмень поправились. Ростъ картофеля удовлетворителенъ.	Травы немного оправились и мѣстами началась уборка лугового сѣна. Клеверъ же пока коротокъ.	Въ послѣднія двѣ недѣли стояла теплая погода, сопровождаемая умеренными дождями. Вообще атмосферическихъ осадковъ слишкомъ мало. Не было еще ни одной грозы съ начала весны. Вчера температура понизилась и термометръ показываетъ всего + 9° R. въ тѣни. Небо обочно.
Галсальск.	23-го Іюня 1893 г.	Озимые всходы выколосились и начали цвѣсти, состояніе ихъ	Всходы ярового хлѣба находятся въ удовлетворительномъ состо-	Травы хороши, къ покосу еще не приступлено.	Вредныхъ для растительности насѣкомыхъ не замѣчалось. Погода стоитъ сухая и прохладная, которая замедляетъ развитіе всей вообще растительности.

Уѣздъ.	Число.	Озимый хлѣбъ.	Яровой хлѣбъ.	Травы.	Замѣчанія.
		въ общемъ удовлетворительно.	янии; ростъ же ихъ идетъ сравнительно медленно по случаю сухой, и прохладной погоды.		
Везенбергскій	22-го Юня 1893 г.	Въ хорошемъ состоянн.	Всходы хорошие.	Хорошія.	Выпавшіе дожди благопріятно подѣйствовали на растительность.
I уч.					
II уч.	"	Въ хорошемъ состоянн.	Всходы за малыми исключениями въ хорошемъ состоянн.	Хорошія.	За послѣднія двѣ недѣли были обильные и теплые дожди.
III уч.	"	Удовле	твори	тельны.	
IV' уч.	"	Рожь стоитъ хорошо, мѣстами начинаеть уже цвѣсти.	Яровые хлѣба хорошіе.	Хорошія.	Погоды стоятъ благопріятныя, шель дождь въ теченн 1 1/2 сутокъ.

Ревельскій	28-го Іюня 1893 г.	Рожь зацвѣта- еть, ростъ ея до- ходитъ до 4 футъ, густота и дород- ность удовле- творительныя.	Послѣ выпав- шихъ дождей яровые нѣсколь- ко поправились и состояніе ихъ удовлетвори- тельное, мѣ- стами однако плохое.	Травы поправи- лись и мѣстами начался покосъ, ождается уро- жай средній.	Были незначительные дожди. погода теп- лая; недостатокъ дождей отражается на ростѣ травъ и на яровыхъ въ общемъ не благоприятно. Съ 19 Іюня холодный вѣтеръ. Вредныхъ для растительности насекомыхъ не замѣчено.
Гапсальск.	10-го Іюля 1893 г.	Колосъ нали- вается. Хлѣбъ продолжаетъ находиться въ удовлетвори- тельномъ состо- яніи.	Яровой хлѣбъ началъ коло- ситься, развитіе его идетъ срав- нительно мед- ленно по слу- чаю отсутствія достаточной влаги почвы.	Къ покосу при- ступлено повсе- мѣстно съ 25 Іюня, травы до- брокачествен- ныя, сборъ сѣна предвидится средній.	Вредныхъ для растительности насеко- мыхъ не замѣчалось.
Везен- бергскій. I участокъ.	9-го Іюля 1893 г.	Хо	роши.	Начали косить.	

Уѣздъ.	Число.	Озимый хлѣбъ.	Яровой хлѣбъ.	Травы.	З а м ѣ ч а н і я.
II уч.	9-го Юля 1893 г.	Въ удовлетво- сто	рительномъ со- яннн.	Травы хорошія; клеверъ удовле- творителенъ.	Уборка сѣна началась съ 25-го іюня, погода до сего числа благопріятствовала уборкѣ, съ 2-го іюля пошелъ дождь, сѣно оконча- тельно еще не убрано.
III уч.	„	Удовле	творитель	ные.	
IV уч.	„	Рожь отцвѣла, ожидается хоро- шій урожай, пшеница также.	Яровые хлѣба въ хорошемъ со- стояннн, ранніе посѣвы лучше позднихъ. Кар- тофель также удовлетворите- ленъ, еще не цвѣтеть.	Травы почти по- всюду хорошія. Сѣнокосъ на- чался.	Погода стоитъ прохладная, почти холод- ная, иногда бываетъ дождь. вредныхъ на сѣнокосныхъ не замѣчалось.
Вейсен- штейнскій.	9-го Юля 1893 г.	Наливъ ржи за- кончился, а пше- ница отцвѣла. Повидимому хо- рошій урожай озимыхъ обез- печенъ.	Яровые хлѣба колосятся. Овсы довольно рѣдки, ячмени лучше. Картофель начи- наетъ цвѣсти.	Покосъ луго- выхъ травъ еще не оконченъ, частые дожди нѣсколько за- держиваютъ уборку сѣна.	Въ послѣднія двѣ недѣли стояла теплая, подчасъ жаркая, погода, сопровождаемая достаточнымъ количествомъ атмосфер- ныхъ осадковъ.

Ревельскій.	13-го Юля 1893 г.	Рожь отцвѣла и начинаетъ срѣвать, состояніе ея по росту и доходности хорошее.	Яровые мѣстами начинаютъ колоситься и состояніе ихъ среднее, ростъ картофеля удовлетворителенъ.	Уборка клевера, качество котораго не вполне удовлетворительно, началась.	Сѣнокосъ продолжается; урожай сѣна считается посредственнымъ.	Въ послѣдніе дни благоприятные для растительности дожди перепадаютъ.
Везенбергскій I участокъ.	24-го Юля 1893 г.	Весьма хороши.		Скошены, но урожай не такой обильный, какой ожидался.		
II уч.	"	Въ хорошемъ	состояніи.	Травы скошены.		За послѣднія двѣ недѣли были частые дожди.
III уч.	"	Хорошіе.	Хорошіе.	Хорошія.		
IV уч.	"	Стоитъ хорошо, колосъ нали- вается.	Стоитъ хорошо, колосится.	Сѣно косится, сборъ будетъ въ- роятно хорошій.		Ясные жаркіе дни смѣнились дождями съ грозой.

Уѣздъ.	Число.	Озимый хлѣбъ.	Яровой хлѣбъ.	Травы.	Замѣчанія.
Вейсенштейнскій.	24-го Іюля 1893 г.	Рожь подсыхаетъ и жатва ея начнется на будущей недѣлѣ, слѣдуетъ ожидать хорошаго урожая — колосья крупень, тяжелы и въ среднемъ заключаетъ 30 зеренъ. Наливъ пшеницы заканчивается. Вслѣдствіе проливныхъ дождей, рожь и пшеница въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полегли, но такъ какъ это случилось со спѣлой рожью, то послѣдняя не страдаетъ.	Ячмень и овесъ выколосились уже вполне. Поздніе ячмени на жирныхъ поляхъ полегли. Урожай ячменя предвидится выше средняго. Овесъ остается рѣдкимъ. Горохъ хорошъ. Картофель въ полномъ цвѣту и вообще очень хорошъ.	Уборка клевера и луговыхъ травъ закончена. Урожай количественно ниже средняго, качественно же отмытый.	Погода жаркая съ грозами. 20-го іюля въ 2 часа по полудни термометръ показывалъ + 25° R. въ тѣни. 16 іюля разразилась сильная гроза съ крупнымъ градомъ, побившимъ на Юргенсбергскихъ и Орисарскихъ поляхъ до 160 десятинъ озимаго и яроваго хлѣба. Убытокъ не менѣе 8000 руб. Въ послѣдніе дни стало свѣжѣе, хотя термометръ даже по ночамъ не опускался ниже + 10° R.

Ревельскій.	28-го Іюля 1893 г.	Рожь успѣшно дозрѣваетъ и урожай предвидится хорошій.	Яровые выко- лосились и на ростъ ихъ благо- приятно по- вліяли дожди. Картофель цвѣ- тетъ и состояніе его хорошее.	Уборка сѣна мѣ- стами окончена; пастушившіе же дожди мѣшаютъ дальнѣйшему окончанію.	16-го іюля первая гроза и съ этого времени по вечерамъ ежедневные грозовые дожди. Того же числа по югозападной части Рапельскаго прихода и частью въ Ердескомъ приходѣ выпалъ градъ, величиною до голубиного яйца и побилъ на нѣко- торыхъ поляхъ хлѣба и овощи. Погода жаркая.
Гапсаль- скій	30-го Іюля 1893 г.	Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приступлено къ жатвѣ; хлѣбъ находится въ удовлетвори- тельномъ состо- яніи.	Яровой хлѣбъ выколосился; зерно наливає- ся; состояніе хлѣба удовле- творительное.	Уборка сѣна еще не окончена.	Вредныхъ для растительности пасѣкомыхъ не замѣчалось.
Ревельскій.	13 Августа 1893 г.	Жатва ржи на- чалась съ 25 іюля и нынѣ повсе- мѣстно окон- чена; въ нѣко- торыхъ хозяй- ствахъ присту-	Рапняго посѣва яровые созрѣли и остальные хо- рошо доспѣ- ваютъ, состояніе яровыхъ вообще хорошее.	Мѣстами сѣно- косъ еще не оконченъ, уро- жай сѣна сред- ній, по качест- вомъ хорошій.	Хлѣба, побитые 16 іюля с. г. въ Рапельскомъ приходѣ градомъ, хотя попра- вились, но урожай ихъ илохъ. Погода перемѣнная, по въ общемъ теплая; въ началѣ августа была значительно холодная и дождливая.

Уѣздъ.	Число.	Озимый хлѣбъ.	Яровой хлѣбъ.	Травы.	Замѣчанія.
Вейсенштейнскій. I уч.	13 Августа 1893 г.	пшли къ молотбѣ, посѣвъ озимыхъ уже начался. Рожь убрана повсемѣстно и у крестьянъ свежена, у помѣщиковъ же частью только. Урожай ея можетъ быть признанъ среднимъ. Умолотъ ржи для посѣвадетъ отъ 95 до 105 пудовъ зерна хорошаго качества съ десятины. Посѣвъ ржи начался. Жатва пшеницы	Жатва ячменя и ранняго овса уже началась. Овесъ и ячмень созрѣли настолько, что уборка ихъ можетъ быть начата въ концѣ этой недѣли. Ранній ячмень уже убранъ. Ячмень очень хорошъ, а овесъ, будучи посѣянъ очень рано, вслѣдствіе холодной весны, развивался медленно и плохо и нужно ожидать	Уборка клевера и луговыхъ травъ вездѣ закончена и сѣно убрано. Урожай клевера средний, луговыхъ же травъ немного выше средняго.	Со 2 августа погода рѣзко измѣнилась и температура значительно понизилась, по ночамъ даже до 0°R. , а днемъ не превышала въ тѣни $+9^{\circ}$ и 10 R. Въ ночь съ 6 на 7 Августа сѣверный вѣтеръ измѣнился въ западный, выпалъ обильный дождь и температура снова повысилась; днемъ температура доходитъ до $+20^{\circ} \text{R.}$ въ тѣни, а по ночамъ не падаетъ ниже $+9^{\circ} \text{R.}$ Небо ясное и условія для уборки хлѣба самыя лучшія. — Въ ночь съ 10 на 11 августа надъ уѣздомъ разразилась чисто лѣтняя гроза съ проливнымъ дождемъ. Къ 4 ч. утра небо прояснилось и температура въ 10 ч. утра $+17^{\circ} \text{R.}$ въ тѣни.

II уч.	окончена и уро- жай ея можетъ быть признанъ выше средняго.	урожая ниже средняго. Ростъ гороха очень удовлетво- рителенъ. Кар- тофель дастъ		
	Пробные умо- лоты даютъ до 115 пудовъ съ десятины и уро- жай можетъ быть признанъ выше средняго. Уборка пше- ницы, которой во 2 уч. сѣютъ очень мало нач- нется съ буду- щей недѣли.	большой урожай и очень высо- каго качества, если не будетъ ночныхъ мо- розовъ.		
Везенберг- скій.	10 Августа 1893 г.	Жнутъ.	Удовлетвори- тельный.	Скошены.
II уч.	"	Жатваначалась, предвидится хо- рошій урожай.	Въ хорошемъ состояніи, въ особенности яч- мень.	Скошены.

Уѣздъ.	Число.	Озимый хлѣбъ.	Яровой хлѣбъ.	Травы.	Замѣчанія.
Ш уч.	10-го Августа 1893 г.	Хо	ро	ше.	
IV уч.	"	Жатва озимаго хлѣба вскорѣ окончится; урожай ожидается довольно хорошій.	Поспѣваетъ.	Сѣнокосъ продолжается.	Погоды стоятъ теплыя; съ 1 августа стали прохладны; выпали дожди.
Гапсальск. I уч.	4-го Августа 1893 г.	Озимый хлѣбъ въ весьма удовлетворительномъ состояннн, Уборка началась съ послѣднихъ чиселъ іюля мѣсяца.	Состояніе яровыхъ хлѣбовъ хорошее, вслѣдствіе выпавшихъ повсемѣстно въ достаточномъ количествѣ дождей.	Уборка сѣна повсемѣстно окончена.	Дождя во всемъ участкѣ не было. 18 и 20 минуваго іюля происходили грозы съ дождемъ и бурю, неповредившія хлѣбамъ. Средняя температура воздуха съ 20 Іюля по 4 августа была отъ 15°—18° R.
II уч.	5-го Августа 1893 г.	Озимый хлѣбъ въ хорошемъ состояннн, часть уже сжатъ; начинаютъ молотить.	Яровой хлѣбъ весьма удовлетворительный, колосы созреваютъ и наполняются зерномъ.	Травы уже скошены и убраны.	Въ продолженнн іюля мѣсяца по берегамъ заливовъ Нуке и Матсасъ, въ которые входятъ волости Пашлепъ, Рикгольцъ, Сутлепъ и Синалепъ выпадалъ дождь около 6 разъ, а въ приходахъ Ретель и Мартенсъ дождя выпадало срав-

		Урожай вышелъ во всѣхъ волостяхъ безмало одинаковъ и далъ самъ восемь.			нительно мало. Атмосферическихъ явлений, какъ то грозъ, градопаденія, что могло бы препятствовать подростанію и созрѣванію хлѣбовъ, по всему участку не было.
III. уч.	6 Августа 1893 г.	Рожь жнетя; въ удовлетворительномъ состояніи.	Удовлетворительный.	Удовлетворительны.	23 и 24 іюля выпали сильные дожди. Средняя температура 18° R.
IV уч.	3 Августа.	Хорошіи.	Хорошіи.	Съ полей собраны.	Погода въ 4 участкѣ за вторую половину іюля мѣсяца стояла ровная, сильныхъ и продолжительныхъ дождей не было, температура въ среднемъ была 18° R. посѣвы стоятъ хорошіе, также и жатва предвидится хорошая; 16 іюля днемъ въ Мерьямской волости въ имѣніяхъ Старо-Мерьяма и Педуа выпалъ крупный градъ, продолжавшійся около 15 минутъ; убытки, причиненные этимъ градомъ въ Старо-Мерьямѣ у помѣщика Шеля, простираются до 3000 руб., а въ им. Педуа у помѣщика Раудита — до 1000 руб.

Уѣздъ.	Число.	Озимый хлѣбъ.	Яровой хлѣбъ.	Травы.	Замѣчанія.
Везенберг- скій. I уч.	25 Августа 1893 г.	Сжать; урожай ождается удовлетвори- тельный. Ози- мый хлѣбъ буду- щаго года мѣ- стами уже по- сѣянъ.		Скошены.	Въ послѣдніе дни настала холодная по- года; градусникъ днемъ показываетъ не болѣе 12° а передъ восходомъ солнца 4°, погода пасмурная, по временамъ идетъ крупный дождь, сильный холодный вѣтеръ.
II уч.	„	Жатва окончена благополучно.	Яровой хлѣбъ въ очень хоро- шемъ состояніи, жатва началась.	Убраны.	За послѣднія двѣ недѣли частые дожди и холода во всемъ участкѣ; въ Вакской волости выпалъ градъ, но мелкій и не причинившій посѣвамъ вреда, а земле- владѣльцамъ убытка. Температура воз- духа днемъ + 8 до 12° R., а по ночамъ понижилась до + 1° R. и въ ночь на 18 августа даже до нуля.
III уч.	„	Хорошій.	Хорошій.	Хорошія.	Съ 10 августа по всеѣмъ волостямъ дождь, погода холодная, по утрамъ температура воздуха колеблется между + 6 и 3° R.; холодный вѣтеръ.

IV уч.	25 Августа 1893 г.	Озимая пшеница и рожь большею частью посеяны. Пробный вымолотъ далъ довольно хорошіе результаты.	Жатва начата, овесъ обѣщаетъ средній урожай; ячмень и картофель довольно хорошіе.	Сѣнокосъ кончился.	Погоды стоятъ холодныя, дождливыя, температура около $+15^{\circ}$ R. особенно въ послѣднюю недѣлю, дожди падаютъ почти каждый день, иногда мелкій градъ, который вреда хлѣбамъ не причинялъ. За послѣдній періодъ грозъ не было.
Вейсентштейнскій.	26 Августа 1893 г.	Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ молотба озимаго хлѣба закончена. Качество зерна очень хорошее. Въсь четверти ржи 9 пуд. 20 ф. а пшеницы 10 пуд. Гораздо хуже зерно лишь въ мѣстностяхъ 2 уч., гдѣ для посева прошлой осенью было употреб-	Жатва ячменя и овса закончена. Окончательная уборка ихъ задержана дождливою и холодною погодою. Урожай ячменя въ общемъ хорошій, овесъ качествомъ хорошъ, количественно же ниже средняго. Горохъ хорошъ и уборка его заков-	Съ 15 августа температура понизилась. Ночи стали очень холодными, термометръ падалъ до 0° R. Высшая температура днемъ не превышала $+11^{\circ}$ R. 18 августа въ Тургельскомъ и Петрискомъ приходахъ 1 участка выпалъ градъ, не причинившій, впрочемъ, никакого вреда. Отъ ночныхъ морозовъ пострадали огородныя овощи, особенно огурцы. Урожай яблоковъ ниже средняго.	

Уѣздъ.	Число.	Озимый хлѣбъ.	Яровой хлѣбъ.	Травы.	Замѣчанія.
Ревельскій.	1-го Сентября 1893 г.	<p>Молотьба уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окончена.</p> <p>Озимые посѣвы окончены и всходы такъ-вѣхъ удовлетворительные.</p>	<p>Жатва яровыхъ приходитъ къ концу. Урожай средний.</p>		<p>Погода стоитъ холодная съ частыми дождями и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уѣзда термометръ нѣсколько разъ показъ ниже 0°. Отъ холода пострадали картофель и овощи.</p>

II уч.	25-го Августа 1893 г.	Озимые посѣвы повсемѣстно окончены, качество коихъ по весьма незначительному всходу опредѣлить еще нельзя.	Яровые хлѣба, жатва которыхъ уже повсемѣстно началась, находятся въ хорошемъ состояннн.		Погода стоитъ въ большинствѣ случаевъ сухая и холодная, въ послѣдннє четыре дня пасмурная при сильныхъ сѣверныхъ вѣтрахъ и дождѣ; ночи холодныя. Температура воздуха стоитъ днемъ отъ 4 до 7° и ночью отъ 2 до 4° тепла. 18 и 20 августа ночью былъ морозъ до — 1° R. Грозъ и града въ участкѣ не было, а также вредныхъ для растительности насѣкомыхъ замѣчаемо не было.
I уч.	25-го Августа 1893 г.	Урожай удовлетворительный, жатва окончена, молотятъ, а въ нѣкоторыхъ волостяхъ посѣвъ ржи окончень и уже показываются всходы.	Урожай яроваго хлѣба удовлетворительный, уборка окончена.	Урожай сѣна хорошнй.	Погоды съ 12 по 15-ое августа по всему участку были большею частью дождливыя, температура воздуха отъ 6 до 9°, въ ночь на 20-ое августа былъ морозъ, истребившнй стебли картофеля, градобитнй не было и вредныхъ для растительности насѣкомыхъ не появлялось.

Уѣздъ.	Число.	Озимый хлѣбъ.	Яровой хлѣбъ.	Травы.	З а м ѣ ч а н і я.
Ш уч.	23-го Августа 1893 г.	Молотба не вездѣ еще окончена; посѣвъ озимаго хлѣба законченъ и всходъ его удовлетворителенъ.	Жатва яровыхъ, начавшаяся въ первой половинѣ мѣсяца, продолжается.		Наступила ежедневно дождливая погода, и температура замѣтно понижается: днемъ до $+ 5^{\circ}$ и по ночамъ до 0° , а въ ночь на 20-ое августа былъ морозъ до $- 2^{\circ}$, коимъ поморожены зелень картофеля и прочія болѣе нѣжные растенія и овощи.
Галсальск. I участокъ.	19-го Августа 1893 г.	Жатва озимаго хлѣба повсемѣстно окончена. Посѣвъ озимаго хлѣба начался.	Состояніе яровыхъ хлѣбовъ хорошее, жатва началась въ среднихъ числахъ сего августа.	Сѣно убрано.	19-го августа выпалъ градъ съ дождемъ неповредившій хлѣбамъ. Грозь съ 5 по 19 августа не было; дожди же выпадали за означенное время часто. Средняя температура воздуха съ 5 по 19-ое августа была отъ $+ 12$ до $+ 15^{\circ}$ R.
II уч.	18-го Августа 1893 г.	Съ первыхъ чиселъ августа текущаго года начались посѣвы озимаго хлѣба.	Съ половины августа началась жатва яроваго хлѣба.		Дожди съ 5 по 20 сего августа проходили весьма часто одинаково повсемѣстно 14 августа прошелъ черезъ волости Ляхтро, Руде, С-Мартенсъ, Тайбель и Спаленъ градъ, побилъ яровой хлѣбъ къ землѣ.

Ш уч.	20-го Августа 1893 г.	Даль средний урожай.	Приступлено къ жатвѣ.	Въ общемъ средній урожай, но хорошаго качества.	Съ 7 августа начались дожди, которые вплоть до 20 августа постепенно увеличивались, почему замедлилась жатва яроваго хлѣба. Дожди сопровождались относительно низкою температурою и тѣмъ вызываютъ опасенія, что ячмень не успеетъ дозрѣть. Съ 15 по 18 ночи были морозны, отчего верхи картофеля почернѣли. Средняя дневная температура $+ 9^{\circ}$.
IV уч.	20-го Августа.	Урожай хороший.	Хорошѣ.		Погода стояла ровная, выпадали дожди, но незначительные и непродолжительные. Температура воздуха днемъ колебалась около $+ 15^{\circ}$ R. Ночью термометръ падалъ до 5 и $+ 3^{\circ}$. Вѣдствій, имѣющихъ значеніе на сельское хозяйство, не было во всемъ участкѣ.
Вейсенштейнскій.	8-го Сентября 1893 г.	Всходыозимыхъ хлѣбовъ густы и вообще очень хороши. Молотба задержалась.	Яровые хлѣба до сего времени не свезены, вслѣдствіе не прерывныхъ и весьма		Съ 25-го августа погода стояла ненастная и холодная. Температура за это время почти не поднималась до 10° R, а въ ночь съ 6 на 7 сентября термометръ упалъ до $- 1^{\circ}$ R. 7-го сентября съ утра

Уѣздъ.	Число.	Озимый хлѣбъ.	Яровой хлѣбъ.	Травы.	З а м ѣ ч а н і я.
		сырою, крайне влажною, погодою.	обильныхъ дождей. Качество зерна сильно пошло по той же причинѣ. Много зерна проросло. На дняхъ приступать къ выкапыванію картофеля.		подулъ южный вѣтеръ, но потеплѣло лишь къ вечеру. Сегодня при ясной погодѣ и тепломъ южномъ вѣтрѣ термометръ показывалъ въ полдень $+ 15^{\circ}$ R. въ тѣни.
Везенберг-скій IV уч.	7 Сентября 1893 г.	Озимые посѣвы всходятъ.	Вслѣдствіе ежедневныхъ дождей, хлѣбъ и картофель убранъ быть не можетъ.		Постоянные дожди при низкой температурѣ около 10° R. Гроза была 24 августа сего 1893 г.
I уч.	„	Посѣяны. Поля покрыты хотя и высокою, но рѣдкою зеленью.	По случаю обильнаго дождя не можетъ быть убранъ съ полей, можетъ сгнить.		Уже третья недѣля какъ не проходитъ день безъ дождя, днемъ рѣдко болѣе $+ 10^{\circ}$ R., а ночью около $+ 4^{\circ}$ R.; въ прибрежныхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ деревнѣ Везо, замѣчалось даже $+ 3^{\circ}$ R.

Н уч.	7 Сентября 1893 г.	Жатва вездѣ окончена. Чет- верть ржи отъ 9—10 пудовъ вѣсомъ.	Жатва продол- жается; по слу- чаю дождей за- держивается.	Убраны.	Картофель отъ непрерывнаго дождя началъ мѣстами гнить. За послѣднія двѣ недѣли были постоянные дожди, которые крайне мѣшаютъ свое- временной уборкѣ яровыхъ хлѣбовъ; ночныхъ морозовъ не было. Температура воздуха днемъ отъ + 6° до + 10° R.; ночью отъ + 2 до + 5° R.
III уч.	X o	р o ш i	e.		Все время погода стоитъ во всемъ участкѣ дождливая и холодная.
Галсальск. I уч.	3 Сентября 1893 г.	Новый посѣвъ озимаго хлѣба повсемѣстно оконченъ, всхо- ды удовлетво- рительны.	Уборка яроваго хлѣба окончена.	Уборка сѣна окончена къ 1 минувшаго ав- густа.	Съ 19 августа по 3 сентября въ уча- сткѣ градобитій не было. Дождя за озна- ченное время выпадало много, но онъ не повредилъ еще хлѣбамъ. Температура по Реомюру стояла днемъ ниже + 11.

Уѣздъ.	Число.	Озимый хлѣбъ.	Яровой хлѣбъ.	Травы.	Замѣчанія.
II уч.	3 Сентября 1893 г.	Озимый хлѣбъ посѣянъ.	Яровой хлѣбъ съ полей убранъ. Урожай даль самъ 7.		Дожди проходили весьма часто. Грозь, могущихъ препятствовать произрастанію и созрѣванію хлѣба, не было. Посѣвы озимаго хлѣба опоздали на двѣ недѣли, вслѣдствіе чего произрастаніе по случаю суровыхъ дней происходитъ медленно и при томъ повсемѣстно под- тачиваетъ червь.
III уч.	5 Сентября 1893 г.		Выпадающіе дожди задержали жатву яч- меня, а уже сжа- тый нельзя свезти съ полей. Ожидаютъ средній урожай.		Дожди съ 20 августа шли черезъ день и почти каждую ночь, что вызываетъ опасенія, чтобы картофель не сталъ портиться. Средняя дневная температура 10°. Дожди всегда сопровождались сильнымъ вѣтромъ съ Юго-Запада.
IV уч.	3 Сентября 1893 г.	Урожай хо- рошій.	Урожай удовле- творительный.		Погода переменная, больше дождливыхъ дней, ясныхъ мало. Дожди повліяли на урожай яровыхъ хлѣбовъ. Температура днемъ въ

Ревельскій.
II уч.

8 Сентября
1893 г.

Озимые посѣвы повсемѣстно находятся въ хорошемъ состояніи.

Жатва яровыхъ хлѣбовъ вездѣ окончена.
Постоянный дождь и ненастная погода препятствуютъ уборкѣ хлѣба съ полей.

Ревельскій.

20 Сентября
1893 г.

Всходы озимы находятся въ удовлетворительномъ состояніи.

Уборка яровыхъ мѣстами еще не окончена. Урожай удовлетворительный.
Мѣстами началась уборка картофеля, урожай котораго довольно хорошъ.

среднемъ $+ 12^{\circ}$, ночью термометръ падалъ до 2 и 4° . Морозовъ не было. Бѣдствій, имѣющихъ вліяніе на сельское хозяйство, не было.

Съ 25 августа по настоящее время погоды стоять дождливыя и холодныя. Температура воздуха во все означенное время стоитъ днемъ отъ 4 до 9° и ночью отъ 2 до 4° тепла. Грозъ и града въ участкѣ не было, а также вредныхъ для растительности насѣкомыхъ замѣчаемо не было.

Съ 25 августа погода стоитъ дождливая, холодная, съ вѣтрами. Температура воздуха: 4 до 10° днемъ, и ночью отъ 2 до 4° тепла. Грозъ и градобитія не было.

Уѣздъ.	Число.	Озимый хлѣбъ.	Яровой хлѣбъ.	Травы.	Замѣчанія.
Ш уч.	7 Сентября 1893 г.	Всходы озимы удовлетвори- тельны.	Урожай яро- выхъ считается удовлетвори- тельнымъ; про- должается у- борка ихъ съ полей; мѣстами началась уборка картофеля, сте- пень урожая коего еще не опредѣлена.		Погода осенняя, холодная, дождливая, съ сѣверо-западными вѣтрами.
І уч.	8 Сентября 1893 г.	Озимые посѣвы удовлетвори- тельны.	Уборка яровыхъ хлѣбовъ окон- чена во всѣхъ волостяхъ 1-го полц. участка; урожай удовле- творительный; копка картофеля началась, уро- жай довольно хорошій.	Урожай травъ хорошій.	Погоды съ 25 августа по 8 сентября с. г. стояли дождливыи, температура воздуха была отъ 7 до 10° по Реомюру, градо- битій и грозъ не было и вредныхъ для растительности насѣкомыхъ не появлялось.

Таблица

результатовъ урожая хлѣбовъ и карто-
феля по умолоту сравнительно съ вы-
сѣяннымъ зерномъ въ Эстляндской
губерніи за 1893 годъ.

Уѣздъ	П р и х о д ы	аров. рожь		ар. пшеница	
		влад. хоз.	кр. хоз.	влад. хоз.	кр. хоз.
Ревельскій	Рапель	—	6,12	—	—
	Ерденъ	8,46	—	4,67	5,08
	Егелехгъ	—	3,00	—	—
	Тоганисъ	—	—	—	—
	Юргенсъ	4,55	—	—	—
	Ниси	—	—	—	4,09
	Матіасъ и Крейцъ	—	—	—	4,29
	Кегель	5,56	6,45	5,75	—
	Гагерсъ	5,91	—	—	—
Копъ	4,00	—	—	—	
Кузаль	4,50	3,67	5,44	—	
Итого въ Ревельскомъ уѣздѣ		5,49	4,81	5,29	4,49
Везенбергскій	Якоби	—	—	—	4,50
	Гальяль	6,92	5,78	—	—
	Клейнъ-Маріенъ	—	—	—	5,69
	Магольмъ	7,58	—	—	—
	Псакъ	—	—	7,50	3,75
	Іеве	—	—	—	—
	Дугенгузенъ	—	—	—	—
	Катериненъ	6,61	5,00	—	—
	Везенбергъ	4,37	—	—	8,00
	Вайнара	6,05	—	9,33	—
Симонсъ	—	—	—	—	
Итого въ Везенбергскомъ уѣздѣ		6,31	5,39	8,42	5,49
Вейсенштейнскій	Вейсенштейнъ, Анненъ и Петри	10,00	—	—	—
	Тургель	4,65	—	10,00	—
	Матей	—	—	3,00	3,43
	Тоганисъ	—	—	—	—
	Маріенъ-Магдалененъ	—	—	—	—
	Ампель	—	—	—	—
Итого въ Вейсенштейнскомъ уѣздѣ		7,32	—	6,50	3,43
Гапсальскій	о. Даго	—	—	—	2,00
	Нуке	—	6,40	—	14,00
	Пеналь	—	—	—	6,40
	Ретель	—	4,64	—	6,25
	Фигель	—	—	—	—
	Гольденбекъ	—	—	—	—
	Мерьяза	—	—	—	3,75
	Мартенсъ	—	—	—	—
	Ганель	—	3,33	—	4,00
Леаль, Михаелисъ и Киреферъ	—	4,33	—	4,10	
Итого въ Гапсальскомъ уѣздѣ		—	4,65	—	5,79
Итого въ губерніи		6,09	4,43	6,53	3,67
Итого въ губерніи всего за 1893 г.		5,33		4,63	

овесъ		ячмень		картофель		оз. рожь		оз. пшеница	
влад. хоз.	кр. хоз.	влад. хоз.	кр. хоз.	влад. хоз.	кр. хоз.	влад. хоз.	кр. хоз.	влад. хоз.	кр. хоз.
4,35	2,94	6,23	4,20	3,23	3,23	7,33	4,00	7,45	4,00
4,02	4,38	5,17	5,04	6,25	4,06	7,03	5,69	—	—
4,41	3,00	4,14	3,52	3,90	3,69	7,02	6,12	—	—
5,37	5,00	5,75	5,45	4,27	4,92	8,10	6,22	7,58	—
4,15	2,15	7,30	4,94	4,11	5,42	9,15	7,42	5,00	—
5,98	3,30	5,21	3,68	3,88	3,06	4,37	4,30	4,80	—
4,13	2,72	4,93	3,46	5,15	4,06	5,92	4,42	10,49	8,00
4,47	3,63	5,53	5,18	4,43	5,16	6,51	5,41	—	—
4,87	4,00	4,21	4,85	3,67	3,85	5,83	5,93	—	12,50
4,44	3,65	4,63	5,72	2,64	4,20	6,86	4,22	5,99	5,00
3,44	4,10	5,38	4,00	3,77	5,09	4,97	5,71	—	—
4,51	3,52	5,32	4,55	4,12	4,25	6,64	5,40	6,89	7,38
8,11	4,40	8,81	5,80	4,34	3,50	6,74	5,45	8,89	—
6,64	6,53	5,87	7,30	3,92	4,94	8,11	6,38	—	—
8,18	4,75	8,23	4,99	3,32	3,43	7,05	5,30	9,06	—
5,56	4,82	10,62	6,56	4,91	6,59	7,87	6,23	10,58	10,00
8,24	4,32	7,88	5,07	6,62	4,34	7,26	3,92	4,29	—
6,07	4,29	6,80	4,59	4,47	4,24	10,63	4,78	—	7,50
5,09	4,50	7,79	4,78	8,27	4,16	9,80	7,89	7,57	7,69
4,66	4,03	6,86	4,79	3,82	4,55	5,77	5,05	—	—
8,49	4,13	7,75	6,49	4,24	4,09	9,62	6,79	—	—
6,92	7,74	8,10	9,36	4,88	4,44	8,32	8,00	12,28	—
4,85	3,92	5,92	4,42	3,70	3,17	6,61	4,28	4,00	—
6,62	4,86	7,69	5,83	4,77	4,31	7,98	5,82	8,09	8,39
5,48	4,73	6,22	7,64	3,62	4,07	10,19	6,72	8,25	12,00
5,48	3,36	7,12	4,95	3,99	3,15	6,56	7,19	9,25	8,00
3,76	4,07	4,24	7,83	3,30	3,13	5,33	6,24	6,79	6,00
3,90	4,56	3,74	9,13	3,41	3,96	7,49	6,90	12,53	14,00
7,42	4,18	7,97	5,10	2,92	4,07	7,51	5,81	9,75	9,00
3,88	4,70	6,92	6,45	3,34	4,37	8,76	7,93	8,29	10,67
4,98	4,27	6,03	6,85	3,43	3,46	7,64	6,79	9,14	10,11
5,20	3,55	5,89	4,70	5,30	4,78	5,58	5,01	6,60	5,09
3,82	1,09	6,71	2,36	3,39	4,03	5,90	6,89	3,52	8,00
3,95	4,75	5,64	4,56	4,15	4,12	5,92	6,33	7,50	4,05
5,83	5,05	6,58	6,01	5,55	6,51	6,30	4,84	6,12	5,38
4,23	5,41	4,64	5,74	2,94	5,30	4,55	6,71	3,22	—
6,65	3,43	5,64	4,18	3,49	3,17	5,75	5,16	7,00	3,40
4,87	3,24	6,35	3,11	3,53	3,01	4,84	3,10	4,50	5,63
3,38	5,32	5,52	6,90	5,39	5,52	5,64	4,78	5,25	—
5,12	4,56	5,21	6,28	3,87	4,17	4,90	3,40	2,16	1,50
5,08	6,00	6,62	4,72	5,91	4,45	5,28	6,37	10,71	6,00
4,81	4,24	5,86	4,86	4,35	4,51	5,47	5,26	5,66	3,91
5,28	4,22	4,16	5,37	4,26	4,26	6,95	5,71	7,48	7,37
4,75		4,76		4,39		6,29		7,28	

Приложеніе 4-ое.

**Изданія поступившія въ бібліотеку Комитета
въ теченіи 1893 года.**

1. Извѣстія Имп. Русск. Географ. Общества за 1893 г.
2. Отчетъ " " " 1893 г.
3. Извѣстія Геологическаго Комитета за 1893 г.
4. Извѣстія Петровской Сельской и Хозяйственной академіи. Годъ 16, выш 1. Москва 1893 г.
5. Изданіе Департ. Землед. и Сельской Промышл. 1893 г. въ сельско-хозяйств. отношеніи. СПБ. 1893 г.
6. Изданія Департ. Таможенныхъ Сборовъ.
 - а) Внѣшняя торговля по Европейской границѣ 1893 г.
 - б) Пароходы Россійск. Торговаго флота 1 Января 1893 г.
7. Изд. Деп. Торговли и Мануфактуръ:

Сводъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1890 г. СПБ. 1893 г.
8. Изд. Гл. Управленія Почтъ и Телеграфовъ:

Почтово-телегр. статистика за 1891г. СПБ. 1893 г.
9. Отчетъ по Лѣсному управленію Мин. Госуд. Имущ.
 - а) за 1891 годъ.
 - б) " 1892 "
10. Изданія Имп. Археологической Комисіи.
 - а) Отчетъ за 1889 г. СПБ. 1893 г.
 - б) " " 1890 " " 1893 "
 - в) Матеріалы по Археологіи Россіи № 10. Лядинскій и Томниковскій могильники Тамбовской губ. Изслѣдованіе В. Н. Ястребова. СПБ. 1893.
 - г) Матеріалы по Археологіи Россіи № 11. Древности Юго-Западнаго края. Раскопки въ странѣ древлянъ. В. Б. Антоновича. СПБ. 1893.
11. LXIX засѣданіе Нижегородскаго Губ. Стат. Комитета 19 Марта 1893 г.
12. Изданіе Закавказскаго Статист. Комитета:

- Сводъ данныхъ о землевладѣніи въ Тифлисской и
Кутаисской губерніяхъ. Тифлисъ 1893.
13. Отчетъ о дѣятельности Кіевскаго Губ. Стат. Комитета за 1892 г.
 14. Отчетъ о дѣятельности Якутскаго области. Стат. Ком. за 1891 г.
 15. Отчетъ о личномъ составѣ, средствахъ и занятіяхъ Ковенскаго Губ. Стат. Ком. за 1892 г.
 16. Отчетъ Оренбургскаго Губ. Стат. Ком. за 1892 г.
 17. " Витебскаго " "
 18. " Минскаго " "
 19. Справочная книжка Лифляндской губ. на 1893 г.
 20. Памятная " Псковской " "
 21. " " Гродненской " "
 22. " " Калужской " "
 23. " " Ставропольской губ. "
 24. " " Забайкальской области "
 25. " " Курской губ. "
 26. Статист. Ежегодникъ Финляндіи, издаваемый Центральнымъ Статистическимъ Бюро на 1893 г.:
Гельсингфорсъ 1893.
 27. Всеобщій Календарь на 1893 г.
 28. Адресъ-Календарь, служащихъ въ Курляндской губ. Митава 1893 г.
 29. Учебныя заведенія Курляндской губ. 1890—91 г.
 30. Возстановленіе Православнаго Братства въ г. Якобштадтѣ Курляндской губ. Составилъ М. Лудмеръ 1891 г.
 31. Могильники Тамбовской губерніи. В. Н. Ястребова 1893 г.
 32. Обзоръ*) С.-Петербургской губ. за 1892 г.
 33. " Симбирской " "
 34. " Ярославской " "
 35. " Курской " "
 36. " Олонецкой " "
 37. " Гродненской " "
 38. " Эриванской " "
 39. " Радомской " "
 40. " Оренбургской " "
 41. " Таврической " "
 42. " Харьковской " "
 43. " Могилевской " "

*) Приложеніе ко Всеподданнѣйшему отчету губернатора.

44. Обзоръ Новгородской губ. за 1892 г.
 45. " Рязанской " "
 46. " Кіевской " "
 47. " Орловской " "
 48. " Томской " "
 49. " Вологодской " "
 50. " Владимірской " "
 51. " Калицкой " "
 52. " Енисейской " "
 53. " Уфимской " "
 54. " Курляндской " "
 55. " Тамбовской " "
 56. " Казанской " "
 57. " Московской " "
 58. " Лифляндской " "
 59. " Самаркандской области за 1892 г.
 60. " Закаспійской " "
 61. " Тургайской " "
 62. " Уральской " "
 63. " Терской " " и Терскаго
 Казачьяго войска за 1892 г.
 64. Обзоръ Ферганской области за 1891 г.
 65. " Одесскаго Градоначальства за 1892 г.
 66. " Севастопольскаго " "
 67. Verhandlungen der ehstn. gelehrten Gesellschafft.
 Jahrgang 1892.
 68. Sitzungsberichte " Jahrgang 1892.
 69. Baltische Monatsschrift. Reval 1893.
 70. " Wochenschrift. Jurjew 1893.
 71. Reval's Handel und Schiffahrt. Reval 1893.
 72. Riga's Handel und Schiffahrt. Riga 1893.
 73. Bericht des Revaler Börsen-Comités über seine Thätig-
 keit im Jahre 1892.
 74. Bericht über die Ergebnisse der Beobachtungen an den
 Regenstationen der Kaiserlichen livländischen gemein-
 nützigen u. ökouomischen Societat für das Jahr 1892.
 Jurjew 1893.
 75. Congrès International d'Archeologie et d'Anthropologie
 prehistoriques. 11^{ème} session à Moscou du $\frac{1}{13}$ — $\frac{8}{20}$
 aut 1892. T. II. Moscou 1893.
 76. Jahrbücher für National-Oekonomie u. Statistik. Jena 1893.
 77. Zeitschrift des Königl. Preuss. Stat. Büreaus. Berlin 1893.

78. Statistisches Jahrbuch der Stadt Berlin. Statistik des Jahres 1891. Herausgegeben 1893. Berlin.
 79. Mittheilungen des Statist. Amts des Deutschen Reiches. Berlin 1893.
 80. Mittheilungen des Sächsischen Statistischen Büreaus. Dresden 1893.
 81. Jahrbücher für Bremische Statistik. Jahrgang 1892. Bremen 1893.
 82. Die vorläufigen Ergebnisse der Viehzählung v. 1 Dec. 1892 im Preussischen Staate u. in den Fürstenthümern Waldeck u. Pyrmont. Herausgegeben vom Kgl. Preussischen Stat. Büreau. Berlin 1893.
-

О п е ч а т к а :

Стр. 150 строка 10 сверху слѣдуетъ читать вмѣсто исключительно —
преимущественно.